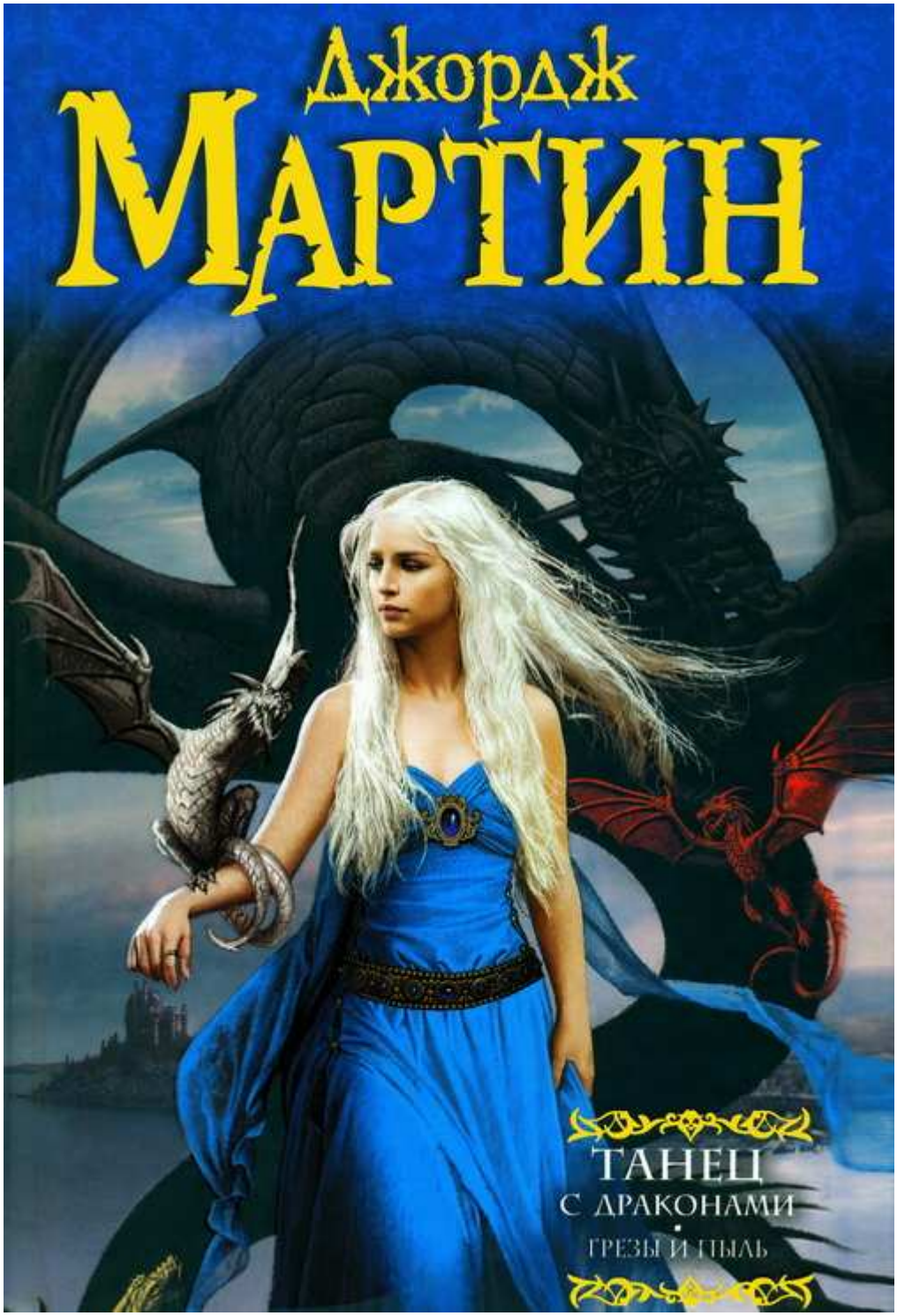
Джордж Р. Р. Мартин
Танец с драконами. Грёзы и пыль

Песнь Льда и Пламени – 5



«Танец с драконами. Грезы и пыль: из цикла «Песнь льда и огня» : [фантаст, роман] / Джордж Р. Р. Мартин; пер. с англ. Н.И. Виленской.»: Астрель; Москва; 2012
ISBN 978-5-271-44921-5

Аннотация

«Танцем драконов» издавна звали в Семи Королевствах войну.

Но теперь война охватывает все новые и новые земли.

Война катится с Севера — из-за Стены. Война идет с Запада — с Островов. Войну замышляет Юг, мечтающий посадить на Железный Трон свою ставленницу. И совсем уже неожиданную угрозу несет с Востока вошедшая в силу «мать драконов» Дейенерис…

Что будет? Кровь и ненависть. Любовь и политика. И прежде всего — судьба, которой угодно было свести в смертоносном танце великие силы.

Джордж Р. Р. Мартин
«Танец с драконами. Грёзы и пыль»

Север
Стылый берег
Зачарованный Лес
Стена
Сумеречная Башня
Черный Замок
Восточный Дозор, Что-у-моря
Тюлений залив
Ледовый залив
Медвежий остров
Последняя река
Карлхолд
Дредфорт, или острог Ужасный
N
Волчий Лес
Винтерфелл, или Злозимье
Белый Нож
Королевский Тракт
Торрхенов Удел
Край курганов
Белая Гавань
Вдовий Дозор
Ров Кейлин
Перешеек
Челюсти
Дозор в Сероводье
Три Сестры
Персты
Близнецы
Железные острова
Сигард, или Поморье
Зеленый Зубец
Орлиное Гнездо
Долина Аррен
Кровавые Ворота
Синий Зубец
Карту составил Джеймс Синклер
Риверран, или Быстроречье
Красный Зубец

Хронологическая справка

Между книгами прошло немало времени, знаю — поэтому небольшое вступление будет кстати.

Книга, которую вы держите в руках, — это пятый том саги «Песнь льда и огня». Четвертый называется «Пир стервятников». Пятая книга не продолжает четвертую в традиционном смысле, а движется параллельно с ней.

И «Пир», и «Танец» начинаются непосредственно после событий, описанных в третьей книге, «Буре мечей». Действие «Пира» происходит в Королевской Гавани и поблизости от нее, на Железных островах, в Дорне. «Танец» переносит нас в Черный Замок и за Узкое море, возобновляя истории Тириона Ланнистера, Джона Сноу, Дейенерис Таргариен и

других персонажей, не участвовавших в четвертой книге. Различия между двумя книгами относятся скорее к географии, чем к хронологии, и скоро исчезнут совсем.

«Танец с драконами» длиннее «Пира» и охватывает более долгий период времени. Во второй половине книги вы снова встретитесь с персонажами «Пира стервятников». Это будет означать именно то, что вы думаете: повествование выйдет за хронологические рамки четвертой книги, и обе линии сольются в одну.

Следующая книга — «Вихри зимы». С надеждой еще раз подрожать вместе,

Джордж Р.Р. Мартин
Апрель 2011

ПРОЛОГ

Ночь разила человеком. Варг принюхался, стоя под деревом; тень легла пятнами на его серо-бурый мех. Насыщенный хвоей ветер нес и другие запахи — лисица, заяц, олень, тюлень, даже волк, — но они тоже были связаны с человеком. Всё это старые шкуры, почти неразличимые под вонью дыма, крови и гнили. Только человек сдирает шкуры с других зверей и надевает их на себя.

Но варги в отличие от простых волков его не боятся. Снедаемый ненавистью и голодом зверь зарычал, призывая своего одноглазого брата, свою хитрую сестричку. Они, тоже чуя поживу, пустились за ним через лес. Их глаза помогали варгу, длинные серые пасти дышали паром. На лапах нарос твердый как камень лед, но впереди ждала добыча. Мясо. Сочная плоть.

В одиночку человек слаб. Видит он хорошо, зато слышит плохо, а чутье — совсем никуда. Олень, лось, даже заяц бегают быстрее него, медведь и вепрь страшнее в бою. А вот человечьи стаи опасны. Варг, приближаясь, слышал щенячий скулеж, хруст свежего снега под неуклюжими лапами, дребезжание твердых шкур и длинных серых когтей.

Мечи , подсказал ему голос внутри. *Копья* .

Голые ветки щерились ледяными зубами. Варг, вздымая снег, мчался через подлесок, остальные за ним — в гору и вниз, пока лес не расступился. Среди людей была одна самка. Детеныша, завернутого в мех, она прижимала к груди. *Оставь ее напоследок* , сказал голос внутри, *самцы опаснее* . Они громко ревели, как это водится у людей, но варг чуял их ужас. Один метнул деревянный зуб с себя ростом, но рука у него дрогнула, и зуб прошел высоко.

Волки напали.

Одноглазый брат повалил в снег метателя зуба и разорвал ему горло. Сестра подобралась сзади к другому самцу и убила его. На долю варга остались самка с детенышем.

У нее тоже был зуб, костяной, но она выронила его, когда варг схватил ее за ногу, — а пискуна своего удержала. Тощая под мехами, кожа да кости, зато в вымени полно молока. Самое вкусное, детеныша, вожак приберег для брата. Снег вокруг стаи сделался красным и розовым.

За много лиг от этого места, в глинобитной, крытой тростником хижине с дымовым отверстием и земляным полом трясся, и кашлял, и облизывался Варамир. Глаза у него покраснели, губы потрескались, в горле пересохло, раздутый живот молил о еде, но рот полнился вкусом крови и жира. «Ребячье мясцо, — думал он, вспоминая Пышку. — Человечинка». Надо же, как низко он пал. Ему прямо-таки слышалось ворчание Хаггона: «Люди могут есть мясо животных, и звери — плоть человека, но человек, едящий себе подобных, мерзок».

«Мерзость». Любимое слово Хаггона. Есть человечину — мерзость; спариваться с кем-то, как волк с волчицей, — мерзость; занимать тело другого человека — наихудшая мерзость. Хаггон был слаб, потому что боялся собственной силы. Он умер, рыдая, когда Варамир отнял у него вторую жизнь и пожрал его сердце. Варамир многому у него научился,

и последним уроком стал вкус человечины.

Он ел ее только в волчьем обличье, в человеческом никогда, а его стая… что ж стая? Они изголодались не меньше, чем он. Двое мужчин и женщина с младенцем убегали от победителей, но от смерти не убежали. Голод и холод все равно убили бы их. Так лучше, быстрей. Милосерднее.

— Милосерднее, — сказал он вслух. Горло саднило, но услышать человеческий голос, даже свой собственный, было приятно. В хижине пахло сыростью и плесенью, сидеть было жестко. Кашляя и содрогаясь попеременно, он подвинулся как можно ближе к огню, который больше дымил, чем грел. Рана, вновь открывшаяся в боку, причиняла ему сильную боль, кровь промочила штанину до колена и запеклась бурой коркой.

Колючка предупреждала, что рана может открыться. «Я зашила ее как могла, — говорила она, — но ты двигайся поменьше и дай ей зажить, иначе шов разойдется».

Копьеносица Колючка осталась с ним до последнего. Крепкая, как старый корень, обветренная, морщинистая, вся в бородавках. Все остальные отставали или уходили вперед — в свои старые деревни, на Молочную, в Суровый Дом или в лес, где их караулила смерть. Не все ли равно куда. Зря он тогда не вселился в кого-то из них. В одного из близнецов, в верзилу со шрамом, в рыжего парня. Побоялся: они могли догадаться, в чем тут дело, и прикончить его. Да и слова Хаггона не давали ему покоя, вот он и упустил случай.

Тысячи их пробирались через лес после битвы под Стеной, голодные и напуганные. Одни поговаривали о возвращении в давно покинутые дома, другие рвались опять штурмовать ворота, прочие, которых было больше всего, вовсе не знали, куда теперь идти и что делать. Они ушли от черных ворон и рыцарей в серой стали, но впереди их поджидали еще более безжалостные враги. Каждый день у тропы оставалось все больше мертвых. Люди гибли от голода, холода, от болезней, от руки бывших соратников, с которыми еще недавно шли на юг в войске Манса-Разбойника, Короля за Стеной.

«Манс пал, — шептались выжившие, — Манс в плену, Манс убит». «Харма мертва, Манс в плену, — говорила Колючка, зашивая ему рану, — все остальные нас бросили. Кто знает, где теперь Тормунд, Плакальщик, Шестишкурый, все другие храбрые воины».

«Она не знает, кто я, — понял тогда Варамир, — да и откуда ей знать». Без своих зверей Варамир Шестишкурый, преломлявший хлеб с Мансом-Разбойником, ничем не отличается от других. Он сам себя назвал Варамиром, когда ему было десять. Имя, достойное лорда, имя для песен, мощное, наводящее страх, однако его носитель улепетывает от ворон не хуже испуганного зайчишки. Копьеносице он открыться не захотел, назвался Хаггоном. Непонятно, почему из всех на свете имен ему подвернулось это. Варамир съел его сердце и выпил кровь, но Хаггон не оставляет в покое ученика.

Однажды к беглецам прискакал разбойник на тощем белом коне. «Идите все на Молочную! — кричал он. — Плакальщик собирает там войско, чтобы перейти Мост Черепов и взять Сумеречную Башню». Многие пошли за ним, многие нет. Позже какой-то грозный воин в янтаре и мехах ходил от костра к костру, убеждая всех идти на север и укрыться в долине теннов. Варамир так и не понял, почему он считает тот край безопасным, раз сами тенны оттуда бежали, но с воином ушли несколько сотен человек. Еще несколько сотен последовали за лесной ведьмой: ей было видение, что некая флотилия идет к берегам Студеного моря, чтобы увезти вольный народ на юг. «К морю!» — призвала Мать Кротиха и увела своих верных на восток.

Будь Варамир крепче, он тоже пошел бы с ними, — но он был ранен и знал, что не дойдет до далекого холодного моря живым. Он умирал уже девять раз: эта смерть станет для него окончательной. Беличий плащ! Его пырнули ножом из-за беличьего плаща!

Владелице плаща разнесли голову всмятку, но вещь уцелела. Шел снег, а Варамир бросил все свое добро под Стеной. Спальные шкуры, вязаные подштанники, овчинные сапоги и меховые рукавицы, мед и другие запасы, волосы женщин, с которыми спал, даже золотые браслеты, подарок Манса. Варамир сгорел заживо, а после бежал, обезумев от боли и ужаса. Он до сих пор испытывал стыд, вспоминая об этом, но он такой был не один.

Другие тоже бежали, сотни и тысячи. Битва была проиграна. Рыцари, неуязвимые в стальной броне, убивали всех, кто пытался оказать им сопротивление. Беги или умирай — вот как обстояло дело.

От смерти, однако, так легко не уйдешь. Когда Варамир стал снимать плащ с мертвой женщины, мальчишка бросился на него, пырнул костяным ножом и отнял добычу.

«Это была его мать, — объяснила Колючка, когда мальчишка убежал в лес. — Он увидел, как ты ее раздеваешь, ну и…»

«Она была мертвая, — оправдывался Варамир, морщась от костяной иглы, протыкавшей кожу. — Кто-то из ворон проломил ей голову».

«Не вороны, нет. Рогоногие, я сама видела. — Игла Колючки сновала туда-сюда. — Дикарей этих укрощать теперь некому. Если Манс погиб, вольному народу конец. И теннам тоже, и великанам, и Рогоногим, и пещерным жителям с подпиленными зубами, и тем, с западного берега, что ездят на костяных санках. Воронам — и тем конец. Ублюдки в черных плащах еще не знают, что полягут наравне с остальными. Враг близок».

Голос Хаггона отдавался в голове эхом. *Ты переживешь дюжину смертей, мальчик, и каждая причинит тебе боль… Но после истинной смерти настанет новая жизнь, вторая. Говорят, она милее и проще первой.*

Скоро Варамир Шестишкурый узнает, правда ли это. Истинная смерть проглядывает во всем. В едком дыму, наполняющем хижину. В жару, который чувствуешь, запустив руку под одежду, где кровоточит рана. В ознобе, сидящем в твоих костях. Последнюю смерть он претерпел от огня, теперь его убьет холод.

Тогда Варамир подумал, что какой-то лучник со Стены пронзил его горящей стрелой… но огонь пожирал его изнутри. И боль, что за боль!

Варамир умирал уже девять раз. Однажды в него метнули копье, в другой раз медведь загрыз, в третий он истек кровью, породив мертвого детеныша. Первая смерть постигла его в шесть лет, когда отцовский топор раскроил ему череп, но даже она не доставила ему таких мук, как этот огонь в кишках. Он хотел улететь, но от ужаса огонь заполыхал еще пуще. На миг он воспарил над Стеной, глядя орлиными глазами на побоище внизу. Потом сердце его обуглилось, и дух с визгом укрылся в собственной шкуре. От одного воспоминания об этом его затрясло, и он заметил, что огонь в хижине погас.

В груде обгорелых веток тлело лишь несколько угольков, но костер еще дымился — он разгорится, если добавить дров. Варамир, скрипя зубами от боли, подполз к хворосту, который Колючка собрала до того, как пойти на охоту.

— Ну, гори же, — прохрипел он. Раздувая угли, он без слов молился безымянным богам хвороста, холма, поля, но они не вняли ему.

Дым больше не шел, хижина сразу выстыла. Без кремня, без трута, без растопки огонь не разжечь.

— Колючка! — надорванным голосом позвал Варамир. — Колючка!

Подбородок у нее острый, нос сплющенный, на щеке бородавка с четырьмя черными волосками, но он дорого дал бы, чтобы увидеть ее сейчас на пороге. Надо было вселиться в нее, пока не ушла. Сколько ее уже нет — два дня, три? В хижине так темно; он засыпал и просыпался несколько раз, не зная, день теперь или ночь. «Жди, — сказала она. — Я принесу поесть». Он и ждал, как дурак. Во сне к нему приходили Хаггон, и Пышка, и все дурное, что он содеял за свою долгую жизнь, а она все не возвращалась. Скорей всего и не вернется уже. Может, он чем-то выдал себя? Может, она догадалась, о чем он думает, или он проговорился во сне?

Мерзость , произнес Хаггон где-то рядом.

— Она всего лишь уродливая копейщица, — ответил ему Варамир, — а я великий маг. Я варг, меняющий кожу, — несправедливо, если она будет жить, а я нет.

Тишина. В хижине никого. Колючка — и та ушла. Бросила его, как все остальные.

Вспомнить хотя бы родную мать. По Пышке она плакала, по нему — нет. Когда отец вытащил его из постели, чтобы отвести к Хаггону, она даже не взглянула на сына. Он кричал

и лягался, пока отец, тащивший его через лес, не влепил ему затрещину. «Твое место с такими, как ты», — только и сказал родитель, швырнув его к ногам Хаггона.

«И прав был, в общем, — думал Варамир, сотрясаясь в ознобе. — Хаггон многому меня научил. Охотиться, рыбачить, разделывать туши и рыбу, находить дорогу в лесу. Научил секретам варгов, хотя его дар уступал моему».

Много лет спустя Варамир попытался найти родителей, рассказать им, что их Шишка стал великим колдуном, Шестишкурым. Но родители уже умерли, и тела их сожгли. Их прах смешался с корнями и ручьями, землей и камнем, грязью и пеплом. Так сказала матери лесная ведьма о Пышке в день его смерти, но Шишка не хотел превращаться в горстку земли. Он мечтал о песнях, сложенных в его честь, о поцелуях красавиц. «Вот вырасту и стану Королем за Стеной», — обещал он себе. Им он так и не стал, но был близок к этому. Имя Варамира Шестишкурого внушало страх людям. Он ездил верхом на белой медведице высотой в тринадцать ладоней, держал в неволе трех волков и сумеречного кота, сидел по правую руку от Манса-Разбойника. Напрасно он пошел за Мансом к Стене: надо было войти в медведя и растерзать короля.

До Манса Варамир жил что твой лорд, один в бревенчатом срубе, принадлежавшем ранее Хаггону. Звери верно служили ему, люди из дюжины деревень приносили хлеб, соль и сидр, фрукты и овощи. Мясо он добывал сам, за женщинами посылал сумеречного кота, и все, кого он желал, покорно приходили к нему. Плакали, но приходили. Варамир брал их, стриг волосы на память и отсылал назад. Время от времени какой-нибудь деревенский храбрец являлся с копьем уничтожить оборотня, чтобы спасти от него сестру, любимую или дочь — таких он убивал, но женщин не трогал. У некоторых даже дети рождались. Никчемные дурачки вроде Пышки, хоть бы один унаследовал его дар.

Страх помог Варамиру встать. Зажимая рану, он поковылял к двери, отвел драную шкуру, завешивающую вход. Перед ним выросла белая стена — снег! Не диво, что внутри так темно и дымно. Снегопад завалил хижину целиком.

Варамир налег на снежную стенку, и она сразу рухнула — мороз еще не скрепил ее. За ней стояла белая как смерть ночь; бледные облака служили свитой серебряной луне, звезды холодно смотрели на землю. Под снегом бугорками выступали другие хижины, над ними бледной тенью высилось одетое в лед чардрево. По заснеженным холмам к востоку и югу двигалась только поземка, ничего более.

— Колючка, — слабо позвал Варамир, прикидывая, далеко ли она ушла. — Где ты, женщина?

Вдалеке завыл волк.

Варамира пробрала дрожь. Он знал этот голос не хуже, чем Шишка некогда — голос матери. Одноглазый. Самый старый из трех, самый большой, самый злой. Тихоступ моложе и проворней, Хитрюга, понятно, хитрее, но Одноглазый, не ведающий страха и жалости, держит в страхе обоих.

Пока орел сгорал заживо, Варамир потерял власть над другими животными. Сумеречный кот убежал в лес, медведица задрала четырех человек, прежде чем ее пронзили копьем. Она и Варамира убила бы, окажись он поблизости. Медведица его ненавидела, ярилась всякий раз, как он влезал в ее шкуру или садился ей на спину.

Но волки…

Его братья. Его стая. Много холодных ночей он проспал вместе с ними, теплыми и мохнатыми. Когда он умрет, они обгложут его, и весной из-под снега оттают одни только кости. Эта мысль, как ни странно, внушала успокоение. Они часто охотились для него — будет только справедливо, если под конец пищей для них станет он. Очень возможно, что свою вторую жизнь он начнет, терзая собственный труп.

С собаками проще всего: они так долго жили бок о бок с человеком, что сами очеловечились. Влезать в собачью шкуру — все равно что обуваться в разношенные мягкие сапоги. Сапог шьется по ноге, а собака создана для ошейника, в том числе и незримого. Волки — иное дело. Человек может подружиться с волком, может сломить его дух, но

полностью никогда его не приручит. «С волком и женщиной сходишься на всю жизнь, — часто говаривал Хаггон. — Когда вы заключаете свой союз, ты становишься частью волка, а он — частью тебя. Перемена происходит с каждым из вас».

С другими зверями лучше не связываться, предупреждал он. Кошки тщеславны и жестоки — того гляди кинутся на тебя. Оставаясь слишком долго в шкуре травоядных, лося или оленя, даже самый храбрый человек становится трусом. Медведей, вепрей, ласок и барсуков Хаггон тоже не одобрял. «Некоторые шкуры лучше не надевать, мальчик, — тебе не понравится то, что они с тобой сделают». Хуже всего, по его мнению, были птицы. «Люди должны ходить по земле. Побудешь в облаках — не захочешь возвращаться обратно. Я знал перевертышей, которые вселялись в ястребов, сов и воронов. Даже в собственной коже они грустили и все таращились на треклятую синеву».

Не все перевертыши, однако, были согласны с Хаггоном. Когда Шишке сравнялось десять, наставник ввел его в их круг. Больше всего там было варгов, братьев-волков, но другие показались мальчишке еще занятнее. Боррок как две капли воды походил на своего кабана, только клыков не хватало, у Орелла был орел, у Дикой Розы — сумеречная кошка (поглядев на них, Шишка и себе захотел кота), у Гризеллы коза…

До Варамира Шестишкурого никто из них не дотягивал, даже Хаггон — высокий, угрюмый, с жесткими как камень руками. Старый охотник умер, рыдая, когда Варамир отнял у него Серого: выгнал его и забрал зверя себе. «Не будет тебе второй жизни, старик». Тогда Варамир именовал себя Троешкурым; его четвертой шкурой стал Серый, но волк уже состарился, остался почти без зубов и скоро отправился вслед за Хаггоном.

Варамир мог вселиться в любого зверя, подчинить его своей воле. В собаку, в волка, в медведя, в барсука… да хоть в Колючку.

Как ни называй это, Хаггон, — мерзостью и самым тяжким из всех грехов — ты мертв, наполовину съеден и после сожжен . Манс тоже проклял бы Варамира, но Манс убит или попал в плен. Никто не узнает. Он преобразится в Колючку, и Варамир Шестишкурый умрет. Дар скорее всего уйдет вместе с телом. Он лишится своих волков и проживет остаток дней тощей бородавчатой бабой — но это все-таки жизнь. Если она вернется, конечно. Если у него еще хватит сил вселиться в нее.

Ох, тошно. Упав на колени, он набрал пригоршню снега, обтер бороду и пересохшие губы. Он весь горел и едва заставил себя проглотить холодную талую воду.

Вода только усилила голод. Желудок жаждал пищи. Снег больше не шел, но крепнущий ветер взметал его, больно жаля лицо. Варамир, хрипло дыша, побрел по сугробам. Под чардревом нашлась ветка, заменившая ему посох. Вдруг в брошенных хижинах отыщется что-нибудь… мешок яблок, вяленое мясо… что угодно, лишь бы продержаться, пока не вернется Колючка.

Он почти уже дошел до первого дома, когда сломался его костыль. Ноги подкосились, и Варамир растянулся на снегу, окрасив его своей кровью.

Быть занесенным снегом — неплохая смерть, мирная. Говорят, под конец тебе делается тепло и в сон клонит. Согреться было бы хорошо, но грустно думать, что ты никогда уже не увидишь зеленых земель, что лежат за Стеной. Тех, о которых пел Манс.

«Земли за Стеной не для нас, — говаривал Хаггон. — Вольный народ чтит перевертышей, хотя и боится, а богомольцы к югу от Стены режут нас, как свиней».

Ты предостерегал меня, Хаггон, но не ты ли показал мне Восточный Дозор? Варамиру тогда было не больше десяти. Хаггон обменял там дюжину низок янтаря и нагруженные шкурами санки на шесть винных мехов, соляной слиток и медный котелок. Восточный для таких сделок годился лучше, чем Черный Замок: туда приходили корабли с товарами из заморских земель. Вороны знали Хаггона как охотника и друга Ночного Дозора: он приносил им новости из-за Стены. Если кто и догадывался, что он перевертыш, речи об этом не заводили. Именно Восточный Дозор наделил Варамира мечтами о теплом юге.

Снежинки таяли у него на лбу. Замерзнуть — совсем не так худо, как сгореть заживо. Он уснет и пробудится к своей второй жизни. Его волки уже близко, он чувствует. Скоро он,

покинув эту бренную плоть, будет охотиться по ночам и выть на луну. Варг станет настоящим волком — вот только которым из них?

Лишь бы не Хитрюгой. Варамир часто влезал в ее шкуру, когда она спаривалась с Одноглазым (Хаггон и это назвал бы мерзостью), но сукой в новой жизни быть не хотел — разве что другого выхода не останется. Молодой Тихоступ лучше подошел бы ему. Старик Одноглазый, с другой стороны, более крупный и злой. Это он берет Хитрюгу в каждую ее течку.

«Говорят, ты все забываешь, — сказал Хаггон за несколько недель до собственной смерти. — Когда плоть умирает, твой дух живет в оболочке зверя, но память с каждым днем угасает. Все меньше от варга, все больше от волка. В конце концов человек уходит, и остается один только зверь».

Варамир знал: это правда. Захватив Ореллова орла, он почувствовал, как разозлился другой перевертыш. Орелла убил перелетная ворона Джон Сноу, и ненависть к убийце была так сильна, что Варамир сам возненавидел мальчишку. Сразу понял, кто он такой, увидев его белого лютоволка. Оборотень оборотня сразу узнает. Манс должен был отдать лютоволка ему, Варамиру — вот была бы вторая жизнь, королю впору. Варамир бы сумел. У Сноу дар сильный, но юнец необучен и продолжает бороться с тем, чем следовало бы гордиться.

Красные глаза чардрева смотрели на него с белого ствола. Боги взвешивают его на своих весах. «В жизни я делал дурные вещи, просто ужасные, — с дрожью осознал Варамир. — Убивал, крал, насиловал. Ел человечину и лакал горячую кровь, бьющую из разорванных глоток. Подкрадывался к врагам по лесу, пока они спали, потрошил их и раскидывал внутренности по земле. Ох и вкусное у них было мясо».

— Это зверь делал, не я, — хриплым шепотом сказал Варамир. — Вы сами меня таким создали.

Боги не отвечали. Дыхание стлалось в воздухе белым паром, борода смерзлась. Варамир Шестишкурый закрыл глаза, и к нему пришел его давний сон о хибарке у моря, где визжат три собаки и плачет женщина.

По Пышке она плакала, по нему — нет.

Шишка родился за месяц до срока и все время болел — никто не думал, что он выживет. Мать ждала целых четыре года, чтобы дать ему настоящее имя, а тогда уж и поздно стало: вся деревня кликала его Шишкой. Так назвала его сестрица Мея еще в материнском чреве. Младшего она же нарекла Пышкой, но он-то родился вовремя. Красный, здоровенный и грудь сосал почем зря. Его собирались назвать в честь отца, но он умер. Умер, когда ему было два года, а Шишке шесть, за три дня до своих именин.

«Твой малыш теперь у богов, — сказала лесная ведьма плачущей матери. — Он больше не почувствует боли, не будет плакать и голодать. Он перешел в землю, в деревья. Боги повсюду — в ручьях и камне, в зверях и птицах. Твой Пышка слился со всем, что живет в этом мире».

Шишку как ножом пронзили слова старухи. Пышка на него смотрит. Пышка все знает. От него не спрячешься за материнскими юбками и вместе с собаками не убежишь: нет их больше. Корнохвост, Нюхало, Ворчун были хорошие собаки. Его друзья.

Увидев, как они обнюхивают мертвого Пышку, отец не сумел понять, кто из них это сделал, и потому зарубил всех троих. Руки у него так тряслись, что Нюхало он уложил с двух ударов, а Ворчуна — с четырех. В воздухе висел запах крови, и умирающие собаки страшно визжали, но Корнохвост все же пришел на хозяйский зов. Он был самый старый, и привычка слушаться пересилила страх. Шишка опоздал залезть в его шкуру.

«Отец, не надо!» — хотел крикнуть он, но собаки по-человечески говорить не умеют, только скулят. Топор раскроил череп старому псу, и мальчик закричал. Так они и узнали. Два дня спустя отец поволок его в лес и топор взял. Шишка уж думал, что его ждет такая же участь, но отец отвел его к Хаггону.

Варамир проснулся, дрожа всем телом.

— Вставай! — кричал кто-то. — Вставай, уходить надо. Их сотни!

Снег укрыл его жестким белым одеялом. Ух, как холодно. Варамир обнаружил, что рука у него примерзла к земле, и оторвал ее вместе с кожей.

— Вставай! — снова вскричала женщина. — Они идут!

Колючка вернулась. Она трясла его за плечи и вопила прямо ему в лицо. Ее теплое дыхание грело его застывшие щеки. Ну, теперь или никогда…

Собрав все свои силы, он выскочил из своего тела и вошел в женщину.

«Мерзость!» — согнувшись, выкрикнула она. А может быть, это он кричал? Или Хаггон? Пальцы ее разжались, его старое тело упало в снег. Копьеносица бешено извивалась. Сумеречный кот тоже сопротивлялся ему, медведица теряла разум и огрызалась на деревья и камни, но сейчас Варамиру приходилось намного хуже.

— Уйди! Уйди! — надрывалась женщина. Она упала и опять поднялась, руки молотили по воздуху, ноги дергались в подобии жуткого танца. Два духа сражались за одну плоть. Варамир на миг порадовался глотку морозного воздуха и силе ее молодого тела, но она сомкнула зубы, и его рот наполнился кровью. Руки, норовившие выцарапать Варамиру глаза, не подчинялись ему. «Мерзость», — вспомнил он, терзаемый болью, и она выплюнула на снег их язык.

Белый мир отошел прочь. На миг Варамир оказался в стволе чардрева, глядя красными глазами на умирающего мужчину и пляшущую под луной безумную, залитую кровью женщину — она лила красные слезы и рвала на себе одежду. Потом оба умерли, и он стал подниматься ввысь, несомый холодным ветром. Он был всюду — в снегу и в тучах, в белке, в воробье, в дубе. Сыч бесшумно пролетел между деревьями, преследуя зайца; Варамир был в нем, в зайце, в деревьях.

Глубоко в промерзшей земле копошились черви, и он был в них. *Я теперь лес и все, что живет в нем,* ликующе думал он. Сто воронов взмыли в воздух, каркая на него. Большой лось затрубил, встревожив детей, сидящих у него на спине. Спящий лютоволк поднял голову и щелкнул зубами, но Варамир уже прошел мимо, ища своих: Одноглазого, Хитрюгу и Тихоступа. *Волки спасут меня* , мелькнула последняя человеческая мысль.

Истинная смерть пришла внезапно — его будто окунули под лед замерзшего озера, и он — Одноглазый — понесся по лунным снегам с двумя другими волками. Они эхом откликнулись на его вой.

Волки задержались на вершине холма. *Колючка* , вспомнил он, сожалея о потерянном и содеянном. Пальцы мороза ползли вверх по чардреву, мир покрывался льдом. Опустевшая деревня не была больше пустой: между снежными бугорками шмыгали синеглазые тени — одни в коричневом, другие в черном, третьи голые, белые как снег. Ветер нес запахи мертвечины, запекшейся крови, мочи и плесени. Хитрюга оскалилась, ощетинилась. Это не люди — в пищу они не годятся.

Ходячие, но неживые, они один за другим поднимали головы к трем волкам на холме. Последней была та, что при жизни звалась Колючкой. Меха и кожа на ней обросли инеем, который хрустел и сверкал при луне. С пальцев свисали бледно-розовые сосульки — десять ножей из замерзшей крови, в ямах на месте глаз мерцала бледная синева, преображая лицо из корявого в нездешне прекрасное. После смерти Колючка стала красавицей.

Она видит меня , понял Варамир. *Видит* .

ТИРИОН

Всю дорогу через Узкое море он пил. Суденышко было маленькое, каюта и того меньше, на палубу капитан не разрешал выходить. От качки его мутило, скверная еда, извергаясь наружу, казалась еще противнее. На что ему солонина, твердый сыр и кишащий червями хлеб, когда есть вино? Красное, кислое, очень крепкое. Иногда он блевал и вином, но запасы не иссякали.

— На свете полно вина, — бормотал он в сырой каюте. Отец всегда презирал пьяниц, но кому до этого дело? Отца больше нет, он убил его. Арбалетный болт в брюхо — и нет

милорда. Будь Тирион более метким стрелком, он послал бы болт в член, которым этот гад его сделал.

Здесь внизу нельзя было понять, ночь теперь или день. Время Тирион измерял по юнге, приносившему еду, которую он не ел. Мальчишка заодно и прибирался в каюте.

— Дорнийское? — спросил как-то Тирион, откупоривая мех. — Оно напоминает мне одного змея. Забавный был парень, пока на него гора не упала.

Юнга не отвечал. Уродливый малый, но все же пригляднее одного карлика с половиной носа и шрамом от глаза до подбородка.

— Я тебя чем-то обидел? — спрашивал Тирион, пока юнец драил палубу. — Тебе приказано со мной не разговаривать, или какой-то карлик поимел твою мать? Скажи хоть, куда мы плывем. — Джейме поминал Вольные Города, и только. — В Браавос, Тирош, Мир? — Уж лучше бы в Дорн. Мирцелла старше Томмена — по дорнийским законам Железный Трон принадлежит ей. Он бы помог ей утвердиться в своих правах, как принц Оберин предлагал.

Но Оберин погиб: сир Григор Клиган одетым в броню кулаком раздробил ему череп. Разве согласится Доран Мартелл на столь рискованный план без Красного Змея? Еще, чего доброго, закует Тириона в цепи и выдаст дражайшей сестрице. На Стене, пожалуй, безопаснее будет. Мормонт, Старый Медведь, говорил, что Ночному Дозору нужны такие, как Тирион, — но кто знает, жив ли он, Мормонт. Возможно, теперь лордом-командующим стал Янос Слинт, и этот сын мясника хорошо помнит, кто его на Стену послал. «Тирион, тебе вправду хочется до конца дней питаться овсянкой и солониной вместе с убийцами и ворами? Впрочем, Янос Слинт позаботится, чтобы остаток твоих дней был недолгим».

Юнга знай себе скреб, макая щетку в ведро.

— В веселых домах Лисса доводилось бывать? — спросил его Тирион. — Не туда ли отправляются шлюхи? — Тирион не помнил, как будет «шлюха» по-валирийски, а парень взял свои орудия и ушел.

Надо же, как пагубно влияет вино на память. Валирийскому он обучался у своего мейстера, хотя в девяти Вольных Городах говорят теперь на девяти диалектах, обещающих стать полноценными языками. Тирион умел немного по-браавосски и чуть-чуть по-мирийски. В Тироше он сможет проклясть богов, обозвать кого-то мошенником и заказать кружку эля благодаря служившему в Утесе наемнику. В Дорне хотя бы на общем языке говорят. Подобно дорнийской еде и дорнийским законам он там густо приправлен Ройном, но понять все-таки можно. В Дорн, только в Дорн. Тирион залез в койку с этой мыслью, как ребенок с любимой куклой.

Засыпал он всегда с трудом, а на этом корабле почти вовсе не спал — разве что напившись как следует. Снов уж точно не видел, и хорошо: довольно он их навидался за свою недолгую жизнь. Грезил о любви, о справедливости, дружбе и славе. О том, чтобы вырасти большим. Ничего этого ему не видать — и куда же в конце концов отправляются шлюхи?

«Куда все шлюхи отправляются», — было последними словами его отца. Тетива загудела, лорд Тайвин провалился задом в дыру, а Тирион Ланнистер пошел себе куда-то бок о бок с Варисом. Должно быть, он снова слез по двумстам тридцати перекладинам туда, где в жаровне тлели рыжие угли. Этого он не помнил — помнил только звук тетивы и вонь, пошедшую от кишок убитого. Отец даже в миг своей смерти умудрился обосрать сына.

Молча пройдя по лабиринту темных ходов, они вышли где-то у Черноводной. Там Тирион одержал свою прославленную победу и потерял половину носа. Лишь тогда карлик повернулся к евнуху и сказал: «Я убил своего отца». Таким тоном, которым другой уведомил бы, что занозил себе палец.

Мастер над шептунами был одет, как нищенствующий брат, — в побитую молью бурую рясу с капюшоном, скрывавшим его толстые щеки и лысину. «Не надо вам было взбираться по той лестнице», — произнес он с укором.

«Куда все шлюхи отправляются». Тирион предупреждал, чтобы отец не говорил

больше этого слова. Не выстрели он, это бы оказалось пустой угрозой. Отец отнял бы у него арбалет, как некогда отнял Тишу. Он уже поднимался, когда Тирион спустил курок.

«Я и Шаю убил», — признался он Варису.

«Вы же знали, что она за сокровище».

«Про нее знал, да. Про него нет».

«Теперь знаете», — заметил, хихикнув, Варис.

Надо было убить и евнуха. Чуть больше крови на руках, подумаешь тоже. Непонятно, что его остановило, — только не благодарность. Варис спас его от палача лишь по приказу Джейме. А тот… нет, о Джейме лучше не думать.

Найдя непочатый мех, Тирион высосал его, как материнскую грудь. Красное стекало по подбородку, пачкая и без того грязный камзол — тот самый, что был на нем и в тюрьме. Палуба качнулась и швырнула Тириона обратно на переборку, когда он встал. То ли шторм, то ли он выпил больше обычного. Он выблевал вино и полежал, гадая, тонет корабль или нет. «Ты мстишь мне, отец? Отец Всевышний сделал тебя своим десницей там наверху?»

— Достойная кара для отцеубийцы, — промолвил он под вой ветра. Нечестно, пожалуй, топить вместе с ним капитана, юнгу и всех матросов, но когда это боги вели себя честно?

Тьма поглотила его, не дав додумать мысль до конца.

Когда он очнулся, голова у него трещала, и корабль ходил кругами, хотя капитан уверял, что они пришли в порт. Тирион велел ему заткнуться. Здоровенный лысый матрос взял Тириона под мышку, как тот ни отбрыкивался, и приволок в трюм, где дожидался пустой бочонок, совсем маленький — даже карлик в нем едва уместился. От усиленных попыток освободиться Тирион намочил штаны. Его затолкали в бочонок вперед головой, прижав коленки к ушам. Обрубок носа чесался невыносимо, но руки ничем не могли помочь. «Паланкин в самый раз для меня», — думал он, пока над ним заколачивали крышку. Бочонок с криками подняли на талях — он стукался головой о днище при каждом рывке. Потом сосуд покатился вниз, грохнулся обо что-то, и в него врезался другой бочонок. Тирион прикусил язык.

Это было самое долгое из его путешествий, хотя занять больше получаса оно никак не могло. Его поднимали и опускали, катили и ставили, переворачивали вверх ногами и снова катили. Слышались голоса, однажды где-то заржала лошадь. Короткие ноги затекли и так разболелись, что даже похмельную голову заглушали.

Катящийся бочонок в очередной раз на что-то наткнулся. Снаружи переговаривались на незнакомом ему языке. По крышке заколотили и открыли ее. Свет и прохладный воздух хлынули внутрь. Тирион, жадно дыша, хотел встать, но повалился вместе с бочонком и выпал на твердый земляной пол.

Над ним высился до безобразия толстый человек с желтой раздвоенной бородой, держа в руках деревянный молоток и долото. Халат на нем мог бы послужить турнирной палаткой, развязанный пояс обнажал огромное белое пузо и пару жирных грудей, заросших желтыми волосами. Ни дать ни взять, дохлая морская корова, которую как-то раз занесло в пещеры у подножия Утеса.

— Гляньте-ка, пьяный карлик, — сказал толстяк на общем языке Вестероса.

— Молчи, морская корова. — Тирион сплюнул кровь ему под ноги. Они находились в большом погребе с грудами бочек до потолка и пятнами селитры на стенах. Здешних запасов снедаемому жаждой карлику хватило бы на всю ночь, а может, и на всю жизнь.

— Да ты нахал — люблю таких карликов. — От смеха телеса незнакомца бурно заколыхались, Тирион даже испугался, что кусок сейчас оторвется и задавит его. — Небось проголодался, дружок? Устал?

— Пить хочу. И помыться. — Тирион привстал на колени.

Толстяк принюхался.

— Сначала ванна — еда и постель потом? Мои слуги этим займутся. — Толстяк отложил свои инструменты. — Мой дом — твой дом. Друг моего друга по ту сторону моря

для Иллирио Мопатиса дорогой гость.

«А друга паука Вариса не следует подпускать слишком близко», — добавил про себя Тирион.

Обещанная ванна, впрочем, не заставила себя ждать. Тирион, погрузившись в горячую воду, тут же уснул и проснулся голым на перине из гусиного пуха, точно на облаке. Во рту и в глотке пересохло до невозможности, член стоял как железный. Тирион слез, отыскал горшок и зажурчал, постанывая от наслаждения.

В комнате царил полумрак, но сквозь щели в ставнях проникал солнечный свет. Отряхнувшись, Тирион прошел по мирийским коврам, мягким как весенняя травка, взобрался на подоконник и отворил ставни. Поглядим, что послали ему боги и Варис.

Под окном вокруг мраморного бассейна росли шесть вишневых деревьев, безлиственных в эту пору. В воде стоял голый парнишка не старше шестнадцати, с белокурыми волосами до плеч — он изготовился к бою с клинком брави в руке. Выглядел он так натурально, что Тирион не сразу распознал в нем статую из раскрашенного мрамора, а меч блестел, как настоящий стальной.

Бассейн огораживала кирпичная стена высотой не меньше двенадцати футов, с железными пиками наверху. За стеной раскинулся город — скопление черепичных крыш вокруг морского залива. Тирион видел прямоугольные кирпичные башни, красный храм, отдаленный дворец на холме. Сверкающий на солнце залив был усеян парусами рыбачьих лодок, у берега торчали мачты больших кораблей. Один из них наверняка идет в Дорн или в Восточный Дозор, Что-у-моря. Но Тириону нечем заплатить за проезд, и в гребцы его не возьмут. Разве юнгой наняться, чтобы вся команда его имела во время плавания.

Где же это он? Здесь даже воздух пахнет иначе — заморскими пряностями. Люди за стеной говорили как будто по-валирийски, но он понимал едва ли одно слово из пяти. Не Браавос, решил Тирион, и не Тирош. Облетевшие деревья и холодок говорят также против Лисса, Мира или Волантиса.

Тирион обернулся на звук открывшейся двери.

— Мы в Пентосе, верно?

— Конечно. Где же еще.

Пентос. Ну, спасибо, что не Королевская Гавань.

— А куда отправляются шлюхи? — неожиданно для себя выпалил Тирион.

— Шлюх здесь, как и в Вестеросе, можно найти в борделях. Тебе, дружок, они не понадобятся — выбирай из моих служанок. Ни одна не посмеет тебе отказать.

— Рабыни? — подчеркнуто спросил карлик.

Толстяк огладил один из отростков желтой намасленной бороды — этот жест показался Тириону весьма непристойным.

— Рабство в Пентосе запрещено договором, который навязали нам браавосцы сто лет назад. Но они тебе не откажут. Прошу извинить, мой маленький друг, — с полупоклоном добавил Иллирио. — Я имею честь быть магистром этого великого города, и принц нас созывает на совещание. — Он продемонстрировал в улыбке два ряда желтых зубов. — Дом и угодья осматривай, сколько тебе угодно, а вот за стену ни ногой. Никто не должен знать, что ты был здесь.

— Был? Так я здесь не задержусь?

— Поговорим об этом вечером — хорошо, мой маленький друг? Будем есть, пить и строить великие планы.

— Хорошо, большой друг. — Иллирио хочет использовать его в своих целях — у торговых магнатов Девяти Городов только и на уме, что нажива. «Солдаты пряностей и лорды сыров», — с презрением говаривал его лорд-отец. Если Иллирио сочтет когда-нибудь, что в мертвом карлике пользы больше, чем в живом, Тириона опять упакуют в винный бочонок — и хорошо бы расстаться с гостеприимным хозяином, пока этот день не настал. В том, что он настанет, Тирион даже не сомневался. Серсея не забудет о возлюбленном брате, да и Джейме не обрадуется, обнаружив болт у отца в животе.

Ветерок рябил воду в бассейне вокруг статуи нагого бойца. Тиша часто ерошила ему волосы той обманной весной, в пору их недолгого брака — пока он не взял ее силой, завершив начатое отцовской гвардией. Во время бегства он все вспоминал, сколько же их было, этих гвардейцев. Уж это, казалось, должно было ему запомниться, но нет, он забыл. Десяток? Дюжина? Сотня? Все рослые, как на подбор, хотя карлику тринадцати лет все мужчины кажутся рослыми. Тиша-то знала сколько. Каждый из них уплатил ей серебряного оленя — стоило только пересчитать. Олень за гвардейца, золотой за него, Тириона. Отец настоял, чтобы сын тоже с ней расплатился. Ланнистеры всегда платят свои долги.

«Куда все шлюхи отправляются», — снова сказал лорд Тайвин, и тетива пропела еще раз.

Магистр предложил гостю осмотреть имение, а в кедровом сундуке с инкрустацией из лазури и перламутра нашлась чистая смена одежды. На мальчика шито, сразу определил Тирион. Ткань богатая, хотя и залежалась немного, штанины длинноваты, рукава слишком коротки. Вздумай он затянуть воротник, почернел бы не хуже Джоффри. Без моли тоже не обошлось, но хотя бы блевотиной не воняет.

Осмотр Тирион начал с кухни. Две толстухи и мальчишка-подручный подозрительно следили, как он набирает себе хлеба, сыра и фиг.

— Доброго утра, прекрасные дамы, — сказал он с поклоном. — Не знаете ли, куда отправляются шлюхи? — Не получив ответа, он повторил вопрос на классическом валирийском, где «шлюх» пришлось заменить «куртизанками». Одна из кухарок, моложе и толще другой, пожала плечами.

Любопытно, что они сделают, если он возьмет их за руки и поведет в свою спальню. Иллирио, заявляя, что ни одна служанка не посмеет ему отказать, этих двух, похоже, в виду не имел. Молодая гостю в матери годится, а старая, по всему, доводится матерью ей самой. Толщиной обе почти не уступают хозяину, груди у них с голову Тириона — того и гляди задавят карлика во время любовных игр. Можно, в общем, умереть и похуже — к примеру, так, как умер его лорд-отец. Надо было заставить его высрать немного золота перед смертью. На ласку и похвалу лорд Тайвин всегда скупился, зато звонкую монету раздавал щедрой рукой. Жалостней безносого карлика может быть только безносый карлик без единого золотого в кармане.

Оставив женщин при хлебах и кастрюлях, Тирион пошел искать погреб, где Иллирио выпустил его из бочонка. Найти его труда не составило, и хранящихся там вин карлику бы хватило лет на сто: сладкие из Простора, кислые дорнийские, янтарные пентосские, зеленый мирийский нектар, пятьдесят бочек борского золотого. Сказочный Восток тоже был здесь представлен: Кварт, Йи Ти, Асшай у Края Теней. Тирион отыскал бочонок крепкого, помеченный клеймом Рансфорда Редвина, деда нынешнего борского лорда. Вкус его долго держался на языке, пурпурный цвет казался почти черным в полутемном подвале. Тирион, налив чашу и штоф про запас, поднялся в сад, чтобы выпить под вишнями, которые видел в окно.

Как оказалось, вышел он не в ту дверь и не нашел бассейн с вишнями, но это не имело значения: здесь тоже были сады. Он погулял немного, прикладываясь на ходу к чаше. Наружной стены устыдился бы всякий приличный замок, пики на ней, не украшенные головами казненных, казались голыми. Тирион представил наверху головку своей сестрицы с золотыми волосами, обмазанными смолой, и жужжащими вокруг мухами. А Джейме хорошо бы занять соседнюю пику, чтобы между близнецами никто не встревал.

С крюком на веревке он, пожалуй, одолел бы эту преграду. Руки у него сильные, вес небольшой. Главное — не напороться на пику. «Завтра же поищу веревку», — решил Тирион.

Гуляя, он миновал три входа — главные ворота в караульной, калитку у псарни и еще одну, густо увитую плющом, почти незаметную. Эта была заперта на цепь с замком, остальные охранялись стражами в остроконечных бронзовых шлемах, с гладкими, как детская попка, рожами. Евнухи, ясное дело. Он слышал о таких: ничего не боятся, боли не

чувствуют, преданы своим господам до гроба. Ему бы пару сотен таких солдат — жаль, что он не подумал об этом, пока не стал нищим.

Через галерею с колоннами и островерхую арку он вышел в мощеный дворик, где у колодца трудилась прачка. Похоже, его ровесница, с тускло-рыжими волосами и широким веснушчатым лицом.

— Хочешь вина? — спросил Тирион. Она ответила неуверенным взглядом. — Лишней чаши нет, придется пить из одной. — Женщина молча выкручивала и развешивала рубахи. Тирион сел на каменную скамью. — Скажи, насколько можно доверять магистру Иллирио? — Услышав имя хозяина, она подняла глаза. — И только-то? — Он, ухмыляясь, скрестил свои короткие ножки и выпил. — Очень бы не хотелось играть роль, которую торговец сырами для меня предназначил, но как ему отказать? Входы-выходы все охраняются. Вот вывела бы меня в город под юбками — в благодарность я, глядишь, женился бы на тебе. Где две жены, там и три. Но где же мы будем жить? — Он улыбался так мило, как только способен человек с половиной носа. — Я уже говорил, что в Солнечном Копье у меня племянница? С Мирцеллой я наворотил бы дел, втравил бы ее в войну с собственным братом — забавно, правда? — Рубаха Иллирио, повешенная женщиной на веревку, раздулась не хуже паруса. — Нет-нет, это дурные мысли, ты совершенно права. Поедем лучше на Стену. Говорят, тому, кто вступает в Ночной Дозор, отпускаются все грехи. Боюсь только, что тебя туда не пустят, радость моя. В Дозоре женщин не полагается — никаких веснушчатых женок, чтобы греть постель по ночам. Только холодный ветер, соленая треска да жидкое пиво. Тебе не кажется, что в черном я буду казаться выше, миледи? — Он подлил в чашу из штофа. — Ну, что скажешь — на север или на юг? Каяться в старых грехах или совершать новые?

Прачка, посмотрев на него напоследок, взяла корзину и пошла прочь. Долго жены у него не задерживаются, и штоф опустел — спуститься опять в погреб, что ли? От крепкого голова кружится, а там крутые ступеньки.

— Куда отправляются шлюхи? — спросил он хлопающее на веревке белье. Надо было прачку спросить. «Я не хочу сказать, что ты шлюха, дорогая моя, но вдруг ты знаешь?» Надо было выспросить у отца — он-то знал. Тиша, крестьянская дочка. Она полюбила его, вышла за него замуж. Доверяла ему.

Пустой штоф упал, покатился по двору. Тирион, поспешая за ним, заметил грибы, растущие в трещинах между плитами. Бледные в крапинку, с кроваво-красными пластинками шляпок. Он сорвал один, понюхал. Никак, ядовитые?

Грибов было семь — может, Семеро хотят что-то этим сказать? Тирион собрал все, завернул в снятую с веревки перчатку, спрятал в карман. От усилий голова закружилась еще сильнее. Он доковылял до скамейки, лег, закрыл глаза… и проснулся у себя в спальне, утопая в перине. Белокурая девушка трясла его за плечо.

— Ванна готова, милорд. Магистр Иллирио ждет вас к столу через час.

Тирион сел в подушках, держась за голову.

— Снится мне это, или ты говоришь на общем?

— Говорю, милорд. Меня купили в дар королю. — Совсем юная, голубоглазая, гибкая.

— Уверен, он порадовался такому подарку. Налей мне вина.

Она подала ему чашу.

— Магистр Иллирио велел мне мыть вам спину и греть постель. Меня зовут…

— Мне все равно как. Известно тебе, куда отправляются шлюхи?

— Шлюхи продаются за деньги, — вспыхнула девушка.

— А также за драгоценности, платья и замки. Так куда же?

— Это загадка такая, милорд? Я не мастерица отгадывать, скажите уж сразу.

Он и сам не любил загадок.

— Не скажу. — «Меня интересует только то, что у тебя между ног», — чуть не сказал он — и промолчал. Она не Шая. Просто дурочка, полагающая, что он ей загадывает загадки. Даже ее щелка, сказать по правде, не слишком его влечет. Он, верно, захворал — или

умер. — Говоришь, ванна готова? Пойдем, негоже заставлять ждать торговца сырами.

Девушка вымыла ему ноги, потерла спину, расчесала волосы и вновь облачила его в лежалые детские одежки — винного цвета бриджи и синий бархатный дублет, подбитый парчой.

— Прикажете ждать вашу милость тут, когда вы откушаете? — спросила она, шнуруя его сапожки.

— Нет. Я покончил с женщинами. — «Со шлюхами».

Девушка не выказала никакого разочарования — Тириона это задело.

— Если милорд желает мальчика, я могу привести…

«Милорд желает свою жену. Девушку по имени Тиша».

— Если он знает, куда отправляются шлюхи, то да.

Девушка поджала губы. Презирает его, это ясно — но ей далеко до презрения, которое он питает к себе самому. Он не сомневался, что многие его женщины с большой неохотой ложились к нему в постель, но у них хотя бы хватало доброты скрывать это. Честная неприязнь даже освежает, как глоток терпкого вина после сладкого.

— Я передумал, — сказал Тирион. — Жди меня здесь, в постели, и раздеться изволь догола — я буду слишком пьян для возни с твоими застежками. Ноги раздвинь, рот закрой, и мы с тобой преотлично поладим. — Он осклабился, надеясь ее напугать, но встретил лишь отвращение. Карликов никто не боится. Даже лорд Тайвин, которому Тирион грозил арбалетом, не боялся его. — Ты как, стонешь, когда тебя дерут?

— Как милорду будет угодно.

— А если милорду угодно будет тебя задушить? Со своей последней шлюхой я обошелся именно так. Как по-твоему, твой хозяин не будет против? Я думаю, нет. Таких, как ты, у него штук сто, а я такой один. — На этот раз он получил желаемый страх.

Иллирио возлежал на мягкой кушетке, уплетая горячие перцы с мелкими луковицами из деревянной миски. На лбу у него выступила испарина, над толстыми щеками горели свиные глазки, на пальцах переливались искрами оникс, опал, тигровый глаз, турмалин, рубин, аметист, сапфир, янтарь, нефрит, черный алмаз и зеленый жемчуг. На его кольца Тирион мог бы жить много лет, но чтобы добыть их, понадобится тесак.

— Садись поближе, дружок, — поманил магистр.

Тирион взгромоздился на слишком высокий стул, предназначенный для массивных магистерских ягодиц. Он всю жизнь прожил в мире, слишком большом для него, но в доме Иллирио диспропорция принимала прямо-таки гротескный характер. Здесь он чувствовал себя мышкой в пещере мамонта, утешаясь тем, что у мамонта имеются хорошие вина. От мысли о них ему захотелось пить, и он кликнул слугу.

— Понравилась тебе девушка, которую я прислал? — спросил Иллирио.

— Будь мне нужна женщина, я бы сказал об этом.

— Если она не угодила тебе…

— Она делает все, что от нее требуется.

— Я так и надеялся. Она прошла выучку в Лиссе, где любовь почитают искусством. Король был очень доволен ею.

— Я убиваю королей, не слыхал? — Тирион злобно улыбнулся поверх винной чаши. — Королевские объедки мне ни к чему.

— Как скажешь. Давай поедим. — Иллирио хлопнул в ладоши.

Для начала им подали горячий суп из морского черта с крабами и холодный, с яйцом и лимоном. За этим последовали перепелки в меду, седло барашка, гусиные потроха в вине, репа в масле и молочный поросенок. При виде еды Тириона замутило. Из вежливости он принудил себя съесть ложку супа и сразу пропал. Толстые кухарки свое дело знали: так вкусно он не ел даже при дворе.

Обсасывая мясо с перепелиных косточек, он спросил Иллирио об утреннем заседании.

— На востоке неспокойно, — пожал плечами толстяк. — Пали Астапор с Миэрином — гискарские города, бывшие древними, когда весь мир был еще юн. — Он обмакнул ломоть

поросенка в сливовый соус и стал есть руками.

— Залив Работорговцев далековато от Пентоса. — Тирион подцепил ножом гусиный потрошок. Все отцеубийцы прокляты, но и в аду можно недурно устроиться.

— Верно, но что такое наш мир, как не одна великая паутина? Тронешь одну нить — отзовется на всех остальных. Еще вина? — Иллирио сунул в рот перец. — Хотя нет — предложу тебе нечто особенное. — Он снял крышку с блюда, которое поставил перед Тирионом слуга. — Грибы! Щепотка чеснока и целое море масла. Я нашел вкус восхитительным. Возьми один, дружок — нет, лучше два.

Тирион поднес большой черный гриб ко рту, но что-то в голосе Иллирио насторожило его.

— Сначала ты. — Он подвинул блюдо к хозяину.

— Нет-нет. — Из-под магистерских жиров на миг проглянул озорной мальчишка. — Ты первый. Повариха для тебя их готовила.

— В самом деле? — Тириону вспомнились руки в муке, тяжелые груди с синими венами. — Она очень добра, но… нет. — Он вернул гриб обратно в подливку.

— Экий ты подозрительный, — усмехнулся Иллирио в желтую бороду — он небось маслит ее каждый день, чтобы блестела как золото. — А может, попросту трус? Мне другое про тебя говорили.

— В Семи Королевствах отравить гостя за ужином значит преступить законы гостеприимства.

— У нас тоже. Но если гостю самому не терпится прервать свою жизнь, почему бы не сделать ему одолжение? — Иллирио отпил из чаши. — Магистра Орделло отравили грибами каких-то полгода назад. Говорят, это не так уж больно. Легкие спазмы в животе, ломота позади глаз — и все, конец. Лучше грибы, чем голова с плеч, разве нет? Зачем умирать со вкусом крови во рту, когда тебе предлагают чеснок и масло?

От запахов подливы в самом деле слюнки текли. Вонзить нож себе в живот у Тириона бы смелости не хватило, а гриб съесть проще простого.

— Ты заблуждаешься на мой счет, — сказал он, до крайности напуганный этой мыслью.

— Да ну? Если предпочитаешь утонуть в вине, так и скажи. Зачем тратить время и портить напитки, вливая в себя чашу за чашей?

— Ты заблуждаешься, — повторил Тирион. Грибы в золотистой подливе призывно блестели при свете лампы. — Могу тебя заверить, что не имею никакого желания умирать. У меня… — Он запнулся. Что, собственно у него впереди? Вся жизнь? Малые дети, родовое имение, любимая женщина?

— Нет у тебя ничего, — закончил за него Иллирио, — но это можно поправить. — Он взял с блюда гриб и со смаком начал жевать. — Превосходно.

— Не ядовитые, значит, — рассердился Тирион.

— Нет, конечно. Зачем мне тебя травить? Выкажем друг другу немного доверия. Ну же, отведай. — Иллирио снова хлопнул в ладони. — Нас ждет работа — подкрепись хорошенько, дружок.

На столе появились новые блюда: цапля, начиненная фигами, телячьи котлеты в миндальном молоке, сельдь под сливками, засахаренный лук, остро пахнущие сыры, улитки и черный лебедь в оперении. Лебедя Тирион, памятуя об ужине у сестры, есть не стал, но воздал должное цапле, сельди и луку. Слуга исправно наполнял его чашу.

— Для маленького человечка ты много пьешь.

— Отцеубийство сушит.

Глазки толстяка сверкнули, как камни на его пальцах.

— Кое-кто в Вестеросе назвал бы убийство лорда Ланнистера добрым делом.

— При моей сестре этого лучше не говорить — языком поплатиться можно. — Тирион разломил хлеб. — И тебе, магистр, тоже не советую мою семью задевать. Даже будучи отцеубийцей, я остаюсь львом.

Сырный лорд в приступе веселья хлопнул себя по ляжке.

— Вы, вестероссцы, все одинаковы. Вышиваете какого-нибудь зверя на шелковом лоскуте, и вот вы все уже львы, орлы и драконы. Могу тебе показать настоящего льва — не хочешь ли разделить с ним клетку?

«Лорды Семи Королевств и правда слишком уж носятся со своими гербами», — признал про себя Тирион.

— Будь по-твоему. Я не лев, но все-таки сын своего отца, и только я вправе убить Серсею и Джейме.

— Ты весьма кстати упомянул о своей сестре, — заметил Иллирио, поглощая улиток. — Королева обещала сделать лордом того, кто ей принесет твою голову, какого бы низкого происхождения он ни был.

Иного Тирион и не ждал.

— Если хочешь поймать ее на слове, пусть она заодно с тобой переспит. Лучшее во мне за лучшее в ней — сделка честная.

— Я бы скорее взял собственный вес в золоте. — Иллирио зашелся от смеха. «Как бы не лопнул», — с опаской сказал себе Тирион. — Все золото Бобрового Утеса, что скажешь?

— Золото согласен отдать, — карлику совсем не хотелось потонуть в полупереваренных угрях и улитках, — но Утес мой.

— Ну-ну. — Толстяк рыгнул, прикрыв рукой рот. — Думаешь, король Станнис отдаст его тебе? Я слышал, он чтит закон. Твой брат носит белый плащ, так что по всем вашим законам наследник ты.

— Станнис, может, и отдал бы, кабы не такая малость, как убийство короля вкупе с отцеубийством. За это он урежет меня на целую голову, а я и без того мал. Но с чего ты взял, что я намерен примкнуть к лорду Станнису?

— Зачем тебе иначе ехать к Стене?

— Станнис на Стене? — Тирион потер то, что осталось от его носа. — Какого дьявола он там делает?

— Мерзнет скорей всего. В Дорне куда теплее — лучше бы ему было отплыть туда.

Веснушчатая прачка только притворялась, выходит, что не понимает общий язык.

— В Дорне у меня Мирцелла, племянница. И я подумываю сделать ее королевой.

Слуга положил им обоих темных вишен со сливками.

— Что такого тебе сделало бедное дитя, коли ты ее смерти желаешь?

— Даже отцеубийце не обязательно истреблять всех своих родичей. Я сказал «сделать королевой», а не «убить».

Иллирио зачерпнул ложкой вишни.

— В Волантисе чеканят монету с короной на одной стороне и черепом на другой. Одна монета, две стороны. Сделать королевой — значит убить. Дорн, может, и поддержит Мирцеллу, но одного Дорна мало. Ежели ты так умен, как утверждает наш друг, то и сам это знаешь.

Тирион посмотрел на толстяка другими глазами. Иллирио прав и в том, и в другом. Короновать Мирцеллу значит убить ее, и Тирион это знает.

— Мне только и осталось, что безрассудные жесты. По крайней мере сестрица поплачет.

Магистр вытер рукой рот, измазанный сливками.

— Дорога на Бобровый Утес проходит не через Дорн, дружок. И не под Стеной тоже. Тем не менее она существует.

— Я признанный изменник, убийца короля и родного отца. — «Какая еще дорога, что за игру затеял магистр?»

— Один король может отменить то, что решил другой. В Пентосе у нас сидит принц. Между балами и пирами он разъезжает по городу в паланкине из слоновой кости и золота. Герольды несут перед ним золотые весы торговли, железный меч войны и серебряный бич правосудия. В первый день года он обязан лишить невинности деву моря и деву полей. —

Иллирио подался вперед, поставив локти на стол. — Но в случае неурожая или проигранной нами войны мы режем принцу горло, чтобы умилостивить богов, и выбираем среди сорока семей нового.

— Напомни мне не соглашаться быть пентосским принцем.

— А разве Семь Королевств так уж от нас отличаются? В Вестеросе нет мира, нет закона, нет веры… а скоро и есть будет нечего. Во времена голода и страха народ ищет себе спасителя.

— Ну, если он не найдет ничего лучше Станниса…

— Это будет не Станнис. И не Мирцелла. — Желтозубая улыбка становилась все шире. — Другой. Сильнее Томмена, милосерднее Станниса, имеющий больше прав, чем Мирцелла. Спаситель, который перевяжет кровоточащие раны Вестероса, придет из-за моря.

— Красивые слова, ничего более. Кто этот треклятый спаситель?

— Дракон, — сказал торговец сырами и засмеялся, увидев лицо Тириона. — Трехглавый дракон.

ДЕЙЕНЕРИС

Она слышала, как мертвец поднимается по ступеням. Мерный звук шагов опережал его, отдаваясь эхом среди пурпурных колонн чертога. Дейенерис Таргариен ждала его на скамье черного дерева, служившей ей троном. Глаза у нее были заспанные, серебряные с золотом волосы рассыпались по плечам.

— Не надо бы вам этого видеть, ваше величество, — сказал сир Барристан Селми, лорд-командующий ее Королевской Гвардией.

— Он погиб за меня. — Дени запахнулась в львиную шкуру. Под шкурой была только полотняная туника до середины бедра. Ей снился дом с красной дверью, когда Миссандея разбудила ее — одеваться не было времени.

— Смотри только не трогай его, кхалиси, — шепотом попросила Ирри. — Прикасаться к мертвецу — дурная примета.

— Если, конечно, сам его не убил, — уточнила Чхику — покрепче Ирри, широкобедрая, с тяжелыми грудями. — Это все знают.

— Это все знают, — согласилась с ней Ирри.

Дотракийцы хорошо разбираются в лошадях, но полные профаны во всем остальном. Притом служанки Дени совсем еще девчонки, ее ровесницы. Мужчины засматриваются на их черные косы, медную кожу и миндалевидного разреза глаза, но от этого те не перестают быть девчонками. Ей отдали их, когда она вышла замуж за кхала Дрого. Это он подарил Дени шкуру храккара, белого льва Дотракийского моря. Шкура велика для нее и пахнет затхлым мехом, но в ней Дени кажется, что ее солнце и звезды все еще с ней.

Первым в чертог вступил Серый Червь с факелом. Его бронзовый шлем венчали целых три пики. За ним четверо Безупречных — по одной пике на шлемах, и с лицами бесстрастными, будто из той же бронзы — несли на плечах мертвеца. Они сложили труп к ногам Дени, сир Барристан откинул окровавленный саван, Серый Червь посветил своим факелом.

Гладкое безволосое лицо с исполосованными клинком щеками. При жизни убитый был высоким, голубоглазым и светлокожим — дитя Лисса или Старого Волантиса, похищенный пиратами и проданный в рабство. Глаза открыты, но влага сочится не из них, а из ран, которых не сосчитать.

— Ваше величество, — сказал сир Барристан, — в переулке, где он был найден, на кирпиче нарисована гарпия…

— Кровью, — договорила за него Дени. Сыны Гарпии убивают по ночам и каждый раз оставляют свою эмблему. — Почему этот человек был один, Серый Червь? Разве у него нет напарника? — По ее приказу Безупречные ночью патрулировали улицы Миэрина только попарно.

— Ваш слуга Крепкий Щит не вышел ночью в дозор, моя королева, — доложил капитан. — Он пошел в одно место… выпить и поразвлечься.

— Что за место?

— Веселый дом, ваше величество.

Половина ее вольноотпущенников пришли из Юнкая, где мудрые господа обучали прославленных рабов для утех. Путь семи вздохов. Бордели в Миэрине расплодились, как грибы после дождя — надо же бывшим рабам как-то жить, а больше они ничего не умеют. Еда с каждым днем дорожает, а цены на плоть, наоборот, падают. В бедных кварталах, между ступенчатыми пирамидами миэринской аристократии, могут удовлетворить любые желания, какие только можно себе представить.

— Что евнуху понадобилось в борделе?

— Даже при отсутствии мужских органов в груди бьется мужское сердце, ваше величество, — сказал Серый Червь. — Говорят, что ваш слуга Крепкий Щит платил женщинам, чтобы они лежали с ним и обнимали его.

Та, в ком течет кровь дракона, не плачет.

— Это имя его — Крепкий Щит? — с сухими глазами спросила Дени.

— С позволения вашего величества.

— Хорошее имя. — Добрые господа Астапора даже имен своим рабам-воинам не разрешали иметь. Некоторые из ее Безупречных назвались своими прежними именами, другие придумали себе новые. — Известно ли, сколько человек на него напали?

— Ваш слуга не знает этого. Много.

— Шестеро или больше, — вставил сир Барристан. — Судя по ранам, его облепили со всех сторон. Когда его нашли, меча в ножнах не было. Возможно, он ранил кого-то из них.

Быть может, в это самое время кто-то из Сынов Гарпии умирает, держась за живот и корчась от боли. Хорошо бы.

— Почему у него изрезаны щеки?

— Милостивая королева, — объяснил Серый Червь, — убийцы затолкали вашему слуге Крепкому Щиту в глотку козлиные детородные органы. Это ваш слуга их убрал.

Собственные его органы они не могли затолкать: в Астапоре ему не оставили ни корня, ни стебля.

— Сыны Гарпии наглеют, — заметила Дени. До сих пор они нападали только на безоружных вольноотпущенников — резали их прямо на улицах или вламывались к ним в дома под покровом ночи. — Это мой первый солдат, убитый ими.

— Первый, но не последний, — предсказал сир Барристан.

Война все еще идет, только теперь против королевы сражаются тени. Она так надеялась передохнуть немного от резни, заняться созиданием, залечить раны своих новых подданных.

Сбросив львиную шкуру, Дени опустилась на колени перед мертвым и закрыла ему глаза — Чхику так и ахнула.

— Мы не забудем тебя, Крепкий Щит. Обмойте его, оденьте в латы и шлем и схороните с копьями и щитом.

— Как прикажет ваше величество, — сказал Серый Червь.

— Пошлите людей в храм и спросите, не обращался ли кто к Лазурной Благодати с раной от меча. Пустите по городу весть, что за меч Крепкого Щита мы готовы заплатить золотом. Узнайте у мясников и пастухов, кто холостил недавно козла. — Если они, конечно, признаются. — И чтобы никто из моих людей не выходил в город один с наступлением темноты.

— Ваши слуги повинуются, моя королева.

Дейенерис откинула волосы с глаз.

— Найдите мне этих трусов. Найдите, чтобы Сыны Гарпии на себе убедились, что дракона будить не следует.

Серый Червь отдал честь. Безупречные снова завернули мертвеца в саван, подняли на плечи и унесли прочь. Сир Барристан Селми остался. Волосы у него побелели, в уголках

бледно-голубых глаз лучились морщины, но спина не согнулась, и оружием он с годами не стал владеть хуже.

— Боюсь, ваше величество, что ваши евнухи плохо годятся для поставленной перед ними задачи.

Дени опять закуталась в шкуру.

— Безупречные — цвет моих воинов.

— Не воинов, а солдат — простите великодушно, ваше величество. Они созданы, чтобы стоять на поле битвы плечом к плечу, прикрывшись щитами и выставив копья перед собой. Их учат повиноваться беспрекословно, без раздумий и колебаний — расследовать и задавать вопросы они не обучены.

— Может быть, рыцари лучше справятся? — Селми обучал сыновей рабов драться длинными мечами и пиками, как принято в Вестеросе, — но что могут пики против трусов, нападающих ночью из-за угла.

— Не в таком деле — да и нет у вашего величества рыцарей, кроме меня. Эти мальчишки дозреют лишь через несколько лет.

— Кто же тогда, если не Безупречные? Дотракийцы и того хуже. — Конница полезней в открытом поле, чем на узких городских улицах. Там, за миэринскими стенами, сложенными из разноцветного кирпича, никто не признаёт новую королеву. Тысячи рабов в огромных имениях до сих пор растят пшеницу, собирают оливки, пасут коз и овец, добывают соль и медь в рудниках. В городских житницах, конечно, запасено много зерна, оливок, масла, сушеных фруктов и солонины, но и эти запасы когда-нибудь истощатся. Покорять окрестности Дени отправила свой крошечный кхаласар под командованием трех кровных всадников, а Бурый Бен Пламм повел своих Младших Сыновей на юг, защищать город от юнкайских набегов.

Самое ответственное дело она поручила Даарио Нахарису. Сладкоречивому Даарио с золотыми зубами и бородой-трезубцем, язвительно усмехающемуся в пурпурные бакенбарды. За восточными холмами, за круглыми песчаниковыми горами, за Хизайским перевалом лежит Лхазарин. Если Даарио уговорит лхазарян вновь открыть сухопутные торговые тракты, зерно можно будет ввозить по реке или через холмы… Но лхазарянам не за что любить Миэрин.

— Пошлем на улицы Ворон-Буревестников, когда вернутся из Ахазарина, — сказала Дени. — А теперь, сир, извините меня — скоро придут просители. Пора мне надевать свои кроличьи уши и изображать королеву. Вызовите Резнака и Лысого — я приму их, когда оденусь.

— Слушаюсь, ваше величество, — с поклоном ответил Селми.

Великая Пирамида вздымалась на восемьсот футов в небо. Личные покои королевы, окруженные зеленью и прудами, помещались на самом верху. Дени вышла на террасу. Раннее солнце уже озарило золотые купола Храма Благодати на западе, ступенчатые пирамиды отбросили длинные тени. В одной из них замышляют новые убийства Сыны Гарпии, и королева бессильна им помешать.

Белый Визерион лежал, свернувшись, под грушевым деревом. Когда она прошла мимо, он почувствовал ее беспокойство и открыл глаза цвета жидкого золота. Рожки у него тоже золотые, и по спине от головы до хвоста бежит золотая полоска.

— Ты чего ленишься? — Дени почесала ему подбородок. Чешуя на ощупь была горячая, как долго пролежавшие на солнце доспехи. Драконы — это огонь, одевшийся в плоть. Дени вычитала это в одной из книг, которые подарил ей на свадьбу сир Джорах. — Летел бы охотиться, как твои братья, — или вы с Дрогоном опять подрались? — Ее драконы одичали за последнее время. Рейегаль огрызается на Ирри, Визерион поджег токар сенешаля Резнака. Она совсем забросила их, но где же найти время и на них тоже?

Визерион хлестнул хвостом по дереву так, что сбил к ногам Дени грушу. Расправил крылья, вспрыгнул на парапет. Растет, подумала Дени, глядя, как он взлетает. Они все растут и скоро смогут выдержать ее вес. Тогда она, как Эйегон Завоеватель, полетит все выше и

выше, пока Миэрин не станет с булавочную головку.

Визерион, расширяя круги, скрылся за мутными водами Скахазадхана, и Дени вошла внутрь. Ирри и Чхику ждали, чтобы расчесать ей волосы и одеть ее, как подобает королеве, в гискарский токар.

Эту простыню следовало обернуть вокруг бедер, пропустить под мышкой и перебросить через плечо, тщательно расправив кайму. Обмотаешь слабо — токар свалится; слишком туго — будет морщить и впиваться в тело. Даже если он лежит правильно, его надо все время придерживать левой рукой, шажки делать мелкие и держать равновесие — иначе, чего доброго, наступишь на шлейф. Одеяние не для работников, а для господ, символ богатства и власти.

Дени хотела запретить токары, когда взяла Миэрин, но ей отсоветовали. «Матерь Драконов возненавидят, если она не будет носить токар, — предупредила Зеленая Благодать, Галацца Галар. — В вестеросской шерсти или в мирийском кружеве ваша блистательность навсегда останется здесь чужой, пришелицей, главой варваров. Миэринская королева должна быть дамой Старого Гиса».

Бурый Бен Пламм, капитан Младших Сыновей, выразился короче: «Хочешь править кроликами — надень пару длинных ушей».

Сегодняшние «кроличьи уши» были из белоснежного полотна, окаймленного золотыми кистями. Дени при содействии Ирри обмоталась токаром с третьей попытки. Чхику подала ей корону в виде трехглавого дракона, эмблемы дома Таргариенов. Туловище, свитое кольцами, золотое, крылья серебряные, головы из слоновой кости, оникса и нефрита. Еще до конца дня у Дени под ее тяжестью онемеют шея и плечи. Корона — нелегкая ноша, сказал кто-то из ее августейших предшественников. Эйегон, кажется, но какой? Семью Королевствами правили целых пять Эйегонов. Родился уже и шестой, но псы узурпатора растерзали ее племянника еще в колыбели. Будь он жив, Дени, возможно, вышла бы за него. По возрасту он был ей ближе, чем Визерис. Дени только-только зачали, когда погибли Эйегон и его сестра — их отец, ее брат Рейегар, был еще раньше убит узурпатором на Трезубце. Другой ее брат, Визерис, умер мучительной смертью в Вейес Дотрак, увенчанный короной из расплавленного золота. Ее, Дени, тоже убьют, если она ослабит бдительность хоть на миг. Ножи, пресекшие жизнь Крепкого Щита, были предназначены для нее.

Она не забыла маленьких рабов, прибитых великими господами к дорожным столбам вдоль юнкайского тракта. Сто шестьдесят три ребенка, по одному на каждую милю, с рукой, простертой в сторону города. После падения Миэрина Дени казнила тем же способом такое же количество великих господ. Вонь и рои мух долго стояли над площадью, но порой Дени думала, что действовала недостаточно жестко. Миэринцы — коварный, упорный народ, который противится всем ее начинаниям. Да, они освободили своих рабов, но тут же вновь наняли их в услужение за столь ничтожную плату, что тем едва на еду хватает. Непригодных же для работы — старых, малых, больных и увечных — попросту выбросили на улицу. Теперь великие господа собираются на вершинах своих пирамид и ропщут, что драконья королева наводнила их город нищими, ворами и шлюхами.

Чтобы править Миэрином, нужно завоевать сердца его жителей, какое бы презрение она к ним ни питала.

— Я готова, — сказала Дени служанкам.

Резнак и Скахаз ждали ее на вершине мраморной лестницы.

— Великая королева, — провозгласил Резнак мо Резнак, — сегодня вы столь блистательны, что я боюсь и смотреть на вас. — Токар на сенешале шелковый, бордового цвета, с золотой окаемкой. Маленький и пухлый, он пахнет так, будто искупался в духах и говорит на одном из валирийских диалектов с характерным гискарским рычанием.

— Благодарю за любезность, — на том же языке ответила Дени.

— Моя королева, — рыкнул бритоголовый Скахаз мо Кандак. Волосы у гискарцев густые и кучерявые; недавняя мужская мода рабовладельческих городов требовала укладывать их в виде рогов, пик и крыльев. Побрив себе голову, Скахаз отрекся от старого

Миэрина и принял новый. То же самое вслед за ним сделали все его родичи. Их примеру последовали многие горожане — то ли из страха, то ли желая не отставать от моды или выдвинуться при новых властях. Их называли лысыми — а Скахаз, первый из них, у Сынов Гарпии и всех их сторонников почитался архиизменником. — Мне уже рассказали про евнуха.

— Его звали Крепкий Щит.

— Если не покарать убийц, будут новые жертвы. — Лицо Скахаза даже под выбритым черепом не внушало доверия. Лоб в морщинах, маленькие, с тяжелыми мешками глаза, большой угреватый нос, кожа скорее желтая, чем подобающая гискарцу янтарная. Лицо жестокого, скорого на гнев человека. Дени оставалось лишь молиться, чтобы оно говорило также о честности.

— Как я могу наказывать, не зная, кого наказать? Скажи мне, кто они, Лысый.

— Врагов у вашего величества хоть отбавляй — их пирамиды видны с вашей террасы. Цхаки, Хазкары, Газины, Мерреки, Лораки — все старые рабовладельческие семьи. И Пали. Пали в первую голову. Теперь в их доме остались одни женщины, кровожадные озлобленные старухи. Женщины ничего не забывают и не прощают.

«Верно, — подумала Дени. — Псы узурпатора познают это на себе, когда я вернусь в Вестерос». Между ней и домом Палей в самом деле пролегла кровь. Ознака зо Паля сразил Силач Бельвас на поединке. Его отец, командир миэринской городской стражи, погиб, защищая ворота от Хрена Джозо, сокрушительного тарана, трое дядей вошли в число казненных на площади.

— Какую награду мы обещали за сведения о Сынах Гарпии? — спросила Дени.

— Сто золотых онеров, ваша блистательность.

— Назначь лучше тысячу.

— Ваше величество моего совета не спрашивает, — сказал Скахаз Лысый, — но я скажу, что за кровь можно заплатить только кровью. Казните по одному мужчине из перечисленных мной семей, а в случае нового убийства кого-то из ваших казните по двое от каждого дома. Третьего убийства не будет, ручаюсь вам.

— Нет-нет, милостивая королева! — возопил Резнак. — Подобное варварство навлечет на вас гнев богов. Мы найдем убийц, обещаю, и ваша блистательность сама увидит, что это подонки из самых низших слоев.

Резнак был не менее лыс, чем Скахаз, но плешью его наградили боги. «А если что и прорастет, то мой цирюльник с бритвой всегда наготове», — заверил он, когда его назначили сенешалем. Не приберечь ли эту бритву для его горла? Резнака при всей его полезности Дени не любила и очень мало доверяла ему. Бессмертные Кварта предсказали ей, что ее предадут трижды. Мирри Маз Дуур была первой, сир Джорах вторым — не Резнак ли будет третьим? Кто еще, если не он? Лысый, Даарио или те, кого она никогда бы не заподозрила — сир Барристан, Серый Червь, Миссандея?

— Благодарю за совет, Скахаз. Посмотрим, Резнак, чего добьется тысяча онеров вместо ста. — Дени, придерживая токар, мелкими шажками направилась вниз. Только бы не наступить на подол и не сыграть с лестницы.

— Все на колени перед Дейенерис Бурерожденной, — звонко объявила девочка, служившая ей писцом, — Неопалимой, королевой Миэрина, Королевой андалов, ройнаров и Первых Людей, кхалиси великого травяного моря, Разбивающей Оковы, Матерью Драконов!

Зал был полон. У колонн выстроились Безупречные со щитами и копьями — пики на их шлемах торчали вверх, как ножи. Под восточными окнами собрались миэринцы — вольноотпущенники на почтительном расстоянии от своих бывших господ. Не знать городу покоя, пока это расстояние не сократится.

— Встаньте. — Дени села на свой временный трон. Все поднялись — хотя бы это они делают сообща.

У сенешаля был список. Обычай предписывал начать с астапорского посла, бывшего раба, именовавшего себя лордом Шаэлем, хотя никто не мог сказать, лордом чего он

является.

Гнилозубый, с желтой хорьковой мордочкой, он принес ей подарок.

— Клеон Великий шлет эти домашние туфли в знак своей любви к Дейенерис Бурерожденной.

Ирри надела их Дени на ноги. Позолоченная кожа, зеленый речной жемчуг — уж не думает ли король-мясник добиться этим ее руки?

— Поблагодарите короля Клеона за щедрый дар. — Туфельки, сшитые на ребенка, жали ей, хотя нога у нее была маленькая.

— Великому Клеону приятно будет узнать, что они вам понравились. Его великолепие поручил мне сказать, что готов защищать Матерь Драконов от всех ее врагов.

«Если он снова предложит, чтобы я вышла за его короля, запущу ему туфлей в голову», — решила Дени, но посол, против обыкновения, о браке не помянул.

— Пришла пора Астапору и Миэрину, — сказал он вместо этого, — покончить с тиранией мудрых господ Юнкая, заклятых врагов свободы. Великий Клеон просит вам передать, что скоро выступит на них со своими новыми Безупречными.

Новые Безупречные. Непристойная пародия на настоящих.

— Я бы советовала королю Клеону возделывать собственный сад, предоставив Юнкаю возделывать свой. — Дени не то чтобы любила Юнкай. Она уже начинала сожалеть, что оставила Желтый Город нетронутым, побив его армию. Мудрые господа восстановили у себя рабство сразу после ее ухода. Кроме того, они набирали рекрутов, наемников и заключали союзы против нее.

Клеон, сам себя нарекший Великим, ничем, однако, не лучше. Он тоже восстановил в Астапоре рабство: вся разница в том, что бывшие рабы стали теперь господами, а бывшие господа — рабами.

— Я еще молода и мало смыслю в военном деле, — сказала Дени лорду Шаэлю, — но мы слышали, что в Астапоре начался голод. Королю Клеону следовало бы сначала накормить своих подданных, а потом уж вести их в бой. — Она жестом отпустила посла, и он удалился.

— Не изволит ли ваше великолепие выслушать благородного Гиздара зо Лорака? — спросил Резнак мо Резнак.

Опять? По знаку Дени Гиздар вышел вперед — высокий, стройный, с безупречно янтарной кожей. Он отвесил ей поклон на том самом месте, где еще недавно лежал Крепкий Щит. «Этот человек нужен мне», — напомнила себе Дени: у купца много друзей и в Миэрине, и в заморских краях. Он бывал в Лиссе, Волантисе, Кварте, у него родня в Толосе и Элирии. Говорят даже, он пользуется некоторым влиянием в Новом Гисе, где Юнкай пытается найти сторонников против Дени.

Притом он баснословно богат… и будет еще богаче, если она удовлетворит его просьбу. Когда Дени закрыла городские бойцовые ямы, цена на их аренду тут же упала, и Гиздар скупил почти все.

Из черно-рыжих волос на его висках изваяны крылья — голова того и гляди спорхнет с плеч. Длинное лицо еще больше удлинено схваченной золотыми кольцами бородой, пурпурный токар окружен каймой из аметистов и жемчуга.

— Ваша блистательность знает, по какой причине я здесь.

— Видимо, вам просто нравится досаждать мне. Сколько раз я вам отказывала?

— Пять, ваше великолепие.

— Это шестой. Бойцовые ямы не будут открыты.

— Если вашему величеству угодно выслушать мои доводы…

— Я их выслушивала пять раз. Вы подобрали новые?

— Доводы все те же, — признался Гиздар, — но в новых словах, более способных тронуть слух королевы…

— Слова не имеют значения. Я так хорошо запомнила ваши доводы, что могу изложить их сама — не желаете ли? — Дени наклонилась вперед. — Бойцовые ямы существовали в

Миэрине со дня его основания. Бои религиозны по сути своей — они представляют собой жертвоприношение богам Гиса. Это не просто бойня, это искусство: мужество и сила, выказываемые бойцами, угодны вашим богам. Победоносных бойцов прославляют, павших почитают. Открыв ямы заново, я докажу, что уважаю обычаи миэринцев. Ямы знамениты по всему миру: они привлекут в Миэрин торговых людей и наполнят городскую казну звонкой монетой. Все мужчины любят кровавые зрелища: если вернуть городу любимую забаву, он станет гораздо спокойнее. Преступникам, осужденным умереть на песке, ямы дают последний случай доказать свою невиновность. — Дени снова откинулась назад. — Ну что, недурно я справилась?

— Гораздо лучше, чем это вышло бы у меня. Ваша блистательность не только прекрасны, но и одарены красноречием. Вы меня вполне убедили.

— А вот вы меня — нет, — не удержалась от смеха Дени.

— Ваше великолепие, — зашептал ей на ухо Резнак, — в городе заведено брать с владельцев ям десятую долю выручки за вычетом расходов. Эти деньги можно потратить на многие благородные цели.

— Да… но если уж открывать ямы, десятину нужно брать, не вычитая расходов. Я, конечно, еще молода, но общение с Ксаро Ксоаном Даксосом кое-чему меня научило. Гиздар, если б вы распоряжались армиями столь же легко, как словами, то могли бы завоевать мир, но я все же отвечаю вам «нет». В шестой раз.

— Королева сказала свое слово. — Он низко склонился, звякнув аметистами и жемчугами о мраморный пол. Гибкий человек этот Гиздар зо Лорак. И мог бы считаться красивым без своей дурацкой прически.

Резнак и Зеленая Благодать уговаривали Дени взять в мужья кого-то из миэринских вельмож, чтобы примирить с собой город. К Гиздару зо Лораку, пожалуй, следует присмотреться. Он больше подходит ей, чем Скахаз. Дени покоробило обещание Лысого оставить свою жену ради нового брака; Гиздар хотя бы улыбаться умеет.

— К вашему великолепию желает обратиться благородный Граздан зо Галар, — сверившись со списком, доложил Резнак. — Угодно ли вам его выслушать?

— Почту за удовольствие. — Дени полюбовалась золотом и жемчугом на туфлях, подаренных Клеоном, хотя они и жали немилосердно. Ее предупредили, что этот Граздан приходится кузеном Зеленой Благодати, чья поддержка была для нее бесценной. Жрица выступала за примирение и повиновение законным властям; ее кузена, чего бы он там ни хотел, следовало выслушать с уважением.

Хотел он, как оказалось, золота. Дени отказалась возмещать великим господам стоимость их рабов, но миэринцы изыскивали все новые способы выжать из нее деньги. Благородный Граздан владел прежде искусной ткачихой, чьи изделия высоко ценились не только в Миэрине, но в Новом Гисе, Астапоре и Кварте. Когда она состарилась, Граздан купил дюжину юных девушек и велел ткачихе обучить их секретам своего ремесла. Теперь старой мастерицы уже не было в живых, а ее ученицы открыли в гавани лавку и продавали там свои ткани. Граздан просил отчислять ему долю их выручки.

— Своим мастерством они обязаны мне, — говорил он. — Это я купил их на невольничьем рынке и посадил к станку.

Дени слушала спокойно, с непроницаемым лицом.

— Как звали старуху? — спросила она, когда Граздан закончил.

— Рабыню? — нахмурился он. — Эльза, кажется… или Элла. Уже шесть лет, как она умерла. У меня, ваша блистательность, было много рабов…

— Хорошо, пусть будет Эльза. Наша воля такова: девушки вам ничем не обязаны. Это она обучила их мастерству, а не вы. Вам, с другой стороны, я велю купить девушкам новый станок, самый лучший — за то, что забыли имя старой ткачихи.

Резнак хотел вызвать очередного вельможу в токаре, но Дени сказала, что желает выслушать кого-нибудь из вольноотпущенников и после чередовала бывших рабов и бывших господ. Перед ней снова и снова вставали вопросы о компенсациях. Город после

падения был разграблен. Ступенчатые пирамиды избежали наихудшего, но по более скромным кварталам прошлись ураганом как городские рабы, так и голодные орды, пришедшие с Дени из Юнкая и Астапора. Безупречные в конце концов восстановили порядок, однако потерпевшие ущерб горожане не уставали осаждать королеву.

Богатая женщина, муж и сыновья которой погибли на городских стенах, укрылась в доме своего брата, а после обнаружила, что ее собственный дом превращен в бордель. Она требовала обратно свое жилище и драгоценности, которыми завладели девицы.

— Одежду, так и быть, могут оставить себе.

Дени вернула драгоценности, но не дом — хозяйку никто не принуждал его покидать.

Вольноотпущенник обвинял вельможу из дома Цхаков, на бывшей наложнице которого недавно женился. Господин лишил свою рабыню невинности, пользовался ею в свое удовольствие и обрюхатил ее. Муж требовал оскопить господина за изнасилование, а себе просил кошель золота — он ведь растит господского ублюдка, как своего. Дени присудила ему золото, но наказывать вельможу не сочла нужным.

— Твоя жена в то время была его собственностью, и он мог распоряжаться ею как хотел. Закон не позволяет обвинить его в изнасиловании.

Бывший раб остался недоволен ее решением, но если кастрировать всех, кто спал со своими рабынями, город будут населять одни евнухи.

Вперед вышел юноша моложе Дени со шрамом на лице, одетый в потрепанный серый токар с серебряным окаймлением. Срывающимся голосом он рассказал, как два их раба в ночь взятия города убили его отца и старшего брата. Мать они изнасиловали и тоже убили. Сам юноша бежал, отделавшись легкой раной, но один убийца так и живет в доме его отца, а другой пошел в солдаты, став одним из Детей Неопалимой. Мальчик требовал, чтобы их обоих повесили.

Дени с тяжелым сердцем отказала ему. Она уже объявила помилование за все преступления, совершенные при взятии Миэрина, и не могла наказывать рабов, восставших против своих хозяев.

Город, которым она правит, стоит на костях убиенных.

Юноша, услышав решение, бросился на нее, но запутался в токаре и растянулся на мраморе. Силач Бельвас, громадный евнух, тут же поднял его и встряхнул, как пес крысу.

— Довольно, Бельвас. Пусти его. — Мальчишке Дени сказала: — Благодари свой токар — он спас тебе жизнь. Ты еще мальчик, поэтому мы забудем о том, что здесь было. Забудь и ты. — Мальчишка, уходя, оглянулся, и по его глазам она поняла, что у гарпии появился еще один сын.

К полудню она стала чувствовать, как тяжела ее корона и как тверда скамья, на которой она сидит. Она отрядила Чхику на кухню за лепешками, оливками, сыром и фигами и поела, слушая жалобщиков. Трапезу она запивала разбавленным вином. Фиги были хороши, оливки и того лучше, но вино оставляло во рту противный металлический вкус. Из местного желтого винограда напиток получался неважный — виноторговлю здесь не наладишь. Кроме того, лучшие виноградники вместе с оливковыми рощами великие господа сожгли.

В середине дня некий ваятель предложил заменить голову гарпии на Площади Очищения ее, Дени, бронзовой головой. Она отказала ему со всей возможной учтивостью. Рыбак, выловивший в Скахазадхане щуку невиданной величины, желал преподнести ее королеве. Дени восхитилась уловом, вознаградила рыбака пригоршней серебра и послала рыбу на кухню. Кузнец сковал ей кольчугу из меди. Королева снова выразила восторг; медь красиво блестела на солнце, но в бою Дени, при всей своей молодости и малой осведомленности в военных делах, предпочитала сталь.

Туфли короля-мясника совсем ее доконали. Она скинула их и поджала одну ногу под себя, болтая другой. Поза не слишком царственная, но Дени уже надоело быть царственной. От короны голова разболелась, ягодицы онемели вконец.

— Сир Барристан, я поняла, какое свойство необходимо всем королям.

— Мужество, ваше величество?

— Железная задница. Я только и делаю, что сижу.

— Ваше величество слишком много на себя взваливает. Часть дел следовало бы передать вашим советникам.

— Слишком много у меня советников, слишком мало подушек. Сколько там еще, Резнак?

— Двадцать три человека, ваше великолепие, и столько же жалоб. Один теленок, три козы, — стал перечислять он, глядя в свои бумаги, — остальные, можно не сомневаться, ягнята и овцы.

— Двадцать три! Мои драконы очень полюбили баранину с тех пор, как мы начали платить пастухам. Как эти люди могут доказать правдивость своих притязаний?

— У некоторых при себе горелые кости.

— Может, они сами жарили баранину на костре — горелые кости ничего не доказывают. Бурый Бен говорит, что в холмах за городом водятся красные волки, шакалы и дикие собаки. Неужели мы должны платить серебром за каждого ягненка, пропавшего между Юнкаем и Скахазадханом?

— Отнюдь, ваше великолепие. Прогнать негодяев прочь или велеть их высечь?

Дени поерзала на скамье.

— Я хочу, чтобы люди приходили ко мне без страха. — Некоторые жалобы, конечно же, ложные, но правдивых гораздо больше. Ее драконы не довольствуются больше крысами, кошками и собаками. Чем больше они едят, тем быстрее растут, предупреждал ее сир Барристан, а чем быстрее растут, тем больше едят. Особенно Дрогон: он летает охотиться дальше всех и вполне способен сожрать за день барашка. — Заплати им, Резнак — но отныне все пастухи и владельцы стад должны являться в Храм Благодати и приносить священную клятву перед богами Гиса.

— Будет исполнено. Ее великолепие королева согласна уплатить вам за утраченный скот, — по-гискарски сообщил Резнак. — Приходите к моим факторам завтра и получите требуемое деньгами или натурой.

Просители выслушали его в угрюмом молчании. Почему эти люди так недовольны? За этим ведь они и пришли. Ничем им, как видно, не угодишь.

Все вышли, только один задержался — коренастый, обветренный, в убогой одежде. Черно-рыжие курчавые волосы подстрижены в кружок над ушами, в руке тряпичный мешок. Он смотрел в пол, точно забыл, что его сюда привело. Этому что еще нужно?

— На колени перед Дейенерис Бурерожденной, — завела Миссандея, — королевой Миэрина, королевой андалов, ройнаров и Первых Людей, кхалиси великого травяного моря, Разбивающей Оковы, Матерью Драконов!

Дени встала, подхватив сползший с нее токар.

— Эй ты, с мешком! Подойди, если хочешь говорить с нами.

Глаза у него оказались красными и мокрыми, словно открытые язвы. Сир Барристан вырос рядом с Дени, как белая тень. Человек приближался маленькими шажками, сжимая мешок. Что он, пьян или болен? Под его растрескавшимися желтыми ногтями виднелась грязь.

— С чем ты пришел — с просьбой, с жалобой? Чего ты хочешь от нас?

Человек облизнул запекшиеся губы.

— Я тут принес…

— Что принес? — нетерпеливо спросила Дени. — Горелые кости?

Человек вытряхнул содержимое мешка на пол.

Так и есть: кости. Черные, обгорелые. Длинные кто-то разгрыз, чтобы высосать мозг.

— Это был черный, — порыкивая по-гискарски, сказал человек. — Крылатая тень. Он спустился из поднебесья и…

«Нет, — содрогнулась Дени. — Нет. Нет».

— Ты что, оглох, дурень? — напустился на пастуха Резнак. — Не слышал, что я сказал? Придешь к моим факторам завтра и получишь мзду за свою овцу.

— Резнак, — спокойно вмешался сир Барристан, — придержи язык и открой уши. Это не овечьи кости.

«Верно, не овечьи, — согласилась с ним Дени. — Это кости ребенка».

ДЖОН

Белый волк мчался по черному лесу, вдоль утеса вышиной до самого неба. Луна, продираясь сквозь голые ветки, бежала среди звезд вместе с ним.

— Сноу, — прошептала она.

Волк не ответил. Снег хрустел у него под лапами, ветер вздыхал в деревьях.

Откуда-то издалека его звала стая, брат и сестра. Они тоже охотились. Черного брата поливал дождь, смывая кровь на боку — он завалил громадного козла, и тот пырнул его рогом. Сестра, запрокинув голову, пела песню луне. Ей подпевали мелкие серые родичи — много, не меньше сотни. Там, в далеких холмах теплее и больше дичи. Сестрина стая охотится на коров, овец, лошадей — человеческую добычу, — а порой и на самого человека.

— Сноу, — каркнула луна.

Белый волк бежал по человечьей тропе. Вкус крови на языке, в ушах многоголосая волчья песнь. Когда-то их, братьев и сестер, было шестеро; пять слепых щенят скулили в снегу около мертвой матери, выдаивая молоко из затвердевших сосков, только он отполз в сторону. Теперь их четверо живых, и одного белый больше не чует.

— Сноу, — не унималась луна.

Белый волк бежал от нее, стремясь к пещере ночи, где прячется солнце. Его дыхание стыло в воздухе. В ненастные ночи утес черен как камень и грозно нависает над миром, в лунные мерцает льдом, как замерзший ручей. От ветра, дующего с него, не спасает даже косматая шкура, а по ту сторону, где живет серый, пахнущий летом брат, еще холоднее.

— Сноу. — Белый волк оскалился на упавшую с ветки сосульку и ощетинился, видя, как тает вокруг него лес. — Сноу, Сноу, Сноу! — Из мрака, хлопая крыльями, вылетел ворон.

Он сел на грудь Джона Сноу, вцепился в нее когтями и заорал прямо в лицо:

— СНОУ!

— Слышу. — В комнате сумрачно, койка жесткая. Серый свет просачивается сквозь ставни, предвещая еще один тусклый холодный день. — Ты и Мормонта так будил? Убери от меня свои перья. — Выпростав из-под одеяла руку, Джон шуганул ворона. Тот был стар, повидал всякое и совершенно ничего не боялся.

— Сноу, — крикнул он, перелетев на столбик кровати. — Сноу, Сноу.

Джон запустил в него подушкой, но ворон взлетел, а подушка ударилась о стену и порвалась. В этот самый миг Скорбный Эдл, Толлетт сунул голову в дверь.

— Прошу прощения, милорд. Подать завтрак?

— Зерно, — одобрил ворон. — Зерно, зерно.

— Жареного ворона и полпинты эля, — поправил Джон. Он так и не привык, что ему прислуживает стюард; давно ли он сам подавал завтрак лорду-командующему Мормонту?

— Три зернышка и один жареный ворон, — повторил Эдд. — У Хобба, милорд, только вареные яйца, черная колбаса да компот из яблок и чернослива. Яблоки вкусные, а чернослив я не ем. Хобб как-то напихал его в курицу вместе с каштанами и морковкой. Поварам доверять нельзя: они суют чернослив туда, где ты совсем не ждешь его встретить.

— Потом. — Завтрак в отличие от Станниса мог подождать. — Ночью у частокола не было происшествий?

— С тех пор, как вы распорядились сторожить сторожей, там все в порядке, милорд.

— Хорошо. — В загоне за Стеной содержалась тысяча пленных — их взяли, когда Станнис Баратеон со своими рыцарями разбил пестрое войско Манса-Разбойника. Там было много женщин, и стражники повадились водить то одну, то другую к себе в постель. Люди короля, люди королевы, черные братья — все хороши. Мужчины остаются мужчинами, а эти

одичалые — единственные женщины на многие лиги.

— Нам сдалась еще одна женщина с маленькой дочкой, — доложил Эдд. — При ней еще младенец, в меха завернутый, только он мертвый.

— Мертвый, — со смаком произнес ворон свое любимое слово. — Мертвый.

В замок что ни ночь являлись полузамерзшие вольные люди — уйдя от боя, они скоро убедились, что бежать некуда.

— Мать допросили? — спросил Джон. Короля за Стеной Станнис взял в плен, но где-то еще разгуливали Плакальщик и Тормунд Великанья Смерть с тысячами бойцов.

— Да что с нее взять, милорд. Убежала, потом в лесу пряталась. Накормили обеих овсянкой и послали в загон, а младенца сожгли.

Сожжение мертвых детей Джона больше не беспокоило. Живые — другое дело. Чтобы пробудить дракона, нужны два короля. Сначала отец, потом сын — таким образом оба умрут королями. Об этом проговорился один из людей королевы, когда мейстер Эйемон промывал его раны. Джон это списал на бред, но мейстер не согласился. «Королевская кровь имеет большую силу, — сказал он, — и люди получше Станниса делали вещи похуже». Ладно еще Манс, он свое заслужил, но грудное дитя? Только чудовище способно бросить живого ребенка в огонь.

Джон помочился в горшок под жалобы ворона. Волчьи сны все больше донимали его, и он помнил их, даже проснувшись. Призрак чувствует, что Серый Ветер погиб. Вместе с ним пал и Робб, преданный людьми, которых считал своими друзьями. Бран и Рикон обезглавлены по приказу Теона Грейджоя, бывшего воспитанника их лорда-отца… но их лютоволки, если верить снам, сумели уйти. Один из них, выскочив из тьмы у Короны Королевы, спас Джону жизнь. Серый — Лето, должно быть. Лохматый Песик темнее. Может быть, какая-то часть умерших братьев Джона живет в их волках?

Он налил воды в таз, умылся, надел чистые штаны и рубаху из черной шерсти. Зашнуровал черный кожаный колет, натянул старые сапоги. Ворон, следивший за ним пронзительными черными глазками, перелетел на окно.

— Я что, к тебе нанялся? — Джон отворил окно с желтыми стеклянными ромбами, и утренний холод ужалил ему лицо. Ворон улетел, человек глубоко дохнул, разгоняя нити ночной паутины. Эта птица слишком умна. Ворон, долгие годы сопровождавший лорда-командующего, тем не менее склевал Мормонту лицо, как только тот умер.

В комнате под спальней стояли обшарпанный сосновый стол и дюжина дубовых, обтянутых кожей стульев. Поскольку в Королевской башне водворился Станнис, а башня лорда-командующего сгорела дотла, Джон поселился в скромных покоях Донала Нойе за оружейной. Со временем ему, конечно, понадобится более просторное помещение, но пока он привыкает к своему новому сану, и это сойдет.

Дарственная, которую дал ему на подпись король, лежала на столе рядом с серебряной чашей Донала Нойе. От однорукого кузнеца осталось совсем немного: эта вот чаша, шесть грошей, медная звезда, серебряная черненая брошь со сломанной застежкой, лежалый парчовый дублет с оленем Штормового Предела. Сокровищами мастера были его инструменты, а также мечи и ножи, которые он ковал. Вся его жизнь проходила в кузне. Джон, отодвинув чашу, перечитал пергамент еще раз. Приложив к нему печать, он навсегда останется в истории как лорд-командующий, добровольно отдавший Стену, в случае же отказа…

Станнис Баратеон показал себя несговорчивым и весьма беспокойным гостем. Он успел проехать по Королевскому тракту почти до самой Короны, посетил опустевшие хижины Кротового городка, обозрел разрушенные форты Дубовый Щит и Врата Королевы. Каждую ночь он прохаживается по Стене с леди Мелисандрой, днем отбирает пленных, которых потом допрашивает красная женщина. Мешкать он не намерен; это утро Джону ничего хорошего не сулит.

В оружейной клацали последние мечи и щиты. Рекруты последнего набора вооружались, Железный Эммет приказывал им поторапливаться. Коттер Пайк был

недоволен, лишившись Эммета, но ничего не поделаешь: у молодого разведчика прямо-таки дар обучать других. Он передаст ученикам свою любовь к ратным трудам — так Джон по крайней мере надеялся.

Его плащ висел на одном колышке, пояс с мечом на другом. Надев то и другое, Джон вышел. Призрака на подстилке не было. У дверей внутри стояли двое часовых в полушлемах и плащах, с копьями.

— Прикажете сопровождать, милорд? — спросил Гарс.

— Авось как-нибудь сам найду Королевскую башню. — Джон терпеть не мог, когда дозорные таскались за ним, как утята за уткой.

Ребята Железного Эммета уже вовсю рубились во дворе тупыми мечами. Джон остановился поглядеть на Коня, прижавшего к колодцу Хоп-Робина. Хорошим бойцом может стать. Хоп-Робин — иное дело: он колченогий и каждый раз ежится со страху, получая удар. Из него разве что стюард выйдет. Конь повалил его, и на этом бой закончился.

— Молодец, — сказал Джон, — только щит держи повыше, когда нападаешь. Иначе тебя мигом убьют.

— Понял, милорд, — сказал Конь. Хоп-Робин, которого он поднял на ноги, неуклюже поклонился лорду-командующему.

На дальней стороне двора упражнялись рыцари Станниса: люди короля в одном углу, люди королевы в другом. Из-за холода их было немного.

— Мальчик! — услышал Джон, проходя мимо них. — Эй! Мальчик!

Джона после избрания лордом-командующим еще и не так называли. Не обращая внимания, он шел дальше.

— Сноу, — не унимался голос. — Лорд-командующий!

— Сир? — отозвался на сей раз Джон.

Рыцарь был выше его дюймов на шесть.

— Валирийскую сталь носят не для того, чтобы чесать себе задницу.

Послушать этого молодца, так он прославленный рыцарь. В битве сир Годри Фарринг убил великана, который убегал от него: подскакал сзади, вонзил копье в спину, спешился и срубил маленькую великанью головку. За это люди королевы прозвали его Годри Победителем Великанов.

Джон вспомнил Игритт, поющую «Я последний из великанов».

— Я пользуюсь Длинным Когтем, когда есть нужда, сир.

— Насколько хорошо? — Сир Годри обнажил собственный меч. — Покажи нам. Я не сделаю тебе больно.

Надо же, какой добрый.

— В другой раз, сир. Неотложное дело.

— Да ты трусишь, я вижу. — Сир Годри обернулся к своим друзьям и пояснил для недогадливых: — Трусит.

— Прошу извинить. — Джон повернулся к ним спиной и зашагал дальше.

Черный Замок в бледном утреннем свете являл собой унылое зрелище. «Я командую не столько крепостью, сколько руинами», — с горечью сказал себе Джон. Башня командующего вся выгорела, от трапезной осталась куча обугленных бревен, башня Хардина выглядит так, точно рухнет при первом порыве ветра… хотя она уже много лет так выглядит. Над всем этим стоит Стена, грозная и неприступная. На ней кишат строители, приделывающие новую лестницу к остаткам старой, — они трудятся от зари до зари. Без лестницы на Стену можно подняться только в клети с помощью ворота — а ну как одичалые вздумают напасть снова?

На Королевской башне реял, хлопая на ветру, золотой боевой штандарт дома Баратеонов. Еще недавно там стояли Джон с Атласом и Глухим Диком Фоллардом, осыпая стрелами теннов и вольный народ. На крыльце тряслись двое людей королевы, сунув руки под мышки и прислонив копья к двери.

— Тряпичные рукавицы никуда не годятся, — сказал им Джон. — Скажите Боуэну Муршу, чтобы выдал вам по паре кожаных на меху.

— Так и сделаем, — сказал тот, что постарше. — Спасибо, милорд.

— Если руки до тех пор не отвалятся, — добавил молодой. — Раньше я думал, что нет холоднее места, чем Дорнийские Марки, — много я знал!

«Ничего ты не знал, — подумал Джон. — Как и я».

На середине лестницы ему встретился идущий вниз Сэмвел Тарли.

— Ты от короля?

— Да. Мейстер Эйемон передал ему письмо.

— Ясно. — Некоторые лорды доверяют мейстерам читать свои письма, но Станнис вскрывает печати сам. — Хорошие новости?

— Не очень, судя по его виду, — понизил голос Сэм. — Хотя говорить об этом не полагалось бы.

— Ладно, не говори. — Хотел бы Джон знать, кто из отцовских знаменосцев отказал Станнису на сей раз. Когда к нему перешел Кархолд, король не преминул об этом оповестить. — Как поживает твой длинный лук?

— Я нашел хорошее пособие по стрельбе, но делать куда трудней, чем читать. Все руки в мозолях.

— Ничего, держись. Ты нам понадобишься, если Иные нагрянут ночью.

— Очень надеюсь, что этого не случится.

У королевской горницы тоже стояли часовые.

— К его величеству, милорд, нельзя входить при оружии, — сказал старший. — Прошу отдать нам меч и ножи.

Зная, что спорить бесполезно, Джон подчинился.

В горнице было тепло. На белой шее сидящей у огня леди Мелисандры мерцал рубин. Игритт огонь только поцеловал, а жрица — сама огонь, и волосы у нее цвета крови и пламени. Станнис стоял у грубо вытесанного стола, за которым когда-то ел Старый Медведь. Весь стол занимал кусок кожи с большой картой Севера: один край прижимала сальная свечка, другой — стальная перчатка.

В шерстяных бриджах и стеганом дублете король, видимо, чувствовал себя столь же неловко, как в кольчуге и латах. Лицо бледное, борода подстрижена так коротко, что кажется нарисованной, от черных волос осталась только кайма вокруг лысины, в руке пергамент со взломанной печатью из темно-зеленого воска.

Джон преклонил колено.

— Встань. — Король сердито тряхнул пергаментом. — Кто такая Лианна Мормонт?

— Дочь леди Мэг, ваше величество. Самая младшая. Ее назвали в честь сестры моего лорда-отца.

— Чтобы добиться расположения твоего лорда-отца, несомненно. Знаю я эти штуки. Сколько девчонке лет?

— Десять или около того, — подумав, ответил Джон. — Могу я узнать, чем она прогневила ваше величество?

— «Медвежий Остров не признает иного короля, — прочел вслух Станнис, — кроме Короля Севера, имя которому — СТАРК». Десятилетняя девочка смеет выговаривать своему законному королю! — Его бородка лежала на впалых щеках, как тень. — Никому об этом не говорите, лорд Сноу. Людям довольно знать, что ко мне примкнул Кархолд. Не желаю, чтобы твои братья сплетничали об оплевавшем меня ребенке.

— Как прикажет ваше величество. — Джон знал, что Мэг Мормонт и ее старшая дочь ушли на юг с Роббом — но если даже обе они погибли, у Мэг есть еще дочери, некоторые уже с собственными детьми. Может, они тоже отправились с Роббом? Уж одну-то из взрослых леди должна была оставить в замке как кастеляна. Непонятно, почему Станнису отвечает Лианна, младшая дочь. Будь письмо к Мормонтам запечатано лютоволком вместо коронованного оленя и подписано Джоном Старком, лордом Винтерфелла, ответ, возможно, был бы другим… Поздно сетовать: Джон сделал свой выбор.

— Сорок воронов разослано, — жаловался король, — а в ответ только молчание либо

дерзости. Где почтение, которым каждый верноподданный обязан своему королю? Все знаменосцы твоего отца повернулись ко мне спиной, кроме Карстарков. Или Арнольф Карстарк — единственный человек чести на Севере?

Арнольф Карстарк приходится дядей покойному лорду Рикарду. Он остался кастеляном в Кархолде, когда Рикард и его сыновья ушли на юг с Роббом, и первым прислал ворона, присягнув на верность королю Станнису. «У Карстарков просто выбора нет, — мог бы сказать Джон. — Рикард предал лютоволка и пролил львиную кровь; олень — единственная надежда Кархолда».

— В столь смутные времена даже человек чести не сразу поймет, в чем его долг. Ваше величество — не единственный король, требующий, чтобы все повиновались только ему.

— Где были другие короли, лорд Сноу, — вступила в разговор Мелисандра, — когда одичалые напали на вашу Стену?

— За тысячу лиг отсюда, глухие к нашему зову, — признал Джон. — Я этого не забыл, миледи, и никогда не забуду. Но у отцовских знаменосцев есть жены, дети и простой люд, которым в случае неверного выбора грозит гибель. Его величество требует от них слишком многого. Дайте им срок.

— Для чего? Чтобы получить такой вот ответ? — Станнис скомкал письмо Дианны.

— Даже на Севере люди страшатся гнева Тайвина Ланнистера, и Болтонов тоже лучше не делать врагами: недаром эмблемой им служит человек с содранной кожей. Север стоял за Робба, проливал за него кровь, умирал за него, он сыт по горло горем и смертью, а теперь ваше величество предлагает северянам сменить короля. Стоит ли упрекать их за промедление? Некоторые из них, уж простите, видят в вас всего лишь еще одного претендента, обреченного на провал.

— Если его величество обречен, ваш Север обречен тоже, — сказала леди Мелисандра. — Помните об этом, лорд Сноу. Перед вами стоит единственный истинный король Вестероса.

— Да, миледи, — ответил с непроницаемым лицом Джон.

— Ты роняешь слова, точно золотые, — фыркнул Станнис. — Сознайся, сколько у вас припасено золота?

Золота? Уж не золотых ли драконов хочет пробудить красная женщина?

— Подати нам платят натурой, ваше величество. Дозор богат разве что репой — не золотом.

— Репой Салладора Саана не прельстишь. Мне требуется золото, на худой конец серебро.

— Тогда вам нужна Белая Гавань. С Королевской или со Староместом ей, само собой, не сравниться, однако она процветает. Лорд Мандерли — самый богатый из знаменосцев моего лорда-отца.

— Лорд, слишком-толстый-чтобы-сесть-на-коня. — В письме от Вилиса Мандерли говорилось о его немощах и преклонных годах, более ни о чем. Станнис велел, чтобы Джон и о нем молчал.

— Быть может, его милость захочет жену-одичалую, — предположила леди Мелисандра. — Этот толстяк женат, лорд Сноу?

— Его леди-жена давно умерла. У лорда два взрослых сына и внуки от старшего. Он правда слишком толст, чтобы ездить верхом, не меньше тридцати стоунов. Вель за него не пойдет.

— Хоть бы раз сказал что-то приятное, лорд Сноу, — проворчал Станнис.

— Я думал, что вашему величеству приятнее всего правда. Для ваших людей Вель принцесса, а для вольного народа — всего лишь сестра покойной жены короля. Если принудить ее к замужеству против воли, она скорей всего перережет мужу горло в первую ночь. И даже если она согласится, это еще не значит, что одичалые пойдут за ее мужем или за вами. Единственный, кто может их к вам привести, — Манс-Разбойник.

— Знаю, — вздохнул Станнис. — Я провел много часов в разговорах с ним. Он хорошо

знает нашего истинного врага, и в хитрости ему не откажешь. Вся беда в том, что он останется клятвопреступником, даже отрекшись от своего титула. Дай поблажку одному дезертиру — начнут бегать все остальные. Законы куются из железа, а не лепятся из хлебного мякиша, и ни один закон Семи Королевств не позволяет сохранить жизнь Мансу-Разбойнику.

— У Стены законы кончаются, ваше величество. Манс очень бы вам пригодился.

— Пригодится еще. Когда я сожгу его, Север увидит, как я поступаю с предателями. У одичалых найдутся другие вожди — и сын Манса тоже мой, не забудь. После смерти отца Королем за Стеной станет его щенок.

— Ваше величество заблуждается. — «Ничего ты не знаешь, Джон Сноу», — любила говорить Игритт, но кое-чему он все-таки научился. — Этот ребенок — такой же принц, как Вель принцесса. Титул Короля за Стеной не переходит от отца к сыну.

— И хорошо — я не потерплю в Вестеросе других королей. Ты подписал дарственную?

— Нет, ваше величество. — Вот оно, начинается. Джон согнул и разогнул обожженные пальцы. — Вы просите слишком много.

— Прошу? Я просил тебя стать лордом Винтерфелла и Хранителем Севера, а эти замки я *требую* .

— Твердыню Ночи мы отдали вам.

— Развалины, населенные крысами. Отделались, что называется. Ваш же Ярвик заявляет, что замок только через полгода будет готов для житья.

— Другие ничем не лучше.

— Знаю, но это все, что у нас есть. У Стены девятнадцать фортов, а гарнизоны есть только в трех. Я намерен до конца года заселить все.

— Против этого я не возражаю, ваше величество, но говорят, будто вы намерены также жаловать эти замки своим лордам и рыцарям в их полную собственность.

— Король должен быть щедр со своими сторонниками. Разве лорд Эддард ничему не учил своего бастарда? Многие мои лорды и рыцари оставили на юге богатые земли и крепкие замки — их нужно как-то вознаградить.

— Если ваше величество хочет потерять всех знаменосцев моего лорда-отца, нет лучшего способа, чем раздавать северные поместья южанам.

— Как можно потерять то, чего не имеешь? Винтерфелл, если помнишь, я хотел отдать северянину. Сыну Эддарда Старка. Он бросил это предложение мне в лицо. — Если Станнис Баратеон затаит на кого обиду, то будет поминать о ней вечно. Как собака: не успокоится, пока не сгрызет кость до конца.

— Винтерфелл по праву переходит к моей сестре Сансе.

— Леди Ланнистер, ты хочешь сказать? Тебе так хочется увидеть Беса на высоком сиденье отца? Не бывать этому, покуда я жив!

Джон благоразумно не стал настаивать.

— Я слышал еще, будто вы хотите дать земли и замки Гремучей Рубашке и магнару теннов.

— Кто тебе это сказал?

Такие разговоры ходили по всему Черному Замку.

— Если ваше величество спрашивает, то Лилли.

— Что за Лилли такая?

— Кормилица, — пояснила Мелисандра. — Ваше величество даровали ей свободу в пределах замка.

— Не для того, чтобы она разносила слухи. Мне от нее нужны сиськи, а не язык. Больше молока, меньше сплетен.

— Лишние рты замку тоже ни к чему, — согласился Джон. — Я отправлю ее на юг с первым же кораблем из Восточного Дозора.

Леди Мелисандра потрогала рубин у себя на горле.

— Лилли кормит сына Даллы не хуже, чем собственного. Жестоко разлучать

маленького принца с его молочным братом, милорд.

Теперь надо ступать осторожно.

— Не думаю. Сын Лилли больше и крепче. Он пинает принца, щипает, отпихивает его от груди. Его отцом был жестокий и алчный Крастер, вот кровь и сказывается.

— Я думал, кормилица — дочь этого Крастера? — удивился король.

— И дочь, и жена. Крастер женился на всех своих дочерях, от такого брака и родился сын Лилли.

— От родного отца? Да, таких нам не надо. Выродков я здесь не потерплю — это не Королевская Гавань.

— Мы найдем другую кормилицу. Если не среди одичалых, так в горных кланах. А пока будем искать, мальчик поживет на козьем молоке, ваше величество.

— Плохая еда для принца… но все лучше, чем молоко шлюхи. Вернемся, однако, к фортам, — постучал по карте король.

— Ваше величество, — начал Джон с ледяной любезностью, — я разместил ваших людей у себя, кормлю их из наших скудных зимних запасов, одеваю, чтобы они не замерзли…

— Да. Ты поделился с нами овсом, солониной и черных тряпок нам набросал. Эти тряпки сняли бы одичалые с ваших трупов, не приди я к Стене.

Джон пропустил это мимо ушей.

— Ваших лошадей я тоже кормлю. Строители, как только поставят лестницу, начнут восстанавливать вашу Твердыню Ночи. Я даже согласился поселить одичалых в Даре, отданном в вечную собственность Ночному Дозору.

— Ты отдаешь мне пустоши и развалины, а в замках для лордов и рыцарей упорно отказываешь.

— Эти замки строил Ночной Дозор…

— Он же их и забросил.

— …чтобы защищать Стену, — не уступал Джон. — Они не замышлялись как усадьбы для южных лордов. Стены этих фортов скреплены костями и кровью моих давно умерших братьев. Вам я не могу их отдать.

— Не можешь или не хочешь? — Жилы на шее короля напряглись. — Я предлагал тебе имя.

— У меня есть имя, ваше величество.

— Сноу.[1] Можно ли вообразить более зловещее слово? — Станнис положил руку на рукоять меча. — Кем ты, собственно, себя возомнил?

— Дозорным на стене и мечом во тьме.

— Не играй со мной словами. — Станнис обнажил меч, который звал Светозарным. — Вот он, твой меч во тьме. — Клинок переливался красными, оранжевыми, желтыми бликами, раскрашивая лицо короля. — Даже молокососу это должно быть ясно, если он не слепой.

— Я не слепой, ваше величество, и согласен с тем, что эти замки следует заселить…

— Мальчик согласен! Какая удача!

— …гарнизонами Ночного Дозора.

— У тебя нет на это людей.

— Так дайте мне их, ваше величество. Я поставлю в каждом форте своих офицеров, опытных командиров, хорошо знающих Стену и то, что за ней. Знающих, как выжить грядущей зимой. Взамен за все, что мы для вас сделали, дайте мне людей, чтобы заселить форты! Бойцов, арбалетчиков, зеленых мальчишек, кого угодно. Согласен даже на раненых и больных.

Станнис, недоверчиво глядя на Джона, рассмеялся, будто залаял.

— В смелости тебе не откажешь, Сноу, но ты безумен, если думаешь, что мои люди

---

[1] Сноу (снег) — родовое имя, которое давали всем бастардам на Севере. — *Примеч. пер.*

наденут черное.

— Пусть себе носят любые цвета, но моих офицеров они должны слушаться, как своих.

— У меня на службе состоят лорды и рыцари, отпрыски древних благородных домов. Не станут они подчиняться крестьянам, убийцам, браконьерам…

«И бастардам, ваше величество?»

— У вас самого десница контрабандист.

— Был контрабандистом. Я ему за это пальцы урезал. Ты, я слышал, стал девятьсот девяносто восьмым по счету командующим — что, по-твоему, скажет насчет этих замков девятьсот девяносто девятый? Думаю, твоя голова на пике поможет ему стать сговорчивым. — Король положил меч на карту, расположив его вдоль Стены. Сталь мерцала, как солнечный свет на воде. — Ты остаешься лордом-командующим, лишь пока я тебя терплю, не забывай этого.

— Я стал им, потому что меня выбрали мои братья. — Порой, просыпаясь утром, Джон сам в это не верил и думал, что ему привиделся горячечный сон. «Это как новая одежда, — сказал ему Сэм. — Поначалу и жмет и тянет, а поносишь немного — глядишь, и привык».

— Аллисер Торне говорит, что выборы были неправильные, и я склонен в это поверить. — Карта, озаренная светящимся мечом, лежала между ними, как поле битвы. — Счет вел слепой старец, которому помогал твой жирный дружок. А Слинт именует тебя перевертышем.

«Кому и знать, как не Слинту», — подумал Сноу.

— Будь я перевертышем, то всячески угождал бы вам, а после бы предал. Вашему величеству известно, что выборы были честные. Мой отец всегда говорил, что вы человек справедливый. — «Суровый, но справедливый», — так на самом деле говорил Эддард Старк. Джон счел за лучшее подправить его слова.

— Лорд Эддард не был мне другом, но голова у него работала. Он бы отдал мне эти замки.

«Ага. Так бы и отдал».

— Стоит ли говорить о том, как поступил бы мой отец, ваше величество? Я принес присягу — Стена моя.

— Посмотрим, надолго ли. Оставь себе свои развалины, коли они тебе так дороги, но если хоть один замок останется незаселенным до конца года, я заберу его, с твоего соизволения или без. А если хоть один перейдет к врагу, головы тебе не сносить. Ступай вон.

— С позволения вашего величества, я провожу лорда Сноу, — сказала Мелисандра, поднявшись.

— К чему это? Он знает дорогу. А впрочем, как хочешь, — махнул рукой Станнис. — Деван, принеси мне поесть. Вареные яйца и лимонную воду.

На винтовой лестнице после теплой горницы пробирал холод.

— Ветер поднимается, миледи, — сказал сержант Мелисандре, возвращая Джону его оружие. — Вы бы надели плащ потеплее.

— Меня греет вера. — Они начали спускаться, и Мелисандра сказала: — Я вижу, его величество полюбил вас.

— Да уж. Всего-то дважды пригрозил лишить меня головы.

— Бойтесь его молчания, не его слов, — засмеялась красная женщина. Во дворе ветер бросил на нее черный плащ Джона, и она взяла спутника под руку. — Возможно, вы правы относительно короля одичалых. Я помолюсь Владыке Света, чтобы он указал мне путь. Глядя в огонь, я вижу сквозь камень, сквозь землю, проникаю в глубину человеческих душ. Говорю с давно умершими королями и детьми, еще не родившимися на свет. Смотрю, как проходят годы, лета и зимы вплоть до конца времен.

— Ваш огонь никогда не ошибается?

— Никогда. Но мы, жрецы, всего лишь смертные и порой путаем неизбежное будущее с возможным.

Джон чувствовал ее жар даже сквозь шерсть и вареную кожу. На них, идущих рука об

руку, поглядывали с любопытством — будет о чем языки почесать в казарме.

— Если вы и впрямь видите в пламени будущее, скажите, когда одичалые снова нагрянут. — Джон снял ее руку со своей.

— Видения мне посылает Рглор, но я поищу в огне вашего Тормунда. — Красные губы искривились в улыбке. — Я и вас видела там, Джон Сноу.

— Это что, угроза? Вы и меня сжечь хотите?

— Вы превратно истолковали мои слова. Я вижу, вам неловко рядом со мной, Джон Сноу?

Он не стал этого отрицать.

— Женщинам на Стене не место.

— Ошибаетесь. Я давно мечтала на ней побывать. Великое знание воздвигло ее, и подо льдом заключены великие чары. Стена — одна из дверных петель этого мира. — Мелисандра, дыша теплом, посмотрела вверх. — Я столь же уместна здесь, как и вы, и вскоре могу сослужить вам большую службу. Не отказывайтесь от моей дружбы, Джон. Я видела вас в вихре бури, окруженного врагами, которых у вас так много. Назвать вам их имена?

— Я их и без того знаю.

— Напрасно вы так уверены. — Рубин на горле Мелисандры вспыхнул красным огнем. — Бояться следует не тех, кто клянет вас в глаза, а тех, кто вам улыбается и точит ножи у вас за спиной. Не отпускайте от себя волка. Я вижу лед и кинжалы в ночи. Замерзшую кровь и обнаженную сталь. Там очень холодно.

— На Стене всегда холодно.

— Вы так думаете?

— Я знаю, миледи.

— Ничего ты не знаешь, Джон Сноу, — прошептала она.

БРАН

«Мы уже там?» Бран не спрашивал этого вслух, хотя ему очень хотелось. Они все шли и шли — через дубовые рощи, мимо высоченных страж-деревьев, темных гвардейских сосен и голых каштанов. Далеко ли еще? Ходор в очередной раз взбирался на каменный склон или спускался в трещину, где грязный снег хрустел под ногами. Далеко ли? Лось расплескивал наполовину замерзший ручей. Сколько еще осталось? Очень уж холодно тут. Где же трехглазая ворона?

Раскачиваясь в корзине на спине Ходора, Бран пригнулся под веткой дуба. Снег пошел снова, тяжелый и мокрый. У Ходора один глаз замерз и не открывался, борода заиндевела, на косматых усах висели сосульки. Он все время держался за ржавый меч, взятый в крипте под Винтерфеллом, и время от времени замахивался на ветку, поднимая фонтаны снега, стуча зубами и бормоча:

— Ход-д-дор.

Его голос, как ни странно, успокаивал мальчика. На пути от Винтерфелла к Стене Бран и его спутники коротали время, разговаривая и рассказывая истории, но здесь все было иначе. Даже Ходор это чувствовал, и его «ходоры» раздавались все реже. Бран не знал, что в лесу может быть так тихо. До снега палые листья, взметаемые северным ветром, шуршали вокруг, как тараканы в буфете, но теперь их плотно укрыла белая пелена. Пролетит порой ворон, хлопая крыльями, — вот и все здешние звуки.

Лось пробирался через сугробы, пригнув голову с обледенелыми рогами. На нем ехал разведчик, мрачный и молчаливый. «Холодные Руки», назвал его толстяк Сэм: руки у него, несмотря на бледность лица, черные, твердые и холодные, как железо. Все прочее, кроме них, одето в шерсть, кольчугу и вареную кожу, на голове капюшон, лицо до самых глаз замотано черным шарфом.

Позади него на лосе сидели Риды — Мира обнимала брата, согревая его. У Жойена под

носом замерзли сопли, и временами он содрогался всем телом. «Каким же он кажется маленьким, — удивлялся Бран. — Меньше меня и слабее, хотя я калека».

Маленький отряд замыкал Лето с заиндевелой мордой, все еще припадающий на заднюю лапу, куда у Короны Королевы попала стрела. Бран чувствовал боль от раны всякий раз, как залезал в волчью шкуру. Последнее время он жил в теле лютоволка чаще, чем в своем собственном; волк, несмотря на густую шерсть, тоже мерз, но видел дальше, слышал лучше и чуял гораздо больше запахов, чем закутанный мальчик в корзине.

Когда Брану надоедало быть волком, он залезал в Ходора. Здоровенный конюх при этом ныл и мотал головой, хоть и не так сильно, как в первый раз, у Короны. «Он знает, что это я, — надеялся Бран, — и привыкает быть мной». Не сказать, чтобы в Ходоре было очень удобно: он не понимал, что происходит, и Бран все время чувствовал его страх. С Летом все получалось гораздо лучше. Он — это Бран, а Бран — это он. И чувствуют они одинаково.

Иногда Лето, следуя за лосем, думал, может ли он свалить такого большого зверя. В Винтерфелле он привык к лошадям, но лось — другое дело: это добыча. Чуя теплую кровь под лохматой лосиной шкурой, он пускал слюни, и рот Брана тоже наполнялся слюной.

На дубу каркнул ворон, к нему прилетел другой. Днем их сопровождало не больше полудюжины воронов — они перелетали с дерева на дерево или сидели на лосиных рогах. Остальная стая держалась впереди или позади, но на закате все слетались и рассаживались вокруг, занимая каждую ветку поблизости. Некоторые говорили что-то разведчику на своем языке, и Брану казалось, что тот понимает их. Вороны, как видно, докладывают ему обо всех опасностях, таящихся впереди или крадущихся сзади.

Вот как теперь. Лось внезапно остановился, и разведчик спрыгнул с него, уйдя по колено в снег. Лето, ощетинившись, зарычал на него — волку не нравилось, как пахнет Холодные Руки. Сухое мясо, сухая кровь, слабый запашок гнили и холод. Холод — прежде всего.

— Что там такое? — спросила Мира.

— Позади нас, — глухо ответил Холодные Руки в свой черный шарф.

— Волки? — Бран знал, что те все время идут за ними. По ночам путники слышали жалобный вой, с каждой ночью чуть ближе. Охотники были голодны и чуяли слабость тех, за кем шли. Часто Бран просыпался еще до рассвета и слушал, как они перекликаются вдалеке. Волки просто так не ходят, они должны преследовать какую-то дичь. Он долго так думал, а потом понял: «Дичь — это мы».

— Люди. Волки пока держатся на расстоянии, люди смелее.

Мира откинула капюшон — мокрый снег с него обвалился наземь.

— Сколько их? Кто они?

— Враги. Я разберусь с ними.

— Я с тобой.

— Ты останешься и будешь охранять мальчика. Впереди замерзшее озеро. Поворачивайте по льду на север и идите вдоль берега. Как придете в рыбачью деревню, остановитесь и ждите меня.

Бран думал, что Мира сейчас начнет спорить, но ее брат сказал:

— Делай, как он говорит. Он знает эти места. — В темно-зеленых, как мох, глазах Жойена поселилась усталость, которой Бран ни разу не замечал прежде. Настоящий маленький старичок. Юный житель болот, к югу от Стены казавшийся не по годам мудрым, здесь был напуган и растерян не меньше всех остальных, но Мира все равно его слушалась.

Холодные Руки ушел в обратную сторону, четверо воронов улетели за ним. Щеки у Миры разгорелись, из ноздрей шел парок. Она толкнула пятками лося, и они двинулись дальше. Не проехав и двадцати ярдов, девушка оглянулась назад.

— Люди… Одичалые, что ли? Нет бы так и сказать.

— Он сказал, что сам разберется, — заметил Бран.

— Сказал, да. Он говорил еще, что отведет нас к трехглазой вороне. Могу поклясться, что сегодня утром мы перешли ту же самую реку, которую переходили четвертого дня. Мы

ходим кругами!

— У рек много изгибов, — неуверенно сказал Бран, — а холмы и озера приходится обходить.

— Слишком много обходов. И тайн, — стояла на своем Мира. — Не нравится мне это, и он тоже не нравится. Я не доверяю ему. Взять одни его руки. Лицо он прячет, имени своего не назвал. Кто он и что он? Черный плащ любой может надеть. Он не ест, не пьет и холода, похоже, не чувствует.

Бран тоже замечал это, но боялся сказать. Во время ночевок они все жались друг к другу, кроме разведчика. Глаза он иногда закрывал, но Бран сомневался, что он когда-нибудь спит. И еще…

— Шарф. — Все вороны улетели вслед за разведчиком, но Бран на всякий случай понизил голос. — Шарф, которым завязан его рот, никогда не обмерзает, как борода у Ходора. Даже когда он говорит.

— Верно, — согласилась с ним Мира. — Мы ни разу не видели, как он дышит, ведь так?

— Не видели. — Хотя дыхание всех остальных, считая и лося, оставляет в воздухе белые облачка.

— Если он не дышит, значит…

Брану вспомнились сказки старой Нэн. «За Стеной живут великаны, людоеды, тени и ходячие мертвецы, — говорила она, укрывая его колючим шерстяным одеялом, — но сюда они не пройдут, покуда стоит Стена и несут свой дозор люди в черном. Сладких тебе снов, мой маленький Брандон». Разведчик носит черный плащ Ночного Дозора, но что, если он и не человек вовсе? Что, если он ведет их на съедение другим чудищам?

— Он спас Сэма с девушкой от упырей, — все также нерешительно сказал Бран, — и ведет меня к трехглазой вороне.

— А почему она сама не прилетела к Стене, раз у нее крылья есть? Мой брат с каждым днем слабеет. Сколько еще нам идти?

— Пока не придем, — откашлявшись, сказал Жойен.

Придя вскоре к замерзшему озеру, они повернули на север, как велел разведчик. Это была сама легкая часть пути.

Снег, шедший столько дней, что Бран и счет потерял, превратил озеро в бескрайнюю белую пустыню. По ровному льду они продвигались быстро, но из-за снега трудно было сказать, где кончается лед и начинается берег. Даже деревья не могли служить вехами: на озере встречались лесистые островки, а берег зачастую был голым.

Лось шел, как сам считал нужным, не слушаясь всадников. Большей частью он держался под деревьями, но стоило береговой линии повернуть к западу, он опять спускался на лед, трещавший у него под копытами, и пробирался через заносы, которые Брана укрыли бы с головой. Северный ветер, свиставший над озером, пробирал до костей и слепил глаза снегом.

Между деревьями уже шевелились длинные пальцы сумерек. На севере дни короткие, каждый короче предыдущего — и если днем холодно, то ночью мороз становится просто убийственным.

— Пора бы ей уже быть, этой деревне, — после долгого молчания произнесла Мира.

— Может, мы мимо нее прошли? — сказал Бран.

— Надеюсь, что нет. Скоро стемнеет, нужно где-то укрыться.

Она, конечно, права. Щеки у нее из красных стали почти лиловыми, у Жойена синие губы, Бран почти не чувствует собственного лица. Ходор, бредущий по колено в снегу, оброс ледяной коркой. Если уж и он спотыкается…

— Лето найдет деревню, — неожиданно для себя самого сказал Бран. Не дожидаясь ответа Миры, он закрыл глаза и вышел из своего разбитого тела.

Как только он очутился в волчьей шкуре, мертвый лес ожил. Там, где раньше стояла полная тишина, слышался шум ветра, дыхание Ходора, лось, скребущий землю копытом в

поисках корма. Нос наполнили знакомые запахи мокрых листьев, увядшей травы, сгнившей в подлеске белки, кислого человечьего пота, лосиной шкуры. Еда. Мясо. Лось, чуя его возбуждение, наставил на лютоволка рога.

«Нельзя, — шепнул мальчик зверю, делившему с ним одну шкуру. — Оставь лося. Беги».

И Лето побежал через озеро, взрывая лапами снег. Деревья, одетые в белое, стояли плечом к плечу, как солдаты в бою. Корни, камни, наносы старого снега. На холме росли сосны и пахло хвоей. Волк покружил на вершине, нюхая воздух, поднял голову и завыл.

Здесь пахло человеком.

Бран унюхал слабый, но явственный запах пепла, горелого дерева, сажи, угля. Угасший очаг.

Он отряхнул морду от снега. Ветер налетал порывами, мешая понять, откуда исходит запах. Кругом только снежные горы и белые деревья в строю. Волк подставил язык снежинкам, пробуя воздух на вкус, и потрусил в нужную сторону. Ходор не отставал, но лось медлил. Бран нехотя вернулся в тело мальчика и сказал:

— Поезжайте за Летом. Я чую жилье.

Когда сквозь тучи проглянул тонкий месяц, они наконец вошли в деревню у озера, которую нипочем бы не заметили без помощи Брана. Круглые каменные домики, заметенные снегом, легко было спутать с валунами или пригорками. Вчера Жойен принял за хижину бурелом — они долго раскапывали сугроб, но нашли только ветки да поваленные стволы.

Деревня, как и все, что встречались им на пути, была брошена. Некоторые свои селения одичалые жгли, чтобы отрезать себе все пути к возвращению, но это избежало огня. Под снегом обнаружились с десяток хижин и бревенчатый длинный дом под дерновой крышей.

— Хоть от ветра укроемся, — сказал Бран.

— Ходор, — сказал Ходор.

Мира и ее брат, спешившись, помогли ему вынуть Брана.

— Может, от одичалых что съестное осталось?

Напрасная надежда. В длинном доме с твердым земляным полом стоял пронизывающий холод, но крыша и стены все-таки защищали от ветра. Рядом журчал ручей — лось напился из него, проломив лед копытом, и Мира всем набрала льда для питья. Бран передернулся, взяв в рот свою льдинку.

Лето не пошел с ними в дом.

— Иди, иди охотиться, — сказал ему Бран, ощущая его голод, как тень своего, — только лося не трогай. — Часть его существа тоже хотела пойти на охоту — может быть, позднее он так и сделает.

Их ужин состоял из истолченных в кашицу желудей. Бран ими давился, Жойен не стал и пробовать.

— Надо есть, Жойен, — сказала ему сестра.

— Потом, когда отдохну немного. Не в этот день мне суждено умереть, — заверил он с вымученной улыбкой.

— Ты чуть не свалился с лося!

— Но все-таки усидел. Я замерз и проголодался, в этом все дело.

— Тогда ешь.

— Желуди твои? Животу от них только хуже. Оставь меня, Мира — хочу увидеть во сне жареного цыпленка.

— Сном сыт не будешь, даже если это зеленый сон.

— Что ж делать, раз у нас нет ничего, кроме снов.

Вся еда у них вышла дней десять назад, и голод сопровождал их неотлучно. Даже Лето не мог найти дичи в этих лесах — путники жили на желудях и на сырой рыбе. Ручьев и мелких озер здесь было полно, и Мира промышляла со своей острогой не хуже, чем с удочкой. Порой она возвращалась вся синяя, однако с уловом, но вот уже три дня — три года, как склонен был считать пустой желудок Брана — ей ничего не удавалось поймать.

После скудной трапезы Мира прислонилась к стене и стала точить о брусок свой кинжал. Ходор сидел у двери на корточках, раскачивался и бормотал:

— Ходор, ходор, ходор.

Бран закрыл глаза. Говорить было холодно, огонь Холодные Руки разводить не велел. «Этот лес не такой пустой, как вы думаете, — сказал он. — Никогда не знаешь, что может прийти из тьмы на твой огонек». Бран вздрогнул, вспомнив об этом, несмотря на соседство теплого Ходора.

Сон не шел — какой уж тут сон. Только ветер, жгучий мороз и луна на снегу. Он снова вернулся в Лето, бегущего за много лиг от него, и ночь запахла кровью. Неподалеку убили что-то живое — мясо еще не успело остыть. Внутри ворочался голод, зубы омывала слюна. Нет, это не лось. Не олень.

Лютоволк поджарой серой тенью скользил от дерева к дереву, сквозь лужицы лунного света, через сугробы. Ветер, все такой же порывистый, то и дело менял направление. Лето потерял запах, нашел, потерял снова… и насторожил уши, услышав далекий звук.

Волк! Лето, соблюдая осторожность, пошел на голос. Запах крови вернулся, но теперь его сопровождали другие: моча, шкуры мертвых зверей, птичий помет, перья и волк, волк, волк. Стая. За мясо придется драться.

Они тоже его учуяли и смотрели, как он выходит на залитую кровью поляну. Самка, увидев его, бросила грызть сапог с застрявшей внутри ногой. Старый одноглазый самец с поседелой мордой вышел, ощерясь, навстречу чужому, молодой волк тоже оскалился.

Бледно-желтые глаза лютоволка вобрали в себя клубок внутренностей, перепутанный с ветками, пар из вскрытого живота, голову, глядящую на месяц пустыми глазницами, красную лужу замерзшей крови.

Люди. Только человек так воняет. Раньше их было как пальцев на человечьей лапе, теперь их нисколько. Обыкновенное мясо. Раньше на них были плащи с капюшонами, но волки все изодрали в клочья. На сохранившихся кое у кого лицах торчат бороды в застывших соплях. Трупы уже начал заметать снег, очень белый по сравнению с их лохмотьями.

За много лиг от лютоволка беспокойно зашевелился мальчик.

Черное. Братья Ночного Дозора.

Лютоволка это не волновало. Они были мясом, а его мучил голод.

Глаза трех волков загорелись желтым огнем. Лютоволк поводил головой, раздул ноздри, оскалился, зарычал. Молодой волк попятился, и Лето учуял его страх, но старый вышел наперерез чужаку. Он не боялся лютоволка, хотя тот был вдвое больше его.

Их глаза встретились. Варг! Они покатились по снегу, терзая один другого. Двое других волков щерили зубы, следя за боем. Лютоволк куснул мех, сомкнул челюсти на тонкой как палка лапе, но одноглазый прошелся когтями по его животу, вырвался, перекувырнулся, снова ринулся в бой. Его желтые клыки щелкнули у самого горла, но лютоволк стряхнул старика, как крысу. Свежая кровь запятнала снег, прежде чем одноглазый лег и показал брюхо. Лютоволк, огрызнувшись еще пару раз, понюхал ему зад, задрал ногу и оросил побежденного.

Двое других подчинились ему без боя. Стая была его и добыча тоже.

Лютоволк, обнюхав убитых, остановился на самом большом, без лица, с черной железякой в руке. Культя другой, лишенной кисти руки была обмотана кожей, из разреза на горле вытекала густая вязкая кровь. Волк полизал ее, прошелся языком по разодранному лицу и вырвал кусок из горла. Никогда он еще не пробовал такого вкусного мяса.

Покончив с этим человеком, он перешел к следующему и съел самые лакомые части тела. Вороны смотрели на него с деревьев, волки доедали добычу за ним: сначала одноглазый, потом волчица, потом молодой. Теперь они сделались его стаей.

«Нет, — прошептал мальчик, — у нас своя стая. Леди мертва и Серый Ветер скорее всего тоже, но где-то живут Нимерия, Лохматый Песик и Призрак. Помнишь Призрака?»

Падающий снег и кормящиеся волки начали меркнуть. Тепло касалось лица

материнскими поцелуями. «Огонь, — отметил про себя мальчик, — дым». Нос дернулся от запаха жареного. Лес пропал окончательно: он снова был в длинном доме, в искалеченном теле, и смотрел на огонь. Красное мясо, которое поворачивала над пламенем Мира Рид, шипело и плевалось жиром.

— Чуть ужин не проспал, — сказала она. Бран протер глаза, оперся на стену, сел. — Разведчик принес свинью.

Ходор жадно поедал свою долю, бормоча «ходор, ходор». По бороде у него текли кровь и жир, меч он положил на пол рядом с собой. Жойен откусывал от свиной ноги по кусочку, тщательно их прожевывая.

Холодные Руки стоял у двери с вороном на руке. В двух парах черных глаз отражалось пламя. «Он ничего не ест и боится огня», — вспомнил Бран.

— Ты же сказал, что огонь нельзя зажигать, — сказал он разведчику.

— Здесь его прячут стены, да и рассвет близко. Скоро отправимся.

— Что случилось с теми людьми? С врагами?

— Они больше не опасны.

— Кто это был, одичалые?

Мира перевернула мясо другой стороной, Ходор жевал и глотал, не переставая бубнить, — только Жойен, кажется, понял, что здесь происходит.

— Это были враги, — ответил Холодные Руки.

«Люди Ночного Дозора».

— Ты их убил. Ты и вороны. У них лица изодраны, глаза выклеваны.

Холодные Руки ничего не стал отрицать.

— Это были твои братья, я видел. Волки сорвали с них всю одежду, но она была черная. Как твои руки.

Разведчик молчал.

— Кто ты? Почему у тебя руки черные?

Разведчик посмотрел на них так, будто видел впервые.

— Когда сердце человека перестает биться, кровь застаивается в руках и ногах. — Голос звучал еле слышно, такой же изможденный, как сам разведчик. — Они пухнут и чернеют, а все остальное тело становится белым, как молоко.

Мира Рид встала, держа в руке лягушачий трезубец с насаженным на него мясом.

— Покажи нам свое лицо.

Разведчик не шелохнулся.

— Он мертвый, Мира. — Горло Брану обожгла желчь. — Старая Нэн говорила, что нежить из-за Стены не может пройти сюда, покуда Стена стоит и несут свой дозор люди в черном. Он пришел за нами к Стене, но пройти не мог — послал вместо себя Сэма и одичалую девушку.

Мирина рука в перчатке еще крепче сжала древко остроги.

— А тебя кто послал? Кто эта трехглазая ворона?

— Мой друг. Сновидица, ведунья — назови как угодно. Последняя из древовидцев. — Дверь распахнулась. В ночи выл ветер и кричали вороны на деревьях. Холодные Руки не шелохнулся.

— Ты упырь, — сказал Бран.

Разведчик смотрел на него так, словно остальных вовсе не было.

— Твой упырь, Брандон Старк.

— Твой, — повторил ворон у него на плече, и вороны на деревьях подхватили, наполнив ночь жутким эхом: — Твой, твой, твой!

— Жойен, тебе это снилось? — Мира ухватилась за плечо брата. — Что нам теперь делать?

— Мы зашли слишком далеко, Мира — до Стены уже не добраться. Надо идти дальше с упырем Брана, если мы хотим жить.

ТИРИОН

Из Пентоса они выехали через Рассветные ворота, хотя рассвета Тирион Ланнистер не увидел.

— Как будто тебя вовсе не было в Пентосе, — говорил магистр Иллирио, задвигая пурпурные бархатные занавески носилок. — Никто не видел, как ты проник в этот город, никто не должен видеть, как ты его покидаешь.

— Никто, кроме матросов, запихнувших меня в бочонок, юнги, прибиравшего за мной, наложницы, которую ты мне прислал, и хитрой веснушчатой прачки. Да, охрану забыл! Если ты и мозги им не удалил вместе с яйцами, они знают, что ты здесь не один. — Носилки на толстых кожаных постромках раскачивались между восемью битюгами. С каждой стороны их шли по двое евнухов, остальные тянулись позади, охраняя обоз.

— Безупречные не болтают, а галея, доставившая тебя сюда, находится сейчас на пути к Асшаю. Вернется она не раньше чем два года спустя, если море будет к ней милостиво. Что до моей челяди, то они любят меня, и никто из них хозяина не предаст.

«Утешай себя этим, мой толстый друг — когда-нибудь эти слова высекут на твоей гробнице».

— Надо нам было сесть на нее, — сказал карлик. — Кратчайший путь до Волантиса лежит по морю.

— Море изменчиво. Осень — сезон штормов, на Ступенях гнездятся пираты. Мы не хотим, чтобы мой маленький друг оказался у них в руках.

— На Ройне тоже пираты водятся.

— Речные. — Торговец сырами зевнул, прикрыв рукой рот. — Тараканы, что кормятся крошками.

— Я слышал еще о каменных людях.

— Да, есть такие, но зачем о них говорить в такой прекрасный день? На берегах Ройна ты избавишься от Иллирио с его большим животом, а пока будем пить, спать и грезить. У нас вдоволь хорошего вина и вкусной еды — зачем думать о болезнях и смерти?

«И верно, зачем?» — спросил себя Тирион, вновь слыша гул тетивы арбалета. Носилки раскачивались, точно мать убаюкивала его на руках — в жизни, правда, ему этого не довелось испытать. Возлежал он на подушках из гусиного пуха, пурпурные стенки и потолок держали тепло, не пуская осень в передвижной домик.

Вьючные мулы везли за ними сундуки, бочонки и разные вкусности на потребу сырному лорду. Завтракали они пряной колбасой и пивом из дымной ягоды, в полдень запивали дорнийским красным угрей в желе, вечером ели ветчину, вареные яйца и жаворонков с начинкой из лука и чеснока, а пили светлый эль и огненную мирийскую брагу, улучшающую пищеварение. Носилки, несмотря на все свое удобство, двигались очень медленно — карлик просто чесался от нетерпения.

— Долго ли еще до реки? — спросил он Иллирио. — Если будем плестись таким ходом, твои драконы вырастут больше Эйегоновых.

— Твоими бы устами! Большой дракон страшней маленького. Очень бы мне хотелось приветствовать королеву Дейенерис в Волантисе, но приходится положиться в этом на тебя и на Гриффа. Я лучше послужу ей в Пентосе, готовя дорогу для ее возвращения. Ну, а пока мы вместе, надо же толстому старику как-то скрашивать себе путешествие. Выпей еще вина.

— Скажи, какое пентосскому магистру дело до того, кто носит вестеросскую корону? Где твоя выгода во всем этом, милорд?

Иллирио промокнул жирные губы.

— Я старый человек, уставший от измен этого мира. Так ли уж странно, что на исходе моих дней я хочу сделать что-то хорошее? Помочь прелестной девушке восстановить свои наследственные права?

«Как же, как же. Скажи еще, что у тебя есть волшебные доспехи и дворец в древней Валирии».

— Если Дейенерис не более чем прелестная девушка, Железный Трон порежет ее на прелестные маленькие кусочки.

— Не беспокойся, дружок. В ней течет кровь Эйегона Драконовластного.

«А также Эйегона Недостойного, Мейегора Жестокого и Бейелора Полоумного».

— Расскажи мне о ней.

Толстяк призадумался.

— Дейенерис, когда прибыла в Пентос, была еще наполовину ребенком, но красотой превосходила даже мою вторую жену. Я возжелал ее для себя, но ее робость и боязливость не предвещали радостей плоти. Я призвал наложницу и утешался с ней, пока безумие не прошло. По правде говоря, я думал, что у табунщиков Дейенерис протянет недолго.

— Это не помешало тебе продать ее кхалу Дрого.

— Дотракийцы куплей-продажей не занимаются. Верней будет сказать, что ее брат Визерис отдал девушку кхалу в обмен на дружбу. Тщеславный был юноша. Очень хотел сесть на отцовский трон, но сестру свою желал не менее страстно. В ночь перед свадьбой он пытался залезть к принцессе в постель — не руку, так хотя бы невинность ее получить. Не поставь я часовых у ее двери, он нарушил бы все мои многолетние планы.

— Полным дураком он был, что ли?

— Всего лишь сыном Безумного Эйериса. Дейенерис… совсем другая. — Иллирио сунул в рот жаворонка и разгрыз прямо с костями. — Испуганное дитя, которому я дал приют в своем доме, умерло в Дотракийском море, возродившись в крови и огне. Драконья королева, носящая ныне ее имя — истинная Таргариен. Когда я прислал ей корабли, чтобы ехать домой, она повернула к заливу Работорговцев, где в считанные дни завоевала Астапор, подчинила себе Юнкай и разграбила Миэрин. Следующим, если она двинется по старым валирийским дорогам, будет Мантарис… если же выйдет в море, то ее флот должен будет запастись водой и провиантом в Волантисе.

— От Миэрина до Волантиса много лиг — что сушей, что морем.

— Пятьсот пятьдесят по прямой, как летает дракон, через пустыни, горы, болота и населенные демонами руины. Многие погибнут, но живые, достигнув Волантиса, станут крепче… а там будете ждать вы с Гриффом, и свежие силы, и достаточное число кораблей, чтобы переправить их через море в Вестерос.

Тирион стал припоминать, что известно ему о Волантисе, самом древнем и гордом из Девяти Городов. Что-то тут было не так — он чуял это даже своим ополовиненным носом.

— Говорят, что в Волантисе на каждого свободного человека приходится пять рабов. Зачем триархам помогать королеве, губящей работорговлю? И если уж на то пошло, зачем это делаешь ты? Может, пентосские законы и запрещают рабство, но у тебя большой интерес в торговле живым товаром — и все же ты оказываешь Дейенерис поддержку. Что ты надеешься от нее получить?

— Снова-здорово… ох и въедлив же ты, дружок. — Иллирио со смехом хлопнул себя по животу. — Будь по-твоему. Король-Попрошайка сулил сделать меня своим мастером над монетой да к тому же и лордом. Как только он, дескать, наденет корону, я смогу выбрать себе любой замок… даже Бобровый Утес, если того пожелаю.

Тирион фыркнул так, что вино пролилось из носа.

— Жаль, батюшка мой не слышал.

— У твоего лорда-отца не было причин волноваться — на кой мне Утес? Мой особняк достаточно велик и гораздо удобнее ваших продуваемых насквозь замков. А вот мастер над монетой… — Толстяк облупил очередное яйцо. — Люблю золото — есть ли звук слаще его перезвона?

«Есть. Вопли дражайшей сестрицы».

— Ты так уверен, что Дейенерис сдержит обещание своего брата?

— То ли сдержит, то ли нет. — Иллирио откусил половину яйца. — Я тебе уже говорил, дружок: не все в мире совершается ради выгоды. Думай что хочешь, но даже у толстых стариков вроде меня есть друзья и долги, которые дружба обязывает платить.

«Врешь, толстяк, — подумал Тирион. — Что-то в этом деле влечет тебя больше, чем монета и замки».

— Как редко в наши дни люди ставят дружбу превыше золота.

— Твоя правда. — Магистр остался глух к иронии карлика.

— И с чего это наш Паук так тебе дорог?

— Мы земляки. Росли вместе.

— Варис родом из Мира.

— Верно. К нам он явился, сбежав от работорговца. Днем спал в сточных канавах, ночью лазил по крышам, как кот. А я, брави в грязных шелках, немногим богаче его, жил только своим клинком. Видел статую у меня в бассейне? Пито Маланон изваял ее, когда мне было шестнадцать. Красивая вещь, хотя теперь я не могу смотреть на нее без слез.

— Все мы с годами портимся — я до сих пор оплакиваю свой нос. Так что же Варис?

— В Мире он был принцем воров, пока один из соперников не донес на него. В Пентосе его выделял акцент. Потом узнали, что он евнух, и начали его бить и оплевывать. Почему он именно меня выбрал в защитники, я, возможно, никогда не узнаю, но мы пришли к соглашению. Варис шпионил за менее удачливыми ворами и забирал их добычу, а я за вознаграждение возвращал потерпевшим украденное. Вскоре все обворованные стали ходить ко мне, а все городские воры мечтали заполучить в руки Вариса. Одна половина — чтобы глотку ему перерезать, другая — чтобы продать ворованное. Мы с ним постепенно богатели и стали еще богаче, когда Варис натаскал своих мышек.

— В Королевской Гавани он держит пташек.

— Тогда мы их называли мышками. Другие воры думали сдуру, что мы весь свой слам пропиваем, а Варис тем временем обучал сироток — как мальчиков, так и девочек. Подбирал самых маленьких, кто пошустрее, и учил их лазить по стенам и дымоходам, а также читать. Золото и драгоценности они оставляли заурядным ворам, сами же искали письма, счетные книги, карты… Найденное прочитывали и клали на то же место. Тайны, уверял Варис, стоят дороже серебра и сапфиров. Меня так зауважали, что кузен принца Пентосского отдал за меня свою дочь, а слухи о талантах некого евнуха пересекли Узкое море и дошли до ушей одного короля. Крайне подозрительного короля, не доверявшего ни жене, ни сыну, ни своему деснице — другу юности, который с годами чересчур о себе возомнил. Конец истории тебе, полагаю, известен?

— В основном. Я вижу теперь, что ты не простой торговец сырами.

— Как ты любезен, дружок, — насмешливо поклонился Иллирио. — Я тоже вижу, что лорд Варис не ошибся в тебе — ты и вправду смышлен. — Он выставил в улыбке все свои желтые зубы и потребовал еще кувшинчик мирийской.

Когда он уснул с кувшином под боком, Тирион умыкнул сосуд и налил себе чашечку. Выпил, зевнул, снова налил. Если выпить много огненного вина, могут присниться драконы.

Одиноко подрастая в Бобровом Утесе, он часто летал по ночам на драконах, воображая себя потерянным принцем из рода Таргариенов или валирийским драконьим лордом. Когда дяди спросили, какой подарок он хочет на именины, он сказал, что дракона. «Можно совсем маленького, такого как я». Дядя Герион решил, что ничего забавнее в жизни не слышал, а дядя Тигетт сказал: «Последний дракон умер сто лет назад, мальчуган». От такой чудовищной несправедливости мальчик проплакал всю ночь.

Однако у дочери Безумного Короля, если верить торговцу сырами, вылупились трое живых. На два больше, чем требуется кому бы то ни было, даже Таргариену. Тирион почти жалел, что убил отца. Какую он скроил бы мину, услышав, что одна из Таргариенов с тремя драконами держит путь в Вестерос при поддержке хитрого евнуха и купца толщиной с пол-Утеса!

Тирион так наелся, что пришлось распустить пояс и завязки на бриджах. В детских одежках он чувствовал себя колбасой в слишком тесной шкурке. Если так есть каждый день, он до встречи с драконьей королевой сравняется толщиной с Иллирио. Снаружи настала ночь, в носилках было темно. Тирион слышал храп Иллирио, поскрипывание упряжи, стук

подкованных копыт по гладкой валирийской дороге, но сердце его жаждало шума кожистых крыльев.

Проснулся он, когда уже рассвело. Лошади шагали, носилки раскачивались. Тирион выглянул в щелку, но не увидел ничего, кроме полей цвета охры, голых вязов и самой дороги, прямой как стрела. Он читал о валирийских дорогах, но никогда их прежде не видел. Валирия некогда захватила Драконий Камень и остановилась на этом. Странно, у них ведь были драконы. Почему они не пошли дальше, на богатые земли западного материка?

Ночью он перебрал. В голове стучало, к горлу подкатывало даже от легкой качки.

— Давай-ка выпьем, — сказал Иллирио, хотя Тирион не жаловался. — Потребим, как говорится, чешуйку дракона, который тебя спалил. — Ежевичное вино было такое сладкое, что мухи слетались к нему, как на мед. Тирион разогнал их и выпил. Первую чашу он с трудом удержал внутри, потом пошло легче, но аппетита все равно не прибавилось.

— Мне снилась королева, — поведал он, отвергнув предложенную Иллирио ежевику со сливками. — Я стоял перед ней на коленях и присягал ей на верность, но она приняла меня за моего брата Джейме и скормила своим драконам.

— Будем надеяться, что сон не был вещим. Ты, как и говорил Варис, смышленый бесенок, а Дейенерис умные люди ох как нужны. Сир Барристан — храбрый и верный рыцарь, но хитростью сроду не отличался.

— У рыцарей на все вопросы один ответ: копья наперевес и в атаку. Карлик по-другому смотрит на мир. Ну, а ты что же? Ты и сам далеко не глуп.

— Ты мне льстишь. Я, увы, не создан для путешествий, потому и отправляю тебя к Дейенерис вместо себя. Ты оказал ее величеству великую услугу, убив своего отца, — и, надеюсь, еще не одну окажешь. Дейенерис в отличие от своего брата не дурочка и сумеет оценить тебя по достоинству.

«Как растопку, видимо». Тирион только улыбнулся в ответ.

Лошадей они меняли три раза в день, но через каждые полчаса останавливались, чтобы Иллирио мог помочиться. Сам со слона, а пузырь у него, как видно, с орех. Во время одной такой остановки Тирион рассмотрел дорогу как следует. Он заранее знал, что увидит: не утоптанный грунт, не кирпич, не булыжник, а ленту из сплошного монолитного камня, поднятую на полфута над землей для стока осадков. В отличие от того, что сходило за дороги в Семи Королевствах, валирийский тракт износа не знал, и по нему могли проехать в ряд три повозки. Четыреста лет прошло с тех пор, как Рок сокрушил Валирию, а дорога все та же. Тщетно Тирион искал в ней вмятины или трещины — кроме лошадиного навоза, ничего не нашлось.

Навоз напомнил ему о лорде-отце. «Где ты теперь, отец, — в преисподней? В славном холодном местечке, откуда тебе видно, как я помогаю вернуть на Железный Трон дочь Безумного Эйериса?»

Они снова тронулись в путь, и магистр, грызя жареные каштаны, вернулся к разговору о королеве.

— Боюсь, что последние новости о ней давно устарели. По нашим расчетам, она должна была уже выйти из Миэрина. Теперь у нее есть войско, составленное из наемников, дотракийцев и Безупречных, — она, несомненно, должна повести их на запад, чтобы вернуть себе отцовский престол. — Иллирио открыл горшочек с улитками в чесноке, понюхал и улыбнулся. — Авось, в Волантисе ты услышишь что-нибудь поновее. — Он высосал улитку из скорлупы. — Драконы и молодые женщины, как известно, капризны — возможно, вам придется пересмотреть свои планы. Грифф знает, что делать. Попробуй улиток! Чеснок вырос в моем огороде.

Улитка и та двигалась бы резвей, чем эти носилки. Тирион отмахнулся.

— Ты здорово доверяешь этому Гриффу. С ним вы тоже вместе росли?

— Нет. Он, как выразился бы ты, наемник родом из Вестероса. Знаю, что ты скажешь! — вскинул руку Иллирио. — «Наемники ставят золото выше чести; Грифф того и гляди продаст меня сестре-королеве». Не думай так. Гриффу я в самом деле доверяю. Как

брату.

«Еще одна роковая ошибка».

— Хорошо, последую твоему примеру.

— Золотые Мечи в это самое время идут к Волантису, где будут ждать прибытия нашей королевы с востока.

«Сверху золото, под ним жгучая сталь».

— Я слышал, Золотые Мечи заключили договор с одним из Девяти Городов.

— С Миром, — ухмыльнулся Иллирио. — Но договор и нарушить можно.

— На сырах можно заработать больше, чем я полагал. Как ты это устроил?

Магистр пошевелил жирными пальцами.

— Скажем так: одни договоры пишутся чернилами, другие кровью.

Золотые Мечи славились как лучший из наемнических отрядов. Учредил его сто лет назад Жгучий Клинок, побочный сын Эйегона Недостойного. Когда другой бастард Эйегона попытался отнять Железный Трон у законного брата, Жгучий Клинок поддержал мятеж. Но Дейемон Черное Пламя погиб на Багряном Поле, и это положило конец восстанию. Его сторонники, не пожелавшие покориться, бежали через Узкое море. В их числе были младшие сыновья Эйемона, Жгучий Клинок и сотни безземельных лордов и рыцарей: за морем они могли прокормиться только в качестве наемных солдат. Одни примыкали к Рваному Знамени, другие к Младшим Сыновьям или Воинам Девы. Жгучий Клинок, видя, как распыляются силы Черного Пламени, решил основать свой отряд и объединить всех изгнанников.

С тех пор и до сего времени Золотые Мечи жили и умирали на Спорных Землях, сражаясь то за Мир, то за Лисс, то за Тирош в их мелких бессмысленных войнах и мечтая об утраченной родине. Изгнанники и сыновья изгнанников, лишенные всего, непрощенные… и грозные воины.

— Твой дар убеждения прямо-таки восхищает меня, — сказал Тирион. — Как ты уговорил Золотых Мечей, чьи предки сражались с домом Таргариенов, поддержать нашу прелестную королеву?

Иллирио небрежно махнул рукой.

— Дракон остается драконом, красный он или черный. Когда Мейелис-Чудище погиб на Ступенях, мужская линия Черного Пламени пресеклась. А Дейенерис способна дать изгнанникам то, чего не сумели ни Жгучий Клинок, ни все бастарды Черного Пламени, — усмехнулся в раздвоенную бороду магистр. — Она вернет их домой.

Огнем и мечом. Тирион сам был не прочь вернуться домой таким образом.

— Десять тысяч мечей — королевский дар, отдаю тебе должное. Ее величество должна быть довольна.

Иллирио скромно колыхнул подбородками.

— Не беру на себя смелость судить, что приятно ее величеству, а что нет.

Что ж, разумно. Тирион кое-что знал о благодарности королей — почему с королевами должно быть иначе?

Иллирио вскоре уснул, оставив Тириона наедине с собственными мыслями. Что скажет Барристан Селми, когда ему предложат идти в бой вместе с Золотыми Мечами? На Войне Девятигрошовых Королей он прорубил кровавую дорогу сквозь их ряды и убил последнего из претендентов Черного Пламени. Мятежникам приходится заключать самые причудливые союзы — взять хоть Тириона и этого толстяка.

При смене лошадей купец пробудился и опять потребовал закусить.

— Что это за места? — спросил карлик, пока они подкреплялись холодным каплуном и десертом из моркови, изюма и апельсинов.

— Андалос, мой друг. Именно отсюда пришли ваши андалы. В свое время они отвоевали эту землю у волосатых родичей иббенийцев. К северу от нас лежат древние владения Хутора — мы сейчас проходим по их южной границе. В Пентосе их называют Плоскими землями. Восточнее их стоят Бархатные холмы, куда мы и направляемся.

Андалос. По его холмам, как учит религия, некогда ходили Семеро в человеческом облике.

— «Отец простер свою длань в небеса, — прочел по памяти Тирион, — и достал оттуда семь звезд, и возложил их одну за другой на чело Хутора, увенчав его блистающею короною».

— Не думал, что мой маленький друг так набожен, — удивился Иллирио.

— Воспоминания детства. Зная, что рыцарем мне не бывать, я решил стать верховным септоном. Его хрустальный венец добавляет человеку целый фут роста. Корпел над священным писанием и молился так, что коленки стер, но закончилось все это трагически. Я достиг известного возраста и влюбился.

— Знаю, знаю. — Иллирио достал из левого рукава серебряный медальон, раскрыл его и показал Тириону миниатюрный портрет голубоглазой женщины с бледно-золотыми, пронизанными серебром волосами. — Серра. Я взял ее из лисского перинного дома и в конце концов женился на ней. Это я-то, чья первая жена была родственницей принца Пентосского! Ворота дворца с тех пор закрылись передо мной, но я не печалился. За Серру я был готов заплатить и не такую цену.

— Как она умерла? — Тирион знал, что ее нет в живых: ни один мужчина не стал бы говорить с такой любовью о женщине, которая его бросила.

— В Пентос по пути с Яшмового моря зашла браавосская торговая галея «Сокровище». Она везла гвоздику, шафран, нефрит, яшму, алый атлас, зеленый шелк… и серую смерть. Мы убили сошедших на берег гребцов и сожгли корабль в гавани, но крысы слезли по веслам и разбежались. Чума забрала две тысячи человек. — Иллирио закрыл медальон. — Я храню у себя в спальне ее руки, такие нежные…

Тирион смотрел на поля, по которым когда-то ступали боги, и думал о Тише.

— Что это за боги, создающие чуму, крыс и карликов? — Ему вспомнился еще один отрывок из Семиконечной Звезды. — «И Дева привела ему отроковицу гибкую как ива, с глазами глубокими и синими, как озера, и Хутор пожелал взять ее в жены. Матерь благословила чрево ее, и Старица предсказала, что она родит царю сорок четыре сына. И когда родились они, то Воин дал им великую силу, Кузнец же сковал железные доспехи для каждого».

— Ваш Кузнец не иначе был ройнаром, — заметил Иллирио. — Обрабатывать железо андалы научились у ройнаров, речных жителей — это известно.

— Только не септонам. Кто населяет эти Плоские земли?

— Крестьяне, возделывающие фруктовые сады и поля. Еще рудокопы. У меня самого здесь владения, но я в них почти не бываю — предпочитаю бесчисленные восторги Пентоса.

«Бесчисленные восторги и толстые стены». Тирион поболтал вино в чаше.

— Однако после Пентоса нам не встретилось ни единого города.

— Они все в руинах. — Иллирио повел окрест куриной ногой. — Здесь проходят кочевники каждый раз, как кому-то из кхалов втемяшится на море поглядеть. Дотракийцы городов не любят — это должны знать даже в Вестеросе.

— Перебили бы один кхаласар — может, у них и пропала бы охота ходить за Ройн.

— Дешевле откупаться от них съестным и подарками.

Взяв хорошую головку сыра в битву на Черноводной, Тирион мог бы сберечь свой нос. Лорд Тайвин к Вольным Городам всегда относился с презрением; «Они сражаются монетой вместо мечей, — говаривал он. — Золото полезный металл, но войны выигрываются железом».

— Дай врагу золота, и он вернется за новой порцией — так говорил мой отец.

— Тот самый, которого ты убил? — Иллирио выкинул куриную косточку. — Никакие наемники против визжащей орды не выстоят: Квохор доказал это.

— Даже твой бравый Грифф?

— Грифф — дело иное. У него есть обожаемый сын, молодой Грифф, благороднейший юноша.

Вино, сытная еда, солнце и жужжащие мухи действовали усыпляюще. Тирион засыпал, просыпался и пил. Иллирио, не отстававший от него в возлияниях, захрапел, как только небо стало пурпурным.

Ночью Тириону приснилась битва, окрасившая вестеросские холмы в алый цвет. Он сражался в самой гуще и махал топором с себя ростом рядом с Барристаном Смелым и Жгучим Клинком, а в небе кружили драконы. Во сне у него были две головы, обе безносые. Во главе вражеской рати стоял отец, и Тирион еще раз убил его. Потом изрубил в кашу лицо своего брата Джейме, смеясь при каждом ударе. Лишь когда бой закончился, он заметил, что вторая его голова проливает слезы.

Проснувшись, он обнаружил, что ноги у него затекли.

Иллирио ел оливки.

— Где мы сейчас?

— Все еще на Плоских землях, торопливый мой друг. Скоро дорога приведет нас в Бархатные холмы, и мы начнем подъем к Малому Ройну и Гойану Дроэ.

Гойан Дроэ, ройнарский город, валирийские драконы сожгли дотла. Тирион путешествовал не только в пространстве, но и во времени, прокладывая путь в седую древность, когда драконы правили миром.

Он спал, просыпался, опять засыпал — как днем, так и ночью. Бархатные холмы разочаровали его.

— У половины шлюх в Ланниспорте сиськи больше, чем эти горки. — Они миновали круг камней, воздвигнутый, по словам Иллирио, великанами, и глубокое озеро.

— Здесь устроили свое логово разбойники, нападавшие на всех, кто проходил мимо, — сказал Иллирио. — Предание гласит, что они до сих пор живут под водой. Всех, кто рыбачит на озере, они затягивают вглубь и съедают.

На следующий вечер у дороги возник валирийский сфинкс с туловищем дракона и головой женщины.

— Королева драконов, — сказал Тирион. — Добрый знак.

— Только короля ей недостает. — Иллирио показал на пустой, заросший плющом и мхом цоколь, где когда-то лежал второй сфинкс. — Кочевники поставили его на колеса и уволокли к себе в Вейес Дотрак.

«Тоже знак, но скорее дурной», — решил Тирион.

Ночью, выпив больше против обычного, он внезапно запел.

> «Он помчался по улицам городским, // ненасытной страстью влеком. // Там жила она, его тайный клад, // наслажденье его и позор, // и он отдал бы замок и цепь свою // за улыбку и нежный взор».

Больше он ничего не помнил, только припев: «Золотые руки всегда холодны, а женские горячи». Руки Шаи били его, когда он вдавливал золотые ей в горло, — он не помнил, были они горячими или нет. Она теряла силы, и казалось, что о его лицо бьются бабочки, а он закручивал цепь, вгоняя золотые руки все глубже. Поцеловал ли он ее на прощание, когда она уже перестала дышать? Этого он тоже не помнил… но их первый поцелуй в палатке на Зеленом Зубце запомнился ему хорошо. Какими сладкими были ее уста.

Помнил он и свой первый поцелуй с Тишей. Она не лучше него знала, как это делается. Они все время сталкивались носами, но когда он коснулся ее языка своим, она задрожала. Тирион зажмурился, чтобы припомнить ее лицо, но вместо нее увидел лорда Тайвина, сидящего в нужнике с задранным на колени халатом. «Куда все шлюхи отправляются», — сказал он, и загудел арбалет.

Тирион повернулся на бок, зарывшись половинкой носа в шелковые подушки. Сон разверзся перед ним, как колодец; он бросился туда добровольно и дал тьме поглотить себя.

КУПЕЦКИЙ ПРИКАЗЧИК

На «Приключении» имелось шестьдесят весел и один парус, длинный корпус обещал быстроту хода. Маловата лохань, но сойдет, решил Квентин — пока не взошел на борт и не принюхался к здешним запахам. Свиньи, была его первая мысль, но свиньи так не воняют. Здесь несло мочой, испражнениями, тухлым мясом, язвами и загнившими ранами — да так, что перешибало соль и рыбу, которыми пахла гавань.

— Блевать тянет, — сказал Квентин Геррису Дринквотеру. Они дожидались шкипера, задыхаясь от жары и от вони.

— Если капитан воняет так же, как его судно, он почтет твою блевотину за духи, — заметил на это Геррис.

Квентин хотел уже предложить поискать другую посудину, но тут шкипер наконец вышел к ним с двумя здоровенными матросами. Геррис встретил его улыбкой. По-волантински он говорил хуже Квентина, однако согласно их замыслу вести переговоры полагалось ему. В Дощатом городе виноторговца изображал Квентин, но это плохо у него получалось. В Лиссе, сменив корабль, они поменялись заодно и ролями. На «Жаворонке» Клотус Айронвуд был купцом, а Квентин — его слугой. В Волантисе, после гибели Клотуса, роль купца перешла к Геррису.

Он высокий, с зеленовато-голубыми глазами и выгоревшими на солнце светлыми волосами, и его самоуверенность не знает пределов. Не зная языков, он всегда добивается, чтобы его понимали. Квентин, коротконогий и коренастый, с волосами цвета свежевскопанной земли, рядом с ним выглядит незавидно. Лоб у него чересчур большой, подбородок тяжелый, нос широк. «Хорошее у тебя лицо, честное, — сказала ему одна девушка, — только улыбайся почаще».

Улыбки Квентину Мартеллу удавались не больше, чем его лорду-отцу.

— Быстрый ли ход у твоего «Приключения»? — на ломаном валирийском осведомился Геррис.

Капитан, узнав его акцент, ответил на общем языке Вестероса:

— Быстрее не найдете, почтенный. «Приключение» так и бежит само по ветру. Скажите, куда путь держите, и я вас мигом туда доставлю.

— Я с двумя моими людьми путешествую в Миэрин.

— Бывал я там, — помедлив, сказал капитан, — и мог бы снова его найти, только зачем? Какая мне выгода? Рабов там не возьмешь, серебряная королева всю торговлишку поломала. Она же и бойцовые ямы закрыла — бедному моряку, покуда его корабль грузится, и развлечься-то негде. Скажи мне, мой вестеросский друг, чего ты не видал в Миэрине?

«Самой прекрасной на свете женщины, — мысленно произнес Квентин. — Если боги будут милостивы, она станет моей женой». Иногда по ночам, воображая себе ее лицо и фигуру, он не понимал, зачем такой женщине нужен именно такой муж — мало ли других принцев. «Я — это Дорн, — напоминал он себе в таких случаях. — От Дорна она не откажется».

— Наш род издавна торгует вином, — ответил Геррис сообразно сочиненной ими истории. — Мой отец, у которого в Дорне обширные виноградники, желает, чтобы я нашел за морем новые рынки. Надеюсь, добрым миэринцам понравится мой товар.

— Дорнийское вино? — Речь Герриса капитана не убедила. — Между рабовладельческими городами идет война — неужто не знаешь?

— Это Юнкай с Астапором воюют, насколько мы слышали. Миэрин в стороне.

— Пока да, но и он скоро ввяжется. Посол Желтого Города нанимает мечи в Волантисе. Длинные Копья уже отплыли в Юнкай, Сыны Ветра и Дикие Коты скоро отправятся, Золотые Мечи тоже идут на восток.

— Тебе лучше знать. Войны — не мое дело, у меня свой интерес. Всем известно, что гискарские вина никуда не годятся. Миэринцы выложат хорошие денежки за мой дорнийский нектар.

— Мертвецам все равно, что пить. Думаю, я не первый шкипер, к которому ты

обращаешься — и не десятый.

— Верно, — сознался Геррис.

— Сколько ж вы обошли кораблей — сотню?

«Около того», — признал про себя Квентин. Волантинцы похваляются, что в их гавани можно потопить все сто островов Браавоса. Квентину в это верилось, хотя в Браавосе он не бывал. Богатый и порочный Волантис подобно смачному поцелую запечатывал устье Ройна, раскинувшись по обоим его берегам. Корабли, стоящие как на реке, так и в море, загружались и выгружались. Военные, китобойные, торговые, карраки, плоскодонки, большие и малые когги, ладьи, корабли-лебеди. Лисские, тирошийские, пентосские; квартийские перевозчики пряностей, громадные как дворцы, гости из Юнкая, Толоса, с островов Василиска. Их столько, что Квентин, увидев порт с палубы «Жаворонка», сказал друзьям, что они здесь задержатся не больше чем на три дня.

Однако вот прошло уже двадцать, а они до сих пор тут. Капитаны «Мелантинки», «Дочери триарха» и «Поцелуя русалки» им отказали; помощник на «Храбром мореходе» посмеялся над ними; шкипер «Дельфина» обругал их, хозяин «Седьмого сына» обозвал пиратами — все это в первый же день.

Доводы в пользу отказа привел только капитан «Лани».

«Это верно, я иду вокруг Валирии на восток, — сказал он за чашей разбавленного вина. — Запасемся в Новом Гисе водой и провизией, а там будем махать веслами до Кварта и Нефритовых Ворот. Всякое путешествие опасно, особенно долгое. Зачем мне наживать себе лишние хлопоты, сворачивая в залив Работорговцев? „Лань“ — единственное мое достояние. Я не стану рисковать ею, везя трех сумасшедших дорнийцев в места, охваченные войной».

Квентин начинал сожалеть, что они не купили в Дощатом городе свой корабль, хотя это могло привлечь к ним нежелательное внимание. У Паука соглядатаи всюду, даже в чертогах Солнечного Копья. «Дорн будет залит кровью, если тебя обнаружат, — предупреждал отец, глядя, как резвятся дети в прудах и фонтанах Водных Садов. — Помни, что мы с тобой совершаем государственную измену. Доверяй только своим спутникам и старайся остаться незамеченным».

Поэтому в разговоре с капитаном «Приключения» Геррис пустил в ход свою самую обворожительную улыбку.

— Отказавших нам трусов я не считал, но в гостинице слышал, будто ты человек отчаянный, готовый за хорошие деньги многим рискнуть.

Контрабандист — именно так отзывались об этом шкипере в «Купеческом доме». «Контрабандист, работорговец, полупират, полусводник — и ваша единственная надежда, возможно», — сказал им хозяин гостиницы.

Капитан потер большим пальцем указательный.

— И сколько же золота ты готов мне отсыпать?

— Втрое против обычной платы до залива Работорговцев.

— За каждого? — То, что задумывалось как улыбка, придало узкому лицу капитана хищный вид. — Что ж, пожалуй. Я посмелей других, это верно. Когда хотите отплыть?

— Да хоть бы и завтра.

— Идет. Будь здесь до рассвета с друзьями и бочками. Отчалим, пока город еще не проснулся, чтобы ненужных вопросов не задавали.

— Понял и буду в срок.

— Рад помочь. — Улыбка капитана сделалась шире. — Мы с тобой поладим, не так ли?

— Уверен, что да.

Капитан велел подать эля, и они с Геррисом выпили за успешное плавание.

— Не шкипер, а чистый мед, — сказал Геррис, идя с Квентином по пирсу к нанятому ими хатаю. Жаркий воздух был тяжел, солнце светило так, что приходилось щуриться.

— Как и весь этот город. — Да… такая сладость, что зубы ломит. Свеклу, растущую здесь в изобилии, суют всюду. Любимое блюдо Волантиса — холодный свекольник, густой и опять-таки сладкий, вина у них и те приторные. — Боюсь только, что путешествие наше

будет коротким. Ни в какой Миэрин нас медовый шкипер не повезет. Сдерет тройную плату, а как только суша скроется из виду, перережет нам глотки и заберет остальное золото.

— Или прикует нас к веслу рядом с бедолагами, которые так славно пахнут. Надо бы поискать кого-нибудь покислее.

Хатай ждал их. От вестеросских воловьих повозок он отличался только резьбой, и везли его не волы, а карликовая слониха цвета грязного снега — отнюдь не редкость на улицах Старого Волантиса.

Квентин предпочел бы пройтись, но до гостиницы было несколько миль. Кроме того, хозяин «Купеческого дома» предупреждал, чтобы они не ходили пешком: это уронит их в глазах мореходов, а также и волантинцев. Порядочные люди здесь передвигаются либо в носилках, либо в хатаях… Родственник хозяина как раз владел несколькими такими экипажами и мог предоставить один постояльцам.

Возница, один из рабов этого родственника, носил на щеке татуировку колеса и был одет в сандалии и набедренную повязку. Кожа как тиковое дерево, глаза как осколки кремня. Усадив господ на мягкое сиденье между двумя громадными деревянными колесами, он взобрался на спину слонихе.

— В «Купеческий дом», — сказал ему Квентин, — только езжай вдоль берега. — Вдали от морского бриза человек рисковал утонуть в собственном поту, по крайней мере на этом берегу Ройна.

Возница крикнул что-то слонихе, и та тронулась с места, качая хоботом. Кучер орал на рабов и моряков, требуя убраться с дороги. Отличить одних от других не составляло труда. У всех рабов на лицах татуировки: синие перья, молния во всю щеку, монета, леопардовые пятна, череп, кувшин. Мейстер Кеддери говорил, что на каждого свободного человека в Волантисе приходится пять рабов, но проверить это на личном опыте не успел: он погиб в то утро, когда на «Жаворонка» напали пираты.

Квентин тогда потерял еще двух друзей — бесстрашного веснушчатого копейщика Вильяма Веллса и Клотуса Айронвуда. Ближе Клотуса у него не было никого. Брат во всем, кроме крови, красавец, несмотря на незрячий глаз, и большой весельчак. «Поцелуй от меня свою невесту», — прошептал он, прежде чем умереть.

Корсары нагрянули перед рассветом, когда «Жаворонок» стоял на якоре у Спорных Земель, — моряки отбились, потеряв двенадцать человек из команды. С убитых пиратов сняли сапоги, оружие, серьги, кольца и кошельки. Один был такой толстый, что перстни не снимались, и кок отрубил ему пальцы мясным тесаком. В море его спихивали втроем; остальные пираты отправились следом без всяких церемоний.

Со своими павшими обошлись уважительнее. Их зашили в парусину и привязали к ногам балласт, чтобы они сразу пошли на дно. Капитан, собрав всех на молитву, обратился к дорнийцам — их осталось трое из шести человек, взошедших на борт в Дощатом городе; даже большой детина, весь зеленый, ради такого случая вылез из трюма. «Скажите пару слов вашим людям, прежде чем мы отдадим их морю». Это сделал Геррис, привирая на каждом слове — выдавать, кто они и куда едут, было никак нельзя.

Не думали они, отправляясь в путь, что с ними может случиться нечто подобное. «Будет о чем внукам рассказывать», — сказал Клотус, когда они выехали из замка его отца. «Скорей уж девкам в тавернах, чтоб юбки охотнее задирали», — скорчил гримасу Вилл. Клотус хлопнул его по спине. «Для внуков надо сперва детей завести, а этого, не задирая юбок, не сделаешь». После, в Дощатом городе, они пили за будущую невесту Квентина, отпускали соленые шуточки насчет первой ночи, толковали о будущих славных подвигах — а кончилось это парусиновым саваном с балластом у ног.

Квентин скорбел по Виллу и Клотусу, но мейстера им недоставало больше всего. Кеддери владел языками всех Вольных Городов, даже диалектом гискарского, распространенном в заливе Работорговцев. «Мейстер Кеддери едет с вами, — сказал отец в их прощальный вечер. — Прислушивайся к его советам: он полжизни посвятил изучению Девяти Городов». Будь он сейчас с ними, им, возможно, пришлось бы не так тяжело.

— Мать бы родную продал за дуновение с моря, — сказал Геррис под грохот колес. — Влажно, как у Девы в щели, — и это еще до полудня. Ненавижу Волантис.

Квентин полностью разделял это чувство. Влажная жара Волантиса лишала его сил, и он все время ощущал себя грязным. Хуже всего было знание, что ночь тоже не принесет облегчения. На горных лугах в северных поместьях лорда Айронвуда вечера всегда свежи, как бы жарко ни было днем, а здесь…

— Завтра «Богиня» идет в Новый Гис, — напомнил Геррис. — Все-таки ближе к цели.

— Новый Гис — остров, и порт там куда меньше этого. Ближе-то ближе, но есть опасность застрять окончательно. Кроме того, они заключили союз с Юнкаем. — Квентина эта новость не удивила: и Юнкай, и Новый Гис — гискарские города. — Если и Волантис примкнет к ним…

— Надо найти вестеросский корабль, — сказал Геррис. — Торговца из Ланниспорта или Староместа.

— Немногие из них заходят так далеко. Да и эти немногие, набив трюмы шелком и пряностями с Яшмового моря, сразу гребут домой.

— Может, тогда браавосский? Пурпурные паруса видят и в Асшае, и на островах Яшмового моря.

— Браавосцы происходят от беглых рабов и в залив Работорговцев не ходят.

— Нашего золота хватит, чтобы купить корабль.

— А кто его поведет? Мы с тобой? — С тех пор, как Нимерия сожгла десять тысяч своих кораблей, дорнийцы никогда не славились как мореплаватели. — Море близ Валирии опасно и просто кишит пиратами.

— Да, пиратов с меня уже хватит. Уговорил: покупать не станем.

«Для него это так и осталось игрой, — понял Квентин. — Как в те дни, когда он повел нас шестерых в горы на поиски старого логова Короля Стервятников». Думать, что они могут потерпеть неудачу, а уж тем более умереть, не в натуре Герриса Дринквотера. Даже гибель троих друзей не отрезвила его. Осторожничать и размышлять он предоставляет Квентину.

— Возможно, наш здоровяк прав, — добавил Геррис. — Плюнем на море и двинемся дальше сушей.

— Ты же знаешь, почему он так говорит: ему легче умереть, чем снова сесть на корабль. — В Лиссе здоровяк четыре дня отходил после морской болезни. Мейстер Кеддери уложил его в гостинице на перину и пичкал бульоном с целебными зельями, пока тот не начал розоветь понемногу.

Это правда, в Миэрин можно ехать и сушей. Здесь пролегает много валирийских дорог. Их называют драконьими, но та, что ведет из Волантиса на восток, заслужила более зловещее имя: дорога демонов.

— Дорога демонов тоже опасна, и ехать по ней слишком долго. Тайвин Ланнистер подошлет к королеве своих убийц, как только узнает, где она обретается. Если они доберутся туда раньше нас…

— Будем надеяться, ее драконы учуют их и сожрут. Корабль найти не удается, сушей ты ехать не хочешь — можем с тем же успехом вернуться обратно в Дорн.

Приползти в Солнечное Копье побежденным, с поджатым хвостом? Отцовского разочарования и сокрушительного презрения песчаных змеек Квентин просто не вынесет. Доран Мартелл вручил ему судьбу Дорна — он не подведет отца, пока жив.

Воздух колебался от зноя, придавая гавани с ее складами, лавками и причалами сказочный вид. Здесь продается все, что душа пожелает: свежие устрицы, кандалы, фигурки кайвассы из кости и черного дерева. Храмы, где моряки приносят жертвы своим чужестранным богам, чередуются с перинными домами, где женщины зазывают мужчин с балконов.

— Глянь-ка на эту, — показал Геррис. — Мне сдается, она влюбилась в тебя.

Сколько может стоить такая любовь? Перед девушками, в особенности хорошенькими,

Квентин, сказать по правде, робел.

Впервые приехав в Айронвуд, он влюбился по уши в Инис, старшую дочь лорда. Не говоря ни слова о своих чувствах, он годами мечтал о ней, пока ее не выдали за Раэна Аллириона, наследника Дара Богов. При их последней встрече один сын держался за ее юбку, а другой, грудной, лежал у нее на руках.

После Инис настал черед двойняшек Дринквотер. Этим смуглянкам нравилось охотиться, лазить по скалам и вгонять Квентина в краску. Одна из них — он так и не разобрался, которая — подарила ему первый поцелуй. Для брака с принцем они как дочери простого рыцаря-землевладельца не подходили, но Клотус находил, что целоваться с ними вполне позволительно. «Вот женишься и возьмешь одну в любовницы. Или обеих, почему бы и нет». Квентин, хорошо зная «почему», стал избегать близнецов, и дело ограничилось тем единственным поцелуем.

В последнее время за Квентином стала ходить хвостом младшая из дочерей лорда Андерса. Темные волосы и глаза выделяли умненькую двенадцатилетнюю Гвинет из ее семейства, голубоглазого и белокурого. «Дождись, когда я расцвету, — твердила она, — и тогда мы поженимся».

Этого было еще до того, как принц Доран вызвал Квентина в Водные Сады. Теперь его ждала в Миэрине самая красивая в мире женщина, и он должен был исполнить свой долг, взяв ее в жены. Она ему не откажет. Дорн нужен ей для завоевания Семи Королевств, а значит, и Квентин нужен. Из этого, однако, еще не следует, что она полюбит его — может, он вовсе ей не понравится.

Там, где река впадала в море, продавали животных: украшенных драгоценностями ящериц, гигантских полосатых змей, обезьянок с розовыми лапками.

— Не хочешь купить обезьянку в подарок своей серебряной королеве?

Квентин понятия не имел, устроит ли Дейенерис такой подарок. Он обещал отцу привезти ее в Дорн, но все больше сомневался, может ли с этим справиться.

Сам бы он никогда напрашиваться не стал.

За широким голубым Ройном виднелась Черная Стена, поставленная валирийцами, когда Волантис был не более чем далекой окраиной их империи: огромный овал из расплавленного камня высотой двести футов. Ширина стены позволяла проехать в ряд шести упряжкам из четырех лошадей, что и делалось ежегодно в день основания города. Иноземцы и вольноотпущенники допускались в огороженное стеной пространство лишь по приглашению тех, кто там жил — потомков древних валирийских родов.

Движение здесь сделалось более оживленным. Хатай приближался к западному концу Длинного моста, связывающего две половинки города. Улицу запрудили повозки и экипажи, а рабов, выполняющих хозяйские поручения, было что тараканов.

Недалеко от Рыбной площади и «Купеческого дома» на перекрестке послышались крики. Откуда ни возьмись появилась дюжина Безупречных с копьями, в нарядных доспехах и плащах из тигровых шкур: они расчищали дорогу для едущего на слоне триарха. Башенка на спине серого гиганта в позвякивающей эмалевой броне была так высока, что задела за арку, под которой слон проходил.

— Триархам во время их годового правления не разрешается ступать ногами на землю — считается, что они выше этого, — объяснил Геррису Квентин.

— Поэтому они загораживают всю улицу и оставляют за собой кучи навоза. Не пойму, зачем Волантису целых три принца — Дорну и одного хватает.

— Триархи — не короли и не принцы. В Волантисе республиканский строй, как в древней Валирии. Все свободнорожденные землевладельцы имеют право голоса, даже женщины, если у них есть земля. Триархи выбираются сроком до первого дня нового года из благородных семей, могущих доказать прямое валирийское происхождение. Ты бы сам знал все это, если б потрудился прочитать книгу, которую дал тебе мейстер.

— Она без картинок.

— А карты?

— Карты не в счет. Она подозрительно смахивает на исторический труд — скажи он, что там говорится про слонов с тиграми, я бы, может, и попытался.

На краю Рыбной площади их маленькая слониха задрала хобот и затрубила, как белая гусыня, — ей не хотелось лезть в гущу повозок, паланкинов и пешеходов. Возница толкнул ее пятками, посылая вперед.

Торговцы рыбой, предлагая утренний улов, голосили вовсю. Квентин понимал их с пятого на десятое, но здесь можно было обойтись и без слов: треска, рыба-парус, сардины и бочонки с моллюсками сами за себя говорили. Один лоток украшали связки угрей, над другим висела на железных цепях гигантская черепаха. В чанах с соленой водой и водорослями скреблись крабы. Тут же рыбу жарили с луком и свеклой и продавалась в маленьких котелках сильно наперченная уха.

В центре площади под безголовой статуей давно умершего триарха собиралась толпа: какие-то карлики в деревянных доспехах готовились представить потешный турнир. Один сел верхом на собаку, другой вскочил на свинью и тут же свалился, к общему хохоту.

— Давай поглядим, — предложил Геррис. — Посмеяться тебе не повредит, Квент: ты похож на старика, который уже полгода запором мается.

«Какой же я старик, — хотел сказать Квентин. — Мне восемнадцать, я на шесть лет моложе тебя».

— На что мне карлики, если у них корабля нет, — ответил он вслух.

— Может, и есть, только малюсенький.

Четырехэтажный «Купеческий дом» высился над низкими портовыми зданиями. Здесь останавливались торговые люди из Староместа и Королевской Гавани, их конкуренты из Браавоса, Мира и Пентоса, волосатые иббенийцы, бледнолицые квартийцы, черные жители Летних островов в сшитых из перьев плащах и даже заклинатели теней из Асшая, прячущие лица под масками.

Квентин вылез из хатая. Плиты мостовой были горячими даже сквозь подошвы сапог. В тени гостиницы поставили стол на козлах; над ним развевались белые с голубым вымпелы, и четверо наемников окликали всех проходивших мимо мужчин и мальчишек. Сыны Ветра: им требуется свежее мясо для пополнения рядов перед отплытием в залив Работорговцев. Каждый, кто запишется, станет юнкайским мечом и будет пускать кровь будущей Квентиновой невесте.

Один из Сынов Ветра и ему что-то крикнул.

— Не понимаю по-вашему, — сказал Квентин. Он умел читать и писать на классическом валирийском, но разговорной речью почти не владел, да и волантинское яблочко откатилось далеко от валирийского дерева.

— Вестероссцы? — спросил наемник на общем.

— Дорнийцы. Мой хозяин — виноторговец.

— Ты раб? Иди к нам — будешь сам себе господин. Мы научим тебя обращаться с копьем и мечом. Пойдешь в бой с Принцем-Оборванцем и вернешься богаче лорда. Будут тебе и девочки, и мальчики, что захочешь. Мы, Сыны Ветра, вставляем в зад богине резни!

Двое других наемников затянули военный марш. Квентин улавливал смысл: Сыны Ветра обещали полететь на восток, убить короля-мясника и поиметь королеву драконов.

— Будь с нами Клотус и Вилл, мы прихватили бы здоровяка и перебили бы всю их честную компанию, — сказал Геррис.

Но Клотуса и Вилла нет больше.

— Не обращай внимания, — посоветовал Квентин. Купец и его приказчик вошли в гостиницу под дразнилки наемников, обзывающих их бабами и трусливыми зайцами.

Здоровяк ждал их в комнатах на втором этаже. Капитан «Жаворонка» отзывался об этой гостинице хорошо, но Квентин все-таки опасался оставлять без присмотра золото и другое добро. В каждом порту есть воры — в Волантисе даже поболее, чем в других.

— Я уж собирался идти искать вас, — сказал, отперев засов, сир Арчибальд Айронвуд. Здоровяком его прозвал кузен Клотус, и было за что: шесть с лишком футов росту,

широченные плечи, огромное пузо, ноги как древесные стволы, ручищи как окорока, а шеи, считай, вовсе нет. Из-за перенесенной в детстве болезни у него выпали волосы, и голова, совершенно лысая, напоминала Квентину розовый гладкий валун. — Ну как, наняли корыто? Что контрабандист вам сказал?

— Что готов отвезти нас… в ближнее пекло.

Геррис, сев на кровать, стянул сапоги.

— Дорн с каждым часом кажется мне все милее.

— Предлагаю выбрать дорогу демонов, — сказал Арч. — Может, там не так опасно, как говорят. А если опасно, то тем больше нам будет чести. Кто посмеет нас тронуть? У Дринка меч, у меня молот — такого ни один демон не переварит.

— А что, если Дейенерис умрет, не дождавшись нас? — возразил Квентин. — Нет, надо плыть морем. Пойдем на «Приключении», раз ничего лучше нет.

— Сильно же ты любишь свою Дейенерис, раз готов терпеть эту вонь месяцами, — фыркнул Геррис. — Я, к примеру, дня через три начну молить, чтоб меня прирезали. Нет уж, мой принц, только не «Приключение».

— Можешь предложить что-то другое?

— Могу. Вот только сейчас пришло в голову. Тут есть свой риск, и чести мы себе этим не наживем… но к твоей королеве доберемся быстрее, чем по дороге демонов.

— Поделись, — сказал Квентин.

ДЖОН

Он перечитывал письмо, пока слова не начали расплываться. Нет. Не может он подписать это и не подпишет.

Борясь с желанием сжечь пергамент на месте, он допил остатки эля от прошлого ужина. Придется все-таки подписать. Его выбрали лордом-командующим. Он отвечает за Стену и за Дозор, а Дозор ни на чью сторону не становится.

Джон испытал облегчение, когда Скорбный Эдд Толлетт доложил о приходе Лилли. Письмо мейстера Эйемона он на время отложил в сторону.

— Пусть войдет, и найди мне Сэма. — Джон боялся предстоящего разговора. — После нее я поговорю с ним.

— Он, должно быть, внизу, с книгами. Наш старый септон говаривал, что книги — это слова мертвецов, а я скажу, что лучше б они помолчали. Кому охота их слушать. — Эдд вышел, бормоча что-то о пауках и червях.

Лилли, войдя, тут же хлопнулась на колени. Джон встал из-за стола и поднял ее.

— Не надо этого делать, ведь я не король. — Лилли, хотя и успела родить, казалась ему ребенком — худышка, закутанная в старый плащ Сэма. В этой широченной хламиде поместилось бы еще несколько таких девочек. — Как ребятишки?

— Хорошо, милорд, — застенчиво улыбнулась из-под капюшона Лилли. — Я сперва боялась, что у меня молока на двоих не хватит, но они сосут, и оно прибывает.

— Хочу сказать тебе кое-что… не слишком приятное. — Джон чуть не произнес «хочу тебя попросить», но вовремя удержался.

— Про Манса, милорд? Вель умоляла короля его пощадить. Сказала, что пойдет за любого поклонщика и резать его не станет, только бы Манс жил. Небось, Гремучую Рубашку не трогают! Крастер всегда грозился его убить — пусть, мол, только сунется к замку. Манс и половины того не сделал, что он.

«Да… Манс всего лишь хотел захватить страну, которую поклялся оборонять».

— Манс, присягнув Ночному Дозору, сменил плащ, женился на Далле и объявил себя Королем за Стеной. Его жизнь теперь в руках короля Станниса. Мы будем говорить не о нем, а о мальчике — сыне его и Даллы.

— О малыше? — Голос Лилли дрогнул. — Он-то ведь присяги не нарушал. Спит, кричит, грудь сосет, никому зла не делает. Не дайте ей его сжечь. Спасите его!

— Только ты одна можешь его спасти, Лилли, — сказал Джон и объяснил как.

Другая на ее месте раскричалась бы, стала ругаться, послала бы его в семь преисподних. Другая била бы его по щекам, лягалась, норовила глаза ему выцарапать. Другая отказала бы наотрез.

— Нет, — пролепетала Лилли. — Прошу вас, не надо так.

— Нет! — заорал ворон.

— Если откажешься, ребенка сожгут. Не завтра, не послезавтра, но скоро… как только Мелисандре захочется пробудить дракона, поднять бурю или сотворить еще какое-то колдовство, для которого потребна королевская кровь. Манс к тому времени станет пеплом, вот она и бросит в огонь его сына, а Станнис ни слова не скажет ей поперек. Если не увезешь мальчика, он погибнет.

— Давайте я увезу их обоих — и Даллиного, и своего. — У Лилли по щекам тихо катились слезы — без свечи Джон нипочем не узнал бы, что она плачет. Жены Крастера, как видно, учили своих дочерей плакать в подушку — или уходить подальше от дома, где отцовский кулак не достанет.

— Если возьмешь обоих, люди королевы погонятся за тобой и вернут назад. Мальчика все равно сожгут, и ты сгоришь вместе с ним. — Нельзя сдаваться, иначе она подумает, что Джона тронули ее слезы. Он должен проявить твердость. — Ты возьмешь одного мальчика: сына Даллы.

— А мой как же? Мать, бросившая сына, будет навеки проклята! Мы так хотели его спасти, Сэм и я. Прошу вас, милорд. Мы так долго несли его по морозу.

— Замерзать, говорят, не больно, а вот огонь… видишь свечку?

— Да… вижу.

— Протяни над ней руку.

Лилли, чьи карие глазища заняли пол-лица, не двинулась с места.

— Ну же. Давай. — «Убей мальчика», — мысленно добавил он.

Она протянула дрожащую руку высоко над огнем.

— Ниже. Ощути его поцелуй.

Лилли опустила руку на дюйм, потом на два. Когда пламя коснулось ее, она отдернула ладонь и расплакалась.

— Смерть в огне — жестокая смерть. Далла умерла, родив сына, но вскармливала его ты. Ты спасла своего ребенка от холода, спаси ее мальчика от костра.

— Тогда она моего сожжет, красная женщина! Раз Даллиного не будет, она отдаст огню моего.

— В твоем нет королевской крови — Мелисандра ничего не достигнет, предав его пламени. Станнис хочет привлечь вольный народ на свою сторону и не станет жечь невинное дитя без веской причины. С твоим мальчиком ничего не случится. Я найду ему кормилицу и выращу его здесь, в Черном Замке. Он будет ездить верхом, охотиться, научится владеть мечом, топором и луком. Даже грамоту будет знать. — Сэм одобрил бы это. — Когда он подрастет, то узнает, кто его настоящая мать. Захочет найти тебя — вольная ему воля.

— Вы его сделаете вороной. — Лилли утерла слезы маленькой бледной рукой. — Не хочу. Не хочу!

«Убей мальчика», — подумал он.

— Ну так вот тебе мое слово: в тот день, когда сожгут сына Даллы, умрет и твой!

— Умрет, — подтвердил ворон. — Умрет, умрет.

Лилли съежилась, не отрывая глаз от свечи.

— Можешь идти, — сказал Джон. — Будь готова отправиться в путь за час до рассвета, и чтоб никому ни слова. За тобой придут.

Лилли встала и вышла молча, ни разу не оглянувшись. Джон слышал, как она пробежала по оружейной.

Подойдя закрыть дверь, он увидел, что Призрак, лежа под наковальней, гложет говяжью кость.

— А, вернулся? Давно пора. — Джон снова взялся перечитывать письмо Эйемона.

Вскоре явился Сэмвел Тарли с большой стопкой книг. Ворон Мормонта тут же налетел на него, требуя зерен. Сэм взял пригоршню из мешка у двери, и ворон чуть ладонь ему не проклюнул. Сэм взвыл, ворон взлетел, зерно рассыпалось по полу.

— Эта тварь тебя ранила?

Сэм осторожно снял перчатку с руки.

— Ну да. Вот, кровь идет!

— Мы все проливаем кровь за Дозор. Возьми себе перчатки потолще. — Джон ногой подвинул Сэму стул. — Сядь и прочти.

— Что это?

— Бумажный щит.

Сэм медленно начал читать.

— Письмо королю Томмену?

— В Винтерфелле Томмен сражался с моим братишкой Браном на деревянных мечах. Его так закутали, что он походил на откормленного гуся, и Бран его повалил. — Джон подошел к окну, распахнул ставни. Небо было серое, но холодный воздух бодрил. — Теперь Брана больше нет, а пухленький розовощекий Томмен сидит на Железном Троне с короной на золотых кудряшках.

Сэм посмотрел на него как-то странно и хотел, кажется, что-то сказать, но передумал и снова взялся за чтение.

— Здесь нет твоей подписи.

Джон покачал головой:

— Старый Медведь сто раз просил Железный Трон о помощи. В ответ они прислали ему Яноса Слинта. Никакое письмо не заставит Ланнистеров проникнуться к нам любовью — особенно когда до них дойдет весть, что мы помогли Станнису.

— Мы не поддерживаем его мятежа, мы защищаем Стену, и только. Тут так и сказано.

— Лорд Тайвин может не разглядеть разницы. — Джон забрал у Сэма письмо. — С чего ему помогать нам теперь, если он не делал этого раньше?

— Пойдут разговоры, что Станнис выступил на защиту государства, пока Томмен забавлялся со своими игрушками. Дом Ланнистеров это не украсит.

— Смерть и разрушение — вот что я хочу принести дому Ланнистеров. Пятна на его репутации мне мало. «Ночной Дозор не принимает участия в войнах Семи Королевств, — вслух прочел Джон. — Свою присягу мы приносим государству, которое сейчас находится под угрозой. Станнис Баратеон поддерживает нас против врага, обитающего за Стеной, хотя мы и не его люди…»

— Так мы ведь и правда не его люди, — поерзав, заметил Сэм. — Верно?

— Я дал Станнису кров и пищу. Отдал ему Твердыню Ночи. Согласился поселить часть вольного народа на Даре. Только и всего.

— Лорд Тайвин сочтет, что и этого много.

— Станнис полагает, что недостаточно. Чем больше ты даешь королю, тем больше он от тебя хочет. Мы идем по ледяному мосту через бездну. Даже одного короля ублажить трудно, а уж двоих едва ли возможно.

— Да, но… если Ланнистеры одержат верх и лорд Тайвин решит, что мы совершили измену, оказав помощь Станнису, Ночному Дозору придет конец. За ним стоят Тиреллы со всей мощью Хайгардена. И он уже победил лорда Станниса однажды, на Черноводной.

— Это всего лишь одно сражение. Робб все свои сражения выигрывал, а голову потерял. Если Станнис сумеет поднять Север…

— У Ланнистеров есть свои северяне, — сказал Сэм, помедлив. — Лорд Болтон и его бастард.

— А у Станниса — Карстарки. Если он заполучит еще и Белую Гавань…

— Если, — подчеркнул Сэм. — Если же нет… то даже бумажный щит лучше, чем совсем никакого.

— Пожалуй. — И Сэм туда же. Джон почему-то надеялся, что его друг рассудит иначе, чем Эйемон. «Э, что там… это всего лишь чернильные каракули на пергаменте». Джон взял перо и поставил подпись. — Давай воск. — Сэм заторопился, боясь, что друг передумает. Джон приложил к воску печать лорда-командующего и вручил письмо Сэму. — Отнеси мейстеру Эйемону, когда будешь уходить, и вели ему послать птицу в Королевскую Гавань.

— Хорошо, — с заметным облегчением сказал Сэм. — Могу я спросить, милорд? Лилли, выходя от тебя, чуть не плакала…

— Вель снова присылала ее просить за Манса, — солгал Джон. Некоторое время они толковали о Мансе, Станнисе и Мелисандре из Асшая. Потом ворон, склевав последнее зернышко, каркнул «Крровь», а Джон сказал:

— Я отсылаю Лилли из замка. Вместе с сыном. Надо будет найти другую кормилицу для его молочного брата.

— Можно козьим молоком кормить, пока не найдем. Для ребенка оно лучше коровьего. — Разговор, коснувшийся женской груди, привел Сэма в смущение, и он начал вспоминать о других юных лордах-командующих, живших в незапамятные времена.

— Расскажи лучше что-нибудь полезное. О нашем враге, — прервал его Джон.

— Иные… — Сэм облизнул губы. — Они упоминаются в хрониках, хотя не так часто, как я думал. То есть в тех хрониках, которые я уже просмотрел. Многие еще остались непрочитанными. Старые книги просто разваливаются, страницы крошатся, когда их пытаешься перевернуть. А совсем древние либо уже развалились, либо запрятаны так, что я их пока не нашел… а может, их вовсе нет и не было никогда. Самое старое, что у нас есть, написано после прихода андалов в Вестерос. От Первых Людей остались только руны на камне, поэтому все, что мы якобы знаем о Веке Героев, Рассветных Веках и Долгой Ночи, пересказано септонами, жившими тысячи лет спустя. Некоторые архимейстеры Цитадели подвергают сомнению всю известную нам древнюю историю. В ней полно королей, правивших сотни лет, и рыцарей, совершавших подвиги за тысячу лет до первого появления рыцарей… ну ты сам знаешь. Брандон Строитель, Симеон Звездный Глаз, Король Ночи. Ты считаешься девятьсот девяносто восьмым командующим Дозора, а в древнейшем списке, который я раскопал, значится шестьсот семьдесят четыре имени — стало быть, его составили…

— Очень давно. Так что же Иные?

— Я нашел упоминание о драконовом стекле. В Век Героев Дети Леса каждый год дарили Ночному Дозору сотню обсидиановых кинжалов. Иные приходят, когда настают холода, а может, это холода настают, когда приходят они. Иногда они сопутствуют метели и исчезают, когда небеса проясняются. Они прячутся от солнца и являются ночью… или ночь приходит на землю следом за ними. В некоторых сказаниях они ездят верхом на мертвых животных: на медведях, лютоволках, мамонтах, лошадях — им все равно, лишь бы мертвые были. Тот, что убил Малыша Паула, ехал на мертвом коне, так что это по крайней мере верно. Порой в текстах встречаются гигантские ледяные пауки — не знаю, что это. Людей, павших в бою с Иными, следует сжигать, иначе мертвые восстанут и будут делать то, что прикажут они.

— Все это мы уже знаем. Вопрос в том, как с ними бороться.

— Большинство обычных клинков бессильно против брони Иных, если верить легендам, а их собственные холодные мечи легко крушат сталь. Но огонь их пугает, а обсидиан может убить. В одном предании о Долгой Ночи говорится, что некий герой убивал Иных мечом из драконовой стали. Против нее они будто бы тоже устоять не могут.

— Драконова сталь? Валирийская?

— Я тоже сразу так и подумал.

— Значит, если я просто уговорю лордов Семи Королевств отдать нам свои валирийские клинки, мир будет спасен? Не так уж и трудно. — «Не труднее, чем уговорить их расстаться с замками и монетой», — с невеселой усмешкой подумал Джон. — Не можешь ли ты сказать, откуда эти Иные взялись и чего им надо?

— Пока еще нет, но я, может быть, просто читал не те книжки. Там есть сотни таких, куда я даже не заглянул. Дай мне время, и я разыщу все, что только возможно.

— Нет у нас времени. Собирай вещи, Сэм — ты поедешь вместе с Лилли.

— Поеду? — опешил Сэм. — Куда, в Восточный Дозор? Или…

— В Старомест.

— В Старомест! — чуть ли не взвизгнул Сэм.

— Эйемон тоже едет с вами.

— Эйемон? Как же так… ведь ему сто два года! И кто будет ходить за воронами, если мы с ним оба уедем? Лечить больных или раненых?

— Клидас. Он много лет провел рядом с Эйемоном.

— Клидас всего лишь стюард, и зрение у него плохое. Вам нужен мейстер. Притом Эйемон так стар. Путешествие по морю…

— Я понимаю, что это опасно для его жизни, Сэм, но здесь ему оставаться опаснее. Станнис знает, кто такой Эйемон. Если красной женщине для ее чар нужна королевская кровь…

— Ох, — побледнел Сэм.

— В Восточном Дозоре к вам присоединится Дареон. Надеюсь, что его песни помогут вам завоевать кого-нибудь из южан. Если ты все еще намерен выдать ребенка Лилли за своего бастарда, отправь ее в Рогов Холм. Если нет, Эйемон пристроит ее в Цитадель служанкой.

— Мой б-бастард… Да, мать и сестры помогут Лилли с ребенком, но Дареон может проводить ее до Староместа не хуже, чем я. Я учился стрелять с Ульмером, как ты приказывал, если, конечно, не сидел в подземелье, ведь ты сам велел мне найти что-нибудь про Иных. От лука у меня плечи болят, а на пальцах волдыри появляются. — Сэм показал Джону руку. — Но я все равно стрелял. Теперь я почти всегда попадаю в мишень, хотя и остаюсь худшим стрелком на свете. А вот рассказы Ульмера мне нравится слушать. Кто-нибудь должен собрать их и записать в книгу.

— Вот и займись этим. Пергамент и чернила, думаю, в Цитадели найдутся… как и луки со стрелами. Я хочу, чтобы ты продолжал свое учение, Сэм. В Дозоре сотни людей, способных пустить стрелу, но очень мало таких, кто умеет читать и писать. Я хочу, чтобы ты стал моим новым мейстером.

— Но моя работа здесь… книги…

— Они подождут твоего возвращения.

Сэм поднес руку к горлу.

— Милорд… В Цитадели заставляют резать трупы. И потом, я не смогу носить цепь.

— Ты будешь ее носить. Мейстер Эйемон стар, слеп, и силы его на исходе. Кто займет его место, когда он умрет? Мейстер Маллин из Сумеречной Башни больше воин, чем ученый, мейстер Хармун из Восточного Дозора чаще бывает пьяным, чем трезвым.

— Если ты попросишь у Цитадели еще мейстеров…

— И попрошу. Лишним никто не будет. Заменить Эйемона Таргариена не так-то просто. — Все шло не так, как задумал Джон. Он знал, что с Лилли придется трудно, но предполагал, что Сэм будет только рад сменить холодную Стену на тепло Староместа. — Я был уверен, что тебе это понравится. В Цитадели столько книг, что ни одному человеку за всю жизнь не прочесть. Тебе там хорошо будет, Сэм. Я знаю.

— Нет. Читать я люблю, но мейстер должен был целителем, а я крови боюсь. — В подтверждение Сэм показал Джону свою дрожащую руку. — Я Сэм Боязливый, а не Сэм Смертоносный.

— Ну чего тебе там бояться? Что старики-наставники тебя пожурят? Ты выдержал на Кулаке атаку упырей, Сэм, атаку оживших мертвецов с черными руками и ярко-синими глазами. Ты убил Иного!

— Его д-драконово стекло убило, не я.

— Успокойся, — отрезал Джон. Страхи толстяка после разговора с Лилли вызывали у

него злость. — Ты врал и строил козни, чтобы сделать меня лордом-командующим, так что теперь изволь меня слушаться. Ты поедешь в Цитадель, выкуешь свою цепь, и если для этого понадобится резать трупы, ты будешь их резать. Староместские мертвецы возражать по крайней мере не станут.

— Ты не понимаешь. М-мой отец, лорд Рендилл, он, он… Мейстер всю жизнь обязан *служить* . Никто из сыновей дома Тарли не наденет на себя цепь. Мужчины Рогова Холма не кланяются и не прислуживают мелким лордам. Я не могу ослушаться своего отца, Джон.

«Убей мальчика, — мысленно сказал Джон. — И в нем, и в себе. Убей обоих, чертов бастард».

— Нет у тебя отца. Только братья. Только мы. Поэтому ступай уложи в мешок свои подштанники и прочее, что захочешь взять в Старомест. Вы отправитесь в путь за час до рассвета. Вот тебе еще приказ: не смей с этого дня больше называть себя трусом. За прошлый год ты пережил такое, что другой за всю жизнь не испытает. Ты должен явиться в Цитадель как брат Ночного Дозора. Я не могу приказать тебе быть храбрым, но приказать не показывать своего страха могу. Ты дал присягу, Сэм, — помнишь?

— Я… я попробую.

— Никаких проб. Ты выполнишь приказ, вот и все.

— Прриказ, — подтвердил ворон Мормонта, захлопав черными крыльями, и Сэм как-то сразу обмяк.

— Слушаюсь, милорд. А мейстер Эйемон уже знает?

— Мы с ним задумали это вместе. — Джон открыл перед Сэмом дверь. — Здесь прощаться не будем. Чем меньше народу об этом знает, тем лучше. За час до рассвета у кладбища.

Сэм улетучился, не уступая в быстроте Лилли.

Джон устал и хотел спать. Половину минувшей ночи он сидел над картами, писал письма и строил планы вместе с мейстером Эйемоном. Даже когда он улегся наконец на свою узкую койку, сон пришел далеко не сразу. Зная, что ему предстоит сегодня, Джон все время вспоминал то, что напоследок сказал ему Эйемон.

«Позвольте дать вам последний совет, милорд. Тот самый, который я дал своему брату, расставаясь с ним навсегда. Ему было тридцать три, когда Великий Совет избрал его королем. Он имел уже собственных сыновей, но в чем-то еще оставался мальчиком, невинным и очень добрым. Мы все любили его за это. „Убей в себе мальчика, — сказал я, садясь на идущий к Стене корабль. — Государством должен править мужчина — Эйегон, а не Эг. Убей мальчика и дай мужчине родиться“. — Старик ощупал лицо Джона. — Тебе вполовину меньше, чем было Эгу тогда, и ноша твоя, боюсь, еще тяжелее. Твоя должность не принесет тебе радости, но я верю, что ты найдешь в себе силы сделать то, что должно быть сделано. Убей мальчика, Джон Сноу. Зима вот-вот настанет. Убей мальчика и дай мужчине родиться».

Джон надел плащ и начал свой ежедневный обход. Он расспрашивал часовых, получая сведения из первых рук, заходил на стрельбище к Ульмеру, толковал с людьми короля и людьми королевы, поднимался на Стену, оглядывал лес. Призрак трусил рядом, как белая тень.

Стену караулил Кедж Белоглазый, прослуживший в Дозоре тридцать из своих сорока с лишним лет. Один глаз у него был слепой, другой смотрел злобно. В глуши, верхом на пони и с топором в руке, он был ничуть не хуже других разведчиков, но с людьми ладил плохо.

— Все спокойно, — сказал он Джону. — Докладывать не о чем, кроме заплутавших разведчиков.

— Заплутавших? Как это?

Кедж ухмыльнулся.

— Двое рыцарей час назад выехали на юг по Королевскому тракту. Ну Дайвин и сказал: дураки, мол, не в ту сторону едут.

— Понятно, — сказал Джон и пошел к самому Дайвину. Старый лесовик ел ячменную

похлебку в казарме.

— Точно, милорд. Хорп и Масси. Говорят, их Станнис послал, а куда, зачем и когда вернутся — молчок.

Сир Ричард Хорп и сир Джастин Масси — люди королевы и советники короля. Если бы Станнис хотел послать кого-то в разведку, вполне хватило бы вольных всадников; рыцари могут быть скорее гонцами или послами. Коттер Пайк из Восточного Дозора прислал известие, что Луковый Лорд и Салладор Саан отплыли в Белую Гавань на переговоры с лордом Мандерли, — ничего удивительного, если Станнис отправил куда-то других послов. Его величество не из числа терпеливых.

Вернутся ли эти заплутавшие, вот вопрос. Они, конечно, рыцари, но Север им незнаком. Вдоль Королевского тракта много глаз, и не все они дружеские. Джона, впрочем, это не касается. Пусть Станнис секретничает — Джон, видят боги, тоже не без греха.

Призрак этой ночью спал у него в ногах, и Джон в кои веки не приснился себе в шкуре волка, но кошмар ему все же привиделся. Лилли, рыдая, умоляла не трогать ее детей, но он выхватил у нее младенцев, обезглавил, поменял головы местами и велел ей пришить их обратно.

Когда он проснулся, над ним высился Скорбный Эдд.

— Пора, милорд. Час волка. Вы наказывали вас разбудить.

Джон откинул одеяло.

— Принеси горячего что-нибудь.

Он успел одеться к возвращению Эдда с дымящейся чашкой. Ожидая подогретого вина, Джон с удивлением глотнул жидкий бульон с запахом морковки и лука-порея при отсутствии того и другого. В волчьих снах он ощущал запах и вкус гораздо сильнее: Призрак жил более полной жизнью. Пустую чашку Джон оставил на горне в кузнице.

У двери нес караул Кегс.

— Приведи ко мне Бедвика и Яноса Слинта, как рассветет, — сказал ему Джон.

Мир за дверью был темен и тих. Мороз пока еще не грозил смертью: когда взойдет солнце, станет теплей, и Стена по милости богов начнет плакать. Отъезжающие уже собрались у кладбища. Конвоем из дюжины конных разведчиков командовал Черный Джек Бульвер. В одной тележке лежали сундуки и мешки с припасами на дорогу, в другой, с верхом из вареной кожи, сидел мейстер Эйемон — его укутали в медвежий мех, как ребенка. Лилли с красными опухшими глазами стояла рядом с Сэмом, держа на руках мальчика, укутанного не менее тщательно — поди разбери, ее это сын или Даллы. Джон всего несколько раз видел их вместе: сын Лилли постарше, сын Даллы покрепче, но посторонний глаз все равно не отличит одного от другого.

— Лорд Сноу, — окликнул мейстер, — у себя в комнатах я оставил для вас одну книгу, «Яшмовый ларец». Ее автор, волантинский путешественник Коллоквий Вотар, посетил все страны на берегах Яшмового моря. Я велел Клидасу заложить место, которое может показаться вам интересным.

— Непременно прочту, — пообещал Джон.

Мейстер вытер прохудившийся на холоде нос.

— Знание — наше оружие, Джон. Вооружись как следует, прежде чем выступать на битву.

— Хорошо. — Ощутив щекой холодное мокрое прикосновение, Джон поднял глаза. Снег пошел — дурной знак. — Поезжайте как можно быстрее, — сказал он Черному Джеку, — но без толку не рискуйте. У вас на попечении младенец и старец — присмотри, чтобы они были в тепле и ели досыта.

— И о другом малыше позаботьтесь, милорд. — Лилли не спешила садиться в повозку. — Найдите ему кормилицу, как обещали. Найдите хорошую женщину, чтобы мальчик Даллы… маленький принц… вырос большим и сильным.

— Даю слово.

— И смотрите не давайте ему имени, пока два годочка не минует. Дурная это примета

— нарекать их, пока они еще грудь сосут. Вы, вороны, можете не знать этого, но это чистая правда.

— Как скажете, госпожа моя.

— Не называйте меня так. Никакая я не госпожа. Я дочь Крастера, жена Крастера — и мать. — Вручив ребенка Скорбному Эдду, Лилли села в тележку, укрылась полостью, дала мальчику грудь. Сэм, покраснев, отвернулся и сел на свою кобылу.

— Тронулись, — скомандовал Бульвер, щелкнув кнутом. Тележки покатились по тракту.

— Прощайте, — сказал Сэм провожающим.

— Счастливо, Сэм, — откликнулся Скорбный Эдд. — Надеюсь, ваш корабль не потонет. Кабы я был на борту, другое дело.

— Первый раз я увидел Лилли у стены Замка Крастера, — вспомнил Джон, — худышку с большим животом. Призрак накинулся на ее кроликов — я думал, она боится, что он вспорет ей живот и сожрет младенца. Но бояться ей следовало совсем не волка, верно?

— У нее больше мужества, чем она полагает, — ответил Сэм.

— У тебя тоже. Счастливого тебе пути, Сэм. Позаботься о ней, об Эйемоне и о ребенке. — Тающие на лице снежинки напомнили Джону о прощании с Роббом в Винтерфелле — он не знал тогда, что больше они не увидятся. — И надень капюшон. Ты весь поседел от снега.

Когда маленькая колонна скрылась из виду, восточный небосклон совсем почернел, и снег повалил хлопьями.

— Великан ждет милорда, — напомнил Эдд. — И Янос Слинт тоже.

— Иду. — Джон посмотрел на ледовую громаду Стены. Сто лиг в длину, семьсот футов в вышину. В высоте ее сила, в протяженности — слабость. Отец сказал когда-то, что Стена опирается на людей, которые ее защищают. Храбрости Ночному Дозору не занимать, но слишком их мало для стоящей перед ними задачи.

Великан ждал в оружейной. По-настоящему его звали Бедвик, и ростом он был меньше всех в Дозоре.

— Нам нужно побольше глаз вдоль Стены, — сразу приступил к делу Джон. — Побольше замков, где патрульные смогут погреться, поесть горячего и сменить лошадей. Будешь командовать гарнизоном в Ледовом Пороге.

Великан выковырнул воск из уха.

— Кто, я? Милорд не забыл часом, что я из крестьян и на Стену за браконьерство попал?

— Ты в разведчиках больше десяти лет. Выжил на Кулаке Первых Людей и вернулся назад с докладом о том, что произошло в Замке Крастера. Молодежь на тебя равняется.

— Разве что карлики, — засмеялся Бедвик. — Я и читать не умею, милорд, — имя свое, правда, могу написать.

— Я уже послал в Старомест за мейстерами. Для срочных случаев у тебя будут два ворона, а если дело терпит, пришлешь гонца. Я намерен поставить сигнальные маяки вдоль Стены, пока мы не разживемся мейстерами и птицами.

— И сколько же несчастных парней будет у меня под началом?

— Двадцать дозорных, десять людей Станниса. — «Раненые, старики и юнцы», — добавил мысленно Джон. — Не лучшие из королевских рядов, и черное они не будут носить, но Станнис им велит тебя слушаться. Хоть маленькая, да польза. Четверо братьев, которых я тебе дам, приехали из Королевской Гавани с лордом Слинтом. Следи за ними одним глазком, а другим высматривай скалолазов с той стороны.

— Последить-то можно, милорд, но если на Стену заберется много народу, тридцать человек их не скинут.

«Может, и триста не скинут», — подумал Джон, но вслух этого не сказал. Скалолазы уязвимее всего, пока лезут. Сверху на них бросают камни, копья и горшки с кипящей смолой, а они только и могут что цепляться за лед. Порой кажется, будто сама Стена их

стряхивает с себя, точно собака блох. Джон своими глазами видел, как треснула она под Ярлом, возлюбленным Вель.

Но если одичалые взберутся на Стену необнаруженными, все будет совсем по-другому. Укрепившись наверху, они спустят вниз веревки и лестницы для тысяч своих собратьев. Именно так поступил Реймун Рыжебородый, бывший Королем за Стеной во времена прапрадеда Джона. Лордом-командующим тогда был Джек Масгуд — до нашествия одичалых Джек-Весельчак, а после на все времена Джек-Засоня. Войско Реймуна нашло свой кровавый конец на берегах Длинного озера, зажатое между лордом Виллемом из Винтерфелла с одной стороны, и Хармондом Амбером, Пьяным Гигантом, с другой. Самого Реймуна убил Артос Неумолимый, младший брат обезглавленного в бою лорда Виллема. В гневе и горе он приказал людям Ночного Дозора, опоздавшим на поле сражения, похоронить всех убитых.

Джон не хотел остаться в веках как Сноу-Засоня.

— Лучше тридцать, чем совсем никого, — заметил он Бедвику.

— Это верно. Милорд только в Ледовый форт пошлет гарнизон или в другие тоже?

— Я намерен со временем заселить все, но пока что отправлю людей только в Ледовый Порог и Серый Дозор.

— Кто будет в Сером командовать?

— Янос Слинт. — «Да помогут нам боги». — Полного дурака начальником городской стражи не поставили бы. Слинт хоть и родился от мясника, стал капитаном Железных ворот, а после смерти Манли Стокворта Джон Аррен доверил ему защиту всей Королевской Гавани. — «К тому же его надо убрать подальше от Аллисера Торне».

— Может, оно и так, но я бы его лучше на кухню наладил — резать репу Трехпалому Хоббу.

Джон побоялся бы есть эту репу.

Лорд Янос на зов командующего отнюдь не спешил. Прошла уже половина утра, и Джон чистил Длинный Коготь. Другой на месте Джона поручил бы эту работу стюарду или оруженосцу, но лорд Эддард учил своих сыновей заботливо относиться к оружию. Когда Эдд и Кегс привели к нему Слинта, он поблагодарил их и предложил лорду сесть.

Тот скрестил руки и нахмурил чело, невзирая на обнаженный меч в руках лорда-командующего. Джон, водя масляной тряпицей по играющему при свете утра мечу, думал, как легко было бы отделить безобразную голову Слинта от туловища. Человек, надевая черное, очищается от всех своих преступлений и отрекается от всех прежних союзников, но Джону трудно было смотреть на Яноса как на брата. Их разделяла кровь. Слинт приложил руку к смерти лорда Эдуарда и чуть было не расправился с самим Джоном.

— Лорд Янос, — Джон убрал меч в ножны, — я назначаю вас командующим форта Серый Дозор.

— Серый Дозор? — удивился Слинт. — Это там вы перебрались со своими одичалыми через Стену…

— Именно. Крепость в плачевном состоянии, не стану скрывать — вам предстоит восстановить ее по возможности. Начните с вырубки леса. Берите камни из построек, которые совсем развалились, и чините те, что еще стоят. — «Это тяжелый труд, — мог бы добавить Джон. — Будешь засыпать прямо на камне, слишком устав для жалоб и козней; забудешь, что такое тепло, но вспомнишь, быть может, что значит быть мужчиной». — В гарнизоне у вас будет тридцать человек — десять от меня, десять из Сумеречной Башни, десять от короля Станниса.

Слинт потемнел, как чернослив, и затряс мясистыми брылами.

— Думаешь, я не вижу, что ты задумал? Яноса Слинта не проведешь. Я охранял Королевскую Гавань, когда ты еще пеленки марал. Оставь свои руины себе, бастард.

«Я всего лишь хотел оказать тебе милость, — подумал Джон. — Мой отец от тебя ее не дождался».

— Вы неверно меня поняли. Это не предложение, милорд, это приказ. До Серого

Дозора сорок лиг. Собирайте оружие и доспехи, прощайтесь с друзьями и будьте готовы отбыть туда завтра, как рассветет.

— Так я тебе и пошел подыхать на морозе. — Янос вскочил, перевернув стул. — Не станет Янос Слинт повиноваться ублюдку изменника! Да, у меня есть друзья — как в Королевской Гавани, так и здесь. Я лорд Харренхолла! Отдай свои развалины кому-нибудь из тех дураков, кто голосовал за тебя, а мне их даром не надо. Слышишь, мальчишка? Я туда не пойду!

— Нет, пойдете.

Слинт, не удостоив его ответом, пнул опрокинутый стул и вышел.

«Он все еще видит во мне мальчишку, — сказал себе Джон. — Ребенка, который уймется, если на него накричать. Остается лишь надеяться, что на следующее утро лорд Янос придет в себя».

Утром выяснилось, что надеялся Джон напрасно.

Слинт завтракал с Аллисером Торне и своими подлипалами. Они смеялись над чем-то, когда Джон сошел в трапезную с Железным Эмметом и Скорбным Эддом. Следом шли Малли, Конь, Рыжий Джек Крэб, Расти Флауэрс и Оуэн Олух. Трехпалый Хобб разливал из котла овсянку. Люди королевы, люди короля и черные братья сидели отдельно. Одни ели кашу, другие набивали животы ветчиной и поджаренным хлебом. За одним столом Джон заметил Пипа и Гренна, за другим Боуэна Мурша. Пахло дымом и жиром, ножи и ложки стучали вовсю.

При появлении Джона все разом умолкли.

— Лорд Янос, — сказал он, — говорю вам в последний раз: отложите ложку и ступайте на конюшню. Я уже велел оседлать вам коня. Путь в Серый Дозор труден и долог.

— Вот и отправляйся туда, мальчуган, — захихикал Слинт, брызгая овсянкой на грудь. — Серый Дозор для таких, как ты, самое место: подальше от порядочных богобоязненных людей. На тебе клеймо зверя, бастард.

— Вы отказываетесь подчиниться приказу?

— Засунь свой приказ в свою бастардову задницу, — посоветовал Слинт, тряся брылами.

Аллисер Торне улыбнулся углами губ, не сводя черных глаз с Джона. За другим столом ржал Годри Победитель Великанов.

— Воля ваша. — Джон кивнул Железному Эммету. — Отведите лорда Слинта к Стене…

«…И заключите его в ледяную камеру», — мог бы сказать Джон. Неделя во льду усмирит Слинта как нельзя лучше — но, выйдя оттуда, он тут же снова начнет злоумышлять вместе с Торне.

«…И привяжите его к седлу», — мог бы сказать Джон. Не хочет ехать в Серый Дозор командиром, пусть едет в качестве повара. Но вскоре он дезертирует — и скольких еще уведет с собой?

— …И повесьте его, — сказал Джон.

Слинт, побелев, выронил ложку. Эдд и Эммет двинулись к нему, звонко шагая по камню. Боуэн Мурш открыл рот и снова закрыл. Сир Аллисер Торне взялся за меч. «Давай, — подумал Джон. — Доставай. Дай мне случай обнажить свой».

Многие поднялись из-за столов — как южане, так и люди Ночного Дозора. Одни братья голосовали за Джона, другие — за Боуэна Мурша, сира Денниса Маллистера, Коттера Пайка… и Яноса Слинта. Последних, насколько Джон помнил, было несколько сотен — многие ли из них сейчас здесь? Все балансировало на острие клинка.

Аллисер Торне убрал руку и посторонился, пропустив Эдда.

Эдд и Эммет, взяв Слинта под локти, подняли его со скамьи.

— А ну отпустите! — возмущался, брызгая овсянкой, лорд Янос. — Он всего лишь мальчишка, бастард, сын изменника. На нем волчье клеймо. Руки прочь! Вы пожалеете, что осмелились тронуть Яноса Слинта. У меня друзья в Королевской Гавани,

предупреждаю… — Он не умолкал ни на миг, пока его волокли вверх по ступеням.

Джон вышел следом, остальные тоже повалили наружу. У клети Слинту удалось вырваться, но Эммет взял его за горло и стукнул несколько раз о железные прутья. Вокруг уже собрался весь Черный Замок. Вель смотрела в окно, перекинув золотую косу через плечо, Станнис в окружении рыцарей стоял на крыльце Королевской башни.

— Мальчишка ошибается, думая, что может меня напугать, — клокотал Слинт. — Он не посмеет меня повесить. У меня есть могущественные друзья… — Остаток его слов унес ветер.

«Нет, — подумал Джон. — Это неправильно».

— Стойте!

— Милорд? — оглянувшись на него, нахмурился Эммет.

— Не стану я его вешать. Ведите его сюда.

— Смилуйтесь, Семеро, — вырвалось у Боуэна Мурша.

Улыбка Яноса Слинта напоминала прогорклое масло.

— Эдд, раздобудь мне плаху, — сказал Джон, вынув Длинный Коготь из ножен.

Увидев, как несут мясную колоду, Янос залез в клеть, но Эммет его мигом вытащил.

— Нет! — кричал Слинт. — Отпусти… вы все поплатитесь, когда Тайвин Ланнистер услышит об этом…

Эммет поставил его на колени у плахи, Эдд уперся ему в спину ногой.

— Ведите себя смирно, — сказал Джон. — Вы все равно умрете, только мучиться дольше будете. Положите голову как следует. — Высоко занесенный меч сверкнул на бледном утреннем солнце. — Если хотите что-то сказать, теперь самое время.

Он ожидал проклятий, но Слинт залепетал, глядя ему в глаза:

— Умоляю, милорд… Пощадите. Я согласен, согласен…

«Поздно», — подумал Джон, и меч опустился.

— Можно мне его сапоги взять? — спросил Оуэн Олух, когда голова Слинта упала в грязь. — Новые почти, на меху.

Джон на миг встретился глазами со Станнисом. Король кивнул и ушел в свою башню.

ТИРИОН

Он проснулся в одиночестве. Носилки стояли, на подушках остался отпечаток тела Иллирио. В пересохшем горле саднило. Ему что-то снилось, но он забыл что.

Снаружи переговаривались на незнакомом ему языке. Тирион спустил ноги, спрыгнул. Над Иллирио возвышались два всадника в кожаных рубашках и плащах из темно-коричневой шерсти. Их мечи оставались в ножнах, и толстяку, похоже, ничего не грозило.

— Я по нужде. — Тирион сошел с дороги, развязал бриджи и стал поливать колючий кустарник. Продолжалось это довольно долго.

— Ну, ссать он мастер, во всяком разе, — заметил кто-то.

— Это что, — сказал Тирион, завязывая тесемки, — видели бы, как я сру. Ты знаешь этих двоих, магистр? На разбойников смахивают. Может, топор достать?

— Топор? — повторил дюжий ярко-рыжий всадник с растрепанной бородой. — Слыхал, Хелдон? Человечек хочет сразиться с нами!

Второй был постарше, с чисто выбритым аскетическим лицом и стянутыми в хвост волосами.

— Маленькие люди часто хвастаются, чтобы придать себе мужества, — сказал он. — Утку он, думаю, не убьет.

— Подавайте сюда утку — увидите.

— Как скажешь. — Тот, что постарше, посмотрел на своего спутника, и рыжий, обнажив меч, сказал:

— Я и есть Утка, болтун писучий.

«Боги!»

— Предпочел бы утку поменьше.

— Слыхал, Хелдон? — заржал рыжий. — Поменьше бы предпочел!

— Он поменьше, а я потише. — Хелдон, оглядев Тириона холодными серыми глазами, спросил Иллирио: — Для нас есть что-нибудь?

— Сундуки и мулы, которые их повезут.

— Мулы слишком медленно тащатся. У нас лошади, перенесем сундуки на них. Займись, Утка.

— Вечно Утка. — Рыжий спрятал меч в ножны. — Кто тут рыцарь, ты или я? — Высказав свое недовольство, он зашагал к мулам.

— Как наш парень? — спросил Иллирио. Дубовые, окованные железом сундуки Утка таскал, взваливая их себе на плечо. Тирион насчитал шесть штук.

— С Гриффа вымахал. На днях кинул Утку в поилку для лошадей.

— Ничего он не кинул. Я сам упал, чтоб его насмешить.

— Твоя шутка имела успех — я тоже смеялся.

— В одном из сундуков для него есть подарок, засахаренный имбирь. Мальчик его любит, — с непонятной Тириону грустью сказал Иллирио. — Поеду, пожалуй, с вами до Гойан Дроэ — устроим прощальный пир.

— Недосуг пировать, милорд. Грифф отправится вниз, как только дождется нас. Снизу идут недобрые вести. У Кинжального озера замечены дотракийцы из кхаласара старого Мото, а следом, через Квохорский лес, движется Зекко.

Толстяк изобразил неприличный звук.

— Зекко каждые три года навещает Квохор. Там ему дают мешок золота, и он поворачивает обратно. А у Мото почти нет воинов моложе его самого — их с каждым годом все меньше. Угроза не в них…

— …а в Поно, — закончил Хелдон. — Мото и Зекко, если слухи правдивы, бегут как раз от него. В последний раз Поно видели у истоков Селхору с тридцатитысячным кхаласаром, вот Грифф и опасается, как бы кхал его не застукал на переправе. Твой карлик ездит верхом не хуже, чем ссыт?

— Ездит, — ответил Тирион, — но в особом седле и на лошади, которую хорошо знает. Говорить он тоже умеет.

— Ну-ну. Я Хелдон, целитель в нашем маленьком братстве. Иногда меня зовут Полумейстером. А мой напарник — сир Утка.

— Сир Ройли, — поправил рыжий. — Ройли Уткелл. Рыцарь может посвятить в рыцари кого хочет — Грифф посвятил меня. А ты, карлик, кто?

— Его зовут Йолло, — быстро ответил Иллирио.

Йолло? В самый раз для обезьянки. Хуже того, имя пентосское, хотя всякому дураку видно, что Тирион вовсе не пентошиец.

— Это в Пентосе я так называюсь, — сказал он, предупреждая возможные замечания. — Мать нарекла меня Хутор Хилл.

— Так кто ж ты, бастард или царь?

С этим Хелдоном Полумейстером ухо надо держать востро.

— Всякий карлик — бастард в глазах своего отца.

— Не сомневаюсь. Ответь-ка мне, Хутор Хилл: как Сервин Зеркальный Щит победил дракона Уррakса?

— Заслонился щитом. Урракс видел только свое отражение, и Сервин вонзил копье ему в глаз.

— Это даже Утка знает. А можешь ли ты назвать рыцаря, который применил ту же уловку к Вхагару во время Пляски Драконов?

— Сир Бирен, — ухмыльнулся Тирион. — Потом его поджарили за труды, только убил он Сиракс, а не Вхагара.

— Боюсь, ты ошибаешься. Мейстер Манкен в «Подлинной истории Пляски Драконов» пишет, что…

— …что это был Вхагар, но ошибается он, а не я. Оруженосец сира Бирена видел, как погиб его господин, и написал о том его дочери. В письме говорится, что это была Сиракс, дракон Рейениры, и смысла в этом больше, чем в версии Манкена. Сванн был сыном марочного лорда, Штормовой Предел поддерживал Эйегона, на Вхагаре летал брат Эйегона принц Эйемонд. Зачем бы Сванн стал убивать Вхагара?

— Постарайся не свалиться с коня, — поджал губы Хелдон, — а если свалишься, сразу трюхай обратно в Пентос. Наша робкая дева не ждет ни карликов, ни рослых мужчин.

— Люблю робких — и бойких тоже. Скажи, куда отправляются шлюхи?

— Я похож на человека, который их посещает?

— Где ему, — засмеялся Утка. — Лемора его заругает, парень захочет пойти вместе с ним, Грифф отрежет ему хрен и засунет в глотку.

— Ну и что ж. Мейстеру хрен не нужен.

— Он всего только полумейстер.

— Раз этот карлик так тебя забавляет, пусть он и едет с тобой, — сказал Хелдон, поворачивая коня.

Когда Утка погрузил сундуки Иллирио на трех лошадей, Хелдон успел скрыться из глаз. Сев на свою лошадь, сир Ройли сгреб Тириона за ворот и посадил впереди себя.

— Держись покрепче, и все будет ладно. У кобылы ход ровный, драконья дорога гладкая, как девичий задок. — С этими словами он пустил лошадь рысью.

— Удачи вам! — крикнул вслед Иллирио. — Скажи мальчику: я сожалею, что не смогу быть у него на свадьбе. Встретимся в Вестеросе! Клянусь в том руками моей милой Серры.

Тирион оглянулся. Иллирио Мопатис стоял у носилок, ссутулив могучие плечи. С каждым мигом он удалялся, делаясь почти маленьким в клубах пыли.

Через четверть мили они нагнали Хелдона Полумейстера и поехали бок о бок с ним. Тирион держался за высокую луку седла. Ногам было неудобно: в недалеком будущем его ждали судороги и стертые ляжки.

— Любопытно, что сделают с нашим карликом пираты Кинжального озера? — сказал Хелдон.

— На похлебку пустят, — предположил Утка.

— Хуже всех там Уро Немытый, — сообщил Хелдон. — Одной своей вонью может человека убить.

— Я, к счастью, безносый, — сказал Тирион.

— Если мы у Ведьминых Зубов повстречаемся с леди Коррой, можешь лишиться и других частей тела. Ее прозвали Коррой Жестокой. Команда у нее сплошь из юных красавиц, и они кастрируют всех мужиков, которые им попадутся.

— Ужас. Сейчас штаны намочу.

— Лучше не надо, — мрачно предостерег Утка.

— Как скажешь. При встрече с леди Коррой я мигом надену юбку и скажу, что я Серсея, знаменитая бородатая красотка из Королевской Гавани.

Утка на это засмеялся, а Хелдон сказал:

— И забавник же ты, малыш Йолло. Говорят, Лорд-Покойник награждает всех, кто сумеет его рассмешить, — авось и тебе найдется местечко среди каменного двора его серой милости.

— Не годится над ним шутить так близко от Ройна, — забеспокоился Утка. — Он слышит.

— Утиным клювом глаголет мудрость. Не бледней так, Йолло, это я к слову. Горестный Принц серые поцелуи так просто не раздает.

Серый поцелуй… прямо мурашки по коже. Смерти Тирион больше не боялся, а вот серая хворь… «Это всего лишь легенда, — сказал он себе, — вроде призрака Ланна Мудрого, который будто бы является в Бобровом Утесе», — но язык все-таки придержал.

Утка, не замечая внезапной молчаливости карлика, стал рассказывать ему историю своей жизни. Отец его был оружейником у Горького Моста; родился он под звон стали и с

ранних лет учился владеть мечом. Лорд Касвелл взял его в свою гвардию, но парню хотелось большего: он видел, как хилый сын лорда стал пажом, оруженосцем, а там и рыцарем.

— Глиста глистой, зато единственный сын, кроме четырех дочек, — старый лорд не позволял о нем слова худого сказать. Другие оруженосцы на учебном дворе пальцем его тронуть не смели.

— Но ты был не столь послушен. — Тирион уже догадывался, чем закончится эта история.

— В шестнадцать лет отец выковал мне длинный меч, а Лорент его забрал — папаша не осмелился ему отказать. Я жаловаться, а Лорент мне: тебе, мол, молот держать, а не меч. Ну, я взял в кузне молот и отделал его — переломал половину ребер и обе руки. После этого я, в большой спешке покинув Простор, переправился через море и вступил в отряд Золотых Мечей. Сколько-то лет был у кузнеца в подмастерьях, пока сир Гарри Стрикленд меня в оруженосцы не взял. Потом Грифф прислал весть, что ему нужен человек обучать его сына военному мастерству, и Гарри выбрал меня.

— А Грифф посвятил тебя в рыцари.

— Ага, год спустя.

— Расскажи нашему дружку, как получил свое имя, — с ехидной улыбкой предложил Хелдон.

— У рыцаря должно быть, кроме нареченного, и родовое имя. После обряда посвящения я поглядел вокруг, увидел уток, ну и… чур не смеяться.

На закате они свернули с дороги на заросшую каменную площадку. Тирион соскочил поразмяться, Утка и Хелдон пошли поить лошадей. Замшелые стены вокруг говорили о том, что некогда здесь стояла большая усадьба. Обиходив животных, путники поужинали солониной и холодными бобами, запивая их элем. Простая пища служила приятным разнообразием после деликатесов, которые Тирион вкушал у Иллирио.

— Я сперва подумал, что в сундуках золото для Золотых Мечей, — сказал он, — но сир Ройли их таскал на одном плече — стало быть, нет.

— Там всего лишь доспехи, — ответил Утка.

— И одежда, — добавил Хелдон. — Придворное платье для всех нас. Тонкая шерсть, бархат, шелковые плащи. К королеве не подобает являться в убогой одежде или с пустыми руками. Магистр по доброте своей прислал нам приличествующие дары.

Взошла луна, и они снова пустились в путь под звездным пологом неба. Старая валирийская дорога мерцала впереди серебряной лентой, и Тирион чувствовал нечто вроде умиротворения.

— Ломас Странник правду сказал: эта дорога — настоящее чудо.

— Ломас Странник?

— Когда-то он объехал весь мир, — пояснил Хелдон, — и описал увиденное в двух книгах: «Чудеса света» и «Рукотворные чудеса».

— Один мой дядя дал мне их еще в детстве, — сказал Тирион. — Я их до дыр зачитал.

— «У богов семь чудес, смертные же сотворили девять», — процитировал Хелдон. — Нехорошо смертным опережать богов, но что делать. Валирийские каменные дороги — одно из девяти рукотворных чудес. Пятое, кажется.

— Четвертое. — Все шестнадцать чудес Тирион заучил наизусть. Дядя Герион во время пиров ставил его на стол и заставлять называть их. Тириону это нравилось, насколько он помнил. Нравилось стоять под устремленными на него взорами и доказывать, какой он умный бесенок. Годами он лелеял мечту объехать мир самому и увидеть чудеса Странника своими глазами.

Лорд Тайвин положил этим надеждам конец накануне шестнадцатилетия сына, когда Тирион попросил отпустить его в Вольные Города, — все его дяди в этом возрасте совершали такую поездку. «Мои братья дом Ланнистеров не позорили, — заявил отец. — Не женились на шлюхах». Когда же Тирион заметил ему, что через десять дней станет взрослым мужчиной и будет свободен ехать куда пожелает, лорд Тайвин сказал: «Никто не свободен

— иначе думают только дети да дураки. Поезжай, если хочешь. Надевай шутовской наряд и становись на голову, потешая королей пряностей и сырных лордов, — помни только, что за дорогу туда будешь сам платить, а обратная дорога тебе заказана. — На этом мечтам Тириона пришел конец. — Тебе надо заняться чем-то полезным, вот что». И Тириона в ознаменование его взрослости поставили надзирать над стоками и цистернами Бобрового Утеса — может, отец надеялся, что сын в одну из этих емкостей свалится. Если так, его ожидало разочарование: никогда еще воды не стекали из замка так исправно, как это было при Тирионе.

Он охотно выпил бы вина, чтобы убрать изо рта вкус Тайвина. Лучше всего целый мех.

Они ехали всю ночь. Тирион засыпал, привалившись к луке, и просыпался опять. Когда он начинал соскальзывать вбок, сир Ройли рывком возвращал его на седло. К рассвету ноги у него отнялись, натертые щеки горели.

До Гойан Дроэ они добрались днем.

— Вот и сказочный Ройн, — сказал карлик, глядя с высокого берега на медленные зеленые воды.

— Малый Ройн, — поправил сир Ройли.

— Ну да. — Ничего речка, но любой из зубцов Трезубца вдвое шире ее, и текут они гораздо быстрее. Разочаровал Тириона и город. Из истории он знал, что Гойан Дроэ никогда не был велик, но славился своей красотой, фонтанами и садами. До войны, до нашествия драконов. Теперь, тысячу лет спустя, каналы заилились и заросли тростником, над стоячими заводями роились мухи. Развалины дворцов и соборов ушли глубоко в землю, по берегам торчали кривые старые ивы.

Немногочисленные жители разводили огороды среди сорняков. Заслышав стук кованых копыт по старой дороге, они попрятались в свои норы — лишь самые смелые проводили всадников тусклыми нелюбопытными взглядами. Голая девчушка с грязными по колено ногами не сводила глаз с Тириона. «Что, не видела раньше карликов, да еще и безносых?» Он скорчил страшную рожу, высунул язык, и девочка разревелась.

— Чего это она? — спросил Утка.

— Я ей послал поцелуй. Девушки всегда плачут, когда я целую их.

У прибрежных ив дорога оборвалась. Всадники повернули и поехали вдоль реки до полузатопленного каменного причала.

— Хелдон! — позвал кто-то. — Утка!

Тирион огляделся. С крыши деревянной хибарки махал соломенной шляпой парнишка лет пятнадцати-шестнадцати, худенький, с гривой темно-синих волос.

Крыша, на которой он стоял, принадлежала, как оказалось, каюте «Робкой девы», ветхой плоскодонки с единственной мачтой. Широкое, с малой осадкой судно должно было легко пробираться по мелким протокам и переваливать через песчаные мели. Дева не из приглядных, решил Тирион, ну да ладно: дурнушки в постели бывают лучше красавиц. В Дорне такие лодки обычно ярко расписывают и украшают резьбой, но «Деву», явно не без умысла, выкрасили в зеленовато-бурый илистый цвет. Краска сильно облупилась, руль на корме был самый простой.

Утка отозвался. Кобыла вошла в мелкую воду, ломая тростник. Мальчик спрыгнул на палубу, где собралась вся команда. У руля стояла пожилая пара, по виду ройнары; из каюты вышла очень недурная собой септа в белых одеждах.

— Хватит орать, — сказал еще один. Это, несомненно, был Грифф. Над рекой опустилась глубокая тишина.

Тирион сразу понял, что с ним шутки плохи.

На плечах шкура красного ройнского волка с головой и лапами, под ней бурая кожа с железными кольцами. Кожа на бритом лице точно такая же, с морщинками в углах глаз. Волосы синие, как у сына, но корни рыжие, как и брови. На бедре меч и кинжал. Если он радовался Утке и Хелдону, то хорошо скрывал это, а на Тириона смотрел с нескрываемым отвращением.

— Это еще что такое?

— Знаю: ты надеялся увидеть хороший круг сыра. Синие волосы хороши в Тироше, — заметил Тирион юному Гриффу, — но в Вестеросе детишки забросают тебя камнями, а девушки засмеют.

— Моя мать была тирошийка, — опешил парень. — Я крашу волосы в память о ней.

— Что за уродец?! — не унимался его отец.

— Иллирио передал тебе письмо с объяснениями, — вмешался Хелдон.

— Давай сюда, а карлика отведи в каюту.

Усевшись напротив Гриффа за дощатый стол с сальной свечкой, Тирион рассмотрел поближе его глаза — бледно-голубые, как лед. Карлик не любил светлых глаз: у лорда Тайвина они были бледно-зеленые, с золотыми искрами.

Однако Грифф умел читать — многие ли наемники могут этим похвастаться? Даже губами почти не шевелил.

— Значит, Тайвин Ланнистер умер от твоей руки? — спросил он, щуря свои ледяные глаза.

— От пальца. Вот этого, — показал Тирион. — Лорд Тайвин сидел на толчке, и я выстрелил ему в брюхо из арбалета — посмотреть, вправду ли он срет золотом. Оказалось, что нет, а жаль. Золотишко бы мне пригодилось. Мать я тоже убил, только раньше. Еще племянника, Джоффри. Отравил его на собственной свадьбе и смотрел, как он задыхается. Неужто торговец сырами его пропустил? Хочу еще внести в список брата с сестрой, если это порадует твою королеву.

— Порадует… Рехнулся Иллирио, что ли? Зачем ее величеству нужен изменник и цареубийца, открыто сознающийся в своих преступлениях?

Хороший вопрос. Тирион ответил на него так:

— Король, которого я убил, занимал ее трон, а предал я одних только львов, что опять-таки на руку королеве. Ты не бойся, тебя мне убивать незачем. — Тирион почесал половинку носа. — Мы с тобой не родня. Можно взглянуть, что пишет тебе торговец сырами? Люблю почитать о себе самом.

Грифф, не обратив на его просьбу никакого внимания, сжег пергамент на свечке.

— Между Таргариенами и Ланнистерами лежит кровь. Зачем тебе поддерживать одну из Таргариенов?

— Ради золота и славы, — весело сказал Тирион. — Еще из-за ненависти. Если б ты знал мою сестрицу, то понял бы.

— Ненависть мне понятна.

«Правду говоришь, — решил Тирион. — Ты много лет ужинаешь ненавистью и греешься ею по ночам».

— Значит, у нас есть нечто общее, сир.

— Я не рыцарь.

«А вот теперь ты лжешь, причем неумело. Глупо, сир».

— Утка говорит, что ты сделал рыцарем его самого.

— Утка слишком много болтает.

— Не странно ли, что утка вообще говорит? Ладно, Грифф, будь по-твоему. Ты не рыцарь, а я Хутор Хилл, маленькое чудовище. Твое собственное, если тебе угодно. Мое единственное желание — послужить твоей королеве драконов. Слово даю.

— Каким образом?

— Языком. — Тирион облизал пальцы один за другим. — Я могу сообщить ей, что на уме у моей сестры, если это можно назвать умом. Могу подсказать ее капитанам, как победить моего брата Джейме. Знаю, кто из лордов смел, а кто трус, кто предан трону, и кто замышляет месть. Могу обеспечить ей пару союзов. И в драконах я кое-что смыслю — справься у своего полумейстера. Еще я умею смешить и ем мало. Кто не захочет завести себе такого чудесного беса?

Грифф поразмыслил.

— Усвой вот что, карлик. Ты последний и наименее ценный в нашей компании. Держи язык за зубами и делай, что тебе говорят, не то пожалеешь.

«Да, отец», — чуть было не сказал Тирион.

— Как скажешь, милорд.

— Я не лорд.

«Врешь».

— Я говорю так из вежливости, мой друг.

— И не твой друг.

«Не рыцарь, не лорд и не друг».

— Экая жалость.

— Избавь меня от своей иронии. Докажешь свое послушание и полезность по дороге в Волантис — сможешь послужить королеве. Доставишь нам хоть малейшую неприятность — отправишься на все четыре стороны.

«Скорей всего на дно Ройна, где рыбы доедят то, что осталось от носа».

— Валар дохаэрис.

— Спать будешь на палубе или в трюме, выбирай сам. Изилла устроит тебе постель.

— Как мило с ее стороны. — Тирион откланялся и добавил с порога: — А что, если окажется, что эти драконы — всего лишь выдумка пьяных матросов? Мало ли сказок по свету ходит. Грамкины, снарки, призраки, русалки, горные тролли, крылатые кони, крылатые свиньи… крылатые львы.

— Я тебя предупредил, Ланнистер, — отрезал Грифф. — Держи язык на привязи, если не хочешь его потерять. На кону стоят королевства, наши жизни и наша честь. Думаешь, мы затеяли эту игру, чтобы тебя позабавить?

«Игру престолов? Почему бы и нет».

— Как скажешь, капитан, — произнес Тирион с новым поклоном.

ДАВОС

Молния расколола северный небосклон, выделив черную башню Ночного Фонаря на голубоватом небе. Шесть мгновений спустя прокатился гром.

Стражники провели Давоса Сиворта по черному базальтовому мосту, под тронутой ржавчиной решеткой ворот. Над глубоким рвом висел на цепях другой мост, подъемный. Во рву билась о фундамент замка морская вода, караульная будка на той стороне обросла водорослями. Давос со связанными впереди руками заковылял через грязный двор. Холодный дождь заливал глаза. Подталкиваемый сзади копьями, он взошел на ступени Волнолома.

Внутри капитан повесил свой плащ на колышек, чтобы не оставлять луж на потертом мирийском ковре. Давос сделал то же самое, повозившись с застежкой связанными руками. На Драконьем Камне его научили приличным манерам.

Лорд, сидя в сумрачном чертоге один, ел сестринскую похлебку, макая в нее хлеб и запивая пивом. Факелы были вставлены только в четыре из настенных светильников, и ни один из них не горел — скудный мигающий свет давали лишь две сальные свечки. По стенам хлестал дождь, где-то капало с прохудившейся крыши.

— Милорд, — сказал капитан, — этот человек предлагал в «Китовом брюхе» деньги, чтобы уплыть с острова. При нем нашли двенадцать драконов и это. — Капитан положил на стол широкую ленту из черного бархата с парчой по краям и тремя печатями. Коронованный олень на золотом воске, пылающее сердце на красном, рука на белом.

Промокший насквозь Давос ждал. Веревка впивалась в кожу. Одно слово этого лорда, и его вздернут на систертонской виселице, но тут хоть дождя нет, и под ногами твердый камень, а не колеблющаяся палуба. Горе, предательство и морские бури до смерти его измотали.

Лорд вытер рот рукой и прищурился, разглядывая ленту вблизи. В амбразурах снова

сверкнула молния. Когда Давос сосчитал до четырех, грянул гром. В сменившей его тишине опять послышалась капель и гул под ногами, где волны захлестывали темницы замка. Давос мог вскорости там оказаться: его прикуют к полу, и он утонет, когда начнется прилив. Нет-нет. Так может умереть контрабандист, но не королевский десница. Лорд добьется большего, если продаст его своей королеве.

Лорд ощупал печати. Он был некрасив — здоровенный, мясистый, плечищи как у гребца, шеи нет вовсе. Щеки и подбородок покрывала жесткая седая щетина, над массивным лбом простиралась лысина. Нос бугристый, в лопнувших жилках, губы толстые, между тремя пальцами правой руки перепонка. Давос слышал, что у некоторых лордов Трех Сестер есть перепонки на руках и ногах, но относил это к числу морских баек.

— Развяжите его, — приказал лорд. — И перчатки снимите. Покажите мне его руки.

Капитан повиновался. Когда он поднял вверх левую руку пленника, новая молния бросила тень от укороченных пальцев Давоса Сиворта на рубленое лицо Годрика Боррела, лорда Пригожей Сестры.

— Ленту украсть всякий может, но пальцы твои не лгут. Ты Луковый Рыцарь.

— Меня и худшими именами называли, милорд. — Давос, сам теперь лорд, рыцарем стал давно, но в глубине души остался тем же контрабандистом низкого звания, купившим себе рыцарство за груз соленой рыбы и лука.

— Ну да. Предатель, мятежник, перебежчик.

Последнее имя Давосу не понравилось.

— Я ни к кому не перебегал. Всегда служил одному королю.

— Если Станнис — король, то да. — Черные глаза лорда тяжело оглядели Давоса. — Рыцари, причаливающие к моим берегам, приходят ко мне в чертог, а не в «Китовое брюхо», этот контрабандистский притон. Вернулся к старому ремеслу, Луковый Рыцарь?

— Нет, милорд, просто искал судно, идущее в Белую Гавань. У меня поручение от короля к ее лорду.

— Тогда ты попал не в то место и не к тому лорду, — почти весело указал лорд Годрик. — Это Систертон на Пригожей Сестре.

— Знаю. — «Ничего пригожего в твоем Систертоне нет, — добавил про себя Давос. — Сущий хлев, провонявший свиным навозом и тухлой рыбой». Давос хорошо помнил этот городишко по своему преступному прошлому. На Трех Сестрах веками собирались контрабандисты, а еще раньше острова были пиратским гнездом. Улицы Систертона — это брошенные в грязь доски, дома — крытые соломой мазанки, у Виселичных ворот всегда болтаются люди с выпущенными кишками.

— У тебя здесь, конечно, есть дружки, как у всякого контрабандиста. Некоторые из них и мои друзья тоже, а прочих я вешаю. Удавливаю медленно, с хлопающими о колени кишками. — Молния снова осветила чертог, и гром ударил уже на счет два. — Если тебе нужна Белая Гавань, что привело тебя в Систертон?

«Приказ короля и предательство друга», — подумал Давос и ответил вслух:

— Шторм.

От Стены отплыло двадцать девять кораблей. Давос удивился бы, узнав, что хотя бы половина из них уцелела. Ненастное небо, резкий ветер и ливни преследовали их вдоль всего побережья. Галей «Оледо» и «Старухин сын» напоролись на рифы у Скагоса, острова единорогов и каннибалов, куда опасался заходить даже «Слепой бастард», большой когг, потопленный Салладором Сааном у Серых Скал. «Станнис мне заплатит золотом за каждый корабль», — кипятился Салла. Словно некий разгневанный бог взимал с них дань за легкий переход от Драконьего Камня на север. Новый шторм сорвал снасти с «Обильной жатвы», и пришлось взять ее на буксир. В десяти лигах севернее Вдовьего Дозора море снова взыграло; «Жатву» бросило на одну из ведших ее галей, и обе пошли ко дну. Весь остальной лиссенийский флот разбросало по Узкому морю. Одни корабли, возможно, дотащатся до какой-нибудь гавани, других никто уже не увидит.

«Салладор Нищий, вот кем сделал меня твой король, — жаловался Салла, когда

остатки его флотилии ковыляли через Укус. — Салладор Разбитый. Где мои корабли? Где золото, которое мне обещали?» Давос уверял, что ему непременно заплатят, но Саллу это не умилостивило. «Когда же это? Завтра, в новолуние, при новом пришествии красной кометы? Он обещает мне золото и драгоценные камни, а я и в глаза их не вижу. Может ли Салладор Саан быть сыт королевским словом? Может ли утолить жажду пергаментами и восковыми печатями? Может ли уложить обещания на перину и драть их до поросячьего визга?»

Давос уговаривал его сохранить верность Станнису. Бросив его, Салла обещанного золота и вовсе никогда не получит: победоносный король Томмен вряд ли станет платить долги своего побежденного дядюшки. Единственная надежда — набраться терпения и поддерживать Станниса до восшествия его на Железный Трон.

Возможно, какой-нибудь сладкоречивый лорд убедил бы пирата, но речи Лукового Рыцаря еще больше взбесили Саллу. «Я терпел на Драконьем Камне, когда красная женщина жгла деревянных богов и вопящих людей. Терпел по пути к Стене. Терпел холод в Восточном Дозоре. Тьфу на твое терпение и на твоего короля! Мои люди изголодались. Они хотят снова лечь со своими женами, пересчитать своих сыновей, увидеть Ступени и увеселительные сады Лисса. Лед, шторм и пустые обещания в перечень их желаний не входят. На Севере чересчур холодно и становится все холоднее».

Давос знал, что рано или поздно это случится. Он любил старого негодяя, но доверять Салле мог только полный дурак.

— Шторм, — нежно, как имя возлюбленной, повторил лорд. — До прихода андалов на Сестрах поклонялись штормам. Нашими богами были Владычица Волн и Владыка Небес. Совокупляясь, они каждый раз порождали бурю. Королям до Сестер дела никогда не было, мы ведь бедны, — однако шторм почему-то занес тебя именно к нам.

«Меня привез сюда друг», — поправил мысленно Давос.

— Можешь идти, — сказал капитану лорд Годрик, — и помни: этого человека здесь не было.

— Так точно, милорд. — Капитан удалился, оставляя на ковре мокрые отпечатки сапог. Море рокотало под полом. Вдали громыхнула дверь, за окнами, словно в ответ, вспыхнула молния.

— Если вы переправите меня в Белую Гавань, милорд, — сказал Давос, — король сочтет это актом дружбы.

— Туда или в холодную мокрую преисподнюю — это уж мне решать.

«Можно подумать, в Систертоне у тебя рай». Давос боялся худшего. Три Сестры, суки этакие, верны только себе самим. Присягали они вроде бы Арренам из Долины, но вассалы из них никудышные.

— Сандерленд вытребует тебя, если прознает. — Боррел, лорд Пригожей Сестры, Лонгсторп, лорд Длинной, и Торрент, лорд Малой, подчинялись Тристону Сандерленду, лорду всех трех островов. — И продаст тебя королеве за горшок ланнистерского золота. У бедняка с семью сыновьями, которые все метят в рыцари, каждый дракон на счету. — Лорд, взяв деревянную ложку, снова принялся за похлебку. — Я проклинал богов, посылавших мне одних дочерей, пока не услышал, как Тристон жалуется на цены боевых скакунов. Знал бы ты, сколько рыбы требуется отдать за одни-единственные доспехи.

Давос из семи своих сыновей потерял четверых.

— Лорд Сандерленд присягал Гнезду и по правилам должен передать меня леди Аррен. — Лучше уж ей, чем Ланнистерам. Лиза Аррен не принимала участия в Войне Пяти Королей, но она дочь Риверрана, и Молодой Волк ей приходился племянником.

— Лиза Аррен убита каким-то певцом. Теперь в Долине правит Мизинец. Говори, где твои пираты? — Лорд, не дождавшись ответа, стукнул по столу ложкой. — Где лиссенийцы? Флинты из Вдовьего Дозора и Торрент с Малой Сестры видели их паруса — зеленые, розовые, оранжевые. Салладор Саан. Где он?

— В море. — Сейчас он, наверное, огибает Персты, возвращаясь на Ступени с немногими оставшимися у него кораблями. Быть может, по дороге он разживется еще

несколькими, если повезет встретить мирных торговцев. Маленькое пиратство, чтобы скоротать путь. — Его величество отправил его на юг — беспокоить Ланнистеров и ланнистерских приспешников. — Давос долго репетировал эту ложь, гребя под дождем к Систертону. Рано или поздно мир все равно узнает, что Салладор Саан бросил Станниса Баратеона, но не из уст Давоса Сиворта.

Лорд помешал похлебку.

— А тебя старый пират вплавь на берег отправил?

— К берегу я приплыл на лодке, милорд. — Салла дождался, когда Ночной Фонарь осветит валирийский мол в гавани, и лишь тогда спустил шлюпку. Их дружбы хватило хотя бы на это. Лиссениец предлагал идти вместе с ним на юг, но Давос не захотел. «Станнис полагается на то, что его десница переманит к нему Вимана Мандерли, и я королевского доверия не предам», — заявил он Салле. «Его доверие тебя погубит, дружище, — ответил на это пират. — Помяни мое слово».

— Никогда еще не принимал под своим кровом королевского десницу, — сказал лорд Годрик. — Пожелает ли Станнис тебя выкупить, хотел бы я знать.

Давос тоже хотел бы. Станнис наделил его землями, титулами и почетными должностями, но готов ли он платить золотом за его жизнь? Было бы у него это золото, Салла бы остался при нем.

— Можете спросить его сами, милорд. Его величество в Черном Замке.

— А Бес? Тоже там?

— Бес? — не понял Давос. — Он сидит в Королевской Гавани, приговоренный к смерти за убийство племянника.

— На Стене всё последними узнают, говаривал мой отец. Карлик бежал. Пролез сквозь решетку и голыми руками растерзал родного отца. Гвардеец видел, как он убегает, весь в крови с головы до ног. Того, кто его убьет, королева сделает лордом.

Давос не поверил своим ушам.

— Вы хотите сказать, что Тайвин Ланнистер погиб?

— От руки своего сына, да. — Лорд хлебнул пива. — Когда на Сестрах правили короли, карликов не оставляли в живых. Бросали в море, в жертву богам. Септоны, благочестивые дураки, отменили этот обычай. Зачем сохранять жизнь тем, кого боги сотворили чудовищами?

Тайвин умер… это меняет всё.

— Милорд позволит мне послать к Стене ворона? Хочу, чтобы его величество узнал о смерти Тайвина Ланнистера.

— Узнает когда-нибудь, только не от меня. И не от тебя, пока ты пребываешь под моим протекающим кровом. Никто не сможет сказать, что я оказал Станнису хоть какую-то помощь. Сандерленды втравили Сестер в два мятежа Черного Пламени, и все мы горько поплатились за это. Сядь, сир, пока не упал. — Лорд Годрик махнул ложкой в сторону стула. — В моих чертогах сыро, холодно и темно, но кое-какие манеры мы соблюдаем. Сухая одежда тоже найдется, когда поешь. — На его зов в чертог вошла женщина. — У нас гость. Тащи сюда пиво, хлеб и сестринскую похлебку.

Пиво было темное, хлеб черный, похлебка в корытце из черствой буханки — молочно-белая. Лук-порей, морковка, ячмень, желтая и белая репа сочетались в ней с моллюсками, крабами и треской, а заправлялось все это маслом и сливками. Это блюдо прогревает едока до костей — в самый раз для холодной дождливой ночи. Давос, преисполненный благодарности, погрузил ложку в хлебную миску.

— Едал раньше такую?

— Доводилось, милорд. — Эту похлебку подавали во всех тавернах и гостиницах Трех Сестер.

— А я тебе скажу, что такой ты еще не пробовал. Ее Гелла готовит, дочь моей дочери. Ты сам женат, Луковый Рыцарь?

— Женат, милорд.

— Жаль. Гелла у нас незамужняя, а из дурнушек выходят самые лучшие жены. Крабы тут трех видов: красные, паучьи и победители. Паучьих я только в похлебке ем, чтоб не чувствовать себя каннибалом. — Лорд показал на знамя, висевшее над холодным очагом: белый паучий краб, вышитый на серо-зеленом поле. — Мы слышали, будто Станнис сжег своего десницу.

Верно, сжег. Алестера Флорента, который занимал этот пост перед Давосом. Мелисандра отдала его своему богу, чтобы обеспечить попутный ветер до самой Стены. Лорд Флорент, пока люди королевы привязывали его к столбу, был спокоен и сохранял достоинство, насколько это доступно полуголому человеку, но как только огонь лизнул его ноги, начал кричать. Эти-то крики, если верить красной женщине, и принесли их благополучно в Восточный Дозор. Давосу ветер не пришелся по вкусу: он отдавал горелым мясом и человеческим голосом выл в снастях. На месте Алестера вполне мог оказаться и сам Луковый Рыцарь.

— Я, как видите, не сгорел — разве что едва не замерз в Восточном Дозоре.

— Стена, она такая. — Женщина принесла горячий, только что из печи, хлеб. Лорд, заметив, как уставился Давос на ее руку, сказал: — У всех Боррелов такая отметина, вот уже пять тысяч лет. Это дочь моей дочери — не та, что похлебку варила. — Он разломил хлеб и дал половину Давосу. — Ешь, это вкусно.

Хлеб и впрямь был хорош, но Давос бы и черствой корке порадовался: это означало, что его принимают как гостя хотя бы на эту ночь. У лордов Трех Сестер темная репутация, особенно у Боррела, лорда Пригожей Сестры, Щита Систертона, владетеля Волнолома и хранителя Ночного Фонаря. Но даже лорды-разбойники и грабители потерпевших крушение кораблей подчиняются древним законам гостеприимства. До рассвета Давос, отведав хлеба и соли этого дома, во всяком случае, доживет.

Похлебку, однако, сдобрили не одной только солью.

— Никак, шафран? — Эту пряность, ценившуюся дороже золота, Давос пробовал только раз: король Роберт, пируя на Драконьем Камне, угостил его приправленной шафраном рыбой.

— Да, квартийский. Перец тоже бери. — Лорд Годрик поперчил собственную похлебку. — Черный волантинский, не первый сорт, зато можно не скупиться. У меня его сорок сундуков, а еще гвоздика, мускатный орех и фунт шафрана. Всё от одной черноглазой девицы. — Лорд засмеялся, и Давос заметил, что все зубы у него целы — желтые, правда, а один совсем почернел. — Она шла в Браавос, но шторм занес ее в Укус и разбил о мои скалы. Ты у меня не единственный штормовой дар: море жестоко и коварно.

Не столь коварно, как человек. Предки Годрика, пока Старки не обрушились на них с огнем и мечом, пиратствовали в открытую. Теперь сестринцы, предоставляя это занятие Салладору Саану и прочим заморским жителям, ограничиваются разбитыми кораблями. Маяки, горящие на Трех Сестрах, должны предупреждать моряков о мелях и рифах, но в штормовые и туманные ночи здесь порой зажигают ложные огни, заманивая неосмотрительных капитанов на скалы.

— Шторм сделал тебе добро, пригнав тебя к моему порогу. В Белой Гавани тебя бы холодно приняли. Опоздал ты, сир. Лорд Виман хочет склонить колено, но не перед Станнисом. Мандерли по сути не северяне. Они пришли на Север каких-то девятьсот лет назад со своим золотом и своими богами. Они были большими господами на Мандере, но чересчур занеслись, и зеленые руки их свергли. Волчий король взял их золото, а взамен дал им землю и разрешил сохранить богов. — Годрик подобрал хлебом остатки похлебки. — Толстяк на оленя не сядет — зря Станнис надеется. Двенадцать дней тому в Систертон зашла «Львиная звезда» набрать пресной воды. Знаешь такую? Багряные паруса и золотой лев на носу. На борту полно Фреев, едущих в Белую Гавань.

Этого Давос ожидал меньше всего.

— Фреи убили сына лорда Вимана!

— Да, и толстяк дал обет не брать в рот ничего, кроме вина и хлеба, пока не свершит

свою месть. К вечеру того же дня он уже обжирался крабами и сластями. Между Сестрами и Белой Гаванью постоянно ходят суда. Мы им — рыбу, крабов и козий сыр, они нам — дерево, шерсть и шкуры. Его милость, насколько я слышал, стал еще толще, вот тебе и обет. Слова — это ветер, а изо рта Мандерли исходят те же ветры, что из его зада. — Лорд подобрал всю похлебку дочиста. — Фреи везут ему кости сына. Некоторые называют это учтивостью. Будь это мой сын, я сказал бы спасибо, а потом повесил их всех, но толстяк для этого чересчур благороден. — Лорд прожевал хлеб. — Я позвал Фреев на ужин. Один сидел на том самом месте, где ты сейчас. Звать его Рейегар — я чуть не фыркнул ему в лицо, как услышал. Он потерял жену, и в Белой Гавани его ждет невеста. Вороны тучами летали туда-сюда: лорд Виман и лорд Уолдер намерены скрепить свой союз браком.

Давосу показалось, что Годрик двинул его в живот. Если это правда, Станнис — конченый человек. Королю до зарезу необходима Белая Гавань. Если Винтерфелл — сердце Севера, то город лорда Мандерли — его рот. Залив там не замерзает даже в лютые холода, что с приходом зимы будет значить куда как много. Не меньшее значение имеет и серебро. Ланнистеры мало того что сами купаются в золоте, так еще и с богатым Хайгарденом породнились, а Станнисова казна пуста. Нужно хотя бы попытаться остановить назревающую в Белой Гавани свадьбу.

— Мне очень нужно в Белую Гавань. Умоляю, помогите, милорд.

Годрик принялся за размягчившуюся хлебную миску.

— Не люблю северян. С поругания Трех Сестер, как говорят септоны, прошло две тысячи лет, но Систертон не забыл. Раньше мы были вольные, и короли у нас были свои, а после нам пришлось склониться перед Гнездом, чтобы прогнать северян. Сокол и волк дрались за нас тысячу лет и обглодали бедные острова до косточек. А Станнис в бытность свою мастером над кораблями у Роберта поставил свой флот в моей гавани без моего на то позволения и заставил повесить дюжину славных ребят вроде тебя. И со мной грозил поступить так же, если Ночной Фонарь не зажжется и хоть один корабль сядет на скалы. Пришлось мне все это проглотить. — Лорд проглотил хлеб. — Теперь он является на Север с поджатым хвостом и просит о помощи. С какой стати мне ему помогать?

«С такой, что он твой законный король. Сильный, справедливый — единственный, кто способен восстановить государство и защитить его от угрозы, грядущей с Севера. Владеющий волшебным мечом, сияющим, как само солнце». Вслух Давос ничего не сказал, понимая, что этим лорда Годрика не проймет и к Белой Гавани не приблизится. Так как же быть? Пообещать ему золота, которого у них нет? Знатного мужа для одной из дочерей его дочерей? Посулить земли, почести, титулы? Алестер Флорент вел как раз такую игру, за что и сгорел.

— Вижу, у десницы язык отнялся. Сестринская похлебка ему не по вкусу и правда тоже. — Годрик вытер рот.

— Правда в том, милорд, что лев умер, — медленно произнес Давос.

— И что с того?

— Кто правит в Королевской Гавани вместо него? Не Томмен, он ведь еще ребенок. Сир Киван?

В черных глазах лорда отражались огни свечей.

— Будь это он, тебя заковали бы в цепи. Королева там главная.

«Лорд Годрик колеблется, — понял Давос. — Не хочет оказаться на стороне проигравших».

— Станнис удержал Штормовой Предел против Тиреллов, объединившихся с Редвинами. Отнял Драконий Камень у последних Таргариенов. Разбил Железный Флот у Светлого острова. Маленький король нипочем не одолеет его.

— В распоряжении этого мальчика богатство Бобрового Утеса и сила Хайгардена. Болтоны и Фреи держат его сторону. Однако в этом мире нет ничего достоверного, кроме зимы. — Годрик потер подбородок. — Так сказал моему отцу Нед Старк в этом самом чертоге.

— Нед Старк был здесь?

— На заре поднятого Робертом мятежа. Безумный Король потребовал у Гнезда голову Старка. Джон Аррен ответил отказом, но Чаячий город остался верен короне. Чтобы вернуться домой и созвать знамена, Нед перевалил через горы и на Перстах нанял рыбачью лодку для переправы через Укус. В пути их застал шторм, рыбак утонул, но его дочка привела лодку к Сестрам. Говорят, Нед оставил ей кошель серебра и бастарда в утробе. Она назвала мальчика Джоном Сноу в честь Аррена.

Так вот, когда лорд Эддард прибыл в наш замок, мой отец сидел там же, где я сейчас. Наш мейстер уговаривал нас отправить голову Старка Эйерису, чтобы доказать нашу преданность. Король вознаградил бы нас: он, когда находил нужным, был щедр. Однако мы уже знали тогда, что Джон Аррен взял Чаячий город; Роберт взобрался на стену первым и собственной рукой убил Марка Графтона. «Этот Баратеон бесстрашен, — сказал я, — и сражается, как подобает королю». Мейстер усмехнулся на это и заявил, что принц Рейегар скоро подавит мятеж. Вот тогда Старк и молвил: «В этом мире нет ничего достоверного, кроме зимы. Конечно, мы можем потерять головы, но что, если мы победим?» И отец отпустил его с миром, сказав на прощание: «В случае чего помни: тебя тут не было».

— Как и меня, — сказал Давос.

ДЖОН

Короля за Стеной вывели со связанными руками, с петлей на шее. Конец веревки был привязан к седлу сира Годри Фарринга. И Победитель Великанов, и его конь были облачены в доспехи из серебристой стали с чернью, на Мансе-Разбойнике была только рубаха, оставлявшая обнаженными руки и ноги. «Хоть бы плащ ему оставили, — подумал Джон Сноу, — тот, который залатала красным шелком одна одичалая. Неудивительно, что Стена плачет».

«Манс знает Зачарованный лес лучше любого разведчика, — сказал Джон Станнису при последней попытке убедить короля, что живой Манс полезнее мертвого. — Дружен с Тормундом Великаньей Смертью. Сражался с Иными. И не подул в рог Джорамуна, владея им, — не свалил Стену».

Станнис остался глух ко всему. Закон прост: дезертирство карается смертью.

— Все мы должны выбирать, — провозгласила леди Мелисандра, воздев белые руки под льющей слезы Стеной. — Мужчины и женщины, молодые и старые, крестьяне и лорды, мы должны выбрать одно из двух: свет или тьму. — Красная женщина стояла на деревянном помосте рядом с королем, и ее голос напоминал Джону анис, гвоздику, мускатный орех. — Добро или зло. Истинного или ложного бога.

Ветер бросил Мансу волосы на глаза. Он с улыбкой отвел их связанными руками, но, когда увидел клетку, его мужество дрогнуло. Люди королевы, наведавшись в Зачарованный лес, соорудили ее из стволов молодых деревьев, из смолистых сосновых веток, из белых перстов чардрев и подвесили кружевной остов над ямой, полной бревен и хвороста.

— Смилуйтесь! — крикнул вождь одичалых. — Так не годится. Я не настоящий король…

Сир Годри дернул за веревку, затянул петлю и поволок осужденного за собой к месту казни.

— ВОЛЬНЫЙ НАРОД! — воскликнула Мелисандра, глядя, как поднимается в воздух клетка с окровавленным Мансом. — Вот стоит ваш ложный король, а вот рог, будто бы способный обрушить Стену. — Двое людей королевы предъявили рог Джорамуна — черный, окованный старым золотом, восьми футов в длину. На золотых обручах были вырезаны руны Первых Людей. Со смерти Джорамуна прошло несколько тысяч лет, но Манс отыскал его могилу под ледником, где-то в Клыках Мороза. Джорамун протрубил в Рог Зимы и поднял из земли великанов… Игритт лгала, говоря, что Манс так и не нашел этот рог — или Манс держал это в тайне даже от собственных воинов.

Тысяча голодных, оборванных пленников смотрели из-за своего частокола на высоко поднятый рог. В Семи Королевствах их зовут одичалыми, сами же они именуют себя вольным народом. Сейчас они не казались ни дикими, ни свободными — испуганные, остолбеневшие люди, ничего более.

— Рог Джорамуна? — продолжала Мелисандра. — Скажем лучше, Рог Тьмы. Если Стена падет, на мир опустится долгая ночь без конца и края. Этого нельзя допустить! Владыка Света, видя своих детей в бедственном положении, послал им защитника, возрожденного Азора Ахай. — Она указала на Станниса, и большой рубин у нее на шее начал пульсировать, излучая свет.

Станнис — камень, она — пламя. Глаза Станниса синели, как кровоподтеки, на изнуренном лице. На сером панцире над его собственным сердцем пылало еще одно, широкие плечи окутывал парчовый, на меху, плащ. Выше бровей сидела корона красного золота с зубцами в виде языков пламени. Рядом с ним стояла прямая, высокая Вель. Простой бронзовый обруч на голове придавал ей более царственный вид, чем золотой венец Станнису.

Ее серые немигающие глаза смотрели без страха, под горностаевым плащом виднелось белое с золотом платье, медовая коса, перекинутая через плечо, свисала до пояса, щеки от холода разрумянились.

Мелисандра короны не носила, но всем было ясно, что настоящая королева Станниса — это она. Не та некрасивая женщина, что мерзнет в Восточном Дозоре. Поговаривали, что король не намерен посылать за королевой Селисой и дочерью, пока Твердыня Ночи не станет пригодной для жизни. Джон жалел их обеих. На Стене мало удобств, к которым привыкли жены и дочери южных лордов, а в Твердыне Ночи и вовсе никаких. Эта крепость даже в лучшие времена была донельзя мрачным местом.

— Смотри же, вольный народ, что ждет выбравших тьму!

Рог Джорамуна вспыхнул, весь охваченный желто-зеленым огнем. Мохнатый конек заплясал под Джоном, другие всадники тоже с трудом сдерживали своих лошадей. У одичалых, чьи надежды сгорали у них на глазах, вырвался дружный стон. Некоторые — их было немного — выкрикивали проклятия, остальные молчали. Когда высветились руны на обручах, люди королевы сбросили рог в яму.

Манс-Разбойник, кое-как ослабив петлю у себя на шее, кричал о предательстве и колдовстве. Отрекался от королевского сана, своего народа и своего имени. Молил о пощаде и проклинал красную женщину. Хохотал как безумный.

Джон смотрел, не отводя глаз, опасаясь проявить слабость. Он вывел сюда двести человек, почти половину гарнизона. Грозные черные ряды щетинились копьями, за низко надвинутыми капюшонами скрывались седые бороды и безусые мальчишечьи лица. Одичалые боятся Ночного Дозора — пусть помнят о своем страхе, отправляясь в новые поселения южнее Стены.

Дрова в яме сразу воспламенились от горящего рога. Манс плакал и молил, вцепившись в прутья клетки связанными руками. Еще немного, и огонь позвал его танцевать. Крики страдальца слились в сплошной бессловесный вопль. Он порхал в клетке, как лист, как мотылек, угодивший в пламя свечи.

Братья, вышел мой срок, мой конец недалек,
Не дожить мне до нового дня,
Но хочу я сказать: мне не жаль умирать,
Коль дорнийка любила меня,

— вспомнилось Джону.

Вель стояла на помосте как соляное изваяние. Взгляд ее оставался твердым, глаза сухими. Что сделала бы Игритт на ее месте? Женщины сильнее мужчин. Джон думал о Сэме, о мейстере Эйемоне, о Лилли. Она проклянет его в час своей смерти, но другого выхода у

него просто не было. Из Восточного Дозора сообщают о бурях на Узком море. Джон хотел уберечь их, а вместо этого, может статься, послал на корм крабам. Ночью ему снился тонущий Сэм, Игритт, смертельно раненная его, Джона, стрелой (ту стрелу пустил не он, но во сне все иначе), плачущая кровавыми слезами Лилли.

«Хватит с меня», — решил он и скомандовал:

— Пли.

Ульмер из Королевского леса воткнул копье в землю, снял с плеча лук, достал черную стрелу из колчана. Милашка Доннел Хилл, Гарт Серое Перо, Бородатый Бен сделали то же самое. Они натянули луки, наложили стрелы и выстрелили.

Одна стрела попала Мансу в грудь, вторая в живот, третья в горло. Четвертая застряла в дереве и загорелась. Под рыдания кого-то из женщин пылающий король одичалых сполз на пол клетки.

— Ныне его дозор окончен, — тихо промолвил Джон. Манс был братом Дозора, пока его черный плащ не подшили полосками красного шелка.

Станнис хмурился, Джон старался на него не смотреть. Днище из клетки выпало, рдеющие прутья и ветки сыпались в костер градом.

— Владыка света создал солнце, луну и звезды, чтобы освещать нам путь. Даровал нам огонь, чтобы отгонять ночь, — продолжала проповедовать Мелисандра. — Огонь всегда побеждает.

— Огонь всегда побеждает, — повторили хором люди королевы.

Алые одежды красной женщины развевались, медные волосы окружали голову нимбом. На пальцах воздетых рук вспыхнули желтые огоньки.

— ВОЛЬНЫЙ НАРОД! Твои ложные боги бессильны. Твой рог обманул тебя. Твой ложный король привел тебя к отчаянию и смерти, но здесь перед тобой король истинный. УЗРИТЕ СЛАВУ ЕГО!

Станнис Баратеон обнажил Светозарный.

От меча шел красный, желтый, оранжевый свет. Сияния такой силы Джон ни разу еще не видел — Светозарный из стального сделался солнечным. Люди отворачивались, прикрывали руками глаза, лошади бесились, один из всадников не удержался в седле. Костер в яме скукожился, как маленькая собака перед большой, даже Стена зарделась. Что это — неужели королевская кровь взаправду себя оказывает?

— На Западе только один король, — сказал Станнис. Его голос после переливов Мелисандры звучал особенно резко. — Этим мечом я защищаю своих подданных и караю всех, кто им угрожает. Всякому, кто склонит колено, я обещаю землю, пищу и правосудие. Поклонитесь — будете жить, уйдете — погибнете. — Король убрал меч в ножны, и мир померк, словно солнце зашло за тучу. — Открыть ворота.

— ОТКРЫТЬ ВОРОТА! — взревел, как боевой рог, сир Клэйтон Саге.

— ОТКРЫТЬ ВОРОТА! — отозвался эхом сир Корлисс Пенни, командующий гвардией.

— ОТКРЫТЬ ВОРОТА! — закричали сержанты.

Солдаты бросились выворачивать колья, перекидывать через ров доски. В частоколе образовался широкий проем. Когда Джон поднял и опустил руку, ряды черных братьев раздались, очистив проход к Стене. Скорбный Эдд Толлетт, стоявший там наготове, отворил железные ворота в ледяной толще.

— Идите же, — призвала Мелисандра. — Вперед, к свету, или назад, во тьму — выбор за вами. — Огонь трещал у нее под ногами. — Все, кто выбирает жизнь, идите ко мне.

И они пошли — робко на первых порах. «Хотите есть — идите ко мне, — думал Джон. — Не хотите замерзать и умирать с голоду — подчинитесь». Первые шли робко, опасаясь подвоха. Другие, видя, что с ними ничего не случилось, двинулись следом. Вскоре поток одичалых, выходящих из частокола, стал нескончаемым. Каждому — мужчине, женщине и ребенку — люди королевы в стеганых колетах и полушлемах вручали частицу чардрева: прутик, похожую на кость ветку, пригоршню красных листьев. Частицу старых

богов, чтобы накормить нового. Правая рука Джона сжалась в кулак.

Жар от костровой ямы чувствовался даже на расстоянии; одичалым никогда еще не было так тепло. Дети плакали, кое-кто из взрослых поворачивал к лесу. Молодая женщина с двумя детьми на руках все время оглядывалась — убедившись, что за ней никто не гонится, она пустилась бегом. Старик использовал врученный ему сук как дубину и махал им, пока его не пронзили копьями. Труп обходили, пока сир Корлисс не велел бросить его в огонь. После этого в лес стало уходить чуть больше народу — примерно один из десяти человек.

Позади ожидали холод и смерть, впереди манила надежда. Одичалые шли, бросая в огонь свои прутья и ветки. Рглор — ревнивое, вечно голодное божество — мигом пожрал труп старика. На красно-рыжую Стену падали гигантские тени Станниса и Мелисандры.

Первым колено преклонил плешивый Сигорн, новый магнар теннов — уменьшенная копия своего отца, в бронзовых наручах и кожаной рубахе с бронзовой чешуей. Следующим подошел Гремучая Рубашка, в костяной клацающей броне и великанском черепе вместо шлема. Под этими доспехами скрывался жалкий человечек с гнилыми зубами и желтыми белками глаз, злобный, тупой и жестокий. Джон знал, что его присяга гроша ломаного не стоит. Что-то чувствует Вель, видя, как Костяной Лорд получает прощение?

За ними двигались другие. Двое вождей Рогоногих с черными ступнями, известная на Молочной знахарка, двенадцатилетний сынишка Альфина Убийцы Ворон, Халлек, брат Хармы Собачьей Головы (с ее свиньями).

Холодновато для такого спектакля. «Вольный народ презирает поклонщиков, — говорил Станнису Джон. — Пощадите их гордость, и они вас полюбят». — «Мне нужны их мечи — без поцелуев как-нибудь обойдусь», — ответил король.

Воздав почести Станнису, одичалые шагали между рядами черных братьев к воротам. Джон поставил в туннеле с факелами Коня, Атласа и еще полдюжины человек. На той стороне приготовлены миски с горячим луковым супом, черный хлеб, колбаса. Одежда тоже: плащи, рубахи, штаны, сапоги, прочные кожаные перчатки. Спать одичалые лягут на чистой соломе у жарких костров; в методичности королю не откажешь. Посмотрим, однако, на чью сторону станут новые королевские подданные, когда Тормунд снова пойдет на Стену. Вольный народ, сколько ни осыпай его милостями, сам выбирает себе королей, и выбрал он Манса — не Станниса.

К Джону подъехал Боуэн Мурш.

— Не думал я, что доживу до этого дня. — Лорд-стюард сильно похудел, получив ранение в голову на Мосту Черепов и лишившись части одного уха. Его побледневшую физиономию теперь никто не принял бы за гранат. — Стоило сдерживать одичалых у Теснины ценой такой крови. Чего ради гибли хорошие люди, братья, друзья?

— Страна проклянет нас за это, — подхватил сир Аллисер Торне. — Все порядочные люди Вестероса будут плеваться при одном упоминании Ночного Дозора.

«Кто бы высказывался от имени порядочных-то людей».

— Тишина в строю! — Сир Аллисер несколько поутих после казни Яноса Слинта, однако вся его злоба осталась при нем. Джон одно время подумывал назначить его начальником гарнизона вместо покойного Слинта, но лучше было держать его при себе: из этих двоих Торне всегда был опаснее. Командующим Серого Дозора Джон сделал пожилого стюарда из Сумеречной Башни и надеялся, что создание двух новых гарнизонов поможет делу.

Дозор способен пустить одичалым кровь, но остановить их бессилен. Сожжение Манса-Разбойника ничего не меняет: дозорных по-прежнему слишком мало по сравнению с одичалыми, и без разведчиков Дозор слеп. Придется вскоре выслать за Стену новую партию, и неизвестно, вернется она или нет.

Одичалые, среди которых было много стариков, раненых и больных, медленно продвигались по узкому извилистому проходу. Последние из них преклоняли колени уже в темноте. Костер в яме стал угасать, тень короля на Стене съежилась вчетверо против прежнего. Джон видел в воздухе пар от собственного дыхания — представление затянулось.

За частоколом задержались около полусотни пленных, в том числе четверо великанов — громадные, волосатые, на плоскостопых, толстых как деревья ногах. Под Стеной они бы протиснулись, но один из них не хотел бросать своего мамонта, а трое других не хотели бросать его. У отказчиков обычного роста умер или умирал кто-то из близких — это оказалось сильнее, чем луковый суп.

— Вы свободны, — прогремел над горсткой озябших людей голос Станниса. — Идите и расскажите своему народу о том, что видели здесь. Скажите, что король готов принять в свое королевство всех, кто обязуется соблюдать мир, прочие же пусть уходят подальше — я не потерплю больше нападений на мою Стену.

— Одно государство, один бог, один король! — возгласила леди Мелисандра.

— Одно государство, один бог, один король! — подхватили люди королевы, стуча копьями по щитам. — Станнис! Станнис! ОДНО ГОСУДАРСТВО, ОДИН БОГ, ОДИН КОРОЛЬ!

Ни Вель, ни братья Ночного Дозора не присоединились к их хору. Вереницу уходящих в лес одичалых замыкали великаны — двое на мамонте, двое пешком. В загоне остались одни только мертвые. Станнис сошел с помоста; Мелисандра красной тенью сопровождала его. Почетная гвардия — сир Годри, сир Клэйтон и еще с дюжину рыцарей, сплошь люди королевы — сомкнула кольцо вокруг них. Доспехи блестели при луне, плащи колыхались от ветра.

— Лорд-стюард, — сказал Джон, — разберите частокол на дрова и сожгите тела.

— Слушаюсь, милорд. — Мурш отдал приказ, и стюарды, выйдя из рядов, направились к частоколу. — Вы полагаете, эти одичалые сдержат клятву?

— Сдержат, но не все. У них, как и у нас, есть свои трусы и плуты, слабодушные и глупцы.

— Мы с вами поклялись защищать государство…

— Вольный народ, поселившись в Даре, станет частью этого государства, — напомнил Джон. — Отчаянные времена, в которые мы живем, становятся все отчаянней. Мы видели лицо нашего истинного врага: оно белое, с глазами как синие звезды. Вольный народ его тоже видел. Враг у нас общий — в этом Станнис, во всяком случае, прав.

— Враг общий, согласен — но это еще не значит, что десятки тысяч оголодавших дикарей нужно пускать за Стену. Пусть возвращаются в свои деревни и бьются с Иными там, пока мы обороняем Стену. Отелл говорит, что ворота запечатать не так уж трудно. Завалить туннели щебенкой, налить туда воду сквозь амбразуры — Стена завершит остальное. По прошествии одной луны ворота станут непроходимыми, как и не было их. Врагу придется прорубать толщу скованного льдом камня.

— Или лезть через Стену.

— Навряд ли. Это ведь не легкий отряд — похватали женщин, взяли что плохо лежит и обратно. С Тормундом будут дети, старухи, козы и овцы, те же мамонты. Без ворот ему зарез, а их всего-то трое осталось. Ну, допустим, он и верхолазов пошлет, так что же? Переловим их, как рыбу в котле.

«Рыба не вылазит из котла и не втыкает копье тебе в брюхо». Джон сам перебрался через Стену не так давно.

— Лучники Манса-Разбойника пустили в нас около десяти тысяч стрел — я сужу по количеству собранных, — продолжал Мурш. — А до верха Стены долетело не больше ста, подхваченных ветром. Мы потеряли одного только Рыжего Алина, да и того не стрела убила: он упал и разбился, когда она оцарапала ему ногу. А вот Донал Нойе погиб, защищая ворота… геройски, спору нет, но будь они запечатаны, наш храбрый оружейник и поныне бы пребывал с нами. Пока мы наверху, а неприятель внизу, никакое войско нам не опасно. Хоть сто человек, хоть сто тысяч.

В чем-то он был прав. Войско Манса разбилось о Стену, как волна о скалистый берег, хотя защищала ее всего-то горстка стариков, юнцов и калек. Но предложение Мурша насчет ворот…

— Запечатав ворота, мы не сможем высылать разведчиков на ту сторону, — сказал Джон. — Это все равно что ослепнуть.

— Последняя вылазка лорда Мормонта стоила Дозору четверти братьев, милорд. Надо беречь те немногие силы, которые у нас еще есть. Кто высоту займет, тот и битву выиграет, как говорил мой дядя, — а выше Стены нет ничего, лорд-командующий.

— Станнис обещал землю, пищу и правосудие всякому, кто склонит колено. Он нам не позволит закрыть ворота.

— Я не сплетник, лорд Сноу, — помявшись, ответил Мурш, — но у нас говорят, что вы чересчур дружны с лордом Станнисом. Некоторые заявляют даже, что вы…

«Смутьян и перебежчик, ну да. А вдобавок бастард и оборотень». Янос Слинт умер, но его клевета жива.

— Знаю я, о чем они шепчутся. — Люди часто отворачиваются, когда Джон идет через двор. — Не могу только понять, что им надо. Чтобы я вступил в бой со Станнисом и с одичалыми заодно? У его величества людей втрое больше, притом он наш гость, и мы в долгу перед ним.

— Лорд Станнис помог нам, когда мы нуждались в помощи, — упорствовал Мурш, — но он мятежник, и дело его обречено на погибель. Если Железный Трон и нас заклеймит как изменников, нам тоже несдобровать. Неразумно было бы становиться на сторону проигравшего.

— Я не собираюсь становиться ни на чью сторону, но теперь, когда лорд Тайвин мертв, мне уже меньше верится в победу Железного Трона. — Десницу короля, судя по слухам с Королевского тракта, убил прямо в нужнике его сын, карлик. Джон был знаком с Тирионом Ланнистером — тот пожимал ему руку и называл своим другом. Трудно было поверить, что у коротышки достало духу убить собственного родителя, но сама кончина лорда Тайвина сомнений как будто не вызывала. — Львенок, что сидит в Королевской Гавани, совсем еще мал, а Железный Трон и взрослых резал на ломти.

— Мал-то он мал, милорд, но король Роберт пользовался любовью в народе, и многие до сих пор полагают, что Томмен — родной его сын. Лорда Станниса полюбить куда как труднее, не говоря уж о леди Мелисандре с ее кострами и суровым красным богом. Люди жалуются, вот что я вам скажу.

— На Мормонта тоже жаловались. На лордов и на жен всегда жалуются — он мне сам так сказал. А если жен нет, то лордам достается вдвое больше положенного. — Стюарды уже повалили две стороны загородки и рушили третью. — Заканчивайте без меня, Боуэн, и проследите, чтобы мертвецов сожгли всех до последнего. Спасибо вам за совет: обещаю хорошенько его обдумать.

Из ямы все еще шел дым с хлопьями пепла. У ворот Джон спешился и повел коня под уздцы на южную сторону. Впереди шагал Скорбный Эдд с факелом, с потолка капали холодные слезы.

— Отрадно было видеть, как горит этот рог, милорд, — сказал Эдд. — Вчера мне приснилось, будто я сикаю со Стены, а тут кто-то возьми да и затруби. Нет, я не жалуюсь — лучше уж такой сон, чем тот, где Харма Собачья Голова скормила меня своим свиньям.

— Харма мертва.

— Но свиньи-то живы. И глядят на меня, как Смертоносный на ветчину. Зато одичалые ничего плохого как будто не замышляют. Мы, правда, порубили и велели сжечь их богов, но взамен накормили луковым супом. Разве может бог сравниться с миской горячего хлебова? Я и сам бы не отказался.

Черный плащ Джона пропах дымом и горелым мясом. Да, поесть не мешало бы, но он изголодался не по еде. Посидеть бы за чашей вина с мейстером Эйемоном, перекинуться парой слов с Сэмом, посмеяться с Пипом, Гренном и Жабой. Эйемона и Сэма больше нет здесь, но остальные его друзья…

— Сегодня я буду ужинать с братьями.

— Вареная говядина и свекла. — Эдд, похоже, всегда знал, чем будут кормить. —

Только хрен у Хобба весь вышел — кому сдалось вареное мясо без хрена?

Старую трапезную сожгли одичалые — теперь братья Ночного Дозора ели в каменном погребе под оружейной. Два ряда мощных колонн подпирали сводчатый потолок, вдоль стен лежали бочки с вином и элем. За ближним к лестнице столом играли в плашки четыре строителя, ближе к огню разведчики толковали о чем-то с людьми королевы, у другого стола собралась молодежь.

— Ночь темна и полна репы, — вещал Пип, тыча в репку ножом. — Помолимся об оленине, дети мои, об оленине с подливкой и луком. — Гренн, Жаба, Атлас и прочие дружно ржали.

Джон не присоединился к ним.

— Глупо смеяться над чужой верой, Пип. И опасно.

— Чего ж тогда красный бог меня не сразил?

— Мы не над ним смеемся, милорд — над жрицей, — заверил красавец Атлас, бывшая шлюха мужского пола из Староместа.

— У вас свои боги, у нее свой. Оставьте ее в покое.

— Она-то наших богов в покое не оставляет, — заспорил Жаба. — Послушать ее, так все они ложные — что Семеро, что старые. Одичалых она заставила жечь ветки чардрев, сами видели.

— Леди Мелисандра мне не подчиняется, а вот вы — да. Недоставало еще, чтоб вы передрались с людьми королевы.

— Ни квака более, храбрый Жаба — внемли словам лорда Сноу. — Пип отвесил Джону шутовской поклон. — Отныне я и ухом не шевельну без приказа вашего пресветлого лордства.

Он думает, это игра. Треснуть бы его как следует, чтоб дошло.

— Ушами шевели сколько хочешь, только языком не мели.

— Я за ним пригляжу, — пообещал Гренн. — Надо будет, так и побью. Не отужинаете ли с нами, милорд? Подвинься, Оуэн, дай Джону сесть.

Джон только этого и хотел, но понимание того, что теперь это ему недоступно, повернулось в животе словно нож. Они сами выбрали его командовать ими. «Лорд может любить своих подчиненных, — сказал в голове отец, — но дружба с ними ему заказана. Нельзя дружить с людьми, которых ты судишь или посылаешь на смерть».

— В другой раз, — сказал Джон. — Ты, Эдд, оставайся и ужинай — у меня еще есть дела.

Снаружи, как ему показалось, стало еще холоднее. В окнах Королевской башни мерцали свечи, на крыше стояла Вель. Станнис держал ее прямо над своими покоями, но на крышу разрешал выходить. Девушка смотрела на вершину Стены. Как она одинока и как красива, подумал Джон. Рыжая Игритт, поцелованная огнем, тоже была по-своему хороша, когда улыбалась, а Вель и улыбаться не надо. От нее и так все мужчины при любом королевском дворе лишатся рассудка.

Хотя стражники не сказать чтобы без ума от нее. Она их обзывает поклонщиками и уже трижды пыталась бежать. Зазевался один латник, а она хвать кинжал у него из ножен да и воткнула в шею. Еще дюйм влево, и ему бы конец.

Одинокая, красивая, опасная, она могла бы достаться Джону. Она, и Винтерфелл, и имя его лорда-отца. Вместо всего этого он выбрал черный плащ и ледяную стену. Выбрал честь, по своему бастардову разумению.

Стена нависала над ним справа, когда он шел через двор — мерцающая вверху и накрывающая все внизу своей тенью. За решеткой ворот, где часовые укрывались от ветра, светилось рыжее зарево. Клеть, поскрипывая на цепях, шуршала по льду. Там наверху часовые, не иначе, сидят в будке вокруг жаровни и либо орут в голос из-за ветра, либо вовсе молчат. Надо бы и Джону подняться туда, на свою Стену.

Он шел мимо сгоревшего остова башни командующего, мимо места, где умирала на его руках Игритт. Прибежал, дыша паром, Призрак; его красные глаза горели во тьме, как угли.

Убил что-то, понял Джон, ощутив горячую кровь во рту, и сплюнул. «Я человек, не волк, — сказал он себе. — Так нельзя».

Под воронятником по-прежнему жил Клидас. На стук Джона он приоткрыл дверь со свечкой в руке.

— Можно? — спросил Джон.

— Разумеется. — Клидас открыл дверь пошире. — Я как раз грею вино, не желаете ли?

— Охотно. — Руки совсем застыли; Джон снял перчатки, согнул и разогнул пальцы.

Клидас, вернувшись к огню, помешал в котелке с вином. Шестьдесят ему стукнуло как пить дать — молодым он казался лишь по сравнению с Эйемоном. Низенький, тучный, глаза розовые, как у ночного создания, на черепе редкие белые волосы. Джон взял протянутую им чашу обеими руками, вдохнул аромат, испил. В груди разлилось тепло. Он выпил еще, смывая вкус крови во рту.

— Люди королевы говорят, что Король за Стеной умер как трус. Молил о пощаде и отрекался от королевского титула.

— Так и было. И Светозарный горел небывало ярко, как солнце. За Станниса Баратеона с его волшебным мечом, — поднял чашу Джон. Вино отозвалось горечью.

— У его величества нрав тяжелый. Трудно быть легким, когда носишь корону. Из хороших людей выходят порой дурные короли, по словам мейстера Эйемона, а из дурных — хорошие.

— Кому и знать, как не ему. — При Эйемоне Таргариене на Железном Троне сменилось девять правителей. Королевский сын, королевский брат, королевский дядя. — Я полистал книгу, которую он мне оставил — «Яшмовый ларец». Почитал про Азора Ахай, которому принадлежал Светозарный. Он закалил меч кровью своей жены, если верить Вотару. С тех пор Светозарный стал теплым, как Нисса-Нисса, и ни разу не остывал, а во время битвы он раскаляется. Когда Азор Ахай пронзил им брюхо одного чудища, кровь бестии закипела, из пасти повалил дым, глаза вытекли и все тулово вспыхнуло будто факел.

— Клинок, который нагревается сам собой… — сморгнул Клидас.

— …На Стене был бы весьма полезен. — Джон отставил чашу, надел перчатки из черной кротовой шкуры. — Жаль, что у Станниса меч холодный — любопытно бы поглядеть, каков он в бою. Спасибо за вино, Клидас. Призрак, ко мне. — Джон покрыл голову капюшоном и опять вышел в ночь вместе с волком.

В оружейной было темно и тихо. Джон, кивнув часовым, прошел мимо стоек с копьями в свои комнаты. Повесил пояс с мечом на один колышек, плащ на другой. Снял перчатки и долго зажигал свечи закоченевшими пальцами. Призрак тут же свернулся на своем коврике, но Джон пока не мог лечь. На обшарпанном сосновом столе ждали карты земель к северу от Стены, список разведчиков и письмо из Сумеречной Башни, написанное летящим почерком сира Денниса Маллистера.

Джон перечел письмо, заострил перо, откупорил пузырек густых черных чернил. Одно послание сиру Деннису, другое Коттеру Пайку. Оба просят дать им людей. На запад в Сумеречную Башню отправятся Халдер и Жаба, в Восточный Дозор — Гренн и Пип. Перо спотыкалось, слова выходили корявыми со всех смыслах, но Джон не сдавался.

Справившись наконец с письмами, он ощутил холод. Стены будто смыкались вокруг него. Ворон Старого Медведя смотрел с насеста над окном пронзительными черными глазками. Только этот друг у него и остался. Если Джон умрет первым, ворон и ему глаза выклюет. Призрак не в счет, Призрак больше чем друг — он часть самого Джона.

«Таков мой жребий, — сказал себе лорд-командующий, ложась на узкую койку Донала Нойе. — Отныне и до конца моих дней».

ДЕЙЕНЕРИС

— Что случилось? — вскричала она, когда Чхику потрясла ее за плечо. За окнами было черным-черно. — Даарио? — Во сне они, простые люди, муж и жена, жили в домике с

красной дверью, и он целовал ее всю — губы, шею и грудь…

— Нет, кхалиси. Пришел твой евнух, Серый Червь, и с ним Лысый. Впустить их?

— Да. — Волосы у Дени растрепались, простыни сбились комом. — Но сначала помоги мне одеться и дай вина. Надо прочистить голову. — «И смыть сон». — Кто это плачет?

— Твоя раба Миссандея. — Чхику держала свечку в руке.

— Служанка. У меня нет рабов. Что с ней такое?

— Брата оплакивает.

Остальное ей рассказали Скахаз, Резнак и Серый Червь. При одном взгляде на безобразную рожу Лысого Дени поняла, что ничего хорошего не услышит.

— Сыны Гарпии?

Скахаз мрачно кивнул.

— Сколько у нас погибших?

— Девять, ваше великолепие, — заломил руки Резнак. — Страшное зло совершилось. Ужасная ночь.

Девять! Как кинжал в сердце. Каждую ночь под ступенчатыми пирамидами Миэрина идет тайная война. Каждое утро солнце озаряет свежие трупы и гарпий, намалеванных кровью на кирпиче. Каждому вольноотпущеннику, слишком дерзкому или внезапно разбогатевшему, грозит гибель, но девять за одну только ночь?

— Рассказывайте.

— Слуги вашего величества, хранящие покой Миэрина, были вооружены полностью, — начал Серый Червь. — Копья, короткие мечи и щиты. Они выходили в город парами и умирали попарно. Ваших слуг Черного Кулака и Сетериса убили из арбалета в лабиринте Маздана. На ваших слуг Моссадора и Дурана сбросили камни со стены, что выходит на реку. Ваших слуг Эладона Златовласого и Верное Копье отравили в винной лавке, которую они посещали при каждом обходе.

«Моссадор. Проклятие!» Миссандею и ее братьев пираты увезли с родного острова Наат и продали в Астапоре. Девочку, способную к языкам, добрые господа сделали писцом, Моссадора с Марслином оскопили и отдали в Безупречные.

— Удалось схватить кого-нибудь из убийц?

— Ваши слуги взяли хозяина винной лавки и его дочерей. Они уверяют, что невиновны, и просят помиловать их.

«Все они так».

— Отдайте их Лысому, а ты, Скахаз, допроси каждого по отдельности.

— Слушаюсь, ваше великолепие. Как допрашивать, с пристрастием или без?

— Сначала без. Послушай, что они будут говорить и какие имена назовут. Может, они и впрямь непричастны. Благородный Резнак сказал «девять» — еще кто?

— Трое вольноотпущенников убиты в своих домах, — доложил Лысый. — Ростовщик, сапожник и арфистка Рилона Ри. Ей перед смертью пальцы отрезали.

Дени поморщилась. Рилона Ри играла на арфе, как сама Дева. Рабыней она услаждала слух всех знатных семей Юнкая, на свободе представляла юнкайских вольноотпущенников в королевском совете.

— Кроме виноторговца, никто не взят?

— Увы. Ваш слуга нижайше просит прощения.

«Помиловать, значит? — подумала Дени. — Скоро они на себе узнают, что такое драконово милосердие».

— Я передумала, Скахаз. Отца допроси с пристрастием.

— Можно его, а можно и дочек — у него на глазах. Быстрее сознается.

— Делай как считаешь нужным, только имена мне добудь. — Ярость полыхала огнем у нее в животе. — Недопустимо, чтобы Безупречных и впредь убивали. Серый Червь, отведи своих людей обратно в казармы. Отныне они будут охранять лишь мой дворец и мою персону, а на улицах пусть несут дозор миэринцы. За эту новую стражу, Скахаз, отвечаешь ты. Набери в нее поровну лысых и вольноотпущенников.

— Как прикажете. Сколько людей можно взять?

— Сколько тебе потребуется.

— Где же я наберу монеты на жалованье стольким солдатам, ваше великолепие? — ужаснулся Резнак мо Резнак.

— В пирамидах. Налог на кровь, так сказать. Сто золотых с каждой из пирамид за каждого вольноотпущенника, убитого Сынами Гарпии.

— Будет сделано, — заулыбался Лысый, — но вашей блистательности следует знать, что великие господа Цхак и Меррек намерены уехать из города.

Цхак и Меррек вкупе со всеми миэринцами, простыми и знатными, сидели у Дени в печенках.

— Пусть едут, но взять им позволяется лишь то, что на них. Их золото и съестные припасы останутся нам.

— Мы не уверены, что эти вельможи хотят примкнуть к врагам вашего великолепия, — заметил Резнак мо Резнак. — Скорее всего они попросту направляются в свои загородные имения.

— Тем целее будет их золото. В холмах его все равно тратить не на что.

— Они боятся за своих детей, — предположил Резнак.

«Как и я», — мысленно добавила Дени.

— Детей тоже побережем. Возьмем у них по мальчику и по девочке. И в других домах тоже.

— В заложники, — возрадовался Скахаз.

— В пажи и чашницы. Если великие господа начнут возражать, объясни им, что в Вестеросе родителям оказывают большую честь, беря ко двору их ребенка. Ступайте и выполняйте. Я должна оплакать погибших.

Миссандея рыдала на своей койке, стараясь всхлипывать как можно тише.

— Иди спать ко мне, — позвала Дени. — Утро еще не скоро.

— Ваше величество так добры к своей покорной слуге. — Миссандея скользнула под простыню. — Он был хорошим братом.

— Расскажи мне о нем, — обняла ее Дени.

— Он учил меня лазить по деревьям. Умел ловить рыбу руками. Однажды он уснул в нашем саду, и на него сели целых сто бабочек. Так красиво. Ваша слуга… я… любила его.

— Он тебя тоже любил, — сказала Дени, гладя девочку по голове. — Если захочешь, милая, я найду корабль и отправлю тебя домой, на твой остров, прочь из этого ужасного города.

— Я лучше с вами останусь. На Наате мне будет страшно — вдруг работорговцы опять нагрянут? А с вами я ничего не боюсь.

Глаза Дени наполнились слезами.

— Хорошо, оставайся. Я буду заботиться о тебе. Обо мне-то, когда я была маленькая, никто не заботился. Разве что сир Виллем, но он рано умер, а Визерис… Трудно это — оберегать кого-то, быть сильной, но мне приходится. Больше ведь у них никого нет, а я королева…

— …и мать, — завершила девочка.

— Мать драконов, — передернулась Дени.

— Нет. Всем нам мать. — Миссандея прижалась к ней еще крепче. — Усните, ваше величество. Скоро настанет день, двор соберется…

— Уснем обе и будем видеть сладкие сны. Закрой глаза.

Миссандея послушалась. Дени поцеловала ее веки, и у девочки вырвался тихий смешок.

Поцелуи даются просто, не то что сон. Дени старалась думать о доме, о Драконьем Камне, Королевской Гавани и других местах, знакомых ей по рассказам Визериса, но мысли, точно корабли, застигнутые неблагоприятным ветром, все время возвращались к заливу Работорговцев. В конце концов она выпустила из рук крепко спящую Миссандею и вышла

на воздух. Внизу простирались посеребренные луной крыши.

Где-то там, под одной из них, собираются Сыны Гарпии. Они замышляют убить ее и всех, кто ей дорог, хотят снова заковать в цепи ее детей. Где-то плачет и просит молока голодный ребенок, где-то умирает старуха, где-то страстно обнимаются мужчина и женщина. Здесь, наверху, ничего — только луна и одинокая Дени.

Она от крови дракона. Когда-нибудь она расправится с Сынами Гарпии, с детьми их, с внуками, с правнуками — но голодное дитя дракон не накормит и умирающих не утешит. И кто же осмелится полюбить его самого?

Ее мысли вновь обратились к Даарио. Золотой зуб блестит, борода расчесана натрое, сильные руки лежат на парных золотых эфесах в виде нагих женщин — аракх и стилет. Прощаясь с ней, он легонько провел большими пальцами по этим фигурам, и Дени ощутила ревность к золотым женщинам. Она мудро поступила, отослав его от себя. Она королева, а Даарио из простых.

«Как он долго, — сказала Дени сиру Барристану вчера. — Что, если он изменил мне, переметнулся к врагу? — *Три измены ты должна испытать.* — Что, если встретил какую-нибудь знатную лхазарянку?»

Она знала, что старик не любит Даарио и не доверяет ему, но ответил он, как пристало галантному рыцарю: «Прекраснее вашего величества нет никого на свете. Только слепой может судить иначе, а Даарио Нахарис не слеп».

Верно, не слеп. Глаза у него густо-синие, почти лиловые, улыбка сверкает золотом.

Сир Барристан уверен, что он вернется, — ей остается лишь молиться, чтобы старик оказался прав.

Дени прошлепала босиком к бассейну, вошла в его успокоительную прохладу. Рыбки пощипывали ей руки и ноги. Закрыв глаза, она легла на воду и тут же встрепенулась от легкого шороха.

— Миссандея? Ирри? Чхику?

— Они спят, — ответили ей.

Под хурмой стояла женщина в длинном плаще. Лицо под капюшоном казалось блестящим и твердым. Маска. Деревянная маска, крытая красным лаком.

— Куэйта? Не сон ли это? — Дени ущипнула себя за ухо: больно. — Ты мне снилась на «Балерионе», когда мы пришли в Астапор.

— Тогда это был не сон, теперь тоже.

— Что ты здесь делаешь? Как прошла мимо стражи?

— Твоя стража меня не видела.

— Если я их кликну, тебя убьют.

— Они повторят тебе, что никого здесь не видят.

— Но ты же здесь?

— Нет. Слушай меня, Дейенерис Таргариен: стеклянные свечи зажглись. Скоро явится сивая кобыла, а за ней и другие. Кракен, темное пламя, лев, грифон, сын солнца и кукольный дракон. Не верь никому. Помни Бессмертных. Остерегайся душистого сенешаля.

— Резнака? Почему? — Дени, выйдя из водоема, вся покрылась мурашками. — Если хочешь предостеречь меня, говори прямо. Зачем ты пришла, Куэйта?

В глазах колдуньи отразилась луна.

— Указать тебе путь.

— Я все помню. На юг, чтобы попасть на север, на восток, чтобы попасть на запад, назад, чтобы продвинуться вперед. Пройти через тень, чтобы достичь света. — Дени выжала свои серебристые волосы. — Меня уже тошнит от загадок. Я больше не нищенка, какой была в Кварте, — я королева. Приказываю тебе…

— Вспомни Бессмертных, Дейенерис. Вспомни, кто ты.

— Кровь дракона… — Но ее драконы ревут в ночи. — Я помню Бессмертных. «Дитя троих», так назвали они меня. Обещали мне трех коней, три огня, три измены. Одну из-за золота, другую из-за крови, третью…

— С кем ваше величество разговаривает? — Миссандея с лампой появилась на пороге опочивальни.

Дени оглянулась: под хурмой никого. Никакой женщины в маске.

Тень. Воспоминание. Она от крови дракона, но кровь эта, по словам сира Барристана, порочна. Не сходит ли королева с ума? Ее отца в свое время прозвали безумным.

— Я молилась, — сказала Дени служанке. — Скоро уже рассвет — надо бы поесть до приемных часов.

— Я принесу завтрак, ваше величество.

Снова оставшись одна, Дени обошла вокруг пирамиды в поисках Куэйты. Обгоревшие деревья и выжженная земля напоминали о том, как ловили Дрогона, но в садах слышался только ветер, и единственными живыми существами были ночные бабочки.

Миссандея принесла дыню и вареные яйца, но аппетит у Дени пропал. Небо светлело, звезды гасли одна за другой. Ирри и Чхику облачили королеву в лиловый шелковый токар с золотой каймой.

На Резнака и Скахаза Дени смотрела недоверчиво, памятуя о трех изменах. «Остерегайся душистого сенешаля», — вспомнила она, подозрительно принюхиваясь к Резнаку. Не приказать ли Лысому арестовать его и подвергнуть допросу? Помешает это пророчеству сбыться, или измены все равно не миновать? Пророчества коварны — возможно, Резнак ни в чем не повинен.

Ее тронную скамью щедро устлали подушками. Сир Барристан постарался, с улыбкой подумала Дени. Хороший он человек, но порой понимает все чересчур буквально. Дени просто шутила — но на подушке и правда сидеть приятнее, чем на голой скамье.

Бессонная ночь не замедлила сказаться: Дени сдерживала зевки, слушая доклад Резнака о ремесленных гильдиях. Каменщики ею недовольны: бывшие рабы снижают расценки и подмастерьям, и мастерам.

— Вольноотпущенников можно нанять по дешевке, ваше великолепие, притом некоторые из них объявляют себя мастерами, что незаконно. Обе гильдии, по камню и кирпичу, просят поддержать их права и обычаи.

— Голод вынуждает вольноотпущенников ценить свой труд дешево, — заметила Дени. — Если запретить им тесать камень и класть кирпич, то свечники, ткачи и золотых дел мастера потребуют таких же запретов. Решим так: мастерами и подмастерьями могут именоваться лишь члены гильдий, но взамен гильдии обязаны принимать к себе всех бывших рабов, доказавших свое умение.

— Да будет так. Угодно ли вашему великолепию выслушать благородного Гиздара зо Лорака?

«Опять! Экий настырный».

— Мы выслушаем его.

Гиздар сегодня был не в токаре, а в простом серо-голубом длинном хитоне. Бороду он сбрил, волосяные крылья состриг.

— Ваш цирюльник поработал на славу, Гиздар. Надеюсь, вы пришли лишь затем, чтобы показаться мне в новом виде, и не будете ничего говорить о бойцовых ямах?

— Боюсь, что буду, ваше величество, — с низким поклоном ответил он.

Дени скривилась. Даже собственные приближенные не дают ей покоя с этими ямами. Резнак мо Резнак твердит о высоких налогах, Зеленая Благодать уверяет, что ямы угодны богам, Лысый полагает, что их открытие прибавит им сторонников против Сынов Гарпии. «Пусть себе дерутся», — бурчит Силач Бельвас, сам бывший боец. Сир Барристан предлагает устроить турнир, где его сиротки будут попадать копьями в кольца и сражаться тупым оружием в общей схватке — мысль столь же безнадежная, сколь и благая. Рыцарские искусства миэринцам ни к чему, им кровь подавай — иначе бойцы в ямах тоже бы облачались в доспехи. Королеву, похоже, поддерживает одна Миссандея.

— Я вам отказывала шесть раз, — напомнила Дени.

— У вашего величества семь богов — быть может, на седьмой вы будете ко мне

благосклоннее. Нынче я пришел не один: не изволите ли послушать моих друзей, коих тоже семеро? Это Храз, — начал представлять Гиздар одного за другим, — это отважная Барсена Черновласая, Камаррон Три Счета, Гогор-Великан, Пятнистый Кот, Бесстрашный Итхок и, наконец, Белакуо-Костолом. Все они присоединяют свой голос к моему и просят ваше величество открыть наши бойцовые ямы.

Дени знала их всех — не в лицо, так по имени. Самые знаменитые из бойцов Миэрина. Именно бойцовые рабы, освобожденные ее «крысами из клоаки», подняли бунт внутри городских стен и помогли ей взять город. Она перед ними в долгу.

— Мы слушаем, — молвила королева.

Все они обращались к ней с одной просьбой.

— Зачем это вам? — спросила Дени, когда Итхок сказал свое слово. — Вы больше не рабы, обязанные умирать по приказу хозяина. Я вас освободила. Зачем вам расставаться с жизнью на багряном песке?

— Меня учили драться с трех лет. Убиваю с шести, — сказал Гогор. — Матерь Драконов сказала, что я свободен — почему тогда драться мне не дают?

— Хочешь драться — дерись за меня. Вступай в ряды Детей Неопалимой, Вольных Братьев или Крепких Щитов. Учи других вольноотпущенников сражаться.

— Раньше я дрался за хозяина. Ты говоришь — за тебя, а я хочу за себя. — Боец постучал себя по груди кулаком величиной с окорок. — Чтобы золото. Чтобы слава.

— Мы все так думаем, — сказал Пятнистый Кот в перекинутой через плечо леопардовой шкуре. — Последний раз меня продали за триста тысяч онеров. Рабом я спал на мехах и ел красное мясо, свободным сплю на соломе и ем соленую рыбу, да и ту не всегда.

— Гиздар клянется отдавать победителю половину сборов, — подхватил Храз. — Он человек слова, Гиздар.

«Хитрец он, вот кто». Дени почувствовала, что ее приперли к стене.

— А побежденному что достанется?

— Его имя высекут на Вратах Судьбы среди имен других славных бойцов, — пообещала Барсена, восемь лет подряд убивавшая всех соперниц, выходивших против нее. — Все мы смертны — и мужчины, и женщины, — но не всякого будут помнить.

На это Дени нечего было ответить. Если ее народ этого хочет, имеет ли она право отказывать? Это их город, и рискуют они собственной жизнью.

— Я подумаю над тем, что вы говорили, — поднялась Дени. — Благодарю за совет, завтра продолжим.

— На колени перед Дейенерис Бурерожденной, Неопалимой, королевой Миэрина, андалов, ройнаров и Первых Людей, кхалиси великого травяного моря, Разбивающей Оковы, Матерью Драконов, — воззвала Миссандея.

Сир Барристан сопровождал Дени в ее покои.

— Расскажите что-нибудь, сир, — попросила она. — Какую-нибудь героическую историю со счастливым концом. — Ей это настоятельно требовалось. — Расскажите, как бежали от узурпатора.

— В бегстве геройства нет, ваше величество.

— И тем не менее. — Дени уселась на подушку, поджала ноги. — Начните с того, как молодой узурпатор выгнал вас из Королевской Гвардии…

— Джоффри, да. Будто бы из-за возраста, но истинная причина была другой. Ему требовался белый плащ для его пса Сандора Клигана, а королева-мать хотела сделать Цареубийцу командующим. Я снял свой плащ, как они велели, бросил меч к ногам Джоффри и произнес неразумные слова.

— Какие именно?

— Правду, которая никогда не была желанной при этом дворе. И вышел из тронного зала с высоко поднятой головой, сам не зная куда. Башня Белый Меч была моим единственным домом. Мне нашлось бы место в Колосьях, но я не хотел навлекать немилость Джоффри на своих родичей. Укладывая вещи, я понял внезапно, что сам виноват: не нужно

мне было принимать помилование Роберта. Он был хорошим рыцарем, но плохим королем, потому что трон занимал не по праву. Тогда я решил, что найду истинного короля и отдам на службе ему все силы, которые во мне еще есть.

— Моего брата Визериса.

— Да, таково было мое намерение. На конюшне меня окружили золотые плащи. Джоффри предлагал мне земельный надел, чтобы я умер в собственном замке, но я отверг его дар, и он приказал бросить меня в темницу. Городских стражников возглавлял сам начальник, приободренный видом моих пустых ножен, но людей с ним было всего только трое, а нож остался при мне. Я раскроил лицо одному, смял конем остальных и поскакал к воротам, но Янос Слинт пустился в погоню. На улицах было людно, и он настиг меня у Речных ворот города. Золотые плащи, несшие там караул, услышали крики своих сотоварищей и скрестили передо мной копья.

— Как же вам удалось вырваться без меча?

— Истинный рыцарь стоит десятка стражников. Одного я снова стоптал конем, выхватил у него копье и пронзил им горло другого. Преследователи не посмели напасть; я пустил коня галопом и несся как одержимый, пока не оставил город далеко позади. Ночью я обменял своего скакуна на пригоршню медяков и домотканые лохмотья, а утром в толпе простого народа вернулся назад. Выезжал я через Грязные ворота, вошел через Божьи. Грязный, заросший, с одним только деревянным посохом — погорелец, бегущий от войны в город. Сохранившееся у меня серебро я берег на проезд через Узкое море; ночевал в септах, а то и вовсе на улице, ел в дешевых харчевнях. Отрастил бороду, и стало меня не узнать. Был при том, как отрубили голову лорду Старку. Потом зашел в Великую Септу и возблагодарил Семерых за то, что Джоффри отнял у меня плащ.

— Старк был изменником и умер смертью изменника.

— Эддард Старк приложил руку к свержению вашего отца, но вам он зла не желал. Когда Варис-евнух сказал нам, что вы ждете ребенка, Роберт захотел вас убить, а лорд Старк стал с ним спорить. «Найдите себе другого десницу, согласного на детоубийство», — сказал он Роберту.

— Вы забыли, как умерли принцесса Рейенис и принц Эйегон?

— В этом повинны Ланнистеры, ваше величество.

— Ланнистеры или Старки, разницы нет. Визерис их всех называл псами узурпатора. Когда ребенка травят сворой гончих, не все ли равно, которая из них перервала ему горло. — Дени запнулась и неожиданно для себя сказала тоненьким детским голосом: — Мне нужно вниз. Прошу вас, сир, проводите меня туда.

— Как прикажете, — с заметным неудовольствием произнес старый рыцарь.

По черной лестнице, укрытой в стене, спускаться было быстрее, чем по парадной. Сир Барристан освещал путь фонарем. Кирпич двадцати разных оттенков казался черно-серым при свете. Они миновали три пары Безупречных, стоящих подобно каменным изваяниям — слышен был только шорох ног по ступеням.

Великая Пирамида Миэрина в самом низу была тихим местом, полным теней и пыли. Внутри стен тридцатифутовой толщины, среди разноцветных кирпичных арок, конюшен и кладовых бродило гулкое эхо. Королева и ее рыцарь спускались все ниже, идя по каменному скату мимо цистерн, темниц и пыточных камер, где еще недавно бичевали рабов, и жгли их каленым железом, и сдирали с них кожу. Скат упирался в громадные железные двери на ржавых петлях — их тоже стерегли Безупречные.

Один из них по приказу Дени отпер двери ключом. Королева, войдя в горячее сердце тьмы, остановилась на кромке глубокой ямы. С глубины сорока футов на нее смотрели две пары глаз: одни бронзовые, другие — жидкого золота.

— Дальше не надо, — удержал ее сир Барристан.

— Вы думаете, они способны напасть на меня?

— Не знаю и не собираюсь рисковать вашим величеством, чтобы узнать.

Рейегаль взревел, и язык желтого пламени на миг осветил тьму. В лицо Дени пахнуло

жаром, как из печи. Визерион расправил крылья и попытался взлететь, но плюхнулся на живот. Его свободу ограничивали цепи на ногах со звеньями как хороший мужской кулак и прикрепленный к стене железный ошейник. Так же был скован и Рейегаль. При свете фонаря Селми он светился яркой нефритовой зеленью, из пасти сочился дым. На дне ямы валялись изгрызенные, обугленные дочерна кости, в воздухе стоял запах серы и горелого мяса.

— Они стали еще больше. — Струйка пота стекла со лба Дени на грудь. — Неужели правда, что драконы никогда не перестают расти?

— Да, если у них вдоволь места и корма. В оковах — вряд ли…

При великих господах эта яма служила тюрьмой. В ней помещались пятьсот человек, и двум драконам здесь было вполне просторно, только надолго ли? Что будет, когда им станет тесно? Схватятся они, терзая друг друга когтями и поливая огнем, или начнут понемногу чахнуть? Бока у них опадут, крылья скукожатся, пламя иссякнет…

Что это за мать, которая гноит своих детей в яме!

Оглянешься назад — пропадешь, но как удержаться от рокового взгляда? Дени должна была это предвидеть. Слепа она была, что ли, или сознательно закрывала глаза, чтобы не видеть, какой ценой покупается власть?

Визерис рассказывал ей много разных историй. Она знала, как пал Харренхолл, знала об Огненном Поле и Пляске Драконов. Мать Эйегона Третьего пожрал на глазах у сына дракон его дяди. А сколько песен сложено о драконах, державших в страхе деревни и целые королевства, пока их не убивал какой-нибудь отважный герой! У астапорского рабовладельца глаза вытекли, когда Дрогон дохнул на него. На пути в Юнкай трое детей королевы полакомились головами Саллора Смелого и Прендаля на Гхезна, которые Даарио бросил к ее ногам. Дракон человека не боится; если он достаточно велик, чтобы слопать овцу, то может съесть и ребенка.

Девочке, Хазее, было четыре года. Не лжет ли ее отец? Кроме него, дракона никто не видел. Он предъявил кости, но это еще ничего не доказывает. Он мог сам убить девочку, сжечь ее труп — и был бы не первым отцом, который избавился от нежеланной дочери, как заметил Скахаз. Хазею могли убить Сыны Гарпии и свалить свое преступление на дракона, чтобы вызвать в народе ненависть к Дейенерис. Дени очень хотелось бы в это верить… Но почему тогда отец девочки ждал, пока не остался в тронном зале один? Хотел бы настроить миэринцев против королевы — изобличил бы ее перед всеми просителями.

Лысый советовал ей предать этого человека смерти. «Или хотя бы язык ему вырезать. Его ложь может погубить нас всех, ваше великолепие». Вместо этого Дени решила уплатить пеню за кровь. Не зная, как определить цену маленькой девочки, она постановила выдать отцу стоимость ста ягнят. «Я вернула бы тебе Хазею, будь это в моей власти, — сказала она, — но даже королева может не все. Ее косточки обретут покой в Храме Благодати, и сто свечей будут гореть день и ночь и память о ней. Приходи ко мне каждый год на ее именины, и другие твои дети ни в чем не будут нуждаться, но с условием: никому больше не рассказывать о том, что случилось».

«Так ведь люди-то спросят, — ответил безутешный отец. — Спросят, где Хазея, и что с ней сталось».

«Скажи, что ее змея укусила, — предложил Резнак, — или волк утащил, или хворь какая напала. Все что хочешь, только о драконах ни слова».

Визерион снова рванулся к Дени, скребя когтями по камню. Не добившись успеха, он заревел, запрокинул голову и плюнул в стену огнем. Скоро ли его жар сможет крушить камень и плавить железо?

Совсем еще недавно он сидел у нее на плече, обмотав хвостом руку, а она кормила его зажаренным дочерна мясом. Его заковали первым. Дени сама свела его в яму и заперла там с несколькими бычками. Наевшись досыта, он уснул — тогда на него и надели цепи.

С Рейегалем пришлось труднее — он, должно быть, слышал через все стены, как ревет и бьется в цепях его брат. Когда он пригрелся на террасе у Дени, его накрыли тяжелой железной сетью, но он и под ней так метался, что по лестнице его стаскивали целых три дня,

и шестеро человек получили ожоги.

А Дрогон, крылатая тень, как назвал его отец девочки… Самый крупный, самый злой, с черной как ночь чешуей и огненными глазами…

Он улетал далеко, но тоже любил погреться на самом верху пирамиды, где раньше стояла миэринская гарпия. Трижды его пытались изловить там, и трижды терпели неудачу. От ожогов пострадали чуть ли не сорок отважных, и четверо из них умерли. В последний раз Дени видела Дрогона на закате в день третьей попытки: он улетел на север, за Скахаздан, в Дотракийское море, и больше не возвращался.

«Матерь драконов, — думала Дейенерис. — Матерь чудовищ». Что за зло привела она в мир? Трон ее сложен из горелых костей и зиждется на зыбучем песке. Как ей без драконов удержать Миэрин, не говоря уж о завоевании Вестероса? Она от крови дракона: если они чудовища, то и она тоже.

ВОНЮЧКА

Крыса заверещала, когда он вгрызся в нее, и начала вырываться. Брюхо мягче всего. Он рвал зубами сладкое мясо, теплая кровь текла по губам. Радостные слезы выступили у него на глазах, в животе заурчало. На третьем укусе крыса перестала дергаться, и он ощутил нечто сходное с удовольствием.

Потом за дверью темницы раздались голоса, и он замер, не смея ни жевать дальше, ни выплюнуть. Слыша, как звенят ключи и шаркают сапоги, он просто оцепенел от ужаса. О нет, милостивые боги, не надо. Он так долго ловил эту крысу. Теперь ее отберут, расскажут обо всем лорду Рамси, и тот сделает ему больно.

Спрятать бы добычу, но очень уж есть хочется. Два дня как не ел, а может, и три — поди разбери здесь во тьме. Руки-ноги исхудали и сделались как тростинки, зато живот раздулся, болит и спать не дает. Закроешь глаза, и сразу вспоминается леди Хорнвуд. Лорд Рамси после свадьбы запер ее в башне и уморил голодом. Она съела свои пальцы, прежде чем умереть.

Присев на корточки в углу, он стал пережевывать мясо оставшимися зубами, стараясь поглотить как можно больше, пока дверь не открыли. Крысятина жилистая, но и жирная тоже — того и гляди стошнит. Он жевал, глотал, выбирал из десен мелкие кости. Они причиняли ему боль, но остановиться не давал голод.

Звуки становились все громче. «Только бы не ко мне!» — взмолился мысленно узник, оторвав крысиную ногу. К нему давно уж никто не ходил — мало ли других узников в подземелье. Иногда он слышал их крики даже сквозь толстые стены. Женщины кричат громче всех. Косточка от ноги, которую он выплюнул, застряла у него в бороде. «Уходите, пожалуйста. Идите себе мимо, не троньте меня».

Но сапоги топали, и ключи гремели прямо за его дверью. Он выронил крысу, вытер руки о штаны.

— Нет, нет, нееееет! — Скребя каблуками по соломе, он вжался еще дальше в угол, в сырые стены.

Нет страшней звука, когда ключ поворачивается в замке. Узник закричал, когда свет ударил ему в лицо, и зажал руками глаза. Какая боль! Он выцарапал бы их, да смелости не хватает.

— Уберите свет! Сделайте все в темноте! Прошу вас!

— Не он это, — сказал мальчишеский голос. — Посмотри на него. Мы зашли не в ту камеру.

— Как же не в ту, — ответил ему другой мальчик. — Последняя слева, она и есть.

— Правда твоя. Чего он там орет-то?

— Похоже, ему свет досаждает.

— Еще бы. — Мальчишка сплюнул. — А уж воняет от него, задохнуться впору.

— Он крыс жрет, смотри.

— Ага, — засмеялся другой. — Смехота.

А что прикажете с ними делать? Они бегают по нему, грызут пальцы на руках и ногах, порой и в лицо кусают.

— Ну да, ем, — забормотал узник, — так ведь они меня тоже едят. Не троньте!

Мальчишки подошли ближе, хрустя соломой.

— Скажи что-нибудь, — попросил тот, что поменьше. Худенький, но умный, сразу видать. — Как звать тебя, помнишь?

Узник застонал, снедаемый страхом.

— Ну? Назови свое имя.

Имя… Ему говорили, только давно — он забыл. Скажешь неверно, снова пальца лишишься или хуже того… Нет, нет, не надо об этом думать. Глаза и рот кололо, как иглами.

— Прошу вас, — прошамкал он, будто столетний старец. Может, ему и впрямь сто лет. Сколько он уже здесь сидит? — Уйдите, — бормотал он сквозь выбитые зубы и недостающие пальцы. — Заберите крысу, только меня не трогайте.

— Тебя Вонючкой звать — вспомнил теперь? — сказал большой мальчик. Он держал факел, а другой — связку ключей.

Из глаз узника хлынули слезы.

— Да. Вспомнил. Вонючка. Рифма — трясучка. — В темноте имя тебе ни к чему, и забыть его очень просто. В настоящей жизни его звали как-то иначе, но здесь и сейчас он Вонючка. Точно.

Он и мальчишек вспомнил. На них одинаковые дублеты из шерсти ягненка, серебристо-серые с синей оторочкой. Оба они оруженосцы, обоим по восемь лет, даже имена у них одинаковые: Уолдер Фрей. Уолдер Большой и Уолдер Малый. Который здоровый — Малый, который поменьше — Большой. Все путают, а им смех.

— Я вас знаю, — прошептал узник потрескавшимися губами. — Знаю, как вас зовут.

— Ты пойдешь с нами, — сказал Уолдер Малый.

— Его милость тебя требует, — сказал Уолдер Большой.

Страх пронзил узника, как ножом. Они только дети, восьмилетние мальчики — уж их-то он при всей своей слабости одолеет? Забрать факел, ключи, взять кинжал с бедра Уолдера Малого и бежать. Нет, нельзя. Тут какой-то подвох. Побежишь — опять пальца лишат или зуб выбьют.

Он уже пытался. Сколько-то лет назад, когда еще силы были. Тогда к нему пришла Кира — она украла ключи и знала калитку, которая не охранялась. «Бежим в Винтерфелл, милорд, — просила она, бледная и дрожащая. — Сама я дороги не знаю. Бежим со мной». И он согласился. Тюремщик лежал мертвецки пьяный в луже вина, со спущенными штанами. Дверь в подземелье была открыта, калитка, как и сказала Кира, не охранялась. Они выждали, когда луна скрылась за облаком, удрали из замка и побежали, спотыкаясь о камни, через ледяную Рыдальницу. На том берегу он поцеловал Киру: «Спасительница моя». Дурак, вот дурак!

Это была ловушка, обманка. Лорд Рамси любит поохотиться и предпочитает двуногую дичь. Всю ночь Вонючка с Кирой бежали по лесу, а когда взошло солнце, далеко позади затрубил рог и залаяли гончие. «Разделимся, — сказал он, — тогда они смогут выследить лишь одного из нас». Но девушка обезумела от страха и отказывалась покинуть его, хотя он клялся собрать Железных Людей и вернуться за ней, если ее все же схватят.

Не прошло и часа, как их взяли обоих. Один пес повалил его, другой вцепился в ногу карабкавшейся на холм Киры. Остальные стояли вокруг, рычали, щелкали зубами и не давали беглецам шевельнуться, пока не подъехал Рамси Сноу с охотниками — тогда он еще был бастард и не назывался Болтоном. «Далеко собрались? — спросил он, улыбаясь им обоим с седла. — Вы меня обижаете — разве вам в моем доме плохо гостилось?» Кира метнула ему в голову камень и промахнулась на добрый фут. «А вот за это тебя следует наказать», — сказал Рамси, улыбаясь по-прежнему.

Вонючка помнил отчаяние и страх в глазах Киры. Никогда еще она не казалась ему

такой юной — совсем девочка. Сама виновата: надо было разделиться, как он предлагал, тогда кто-нибудь, глядишь, и ушел бы.

Ожившая память теснила грудь, не давала дышать. Вонючка со слезами на глазах отвернулся от факела. Чего Рамси надо на этот раз? Почему он не оставляет его в покое? Сейчас Вонючка ничего плохого не сделал — почему бы не оставить его здесь, в темноте? Он бы поймал еще крысу, славную, жирную…

— Может, помыть его? — сказал Уолдер Малый.

— Не надо, — сказал Уолдер Большой. — Пусть смердит, не зря же милорд его Вонючкой прозвал.

Вонючка. Его зовут Вонючка, рифма закорючка. Надо запомнить. «Служи, повинуйся, помни, кто ты есть, и никакого вреда тебе больше не сделают». Он дал слово, и его милость тоже. Захоти даже Вонючка воспротивиться, он не смог бы. Всю волю к сопротивлению выбили из него, голодом выморили. Когда Уолдер Большой поднял его на ноги, а Малый махнул факелом, он пошел с ними послушно, как пес. Будь у него хвост, он зажал бы его промеж ног.

Будь у него хвост, Бастард бы его отрезал. Непрошеная мысль, злая, опасная. Его милость больше не бастард. Болтон, не Сноу. Маленький король на Железном Троне узаконил его, разрешил пользоваться именем лорда-отца. Если назвать его Сноу, он впадет в бешенство. Надо запомнить, и свое имя тоже нельзя забывать. На мгновение узник забыл его и так испугался, что споткнулся на крутой лестнице, порвал штаны и ногу разбил. Уолдеру Малому пришлось ткнуть в него факелом, чтобы он встал и пошел дальше.

В Дредфорте была ночь, полная луна стояла над восточными стенами. Тени от зубцов лежали на мерзлой земле, как острые черные зубы, в воздухе чувствовались полузабытые запахи. Так пахнет большой мир, да. Вонючка не знал, сколько просидел в подземелье. Полгода точно, если не больше. Насколько больше — пять лет, десять, двадцать? Может, он с ума там сошел? Да нет, глупо. Если бы прошли годы, Уолдеры стали бы взрослыми, а они как были мальчишками, так и остались. Надо запомнить. Не дать Рамси лишить его разума. Рамси может отнять у него все — пальцы, глаза и уши, но свести себя с ума он не даст.

Уолдер Малый шел впереди с факелом, за ним — послушный Вонючка, следом Уолдер Большой. Их облаяли собаки на псарне. Ветер свистел во дворе, пронизывая лохмотья Вонючки. Снега пока нет, но зима, не иначе, вот-вот настанет. Доживет ли Вонючка до первого снега? И если да, сколько пальцев у него останется на руках и ногах? Собственная рука поразила его — белая, совершенно бесплотная. Кожа да кости, совсем старик. Может, он ошибся насчет мальчишек? Может, это сыновья тех Уолдеров, которых он знал?

В большом чертоге было дымно и довольно темно, хотя справа и слева рядами горели факелы, вставленные в скелеты человеческих рук. Стропила почернели от копоти, сводчатый потолок терялся во мраке. Пахло здесь вином, элем и жареным мясом. В животе у Вонючки заурчало, рот наполнился слюной.

Уолдер Малый, толкая в спину, гнал его мимо длинных столов, где ели бойцы гарнизона. Он чувствовал на себе их взгляды. Лучшие места у возвышения занимали любимцы Рамси, «бастардовы ребята». Старый Бен Бонс, ухаживающий за любимыми охотничьими собаками его милости. Молодой белокурый Дамон-Плясун. Молчун — он лишился языка, сболтнув что-то неподобающее при лорде Русе. Алин-Кисляй. Свежевальщик. Желтый Дик. Тех, кто сидел ниже соли, Вонючка тоже знал, с виду по крайней мере: присяжные рыцари, солдаты, тюремщики, палачи. Встречались, однако, и незнакомые лица. Одни морщили носы, когда он проходил мимо, другие смеялись. «Меня привели сюда, чтобы позабавить гостей его милости», — с дрожью подумал Вонючка.

Бастард Болтонский сидел на высоком месте своего лорда-отца и пил из отцовской чаши. Его соседями были два старика — тоже лорды, Вонючка это понял с первого взгляда. Один тощий, с глазами как кремень, с длинной белой бородой. Лицо замороженное, колет из медвежьей шкуры, поношенной и засаленной, кольчугу даже и за столом не снял. Второй тоже худ и весь какой-то изломанный. Одно плечо много выше другого, сидит над своей

миской, как стервятник над падалью. Глаза серые, жадные, зубы желтые, раздвоенная борода серебрится, на пятнистой лысине осталось всего несколько белых прядок. Богатый плащ серой шерсти оторочен черным соболем и застегнут на плече выкованной из серебра звездой.

Сам Рамси одет в черное с розовым. Черные сапоги, черный пояс и ножны, черный кожаный колет поверх розового бархатного дублета с прорезями из темно-красного атласа. В правом ухе гранатовая серьга в виде капли крови. Красиво одет, но собой все равно урод. Кость широкая, плечи сутулые, мясистый — с годами начнет жиреть. Кожа розовая, со следами от прыщей, нос широк, рот мал, волосы длинные и сухие, губы толстые, но первым делом все замечают его глаза. Рамси унаследовал их от лорда-отца — маленькие, близко посаженные, почти бесцветные. Призрачно-серые, как выражаются некоторые, а на самом деле белесые, как две грязные льдинки.

При виде Вонючки он растянул мокрые губы в улыбке.

— А вот и мой тухлый дружок. Вонючка с детства при мне, — объяснил он соседям слева и справа. — Мой лорд-отец подарил мне его в знак любви.

Лорды переглянулись.

— Мы слышали, что ваш слуга погиб от руки Старков, — заметил ломаный.

— Железные Люди сказали бы, что мертвое не умирает — оно лишь восстает вновь, сильнее и крепче прежнего. Так и Вонючка. Разит от него, конечно, как из могилы, в этом вы правы.

— Разит нечистотами и блевотиной. — Горбун бросил кость, которую грыз, и вытер руки о скатерть. — Непременно нужно приводить его сюда, пока мы трапезничаем?

Второй лорд, в кольчуге, оглядел Вонючку кремнистыми очами и сказал горбуну:

— Посмотрите как следует. Он поседел и сбросил не меньше трех стоунов, но сразу видно, что он не слуга. Неужели не узнаёте?

— Воспитанник Старка всегда улыбался, — фыркнул горбун.

— Теперь он улыбается реже, утратив некоторое количество своих белых зубов, — вставил лорд Рамси.

— Лучше бы сразу перерезали ему глотку, — сказал кольчужный. — С собаки, которая бросается на хозяина, остается только шкуру содрать.

— С него и содрали… местами.

— Да, милорд. Я вел себя дурно, милорд. Дерзко и… — Вонючка облизнул губы, вспоминая, в чем он еще провинился. «Служи и повинуйся, тогда он оставит тебя в живых, и ты сохранишь те части тела, которые еще уцелели. И помни, как тебя звать. Вонючка, Вонючка, рифма липучка».

— У тебя кровь на губах — опять пальцы грыз?

— Нет, милорд. Нет, клянусь вам. — Когда-то он пытался откусить собственный безымянный палец — тот невыносимо болел, когда с него сняли кожу. Отрубить человеку палец слишком просто для лорда Рамси: когда сдирают кожу, это куда мучительней. Вонючку и плетью били, и на дыбу вздергивали, и резали по живому, но с содранной кожей ничто не сравнится. Такого никто долго не вытерпит. Рано или поздно начинаешь кричать: «Не могу больше, пощадите, отрежьте его совсем», — ну, Рамси и выполнит твою просьбу. Такая у них игра. Вонючка хорошо выучил правила — стоит только посмотреть на его руки и ноги, — но в тот единственный раз забылся и хотел отгрызть палец сам. Рамси был недоволен и ободрал еще один палец, теперь на ноге. — Я крысу съел!

— Крысу? — Белесые глаза Рамси блеснули при свете факела. — Все крысы Дредфорта — собственность моего лорда-отца. Как ты смеешь есть их без моего позволения?

Вонючка не знал, что сказать, и потому промолчал. Одно неверное слово — и лишишься еще одного пальца ноги, а то и руки. У него недостает уже двух на левой руке и мизинца на правой. На правой ноге тоже мизинца нет, а на левой отрезано целых три. «Чтобы равновесие похуже держал», — шутит Рамси. Милорд только шутит, он не желает Вонючке зла — сам так сказал. Он делает это, лишь когда Вонючка дает ему повод. Милорд милостив. Вонючке все лицо следовало бы ободрать за то, что он говорил. Пока не усвоил,

как его настоящее имя и где его место.

— Это становится скучным, — сказал лорд в кольчуге. — Убейте его, и дело с концом.

Рамси налил эля в чашу.

— Зачем же портить праздник, милорд. Вонючка, у меня хорошие новости! Я женюсь. Мой лорд-отец везет мне дочь лорда Эддарда Арью. Помнишь ее?

«Арья-надоеда, — чуть не выпалил он. — Арья-лошадка». Младшая сестра Робба, с длинной мордашкой, тощая как палка и вечно грязная. Красавицей в семье была Санса. Одно время он мечтал, что лорд Эдуард женит его на Сансе и назовет своим сыном. Пустые мечты.

— Да. Арью помню.

— Она будет леди Винтерфелла, а я — ее лордом.

«Она же совсем ребенок».

— Да, милорд. Мои поздравления.

— Будешь служить у меня на свадьбе, Вонючка?

— Если милорд пожелает.

— Да, я желаю этого.

Вонючка медлил, опасаясь новой ловушки.

— Буду, милорд. Охотно. Почту за честь.

— Тогда мы должны забрать тебя из этой ужасной темницы. Отмыть, одеть в чистое, накормить. Что скажешь насчет овсянки? И горохового пирога с ветчиной? У меня для тебя есть дело — придется восстановить силы, если хочешь мне послужить. Ты хочешь, я знаю.

— Да, милорд. Очень хочу. — Дрожь пробежала по всему телу узника. — Позвольте вашему Вонючке послужить вам, милорд.

— Ну, коли ты так просишь… Поедем с тобой на войну. И вместе доставим мою невесту домой.

БРАН

От крика ворона по спине Брана прошел холодок. «Я почти взрослый, — напомнил он себе. — Я должен быть храбрым».

Но воздух прямо-таки полнился страхом — даже Лето и тот боялся: шерсть у него на загривке поднялась дыбом. По склону тянулись черные, голодные тени, деревья искривились и покорежились под тяжестью льда. Да и деревья ли это? Они больше похожи на уродливых великанов, зарывшихся в снег под режущим ветром.

— Они здесь. — Разведчик обнажил меч.

— Где? — тихо спросила Мира.

— Не знаю. Близко.

Ворон опять закричал.

— Ходор, — прошептал Ходор, пряча руки под мышками. Его рыжеватая борода обросла сосульками, усы покрылись застывшими соплями и поблескивали при красном свете заката.

— Волки, идущие за нами, тоже недалеко, — предупредил Бран. — Лето чует их, когда ветер дует в нашу сторону.

— Волки — наименьшая из наших бед, — сказал Холодные Руки. — Надо подняться в гору и укрыться, пока не стемнело. Их притягивает ваше тепло. — Он посмотрел на запад, где солнце проглядывало сквозь лес, как отдаленный пожар.

— Это единственный вход? — спросила Мира.

— Другой находится в трех лигах к северу. Это колодец.

Все было ясно без слов. Ходор с Браном на спине не пролезет там, а для Жойена три лиги пешком — все равно что тысяча.

— Вроде бы чисто, — сказала Мира, глядя наверх.

— Именно «вроде бы», — мрачно ответил разведчик. — Чувствуешь холод? Они где-то рядом, но где?

— В пещере? — предположила Мира.

— Пещера заговорена, им туда не пройти. Вон она, видите? — указал мечом Холодные Руки. — На середине склона, между чардревами.

— Я вижу, — сказал Бран, глядя, как вороны влетают в скалу и вылетают обратно.

— Ходор. — Конюх переступил с ноги на ногу.

— Темное пятно на утесе, и только, — сказала Мира.

— Там есть ход, — подтвердил разведчик. — Крутой, извилистый, но проходимый. Доберетесь туда — будете в безопасности.

— А ты как же?

— Пещера заговорена. Мне в нее доступа нет.

— Отсюда до нее не больше тысячи ярдов, — прикинула Мира.

«Не так уж много, но в гору», — подумал Бран. Склон крут и весь покрыт лесом. Снега уже три дня не было, но тот, что выпал, не тает — под деревьями лежат глубокие, нетронутые сугробы.

— Нет тут никого, — храбро сказал он. — Ни одного следа на снегу.

— Белые Ходоки ступают легко, не оставляя следов, — ответил разведчик. Ворон, слетев сверху, сел ему на плечо. С ними осталась только дюжина черных птиц, все остальные по дороге куда-то пропали; каждое утро их становилось все меньше.

— Идем, — сказал ворон. — Идем, идем.

«Трехглазая ворона, древовидица…»

— Пошли, — поддержал Бран. — Скоро будем на месте — может, даже костер разведем. — Все они, кроме разведчика, промерзли, промокли и страдали от голода, а Жойен без помощи шагу ступить не мог.

— Ступайте вперед. — Мира склонилась над братом. Жойен сидел между корнями большого дуба с закрытыми глазами и весь дрожал. Лицо его совсем истаяло и побелело, как снег кругом, но парок от дыхания еще шел из ноздрей. Мира весь день несла мальчика на себе. Накормить бы его, согреть — может, все бы еще и наладилось. — Я не могу драться и в то же время нести его. Поднимайся с Браном к пещере, Ходор.

— Ходор, — хлопнул в ладоши тот.

— Ему бы поесть, — беспомощно сказал Бран. Двенадцать дней назад их лось упал в третий раз и уже не поднялся. Разведчик, опустившись рядом с ним на колени, прочитал отходную на непонятном языке и перерезал животному горло. Бран плакал, как девчонка, при виде хлынувшей на снег алой крови, чувствуя себя жалким как никогда. Мира и Холодные Руки разделали лося. Бран твердил себе, что не станет есть мертвого друга, но в конце концов поел, даже дважды: один раз как человек, другой в шкуре Лета. Лось сильно исхудал, но его мяса хватило им на семь дней; остатки они доедали у костра в руинах старого форта.

— Хорошо бы, — согласилась Мира, гладя брата по голове. — Нам бы всем не мешало, вот только еды у нас нет. Идите.

Бран смигнул слезу, тут же застывшую на щеке. Холодные Руки взял Ходора за локоть.

— Смеркается. Если их здесь пока и нет, скоро явятся. Пошли.

Ходор, промолчав в кои веки, потопал ногами и двинулся вверх по склону. Разведчик шел следом с мечом в черной руке, Лето замыкал восхождение. Снег кое-где был ему с головой — он то и дело отряхивался. Бран оглянулся, насколько позволяла корзина: Мира внизу помогла брату встать на ноги. Он был слишком тяжел для нее, ослабевшей от голода. Свободной рукой она опиралась на свой лягушачий трезубец. Ходор протиснулся между двумя деревьями, и Бран потерял сестру с братом из виду.

Подъем делался все круче. Ходор наступил на нестойкий камень, съехал назад и чуть не сверзился вниз — его удержал разведчик.

— Ходор, — сказал он при этом. Ветер поднимал в воздух белую пыль, сверкавшую как стеклянная в последних отблесках дня. Вокруг хлопали крыльями вороны. Один полетел вперед и скрылся в пещере. Всего ярдов восемьдесят осталось, совсем немного.

Лето замер у подножия девственно-белого холмика, зарычал, ощетинился, попятился.

— Ходор, стой, — сказал Бран. — Погоди. — Лето чуял что-то неладное, и он тоже, совсем рядом. — Назад, Ходор! Назад!

Холодные Руки продолжал подниматься — Ходор не хотел отставать.

— Ходор, ходор, ходор, — забормотал он, заглушая команды Брана. Снег был ему почти по пояс, склон очень крут. Хватаясь за деревья и камни, он сделал вверх шаг, другой. Потревоженный им снег вызвал небольшую лавину.

Шестьдесят ярдов. Бран повернул голову вбок, чтобы лучше видеть пещеру.

— Огонь! — В скальной трещине между чардревами мерцало пламя, хорошо заметное в густеющих сумерках. — Да посмотрите же…

Ходор завопил, оступился, упал.

Из Брана дух вышибло, рот наполнился кровью. Ходор катился вниз, подминая его под себя.

Что-то удержало большого конюха за ногу. Корень, подумал сначала Бран, но нет: из-под снега высунулась рука, а за ней показался и весь упырь.

Ходор лягнул его каблуком прямо в лицо, но мертвец ничего не почувствовал. Упырь с Ходором теперь скользили вниз вместе, сцепившись и молотя один другого куда попало. Бран с забитыми снегом носом и ртом на миг оказался сверху. Что-то ударило его по голове — камень, льдина, кулак мертвеца? Он вылетел из корзины и растянулся в снегу, сжимая в горсти прядь вырванных волос Ходора.

Всюду, куда ни глянь, вылезали из-под снега упыри. Двое, трое, четверо — Бран потерял им счет. Одни в черных плащах, другие в обтрепанных шкурах, третьи вовсе раздетые. Белые, с черными руками, глаза как синие звезды.

Трое напали на Холодные Руки. Одного разведчик полоснул клинком по лицу, но тот продолжал надвигаться, оттесняя противника к другому упырю. Двое съезжали за Ходором. Мира сейчас наткнется прямо на них, в бессильном ужасе сообразил Бран.

Он закричал, предупреждая ее, и тут кто-то схватил его самого.

Крик Брана перешел в вопль. Он кинул в упыря снегом, но тот даже и не моргнул. Одна черная рука с пальцами как железо шарила по лицу, другая по животу. «Сейчас он мне кишки выпустит», — понял Бран, но на помощь подоспел Лето.

Кожа на мертвеце лопнула, как дешевая ткань, хрустнули кости. От черного рукава отделилась кисть. Черное… раньше он был братом Дозора. Лето, бросив руку, вцепился в шею у подбородка и вырвал кусок бледной гниющей плоти.

Оторванная рука все еще шевелилась. Бран отполз от нее. Между белыми, занесенными снегом деревьями светился огонь.

Пятьдесят ярдов. Если он одолеет их, его уже не достанут. Бран, подтягиваясь за корни и камни, полз к свету. Еще чуть-чуть — и он отдохнет у огня.

Дневной свет померк окончательно. Холодные Руки рубил и резал в кругу обступивших его мертвецов, Лето продолжал терзать своего, никто не смотрел на Брана. Он подтянулся чуть выше, волоча бесполезные ноги. Вот она, пещера, рукой подать…

— Хоооооодор, — слабо донеслось снизу, и мальчик-калека преобразился в здоровенного парня. Упырь норовил выцарапать ему глаза. Бран, с ревом поднявшись на ноги, отшвырнул врага прочь, сорвал с пояса длинный меч. Ходор стенал глубоко внутри, но семифутовый гигант со сталью в руке не имел никакого отношения к бедному дурачку. Он рубил мертвеца, круша мокрую шерсть, ржавую кольчугу, полусгнившую кожу, мясо и кости.

— ХОДОР! — рявкнул он и рубанул снова. Голова упыря отделилась от туловища, но торжествовать было некогда: мертвые руки все так же тянулись к горлу Ходора-Брана.

Бран попятился, весь в крови. Мира Рид вонзила свою острогу упырю в спину.

— ХОДОР! — гаркнул Бран, делая ей знак продолжать подъем.

На снегу шевельнулся Жойен. Бран-Ходор подхватил его на руки.

Мира полезла вверх, коля упырей острогой. Боли они не чувствовали, но двигались

медленно, неуклюже.

— Ходор, — приговаривал Бран на каждом шагу. Вот удивится Мира, если он вдруг скажет, что любит ее.

Над ними плясали в снегу огненные фигуры. Да это же упыри! Кто-то поджег их.

Лето с рычанием скакал вокруг объятого пламенем мертвеца. Что он делает? Бран, не поняв этого сразу, увидел себя самого, распростертого ничком на снегу — Лето не пускал упыря к нему. Он что, навсегда останется Ходором, если мальчика-калеку убьют? Или вернется в шкуру Лета? Или умрет насовсем?

Вокруг мельтешили белые деревья, черное небо, красные движущиеся огни. Он спотыкался. «Ходор-ходор-ходор-ходор», — вопил Ходор внутри. Вслед за тучей воронов из пещеры вышла, размахивая факелом, какая-то девочка. Бран на миг принял ее за свою сестру Арью, хотя и знал, что Арья сейчас за тысячу лиг отсюда, если вообще жива. И все же это была она, свирепая растрепанная худышка в лохмотьях. Слезы, выступившие на глазах Ходора, тут же замерзли.

Все перевернулось вверх тормашками, и Бран очутился в собственном теле, в снегу. Горящий упырь нависал над ним, позади виднелись деревья в снеговых саванах. Он совсем голый, заметил Бран, и тут ближнее дерево стряхнуло на него снег и накрыло с головой.

Очнулся он на сосновых иглах под каменным кровом. Пещера. Во рту по-прежнему держался вкус крови от прикушенного языка, но горящий вблизи огонь обволакивал теплом, и Брану никогда еще не было так хорошо. Лето обнюхивал все вокруг, Ходор, насквозь промокший, тоже был здесь, Мира держала на коленях голову лежащего неподвижно Жойена, существо в облике Арьи стояло над ними с факелом.

— Снег, — сказал Бран. — Меня засыпало снегом.

— Укрыло им. Я тебя откопала, но спасла нас она, — кивнула на девочку Мира. — Огонь убивает их.

— Сжигает. Огонь всегда голоден. — Голос был не Арьи, вообще не детский — говорила взрослая женщина. Еще ни в чьем голосе Бран не слышал такой музыки и такой разрывающей сердце грусти. Он прищурился, чтобы лучше рассмотреть эту странную девочку. Меньше Арьи, кожа в пятнышках, как у лани, глаза с узкими как у кошки зрачками наполнены золотистой зеленью. Волосы тоже золотые и рыжие, цвета осени; в их густую копну вплетены увядшие цветы, вьющиеся побеги и веточки.

— Кто ты? — спросила Мира.

— Она дитя, — ответил за незнакомку Бран. — Дитя Леса. — Его пробрала дрожь — то ли от удивления, то ли от холода. Они попали прямиком в сказку старухи Нэн.

— Детьми нас назвали Первые Люди, — сказала девочка-женщина. — А великаны именовали «во дак наг гран», беличьим народом, потому что мы маленькие, быстрые и очень любим деревья. Но мы не дети и не белки. На истинном языке мы называемся поющими песнь земли. К тому времени, как появился ваш старый язык, мы пели свою песнь уже десять тысячелетий.

— Но говоришь ты на общем, — заметила Мира.

— Ради него. Ради Брана. Я родилась во времена дракона и двести лет странствовала по миру людей, наблюдала, слушала и училась. Посейчас бы странствовала, но ноги мои устали, сердце изныло, и я вернулась домой.

— Двести лет? — повторила Мира.

— Люди, вот кто настоящие дети, — улыбнулась маленькая женщина.

— А имя у тебя есть? — спросил Бран.

— Когда требуется. — Она махнула факелом на дальнюю стену пещеры, где виднелся черный проем. — Нам туда, вниз. Идем.

— Разведчик, — спохватился вдруг Бран.

— Ему нельзя с нами.

— Его убьют!

— Давно уж убили. Идем. Внизу тепло, и никто тебя там не тронет. Он ждет.

— Трехглазый? — спросила Мира.

— Древовидец. — Женщина скрылась в проеме — им оставалось только пойти за ней. Мира помогла Брану взобраться на спину Ходора, в помятую, мокрую от снега корзину. Потом обняла за пояс своего брата и поставила его на ноги.

Жойен открыл глаза.

— Мира? Где это мы? — При виде огня на его губах появилась улыбка. — До чего же странный мне снился сон.

Ход был извилистый и до того низкий, что Ходор продвигался вприсядку, а Бран, как ни пригибался, задевал потолок макушкой. Грязь сыпалась на волосы, попадала в глаза. Однажды он приложился лбом о торчащий из стены белый корень и украсился висевшей там паутиной.

Маленькая женщина, шурша лиственным плащом, шла впереди с факелом, но Бран быстро потерял ее из виду и наблюдал лишь отражение света на стенах. Вскоре ход разделился надвое; в левом коридоре было черным-черно, и даже Ходор понял, что идти надо туда, где брезжит огонь.

Из-за движущихся теней казалось, что стены движутся тоже. Бран со страхом заметил больших белых гадов, уползающих в трещины. Молочные змеи или громадные, склизкие могильные черви? У таких червей зубы есть.

Ходор тоже увидел их и не захотел идти дальше, но женщина остановилась, огонь стал ярче, и Бран понял, что это не змеи, а просто белые корни — как тот, о который он ударился головой.

— Это корни чардрев, — сказал он. — Помнишь сердце-дерево в богороще, Ходор? Белое, с красными листьями? Деревья тебе ничего не сделают.

— Ходор. — Детина снова заковылял на свет, уходя все глубже в недра земли. Миновав еще два боковых коридора, они оказались в пещере величиной с великий чертог Винтерфелла. Каменные зубы свисали здесь с потолка и вырастали из пола. Женщина в лиственном плаще, пробираясь между ними, делала нетерпеливые знаки факелом: «Сюда, сюда, поспешите».

Новые ответвления, новые гроты. Взглянув туда, где звучала капель, Бран увидел узкие, блестящие, отражающие факел глаза. Девочка здесь, как видно, не единственное дитя… а еще ему вспомнились дети Гендела, о которых рассказывала старая Нэн.

Белые корни змеились повсюду, пронизывали землю и камень, загораживали одни переходы и поддерживали кровлю других. Все краски пропали, остались только черная земля и белое дерево. У винтерфеллского сердце-дерева корни с великанскую ногу, но здешние еще толще. И как их много! Бран никогда еще столько не видел. Можно подумать, над ними растет целый чардревный лес.

Свет снова померк — девочка-женщина при всем своем малом росточке шла очень быстро. У Ходора что-то хрустнуло под ногами, и он застыл как вкопанный: Мира с Жойеном чуть не врезались в него сзади.

— Кости, — сказал Бран. Весь пол перед ними устилали кости птиц, зверей и кого-то вроде людей — большие, не иначе как великанские, и маленькие, наподобие детских. Из ниш, вырубленных в стенах, смотрели черепа: медвежий, волчий, полдюжины человеческих, столько же великаньих, все остальные маленькие, странной формы — Дети Леса. Каждый череп оплетали белые корни, на некоторых сидели вороны, провожая путников черными глазками-бусинами.

Последний отрезок пути был самым крутым. Ходор съехал вниз на заду в вихре мелких костей, грязи и щебня. Девочка-женщина ждала их у естественного моста над бездонной пропастью. Далеко внизу бежал подземный поток.

— Надо перейти на ту сторону? — испугался Бран. Высоковато будет падать, если Ходор ненароком оступится.

— Нет. Оглянись. — Девочка высоко подняла факел. На миг он вспыхнул, озарив пещеру красными бликами, а затем мир вновь сделался черно-белым. Мира затаила дыхание,

Ходор обернулся назад.

На троне из переплетенных корней чардрева дремал, как в колыбели, мертвенно-бледный лорд.

Из-за иссохшего тела и прогнивших одежд Бран поначалу принял его за труп. За мертвеца, просидевшего здесь так долго, что корни оплели его и пронизали насквозь. На бледном лице выделялось красное пятно, вползающее с шеи на щеку. Тонкие, редкие белые волосы отросли до самого пола, вокруг ног обвились корни — один входил сквозь ветхие панталоны в бедро и выходил из плеча. На лбу у лорда росли серые грибы, на черепе красные листья. Кожа, туго натянутая на скулах, лопалась, обнажая желто-бурые кости.

— Ты и есть трехглазая ворона? — неожиданно для себя спросил Бран. У вороны должно быть три глаза, а у этого только один — красный как кровь, горящий при свете факела. Из другой глазницы, пустой, спускался по щеке белый корень.

— Ворона? — прошелестел лорд. Губы его двигались медленно, словно отвыкли произносить слова. — Да… был ею когда-то. Черные одежды, черная кровь. — Ткань на нем, замшелая, проеденная червями, и впрямь была некогда черной. — Мне, Бран, много кем довелось побывать. Теперь, видя меня, ты наверняка понял, почему я мог приходить к тебе только в снах. Но я долго слежу за тобой, слежу тысячью и одним глазом. Я видел, как родился ты и твой лорд-отец. Видел твой первый шажок, слышал твое первое слово, показал тебе первый сон. И как ты упал, тоже видел. Наконец-то я дождался тебя, Брандон Старк.

— Да. Меня принесли к тебе калекой. Можешь ты… можешь починить мои ноги?

— Нет. Это не в моей власти.

Глаза Брана заволоклись слезами. Стоило проделывать такой путь! Пещера полнилась гулом черной реки.

— Ходить ты больше не будешь, Бран, — провещали бледные губы, — но будешь летать.

ТИРИОН

Лежа на груде старых мешков, служивших ему постелью, он слушал, как поет ветер в снастях и плещется вода за бортом.

Полная луна над мачтой плыла с ним вместе вниз по реке, смотрела на него круглым глазом. Тирион дрожал под укрывавшими его шкурами. Вина бы сейчас — чашу, а еще лучше целый мех, но скорее луна подмигнет, чем сукин сын Грифф позволит утолить жажду. Пьешь одну воду, потому и не спишь по ночам, а днем потеешь и трясешься как в лихорадке.

Карлик сел, сжал ладонями голову. Снилось ли ему что-нибудь? Он забыл. Ночь никогда не была добра к Тириону Ланнистеру — он спал неважно даже на пуховых перинах, что уж говорить о крыше каютной надстройки с веревочной связкой вместо подушки. С одной стороны, здесь лучше, чем в тесном трюме: воздух свеж, и речные звуки приятней, чем храп Утки. С другой, очень уж жестко — ноги каждый раз затекают.

Вот и теперь икры как деревяшка. Он помассировал их, но, поднявшись, все-таки скривился от боли. Выкупаться бы надо. Одежда вся провоняла, как и он сам. Все другие плещутся в реке, но он пока не решался. Тут водятся здоровенные черепахи, способные перекусить его пополам — костохрясты, как их называет Утка, и показываться Леморе голым тоже не хочется.

Тирион натянул сапоги и спустился по деревянному трапу на ют, где сидел у жаровни Грифф, кутаясь в волчью шкуру. Наемник нес ночную вахту один — заступал, когда все укладывались, и ложился, когда солнце всходило.

Тирион, присев напротив него, погрел над углями руки. За рекой заливались соловьи.

— Утро скоро.

— Не так уж и скоро, — проворчал Грифф. — Долго еще торчать на приколе. — Будь его воля, «Робкая дева» плыла бы и днем, и ночью, но Яндри с Изиллой решительно отказывались рисковать лодкой в ночное время. Мало ли на Верхнем Ройне топляков и

коряг, того и гляди борт пропорют. Грифф не желал слушать их доводов — он рвался в Волантис.

И все время шарил глазами по сторонам, высматривая… Кого? Пиратов, каменных людей, охотников за рабами? На реке, конечно, опасно, но Грифф, по мнению Тириона, намного опаснее. На Бронна похож — тот, правда, обладает своеобразным наемническим черным юмором, а Грифф юмора лишен напрочь.

— Убить готов за чашу вина, — пробормотал карлик.

Грифф промолчал. «Ты сам умрешь раньше, чем выпьешь», — читалось в его светлых глазах. В первую ночь на борту «Девы» Тирион упился до полусмерти; когда он проснулся, в голове у него сражались драконы. Грифф поглядел, как он блюет за борт, и заявил: «С выпивкой завязано».

«Мне без вина не уснуть», — возразил Тирион. Вернее было бы сказать, что без вина его изведут кошмарные сны.

«Значит, не будешь спать», — отрубил Грифф.

На востоке уже брезжил рассвет. Черные воды Ройна постепенно синели, в тон волосам и бороде Гриффа.

— Принимай вахту, — сказал он, поднявшись. — Скоро встанут все остальные. — Соловьи умолкли — теперь над рекой пели жаворонки. Цапли хлюпали в тростнике, расхаживали по отмелям. Облака загорались красным и розовым, золотом, шафраном и перламутром. Одно походило на дракона. «Человек, видевший дракона в полете, может спокойно вернуться домой и возделывать свой сад, — сказал кто-то из древних авторов, — большего чуда он уже не увидит». Тирион, почесывая свой шрам, попытался вспомнить, кто же это сказал. Последнее время он много размышлял о драконах.

— Доброго тебе утра, Хутор. — На палубу вышла септа Лемора в своем белом балахоне, подвязанном семицветным плетеным поясом, с распущенными по плечам волосами. — Как спалось?

— Плохо, добрая женщина. Опять видел тебя во сне. — Ну, не совсем во сне. Он держал руку между ног и воображал, как Лемора скачет на нем, болтая грудями.

— Это, несомненно, был дурной сон. Помолись со мной и попроси, чтобы тебе отпустили твои грехи.

Разве что так, как на Летних островах молятся…

— Помолись лучше одна и поцелуй за меня Деву — покрепче.

Лемора, смеясь, пошла к носу — каждое утро она купалась в реке.

— Эту лодку назвали явно не в твою честь, — заметил Тирион, глядя, как она раздевается.

— Отец и Матерь создали нас по образу своему. Мы не должны стыдиться своего тела.

Видно, Тириона они создавали крепко выпивши. При виде входящей в воду Леморы его естество всякий раз твердело, и он с грешным наслаждением воображал, как сам срывает с нее белое одеяние. Она, к слову, не столь невинна, как хочет казаться. Знаки, как у нее на животе, появляются лишь после родов.

Яндри с Изиллой, проснувшись, тут же взялись за дела. Яндри, проверяя канаты, бросал взгляды на септу. Его маленькая смуглая жена, не обращая на это внимания, подсыпала на жаровню стружек, поворошила угли и принялась замешивать тесто.

Лемора опять взобралась на палубу. Меж грудей стекала вода, кожа золотилась на утреннем солнце. Ей уже за сорок, но она еще хоть куда. Распутные мысли неплохо заменяют вино, помогая ощущать, что ты еще жив.

— Видел ту черепаху, Хутор? — спросила она, выжимая волосы. — Большую, хребтистую?

Ранним утром наблюдать за черепахами лучше всего. Днем они уходят глубоко под воду или прячутся в гротах на берегу, а утром плавают на поверхности, порой вровень с лодкой. Тирион насчитал уже с дюжину разных видов: больших и маленьких, плоских и красноухих, с мягким панцирем и костохрястов, бурых, зеленых, черных, когтистых,

рогатых, с золотыми, нефритовыми и кремовыми узорами. Некоторые могли бы свободно нести на себе человека. Ройнские правители, по уверению Яндри, некогда переправлялись на таких через реку. Они с женой родились на Зеленой Крови — дорнийские сироты, вернувшиеся к своему отцу Ройну.

— Сегодня нет. — «Загляделся на голую женщину», — добавил про себя Тирион.

— Жалко. — Лемора натянула через голову рясу. — Ты ведь затем и встаешь так рано, чтобы на черепах поглядеть.

— Я люблю смотреть, как встает солнце. — Как будто нагая девушка выходит из ванны. Одни девушки красивее других, но каждая полна обещаний. — Но и черепахи, конечно, по-своему интересны. Ничто так не радует глаз, как пара красивых… панцирей.

Септа вновь засмеялась. У нее, как у всех на «Деве», есть свои тайны, и на здоровье. Он хочет ее, но знать о ней что-то вовсе не обязательно. Его желания для нее не секрет: вешая на шею свой священный кристалл и пряча его на груди, она дразнила Тириона улыбкой.

Яндри поднял якорь, залез на крышу, оттолкнулся длинным шестом. Две цапли подняли головы, следя, как «Робкая дева» выходит на стрежень. Лодка медленно двинулась вниз по течению, Яндри стал у руля. Изилла поставила на жаровню сковороду, накрошила сала, начала печь лепешки. Лепешки с салом да сало с лепешками, вот и вся ее стряпня. Раз в две недели бывает рыба.

Когда она отвернулась, Тирион стащил лепешку прямо со сковородки, ловко увернувшись от деревянного черпака. Их хорошо есть горячими, сочащимися медом и маслом. На запах жареного вылез из трюма Утка. Получив от Изиллы половником, он пошел справить малую нужду на корме.

Тирион присоединился к нему.

— Что за зрелище, — опорожняясь, промолвил он. — Карлик и утка добавляют могущества могучему Ройну.

— Ройну твоя водица ни к чему, Йолло, — бросил Яндри. — Это самая великая на свете река.

Тирион стряхнул последние капли.

— Карлик в нем утонуть может, тут ты прав. Но Мандер и Трезубец близ устья не уступают ему шириной, а Черноводная глубже.

— Ты еще не знаешь его. Погоди, сам увидишь.

Сало превратилось в шкварки, лепешки подрумянились. Явился, зевая, молодой Грифф.

— Доброе утро всем. — Он ниже Утки и по-юношески хлипок — скорей всего не достиг еще своего полного роста. Глаза этого парня покорили бы любую девушку Семи Королевств, несмотря на синие волосы. Они у него голубые, как у отца, но гораздо темнее — при искусственном свете кажутся черными, на ранней заре лиловыми. И ресницы длинные, женщине впору.

— Чую сало, — сказал он, натягивая сапоги.

— Славное сальце, — отозвалась Изилла. — Садитесь завтракать.

Еду она раздавала на юте — пихала медовые лепешки мальчику и била по рукам Утку, норовящего заграбастать побольше шкварок. Тирион взял себе две лепешки, прослоив их салом, отнес одну Яндри и помог Утке поставить большой треугольный парус. Яндри вел лодку по середине реки, где течение было сильнее всего. Плоскодонное суденышко могло пробраться по самому мелкому из притоков, а под парусом и в хорошей струе делалось быстроходным. В верхнем течении Ройна это может спасти им жизнь, говаривал Яндри.

— Выше Горестей вот уже тысячу лет нет закона.

— И людей тоже, насколько я вижу. — Единственным признаком присутствия человека были заросшие мхом и плющом руины на берегу.

— Не знаешь ты этой реки, Йолло. Пиратская лодка может затаиться в любом ручье, а в руинах беглые рабы прячутся. Охотники редко заходят так далеко на север.

— Всё разнообразие какое-то, черепахи уже надоели. — Тирион, не будучи беглым, не боялся охотников, а пираты вряд ли станут нападать на лодку, идущую вниз по реке. Все

ценные товары привозятся как раз снизу, из Волантиса.

Утка, поев, двинул молодого Гриффа в плечо.

— Пора украситься парочкой синяков. Сегодня мечи, я думаю.

— Мечи? — ухмыльнулся парень. — Отлично.

Тирион помог ему одеться для учебного боя: плотные бриджи, стеганый дублет, помятый стальной панцирь. Сир Ройли напялил свою кольчугу и вареную кожу. Оба надели шлемы, достали из оружейного сундука затупленные мечи и начали молотить друг дружку на юте.

При сражении на палицах или боевых топорах более высокий и сильный сир Ройли имел преимущество, при битве на мечах силы были примерно равны. Щитов бойцы этим утром не взяли и скакали по палубе как ошпаренные, нанося удары и парируя их. Над водой стоял звон. Молодой Грифф чаще попадал в цель, Утка бил сильнее, но вскоре начал уставать, метил ниже и двигался медленнее. Парень, отразив все его выпады, предпринял свирепую атаку и оттеснил сира Ройли назад. На корме они сцепились клинками, и мальчик, ударив Утку плечом, спихнул его в воду.

Тот вынырнул, отплевываясь, ругаясь и требуя вытащить его, пока ему причиндалы не откусили.

— Утки должны лучше плавать. — Тирион бросил рыцарю конец и вместе с Яндри вытянул его обратно на палубу.

— Сейчас поглядим, как плавают карлики. — Сир Ройли сгреб Тириона за шиворот и отправил прямиком в Ройн.

Карлик плавал неплохо и продержался бы на воде долго, если бы ноги не начало сводить судорогой. Молодой Грифф протянул ему шест.

— Ты не первый, кто пытается меня утопить, — сказал Тирион Утке, выливая воду из сапога. — Отец, когда я родился, бросил меня в колодец, но я был до того безобразен, что водяная ведьма, обитавшая там, выплюнула меня обратно. — Он снял второй сапог и прошелся по палубе колесом, обдав всех брызгами.

— Где ты этому научился? — засмеялся молодой Грифф.

— У скоморохов, — соврал Тирион. — Мать любила меня больше других детей, потому что я был таким крохотулькой. До семи лет нянчила меня на руках. Братья возревновали, посадили меня в мешок и продали скоморохам. Когда я хотел убежать, их главный мне оттяпал полноса — поневоле пришлось остаться и научиться смешить народ.

На самом деле кувыркаться и проделывать прочие штуки Тириона в возрасте шести-семи лет научил дядя. Мальчику это ужасно нравилось: он с полгода ходил колесом по отцовскому замку, веселя септонов, оруженосцев и слуг. Даже Серсея пару раз рассмеялась.

Закончилось это в тот день, когда отец приехал из Королевской Гавани. За ужином Тирион удивил своего родителя, пройдясь по высокому столу на руках. Лорду Тайвину это пришлось не по вкусу. «Боги создали тебя карликом, а ты еще и шутом хочешь стать? Ты все-таки лев, а не обезьяна».

«Теперь ты труп, батюшка, и твой сын может выламываться, сколько ему угодно».

— У тебя настоящий дар потешать людей, — сказала септа разутому Тириону. — Благодари Отца Всевышнего — он всех своих детей одаряет.

— Всех, — признал Тирион. «А когда я умру, похороните меня с арбалетом, чтобы я отблагодарил Отца Всевышнего тем же манером, что и земного отца».

Пока Лемора наставляла молодого Гриффа в вопросах веры, он снял мокрое и переоделся в сухое. Утка заржал при виде него — оно и неудивительно. Левая сторона дублета из пурпурного бархата с бронзовыми заклепками, правая из желтой шерсти с вышивкой в мелкий зеленый цветочек. Правая штанина зеленая, левая в полоску, белую с красным. Один из сундуков Иллирио был набит детской одеждой — богатой, но залежалой. Лемора разрезала каждую вещь пополам и сшила разные половинки на манер шутовского наряда. Грифф велел Тириону помогать ей — желая унизить карлика, несомненно, но Тирион любил работать иглой, и общество Леморы было ему приятно, хотя она и одергивала

его, когда он кощунствовал. Если Грифф хочет, чтобы он изображал дурака, Тирион с удовольствием ему подыграет. Вот уж, верно, ужаснется лорд Тайвин в своей загробной обители.

Другое дело, назначенное Тириону Гриффом, было далеко не шутовское: изложить на пергаменте все, что известно ему о драконах. Карлик трудился над этим каждый день, сидя с поджатыми ногами на крыше каюты.

Он много чего прочел в этой области. В основном это были пустые басни, на которые нельзя положиться; книги, которыми снабдил Тириона Иллирио, тоже оставляли желать много лучшего. Хорошо бы иметь валирийскую историю Галендро «Огни великой Республики», но в Вестеросе ни одной полной копии нет. Даже в той, что хранится в Цитадели, недостает двадцати семи свитков — надо будет поискать этот труд в библиотеках Волантиса. Может, он и найдется, если проникнуть за Черные Стены в центре старого города.

А вот «Противоестественная история драконов, змеев и вивернов» септона Барта вряд ли отыщется. Барт был сын кузнеца, ставший королевским десницей при Джейехерисе Умиротворителе, и враги его утверждали, что он больше колдун, чем септон. Бейелор Благословенный, вступив на Железный Трон, повелел уничтожить все писания Барта. Лет десять назад Тириону попал в руки чудом уцелевший отрывок «Истории», но могла ли книга пересечь Узкое море? Еще меньше возможностей заполучить анонимный, страшного содержания том под названием «Кровь и огонь, или Гибель драконов», единственный экземпляр которого будто бы хранится в склепе под Цитаделью.

Когда наверх выполз зевающий Полумейстер, Тирион писал о брачных повадках драконов, на предмет коих взгляды Барта, Манкена и Томакса значительно расходились. Хелдон помочился с кормы в воду, где дробилось яркое солнце, и сообщил:

— Вечером мы должны прийти к устью Нойны, Йолло.

Тирион поднял глаза от пергамента.

— Меня зовут Хутор. Йолло живет у меня в штанах — выпустить его поиграть?

— Лучше не надо, черепах распугаешь. — Улыбка Хелдона остротой не уступала ножу. — Как, бишь, называется улица в Ланниспорте, где ты родился?

— Это переулок, у него нет названия. — Тирион с ехидным удовольствием изобретал подробности пестрой жизни ланниспортского бастарда Хутора Хилла, известного также как Йолло. В хорошей лжи всегда содержится доля правды. Тирион знал, что выговор у него как у западного жителя, притом не простолюдина — значит, Хутор должен быть побочным отпрыском какого-то лорда. Родился он в Ланниспорте, поскольку Тирион знал этот город лучше Староместа и Королевской Гавани; все карлики, даже рожденные на грядке с репой, рано или поздно оказываются в больших городах. В деревне нет скоморохов, зато много колодцев, где очень удобно топить котят, трехголовых телят и таких вот младенцев.

— Все бы тебе, Йолло, пергамент портить, — сказал Полумейстер, завязывая штаны.

— Не всем выпадает счастье быть полумейстерами. — Тирион, отложив перо, размял затекшие пальцы. — Сыграем еще в кайвассу? — Хелдон каждый раз его побивал, зато время пройдет быстрее.

— Вечером. Пойдешь учиться с молодым Гриффом?

— Что ж, кому-то ведь надо тебя поправлять.

На «Робкой деве» было четыре каюты. Изилла и Яндри занимали одну, Грифф с сыном другую, септа Лемора третью, Хелдон четвертую, больше всех. По одной ее стенке тянулись полки с книгами, свитками и пергаментами, вдоль другой помещались зелья, мази, целебные травы. В круглое окошко с волнистым желтым стеклом струился солнечный свет. Мебель состояла из койки, письменного стола, стула, табуретки и столика с деревянными фигурами для кайвассы.

Для начала занялись языками. Молодой Грифф говорил на общем как на родном, бегло владея при этом классическим валирийским, диалектами Пентоса, Тироша, Мира, Лисса и моряцким жаргоном. Волантинский для него, как и для Тириона, был внове; каждый день

оба заучивали несколько новых слов, а Хелдон исправлял их ошибки. Миэринский был потруднее — его при тех же валирийских корнях привили к каркающему наречию Старого Гиса.

— Надо пчелу в нос затолкать, чтоб правильно говорить по-гискарски, — пожаловался Тирион.

Молодой Грифф посмеялся, а Хелдон сказал кратко:

— Еще раз.

— Зззззз, — затянул парень, подняв глаза к потолку. «Слух у него лучше, — признал Тирион, — хотя язык у меня, бьюсь об заклад, все же проворнее».

За языками настала очередь геометрии. Здесь парень не слишком блистал, но Хелдон был терпеливым учителем, а Тирион ему помогал. Когда-то он постигал тайны кругов, квадратов и треугольников с отцовскими мейстерами — и, к собственному удивлению, неплохо помнил эту науку.

Когда перешли к истории, молодой Грифф стал подавать признаки беспокойства.

— Не расскажешь ли Йолло, в чем разница между слоном и тигром? — спросил его Хелдон.

— Волантис — самый древний из Девяти Вольных Городов, старшая дочь Валирии, — затараторил парень. — Полагая себя после Рокового Дня наследниками Республики и полноправными господами мира, волантинцы разошлись в том, каким способом должно быть достигнуто это господство. Старая Кровь стояла за меч, купцы и ростовщики — за торговлю. Впоследствии одни стали называться тиграми, а другие слонами.

Тигры держали первенство около века, считая от Рокового Дня. Им сопутствовала удача: волантинский флот взял Лисс, волантинская армия — Мир. На протяжении двух поколений всеми тремя городами управляли из Черных Стен, но затем тигры попытались захватить Тирош и потерпели крах. Пентос и вестеросский штормовой король поддержали тирошийцев, Браавос дал лиссенийскому изгнаннику сто боевых кораблей, Эйегон Таргариен вылетел с Драконьего Камня на Черном Ужасе, Мир и Лисс подняли восстание. В результате они вернули себе свободу, но Спорные Земли обратились в пустыню. Поражение тигров этим не ограничилось. Посланный в Валирию флот погиб в Дымном море, Квохор и Норвос одержали победу в битве огненных галей на Кинжальном озере, лишив Волантис власти на Ройне. С востока, выметая простолюдинов из хижин и знать из поместий, хлынули дотракийцы; вскоре от Квохорского леса до верховьев Селхору простерлась заросшая, усеянная руинами пустошь. Столетняя война разорила Волантис — густонаселенный прежде город почти обезлюдел. Именно тогда к власти пришли слоны, продолжающие править городом до сего времени. Иногда тиграм удается избрать одного триарха, иногда нет. Слоны остаются в большинстве вот уже три столетия.

— Совершенно верно, — одобрил Хелдон. — Как обстоит дело с нынешними триархами?

— Малакуо — тигр, Ниэссос и Донифос — слоны.

— И какой же урок можем мы извлечь из волантинской истории?

— Если хочешь завоевать мир, надо иметь драконов.

Тирион не удержался от смеха.

После уроков, когда молодой Грифф отправился помогать Яндри, они с Хелдоном сели играть в кайвассу.

— Молодец парень, — сказал Тирион. — Ты хорошо поработал с ним. Он превзошел ученостью половину вестеросских лордов. Языки, история, поэзия, математика — пьянящая смесь для сына простого наемника.

— Книга в верных руках опасна не меньше меча. Постарайся на этот раз продержаться подольше, Йолло. Играешь ты столь же плохо, как кувыркаешься.

— Я пытаюсь усыпить твою бдительность, — сказал Тирион, расставляя фигуры за перегораживающей доску небольшой ширмой. — Ты думаешь, что учишь меня играть, но не все обстоит так, как нам думается. Что, если я уже выучился у торговца сырами?

— Иллирио не играет в кайвассу.

«Верно. Он играет в престолы. Ты, Грифф и Утка — всего лишь фигуры, которые он двигает по своему усмотрению. И жертвует ими, как пожертвовал Визерисом».

— Значит, это целиком твоя вина, что я плохо играю.

— Йолло, я буду скучать, когда пираты тебя зарежут, — хмыкнул Полумейстер.

— Где ж они, твои пираты? Я начинаю думать, что вы с Иллирио их попросту выдумали.

— Больше всего их между Ар Ной и Горестями. Руинами Ар Ной владеют квохорцы, ниже Горестей реку стерегут галеи Волантиса, но между этими городами никакой власти нет, вот пираты и пользуются. На Кинжальном озере полно островов, где они прячутся в гротах и тайных фортах. Ну что, готов?

— Сразиться с тобой — безусловно, с пиратами — вряд ли.

Хелдон убрал ширму, и оба игрока изучили позицию неприятеля.

— Кое-чему ты все-таки научился, — сказал Полумейстер.

Тирион взялся было за дракона, но передумал. В прошлый раз он ввел его в игру слишком скоро, и требушет его съел.

— Если мы все же встретим этих знаменитых пиратов, я к ним, пожалуй, примкну. Назовусь Хутором Полумейстером. — С этими словами карлик двинул своего легкого коня к горам Хелдона.

Тот сделал ход слоном.

— Хутор Полоумный подойдет тебе лучше.

— Мне и половины ума хватит, чтоб с тобой справиться. — Тирион послал тяжелого коня поддержать легкого. — Не хочешь поспорить, кто выиграет?

— Смотря на сколько, — выгнул бровь Полумейстер.

— Денег у меня нет, но на секреты спорить могу.

— Грифф мне язык отрежет.

— Струсил, да? Я бы тоже трусил на твоем месте.

— Скорей черепаха вылезет из моей задницы, чем ты меня победишь. — Хелдон пошел копьями. — Будь по-твоему: спорим.

Тирион протянул руку к дракону.

Три часа спустя он наконец вышел на палубу за малой нуждой. Утка помогал Яндри спустить парус, Изилла правила. Солнце стояло над самыми тростниками у западного берега, ветер набирал силу. Тирион чувствовал, что ему будет плохо, если он не выпьет вина, желательно целый мех. Ноги совсем отнялись от долгого сидения на табуретке, в голове стоял звон — как бы за борт не рухнуть.

— А Хелдон где, Йолло? — спросил его Утка.

— В постель слег. Неможется ему, черепахи из задницы лезут. — Оставив рыцаря размышлять над этой загадкой, Тирион взобрался на крышу. На востоке за скалистым островком густел мрак.

— Чуешь бурю, Хутор Хилл? — окликнула его септа Лемора. — Впереди Кинжальное озеро, где пираты так и кишат, а еще дальше — Горести.

«Только не мои, — заметил про себя Тирион. — Свои я ношу с собой. Куда все-таки отправляются шлюхи — может, в Волантис?» Он может найти Тишу там: человек должен на что-то надеяться. Что он ей скажет при встрече? «Прости, что позволил надругаться над тобой, милая. Я думал, ты шлюха. Найдешь ли ты в себе силы простить меня? Я так хочу снова вернуться в наш домик, где мы с тобой жили как муж и жена».

Островок исчезал вдали. На восточном берегу стояли руины: покосившиеся стены, рухнувшие башни, проломленные купола, ряды гнилых деревянных колонн. Улицы, забитые илом, поросли лиловым мхом. Еще один мертвый город, раз в десять больше Гойан Дроэ. Теперь здесь живут черепахи, громадные костохрясты — вон они, греются на вечернем солнце, бурые и черные бугорки с зубчатыми хребтами посередине панциря. Некоторые при виде лодки плюхались в воду, поднимая волну. В этом месте купаться не стоило.

За полузатопленными деревьями и протоками былых улиц искрилось живое серебро. Еще одна река, приток Ройна. Разрушенные стены становились все выше: город сужался к мысу, где стоял колоссальный дворец из розового и зеленого мрамора, с куполами, обвалившимися шпилями и крытыми галереями. Черепахи спали на пристани, у которой могло поместиться с пятьдесят кораблей. Дворец Нимерии, догадался Тирион. Эти руины были когда-то Най Сар, ее городом.

— Йолло! — крикнул Яндри. — Ты говорил, что в Вестеросе есть такие же широкие реки?

— Я ошибался, — признал Тирион. — Все реки там наполовину уже, чем эта. — Новый приток почти не уступал шириной Ройну и вполне мог сравниться с Мандером и Трезубцем.

— Это Най Сар, где великий отец принимает свою буйную дочь Нойну, — стал объяснять Яндри, — но после встречи с другими дочками Ройн станет еще шире. У Кинжального озера к нему придет Квойна, смуглая дочь: из Акса она несет золото и янтарь, из Квохорского леса сосновые шишки. Чуть дальше к югу отец встречает Лорулу, веселую дочь с Золотых Полей. В том месте некогда стоял Кройян, праздничный город с водяными улицами и домами из золота. Потом, много лиг спустя, прокрадывается с юго-востока Селхору, робкая дочь, извилистая и скрытная. После этого Ройн разливается так, что с середины его берегов не видно. Сам убедишься, дружок.

Не сомневаясь в этом, Тирион заметил крупную зыбь ярдах в шести от лодки. Он хотел уже показать на нее Леморе, и тут «Деву» начало валять с борта на борт.

На поверхность всплыла рогатая черепаха невероятной величины. Зеленый панцирь с бурыми пятнами оброс водяным мхом и черными раковинами. Рептилия подняла голову и взревела громче всех боевых рогов, когда-либо слышанных Тирионом.

— Он благословил нас! — вскричала, заливаясь слезами, Изилла. — Благословил!

Утка вопил во всю мочь, молодой Грифф тоже. Хелдон опоздал: когда он вышел, гигантское создание опять скрылось в речных глубинах.

— Что за шум? — спросил Полумейстер.

— Черепаха, — сказал Тирион. — Больше, чем наша лодка.

— Это был он! — вмешался взволнованный Яндри. — Речной Старец!

«Почему бы и нет, — мысленно улыбнулся карлик. — Какие только чудеса не сопутствуют рождению королей».

ДАВОС

«Веселая повитуха» вошла в Белую Гавань тихо, с вечерним приливом. Залатанный парус колыхался при каждом порыве ветра. Старый когг даже в молодости не блистал красотой. На носу у него смеющаяся женщина держала за ножку младенца, но черви сильно источили ее щеки и ребячий задок. Корпус покрывали бесчисленные слои унылой коричневой краски, серые паруса истрепались. Взглядов «Повитуха» не привлекала — разве что кто-то полюбопытствовал бы, как это судно держится на воде, — но в порту хорошо ее знали: уже много лет она ходила между Систертоном и Белой Гаванью.

Не так представлял Давос Сиворт свое прибытие, отправляясь сюда с флотом Саллы. Тогда все казалось проще. Белая Гавань не прислала ворона с присягой на верность, поэтому король Станнис отправляет посла для личных переговоров с Мандерли, лордом этого города. Сам посол идет на галее «Валирийка», следом — полосатые корабли лиссенийского флота: черные с желтым, розовые с голубым, зеленые с белым, пурпурные с золотом. Лиссенийцы любят яркие краски, а Салладор Саан пуще всех. Так было, но затяжной шторм все поменял.

В теперешнем своем положении Давос прокрадывается в город на манер контрабандиста, как двадцать лет назад. Пока он не разберется, что здесь к чему, лучше выдавать себя за простого матроса и не говорить, что ты лорд.

На восточном берегу, где входит в залив Белый Нож, вздымались городские стены из белого камня. За те шесть лет, что Давос здесь не бывал, в городе кое-что изменилось. На

молу, отделяющем внутреннюю гавань от внешней, воздвигли стену тридцатифутовой вышины чуть ли не в милю длиной, с башнями через каждые сотню ярдов. С Тюленьей Скалы, где раньше были одни развалины, поднимался дымок. К добру это или к худу? Зависит от того, чью сторону примет лорд Виман.

Давос полюбил этот город с тех пор, как впервые пришел сюда юнгой на «Бродячей кошке». По сравнению с Королевской Гаванью и Староместом он невелик, зато всюду чистота и порядок. Вымощенные булыжником улицы широкие и прямые, никто не заблудится. Дома белые, с крутыми крышами из темно-серого грифеля. Роро Угорис, старый шкипер «Кошки», говорил, что может отличить один порт от другого по одному только запаху. Города как женщины, уверял он, каждая пахнет по-своему. Старомест благоухает, как надушенная вдова, Ланниспорт пахнет землей, свежестью и дымком, как молодая крестьянка, Королевская Гавань воняет, как немытая шлюха, но Белая… она пахнет только морем, как подобает русалке. Солью и рыбой.

Она и теперь так пахла, но к запаху моря примешивался торфяной дым с Тюленьей Скалы. Серо-зеленый утес, вставая на пятьдесят футов над водами, сторожит внешнюю гавань. Его вершину венчает каменный круг, укрепление Первых Людей; много веков там не было ни души, но сейчас Давос видел между камнями скорпионы, огнеметы и арбалетчиков. Холодно там, не иначе, сыро. Раньше на камнях внизу всегда грелись тюлени. Слепой Бастард каждый раз заставлял считать их, когда «Кошка» покидала Белую Гавань: чем больше тюленей, тем удачнее путь. Теперь тюленей нет — дым и солдаты их распугали. Умный человек сразу замечает такие знаки. Будь у Давоса ума хоть на грош, он бы остался с Саллой. Вернулся бы на юг, к Марии и сыновьям. Четверо старших погибли на королевской службе, пятый в оруженосцах у короля. Он вправе вырастить хотя бы тех двоих, которых ему оставили. Давно уж он их не видел.

Черные братья в Восточном Дозоре говорили ему, что Мандерли из Белой Гавани и Болтоны из Дредфорта недолюбливают друг друга. Железный Трон сделал Русе Болтона Хранителем Севера, поэтому лорд Виман вполне способен перейти к Станнису. В одиночку город не выстоит: ему требуются союзники. Лорд Мандерли нуждается в Станнисе не меньше, чем Станнис в нем — так по крайней мере полагали в Восточном Дозоре.

В Систертоне эта надежда сошла на нет. Мандерли, если верить лорду Боррелу, намерены объединиться с Болтонами и Фреями. Об этом лучше не думать. Скоро он и так узнает всю правду — лишь бы не слишком поздно.

На «Повитухе» спустили парус. Новый мол полностью скрывал внутреннюю гавань. Внешняя больше, но стоять предпочтительнее внутри: с одной стороны там защищает городская стена, с другой — Волчье Логово, а теперь и мол с третьей. Коттер Пайк в Восточном Дозоре говорил Давосу, что лорд Виман строит боевые галеи. За стеной на молу можно спрятать не меньше двадцати кораблей; как только будет отдан приказ, они выйдут в море.

За белыми стенами гордо высится на холме Новый Замок, а вон там купол Снежной Септы, окруженный изваяниями Семерых. Мандерли, когда их изгнали с Простора, принесли свою веру на Север. Есть в Белой Гавани и богороща, чащоба, замкнутая черными стенами Волчьего Логова — эта древняя крепость теперь служит только тюрьмой, — но власть септонов намного больше.

Водяной дома Мандерли реет повсюду — на башнях замка, над Тюленьими воротами, на городских стенах. В Восточном Дозоре уверяли, что Белая Гавань Винтерфеллу никогда не изменит, но Давос нигде не видел ни лютоволка Старков, ни льва. Лорд Виман еще не присягнул Томмену, иначе непременно поднял бы королевский штандарт.

У причалов не протолкнуться. Мелкие лодки разгружают улов около рыбного рынка; чуть дальше видны три длинные речные ладьи, доблестно одолевающие пороги и стремнины на Белом Ноже. Давоса, впрочем, больше занимали морские суда: пара каррак, столь же невидных и потрепанных, как «Повитуха», торговая галея «Дитя бури», когги «Храбрый магистр» и «Рог изобилия», приметный галеон из Браавоса с пурпурным корпусом и такими

же парусами… и стоящий за ними военный корабль.

Давоса точно ножом пронзили. Корпус черный с золотом, на носу лев с поднятой лапой. На корме значится «Львиная звезда», на мачте развевается флаг с гербом малолетнего короля. Год назад Давос не сумел бы прочесть эту надпись, но мейстер Пилос с Драконьего Камня обучил его азбуке. Чтение в кои веки доставило Давосу толику удовольствия. На пути сюда он молился, чтобы эта галея тоже попала в шторм, разметавший форт Саллы, но боги распорядились иначе. Фреи здесь, и ему придется с ними столкнуться.

«Веселая повитуха» встала у деревянной пристани во внешней гавани, далеко от «Львиной звезды». Пока матросы закрепляли концы и опускали сходни, к Давосу подошел капитан Кассо Могат, метис Узкого моря, рожденный систертонской шлюхой от иббенийского китобоя. Волосатый, всего пяти футов ростом, он красил шевелюру и баки в цвет зеленого мха и потому смахивал на пенек, обутый в желтые сапоги. Моряк он вопреки внешности был хороший, но с командой обращался сурово.

— Как долго вы намерены задержаться на берегу? — спросил он.

— Не меньше суток. Возможно, и дольше. — Лорды, как известно, любят хорошенько потомить человека, чтобы власть свою показать.

— «Повитуха» здесь пробудет три дня, никак не больше. Нас ждут в Систертоне.

— Если все сложится хорошо, к утру буду тут.

— А если плохо?

В таком разе он может вообще не вернуться.

— Тогда не ждите меня.

Двое таможенников, всходивших по сходням навстречу Давосу, на него даже и не взглянули. Им нужен был капитан и то, что лежало в трюме; простые матросы их не касались, а Давос выглядел проще некуда. Обветренное мужицкое лицо, борода с проседью, волосы как соль с перцем и одежда под стать: старые сапоги, бриджи бурые, камзол синий, накидка из некрашеной шерсти застегнута деревянной пряжкой. Просоленные кожаные перчатки прятали когда-то укороченные Станнисом пальцы. Никто не скажет, что Давос — лорд, тем более королевский десница. Оно и к лучшему. Сперва надо разведать, как тут у них дела.

Он прошел через рыбный торг. На «Храброго магистра» грузили мед: бочки по четыре в вышину громоздились на пристани, трое матросов, укрывшись за ними, метали кости. Торговки кричали, предлагая свежий улов, старый медведь плясал в кругу речников под барабан, в который бил мальчик. Тюленьи ворота охраняли двое копейщиков с эмблемой дома Мандерли на груди; они любезничали с портовой шлюхой и не обратили на Давоса никакого внимания. Ворота были открыты, решетка поднята; он влился в толпу и скоро вышел на мощеную площадь с фонтаном.

Из воды вставал каменный водяной двадцати футов ростом от хвоста до короны. Его курчавая борода позеленела и обросла лишайником, один из зубцов трезубца сломали еще до рождения Давоса, однако морской царь умудрялся сохранять грозный вид. Местные жители прозвали его Стариной Хвостоногом, а площадь, официально носившая имя какого-то покойного лорда, именовалась в народе не иначе как Хвостоноговой.

Сегодня здесь было людно. Женщина стирала в фонтане бельишко и развешивала его на трезубце. Под крытой колоннадой разместились писцы, менялы, маг, травница и очень неважный жонглер. Тут же рядом продавались яблоки и селедка с луком. Куры и дети путались под ногами. Огромные, окованные железом дубовые двери монетного двора, всегда закрытые прежде, были открыты. Внутри виднелись сотни женщин, стариков и детей. Они сидели на полу, подстелив меховые шкуры, и готовили еду на кострах.

Купив за полушку яблоко, Давос спросил у торговца:

— Что это за люди на монетном дворе?

— Большей частью крестьяне с верховьев Ножа. Люди Хорнвуда тоже. Прибежали сюда от бастарда этого, Болтона. Не знаю уж, куда его милость их денет. У многих только и добра, что на них.

Давос ощутил укол совести. Они ищут укрытия здесь, в мирном городе, а он хочет снова втянуть их в войну. Он надкусил яблоко, и совесть снова подала голос.

— А еду они где берут?

— Которые воруют, которые попрошайничают, — пожал плечами торговец. — Девки молодые собой приторговывают. Парню выше пяти футов, коли он умеет держать копье, найдется место в казармах милорда.

Стало быть, Мандерли набирает солдат… к добру или к худу. Яблоко было вялое, но Давос упорно жевал его.

— Не хочет ли лорд Виман примкнуть к бастарду?

— Как придет его милость ко мне за яблочком, непременно его спрошу.

— Я слыхал, его дочка выходит за какого-то Фрея.

— Внучка. Я тоже слыхал, только на свадьбу меня пригласить позабыли. Доел, что ли? Давай кочерыжку, мне семечки пригодятся.

Давос кинул торговцу огрызок. Стоило потратить полушку, чтобы узнать, что Мандерли берет ополченцев. Девушка у фонтана продавала козье молоко в чашках. Давос начинал вспоминать: в том переулке, куда Хвостоног указывает трезубцем, продается вкусная треска с поджаристой корочкой. Вон там бордель, почище многих других: там можно взять женщину, не боясь, что тебя ограбят или убьют. В другой стороне, в одном из тех домиков, что лепятся к Волчьему Логову как ракушки к кораблю, раньше варили темное пиво, густое и славное; в Браавосе и Порт-Иббене за него давали как за борское золотое, если местные оставляли пивовару что-то на вывоз.

Сейчас, однако, Давосу требовалось вино, кислое до оскомины. На той стороне площади, под складом, где хранились овчины, был погребок. Он назывался «Ленивый уторь» и в контрабандные дни Давоса предлагал самых старых шлюх и самое мерзкое вино в Белой Гавани наряду с тухлыми пирогами: в лучшем случае несъедобно, в худшем отрава. Местные, что вполне понятно, далеко обходили это заведение, предоставляя его морякам. Городских стражников и таможенников в «Угре» испокон веков не бывало.

В этом подвальчике время будто остановилось. Тот же закопченный потолок, земляной пол, те же запахи дыма, тухлятины и блевотины. Толстые сальные свечки на столах не столько светили, сколько чадили, делая заказанное Давосом вино скорее бурым, чем красным. У дверей выпивали четыре девки. Когда Давос оставил без ответа улыбку одной из них, они посмеялись между собой и больше на него не смотрели.

Кроме них и хозяина, в «Угре» не было никого. Давос забрал вино в укромный уголок, которыми изобиловал «Угорь», и сел спиной к стенке.

Скоро он поймал себя на том, что смотрит в очаг. Красная женщина способна видеть в пламени будущее, но Давосу огонь показывал только прошлое: горящие корабли, цепь поперек реки, зеленые блики на пасмурном небе и над всем этим — Красный Замок. Давос Сиворт простой человек, не провидец. Подняться ему помогли случай, война и Станнис.

Почему боги забрали четверых его сыновей, молодых и крепких, а пожилого отца оставили? «Для того, чтобы я спас Эдрика Шторма», — думал иногда Давос в бессонные ночи… но теперь бастард короля Роберта в безопасности на Ступенях, а он все еще жив. Может, боги еще чего-то хотят от него? Именно здесь, в Белой Гавани? Давос пригубил вино и вылил себе под ноги половину.

На улице темнело, и погребок начинал заполняться. Давос спросил еще чашу. Хозяин вместе с вином принес и свечу.

— Может, закусить хочешь? Есть пироги с мясом.

— С каким?

— Мясо как мясо. Хорошее.

— Серое, он хочет сказать, — засмеялась одна из шлюх.

— Заткни пасть. Сама-то небось жрешь.

— Мало ли какое дерьмо я ем — это еще не значит, что оно мне по вкусу.

Как только хозяин отошел, Давос задул свечу. Нет на свете больших сплетников, чем

моряки за чашей вина, даже такого гадкого. Знай только слушай.

Почти все, о чем говорилось здесь, он уже слышал в Систертоне от лорда Годрика и завсегдатаев «Китового брюха». Тайвина Ланнистера убил родной сын, карлик. Покойник так смердел, что потом никто долго не мог войти в Великую Септу. Леди Орлиного Гнезда убита певцом; теперь Долиной правит Мизинец, но Бронзовый Джон Ройс поклялся свергнуть его. Бейлон Грейджой тоже умер, и его братья борются за Морской Трон. Сандор Клиган разбойничает на речных землях. Мир, Лисс и Тирош снова завязали войну. На востоке взбунтовались рабы.

Были и другие вести, более любопытные. Роберт Гловер пытается сколотить себе войско в городе, но без особых успехов: лорд Мандерли глух к его мольбам. Белой Гавани надоело воевать, будто бы говорит его милость. Плохи дела. Рисвеллы с Дастинами сожгли ладьи Железных Людей на Горячке — это еще хуже. Бастард Болтонский с Хозером Амбером едут на юг, чтобы помочь этим двум домам взять Ров Кейлин.

— Смерть Шлюхам собственной персоной, — говорил речник, только что доставивший с Белого Ножа шкуры и лес. — При нем триста копейщиков и сто лучников. Люди Хорнвуда и Сервина тоже идут с ним.

Хуже ничего не придумаешь.

— Лорду Виману также следует послать кого-нибудь на войну для своего же блага, — заметил старик на торце стола. — Лорд Русе теперь Хранитель — честь обязывает Белую Гавань откликнуться на его зов.

— Можно подумать, Болтоны знают что-то о чести, — встрял хозяин, подливая всем своего бурого вина.

— Лорд Виман никуда не пойдет. Больно жирен.

— Он хворает. Только и делает, что плачет да спит, с постели подняться не может.

— С жиру все это.

— Жир тут ни при чем, — заявил хозяин. — Львы держат в плену его сына.

О короле Станнисе никто и не заикался. Никто, похоже, не знал, что его величество пришел на Север, чтобы защищать Стену. В Восточном Дозоре только и разговору, что об одичалых, великанах и упырях, а здесь обо всем этом и думать не думают.

Давос подался вперед, нарушив свою невидимость.

— Я думал, его сына убили Фреи. Мы в Систертоне так слышали.

— Это сир Вендел убит, — пояснил хозяин. — Его кости покоятся в Снежной Септе в окружении многих свечей — можешь сам поглядеть. А сир Вилис пока в плену.

Все хуже и хуже. Давос знал, что у лорда два сына, но думал, что оба они мертвы. Если Железный Трон держит в заложниках одного… Давос, сам потерявший четырех сыновей, выполнил бы любое требование богов и людей, лишь бы уберечь трех оставшихся. Стеффон и Станнис за тысячу лиг от войны, но Деван в Черном Замке, при короле, чей успех или провал зависит от Белой Гавани.

Разговор тем временем зашел о драконах.

— Да вы, никак, спятили, — говорил гребец с галеи «Дитя бури». — Короля-Попрошайки давно уж на свете нет — какой-то лошадиный лорд отрубил ему голову.

— Да, по слухам — но слухи могут и лгать, — возразил старик. — Умер он на другом краю света, если впрямь умер. Может, ему выгодно, чтоб его мертвым считали. Тела его никто не видал.

— Джоффри и Роберта я тоже не видел мертвыми, — заспорил хозяин, — по-твоему, и они живы? Может, и Бейелор Благословенный только вздремнул на пару веков?

— Принц Визерис не единственный дракон, так ведь? — уперся старик. — Сына принца Рейегара тоже вроде бы убили в младенчестве, а на деле — кто знает.

— Там вроде и принцесса была? — вмешалась шлюха, критиковавшая мясо.

— Даже две, — подтвердил старик. — Одна дочь Рейегара, другая сестра.

— Сестру Дейеной звали, — вспомнил речник. — С Драконьего Камня. Или Дейерой?

— Дейена была женой старого короля Бейелора, — сказал гребец. — Я греб на корабле,

который назывался «Принцесса Дейена».

— Королевская жена — не принцесса, а королева.

— Так он не жил с ней. Святой был.

— Он на сестре женился, — внесла ясность шлюха, — только спать с ней не спал. Став королем, он ее запер в башне еще с двумя сестрами.

— Дейенела, вот как ее звали, — сказал хозяин. — Дочь Безумного Короля то есть, не жену Бейелора.

— Дейенерис, — поправил Давос. — В честь Дейенерис, которая вышла за принца Дорнийского при Дейероне Втором. Не знаю только, что с ней сталось потом.

— Я знаю, — сказал тот, кто и начал весь разговор — браавосский гребец в темной шерстяной куртке. — В Пентосе мы стояли рядом с галеей «Черноглазка», так вот ихний юнга за выпивкой рассказал про девчоночку, которую видел в Кварте. Она хотела, чтобы они отвезли в Вестерос ее и трех драконов в придачу. Волосы у нее были серебряные, глаза фиолетовые. Тот юнга сам ее водил к капитану, только шкипер не захотел. Я, сказал, лучше возьму шафран и гвоздику — они по крайности паруса не спалят.

Все заржали, только Давос не стал смеяться, зная о судьбе «Черноглазки». Боги жестоки: позволяют человеку пройти невредимым полсвета, а у самого дома посылают на ложный огонь. «Тот капитан был посмелее меня», — думал, идя к выходу, Давос. Совершив одно путешествие на восток, можешь до конца дней жить как лорд. В юности Давос сам мечтал о таком путешествии, но годы промчались мимо, а он так и не выбрался. Ничего, все еще впереди. Война кончится, король Станнис взойдет на Железный Трон, и у него отпадет нужда в луковых рыцарях. Тогда Давос возьмет с собой Девана… Стеффа и Станни тоже, если подрастут к тому времени… и они своими глазами увидят драконов и прочие чудеса.

Ветер на улице окреп и колебал огни масляных фонарей на площади, но по сравнению с Восточным Дозором, где ветер со Стены пробирает насквозь самый теплый плащ, здесь было тепло как в бане.

Имелись и другие места для подслушивания чужих разговоров: гостиница, знаменитая рыбными пирогами, пивная, посещаемая таможенниками и торговцами шерстью, балаган, где за пару грошей показывали всякое непотребство. Давос, однако, полагал, что слышал достаточно. Слишком поздно он добрался до Белой Гавани. Рука по старой привычке потянулась к груди, к ладанке с косточками отрубленных пальцев, но там ничего не было. Он потерял свою удачу на Черноводной, вместе с сыновьями и кораблем.

Что же ему делать теперь? Он поплотнее запахнулся в накидку. Явиться к воротам Нового Замка с напрасной просьбой? Вернуться в Систертон, а там и домой, к Марии и мальчикам? Купить коня, приехать по Королевскому тракту к Станнису и сказать, что в Белой Гавани у короля нет ни друзей, ни надежды?

В ночь перед отплытием королева Селиса устроила пир для Саллы и его капитанов. Там присутствовал Коттер Пайк и еще четверо высших офицеров Восточного Дозора, принцессу Ширен тоже допустили за стол. Когда подали лосося, сир Акселл Флорент рассказал историю об одном из таргариенских принцев. Тот держал у себя обезьяну, одевал ее в платье покойного сына, выдавал за свое дитя и время от времени сватал зверю невест. Лорды, которым оказывалась подобная честь, отказывали учтиво, но твердо. «Обезьяна, даже разодетая в шелк и бархат, так и останется обезьяной, — вывел мораль сир Акселл. — Будь принц поумнее, он понял бы, что с человечьими делами она не справится». Люди королевы смеялись, поглядывая на Давоса. «Я-то не обезьяна, — хотелось сказать ему. — Я такой же лорд, как и вы, еще получше вас буду», — но память об этом жалила его до сих пор.

Тюленьи ворота уже заперли на ночь — на «Повитуху» можно будет вернуться не раньше, чем рассветет. «Я прошел сквозь непогоду и шторм, — сказал себе Давос, глядя на Старину Хвостонога. — Я не вернусь, не исполнив задуманного, каким бы безнадежным это ни представлялось». Пальцы он потерял и талисман тоже, но он не обезьяна в шелках. Он королевский десница.

Широкая ступенчатая улица под названием Замковая вела от Волчьего Логова на холм,

к Новому Замку. Мраморные русалки с чашами горящего китового жира освещали Давосу путь. С вершины видны были обе гавани: во внутренней за стеной волнолома стояли бок о бок военные галеи. Давос насчитал двадцать три: лорд Виман при всей своей толщине явно не сидел сложа руки.

Ворота Нового Замка были закрыты, но часовой открыл калитку на оклик Давоса и спросил, что ему надо. Давос предъявил королевские печати на черной с золотом ленте.

— Мне нужно срочно увидеться с лордом Мандерли. Наедине.

ДЕЙЕНЕРИС

Гладко выбритые, намасленные танцовщики перекидывались горящими факелами под бой барабанов и переливы флейт. Когда два факела скрещивались, между ними, кружась, перелетала нагая девушка. Блестели руки, груди и ягодицы.

Все трое плясунов были возбуждены. Их пыл заражал Дени, но и смешил. Все они одного роста, длинноногие, с плоскими животами, каждый мускул точно из камня вырублен. Даже лица у них похожи, хотя это странно: один из них черен как сажа, другой бледен как молоко, у третьего кожа медная.

Они призваны воспламенить ее, можно не сомневаться. Безупречные в острых шапках стояли как статуи вдоль колонн, полноценные мужчины вели себя не столь сдержанно. Резнак мо Резнак приоткрыл влажные губы, Гиздар зо Лорак разговаривал с соседом, не сводя глаз с танцовщиц. Лысый был суров, как всегда, но не упускал ничего.

Мечты и желания почетного гостя, сидящего с Дени за высоким столом, разгадать было не столь легко. Белокожий, с блестящим черепом, одетый в парчу и багряный шелк, он ел фигу, надкусывая ее понемногу. Вдоль ястребиного носа Ксаро Ксоана Даксоса сверкали опалы.

Ради него Дени облачилась в квартийский наряд — платье из лилового шелка, обнажающее левую грудь. Ее серебряные с золотом волосы падали почти до соска. Многие мужчины украдкой бросали на нее взгляды, только не Ксаро. То же самое было и в Кварте: таким способом магната ей не пронять, но какой-то ключик к нему подобрать все же надо. Он пришел из Кварта на «Шелковом облаке» и привел с собой еще тринадцать галей, не иначе в ответ на ее молитвы. Миэринская торговля совсем захирела с тех пор, как она отменила рабство, но Ксаро вполне способен ее возродить.

Барабаны забили громче, и три девушки перескочили через огонь. Танцовщики ловили их за талии и насаживали на свои члены, девушки выгибались и обнимали мужчин ногами. Флейты рыдали, тела юношей двигались в такт. Дени уже доводилось видеть такое: дотракийцы совокуплялись столь же открыто, как их кобылы и жеребцы, но похоть, положенную на музыку, она наблюдала впервые.

Щеки у нее пылали — от вина, конечно же от вина, мысли возвращались к Даарио Нахарису. Утром он прислал к ней гонца: Вороны-Буревестники возвращаются из Лхазарина. Ее капитан завязал дружбу с овечьим народом. Наладится обмен, минует угроза голода. Даарио не подвел ее в настоящем и не подведет в будущем. Поможет ей спасти город. Королеве не терпелось увидеть его, погладить троезубую бороду, рассказать о своих заботах… но Вороны-Буревестники пока еще далеко, за Хизайским перевалом, а государством приходится управлять каждый день.

Дым повис меж пурпурных колонн. Танцовщики, пав на колени, склонили головы.

— Великолепно, — сказала им Дени. — Такая красота и грация — редкое зрелище. — По ее знаку подошел сенешаль с каплями пота на лысой морщинистой голове. — Проводи наших гостей в баню, чтобы они освежились. Принеси им еды и питья.

— Почту за честь, ваше великолепие.

Дени подставила Ирри чашу. Вино, сладкое и крепкое, отдавало восточными пряностями — не то что гискарская кислятина, которую приходилось пить последнее время. Ксаро, обозрев фрукты на поданном Чхику блюде, выбрал хурму такого же цвета, как коралл

у него в носу, надкусил, поджал губы:

— Вяжет.

— Не взять ли милорду что-то послаще?

— Сладкое приедается, но терпкие фрукты и терпкие женщины придают жизни вкус. Дейенерис, королева моя, не могу выразить, как приятно мне снова погреться в твоих лучах. Из Кварта отплывала девочка, растерянное дитя. Я боялся, что она плывет навстречу своей погибели, и вот я вижу ее на троне, владычицей древнего города и предводительницей войска, рожденного из ее мечты.

«Из огня и крови», — мысленно поправила Дени.

— Я рада, что ты приехал. Рада видеть тебя вновь, друг мой. — Доверять ему она не намерена, но ей нужны его Тринадцать, его товары, его корабли.

Работорговля веками держалась на трех родственных городах — Астапоре, Юнкае и Миэрине. Дотракийские кхалы и корсары с островов Василиска свозили сюда своих пленников, а весь прочий мир съезжался их покупать. Помимо рабов Миэрину предложить почти нечего. В гискарских холмах много меди, но этот металл стал далеко не столь ценным, как в бронзовый век. Кедры, некогда росшие здесь, вырублены Старой Империей или выжжены драконьим огнем во времена войны Гиса с Валирией. Почва, защищенная прежде кедровыми лесами, печется на солнце и уносится прочь тучами красной пыли. «Именно эти бедствия превратили моих сограждан в работорговцев», — говорила Дени Галацца Галар в Храме Благодати. «Ну, а я — то бедствие, которое превратит работорговцев обратно в людей», — поклялась себе Дени.

— Я не мог не приехать, — томно произнес Ксаро. — Даже в Кварт долетают страшные вести — я рыдал, слыша их. Говорят, что твои враги обещают богатство, славу и сто рабынь-девственниц тому, кто убьет тебя.

— Да. Сыны Гарпии. — «Откуда он о них знает?» — Ночью они рисуют кровью на стенах и режут во сне честных вольноотпущенников, а с восходом солнца прячутся как тараканы, боясь моих Бронзовых Бестий. — Скахаз мо Кандак по ее приказу учредил новую стражу из равного числа вольноотпущенников и бритоголовых миэринцев. Они расхаживали по улицам днем и ночью в темных капюшонах и бронзовых масках. Сыны Гарпии сулили лютую смерть всем предателям, служащим королеве драконов, а также их семьям, поэтому лысые скрывались под личинами сов, шакалов и прочих хищников. — Я боялась бы этих Сынов лишь в том случае, если б вышла на улицу ночью одна, нагая и безоружная. Это скопище трусов.

— Трус может вонзить в королеву нож не хуже героя. Я спал бы спокойнее, зная, что отраду моего сердца по-прежнему охраняют злые табунщики. В Кварте тебя никогда не покидали три кровных всадника — где же они?

— Агго, Чхого и Ракхаро по-прежнему служат мне. — Ксаро ведет с ней какую-то игру — что ж, Дени ему подыграет. — Я совсем еще юна и мало смыслю в таких вещах, но люди старше и мудрее меня говорят так: чтобы удержать Миэрин, мало овладеть побережьем — я должна углубиться на запад от Лхазарина к югу, до самых Юнкайских холмов.

— Меня заботят не твои земли, а ты сама. Если с тобой что-то случится, жизнь утратит для меня всякий вкус.

— Благодарю за твою заботу, милорд, но меня хорошо охраняют. — Дени показала на Барристана Селми, державшего руку на эфесе меча. — Его имя Барристан Смелый. Он дважды спасал меня от наемных убийц.

Ксаро бросил на него беглый взгляд.

— Ты, верно, хотела сказать «Барристан Старый»? Твой рыцарь-медведь моложе и был предан тебе.

— Я не хочу говорить о Джорахе Мормонте.

— Вполне понятно — стоит лишь вспомнить этого волосатого дикаря. — Ксаро наклонился к Дени. — Поговорим лучше о любви, о мечтах и желаниях. О прекрасной Дейенерис, пьянящей меня одним своим видом.

— Тебя опьянило вино, — ответила Дени, привычная к преувеличенным любезностям Кварта.

— Никакое вино не пьянит так, как твоя красота. Мой дом стал похож на гробницу с тех пор, как уехала Дейенерис, и все удовольствия Короля Городов оставляют во рту вкус пепла. Зачем ты меня оставила?

Вот так вопрос. Она тогда опасалась за свою жизнь!

— Так нужно было. Кварт не хотел больше давать мне приют.

— Ты о Чистокровных? В их жилах течет вода, а не кровь, у всей Гильдии Пряностей сыворотка вместо мозгов, а Бессмертные все мертвы. Ты должна была заключить брак со мной. Я уверен, что предлагал тебе руку и даже молил о согласии.

— Раз пятьдесят, — поддразнила Дени. — Ты слишком скоро сдался, милорд. Все сходятся на том, что я должна выйти замуж.

— У кхалиси должен быть кхал, — вставила Ирри, подливая Дени вина. — Это все знают.

— Быть может, мне попросить еще раз? О, как я знаю эту улыбку. Жестокая королева играет в кости мужскими сердцами. Ничтожные купцы вроде меня — всего лишь булыжник под твоими золотыми сандалиями. — Одинокая слеза скатилась по бледной щеке магната.

Дени знала его слишком хорошо и потому не растрогалась. Квартийские мужчины способны лить слезы, когда только захотят.

— Перестань. — Она взяла из вазы вишню и бросила ему в нос. — Я, конечно, юна, но не так глупа, чтобы выйти за человека, которого фрукты занимают больше, чем моя грудь. Я видела, какого пола танцовщиками ты любовался.

— Такого же, что и ваше величество. — Ксаро вытер слезу. — Видишь, у нас есть нечто общее. Если не хочешь взять меня в мужья, сделай своим рабом — я согласен.

— Рабы мне ни к чему. Освобождаю тебя. — Унизанный драгоценностями нос был заманчивой целью — на сей раз Дени запустила в него абрикосом.

Ксаро поймал плод в воздухе и надкусил.

— Откуда это безумие? Полагаю, мне следует радоваться, что ты не освободила моих рабов, когда гостила у меня в Кварте.

Она тогда была королевой-нищенкой, а Ксаро входил в число Тринадцати и хотел одного: ее драконов.

— Твои рабы, похоже, были довольны своей судьбой. Только в Астапоре у меня открылись глаза. Знаешь, как создают Безупречных?

— Жестоко, не сомневаюсь. Кузнец, закаляя клинок, помещает его в огонь, бьет молотом и погружает в воду со льдом. Если хочешь вкусить сладкий плод, нужно поливать дерево.

— То дерево орошалось кровью.

— Иначе солдата не вырастить. Твоей блистательности понравились мои плясуны; что бы ты сказала, узнав, что это рабы, взращенные и обученные в Юнкае? Они танцуют с тех пор, как научились ходить — как еще можно достигнуть подобного совершенства? — Ксаро выпил глоток вина. — Они и в искусстве любви знают толк. Не соизволит ли ваше величество принять их от меня в дар?

— Охотно. Я их сразу освобожу.

— Твоя свобода им что рыбе кольчуга, — поморщился Ксаро. — Танец, вот для чего ни созданы.

— Кем созданы? Их хозяевами? Возможно, они предпочли бы строить, печь хлеб, возделывать землю — ты их просто не спрашивал.

— Твои слоны, возможно, предпочли бы стать соловьями, и миэринские ночи вместо сладкого пения оглашались бы трубными звуками, а деревья ломались под тяжестью столь крупных птиц. Дейенерис, прелесть моя, под этой чудесной юной грудью бьется нежное сердце, но позволь старому опытному купцу напомнить тебе, что вещи не всегда бывают такими, как кажутся. Нет худа без добра — возьмем для примера дождь.

— Дождь? — Он принимает ее за ребенка или за полную дуру.

— Мы проклинаем его, когда он льет нам на голову, но без него нам бы пришлось голодать. Мир нуждается в дожде… и в рабах. Не строй гримасу, ведь это правда. Вспомни Кварт. В искусстве, музыке, магии и торговле — во всем, что отличает нас от животных, — Кварт настолько же выше всего остального мира, как ты на вершине своей пирамиды, только его превосходство зиждется не на кирпичах, а на спинах рабов. Если все люди будут вынуждены рыться в грязи, добывая пищу, кто из них найдет время взглянуть на звезды? Если каждому придется строить для себя хижину, кто будет воздвигать храмы во славу богов? Одни должны быть порабощены для того, чтобы другие стали великими.

Дени не нашлась с ответом, но знала, что Ксаро неправ.

— Дождь нельзя сравнивать с рабством, — сказала она с саднящим чувством в груди. — В этом я кое-что смыслю: мне доводилось мокнуть под дождем и быть проданной. Ни один человек не хочет принадлежать другому.

Ксаро томно повел плечами.

— Высадившись в твоем славном городе, я случайно увидел на берегу человека, некогда гостившего у меня, — купца, торговавшего пряностями и редкими винами. Он был гол до пояса, весь обгорел на солнце и рыл какую-то яму.

— Канаву, чтобы отвести воду из реки на поля. Мы хотим разводить бобы, которым требуется полив.

— Как мило со стороны моего приятеля помогать тебе в прокладке канав. И как это на него не похоже. Возможно, у него не осталось выбора? Нет, конечно же нет. Рабство в Миэрине отменено.

— Твой приятель получает за работу еду и кров, — вспыхнула Дени. — Богатство я ему вернуть не могу. Бобы Миэрину нужнее, чем специи, и на поля нужно привести воду.

— Ты и моих танцовщиков поставишь канавы копать? При виде меня мой приятель пал на колени, умоляя купить его и увезти в Кварт.

Дени показалось, что Ксаро дал ей пощечину.

— Так купи.

— С твоего позволения — он-то готов. — Ладонь Ксаро легла Дени на руку. — Есть вещи, которые может сказать тебе только друг. Я помогал тебе, когда ты пришла в Кварт неимущей, и пересек бурное море, чтобы снова тебе помочь. Найдется здесь место, где мы могли бы поговорить откровенно?

Какие теплые у него пальцы. В Кварте он тоже относился к ней очень тепло — пока не понял, что никакой пользы от нее не дождется.

— Пойдем, — сказала она и повела Ксаро к мраморной лестнице.

— О прекраснейшая из женщин, за нами кто-то идет…

— Пусть мой старый рыцарь не пугает тебя. Сир Барристан поклялся хранить мои тайны.

Над верхней террасой стояла луна, воздух благоухал ночными цветами.

— Пройдемся? — Дени взяла Ксаро под руку. — Раз ты заговорил о помощи, давай торговать. В Миэрине есть соль, есть вино…

— Гискарское? — покривился Ксаро. — Соль Кварт добывает из моря, а вот оливки и масло я взял бы охотно — все, что предложишь.

— Нечего мне предложить. Рабовладельцы сожгли все рощи. — Оливы росли на берегах залива веками, но при подходе вражеского войска миэринцы предали их огню, оставив Дени черную бесплодную землю. — Мы вновь сажаем деревья, но плодоносить они начнут только через семь лет, а доход дадут разве что через тридцать. Что скажешь о меди?

— Этот металл ненадежен, как женщина. Золото — дело иное. Кварт с радостью даст тебе золота… за рабов.

— Миэрин — город свободных людей.

— Этот город был богат, а теперь обеднел. Объедался, а теперь голодает. Был мирным, а теперь залит кровью.

Обвинения Ксаро были правдивы и потому больно жалили.

— Миэрин вновь будет богатым, сытым и мирным. И свободным в придачу. Если тебе нужны рабы, ступай к дотракийцам.

— Дотракийцы берут рабов, гискарцы их обучают. Чтобы достичь Кварта, табунщикам пришлось бы гнать пленных через пустыню и потерять сотни, если не тысячи. Уморить множество лошадей, на что ни один кхал не пойдет. Кроме того, Кварт не желает, чтобы под его стенами толклись кхаласары. Не обижайся, кхалиси, но лошадиный навоз…

— У него честный запах, чего не скажешь о многих знатных лордах и торговых магнатах.

Ксаро пропустил шпильку мимо ушей.

— Дейенерис, позволь мне быть с тобой искренним, как подобает другу. Ты не сделаешь Миэрин богатым, сытым и мирным — ты приведешь его к гибели, как привела Астапор. Известно тебе, что у Рогов Хаззат произошла битва и король-мясник удрал к себе во дворец вместе со своими новыми Безупречными?

— Известно. — Эту весть прислал ей Бурый Бен Пламм. — За Юнкай сражается много наемников и два легиона из Нового Гиса.

— Где два, там и четыре, а вскорости будут все десять. В Мир и Волантис тоже послано за наемниками: Дикие Коты, Длинные Копья и Сыны Ветра набирают новых бойцов. Говорят, будто мудрые господа и Золотых Мечей тоже наняли.

Брат Дени Визерис задал когда-то пир вождям Золотых Мечей в надежде, что они станут на его сторону. Капитаны ели, слушали его просьбы и смеялись над ним. Дени была тогда маленькая, но помнила всё.

— У меня есть свои наемники.

— Всего два отряда против двадцати, которые может собрать Юнкай. Не считая сил Толоса и Мантариса, которые заключают союз с юнкайцами.

Дурная весть, если она верна. Дени тоже отправила посольства в Мантарис и Толос, надеясь найти новых друзей на западе против враждебного Юнкая на юге, но ее посланники не вернулись.

— Миэрин тоже заключил союз. С Лхазарином.

— Дотракийцы называют лхазарян ягнячьим народом, — усмехнулся на это Ксаро. — Их стригут, а они в ответ только блеют. Воины из них никудышные.

«С невоинственным другом лучше, чем совсем без друзей».

— Мудрые господа могли бы взять с них пример. Я пощадила Юнкай однажды, но больше этой ошибки не повторю. Если они посмеют напасть, я сровняю Желтый Город с землей.

— Пока ты будешь уничтожать Юнкай, дорогая, Миэрин восстанет против тебя. Не закрывай глаза на то, что тебе угрожает. Твои евнухи — солдаты отменные, но их слишком мало по сравнению с войском, которое пошлет на тебя Юнкай после падения Астапора.

— Мои вольноотпущенники…

— Рабы для утех, цирюльники и кирпичники не выигрывают сражений.

Дени надеялась, что Ксаро ошибается хотя бы на этот предмет. Она составила несколько отрядов из молодых вольноотпущенников и наказала Серому Червю сделать из них солдат.

— Ты забыл о моих драконах.

— Отчего же. В Кварте тебя всегда видели с одним из них на плече, но сейчас твое плечико столь же голо, как и прелестная грудь.

— Мои плечи больше их не выдерживают. Драконы вылетают далеко в поле охотиться. — «Прости меня, Хазея. Кто знает, какие слухи дошли до Ксаро». — Спроси о них добрых господ Астапора, если у тебя есть сомнения. — «Глаза у одного господина лопнули и стекли по щекам». — Скажи правду, мой друг: зачем ты приехал, если не для торговли?

— Я привез королеве моего сердца подарок.

— Какой? — «Уж не новая ли это ловушка?»

— Тот самый, который ты так хотела получить в Кварте. Корабли, тринадцать галей. Они ждут в заливе, чтобы отвезти тебя в Вестерос.

Флот! На это она и надеяться не могла, поэтому сразу насторожилась. В Кварте Ксаро предлагал ей целых тридцать кораблей… за дракона.

— А что ты хочешь взамен?

— Ничего. Драконы меня больше не манят — я видел, что натворили они в Астапоре, где «Облако» пополняло запас воды. Корабли — твои, сладчайшая королева, тринадцать галей вместе с гребцами.

Все ясно. Ксаро входит в торговую гильдию, называемую Тринадцать. Без сомнения, он уговорил каждого из своих сотоварищей дать ей по одному кораблю: трудно предположить, зная его, что он пожертвовал тринадцатью собственными судами.

— Я должна подумать. Можно мне посмотреть на них?

— Ты стала подозрительной, Дейенерис.

«Всегда была».

— Я поумнела, Ксаро.

— Смотри сколько хочешь. Потом поклянись мне, что немедленно отплывешь в Вестерос, и корабли твои. Поклянись своими драконами, своим семиликим богом и прахом своих отцов.

— А если я сочту за лучшее выждать год или два?

— Это будет печально, прелесть моя… ибо, несмотря на твои цветущие лета, так долго ты не протянешь. Во всяком случае, здесь.

Одной рукой он сует ей пряник, другой кажет кнут.

— Твой Юнкай не настолько страшен.

— Не все твои враги живут в Желтом Городе. Остерегайся тех, у кого холодные сердца и синие губы. Не прошло и двух недель с твоего отплытия из Кварта, как Пиат Прей еще с тремя колдунами отправился за тобой в Пентос.

Это больше рассмешило Дени, чем испугало.

— Значит, я хорошо сделала, не поехав туда. Миэрин и Пентос стоят на разных концах земли.

— Верно, но рано или поздно они услышат о драконьей королеве в заливе Работорговцев.

— Хочешь меня напугать? Я четырнадцать лет прожила в страхе, милорд. Начинала бояться, когда просыпалась, и засыпала, боясь… но огонь, в котором я побывала, выжег из меня страх. Теперь меня пугает только одно.

— Что же это, сладчайшая королева?

— Я всего лишь глупая девочка… но не настолько глупая, чтобы тебе об этом сказать. — Дени, встав на цыпочки, чмокнула Ксаро в щеку. — Я дам тебе ответ, когда мои люди осмотрят твои корабли.

— Позволь мне тебя убедить, — попросил он шепотом, коснувшись ее голой груди.

На миг она почувствовала искушение — возможно, танцовщики все же воспламенили ее. Можно закрыть глаза и притвориться, что это Даарио. Мнимый Даарио безопаснее настоящего.

— Нет, милорд. Спасибо, но нет, — отстранилась Дени. — Как-нибудь в другой раз.

— Хорошо. — Он печально опустил губы, но глаза выражали скорее облегчение, нежели грусть.

«Будь я драконом, полетела бы в Вестерос, — подумала Дени, когда он ушел. — Обошлась бы без Ксаро и его кораблей». Сколько человек можно перевезти на тринадцати галеях? В переходе от Кварта до Астапора ее кхаласар уместился на трех, но тогда у нее еще не было восьми тысяч Безупречных, тысячи наемников и несметной орды бывших рабов. И куда ей девать драконов?

— Дрогон, где ты? — прошептала она. Ей ясно представилось, как он летит по небу,

закрывая черными крыльями звезды.

Оставив ночь за спиной, Дени повернулась к безмолвному Барристану Селми.

— Визерис как-то раз загадал мне вестеросскую загадку: «Кто слышит все, ничего не слыша?»

— Рыцарь Королевской Гвардии, — без запинки ответил Селми.

— Вы слышали, что предложил мне Ксаро?

— Слышал, ваше величество. — Старый рыцарь очень старался не смотреть на ее голую грудь.

Сир Джорах таких усилий не прикладывал бы. Он любил Дени как женщину, а сир Барристан — только как королеву. Мормонт был шпионом и доносил на Дени ее врагам в Вестеросе, но и хорошие советы не раз давал.

— Что вы думаете об этом? О нем?

— О нем я невысокого мнения, а вот корабли… Мы могли бы вернуться домой еще до конца года, ваше величество.

Понятие «дом» было Дени неведомо… разве что браавосский дом с красной дверью.

— Опасайтесь квартийцев, дары приносящих, особенно если это Тринадцать. Тут какой-то подвох. Либо суда прогнили насквозь, либо…

— В таком случае они вряд ли дошли бы сюда из Кварта, — резонно заметил сир Барристан, — но ваше величество поступили мудро, настояв на досмотре. Как рассветет, я отправлюсь в гавань с адмиралом Гролео, его капитанами и полусотней матросов. Мы облазим каждый дюйм на этих судах.

— Хорошо, так и сделайте. — Вестерос… Дом. Но что станет с ее городом, когда она отплывет на запад? «Миэрин никогда не был твоим, — зашептал на ухо голос брата. — Твои города там, за морями, в Семи Королевствах, где тебя ждут враги. Ты рождена, чтобы обрушить на них кровь и огонь».

Сир Барристан кашлянул.

— Тот колдун, о котором упоминал купец…

— Пиат Прей. — Дени попыталась вспомнить его лицо, но вспомнила только губы. Это колдовское вино делает их синими, «вечерняя тень». — Если б чары могли убивать, я давно была бы мертва. Я сожгла дотла их дворец. — Дрогон спас ее от чародеев, желавших выпить из Дени жизнь. Они погибли в его огне.

— Да, ваше величество, но я все же буду настороже.

— Я знаю. — Дени поцеловала рыцаря в щеку. — Идемте же, вернемся на пир.

Утром она проснулась преисполненная надежд, чего с ней еще не бывало после высадки в заливе Работорговцев. Скоро с ней снова будет Даарио, и они вместе поплывут домой, в Вестерос. Одна из маленьких заложниц, застенчивая пухленькая Мезарра из дома Мерреков, принесла Дени завтрак. Королева, обняв ее и поцеловав от души, сказала Ирри и Чхику:

— Ксаро Ксоан Даксос дает мне тринадцать галей.

— Тринадцать — плохое число, кхалиси, — ответила Чхику на дотракийском. — Это все знают.

— Это все знают, — откликнулась Ирри.

— Тридцать было бы лучше, — согласилась Дени, — не говоря уже о трехстах. Но для путешествия в Вестерос нам и тринадцати хватит.

Девушки переглянулись.

— Дурная вода проклята, кхалиси, — сказала Ирри. — Кони не пьют ее.

— Я тоже не собираюсь, — заверила Дени.

Этим утром к ней явились всего четыре просителя. Лорд Шаэль, еще несчастней обычного, говорил, как повелось, первым.

— Ваша блистательность, — простонал он, распростершись у ее ног, — на Астапор идет юнкайское войско. Молю вас поддержать юг всеми своими силами!

— Я предупреждала вашего короля, что эта война безумна, — напомнила Дени, — но

он не послушал.

— Клеон Великий хотел покарать злых рабовладельцев Юнкая.

— Клеон Великий сам владеет рабами.

— Я знаю, Матерь Драконов не покинет нас в час нужды. Пошлите своих Безупречных оборонять наши стены.

«А кто же будет оборонять наши?» — подумала Дени.

— У меня много вольноотпущенников из астапорских рабов. Может быть, кто-то из них захочет прийти на помощь вашему королю — им решать. Я дала Астапору свободу, защищать ее должны вы.

— Ты принесла нам не свободу, а смерть! — Шаэль взвился и плюнул Дени в лицо.

Силач Бельвас сгреб его за плечо и кинул на мрамор так, что хрустнули зубы. Лысый сделал бы еще и не то, но Дени остановила его.

— Довольно, — сказала она, вытирая щеку краем токара. — За плевок не карают смертью. Уберите его.

Посол отделался выбитыми зубами. Его потащили прочь за ноги, оставляя кровавый след на полу. Дени очень хотелось прогнать трех оставшихся, но она не перестала быть королевой и постаралась принять наилучшее решение по каждой из просьб.

Когда сир Барристан и адмирал Гролео вернулись из гавани, Дени собрала свой совет. Серый Червь представлял в нем Безупречных, Скахаз мо Кандак — Бронзовых Бестий. Голосом дотракийцев в отсутствие кровных всадников был старый джакка рхан Роммо, косоглазый и кривоногий. От вольноотпущенников пришли капитаны трех учрежденных Дени отрядов: Моллоно Йос Доб от Крепких Щитов, Саймон Исполосованный от Вольных Братьев, Марслин от Детей Неопалимой. За плечом королевы стоял Резнак мо Резнак, за спиной — Бельвас со скрещенными на груди ручищами. В советниках, короче говоря, недостатка не было.

Гролео, с тех пор как его корабль разобрали для постройки осадных машин, ходил как в воду опущенный. Титул лорда-адмирала, пожалованный ему Дени в утешение, был пустым звуком: миэринский флот, когда войско королевы приблизилось к городу, тут же ушел в Юнкай, и старый пентошиец стал адмиралом без единого корабля. Улыбки, игравшей сейчас в его просоленной бороде, Дени давненько не видела.

— Значит, корабли признаны годными? — с надеждой спросила она.

— В общем и целом, ваше величество. Они уже не новые, но за ними был хороший уход. «Чистокровную принцессу» поели черви — я бы ее далеко от суши не стал уводить. «Нарракке» нужен новый руль и новые снасти, на «Меченой ящерице» весла потрескались, а так все путем. Гребцы все рабы, но останутся на веслах, если мы предложим им хорошее жалованье, — больше ведь они ничего не умеют делать. Тех, кто все же уйдет, заменим моими людьми. Путь в Вестерос долог и труден, но эти галеи, насколько я могу судить, его выдержат.

— Так это правда, — жалобно простонал Резнак. — Ваше великолепие хочет покинуть нас. Как только вы это сделаете, Юнкай восстановит правление великих господ; нас, верно служивших вашему делу, казнят, наших прекрасных жен и невинных дочерей изнасилуют и отдадут в рабство.

— Только не моих, — громыхнул Скахаз Лысый. — Прежде я сам убью их. — Он хлопнул по рукояти меча, и Дени восприняла это как пощечину.

— Если боитесь остаться, плывите со мной.

— Дети Неопалимой последуют за своей Матерью, куда бы она ни держала путь, — объявил Марслин, уцелевший брат Миссандеи.

— Тринадцати кораблей нам не хватит, — возразил ему Саймон Исполосованный, не раз подвергавшийся бичеванию в Астапоре. — Я думаю, что и ста мало будет.

— Дотракийцы не сядут на деревянных коней, — подхватил Роммо. — Поедут на живых, из плоти и крови.

— Ваши слуги могут идти по берегу, — предложил Серый Червь. — Пусть флот

держится вровень с нами и снабжает пеших провизией.

— Это возможно лишь до руин Бхораша, — заметил Скахаз. — Там флот повернет на юг в обход Валирии, мимо Толоса и Кедрового острова, а пехота пойдет на Мантарис старой драконьей дорогой.

— Теперь ее называют дорогой демонов, — сказал Моллоно Йос Доб. Дородный командир Крепких Щитов, с заметным брюшком и чернильными пятнами на руках, больше походил на писца, но ума ему было не занимать. — Много солдат погибнет на этом тракте.

— Оставшиеся в Миэрине им позавидуют, — продолжал стенать Резнак. — Нас сделают рабами, бросят в бойцовые ямы. Все пойдет как прежде, если не хуже.

— Где твое мужество? — хлестнул как плетью сир Барристан. — Ее величество сняла с вас оковы — точите мечи и защищайте свою свободу!

— Храбрые слова для того, кто намерен отплыть на запад, — огрызнулся Саймон. — Ты хоть оглянешься, когда нас убивать будут?

— Ваше величество… Ваше великолепие… Ваша блистательность…

— Довольно, — стукнула по столу Дени. — Мы никого не оставим на верную смерть. Вы все мой народ. — Мечты о любви и о доме ослепили ее, но теперь она вновь прозрела. — Я не допущу, чтобы Миэрин постигла судьба Астапора. С Вестеросом, как ни грустно, придется повременить.

— Если мы отвергнем предложенные в дар корабли… — ужаснулся Гролео.

Сир Барристан преклонил колено.

— Родина нуждается в вас, моя королева. Здесь вам не рады, а в Вестеросе простые люди, и лорды, и рыцари тысячами побегут под ваши знамена, восклицая: «Она идет! Сестра принца Рейегара наконец-то вернулась домой!»

— Раз они так любят меня, подождут еще, — поднялась Дени. — Резнак, пошли за Ксаро Ксоаном Даксосом.

Она приняла торгового магната с глазу на глаз, на устланной подушками тронной скамье. Четверо квартийцев несли вслед за ним свернутый гобелен.

— Еще один подарок для королевы моего сердца. Он хранился в наших фамильных подвалах задолго до Рокового Дня.

Моряки разостлали гобелен на полу — пыльный, поблекший, просто огромный. Дени пришлось встать рядом с Ксаро, чтобы разглядеть изображение на ковре.

— Карта? Какое чудо. — Ткань заняла половину тронного зала. Моря синие, суша зеленая, горы черные и коричневые, города в виде звезд вышиты золотой и серебряной нитью. Дымного моря нет, заметила Дени. И Валирия еще часть материка, а не остров.

— Астапор, Юнкай, Миэрин. — Ксаро указал на три серебряные звезды у синего залива Работорговцев. — А Вестерос где-то там. — Он махнул рукой в дальний конец чертога. — Ты повернула на север, хотя тебе следовало плыть на юго-запад через Летнее море, но мои галеи скоро доставят тебя домой. Прими мой дар с легким сердцем и правь на запад.

Если бы она только могла…

— Я охотно взяла бы твои корабли, милорд, но требуемого тобой обещания дать не в силах. — Дени взяла Ксаро за руку. — Отдай мне эти галеи, и я поклянусь, что Миэрин до конца времен будет преданным другом Кварта. С их помощью я налажу торговлю и буду отдавать тебе хорошую долю выручки.

Улыбка завяла на губах Ксаро.

— Что? Так ты не пойдешь на запад?

— Нет. Не могу.

С носа, унизанного изумрудами, аметистами и черными алмазами, закапали слезы.

— Я заверил Тринадцать, что ты прислушаешься ко мне, — выходит, я заблуждался? Бери корабли и отчаливай, если не хочешь умереть в муках. Ты еще не знаешь, сколько у тебя врагов, королева!

«И один из них проливает передо мной лицедеевы слезы». Дени поняла это, и ей стало

грустно.

— Умоляя Чистокровных в Зале Тысячи Тронов, чтобы они оставили тебе жизнь, я сказал, что ты всего лишь дитя. «Глупое дитя, — возразил, поднявшись, Эгон Эменос Блистательный, — непослушное и слишком опасное, чтобы жить». В младенческом возрасте твои драконы были диковинкой. Взрослые чудовища — это смерть, разрушение, занесенный над миром огненный меч. — Ксаро вытер слезы. — Надо было мне убить тебя еще в Кварте.

— Я жила под твоим кровом, ела твою пищу, пила твой мед. В память о том, что ты для меня сделал, я прощу тебе эти слова, но впредь не дерзай угрожать мне.

— Ксаро Ксоан Даксос не угрожает. Он обещает.

Печаль Дени сменилась гневом.

— Я тоже обещаю тебе: если не уберешься отсюда еще до заката, мы посмотрим, способны ли лживые слезы погасить драконий огонь. Оставь меня, Ксаро. Без промедления.

Он вышел, не забрав с собой карту. Дени села, поглядела через шелковое море в сторону Вестероса и дала себе слово: «Когда-нибудь я приду».

На следующее утро галеон Ксаро ушел, но тринадцать «дареных» галей остались в заливе. На их мачтах развевались длинные красные вымпелы. Когда Дейенерис сошла в тронный зал, квартийский гонец молча положил к ее ногам черную атласную подушку, где лежала одинокая окровавленная перчатка.

— Что это? — не понял Скахаз.

— Нам объявляют войну, — ответила королева.

ДЖОН

— Осторожно, милорд, тут крысы. — Скорбный Эдд спускался первым, держа фонарь. — То-то визгу будет, если наступите. Так моя матушка визжала, когда я был мальцом. Было в ней что-то от крысы, если подумать: волосы мышиные, глазки как бусинки, и сыр любила. Может, у нее и хвост был — не успел поглядеть.

Под землей весь Черный Замок соединяли ходы, прозванные червоточинами. Летом ими почти не пользовались, другое дело — в предзимье. Как задуют ветра да повалит снег, подземный ход — самое милое дело. Стюарды там уже вовсю шастали. Впереди слышалось эхо шагов, в нишах горели свечи.

Боуэн Мурш вместе с Виком-Строгалем, длинным и тощим, ждали на перекрестке четырех червоточин.

— Счета трехлетней давности — для сравнения с тем, что у нас в наличии на сегодняшний день. — Мурш вручил Джону толстую пачку бумаг. — Начнем с житниц?

Крепкие дубовые двери всех кладовых запирались на висячие замки величиной с суповую миску.

— Что, — спросил Джон, — подворовывают?

— Пока нет, но с приходом зимы неплохо бы поставить здесь часовых.

Кольцо с ключами Вик повесил себе на шею. Все они, на взгляд Джона, были одинаковые, но Вик как-то умудрялся находить нужный. Зайдя в кладовую, он извлекал из кошеля здоровенный кусок мела и метил каждый сосчитанный мешок и бочонок.

В житницах, помимо овса, ячменя и пшеницы, стояли бочки с мукой грубого помола. В овощных подвалах под связками лука и чеснока хранились мешки с морковью, пастернаком, хреном, белой и желтой репой. Круги сыра в особом хранилище можно было поднять только вдвоем. Следующая кладовка предназначалась для соленой говядины, свинины, баранины и трески — штабеля бочек насчитывали в вышину десять футов. Под коптильней висели триста окороков и три тысячи длинных черных колбас. Чулан с приправами вмещал перец, гвоздику, корицу, горчичные семена, кориандр, шалфей простой и мускатный, петрушку и глыбы соли. В других помещениях хранились бочонки с яблоками и грушами, сухой горох, сушеные фиги, грецкие орехи, каштаны, миндаль, вяленые лососи на палках, запечатанные воском кувшины с оливками в масле. Были и деликатесы: горшки с тушеной зайчатиной,

оленья ляжка в меду, всевозможные маринады — капуста, свекла, лук, селедка и яйца.

По мере того, как они перемещались из одного подвала в другой, в коридорах становилось все холоднее.

— Мы под Стеной, — догадался Джон, заметив в воздухе пар от дыхания.

— А скоро будем внутри нее, — сказал Мурш. — На холоде мясо не портится — это лучше засола.

Поднявшись по деревянной лестнице за ржавой железной дверью, они оказались в проходе длиной с великий чертог Винтерфелла, но шириной не больше, чем обычная червоточина. На крючьях, вделанных в ледяные стены, висели туши лосей и оленей, говяжьи бока. С потолка свешивались свиньи, бараны, козлы, попадались даже лошади и медведи. Каждую тушу густо покрывал иней.

Считая их, Джон снял левую перчатку и потрогал оленя. Пальцы тут же прилипли и, попытавшись отдернуть руку, он сорвал себе кожу. Чего он, собственно, ждал? Над головой у него столько тонн льда, что даже Боуэну Муршу не счесть, а в кладовой холоднее даже, чем полагалось бы.

— Все еще хуже, чем я опасался, милорд. — Мурш, покончив с учетом, стал мрачнее Скорбного Эдда.

А Джон уж было подумал, что мяса здесь больше, чем во всем мире. «Ничего ты не знаешь, Джон Сноу».

— Как так? Мне сдается, у нас много всего.

— Лето было долгое, урожай обильный, лорды щедрые. Мы накопили достаточно на три зимних года — даже на четыре, если поджаться. Но теперь, когда нам приходится кормить людей короля, людей королевы и одичалых… В одном Кротовом городке тысяча ртов, и их все прибывает. Вчера к воротам явились трое, позавчера целая дюжина. Дальше так не пойдет. Поселить их в Даре, может, и хорошая мысль, но теперь уже поздно сажать и сеять. Не пройдет и года, как мы сядем на репу и гороховый суп, а там уж только кровь собственных лошадей пить останется.

— Мням, — произнес Скорбный Эдд. — Нет ничего лучше горячей лошадиной крови в холодную ночь, особливо со щепоткой корицы.

— Без болезни тоже не обойдется, — продолжал лорд-стюард. — Десны при ней кровоточат, зубы шатаются. Мейстер Эйемон говорил, что эта хворь лечится лимонным соком и свежим мясом, но лимоны у нас с год как вышли, и корму для скота мало. Придется забить сразу весь, кроме нескольких пар на племя. В прошлые зимы провизию подвозили с юга по Королевскому тракту, но с этой войной… Зима еще не настала, знаю, и все-таки я рекомендовал бы милорду перейти на зимние рационы.

«Людям это не понравится», — подумал Джон.

— Надо так надо. Урежем довольствие на четверть. — Братья и теперь жалуются на Джона — что будет, если им придется есть желудевую кашицу и заедать снегом?

— Хорошо, милорд. — Тон лорда-стюарда давал понять, что это далеко еще не предел.

— Теперь я понимаю, для чего король Станнис пустил одичалых за Стену, — сказал Скорбный Эдд. — Нам в пищу.

— Ну, до этого не дойдет, — с вымученной улыбкой ответил Джон.

— Вот и ладно. Больно они жилистые на вид, а зубы у меня уж не те, что в молодости.

— Будь у нас деньги, мы закупили бы провиант на юге и доставили сюда по морю, — заметил Мурш.

Будь деньги и будь у кого-то желание продать им еду. Надежда разве что на Гнездо. Долина Аррен, сказочно плодородная, совсем не пострадала во время боевых действий. Захочет ли сестра леди Кейтилин кормить бастарда своего зятя? В детстве Джону казалось, что она считает каждый съеденный им кусок.

— Охотиться можно, коли нужда придет, — вставил Вик-Строгаль. — Дичь в лесу еще есть.

— Кроме дичи, там водятся одичалые и кое-что пострашнее, — возразил Мурш. — Я

бы не стал посылать охотников в лес, милорд.

«Где уж там. Ты и ворота бы запечатал навеки камнем и льдом». Половина Черного Замка согласна с лордом-стюардом на этот счет, другая половина исходит презрением. «Закупорим ворота, сядем черными задницами на Стену, а одичалые переберутся по Мосту Черепов или пройдут в ворота, будто бы запечатанные пятьсот лет назад, — сказал старый лесовик Дайвин за ужином два дня назад. — Нет у нас людей на сто лиг Стены, и Тормунд с Плакальщиком это знают не хуже нашего. Видали когда примерзшую к пруду утку? То же самое и с воронами». Разведчики почти все за Дайвина, а стюарды и строители больше склоняются к Муршу.

Но это пока терпит — сейчас надо что-то решать с едой.

— Отказаться кормить людей Станниса мы не можем при всем желании, — сказал Джон. — Король в случае нужды просто отнимет у нас провизию. И одичалых тоже придется кормить.

— Чем, милорд? — осведомился лорд-стюард.

«Кабы знать…»

— Придумаем что-нибудь.

Когда они выбрались наверх, по земле уже протянулись длинные тени. Тучи на небе напоминали клочья знамен. Оружейный двор пустовал, но внутри Джона дожидался королевский оруженосец Деван, кареглазый парнишка лет так двенадцати. Он сидел, замерзший, у горна, не смея шелохнуться из-за Призрака.

— Он не тронет тебя, — сказал Джон, но волк, стоило мальчику двинуться, тут же оскалил зубы. — Нельзя, Призрак. Уйди. — Волк послушно и совершенно бесшумно вернулся к говяжьей кости.

Деван, бледный ему в масть и весь потный, пролепетал:

— Его в-величество требует вас, м-милорд. — Он был одет в цвета Баратеонов, черное с золотом; поверх его собственного сердца пришили огненное.

— Просит, ты хочешь сказать, — поправил Эдд. — Его величество просит лорда-командующего к себе.

— Оставь, Эдд. — Джон был не в настроении для мелких придирок.

— Сир Ричард и сир Джастин вернулись. Благоволите прийти, милорд.

Разведчики, что уехали не в ту сторону. Хорп и Масси, которые отправились на юг вместо севера. Ночного Дозора не касается, что они там разведали, но все-таки любопытно.

— Если так угодно его величеству. — Призрак потрусил было за ними с Деваном. — Домой! — крикнул Джон, но лютоволк убежал.

В Королевской башне Джон сдал оружие и был допущен к особе Станниса. В горнице было жарко и людно. Станнис и его капитаны, двое разведчиков в том числе, стояли над картой Севера. Сигорн, молодой магнар теннов, топтался тут же в кольчуге с бронзовыми накладками. Гремучая Рубашка почесывал желтым ногтем запястье под кандалами. Его впалые щеки и скошенный подбородок заросли бурой щетиной, грязные патлы падали на глаза.

— А вот и он, — сказал Рубашка при виде Джона. — Храбрец, застреливший Манса-Разбойника в клетке. — Железный браслет его кандалов украшал большой четырехугольный рубин. — Нравится мой камешек, Сноу? Красная женщина подарила мне его в знак любви.

Джон, не слушая, преклонил колено.

— Я привел лорда Сноу, ваше величество, — доложил Деван.

— Вижу. Думаю, вы уже знаете моих капитанов и рыцарей, лорд-командующий?

— Имею честь. — Джон постарался разузнать как можно больше об окружении короля. Люди королевы — все до единого, как ни странно. С собственными людьми король, если верить слухам, в гневе расправился еще на Драконьем Камне.

— Хотите вина? Горячей воды с лимоном?

— Благодарю, нет.

— Воля ваша. Я приготовил вам подарок, лорд Сноу: его. — Станнис кивнул на

Гремучую Рубашку.

— Вы же говорили, что вам нужны люди, лорд Сноу, — улыбнулась леди Мелисандра. — Наш Костяной Лорд, думаю, вполне подойдет.

— Ему нельзя доверять, ваше величество! — в панике выпалил Джон. — Если оставить его здесь, кто-нибудь непременно его зарежет, если послать в разведку, он снова перебежит к одичалым.

— Ну уж дудки, с этим дурачьем я покончил. — Гремучая Рубашка постучал по рубину. — Спроси красную ведьму, бастард.

Мелисандра тихо произнесла что-то на чужом языке. Рубин у нее на горле начал пульсировать, и то же самое произошло с рубином вождя одичалых.

— Пока на нем этот камень, он душой и телом связан со мной, — объяснила жрица. — Этот человек будет верно служить вам. Пламя не лжет, лорд Сноу.

«Пламя-то нет, а вот ты…»

— Я пойду для тебя в разведку, бастард, — подтвердил одичалый. — Дам тебе мудрый совет или песни буду петь, как прикажешь. Даже сражаться за тебя буду, только черный плащ надевать не проси.

«Ты его не достоин», — подумал Джон, но смолчал. При короле не стоило препираться.

— Что вам известно о Морсе Амбере? — спросил Станнис.

Ночной Дозор не принимает ничьей стороны, но слова — это не мечи все-таки.

— Он старший из дядей Большого Джона. Его прозвали Вороньим Мясом: ворона, приняв его за мертвого, выклевала ему один глаз, а он поймал ее и откусил голову. В молодости он славился как бесстрашный боец. Сыновья его нашли смерть на Трезубце, жена умерла в родах, единственную дочь тридцать лет назад похитили одичалые.

— Вот почему он эту голову просит, — вставил Харвуд Фелл, а Станнис спросил:

— Можно ли ему доверять?

Неужто Морс Амбер склонил колено?

— Заставьте его поклясться перед сердце-деревом, ваше величество.

— Я и забыл, что вы, северяне, деревьям молитесь, — заржал Годри Победитель Великанов.

— Что это за бог, раз на него ссут собаки? — встрял его закадычный дружок Клэйтон Саге.

Джон не стал с ними связываться.

— Могу ли я узнать, ваше величество, Амберы стали на вашу сторону?

— Наполовину и лишь в том случае, если я выполню условия этого Морса, — раздраженно ответил король. — Он хочет череп Манса-Разбойника, чтобы пить из него, и просит помилования для брата, выехавшего на соединение с Болтоном. Прозвище брата — Смерть Шлюхам.

— Ну и клички у них на Севере, — снова расхохотался сир Годри. — Этот что, шлюхе голову откусил?

— Можно и так сказать, — холодно молвил Джон. — Той, что хотела ограбить его в Староместе пятьдесят лет назад. — Старый Амбер Заиндевелый непонятно с чего вздумал сделать младшего сына мейстером. Морс любил похвастаться обезглавленной им вороной, но историю Хозера рассказывали не иначе как шепотом… скорее всего потому, что шлюха, которой он выпустил кишки, принадлежала к мужскому полу. — Другие лорды тоже примкнули к Болтону?

Красная жрица приблизилась к королю.

— Я видела город с деревянными стенами и деревянными улицами. Там было много воинов, и над ним развевались знамена: лось, боевой топор, три сосны, три топора, перекрещенных под короной, конская голова с огненными глазами.

— Хорнвуды, Сервины, Толхарты, Рисвеллы, Дастины, — перечислил Клэйтон Саге. — Изменники. Комнатные собачки Ланнистеров.

— Рисвеллы и Дастины связаны с Болтонами брачными узами, — заметил Джон. —

Другие дома лишились своих лордов во время войны — не знаю, кто их теперь возглавляет. Но Воронье Мясо — не комнатная собачка. Я бы советовал вашему величеству принять условия, которые он поставил.

— Он уведомляет меня, что Амбер против Амбера в любом случае не пойдет, — скрипнул зубами Станнис.

Джона это не удивило.

— Если дойдет до битвы, найдите знамя Хозера и поставьте Морса в другом конце ряда.

— Это значило бы проявить слабость, — возразил Победитель Великанов. — Я за то, чтобы показать нашу силу. Сровняйте Последний Очаг с землей и отправляйтесь воевать с головой Морса на пике. Будет урок другим лордам, смеющим предлагать вашему величеству половинную верность.

— Хороший способ взбунтовать против себя весь Север. Половина лучше, чем ничего. Амберы Болтонов недолюбливают. Смерть Шлюхам мог примкнуть к бастарду только из-за того, что Ланнистеры держат Большого Джона в плену.

— Это повод, а не причина, — стоял на своем сир Годри. — Если племянник умрет в оковах, дядюшки станут лордами вместо него.

— У Большого Джона есть как сыновья, так и дочери. На Севере первыми наследуют дети, а не дядья.

— Если живы. Мертвые не наследуют ничего.

— Жаль, что Морс Амбер вас не слышит, сир Годри. Это могло бы стоить жизни вам самому.

— Я убил одного великана, мальчик. С чего мне бояться другого, намалеванного вшивым северянином на щите?

— Ваш великан убегал, но Амбер не побежит.

— Ты сильно осмелел в королевской горнице, мальчик, — вспыхнул рыцарь. — Во дворе ты пел по-другому.

— Брось, Годри, — вмешался сир Джастин Масси, довольно полный рыцарь с приветливой улыбкой и льняной гривой. — Все мы знаем, что твой меч сразил великана, незачем размахивать им каждый раз.

— Здесь машет только твой язык, Масси.

— Тихо! — гаркнул Станнис. — Скажу вам вот что, лорд Сноу. Я задержался здесь лишь в надежде, что у одичалых достанет ума штурмовать Стену повторно; коль скоро этого не случилось, я намерен разделаться с другими своими врагами.

— Понимаю. — Джон мог лишь догадываться, чего от него хочет король. — Любви к лорду Болтону и его сыну я не питаю, однако Ночной Дозор не может выступить против них. Наши обеты запрещают…

— Избавьте, лорд Сноу. Мне известны ваши обеты. У меня и без вас достаточно сил, чтобы идти на Дредфорт. Что, удивлены? — улыбнулся король, видя, как это потрясло Джона. — Хорошо. То, что удивило одного Сноу, может удивить и другого. Бастард Болтонский выступил на юг, взяв с собой Хозера Амбера. Морс Амбер и Арнольф Карстарк сходятся в том, что это может значить только одно: нападение на Ров Кейлин, чтобы открыть лорду-отцу бастарда дорогу на Север. Бастард наверняка думает, что меня держат здесь одичалые, вот и славно. Мальчишка подставил мне горло, и я его перережу. Русе Болтон, даже и вернувшись на Север, увидит, что его замок, стада и запасы стали моими. Если взять Дредфорт врасплох…

— Не возьмете, — прервал короля Джон. Это было все равно что разворошить осиное гнездо палкой. Кто-то смеялся. Кто-то плевался, кто-то ругался, все остальные заговорили одновременно.

— У этого парня молоко в жилах, — утверждал сир Годри.

— Ему за каждой былинкой разбойник мерещится, — вторил лорд Свит.

Станнис поднял руку, требуя тишины.

— Объяснитесь.

С чего бы начать? Джон подошел к карте. По краям ее прижимали горящие свечи, ручеек воска полз через Тюлений залив, как ледник.

— К Дредфорту вашему величеству придется следовать по Королевскому тракту за Последнюю реку, затем повернуть на юго-восток и пересечь Одинокие холмы. Это земли Амберов, где им знаком каждый камень и каждый куст. Королевский тракт идет вдоль их западной границы добрых сто лиг. Морс разобьет ваше войско вдребезги, если вы не выполните его условий и не сделаете его вашим союзником.

— Допустим, я это сделаю.

— Тогда вы придете к Дредфорту, но ворона и цепь сигнальных огней ваше войско не перегонит. В замке будут знать о вашем приходе, и Рамси Болтону будет очень просто отрезать вам путь к отступлению. Вы окажетесь вдали от Стены, без пищи и крова, в окружении ваших врагов.

— Лишь в том случае, если он снимет осаду Рва Кейлин.

— Ров Кейлин падет до того, как вы достигнете Дредфорта. И когда лорд Русе соединится с Рамси, их будет впятеро больше, чем вас.

— Мой брат выигрывал битвы и с более превосходящим противником.

— Вы предсказываете скорое падение Рва, Сноу, — сказал Джастин Масси, — но Железные Люди — бойцы отменные, и Ров, насколько я слышал, еще ни разу никто не брал.

— Это верно только для юга. Даже небольшой гарнизон во Рву способен сдержать любую армию, идущую вверх по тракту, но с северо-востока Ров уязвим. Это смелый шаг, государь, но и риск велик… — «Ночной Дозор ни на чью сторону не становится, — напомнил себе Джон. — Для меня не должно быть разницы между Баратеоном и Болтоном». — Если Русе Болтон застанет вас под стенами своего замка, вам всем конец.

— Без риска войн не бывает, — сказал сир Ричард Хорп, поджарый рыцарь с рябым лицом. Его стеганый дублет служил полем костей и пепла для трех бабочек «мертвая голова». — Всякая битва — это азартная игра, Сноу. И тот, кто бездействует, рискует не меньше.

— Риск риску рознь, сир Ричард. Этот ваш грандиозный план плохо обдуман, а цель слишком удалена. Я знаю Дредфорт. Это мощный замок, весь каменный, с толстыми стенами и массивными башнями. К зиме он наверняка запасся провизией. Много веков назад дом Болтонов восстал против Короля Севера, и Харлон Старк осадил Дредфорт. Прошло два года, прежде чем в замке все перемерли с голоду. Для того, чтобы его взять, вашему величеству понадобятся осадные машины, башни, тараны…

— Осадные башни построить недолго, — ответил Станнис, — и срубить на тараны пару деревьев тоже. Арнольф Карстарк пишет, что в замке осталось не больше пятидесяти мужчин, и половина из них — это слуги. Слабому гарнизону даже крепкий замок не удержать.

— Пятьдесят человек в стенах замка стоят пятисот в поле.

— Эти полсотни наверняка старики и мальчишки, — сказал Ричард Хорп. — Те, кого бастард не счел годными. Наши люди закалились в битве на Черноводной, и возглавляют их рыцари.

— Вы видели, как мы разделались с одичалыми. — Сир Джастин откинул льняную прядку со лба. — Карстарки дали слово соединиться с нами под Дредфортом, и замиренные одичалые тоже идут — триста боеспособных мужчин. Лорд Харвуд считал всех прошедших в ворота. Женщины у них, к слову, тоже воюют.

— Не в моей армии, сир, — резко заметил Станнис. — Недоставало мне хвоста воющих вдов. Женщины останутся здесь с детьми, стариками, ранеными и будут служить залогом верности своих мужей и отцов. Одичалые пойдут в авангарде под командой магнара — их вожди будут его сержантами, — но для начала их нужно вооружить.

«Хочет опустошить наш арсенал, — понял Джон. — Сначала еда и одежда, потом земли и замки, теперь оружие. С каждым днем король требует все больше. Слова, может, и

не мечи, но как быть с настоящими, стальными мечами?»

— Триста копий я вам найду, — с большой неохотой произнес Джон. — И шлемы — правда, сильно помятые и заржавленные.

— Доспехи? — спросил магнар. — Кольчуги?

— После смерти Донала Нойе оружейника у нас нет. — Договаривать Джон не стал. Если дать одичалым кольчуги, они станут вдвое опаснее.

— Сойдет и вареная кожа, — сказал сир Годри. — Доспехи они снимут с убитых на поле боя.

Если доживут. В авангарде вольный народ обречен на скорую гибель.

— Морс Амбер порадуется черепу Манса-Разбойника, но одичалые на его землях радости ему не доставят. Вольный народ совершал набеги на Амберов еще на Заре Времен, переправляясь через Тюлений залив за золотом, женщинами и овцами. Один из них как раз и похитил дочь Вороньего Мяса. Оставьте одичалых здесь, ваше величество — они только настроят против вас знаменосцев моего лорда-отца.

— Эти лорды, похоже, и так принимают меня без особого пыла. Полагаю, они видят во мне… как бишь вы изволили выразиться, лорд Сноу? Еще одного претендента, обреченного на провал. — Станнис смотрел на карту, и только скрип его зубов нарушал тишину. — Выйдите отсюда все, кроме лорда Сноу.

Джастину Масси не пришелся по вкусу этот приказ, но делать нечего — пришлось улыбнуться и выйти вон. Хорп последовал за ним, пристально посмотрев на Джона. Клэйтон Саге допил свою чашу и сказал Харвуду Феллу что-то смешное про мальчика. Саге еще недавно был межевым рыцарем, и его грубость не уступала силе. Гремучая Рубашка, уходивший последним, насмешливо поклонился Джону и осклабил в ухмылке осколки бурых зубов.

К леди Мелисандре, красной тени короля, приказ, как видно, не относился. Потребовав у Девана лимонной воды, Станнис выпил и сказал так:

— Хорп и Масси хотят занять место твоего лорда-отца. Масси еще и принцессу одичалых в придачу хочет; он служил оруженосцем у моего брата Роберта и стал сильно лаком на женщин. Хорп тоже возьмет Вель, если я прикажу, но жаждет он только подвигов. Оруженосцем он грезил о белом плаще, но Серсея была против, и Роберт его отвел — прав был, возможно. Очень уж ему нравится убивать, сиру Ричарду. Кого бы ты посадил в Винтерфелле, Сноу — улыбчивого или убийцу?

— Винтерфелл принадлежит моей сестре Сансе.

— Я наслышан о правах леди Ланнистер. — Король поставил чашу. — Ты мог бы привести ко мне Север. Ваши знаменосцы охотно сплотились бы вокруг сына Эддарда Старка. Даже лорд слишком-толстый-чтобы-сесть-на-коня. Белая Гавань снабжала бы меня провиантом и служила надежным местом для отступления. Еще не поздно это исправить, Сноу. Преклони колено, присягни мне своим бастардским мечом и поднимись Джоном Старком, лордом Винтерфелла и Хранителем Севера.

«Ну сколько же раз повторять…»

— Мой меч отдан Ночному Дозору.

— В точности как отец. Тот свое упрямство называл честью, но за честь, как узнал лорд Эдуард на собственном горьком опыте, платят дорого. Хорп и Масси, если это тебя утешит, останутся с носом. Я больше склонен пожаловать Винтерфелл Арнольфу Карстарку, доброму северянину.

— Как же, доброму. — Карстарк лучше, чем Болтон или Грейджой, однако… — Карстарки бросили моего брата, на гибель его обрекли.

— После того, как твой брат отрубил голову лорду Рикарду. Арнольф тогда был за тысячу лиг от них. В нем течет кровь Старков, кровь Винтерфелла.

— Ее в нем не больше, чем в других домах Севера.

— Другие дома мне не присягали на верность.

— Арнольф — согбенный старец и даже в молодости не мог сравниться с лордом

Рикардом как боец. Смотрите, как бы он не умер в походе.

— У него есть наследники. Два сына, шестеро внуков, дочери. Будь у Роберта законные сыновья, многие из мертвых были бы живы поныне.

— Морс Воронье Мясо понадежнее будет.

— Дредфорт покажет, насколько.

— Так вы не откажетесь от этого плана?

— Несмотря на совет мудрого лорда Сноу? Не откажусь, нет. Хорп и Масси хоть и честолюбивы, но рассуждают резонно. Я не стану сидеть сложа руки, пока звезда Русе Болтона восходит, а моя закатывается. Нужно нанести удар и показать Северу, что я еще чего-нибудь стою.

— Среди знамен, которые леди Мелисандра видела в пламени, водяного Мандерли не было. Будь у вас Белая Гавань и рыцари лорда Вимана…

— Если бы да кабы. От Давоса вестей нет. Может, он и не добрался до Белой Гавани. Арнольф Карстарк пишет о штормах в Узком море. Как судьба решит, так и будет. Нет у меня времени горевать и ждать милостей от толстого лорда — Белую Гавань придется списать со счетов. Раз сын Винтерфелла не со мной, Север можно получить только с бою — иными словами, взять пример с Роберта. Нанести врагам смертельный удар, пока они ничего такого не ждут.

«Что попусту тратить слова, — подумал Джон. — Станнис либо возьмет Дредфорт, либо погибнет под его стенами. Ночной Дозор ни на чью сторону не становится, но Станнис сражается за страну, а Железные Люди — ради добычи».

— Я знаю, ваше величество, где вам найти людей. Оставьте мне одичалых, и я скажу.

— Я отдал тебе Гремучую Рубашку, вот и будет с тебя.

— Мне они все нужны.

— Некоторые из твоих братьев поговаривают, что ты сам одичалый наполовину. Верно это?

— Вы хотите ими отгородиться от стрел — на Стене они будут куда полезнее. Отдайте их мне в полное распоряжение, и я скажу, где вам найти людей… и как победить.

Станнис потер затылок.

— И здоров же ты торговаться, Сноу. Нед Старк тебя, видать, с рыбной торговкой прижил. Сколько их, этих людей?

— Две тысячи… может, три.

— Три тысячи! И что же это за люди такие?

— Бедные. Гордые. Щепетильные в делах чести, но бойцы хоть куда.

— Ты мне свои бастардовы штуки брось. Готов ли я поменять триста человек на три тысячи? Еще бы! Я не дурак. Если я тебе и принцессу оставлю, даешь слово ее беречь?

«Она не принцесса».

— Как прикажет ваше величество.

— Может, перед деревом поклянешься?

— Нет нужды. — Шутит он, что ли? Со Станнисом догадаться трудно.

— Ладно, по рукам. Говори, что за люди.

— Вы найдете их тут. — Джон показал обожженной рукой на карту к западу от Королевского тракта и к югу от Дара.

— В горах? Я не вижу здесь замков. И городов тоже, и деревень, и дорог.

— Карта — еще не земля, как говорил мой отец. Горные кланы живут на лугах и в долинах тысячи лет. Их вождей вы назвали бы мелкими лордами, но сами они титулами не пользуются. Первые бойцы у них сражаются на огромных двуручных мечах, простые воины мечут камни и молотят друг дружку посохами из горного ясеня. Народец это, надо сказать, сварливый. В перерывах между драками горцы пасут стада, рыбачат в Ледовом заливе и разводят очень выносливых и крепких коней.

— По-твоему, они согласятся выступить на моей стороне?

— Если попросите.

— Я их еще и умолять должен?

— Умолять незачем, достаточно попросить. Письма посылать бесполезно — вашему величеству нужно отправиться к ним самому. Отведайте их хлеба-соли и эля, послушайте их волынщиков, похвалите их дочек за красоту, а сыновей за отвагу. Горцы не видели королей с тех пор, как Торрхен Старк преклонил колено, и почтут ваш приезд за честь. Приказывать им бесполезно. Они посмотрят друг на друга и скажут: «Это еще кто? Тоже король нашелся».

— Сколько там этих кланов?

— Сорок, больших и малых. Флинты, Вуллы, Норри, Лиддли. Если уговорите Старого Флинта и Большое Ведро, остальные пойдут за ними.

— Большое Ведро?

— Глава Вуллов. У него самый большой живот на все горы — редкая особенность для мужчины. Вуллы ловят рыбу в Ледовом заливе и пугают непослушных детей Железными Людьми. Чтобы попасть к ним, вашему величеству нужно будет проехать по землям Норри. Этот клан соседствует с Даром и всегда был другом Дозора. Могу дать вам проводников.

— Можешь или дашь? — От Станниса мало что укрывалось.

— Дам. Как проводников, так и пони. Тамошние дороги больше похожи на козьи тропы.

— Козьи? — прищурился Станнис. — Я спешу, а ты мне толкуешь о козьих тропах?

— Юный Дракон при завоевании Дорна обошел заставы на Костяном Пути по козьей тропе.

— Я знаю эту историю, но Дейерон в своем хвастливом труде уделяет ей слишком много внимания. Ту войну выиграли не козьи тропы, а корабли. Окенфист взял Дощатый город и поднялся вверх по Зеленой Крови, пока Дейерон удерживал основные дорнийские силы у Принцева перевала. — Станнис побарабанил по карте. — Эти горные лорды не станут чинить мне препятствия?

— Разве что пирами. Каждый постарается превзойти другого в гостеприимстве. Мой лорд-отец нигде так не ел, как в горных селениях.

— Ради трех тысяч бойцов можно претерпеть овсянку с волынками, — проворчал Станнис.

— Предупреждаю, миледи, — сказал Джон Мелисандре, — старые боги очень сильны в горах. Горцы не позволят оскорблять их сердце-деревья.

— Не бойтесь за ваших дикарей и их темных богов, Джон Сноу, — с улыбкой ответила жрица. — Мое место здесь, рядом с вами.

Джону этого хотелось меньше всего, но король не дал ему возразить.

— И куда же мне вести свою новую рать, если не на Дредфорт?

— На Темнолесье, — показал Джон. — Болтон намерен сразиться с Железными Людьми — сделайте и вы то же самое. Темнолесье стоит в густой чаще, и к нему легко подойти незамеченными. Деревянный замок защищен лишь земляным валом и бревенчатым частоколом. Путь через горы дольше, зато он обеспечит вам скрытность, и спуститесь вы чуть ли не у ворот Темнолесья.

Станнис потер подбородок.

— Когда Бейлон Грейджой восстал в первый раз, я сражался с Железными Людьми на море, где они сильнее всего. На суше, да еще застигнутые врасплох… Я победил одичалых с их Королем за Стеной. Если я разобью еще и Железных Людей, Север поймет, что у него вновь есть король.

«А я получу тысячу одичалых, — добавил про себя Джон. — Хотя мне и пятьсот прокормить нечем».

ТИРИОН

«Робкая дева» пробиралась в тумане, как слепой через незнакомый чертог. Густая мгла глушила молитвы септы Леморы. Грифф расхаживал по палубе, звякая кольчугой под

волчьим плащом, и время от времени трогал меч, как бы удостовериваясь, что тот по-прежнему висит на боку. Ройли Уткелл работал шестом на правом борту, Яндри на левом, Изилла правила.

— Не нравится мне здесь, — пробормотал Хелдон.

— Тумана боишься? — поддразнил Тирион, хотя сам в таких туманах еще не бывал.

Молодой Грифф стоял на носу с третьим шестом, отталкивая возникающие перед лодкой препятствия. Тирион только и видел, что размытые огни фонарей впереди и позади, на корме. Ему самому поручили поддерживать огонь на жаровне.

— Это не простой туман, Хутор Хилл, — сказала Изилла. — Он пахнет колдовством — будь у тебя нос, сам бы учуял. Здесь погибло много плоскодонок, пиратских лодок и даже больших талей. Люди блуждают в тумане, пока не сходят с ума или не умирают голодной смертью. Неупокоенные духи витают здесь в воздухе и таятся под водой.

— Вон один, — показал Тирион. Из воды появились кончики чьих-то пальцев. Лодка прошла мимо, но карлик, оглянувшись, увидел в глубине всю огромную руку и очертания бледного лица. Ему, несмотря на шутки, было не по себе: эти места в самом деле пахли отчаянием и смертью. Изилла права. В тумане есть что-то противоестественное, и с водой тоже нечисто, и с воздухом. Неудивительно, что каменные люди все сумасшедшие.

— Негоже смеяться, — упрекнула Изилла. — Шепчущие ненавидят все живое и теплое — так и норовят новые души к себе забрать.

— Вряд ли у них найдется саван, чтоб был мне впору. — Тирион поворошил угли.

— Каменных людей донимает не столько ненависть, сколько голод, — пробубнил Хелдон Полумейстер из-под желтого шарфа, которым замотал себе нос и рот. — В этих туманах ничего съедобного не может произрасти. Волантинские триархи трижды в год отправляют сюда галею с провизией, но посланцы милосердия часто запаздывают и порой привозят больше ртов, чем еды.

— А как же рыба? — спросил молодой Грифф.

— Я бы не стала есть ничего, что здесь выловлено, — сказала Изилла.

— Вдыхать этот туман тоже незачем, — сказал Хелдон. — Он весь напитан проклятием Гаррина.

Не вдыхать туман возможно только не дыша вовсе.

— Проклятие Гаррина — это серая хворь, ничего более, — сказал Тирион. Оно часто постигает детей, особенно в сыром и холодном климате. Кожа каменеет и трескается, хотя Тирион читал, что это можно вылечить лимоном, горчичными припарками и обжигающе-горячими ваннами (по мнению мейстеров), а также постом и молитвой (по словам септонов). При успешном лечении маленькие больные не умирают, но остаются обезображенными. Мейстеры и септоны согласны в том, что к детям, помеченным серой хворью, она больше никогда не пристанет — как и родственная ей серая чума, от которой спасения вовсе нет. — Да и в той повинна сырость, как говорят. Дурные миазмы, а не проклятие.

— Завоеватели тоже в него не верили, Хутор Хилл, — не унималась Изилла. — Волантинцы с валирийцами повесили Гаррина в золотой клетке и смеялись, когда он взывал к своему отцу. Но в ночи Ройн поднялся и захлестнул их. Те, кто повелевал огнем, посейчас остаются там, под водой. Их холодное дыхание вызывает туманы, а сердца их и плоть обратились в камень.

Тирион почесал свербящий остаток носа. Старуха, может, и права — это место дурное. Будто снова стоишь в нужнике и смотришь, как умирает отец. Нетрудно сойти с ума или окаменеть, оставаясь в этом сером супе до конца дней своих.

Молодой Грифф не разделял его настроения.

— Пусть только тронут, мы им покажем, из чего сделаны.

— Мы сделаны из плоти и крови, по образу Отца с Матерью, — прошептала Лемора. — Не похваляйся, прошу тебя. Гордыня — тягчайший грех. Каменные люди тоже гордились, а Лорд-Покойник был самым гордым из всех.

Тирион раскраснелся от горящих углей.

— Так он вправду есть, Лорд-Покойник? Это не сказка?

— Лорд-Покойник повелевает туманами со времен Гаррина, — сказал Яндри. — Кое-кто говорит, будто он и есть Гаррин, восставший из водной могилы.

— Мертвые не встают из могил, — заспорил Хелдон, — и никто не живет тысячу лет. Их не меньше двадцати, лордов-покойников — когда один умирает, его заменяет другой. Нынешний — это корсар с островов Василиска, полагающий, что на Ройне можно нажиться лучше, чем в Летнем море.

— Я тоже слышал о нем, — сказал Утка, — но другая история мне нравится больше. Он в отличие от прочих каменных был настоящей статуей, но из тумана вышла серая женщина и коснулась его губ холодным как лед поцелуем.

— Хватит. Заткнитесь все, — резко бросил Грифф.

— Что там? — затаила дыхание септа.

— Где? — Тирион ни зги не видел в тумане.

— Движется что-то. Рябь на реке.

— Да черепаха это, — весело заявил принц. — Большой костохряст. — Он выбросил вперед шест и оттолкнулся от зеленого обелиска.

Из тумана возник затонувший храм. Яндри и Утка налегли на шесты и медленно прошли на корму. Мраморная лестница, вырастая из ила, уходила, закручиваясь, в пустой воздух. За ней смутно виднелись поваленные шпили, безголовые статуи, деревья с корнями длиннее лодки.

— Он был самым богатым и красивым на всей реке, — сказал Яндри. — Кройян, праздничный город.

Слишком богатым, слишком красивым. Драконов искушать неразумно. Затопленный город окружал их со всех сторон. Бледные кожистые крылья взмахнули в тумане, но всю фигуру карлик не разглядел.

Вскоре они увидели чей-то другой огонь.

— Эй, на лодке, — донеслось оттуда, — кто будете?

— «Робкая дева», — откликнулся Яндри, — а вы?

— «Зимородок». Вверх или вниз?

— Вниз. Шкуры, мед, эль и свечное сало.

— А мы вверх. Ножи, иголки, кружева, полотно, вино с пряностями.

— Что слышно в старом Волантисе?

— Война будет.

— Где? — крикнул Грифф. — Когда?

— На исходе года. Ниэссос и Малакуо идут рука об руку, слоны заполосатели. — Голос удалялся, лодочный огонь исчезал из глаз.

— Разумно ли перекликаться с лодками, которых не видишь? — спросил Тирион. — А если это пираты? — Кинжальное озеро «Дева» миновала удачно, ночью, никем не замеченная. Утка якобы видел во тьме корабль Уро Немытого, но «Дева» шла против ветра, и Уро, если то был Уро, к ней интереса не проявил.

— Пираты в Горести не пойдут, — сказал Яндри.

— Что бы это значило — полосатые слоны? — бормотал Грифф. — И Ниэссос с Малакуо… Ниэссоса Иллирио давно купил с потрохами.

— Сырами платил или золотом? — съехидничал Тирион.

— Остроты свои держи при себе — туман они все равно не прореживают.

«Да, отец», — чуть было не сказал Тирион. Слоны, как он полагал, вполне могли объединиться с тиграми против драконов. Может быть, торговец сырами неверно оценил ситуацию. Человека можно купить за золото, но только кровь и сталь делают его верным.

Он снова помешал и раздул угли. Мерзкий туман, мерзкое место, мерзавец Грифф. Тирион сохранил ядовитые грибы, собранные в усадьбе Иллирио, и временами испытывал искушение подсунуть их Гриффу за ужином. Беда в том, что тот почти ничего не ест.

Изилла повернула руль, Утка и Яндри налегли на шесты, молодой Грифф оттолкнулся

от разрушенной башни с окнами как черные пустые глаза. Парус отяжелел и обвис от влаги. Шесты уже не доставали до дна, но лодка продолжала плыть по течению, пока…

Из реки поднялось нечто горбатое и зловещее. Остров? Скала, поросшая мхом и папоротником? Нет… деревянный замок, тоже разрушенный. Шпили — как сломанные копья, башни без крыш. Чертоги, галереи, изящные арки, стройные колонны, террасы, беседки.

Запустение и уныние.

Серый мох покрывал ковром упавшие камни и бородой свисал с башен. Из окон, дверей и арок сползал черный плющ. Тирион, несмотря на туман, смог заметить, что некогда этот замок был в пять раз больше и в сто раз красивее Красного.

— Дворец Любви, — тихо вымолвил он.

— Так его называли ройнары, — сказал Хелдон. — Последние тысячу лет он называется Дворцом Горя.

Руины всегда навевают грусть, но еще грустнее, когда знаешь, чем они были раньше. Когда-то здесь звенел смех, в садах росли цветы и сверкали на солнце фонтаны. По этим ступеням всходили влюбленные, под дырявым куполом скреплялись поцелуем бессчетные браки. Тирион в который раз вспомнил Тишу, свою недолгую леди-жену. Это все Джейме. Его кровь, его старший брат. Он приносил маленькому Тириону игрушки — обручи, кубики, деревянного льва. Подарил брату первого пони и научил ездить на нем. Когда он сказал, что купил младшему и жену, Тирион даже не усомнился. С чего бы? Джейме был Джейме, а она — просто девочка, хорошо сыгравшая свою роль. Тирион боялся этого в самом начале, когда она впервые улыбнулась ему и взяла его за руку. Родной отец не любил его, за что же она полюбила? За деньги, само собой.

Арбалетная тетива снова прогудела в тумане, лорд Тайвин крякнул и хлопнулся задом на камень. «Куда все шлюхи отправляются», — так он сказал. Куда же это? «Куда ушла Тиша, отец?»

— Долго нам еще терпеть этот проклятый туман?

— Около часу, — ответил Хелдон. — Выйдем из Горестей, и все пойдет веселее. На Нижнем Ройне за каждым поворотом деревня. Сады, виноградники, золотые нивы, рыбаки, горячие бани, сладкие вина. Даже города, хоть Семи Королевствам впору: Селхорис, Валисар, Валан-Терис.

— Прямо впереди, — предупредил молодой Грифф.

Тирион сначала подумал, что это плоскодонка наподобие «Зимородка», но нет. Огонек в тумане разгорался все ярче; вскоре рядом стал виден другой огонь, а там и третий.

— Мост Мечты, — определил Грифф, — а на нем полно каменных. Многие поднимут вой, когда мы подойдем, но нападать вряд ли станут. В большинстве своем они слабаки, неуклюжие и безмозглые. Ближе к концу все поголовно сходят с ума и вот тогда делаются опасными. Если что, отбивайтесь факелами и ни в коем разе не давайте прикоснуться к себе.

— Может, они нас и не увидят в тумане, — понадеялся Хелдон. — Проскочим под мостом, и прощай.

«Каменные глаза слепы», — мысленно согласился с ним Тирион. Смертельная разновидность серой хвори начинается с пальцев на руках и ногах: ногти чернеют, чувствительность пропадает. Затронутая онемением рука или нога холодеет и становится серой, как камень. Для таких случаев есть три верных средства: меч, топор и тесак. И даже отсечение больной конечности не всегда останавливает болезнь. Пожертвуешь одной ногой — начинает сереть другая, и тогда уж надежды нет. Когда онемение доходит до глаз, человек слепнет; в конечной стадии болезнь перекидывается на внутренние органы, мышцы и кости.

Мост Мечты… разбитой мечты. Бледные арки тянутся от Дворца Горя на западный берег. Половина из них обвалилась под тяжестью серого мха вкупе с черным плющом, доски наверху сгнили, но немногие из огромного количества фонарей горят до сих пор. Тирион видел, как вокруг них толкутся здешние жители — без всякого смысла, точно ночные бабочки. Одни совсем голые, другие одеты в шкуры.

Грифф вынул свой длинный меч.

— Зажигай факелы, Йолло, а ты, парень, уйди с Леморой в ее каюту.

— Лемора и без меня каюту найдет, — заупрямился молодой Грифф. — Я останусь.

— Мы поклялись защищать тебя, — напомнила септа.

— Не надо меня защищать. Мечом я владею не хуже Утки. Наполовину рыцарь, можно сказать.

— А наполовину мальчишка, — отрезал Грифф. — Делай, что тебе говорят. Быстро.

Парень, тихо выбранившись, кинул свой шест на палубу. Грохот в тумане вызвал странное эхо, как будто шестов было много.

— Почему я должен прятаться? Хелдон вон остается, Изилла тоже. И Хутор.

— Я в случае чего и за Уткой спрячусь, — сказал Тирион, зажигая от углей полдюжины обмотанных масляными тряпками факелов. На огонь он старался не смотреть, чтобы самому не ослепнуть.

— Карлик несчастный, — презрительно бросил мальчик.

— Вот ты и раскрыл мою тайну. Хелдону я еле до пояса достаю, и всем наплевать, буду я жив или сдохну. — «В том числе и мне самому». — Зато тебе цены нет.

— Я предупреждал тебя, карлик, — прорычал Грифф.

В тумане послышался пронзительный вой.

— Да спасут нас Семеро, — прошептала, дрожа, Лемора.

До разрушенного моста осталось всего пять ярдов. Пена кипела у его опор, как на губах у бесноватого. Каменные люди обращали на лодку не больше внимания, чем на плывущее вниз бревно. Тирион, затаив дыхание, сжимал в руке факел. Еще немного, и «Дева» вошла в пенную воду, под мост, обросший с исподу серым грибком. Казалось, что они вот-вот разобьются, но Утка отпихнул лодку от правой опоры и снова вывел на стрежень.

Карлик начал дышать лишь после того, как молодой Грифф схватил его за руку.

— Почему это мне цены нет? Что ты этим хотел сказать?

— Ну… Если б каменные люди схватили Яндри, Гриффа или нашу Лемору, мы оплакали бы их и пошли себе дальше. Но без тебя наше путешествие утратило бы весь смысл, и оказалось бы, что торговец сырами с евнухом зря плели свои козни на протяжении стольких лет.

— Он знает, кто я, — сказал парень, взглянув на Гриффа.

Тирион тоже знал — и даже не зная, понял бы в этот миг.

«Робкая дева» ушла уже далеко от Моста Мечты, лишь один огонек еще мигал за кормой.

— Ты молодой Грифф, сын наемника, — сказал карлик. — А может, Воин в смертной оболочке — дай погляжу. — Он поднял факел, осветив лицо юноши.

— Отстань, не то пожалеешь.

— Из-за синих волос твои глаза тоже кажутся синими. Умно придумано, как и басня о покойной матери-тирошийке — прямо слеза прошибает. Но любопытно все же, почему сына простого наемника наставляет в вопросах веры осквернившая себя септа, а истории и языкам обучает не имеющий цепи мейстер. Любопытно также, почему твой отец выписал межевого рыцаря для обучения тебя военному ремеслу — он мог просто отправить тебя в один из вольных отрядов. Можно подумать, тебя намеренно скрывают, готовя… к чему? Вот в чем загадка, но я уверен, что со временем разгадаю и это. Для мертвеца ты, надо сказать, очень хорош собой.

— Я не мертвец, — вспыхнул мальчик.

— Как же так? Мой лорд-отец завернул тебя в красный плащ и положил рядом с сестрой у подножия Железного Трона, в дар новому королю. Те, у кого хватало духу откинуть плащ, видели, что у тебя полголовы снесено.

— Твой… — попятился парень.

— Отец, да. Тайвин из дома Ланнистеров. Ты, возможно, слышал о нем.

— Ланнистер? Твой отец…

— Его уже нет. Погиб от моей руки. Если вашему высочеству угодно по-прежнему именовать меня Хутором или Йолло, пусть будет так, но рожден я Тирионом из дома Ланнистеров, законным сыном Тайвина и Джоанны. Обоих своих родителей я убил, хотя и не сразу. Вам скажут, что я цареубийца, отцеубийца и лжец, что в общем-то верно, но кто здесь не лжец? Взять хоть вашего мнимого батюшку. Благодарите богов, что Варис-Паук тоже участвует в заговоре — его Грифф ни на миг бы не одурачил, как не провел и меня. Не лорд, не рыцарь… а я не карлик. То, что нам говорят, не обязательно правда. Кто воспитал бы маленького принца лучше, чем близкий друг Рейегара Джон Коннингтон, в свое время лорд Гриффин-Руста и королевский десница?

— Замолчи, — вымолвил Грифф.

Из воды с левого борта высунулись два каменных пальца. Сколько же их здесь? Тирион содрогнулся от сбежавшей по спине струйки пота. Горести проплывали мимо: рухнувший шпиль, обезглавленный торс героя, вырванное из земли дерево, чьи корни проросли сквозь окна и крышу дома. Почему это кажется Тириону таким знакомым?

Беломраморная лестница выросла впереди и оборвалась в десяти футах над лодкой. Нет. Быть не может.

— Свет впереди, — дрожащим голосом сообщила Лемора.

— «Зимородок» или другая лодка, — сказал Грифф и снова обнажил меч.

Остальные молчали. Парус не поднимали со времени входа в Горести — только течение несло вперед лодку. Утка и даже Яндри стояли праздно с шестами в руках. Рядом со слабым огоньком загорелся другой… и третий.

— Мост Мечты, — сказал Тирион.

— Невероятно, — выдохнул Хелдон. — Мы оставили его позади, а реки текут в одну сторону.

— Отец Ройн течет, как он хочет, — произнес Яндри.

— Да спасут нас Семеро, — пролепетала Лемора.

На мосту поднялся вой. Несколько каменных людей указывали на лодку.

— Хелдон, уведи принца вниз, — скомандовал Грифф.

Он опоздал: течение неотвратимо влекло их к мосту. Яндри уперся шестом в опору. Толчок бросил лодку вбок, на завесу из серого мха. Его щупальца прошлись по лицу Тириона ласково, как шлюхины пальцы. Сзади раздался грохот, и палуба накренилась так, что карлик едва устоял.

На крышу надстройки спрыгнул каменный человек, такой тяжелый, что лодка заколебалась. Он выкрикнул что-то на языке, неведомом Тириону, за ним последовал другой, прыгнувший на корму. Палуба треснула, у Изиллы вырвался крик.

Утка, стоявший к ней ближе всех, не стал хвататься за меч, а огрел каменного шестом и спихнул в реку, где тот сразу пошел ко дну.

Грифф, как только другой слез на палубу, стал теснить его назад с мечом в правой руке и факелом в левой. Лодку затянуло под мост, тени плясали на мшистых стенах. На корме каменного ждал Утка с шестом, а Хелдон ткнул в чужака своим факелом, поневоле вернув его к Гриффу. Меч наемника высек искру из шелушащейся серой плоти, отрубленная рука упала на палубу. Грифф пинком послал ее за борт, Утка и Яндри с шестами пришли на подмогу, и втроем они сбросили врага в черные воды Ройна.

«Робкая дева» вышла из-под моста.

— Все, что ли? — спросил Утка. — Сколько их спрыгнуло?

— Двое, — поеживаясь, сказал Тирион.

— Трое! — крикнул ему Хелдон. — Сзади, смотри!

Тирион повернулся и увидел его.

В прыжке каменный сломал себе ногу — кость торчала из полусгнивших штанов. Это не мешало ему надвигаться прямо на молодого Гриффа. Серые пальцы с разбитыми в кровь костяшками шарили в воздухе. Мальчик замер в ужасе, словно тоже окаменел. Он держался за рукоять меча, даже не пытаясь вынуть клинок из ножен.

Тирион дал парню подсечку, перепрыгнул через него и сунул факел каменному в лицо. Тот, волоча поврежденную ногу, отмахивался серыми руками от пламени. Карлик не отступал, тыча факелом прямо в глаза. Еще три шага… еще два… Они были на самом краю, когда каменный выхватил факел у Тириона. «А, чтоб тебе!»

Факел полетел в воду, каменный взвыл. Родом он был с Летних островов: не окаменевшие пока области его кожи чернели, как ночь. Боли в потрескавшихся от факела пальцах он, похоже, не чувствовал. Маленькая, но милость: серая хворь не болезненна, хотя и смертельна.

— Не подходи! — крикнул кто-то.

— Спасайте принца! — воззвал другой.

Руки каменного человека нашаривали врага.

Тирион саданул плечом ему в грудь, точно в стену — но стена эта зиждилась на шаткой опоре. Каменный опрокинулся в реку, успев схватить Тириона, и отец Ройн поглотил обоих.

Холод зажал карлика словно тисками. Одна каменная рука шарила по лицу, другая тянула вглубь. Тирион захлебывался, бил ногами, пытался вырваться, но каменные пальцы не отпускали. Последний воздух пузырями уходил изо рта.

Ну что ж, бывает смерть и похуже. Если по правде, он утонул уже давно, в Королевской Гавани. Это его дух, маленький мстительный призрак, задушил Шаю и послал стрелу в кишки великому лорду Тайвину. Кто оплачет существо, которым он стал? «После смерти буду являться в Семи Королевствах, — решил Тирион, уходя все глубже. — Не любили меня живого — будут бояться мертвого».

Он открыл рот, чтобы проклясть их всех. Черная вода наполнила легкие, и тьма сомкнулась вокруг.

ДАВОС

— Его милость сейчас тебя примет, контрабандист. — Накладки с чернью на серебряных доспехах рыцаря долженствовали изображать пышные водоросли. Шлем на сгибе руки был сделан в виде головы морского царя с перламутровой короной и торчащей бородой из нефрита и темного янтаря. Борода самого рыцаря была седой, как зимнее море.

— Могу я узнать ваше имя, сир? — спросил Давос.

— Сир Марлон Мандерли. — На голову выше Давоса, на три стоуна тяжелее, с грифельно-серыми глазами и крайне надменный. — Имею честь быть кузеном лорда Вимана и командиром его гарнизона. Следуй за мной.

Давос, приехав в Белую Гавань послом, оказался в плену. Поместили его в хороших, богато обставленных комнатах, но у дверей поставили часовых. Из окон он видел улицы Белой Гавани, но гулять по ним позволения не имел. Гавань и «Веселая повитуха», идущая по заливу, тоже были как на ладони. Кассо Могат ждал его четыре дня вместо трех, а после отчалил. С тех пор прошло две недели.

Домашние гвардейцы Мандерли носили шерстяные плащи цвета морской волны и серебряные трезубцы вместо обычных копий. Один из них шел перед Давосом, другой позади, еще двое по бокам. Процессия двигалась мимо поблекших знамен, разбитых щитов и ржавых мечей, повествующих о давних победах. Деревянные фигуры, все в трещинах и червоточинах, когда-то, несомненно, украшали носы кораблей.

У покоев лорда стояли два мраморных водяных, младшие родичи Хвостонога. Гвардейцы отворили двери, глашатай стукнул посохом о деревянные половицы и возвестил:

— Сир Давос из дома Сивортов!

За все свои посещения Белой Гавани Давос ни разу не ступал ногой в Новый Замок, а уж в Водный Чертог — и подавно. Тщательно пригнанные доски стен, пола и потолка были расписаны всевозможными морскими созданиями. Давос шагал по крабам, моллюскам и морским звездам. Между ними клубились водоросли и лежали кости погибших моряков. На синей глубине стен мелькали белые акулы, угри и осьминоги. Между высокими окнами

плавали косяки сельди и крупной трески. Выше подводного мира изображался надводный: справа шла на фоне восходящего солнца боевая галея, слева уходил от шторма потрепанный старый когг с рваными парусами. За помостом сошлись в схватке кракен и серый левиафан, на стропилах висели рыбачьи сети.

Надежда Давоса поговорить с Виманом Мандерли наедине не сбылась. Народу здесь собралось великое множество, но мужчин было впятеро меньше, чем женщин. Хороши воины — одни седые старцы да безусые парни, отметил про себя Давос. Присутствовали также септоны и святые сестры в белых и серых одеждах. Ближе к помосту стояли около дюжины человек в голубых и серебристо-серых цветах дома Фреев. Сходство между ними приметил бы и слепой. У некоторых на груди имелись эмблемы Близнецов: две башни, соединенные с мостом.

Читать по человеческим лицам Давос выучился задолго до того, как мейстер Пилос научил его читать слова на бумаге. Мертвый он этим Фреям куда милей, чем живой.

В бледно-голубых глазах Вимана Мандерли он тоже не находил привета. На мягком троне его милости могли бы усесться три человека средней упитанности, но Мандерли из него выпирал. Руки он не отнимал от подлокотников, будто и поднять их не мог. «Боги милостивые, да он наполовину мертвец!» — подумал Давос, глянув на серое, обрюзгшее лицо лорда.

Королям и покойникам всегда сопутствует свита, гласит пословица. С Мандерли так и было. По левую руку от него помещался мейстер, почти не уступающий толщиной лорду, розовощекий, с пухлыми губами и копной золотых кудрей. Сир Марлон занял почетное место по правую руку. На мягком стульчике у ног лорда сидела розовая дородная леди, за спиной стояли две девушки, по виду сестры. У обеих были длинные косы: у старшей каштановая, у младшей, от силы пятнадцати лет — крашеная, ярко-зеленая.

Никто не потрудился представить этих дам Давосу.

— Вы находитесь перед лицом Вимана Мандерли, — заговорил мейстер, — лорда Белой Гавани и Хранителя Белого Ножа, Щита Веры, Покровителя Неимущих, лорда-маршала Мандера, рыцаря ордена Зеленой Руки. Вассалы и просители в Водном Чертоге преклоняют колено.

Луковый Рыцарь не замедлил бы это сделать, но королевский десница? Это значило бы поставить своего короля ниже этого жирного лорда.

— Я не проситель, и у меня тоже есть титулы. Лорд Дождливого леса, адмирал Узкого моря, десница короля.

— Адмирал без кораблей, — закатила глаза толстуха на стульчике, — десница без пальцев на службе у короля без трона. Угадайте, кто такой?

— Это вестник, дочь моя, — сказал лорд Виман. — Луковица, не сулящая нам ничего доброго. Станнису не понравился ответ, который принес ему ворон, вот он и прислал сюда своего… контрабандиста. — Лорд еще больше прищурил утонувшие в жиру глазки. — Ты ведь уже бывал в нашем городе, верно? Таскал деньги из наших карманов и еду со стола. Любопытно было бы знать, сколько я из-за тебя потерял.

«Меньше, чем стоила одна твоя трапеза».

— За контрабанду я расплатился в Штормовом Пределе, милорд. — Давос, сняв перчатку, предъявил укороченные пальцы на левой руке.

— Четыре кончика пальцев за целую воровскую жизнь? — опять пропищала толстуха. — Дешево отделались, Луковый Рыцарь.

Давос не отрицал этого.

— Я хотел бы поговорить с милордом наедине.

Милорд был другого мнения.

— Мне нечего скрывать от родных и друзей, преданных мне лордов и рыцарей.

— Меня могут услышать враги моего короля… и ваши.

— Враги Станниса в этом чертоге, возможно, найдутся. Моих здесь нет.

— Даже тех, что убили вашего сына? Все Фреи, которых я вижу здесь, были на

Красной Свадьбе.

Один из Фреев, длинный худощавый рыцарь с тонкими, как мирийский стилет, усиками, вышел вперед.

— Красную Свадьбу учинил Молодой Волк. На наших глазах он обернулся зверем и разорвал горло моему кузену Динь-Дону, безобидному дурачку. Он убил бы и моего лорда-отца, если б не вмешался сир Вендел.

— Вендел всегда был храбрым мальчиком, — сморгнул слезы лорд Виман. — Я не удивлен, что он погиб как герой.

У Давоса дух захватило от столь беззастенчивой лжи.

— Вы утверждаете, что Вендела Мандерли убил Робб Старк?!

— И его, и многих других, в том числе моего сына Титоса с моим зятем. Все северяне начали оборачиваться волками вслед за своим королем. Все они мечены клеймом зверя. Всем известно, что укушенный варгом сам становится варгом. Мне и моим братьям оставалось только убить их, пока они сами нас не прикончили.

Фрей усмехался, рассказывая об этом. Давосу очень хотелось отрезать ему губы ножом.

— Могу я узнать ваше имя, сир?

— Сир Джаред из дома Фреев.

— Джаред из дома Фреев, вы лжец.

Джареда это лишь позабавило.

— Некоторые люди плачут, когда режут лук, но со мной такого никогда не случалось. — Меч с шорохом вышел из его кожаных ножен. — Защищайтесь, сир, если вы вправду рыцарь.

— Я не допущу кровопролития в Водном Чертоге, — выпучил заплывшие глазки лорд Виман. — Верните сталь в ножны, сир Джаред, не то мне придется попросить вас уйти.

Фрей спрятал меч.

— Под этим кровом слово милорда — закон, но я посчитаюсь с Луковым Рыцарем еще до его отъезда.

— Кровь, вот чего хочет эта злобная луковица! — взвыла толстуха. — Видите, как он сеет смуту? Молю вас, милорд, отослать его прочь. Он хочет пролить кровь ваших людей, ваших отважных сынов. Отошлите его. Королева, услышав, что вы принимали этого изменника у себя, может усомниться в вашей преданности короне. Она может…

— До этого не дойдет, дочь моя. У Железного Трона не будет причины в нас сомневаться.

Давосу не понравились эти слова — но не для того он проделал весь этот путь, чтобы держать язык за зубами.

— На Железном Троне сидит маленький узурпатор. Я не изменник, а десница Станниса Баратеона, единственного законного короля.

Толстый мейстер откашлялся.

— Станнис Баратеон был братом покойного короля Роберта, да рассудит его Отец по справедливости. Томмен — сын Роберта. Закон о престолонаследии не допускает сомнений: сын предшествует брату.

— Мейстер Теомор говорит верно, — изрек лорд Виман. — Он знаток таких дел и всегда подавал мне добрый совет.

— Законный сын в самом деле предшествует брату, — подтвердил Давос, — но Томмен — такой же бастард, каким был его покойный брат Джоффри. Оба они, в нарушение всех законов божеских и человеческих, зачаты Цареубийцей.

— Его устами говорит измена, милорд, — подал голос другой Фрей. — Станнис отсек его воровские пальцы, вам следовало бы отрезать его лживый язык.

— А еще лучше голову, — предложил сир Джаред. — Или позвольте ему сразиться со мной на поле чести, милорд.

— Что Фреи знают о чести? — не замедлил с ответом Давос.

На этот раз вперед подались сразу четверо Фреев, но лорд, вскинув руку, остановил их.

— Повремените, друзья мои. Я выслушаю его, прежде чем… что-то решать.

— Можете вы доказать факт этого кровосмешения, сир? — вопросил мейстер, сложив пухлые руки на животе.

Доказательством мог бы послужить Эдрик Шторм, но Давос отправил его за Узкое море, спасая от костра Мелисандры.

— Станнис Баратеон ручается своим словом в том, что все сказанное мной — правда.

— Слова — это ветер, — заметила девушка с каштановой косой. — Мужчины часто лгут, чтобы добиться желаемого, — это любая служанка знает.

— Слово одного лорда ничего не доказывает, — согласился с ней мейстер. — Станнис Баратеон не первый прибегает ко лжи, желая взойти на трон.

— Измены мы не потерпим, — заявила толстуха, грозя Давосу пухлым пальчиком. — В Белой Гавани живут добрые, законопослушные люди. Если будете по-прежнему вливать яд в наши уши, мой свекор посадит вас в Волчье Логово.

Свекра-то он с какого боку задел?

— Могу ли я иметь честь услышать имя миледи?

За толстуху ответил мейстер.

— Леди Леона — невестка лорда Вимана и жена сира Вилиса, находящегося ныне в плену у Ланнистеров.

Вот оно что… Ее речи продиктованы страхом: если Белая Гавань поддержит Станниса, ее муж поплатится жизнью. Разве может Давос просить лорда Вимана обречь своего сына на смерть? Как бы он сам поступил, будь заложником его Деван?

— Милорд, я молюсь, чтобы с вашим сыном ничего не случилось — как и со всеми, кто живет в Белой Гавани.

— Снова ложь, — фыркнула леди Леона.

Давос счел за лучшее пропустить это мимо ушей.

— Когда Робб Старк поднял оружие против лже-Баратеона Джоффри, Белая Гавань выступила в поход вместе с ним. Лорд Старк пал, но его война не окончена.

— Робб Старк был моим сюзереном, а Станнис мне кто? С какой стати он морочит нам голову? Прежде он на Севере никогда не бывал, насколько я помню. Теперь приплелся точно побитый пес и подставляет свой шлем за милостыней.

— Он пришел, чтобы спасти государство, милорд. Защитить ваши земли от одичалых и Железных Людей.

— Одичалых Белая Гавань веками не видела, — презрительно высказался сир Марлон, — а Железные Люди никогда не тревожили этот берег. От драконов и снарков лорд Станнис тоже будет нас защищать?

По чертогу прокатился смешок, но леди Леона неожиданно разрыдалась.

— Железные Люди с островов, одичалые из-за Стены… а теперь еще и этот изменник со своими разбойниками и колдунами. Мы наслышаны о вашей красной ведьме, о да! Она хочет заставить нас отречься от Семерых и склониться перед огненным демоном.

Давос тоже к красной женщине любви не питал, но леди Леоне нужно было что-то ответить.

— Леди Мелисандра — жрица красного бога. Королева Селиса наряду с многими другими приняла ее веру, но немало сторонников короля Станниса, и я в том числе, по-прежнему поклоняются Семерым. — Хорош он будет, если кто-то спросит о септе Драконьего Камня или богороще Штормового Предела. Отвечать придется по правде — лгать Станнис его не уполномочил.

— Белая Гавань находится под защитой Семерых, — объявила леди Леона. — Ваша красная королева и ее бог не страшны нам. Пусть себе насылает чары — молитвы святых мужей уберегут нас от зла.

— Хорошо сказано. — Лорд Виман потрепал сноху по плечу. — Лорд Давос, если вы вправду лорд… я знаю, чего хочет от меня ваш самозваный король. Стали, серебра и согнутого колена. — Подвинув свою тушу, лорд оперся на локоть. — Лорд Тайвин перед

смертью предлагал Белой Гавани полное прощение за союз с Молодым Волком. Обещал вернуть мне сына за выкуп в три тысячи золотых драконов и подтверждение моей верности. Русе Болтон, назначенный Хранителем Севера, просит меня отказаться от притязаний на земли и замки Хорнвудов, обещая оставить неприкосновенными другие мои владения. Уолдер Фрей, его тесть, предлагает мне в жены одну из своих дочерей и готов предоставить женихов моим внучкам, вот этим девицам у меня за спиной. Эти условия я нахожу щедрыми и вижу в них основу для долгого и прочного мира. Ты хочешь, чтобы я отверг их, Луковый Рыцарь, — ответь же мне: что предлагает лорд Станнис в обмен на признание его королем?

«Войну, скорбь и вопли сжигаемых заживо», — мог бы ответить Давос.

— Он дает вам случай исполнить свой долг. — Так ответил бы лорду сам Станнис, а десница — голос своего короля.

Лорд Виман снова обмяк на сиденье.

— Ясное дело. Долг.

— Белая Гавань не выстоит в одиночку. Вы нуждаетесь в его величестве не меньше, чем он в вас. Только сообща вы победите ваших общих врагов.

— Милорд, — вмешался сир Марлон, — вы позволите мне задать лорду Давосу пару вопросов?

— Сделайте милость, кузен, — закрыл глаза лорд.

— Скажите, сколько северных лордов присягнуло Станнису на нынешний день?

— Могу назвать вам Арнольфа Карстарка.

— Арнольф — кастелян, а не лорд. Сколькими замками располагает лорд Станнис?

— Его величество избрал Твердыню Ночи своей резиденцией. На юге ему принадлежат Штормовой Предел и Драконий Камень.

— Долго он их не удержит, — заметил мейстер Теомор. — Оба эти замка защищены слабо и скоро падут. Что до Твердыни, это населенные призраками руины — место, наводящее ужас.

— Сколько человек может Станнис вывести в поле? — продолжал сир Марлон. — Сколько у него рыцарей, сколько лучников, вольных всадников, латников?

Мало. Станнис привел на север не больше полутора тысяч, но если сказать об этом здесь, миссию можно считать проваленной. Давос не находил слов.

— Ваше молчание достаточно красноречиво, сир. Ваш король не даст нам ничего, кроме новых врагов. Ваша милость спрашивали Лукового Рыцаря, что предлагает нам Станнис, позвольте же дать ответ за него. Поражение и смерть, вот что. Он хочет, чтобы вы сели на воздушного коня и бились скованным из ветра мечом.

Лорд открыл глаза медленно, с заметным усилием.

— Мой кузен, как всегда, зрит в корень. Есть у тебя что сказать, Луковый Рыцарь, или положим этому фарсу конец? Твоя рожа мне уже надоела.

Давоса охватило отчаяние. Надо было Станнису послать кого-то другого — лорда, рыцаря, мейстера, умеющего молоть языком без запинки.

— Смерть? Я не спорю, — выпалил он. — Ваша милость потеряли на Красной Свадьбе одного сына, я на Черноводной потерял четверых, и все это из-за Ланнистеров, обманом занявших трон. Поезжайте в Королевскую Гавань и взгляните на Томмена сами, если мне веры нет. Это даже слепому видно. Вы спрашиваете, что предлагает вам Станнис? Мщение. За моих сыновей и за ваших, за мужей, и отцов, и братьев. Мщение за вашего убитого лорда, за вашего убитого короля, за ваших зарезанных принцев.

— Мщение! — отозвался ему тонкий голос девушки с зеленой косой. — Они убили лорда Эдуарда, и леди Кейтилин, и короля Робба. Он был отважный и добрый, а Фреи убили его. Если лорд Станнис хочет отомстить за него, мы должны примкнуть к лорду Станнису.

— Вийла, — привлек к себе внучку лорд Виман. — Каждый раз, как ты открываешь рот, мне хочется отдать тебя Молчаливым Сестрам.

— Я сказала только…

— Мы слышали, — вмешалась старшая. — Еще одна детская глупость. Сказать такое о

наших друзьях, один из которых скоро станет твоим лордом и мужем!

— Ну уж нет, — замотала головой младшая. — Убийца короля? Никогда.

— Выйдешь замуж как миленькая, — запыхтел лорд. — В назначенный день ты произнесешь свои брачные обеты, иначе взаправду пойдешь к Молчаливым Сестрам и ни одного словечка больше не скажешь.

— Прошу вас, дедушка… — перепугалась бедная бунтовщица.

— Тише, дитя, — сказала леди Леона. — Слушайся своего лорда-дедушку. Ты ничего не понимаешь во взрослых делах.

— Я помню обещание, — заартачилась девочка. — Скажите им, мейстер Теомор! За тысячу лет до Завоевания в Волчьем Логове, перед старыми богами и новыми, была дана клятва. Волки приняли нас, несчастных изгнанников, к себе, кормили, защищали от наших врагов. Этот город выстроен на земле, которую они дали нам, а мы взамен поклялись, что всегда будем их людьми — людьми Старков!

Мейстер потеребил цепь у себя на шее.

— Такая клятва в самом деле была дана Старкам из Винтерфелла. Но Винтерфелл пал, и дома Старков больше не существует.

— Потому что их всех убили!

— Лорд Виман, вы разрешите? — спросил еще один Фрей.

Мандерли кивнул.

— Мы всегда рады узнать ваше достойное мнение, Рейегар.

Рейегар Фрей — лет тридцати, узкоплечий, с заметным животиком, но в богатом дублете из мягкой шерсти с парчовой отделкой — ответил на комплимент поклоном. Плащ его из такой же серебряной парчи был оторочен беличьим мехом и застегнут пряжкой в виде двух башен.

— Верность — большое достоинство, леди Вийла, — сказал он девушке. — Надеюсь, вы будете столь же верны Уолдеру Малому, когда вас сочетают узами брака. Что до Старков, их род уничтожен лишь по мужской линии. Сыновья лорда Эддарда мертвы, но дочери живы, и младшая сейчас едет на север, чтобы стать женой отважного Рамси Болтона.

— Рамси Сноу, — презрительно поправила девушка.

— Называйте как вам угодно, но Арья Старк скоро станет его женой. Если вы верны древней клятве, можете присягнуть ему, ибо он — будущий лорд Винтерфелла.

— Не бывать ему моим лордом! Он принудил леди Хорнвуд выйти за него, а после запер в темнице и уморил голодом. Он съела свои пальцы, прежде чем умереть!

По чертогу пронесся согласный ропот.

— Девушка права, — сказал крепкий человек в пурпурно-белом плаще, застегнутом двумя перекрещенными бронзовыми ключами. — Русе Болтон тоже не подарок, но с ним еще можно договориться, зато этот его бастард, по слухам, просто чудовище.

— По слухам? — усмехнулся в шелковистую бороду Рейегар. — Мало ли какие слухи распускают его враги. Молодой Волк, вот кто был настоящим чудовищем. Зверем, распираемым гордыней и жаждой крови. И верить ему нельзя было, как узнал на горьком опыте лорд Уолдер. Я не виню Белую Гавань за помощь, оказанную ему, — Фрей развел руками, — ведь ту же ошибку совершил и мой дед. Белая Гавань и Близнецы бились бок о бок под знаменами Старка, но он предал нас всех. Бросил Север на произвол Железных Людей, чтобы сколотить себе королевство на речных землях, а там и речных лордов бросил. Нарушил брачное обещание, данное моему деду, и женился на первой встречной западной девке. Молодой Волк! Пес он был, мерзкий пес. И умер собачьей смертью.

В чертоге воцарилась мертвая тишина. Лорд Виман посмотрел на Рейегара, как на таракана, которого очень хочется раздавить… и кивнул, колыхнув многими подбородками.

— Истинно так. Гнусный пес, принесший нам только смерть и горе. Продолжайте, друг мой.

— Вот-вот, — поддакнул Фрей. — Смерть и горе. То же самое принесет вам этот толкующий о мести Луковый Рыцарь. Откройте глаза, как открыл их мой дед. Война Пяти

Королей вот-вот закончится. Король у нас один: Томмен. Надо помочь ему залечить раны, оставленные этой прискорбной междоусобицей. Он занимает Железный Трон по праву как законный сын Роберта, наследник и оленя, и льва.

— Мудрые, правдивые речи, — одобрил лорд Виман.

— Нет, не правдивые! — топнула ножкой Вийла.

— Тише, несчастная, — шикнула ее мать. — Молодые девушки должны радовать глаз, а не огорчать уши.

«Единственного друга лишился», — подумал Давос, когда леди Леона схватила дочь за косу и вывела вон.

— Вийла всегда была своевольной, — в качестве извинения сказала ее сестра.

— Замужество ее укротит, — пожал плечами Рейегар Фрей. — Твердая рука и тихое слово творят чудеса.

— Молчаливые Сестры, если что, всегда под рукой, — подытожил лорд Виман. — Вот что, Луковый Рыцарь: с меня довольно. Ты хочешь, чтобы я рискнул своим городом ради ложного короля и ложного бога. Предлагаешь мне пожертвовать единственным уцелевшим сыном, чтобы Станнис Баратеон сел своей тощей задницей на чужой престол. Этого от меня не дождутся ни ты, ни твой лорд, ни кто бы то ни было. — Лорд Белой Гавани с усилием встал, и шея у него сразу побагровела. — Как был ты контрабандистом, так и остался. Приехал за моим золотом и кровью моих людей. Хочешь, чтоб мой сын головы лишился, а я рассужу по-другому и сниму с плеч твою. Стража, взять этого человека.

— Милорд, — сказал окруженный серебряными трезубцами Давос, — я приехал к вам как посол.

— Да ну? Тайком пробравшись в мой город? Никакой ты не лорд, не рыцарь и не посол. Вор, шпион, лжец, изменник — вот кто ты есть. Язык бы тебе вырвать горячими щипцами, а самого отослать в Дредфорт, чтоб с тебя там кожу содрали. Благодари за милосердие Матерь Небесную и меня. — Лорд поманил к себе сира Марлона. — Приказываю вам, кузен, отвести его в Волчье Логово, отрубить ему руки и голову и показать оные части тела мне перед ужином. Я не съем ни куска, не увидев головы этого контрабандиста на пике — с луковицей, засунутой в лживый рот.

ВОНЮЧКА

Ему дали лошадь, знамя, мягкий шерстяной дублет, теплый плащ на меху. Впервые за долгое время от него не воняло.

— Добудь нам этот замок, — сказал Дамон-Плясун, подсаживая дрожащего Вонючку в седло, — а не добудешь — скачи, пока не поймаем. Он любит такие забавы. — Дамон с ухмылкой ожег старую кобылу кнутом и пустил ее вскачь.

Вонючка не посмел оглянуться. Вдруг это новая шутка лорда Рамси, и Дамон с Желтым Диком и Молчуном следуют за ним по пятам? Вдруг Рамси просто хочет проверить, что станет делать его отпущенный на свободу пленник, — не попытается ли бежать? Разбитой, заморенной кляче нипочем не уйти от скакунов лорда Рамси и его свиты, а лорд страсть как любит пустить свою драгоценную свору по следу беглого.

Да и куда бежать? Позади лагерь; на одной стороне стоят люди Дредфорта, на другой Рисвеллы из Родников, между ними барроутонское войско. С юга ко Рву Кейлин движется по Королевскому тракту другая армия под знаменами Дредфорта, Фреи и Болтоны. К востоку от дороги омывает голый берег холодное море, к западу простираются болота Перешейка, кишащие змеями, львоящерами и болотными дьяволами с ядовитыми стрелами.

Нет, пленник не побежит. Он должен добыть замок для своего господина.

День занялся серый, туманный. Ветер дул с юга, влажный, как поцелуй. Вдали в утренней дымке виднелись руины Рва. Кобыла шла шагом, с чмоканьем вытягивая копыта из серовато-зеленого ила.

Он уже ездил этим путем… Опасная мысль, непрошеная.

— Нет, — сказал он вслух, — это другой был, не ты. Ты тогда еще не знал своего имени. — Имя ему Вонючка. Надо запомнить. Вонючка, Вонючка, рифма колючка.

Когда тот другой человек ехал этим путем, с ним шло целое войско. Северяне под серыми с белым знаменами дома Старков. Вонючка едет один, держа сосновое древко мирного знамени. Другой ехал на резвом скакуне, Вонючка едет на костлявой кляче — медленно, потому что боится упасть. Тот был хороший наездник, а Вонючка в седле еле держится. Какой из него наездник, он и не человек даже. Скотина лорда Рамси, ниже собаки, червяк в человеческом облике. «Прикинешься, будто ты принц, — говорил ему Рамси ночью, когда Вонючка отмокал в горячей воде, — хотя мы оба знаем, что ты Вонючка. Всегда будешь Вонючкой, как бы хорошо от тебя ни пахло. Не позволяй собственному носу тебя обмануть. Помни свое имя. Помни, кто ты такой».

«Я ваш Вонючка», — подтвердил пленник.

«Сделаешь для меня эту малость — станешь моей собакой и будешь каждый день трескать мясо. В какой-то миг ты почувствуешь искушение изменить мне. Бежать, дать отпор, перейти к врагу. Молчи, я еще не закончил. Хочешь солгать, чтобы я вырвал тебе язык? Человек так и поступил бы на твоем месте, но мы-то знаем, кто ты, так или нет? Если замыслишь измену, пересчитай сперва свои пальцы и подумай, чего это тебе будет стоить».

Вонючка знал цену. Семь пальцев. Священное число. С семью пальцами прожить можно. Больно было, когда лорд Рамси приказал Свежевальщику содрать кожу с безымянного. Ужас как больно.

Сырой воздух давил, на дороге стояли лужи. Вонючка огибал их, стараясь ехать по бревнам и доскам, которые проложил здесь авангард Робба Старка. От мощной некогда крепостной стены остались разрозненные камни, блоки черного базальта — их разве что сто человек могли на место поставить. Некоторые ушли в болото так глубоко, что только край виден, другие, в пятнах лишайника, валяются, словно раскиданные игрушки богов. Все блестят после ночного дождя — на утреннем солнце кажется, будто они смазаны черным маслом. За ними высятся башни.

Пьяная накренилась, будто упасть собирается, — уже пятьсот лет так стоит. Детская пряма, как копье, но обвалившийся верх открыт непогоде. Приземистая Воротная, самая большая из трех, вся покрыта мхом; на северной стороне из нее растет кривое дерево, с восточной и западной россыпью лежат камни. Карстарки взяли Пьяную, Амберы — Детскую, Воротную занял сам Робб.

Если закрыть глаза, можно увидеть, как трепещут на резком северном ветру знамена. Теперь от них и следа не осталось. Теперь дует с юга, и на многочисленных знаменах во Рву герб только один: золотой кракен[2] на черном поле.

За ним наблюдали. Из-за зубцов Воротной башни выглядывали чьи-то лица, в обрушенной короне Детской тоже чувствовалось движение. Это оттуда, по преданию, Дети Леса с помощью водного молота раскололи Вестерос надвое.

Королевский тракт — единственная дорога через Перешеек, и башни Рва Кейлин закупоривают его с северного конца, как бутылку. Они расположены так, что любой враг, направляющийся с юга должен непременно пройти между ними. Задумав штурм одной из трех башен, неприятель подставит тыл стрелам с двух остальных, а взбираться будет по стенам, поросшим слизистой «шкурой призрака». Болота по обеим сторонам тракта непроходимы: там стерегут трясины, зыбучие пески и зеленый дерн, обманывающий неопытный глаз: ступишь на такой, а под ним вода. Там растут ядовитые цветы и водятся ядовитые змеи, не говоря уж о чудовищных львоящерах с зубами будто ножи. Не менее опасны местные жители, лягушатники — Фенны, Риды, Торфы, Боллы, Креи, Квогги, Грингуды и Блэктопы. Железные Люди кличут их всех разом болотными дьяволами.

Вонючка миновал разложившийся труп лошади с торчащей из шеи стрелой. Из пустой

---

[2] Гигантский кальмар, эмблема дома Грейджоев. — *Примеч. пер.*

глазницы выползла белая змея. Тут же лежали останки всадника, исклеванного воронами и выпотрошенного хищниками. Чуть дальше из ила выступали лицо и пальцы другого убитого.

На подходе к башням трупы лежали густо. Из зияющих ран проросли бледные жгучецветы с лепестками пухлыми и влажными, как женские губы.

Люди в крепости нипочем его не признают. Некоторые, может, и вспомнят юношу, которым он был до того, как узнал свое имя, но Вонючка для них чужой. Он давно не смотрелся в зеркало, но знал, что из юноши стал стариком. Волосы, сильно поредевшие, поседели и высохли, самого ветром качает — тюрьма всю силу из него выпила.

И руки… Рамси дал ему хорошие перчатки из черной кожи, набитые шерстью, чтобы скрыть недостаток пальцев — но вблизи все равно видно, что три пальца не гнутся.

— Ни шагу дальше! — крикнули с башни. — Чего тебе надо?

— Поговорить. — Он пришпорил кобылу, замахал мирным знаменем. — При мне нет оружия.

Ему не ответили. Железные Люди решают, впустить его или нашпиговать стрелами. Пусть делают что хотят. Лучше умереть без мучений, чем вернуться к лорду Рамси ни с чем.

Через пару мгновений двери Воротной башни открылись.

— Давай сюда, быстро.

Вонючка двинулся на голос, и тут справа, из-за развалин стены, прилетела стрела. Она прорвала знамя и повисла над самым его лицом. Он так испугался, что выронил древко и скатился с седла.

— Да шевелись же, дурак!

Пока он на четвереньках карабкался по ступеням, над головой просвистела другая стрела. Кто-то втащил его внутрь и захлопнул позади него дверь. Вонючку подняли на ноги, прислонили к стене, приставили к горлу нож. Чья-то бородатая рожа придвинулась к нему так, что он видел все волоски в носу.

— Ты кто? Зачем притащился? Говори, не то и с тобой то же самое будет. — Бородач кивнул на позеленевший, кишащий червями труп на полу.

— Я Железный Человек. — Ложь, конечно. Юноша, который и впрямь был из Железных Людей, умер в темницах Дредфорта, и вместо него родился Вонючка. — Посмотри на меня: я твой принц, сын лорда Бейлона. — Настоящее имя почему-то застряло у него в горле. «Вонючка, Вонючка, рифма трясучка». На время о нем придется забыть. Вонючке, в каком бы он ни был отчаянном положении, замок никто не сдаст. Надо прикинуться принцем.

Бородач прищурился, подозрительно скривив рот. Зубы у него побурели, изо рта пахло элем и луком.

— Сыновья лорда Бейлона все убиты.

— Это братья убиты, а я живой. Лорд Рамси взял меня в плен в Винтерфелле и послал на переговоры. Кто главный, ты?

— Я-то? — Бородач убрал нож и отступил, чуть не споткнувшись о мертвеца. — Нет, милорд, где уж мне. — Кольчуга на нем проржавела, кожаная рубаха сгнила, на тыльной стороне ладони виднелась открытая язва. — Командиром у нас Ральф Кеннинг, а я так, при дверях.

— А это кто? — спросил Вонючка, пнув мертвое тело.

Страж уставился на труп так, точно видел его впервые.

— Он это… воды напился. Пришлось горло ему перерезать, уж больно орал. От живота, значит. Воду пить нельзя, на то у нас эль. — Глаза у бородача покраснели и воспалились. — Раньше-то мы мертвяков в подвал стаскивали, а теперь затопило. Трудиться никому неохота, вот они и лежат, где легли.

— Лучше бы в подвал. Отдать их воде, Утонувшему Богу.

— Там богов нету, милорд, — засмеялся страж. — Одни крысы да водяные змеи. Белые, толстые, с твою ногу. Иногда забираются по ступенькам и кусают, пока мы спим.

Вонючке вспомнились темницы под Дредфортом, трепещущая на зубах крыса, ее

теплая кровь. Если он потерпит неудачу, Рамси снова отправит его туда, но сначала прикажет содрать кожу с другого пальца.

— Сколько у вас осталось людей?

— А кто его знает. Меньше, чем было. В Пьяной тоже вроде бы кто-то есть. В Детской никого — Дагон Кода, намедни ходил туда. Сказал, там было только двое живых — они мертвецов ели, ну он и убил их.

«Ров Кейлин уже пал, — понял Вонючка, — только гарнизону об этом сказать забыли».

— Мне надо поговорить с твоим командиром. — Он прикрывал рот, пряча выбитые зубы.

— С Кеннингом? — растерялся страж. — С ним не больно поговоришь, помирает он. Может, и помер уже. Не видал его уж не помню с каких…

— Проводи-ка меня к нему.

— А дверь кто будет стеречь?

— Он. — Вонючка снова пнул мертвеца.

— А чего, пусть, — засмеялся страж. — Пошли. — Он взял факел из гнезда на стене, помахал им, чтобы раздуть, и повел Вонючку вверх по винтовой лестнице.

В комнате наверху было темно, дымно и очень душно. Узкое окошко завесили драной шкурой, на жаровне тлела целая глыба торфа. Пахло здесь болезнью, плесенью, нечистотами. Грязный тростник на полу давно не меняли.

На куче соломы, укрытый грудой мехов, трясся Ральф Кеннинг. Рядом были сложены меч, боевой топор, кольчуга, железный шлем. На его щите молния из облачной руки Штормового Бога била в бурное море, но краска облупилась, и дерево тронула гниль.

Гнил и сам Ральф, голый под своими мехами. Бледную распухшую плоть покрывали сочащиеся язвы и струпья, щека вздулась, шея налилась кровью, рука напоминала бревно и кишела мелкими белыми червяками. Много дней никто не прикасался к нему, не обмывал и не брил. Один глаз гноился, в бороде засохла блевотина.

— Что с ним? — спросил Вонючка.

— Болотный дьявол его подстрелил. Царапина вроде бы, да только они свои стрелы мажут дерьмом и разными ядами. Кипящее вино лили на рану — не помогло.

У Вонючки был свой способ лечения.

— Убей его. Он уже ничего не смыслит. Его черви едят.

— Капитан его командиром поставил, — ужаснулся латник.

— Прикончи его, как прикончил бы умирающего коня.

— Какого еще коня? Сроду у меня его не было.

Улыбчивый, с пылающей гривой… он кричал совсем как человек, вставал на дыбы, бил копытами в воздухе. Нет, нет. У Вонючки тоже никогда не было лошади.

— Не хочешь — я сам убью. — Вонючка взял меч Кеннинга, прислоненный к щиту — пальцев у него на это еще хватало. Когда он приставил острие к раздутому горлу раненого, кожа лопнула, выпустив наружу гной и черную кровь. Ральф дернулся и застыл. Ужасающая вонь наполнила комнату. Вонючка кинулся к лестнице, где воздух, хоть и сырой, был не в пример чище. Латник, перебарывая рвоту, ковылял следом. — Кто его заменяет? Где остальные?

— На башне… может, в чертоге. Пьют или спят. Пойдем, коли хочешь.

— Как не хотеть. — Рамси дал ему только день.

В высоком чертоге гуляли сквозняки, перенося туда-сюда струйки дыма. Стены пятнал лишайник, в очаге, почерневшем от куда более жарких огней, горел торф. Посреди высился огромный, вытесанный из камня стол. Когда-то во главе его сидел Робб с Большим Джоном по правую руку и Русе по левую. Чуть ниже помещались Гловеры рядом с Хелманом Толхартом, а напротив них — Карстарк с сыновьями.

Теперь за столом сидели две дюжины Железных Людей, и лишь немногие из них подняли тусклые глаза на Вонючку. Он никого здесь не знал, но плащи на некоторых были застегнуты серебряными пряжками в виде трески. Кодды на Железных островах доброй

славой не пользовались: мужчины слыли ворами и трусами, а женщины — распутницами, творящими блуд с собственными отцами и братьями. Неудивительно, что дядя, отплыв домой вместе с Железным Флотом, оставил здесь не кого-то, а их. Это облегчит задачу племяннику.

— Ральф Кеннинг умер, — объявил Вонючка. — Кто вместо него?

Люди за столом уставились на него. Один засмеялся, другой плюнул, третий спросил:

— Ты сам-то кто будешь?

— Сын лорда Бейлона. — «Меня зовут Вонючка… рифма тучка». — Я пришел сюда по приказу Рамси Болтона, лорда Хорнвуда и наследника Дредфорта, взявшего меня в плен в Винтерфелле. Его войско стоит к северу от вас, войско его отца к югу, но лорд Рамси готов проявить милосердие, если вы сдадите ему Ров Кейлин еще до захода солнца. — Он достал письмо, которое ему дали, и бросил на стол.

Один из Железных Людей взял послание, повертел в руках, ковырнул печать, оттиснутую в розовом воске.

— На кой нам пергамент? Мы сыра хотим. И мяса.

— Стали, — поправил другой, седобородый, с обрубком вместо левой руки. — Мечей, топоров. Еще сотню луков и стрелков к ним.

— Железные Люди не сдаются, — поддержал его третий.

— А как же мой отец? Лорд Бейлон сдался, когда Роберт проломил его стену. Иначе он погиб бы, и вы все вместе с ним. Сломайте печать и прочтите: это пропуск, написанный собственной рукой лорда Рамси. Выходите со мной наружу, сложите свои мечи. Его милость накормит вас, после чего вы беспрепятственно дойдете до Каменного Берега, найдете себе корабль и поплывете домой. В противном случае вы умрете.

— Угрожаешь? — Один из Коддов встал — здоровенный, с глазами навыкате, с большим ртом и мертвенно-белой кожей. Отец, видать, его от рыбы прижил, но на боку у него висел длинный меч. — Дагон Кодд никому не сдастся.

«Только не это!» При мысли, что сделает с ним Рамси, Вонючка чуть штаны не намочил.

— Таков, значит, ваш ответ? Эта треска говорит от имени всех вас?

— Виктарион велел нам держаться, — неуверенно молвил впустивший его караульщик. — Я сам слыхал. «Держитесь до моего возвращения», — так он сказал при мне Кеннингу.

— Точно, — подтвердил однорукий. — Его позвали на вече, но он поклялся, что вернется сюда в короне из плавника и с тысячей Железных Людей.

— Мой дядя не вернется, — сказал Вонючка. — Вече короновало его брата Эурона, а Вороний Глаз ведет собственную войну. Не думайте, что имеете для Виктариона какую-то цену: он бросил вас здесь умирать. Соскреб вас, как ил с сапог при выходе из моря на берег.

На сей раз он попал в цель — это было видно по хмурым взглядам, которыми обменивались защитники замка. Втайне они давно боялись, что их покинули, но слова Вонючки преобразили страхи в уверенность. Среди этого отродья невольников и морских женок не найдется ни одного капитана и потомка знатного дома.

— Нам вправду позволят уйти, если мы сдадимся? — спросил однорукий. — Так в этом письме и сказано? — Печать так никто и не вскрыл.

— Прочтите сами, — сказал Вонючка, почти уверенный, что грамотных среди них тоже нет. — Лорд Рамси поступает с пленными благородно, если и они достойно себя ведут. — У Вонючки он взял только пальцы и еще кое-что, хотя мог бы язык отрезать или ободрать ноги от бедра до ступни. — Сдайте ему мечи и будете жить.

— Лжешь, — обнажил меч Дагон Кодд. — С чего нам верить тому, кто носит прозвище Переметчивого?

«Да он пьян, — понял Вонючка. — Эль говорит за него».

— Хотите верьте, хотите нет. Я передал вам послание лорда Рамси и должен вернуться к нему. На ужин у нас дикий кабан и репа с крепким красным вином. Тех, кто пойдет со

мной, тоже за стол пригласят, а остальные умрут не позже чем завтра. Лорд Дредфорта со своими рыцарями нападет с юга, а сын его с севера. Пощады не ждите. Счастье тем, кто погибнет в бою, — живых отдадут в руки болотных дьяволов.

— Хватит! — взревел Дагон Кодд. — По-твоему, Железных Людей можно напугать пустыми словами? Убирайся вон. Беги к своему хозяину, пока я не вспорол тебе брюхо и не заставил жрать свои потроха.

Внезапно его глаза выпучились еще больше, а во лбу вырос брошенный кем-то топорик. Кодд выронил меч, трепыхнулся, как рыба на крючке, и повалился на стол.

— Может, еще кто хочет? — спросил однорукий, показывая второй топорик. — Говорите, я охотно вам услужу. — От головы Дагона разбегались по каменной столешнице красные струйки. — Я вот, к примеру, намерен еще пожить и гнить тут не стану.

Кто-то хлебнул эля, другой плеснул из чаши на стол и смыл текущий к нему ручеек крови. Молчания никто не нарушил. Когда однорукий сунул топорик за пояс, Вонючка понял, что выиграл, и почувствовал себя почти человеком. Лорд Рамси будет доволен им.

Он собственными руками спустил знамя с кракеном — спасибо, что лорд Рамси оставил ему несколько пальцев. Железные Люди, готовясь к отходу, провозились добрых полдня. Их было больше, чем думал Вонючка: сорок семь в Воротной башне и еще восемнадцать в Пьяной. Двое из них при смерти, еще пять не могли ходить. Оставалось пятьдесят восемь боеспособных — слабых, но при штурме они могли бы убить втрое больше людей лорда Рамси. «Он хорошо сделал, что послал к ним меня», — думал Вонючка, опять забираясь на свою клячу. Тощая колонна островитян потянулась следом за ним к военному лагерю.

— Мечи, кинжалы, луки оставьте здесь, — велел им Вонючка. — Всех вооруженных убьют на месте.

Назад они шли втрое дольше, чем Вонючка ехал сюда. Для четырех лежачих соорудили носилки, пятого тащил на спине его сын. Идущие чувствовали себя неуютно под прицелом болотных дьяволов, и Вонючка молился, чтобы лучник, если что, убил его сразу. Чтобы не умирать долго, как Ральф Кеннинг.

Однорукий, сильно хромая, шел во главе. Звали его Адрак Хамбл; на Большом Вике у него остались три морские жены и одна каменная.

— Трое были с брюхом, когда мы отплывали, — хвастался он, — а у Хамблов двойняшки в роду. Как вернусь, первым делом сочту новых сынов — одного, глядишь, назову в твою честь, милорд.

«Ага. Назови Вонючкой, а будет шкодить — руби ему пальцы и корми его крысами». Вонючка плюнул в сторону, думая, что Ральфу Кеннингу, возможно, как раз повезло.

Когда впереди показался лагерь, стал моросить мелкий дождик. Часовой пропустил их молча. От залитых дождем костров несло дымом. Позади пленных возникли всадники, которых вел юноша с лошадиной головой на щите. Один из сыновей лорда Рисвелла, Рикард либо Роджер.

— Все здесь? — спросил он с высоты своего рыжего жеребца.

— Все, кто был жив, милорд.

— Я думал, их больше. Мы штурмовали их трижды, и трижды они давали отпор.

«Мы как-никак Железные Люди», — подумал Вонючка с гордостью. На миг он снова стал принцем, сыном лорда Бейлона, косточкой Пайка. Э, нет. Об этом даже думать опасно. Он Вонючка, рифма сучка.

Лай гончих возвестил о приближении лорда Рамси. С ним были Смерть Шлюхам, Свежевальщик, Алин-Кисляй, Дамон, Большой и Малый Уолдеры. Собаки ворчали и скалились на чужих. Бастардовы девочки… нет, нет, нет. Ни в коем случае нельзя говорить при Рамси «бастард».

Вонючка слез с лошади, преклонил колено.

— Ров Кейлин ваш, милорд. Перед вами последние защитники замка.

— Я надеялся, их будет больше — они защищались стойко. — Светлые глаза Рамси

блеснули. — Оголодали, поди? Дамон, Алин, позаботьтесь о них. Вино, эль и еды до отвала. Ты, Свежевальщик, проводи раненых к мейстерам.

— Да, милорд.

Железные Люди, бормоча слова благодарности, побрели к кострам в середине лагеря. Один хотел даже поцеловать кольцо лорда Рамси, но собаки не подпустили его, а Элисон тяпнула за ухо. По шее Кодда потекла кровь, но он все кланялся и благодарил милостивого лорда.

Когда все разошлись, Рамси сгреб Вонючку за волосы, притянул к себе и поцеловал в щеку.

— Старый дружище Вонючка. Они в самом деле приняли тебя за своего принца? Экие дурни эти Железные Люди. Боги сейчас смеются, должно быть.

— Они хотят вернуться домой, милорд. Ничего более.

— А чего хочешь ты, мой славный? — нежно, как влюбленный, прошептал Рамси. От него чудесно пахло подогретым вином и гвоздикой. — Столь доблестный подвиг заслуживает награды. Пальцы я тебе вернуть не могу, но все остальное… Хочешь получить обратно свою свободу? Вернуться вместе с этими воинами на суровые острова в сером море и снова стать принцем? Или предпочтешь остаться верным моим слугой?

Спину царапнул холодный нож. Осторожно, осторожно сейчас. Вонючке не нравился блеск в глазах его милости, не нравилась слюна в углу рта. Он уже видел прежде такие знаки. «Ты не принц, ты просто Вонючка, рифма тянучка. Отвечай так, как он хочет».

— Милорд, мое место здесь, рядом с вами. Я ваш Вонючка. Довольно будет меха с вином, красным, самым крепким, какое есть. Человеку иногда надо выпить.

— Ты не человек, Вонючка, ты моя тварь… но вино, так и быть, получишь. Позаботься об этом, Уолдер. Не бойся, в темницы я тебя не верну, слово Болтона. Будешь моей собакой. Мясо каждый день — зубов у тебя довольно, чтобы жевать. И спать будешь с моими девочками. Найдется ошейник для него, Бен?

— Изготовлен по моему заказу, милорд.

Кроме ошейника, старый псарь дал Вонючке рваное одеяло и половину курицы. Ее пришлось отбивать у собак, но так вкусно он не ел со времен Винтерфелла.

А вино… кислое, правда, но восхитительное. Вонючка сидел среди собак и пил, пока в голову не ударило. Поблевал, вытер рот, выпил еще и лег. Когда он проснулся, собака слизывала рвоту с его бороды и месяц то выныривал из туч, то прятался снова. Где-то слышались крики. Вонючка отпихнул собаку, повернулся на бок и снова заснул.

Наутро лорд Рамси отправил к своему лорду-отцу трех гонцов с уведомлением, что путь свободен. Над Воротной башней вместо спущенного Вонючкой золотого кракена Пайка развевался теперь болтонский человек с содранной кожей. На деревянных кольях, вбитых в болотистый грунт вдоль дороги, висели такие же трупы, шестьдесят три числом. У одного недоставало руки, другому сунули в зубы пергамент с невскрытой печатью.

Три дня спустя через руины, мимо жутких дорожных столбов проехал авангард Русе Болтона — четыреста Фреев в сером и голубом. Наконечники их копий сверкали, когда меж туч прорывалось солнце. Вели авангард два сына лорда Уолдера. Один крепкий, мускулистый, с массивной челюстью, другой с голодными глазами, посаженными близко над острым носом, лысый и со слабым подбородком, плохо прикрытым жидкой каштановой бороденкой. Хостин и Эйенис. Вонючка помнил их еще с тех времен, когда его звали как-то иначе. Хостин похож на быка: разозлить его непросто, но коли уж разозлится, держись. Говорили, что он самый свирепый воин из всего потомства лорда Уолдера. Эйенис превосходит его годами, умом и жестокостью — он больше командир, чем боец. У них обоих большой опыт в военном деле.

Сразу за Фреями шли северяне, трепетали на ветру потрепанные знамена. Большей частью пешие, и осталось их мало. Вонючка помнил, какое огромное войско отправлялось с Роббом на юг под лютоволком Старков. Двадцать тысяч мечей и копий, никак не меньше, а назад вернулись едва ли двое из десяти, в большинстве своем люди Дредфорта.

В самой гуще колонны ехал человек в темно-сером панцире поверх кроваво-красного камзола из стеганой кожи. Рондели[3] в виде человеческих голов с разверстыми ртами, казалось, кричали в муках, с плеч ниспадал розовый шерстяной плащ с вышитыми на нем каплями крови, за шлемом тянулись длинные ленты красного шелка. «Лорда Русе отравленной стрелой не убьешь», — подумал Вонючка. За ним шесть тяжеловозов тащили крытую повозку. Арбалетчики охраняли ее сзади и спереди, синие бархатные полотнища скрывали тех, кто сидел внутри.

Обоз — тяжело груженные телеги с провиантом, добычей и ранеными — опять замыкали Фреи, не меньше тысячи: лучники, копейщики, крестьяне с серпами и кольями, конные стрелки, вольные всадники и еще сотня рыцарей, чтобы держать их в узде.

Вонючка, опять в лохмотьях, при ошейнике, на цепи, шел вместе со всей сворой за лордом Рамси. Всадник в красном камзоле снял шлем, открыв незнакомое лицо, и радостная улыбка Рамси тут же прокисла.

— Это что, насмешка?

— Скорее предосторожность, — прошептал Русе Болтон, выходя из крытой повозки.

Лорд Дредфорта был не слишком похож на своего побочного сына. Чисто выбритое лицо, вполне заурядное, не красивое и не уродливое. Он побывал в боях, но ни одного шрама на нем не осталось. Ему перевалило за сорок, но и морщин он тоже не нажил. Тонкие губы будто пропадали совсем, когда он сжимал их. Лицо без возраста, не выражающее почти ничего: не поймешь, гневается лорд или радуется. Общим у него с Рамси были только ледяные глаза. Плачет ли лорд Русе когда-нибудь, и если да, не замерзают ли слезы у него на щеках?

Когда-то юноша по имени Теон Грейджой насмехался над Болтоном на совете у Робба Старка, передразнивал его тихий голос и отпускал шуточки о пиявках. В своем ли он был уме? С таким, как этот лорд, шутки плохи. С первого взгляда ясно, что в одном мизинце у него на ноге жестокости больше, чем во всех Фреях разом.

— Отец… — Рамси преклонил перед ним колено.

— Встань, — разрешил, чуть помедлив, лорд Русе. В повозке с ним сидели две женщины; Болтон поочередно помог им выйти.

Первая была маленькая, очень толстая, с круглым красным лицом. Под собольим капюшоном плаща болтались три подбородка.

— Моя молодая жена, — представил ее Русе. — Мой внебрачный сын, леди Уолда. Поцелуй руку своей мачехе, Рамси. — Рамси поцеловал. — А леди Арью, свою нареченную, ты должен хорошо помнить.

Эта была тоненькая, выше, чем помнил Вонючка, — но девочки в ее возрасте растут быстро. Поверх серого шерстяного платья с оторочкой из белого атласа был накинут горностаевый плащ, скрепленный серебряной головой волка. Темно-каштановые волосы падали ниже лопаток.

«Она не дочь лорда Эддарда», — мгновенно понял Вонючка. У Арьи глаза серые, старковские. Она могла отрастить волосы, подрасти сама, и грудь у нее могла округлиться, но цвет глаз изменить нельзя. Это не Арья, это подружка Сансы, дочка стюарда. Джейни, вот как ее звали. Джейни Пуль.

— Лорд Рамси, — присела девочка. Тоже неправильно; Арья Старк ему бы в лицо плюнула. — Я надеюсь стать хорошей женой и подарить вам сильных сыновей, ваших наследников.

— Подаришь, — пообещал Рамси. — Долго ждать не придется.

ДЖОН

[3] Диски на латных наплечниках, защищающие подмышки. — *Примеч. пер.*

Свеча догорела в лужице воска, но сквозь ставни проникал дневной свет: Джон опять уснул за работой. На столе громоздились высокие стопки книг. Он сам перетащил их сюда, а до того половину ночи рыскал с фонарем по пыльным подвалам.

Сэм был прав: книги настоятельно требуется разобрать, привести в порядок, но кто будет заниматься этим — неграмотные стюарды? Придется ждать, пока не вернется Сэм.

Если вернется. Джон опасался за него и мейстера Эйемона. Коттер Пайк из Восточного Дозора докладывал, что с «Вороны-буревестницы» видели разбитую галею у побережья Скагоса, но не разобрали, что это за корабль: «Черный дрозд», кто-то из наемников Станниса или торговое судно. Джон хотел отправить Лилли с ребенком в безопасное место, а вместо этого, возможно, послал их на смерть.

Тут же на столе стыл вчерашний ужин, почти не тронутый. Хлеб был черствый, но миску Скорбный Эдд до краев наполнил знаменитым жарким Трехпалого Хобба из трех видов мяса. Братья шутили, что эти три вида — баранина, баранина и баранина, но лук, морковка и репа было бы еще ближе к истине. Содержимое миски подернулось слоем застывшего жира.

Боуэн Мурш, когда король Станнис освободил покои лорда-командующего, настаивал на переезде в Королевскую башню, но Джон отказался. Переезд означал бы, что он не надеется на возвращение короля.

Странная апатия овладела Черным Замком после отбытия Станниса: и черные братья, и одичалые словно затаили дыхание, ожидая, что будет дальше. Дворы и трапезная пустовали почти все время; на фоне серого неба чернели руины башни командующего и превратившаяся в груду бревен старая трапезная; башня Хардина выглядела так, будто ветер вот-вот повалит ее. Тишину нарушал только перезвон мечей на оружейном дворе, да Железный Эммет орал на Хоп-Робина, требуя держать щит повыше.

Умывшись и одевшись, Джон перекинулся парой слов со злосчастным Хоп-Робином и другими учениками Эммета. Предложение Тая сопровождать лорда-командующего он, как всегда, отклонил. Народу вокруг него будет достаточно — еще двое, если дело дойдет до стычки, ничего не решат. Длинный Коготь он взял, однако, и Призрак бежал за ним по пятам.

Скорбный Эдд на конюшне уже оседлал коня. Телеги грузились под бдительным надзором лорда-стюарда — румяный от холода Мурш разъезжал вдоль колонны, указывал, распекал. Увидев Джона, он покраснел еще больше.

— Лорд-командующий, вы по-прежнему настаиваете на этом…

— Безрассудстве? Вы ведь именно так хотели сказать, милорд? Да, я настаиваю, и не будем начинать снова. Восточному Дозору нужны люди, Сумеречной Башне нужны люди, Серому Дозору и Ледовому Порогу они тоже нужны. Добавьте сюда еще четырнадцать пустых замков и незащищенные лиги Стены.

— Лорд-командующий Мормонт… — поджал губы Мурш.

— …погиб, — договорил Джон. — И убили его не одичалые, а присяжные братья, которым он доверял. Как он поступил бы на моем месте, нам с вами знать не дано. — Джон повернул коня. — Довольно болтать — трогай!

— В гранате косточек больно много, — заметил Эдд в спину Муршу, — как бы не подавиться. По мне лучше репа — от нее человеку никакого вреда.

В таких случаях Джону больше всего недоставало мейстера Эйемона. Клидас хорошо ходит за воронами, но у него нет и десятой доли знаний и опыта Эйемона Таргариена, не говоря уж о мудрости. Боуэн по-своему неплохой человек, но рана, полученная у Моста Черепов, ожесточила его, и он талдычит одно: запечатай ему ворота. Молчаливый Отелл Ярвик напрочь лишен воображения, а первые разведчики мрут, едва успев получить назначение. «Ночной Дозор лишился самых лучших своих людей, — думал Джон, глядя, как трогаются повозки. — Старый Медведь, Куорен Полурукий, Донал Нойе, Джармен Баквел, дядя Бенджен…»

Когда колонна повернула по Королевскому тракту на юг, пошел легкий снег. Длинный

обоз, сопровождаемый дюжиной копейщиков и дюжиной лучников, тянулся мимо полей, ручьев, лесистых холмов. Взять охрану посоветовал Мурш, заметив в Кротовом городке недовольство, приглушенные проклятия и косые взгляды, а Джон с ним против обыкновения согласился.

Возглавлял колонну лорд-стюард, Джон со Скорбным Эддом ехали чуть позади.

— Гляньте-ка на того пьянчугу, милорд, — сказал оруженосец в полумиле от Черного Замка.

Пьянчугой звался старый ясень, покосившийся от долгих ветров. Теперь у него появилось лицо: стиснутые губы, сломанная ветвь вместо носа. Два глубоко врезанных глаза смотрели на север, замок и Стену.

Одичалые не забыли старых богов, и Джона это не удивляло. От своих богов отказаться не так-то легко. Торжественное действо, что Мелисандра устроила под Стеной, на деле оборачивалось пустой скоморошиной.

— На тебя похож, Эдд, — пошутил Джон.

— У меня, милорд, на носу листьев нету, а впрочем, похож… Леди Мелисандра этого не одобрит.

— Она не увидит, если не проболтается кто-нибудь.

— Она видит разные вещи в пламени.

— Ага. Головешки.

— И горящих людей. Меня, не иначе — с листьями на носу. Всегда боялся, что меня сожгут на костре. Умереть бы сначала, что ли.

Джон оглянулся. Кто же его вырезал, этот лик? Вокруг Кротового городка поставлена стража, чтобы вороны не бегали к одичалым женщинам, а вольный народ не промышлял на большой дороге. Тот, кто поработал над этим ясенем, явно проскочил мимо постов, а там, где прошел один, пройдут и другие. Придется удвоить стражу, уведя еще больше людей от Стены.

Снег все шел, телеги катились по мерзлой грязи. На следующей миле им встретился еще один лик: глаза, вырезанные в старом каштане, смотрели на деревянный мостик через ручей.

— Чем дальше, тем хуже, — отметил Эдд.

На одной из облетевших ветвей каштана, над самым ручьем, сидел нахохлившийся от холода ворон. При виде Джона он распустил крылья и заорал. Джон свистнул, и птица слетела ему на кулак с криком:

— Зерно, зерно!

— Зерно везут вольному народу, а не тебе. — Не пришлось бы грядущей зимой и воронов тоже съесть…

Возницы, конечно, тоже видели лик на стволе, хотя и молчали. Манс-Разбойник как-то сказал, что поклонщики в большинстве своем овцы. «Овец стерегут собаки, но с вольным народом все не так просто. Одни из нас — сумеречные коты, а другие — что твои камни. Одни гуляют где вздумается и рвут в клочья ваших собак, другие не двинутся, пока пинка им не дашь». И никто из них, будь то сумеречный кот или камень, не откажется от богов, которым поклонялся всю жизнь, в пользу нового, которого знать не знает.

На подступах к городку им предстал третий лик, вырезанный на стволе огромного дуба за самой околицей. Экий недружелюбный, подумал Джон. Лики, вырезанные в незапамятные времена на чардревах Первыми Людьми и Детьми Леса, тоже часто бывали суровыми, но этот дуб смотрел особенно гневно — того и гляди вырвет из земли корни и кинется на обозных. Раны в стволе отражали столь же свежие раны неведомых резчиков.

Кротовый городок был куда больше, чем представлялся с виду — больше половины его спасалось от снега и холода под землей. Старый магнар теннов, идя на Черный Замок, предал огню пустые дома, оставив лишь обгорелые камни и бревна, но подземные ходы, погреба и склепы остались в целости. Там, подобно кротам, от которых городок получил свое имя, и укрывался теперь вольный народ.

Повозки полумесяцем выстроились перед сожженной кузницей. Румяные детишки, воздвигавшие поблизости снежную крепость, при виде черных братьев разбежались по своим норам, откуда вскоре начали выползать взрослые. Вместе с ними из-под земли повалил запах немытых тел, грязной одежды, мочи, нечистот. Один из дозорных сморщил нос и что-то сказал соседу.

Вот как, дескать, пахнет свобода, предположил Джон. Братья частенько прохаживались насчет кротовых дикарей и их вони.

Что за тупость. Вольный народ ничем не отличается от людей Ночного Дозора: одни из них чистюли, другие грязнули, и чистота, как многое другое, зависит от обстоятельств. Когда тысяча человек живут в подземельях, рассчитанных разве на сотню, розами от них пахнуть не может.

Одичалые, уже привыкшие к распорядку, стали в очередь. На каждого мужчину приходились три женщины, за юбки которых часто держались худенькие, бледные дети. Грудные младенцы встречались редко: почти все они умерли во время похода или в королевском частоколе после сражения.

Джастин Масси насчитал триста боеспособных мужчин. К ним следует причислить пятьдесят-шестьдесят копьеносиц, а может, и до сотни дойдет. Масси считал бойцов, Фелл — увечных. Вот они, около двадцати человек: на самодельных костылях, с пустыми рукавами и недостающими кистями рук, одноглазые, с половиной лица. Безногого двое друзей вынесли на руках. Серые, истощенные, сломленные. Упыри — не единственная разновидность живых мертвецов.

Это, однако, не ко всем мужчинам относится. У одной из нор сгрудились полдюжины теннов в бронзовой чешуе: эти смотрят угрюмо и в очередь не становятся. А вон та лысая громадина в разрушенной кузнице — Халлек, брат Хармы Собачьей Головы. Сестриных свиней при нем больше нет — съели их, несомненно. Те двое в мехах, стоящие босиком на снегу, — Рогоногие, настоящие дикари. Нет, волки среди овец еще попадаются.

Вель напомнила Джону об этом, когда он зашел к ней в последний раз.

«У вольного народа с поклонщиками больше сходства, чем различий, Джон Сноу. Мужчины остаются мужчинами, а женщины женщинами, по какую бы сторону от Стены они ни родились. У нас, как и у вас, есть свои герои и трусы, честные люди и подлецы, свои лжецы, свои звери».

Она права, конечно. Вопрос в том, как отделить овец от козлищ.

Братья раздавали еду — солонину, вяленую треску, сушеные бобы, морковку и репу, ячмень и пшеничную муку, яйца в маринаде, яблоки, лук.

— Либо лук, либо яблоко, — сказал Волосатый Хел одной женщине. — Выбирай.

— Мне надо две луковки и два яблока, — упрямилась та. — Для меня и моего мальчика. Он хворает — вот съест яблочко и поправится.

— Пусть сам придет, — не уступал Хел. — За луковкой или за яблоком. То и другое нельзя. Ну, так что? Говори скорее, тут очередь.

— Яблоко, — выбрала женщина, и Хел вручил ей сморщенный плод.

— Шевелись, женщина, — крикнул мужчина за три человека от нее. — Холодно.

— Дай еще одно, — взмолилась она. — Для сына. Он совсем маленький.

Хел посмотрел на Джона, тот покачал головой. Яблок мало: если всем раздавать по два, задним ничего не достанется.

— Да уйди ты. — Девушка, стоявшая позади, толкнула женщину в спину. Та упала, выронив яблоко и рассыпав все остальное: бобы, репу, муку.

Сердитые голоса закричали что-то на древнем языке и на общем, у другой повозки началась свалка.

— Этого мало, — негодовал старик. — Голодом нас хотите уморить, вороны проклятые?

Упавшая женщина, стоя на коленях, собирала еду. Где-то совсем рядом сверкнула сталь, стрелки Дозора наставили луки.

— Успокой их, Рори, — приказал Джон. Тот поднял к губам большой рог.

— АААААААААоооооооооооо.

Все затихли. Заплакал ребенок. Ворон Мормонта перебрался с левого плеча Джона на правое, мотая головой и бормоча:

— Сноу, Сноу.

Джон, дождавшись полной тишины, выехал вперед так, чтобы все могли его видеть.

— Мы даем вам все, что только можем. Яблоки, лук, репу, морковь. Впереди долгая зима, и наши запасы не беспредельны.

— Вы-то сами едите досыта, — сунулся к нему Халлек.

«Да… до поры до времени».

— Мы держим Стену, которая защищает государство… а значит, и вас. Вы знаете, с каким врагом мы имеем дело, знаете, что грядет. Многие из вас видели их — упырей и Белых Ходоков, синеглазых мертвецов с черными пальцами. Я тоже видел, и дрался с ними, и отправил одного в пекло. Они убивают и шлют против нас убитых. Их не смогли побороть ни великаны, ни тенны, ни племена с замерзшей реки, ни Ротоногие, ни вольный народ… А теперь, когда дни становятся все короче и ночи все холоднее, враг только крепнет. Зачем вы пришли на юг сотнями и тысячами, бросив свои дома? Чтобы спастись от них. А спасает вас Стена и мы, вороны, которых вы так презираете.

— Спасаете и морите голодом, — бросила обветренная коренастая женщина — копьеносица, скорее всего.

— Еду мы бережем для бойцов. Приходи на Стену, и будешь есть не хуже ворон. — «И не лучше, когда запасы подойдут к концу».

Одичалые молча, настороженно переглядывались.

— Есть, — каркнул ворон. — Зерно, зерно.

— Драться за вас? — сказал на ломаном общем Сигорн, молодой магнар теннов. — Лучше убить. Вас всех.

— Убить, убить, — захлопал крыльями ворон.

На старого магнара рухнула лестница при штурме Черного Замка. «Я чувствовал бы то же самое, попроси меня кто-нибудь примкнуть к Ланнистерам», — сказал себе Джон.

— Твой отец как раз этого и хотел, — напомнил он Сигорну. — Он был смелый человек, но потерпел неудачу. И кто держал бы Стену, добейся он своего? У Винтерфелла тоже были крепкие стены, но теперь этот замок сожжен и лежит в руинах. Стена — это люди, которые ее защищают.

— Убиваете нас, голодом морите, — жаловался старик, прижимая репку к груди, — а теперь вот рабами хотите сделать.

— Да я лучше голый буду ходить, чем напялю ваши черные тряпки, — заявил красноружий увалень.

— Даже родная жена не захочет глядеть на тебя голого, Гузно, — засмеялась копьеносица.

Шум поднялся сызнова. Тенны орали на древнем, ревел чей-то малец. Джон снова подождал, пока все не угомонились.

— Что ты сказал той женщине, Хел? Повтори.

— А чего? — растерялся тот. — Выбирай, сказал, яблоко или луковка.

— Вот именно. Каждому из вас придется сделать свой выбор. Присягу давать вас никто не просит, и мне все равно, каким богам вы будете поклоняться. Сам я молюсь богам Севера, но вы вольны выбрать красного бога или Семерых — словом, кого захотите. Нам нужны только копья, луки и глаза, глядящие со Стены. Принимаю всех мальчишек старше двенадцати, умеющих держать копье или натягивать тетиву. Беру стариков, раненых и калек: для тех, кто больше не может драться, найдутся другие дела. Стрелы делать, коз доить, собирать хворост, чистить конюшни… мало ли что. Возьму и женщин — копьеносиц, не беззащитных красавиц.

— А девочек? — осведомился ребенок не старше Арьи.

— Как исполнится шестнадцать, милости просим.

— Мальчишек-то берете с двенадцати!

В Семи Королевствах мальчики двенадцати лет служат пажами и оруженосцами, обучаясь военному ремеслу, — но то на юге.

— Будь по-твоему. Девочек, начиная с двенадцати, тоже приму, только соблюдайте порядок. Это не только ребят касается, взрослых тоже. На колени становиться не надо, но капитанов и сержантов вы обязаны слушаться. Они вам скажут, что носить, когда спать и когда вставать, когда пить, когда есть, когда обнажать мечи и стрелы пускать. Братья Ночного Дозора служат всю свою жизнь — от вас я такого не требую, но на Стене все должны повиноваться моим приказам. Кто не послушается, тому срублю голову. Спросите моих братьев, они видели, как я это делаю.

— Срублю, — крикнул ворон. — Срублю, срублю.

— Выбор за вами, — продолжал Джон. — Согласные нам помочь пойдут со мной в Черный Замок, где их накормят и дадут оружие. Остальные пусть лезут обратно в норы и жуют там репу и лук.

— Я умею драться, — сказала похожая на Арью девчушка, протиснувшись между двумя стариками. — Моя мать была копьеносицей.

Джон кивнул. Ей, поди, нет и двенадцати, но не отказывать же первому рекруту.

К ней присоединились двое парнишек лет по четырнадцати, за ними вышел одноглазый мужчина.

— Я тоже видал мертвяков — вороны и те лучше их. — Рекруты пошли один за другим: высокая копьеносица, старик на клюшках, сухорукий подросток, рыжий парень, напомнивший Джону об Игритт.

Следующим был Халлек.

— Ты мне не по нраву, ворона, но Манса мы с сестрой тоже не больно любили. За него мы дрались, значит и за тебя можно.

После него от добровольцев отбою не стало. Прав был Король за Стеной, говоривший Джону: «За именем и зверюшками на камзолах вольный народ не пойдет. И за деньги плясать не станет, и на твоих предков ему наплевать. Эти люди пойдут только за сильным, за истинным вожаком».

Вперед выходили родичи Халлека, знаменосцы Хармы, ее бойцы и те, кто был наслышан о ее подвигах. Выходили старики и мальчишки, воины в расцвете сил, раненые, калеки, около двадцати копьеносиц, даже трое Рогоногих.

Из теннов не вызвался ни один. Их магнар ушел обратно под землю, и все остальные последовали за ним.

Когда последние остатки еды были розданы, одичалые набились в телеги, и обоз, в котором прибавилось шестьдесят три человека, покатил назад в Черный Замок.

— Что вы будете с ними делать? — спросил Джона Боуэн Мурш.

— Вооружать, обучать и распределять. В Восточный Дозор, в Сумеречную Башню, в Ледовый Порог, в Серый Дозор. И еще три форта открою.

— Женщин тоже? — Мурш оглянулся назад. — Братья к такому непривычны, милорд. Наши обеты… начнутся драки, насилие…

— Эти женщины умеют за себя постоять, и ножи у них есть.

— Что же будет, когда одна из них перережет глотку кому-то из наших братьев?

— Мы лишимся одного человека. Вы считаете лучше меня, милорд. Поправьте, если я ошибаюсь, но с учетом сегодняшнего набора у нас все-таки останется на шестьдесят два больше, чем было.

— Мы приобрели шестьдесят три лишних рта, — не сдавался Мурш, — но сколько из них способны сражаться и чего стоит их верность? К Иным они вряд ли перебегут, согласен… Но что, если к воротам придут Тормунд или Плакальщик с десятью тысячами вопящих головорезов?

— Вот тогда и узнаем. Будем делать свое дело и надеяться, что этого не случится.

ТИРИОН

Ему снились Лорд-Покойник и собственный лорд-отец. Во сне они были единым целым; когда отец обхватил его каменными руками и собрался подарить ему серый поцелуй, Тирион очнулся с ржавым привкусом крови во рту и колотящимся сердцем.

— Наш мертвый карлик вернулся к нам, — сказал Хелдон.

Тирион потряс головой, сбрасывая остатки сна. Горести. Он заблудился в Горестях.

— Я не мертвый.

— Это мы еще поглядим. Утка, будь хорошей птичкой, подогрей нашему дружку суп. Он, должно быть, изголодался.

Тирион лежал на палубе «Робкой девы» под колючим, пахнущим уксусом одеялом. Горести позади. Он тонул, и ему привиделся сон.

— Почему я весь провонял уксусом?

— Лемора тебя натерла — говорят, будто это помогает от серой хвори. Сомнительно, конечно, но и вреда никакого. Лемора и откачала тебя, а Грифф вытащил. Ты был холодный как лед, губы синие. Яндри хотел бросить тебя обратно, но парень ему не дал.

Принц… Память вернулась разом: каменный человек с серыми потрескавшимися руками, проступившая из костяшек кровь. Тяжелый, как валун, он тянул Тириона вниз.

— Грифф вытащил? — Сильна, должно быть, его ненависть — иначе он дал бы карлику утонуть. — Сколько я так провалялся? Где мы?

— В Селхорисе. — Хелдон достал из рукава ножик и бросил Тириону. — Держи.

Нож воткнулся между ногами карлика в палубу.

— Зачем это? — спросил Тирион, вытаскивая лезвие.

— Сними сапоги и уколи каждый палец по очереди.

— Больно же!

— Надеюсь, что так. Давай.

Тирион стащил сапоги, снял чулки. Пальцы вроде бы выглядели не хуже и не лучше обычного. Он осторожно кольнул большой.

— Сильнее, — велел Полумейстер.

— До крови, что ли?

— Если понадобится.

— Струпья будут, как заживет.

— По-твоему, ты разулся, чтобы их сосчитать? Если больно, значит, все хорошо. Бойся, если ничего не почувствуешь.

Серая хворь. Тирион, кривясь, уколол другой палец и выругался при виде капельки крови.

— Больно. Доволен?

— Впору плясать от радости.

— Ноги у тебя, Йолло, пахнут похуже моих. — К ним подошел Утка с чашкой бульона. — Говорил же Грифф: каменных трогать не надо.

— Он забыл сказать им, чтоб меня не трогали.

— Смотри, не посерела ли кожа на пальцах, не чернеют ли ногти, — наставлял Полумейстер. — Если заметишь что-то такое, не медли. Лучше потерять палец, чем всю ступню, и руку потерять лучше, чем выть всю жизнь на Мосту Мечты. Попробуй другую ногу, а потом займешься пальцами на руках.

Карлик, переложив ноги, стал колоть пальцы другой.

— Может, и хрен кольнуть?

— Это боли не причинит.

— Тебе разве что. Его я согласен отрезать, он все равно мне без надобности.

— Валяй. Сделаем из него чучелко и продадим как амулет. Член карлика имеет волшебную силу.

— Это самое я говорил своим женщинам. — Тирион, кольнув большой палец руки, слизнул выступившую кровь. — Долго мне еще мучиться? Когда мы удостоверимся, что я чист?

— А никогда. Ты полреки выхлебал — может, твои сердце и легкие уже каменеют, и уксус в таком разе тебя не спасет. Иди супу поешь, как закончишь.

Суп был хорош, но Полумейстер все время держался на той стороне стола. «Дева» стояла у пристани на восточном берегу Ройна. С волантинской речной галеи через два причала от них сходили солдаты. Под стеной из песчаника ютились лавки, ларьки, склады, над ней виднелись башни и купола города, красные на закате.

Впрочем, какой это город — так, городишко. И управляют им из Волантиса.

Лемора, выйдя с принцем на палубу, тут же кинулась к Тириону и крепко его обняла.

— Хвала милосердной Матери! Мы молились за тебя, Хутор.

«Разве что ты одна».

— Так и быть, злиться на вас не стану.

Молодой Грифф приветствовал его не столь бурно, дуясь из-за того, что его не пустили на берег с Изиллой и Яндри.

— Мы просто бережем тебя в это неспокойное время, — сказала ему Лемора.

— По пути из Горестей мы трижды видели на восточном берегу едущих на юг всадников, — объяснил Полумейстер. — Дотракийцев. Однажды слышали даже, как в их косах звенят колокольчики, а ночью за восточными холмами видны их костры. И корабли встречали, волантинские речные галеи с рабами-солдатами на борту. Триархи явно опасаются нападения на Селхорис.

Правильно опасаются. Из крупных речных портов один только Селхорис стоит не на западном берегу, и набеги кочевников грозят ему больше, чем городам за рекой. Да только какая с него пожива? Будь Тирион кхалом, он притворился бы, что идет на Селхорис, заставил волантинцев выступить на защиту этого городка, а сам повернул бы на юг и двинулся на Волантис.

— Я умею пользоваться мечом, — твердил молодой Грифф.

— Даже храбрейшие из твоих предков шагу не ступали без своих гвардейцев в опасные времена. — Тирион пристально наблюдал за Леморой, сменившей наряд септы на платье, приличное скорее жене или дочери состоятельного купца. Он сразу учуял правду под крашеными синими волосами обоих Гриффов, Изилла и Яндри тоже были не так просты, как хотели казаться, Утка загадки не представлял, но Лемора… Кто она и зачем здесь? Не ради золота, это точно. Что для нее этот принц и септа ли она в самом деле?

Хелдон тоже заметил, что она переоделась.

— Чему мы должны приписать столь внезапную утрату веры? Ты мне больше нравилась в одеянии септы, Лемора.

— Мне она больше нравилась голой, — сказал Тирион.

— Оттого что ты порочен насквозь, — упрекнула его Лемора. — Одежда септы кричит о Вестеросе и привлекает к нам нежелательное внимание. Ты здесь не единственный, кто должен скрываться, принц.

Парень продолжал дуться. Принц до мозга костей, но наполовину еще ребенок, ничего не ведающий о пороках и скорби этого мира.

— Принц Эйегон, — сказал Тирион, — раз уж мы оба коротаем часы на лодке, не угодно ли вам будет сыграть в кайвассу?

— Кайвасса мне надоела, — буркнул тот.

— Надоело проигрывать карлику?

Это задело его гордость, на что и рассчитывал Тирион.

— Тащи доску. На этот раз я тебя побью.

Играли они на палубе, сидя поджав ноги за надстройкой. Впереди своего войска молодой Грифф поставил драконов, слонов, тяжелых коней. Стратегия юноши, смелая, но безрассудная. Он рискует всем ради быстрого результата. Первый ход был за ним, Хелдон

наблюдал за игрой.

Когда принц потянулся к дракону, Тирион кашлянул.

— Я не стал бы на вашем месте. Не стоит слишком скоро вводить драконов в игру. Ваш отец знал, как опасна может быть излишняя смелость.

— Ты знал моего родного отца?

— Видел пару раз, но мне было всего десять, когда Роберт его убил. Мой собственный родитель держал меня под скалой. Нет, не могу сказать, что знал принца Рейегара, зато ваш приемный отец лорд Коннингтон очень хорошо его знал. Был ему близким другом.

Молодой Грифф откинул с глаз синий локон.

— Они вместе служили оруженосцами в Королевской Гавани.

— Надо быть настоящим другом, чтобы хранить нерушимую верность внуку короля, который отнял у тебя все земли и титулы и отправил тебя в изгнание. Жаль, что его не было в Королевской Гавани, когда мой отец грабил город, — глядишь, и не дал бы размозжить головку маленького принца о стену.

— Это был не я! — вспыхнул мальчик. — Я ведь тебе рассказывал. Дубильщик с Вонючей Канавы, чья жена умерла в родах, продал своего сына лорду Варису за кувшин борского золотого. У него были другие дети, а такого вина он в жизни не пробовал. Варис отдал сына дубильщика моей матери, а меня унес прочь.

— Да-да. — Тирион двинул вперед слонов. — А когда младенца с Канавы благополучно убили, евнух отправил вас за Узкое море к своему другу, торговцу сырами, который укрыл вас на плоскодонке и попросил опального лорда стать вашим приемным отцом. Замечательная история. Певцы будут петь об этом, когда вы займете Железный Трон… если, конечно, прекрасная Дейенерис возьмет вас в мужья.

— Возьмет. Ей придется.

— Придется? Королевам не по вкусу такие слова. Вы у нас настоящий принц, я согласен — умный, смелый и собой хороши, любая девушка заглядится, но Дейенерис Таргариен больше не девушка. Она вдова дотракийского кхала и мать драконов, Эйегон Завоеватель с женскими грудками. Еще неизвестно, захочет ли она вас.

— Конечно, захочет. — Раньше принцу явно не приходило в голову, что невеста может ему отказать. — Ты ее просто не знаешь. — Он стукнул по доске тяжелым конем.

— Я знаю, что детство она провела в изгнании, — пожал плечами карлик. — В бедности. Жила мечтами и планами, бегала из города в город, в вечном страхе, не зная покоя, не имея друзей, кроме старшего брата, полубезумного, кого ни спроси… Брат и продал ее невинность дотракийскому кхалу в обмен на войско, которое тот ему обещал. Потом, неведомо откуда, вылупились ее драконы… и она вместе с ними. Знаю еще, что она горда, как же иначе? Что осталось у нее, кроме гордости? Знаю, что она сильная — к слабости дотракийцы испытывают презрение; будь Дейенерис слабой, она погибла бы заодно с Визерисом. Знаю, что она может быть свирепой, — Астапор, Юнкай и Миэрин служат тому доказательством. Она пересекла травяное море и красную пустыню, спаслась от наемных убийц, заговорщиков, колдунов, лишилась брата, мужа и сына, подмяла рабовладельческие города под свои маленькие сандалии. Как, по-вашему, поступит такая королева, когда вы явитесь к ней с чашкой для подаяния и скажете: «Доброе утро, тетушка, я ваш племянник Эйегон, восставший из мертвых. Всю свою жизнь я прожил на плоскодонке, но теперь смыл синюю краску с волос и стал похож на дракона… И Железный Трон я, кстати, наследую прежде вас»?

Эйегон в бешенстве скривил рот.

— Я приду к своей тетке не нищим. Я приду как родич, во главе войска.

— Весьма небольшого. — Это должно разозлить мальчика еще больше. «У меня прямо-таки талант злить принцев», — подумал Тирион, невольно вспомнив о Джоффри. — Своим собственным большим войском Дейенерис не вам обязана. — Тирион сделал ход арбалетами.

— Говори что хочешь, она все равно будет моей женой. Лорд Коннингтон за этим

присмотрит — я верю ему, как родному.

— Это вам следовало бы пойти в дураки, а не мне. Доверять, мой принц, нельзя никому. Ни вашему мейстеру без цепи, ни вашему лжеотцу, ни бравому Утке, ни прелестной Леморе — никому из близких людей, растивших вас с малолетства. В первую же голову не верьте торговцу сырами, Пауку и маленькой королеве, на которой хотите жениться. Это недоверие проест вам желудок и не даст спать по ночам, но лучше уж это, чем вечный сон. — Карлик перевел черного дракона через горный хребет. — Впрочем, откуда мне знать? Ваш приемный отец — знатный лорд, а я так, обезьянка… Хотя на вашем месте все же действовал бы иначе.

— Как? — встрепенулся принц.

— Я бы направился не на восток, а на запад. Высадился бы в Дорне и поднял свои знамена. Семь Королевств созрели для завоевания как никогда прежде. На Железном Троне сидит мальчуган, на севере царит хаос, в речных землях разруха, Штормовой Предел и Драконий Камень в руках мятежника. Когда придет зима, будет голод. И кто же решает все эти вопросы, кто управляет маленьким королем, правящим Семью Королевствами? Моя дражайшая сестрица, и никто более. Джейме не правитель, он боец и чурается всякой власти. Мой дядя Киван был бы неплохим регентом, но его никто не поставит на этот пост, а сам он добиваться не станет: боги создали его подчиненным, не вожаком. — «Боги и мой лорд-отец», — мысленно поправился Тирион. — Мейс Тирелл охотно принял бы скипетр, но мои родичи этого опять-таки не допустят. Станниса ненавидят все как один — кто же нам остается? Одна Серсея. В это самое время она, без сомнения, врачует раны своего государства… посыпая их солью. Она добра, как король Мейегор, любит ближних, как Эйегон Недостойный, и мудра как Безумный Эйерис. Никогда не забывает обид, подлинных или воображаемых. Осторожность она принимает за трусость, несогласие за вызов. Главная ее черта — это жадность: до власти, до почестей, до любви. Томмен держится благодаря союзам, которые с таким тщанием заключал наш отец, но Серсея вскоре разрушит их все до единого. Высадитесь в Дорне, поднимите знамена, и простолюдины, лорды и рыцари к вам валом повалят. И не ждите слишком долго, мой принц. Благоприятный для вас прилив может смениться отливом. Идите на Вестерос, пока не свергли мою сестру и ее место не занял кто-нибудь поумнее.

— Но как нам победить без Дейенерис с ее драконами?

— Побеждать нет нужды. Все, что вам нужно, — это созвать под свои знамена сторонников и держаться, пока Дейенерис не придет на подмогу.

— А вдруг она меня не захочет, как ты сказал?

— Я могу ошибаться. Возможно, она сжалится, когда вы попросите ее руки с надлежащим смирением… поставите свой трон против женских капризов. Поход на Вестерос — дело иное. Тут вы уже мятежник, а не проситель. Смелый, безрассудный, истый отпрыск дома Таргариенов, идущий по стопам Эйегона Завоевателя, одним словом — дракон. Нашу королеву я, повторяю, хорошо изучил. Услышав, что сын Рейегара жив и что сей храбрый юноша снова поднял драконье знамя и ведет неравный бой, чтобы отомстить за отца и вернуть Железный Трон дому Таргариенов, она ринется к вам на помощь со всей скоростью волн и ветра. Вы последний в ее роду, а наша Матерь Драконов и Разбивающая Оковы — спасительница по сути своей. Женщина, потопившая в крови несколько городов ради освобождения совершенно чужих ей невольников, едва ли бросит в беде сына родного брата. И когда она прибудет в Вестерос, вы встретитесь на равных, как мужчина и женщина — не как королева с просителем. Как же ей будет не полюбить вас? — Тирион с улыбкой пронес над доской своего дракона. — Прошу прощения, ваше высочество, но ваш король заперт. Еще четыре хода, и ему смерть.

— Но мой дракон… — уставился на доску молодой Грифф.

— …слишком далеко, чтобы спасти вас. Надо было бросить его в самую гущу боя.

— Но ты сам сказал…

— Я солгал. Не верьте никому и держите дракона близко.

Принц, вскочив, перевернул доску. Фигуры запрыгали по всей палубе.

— Собери их, — приказал Эйегон.

Может, он и вправду Таргариен.

— Слушаюсь, ваше высочество. — Тирион опустился на четвереньки и принялся собирать.

Изилла и Яндри вернулись на борт ближе к сумеркам. Носильщик катил за ними тачку с мукой, солью, только что сбитым маслом, глыбами завернутого в полотно сала, яблоками, апельсинами и грушами. Яндри нес на плече винный бочонок, Изилла — щуку величиной с Тириона.

Увидев на верхнем конце сходней карлика, она остановилась как вкопанная и чуть не упустила щуку обратно в реку, когда Яндри налетел на нее, — рыбу спас Утка. Женщина ткнула в сторону Тириона тремя пальцами, чтобы отвести зло, и с гневом встретила его предложение помочь Утке:

— Нет уж! Не смей прикасаться к еде, кроме той, которую сам ешь!

— Как скажешь, — воздел руки карлик.

Яндри, свалив бочонок на палубу, спросил Хелдона:

— А где Грифф?

— Спит.

— Буди его. Есть новости, которые он должен услышать. В Селхорисе только и разговору, что о королеве. Говорят, ее накрепко зажали в Миэрине, и Волантис будто бы скоро пойдет на нее войной.

— Не стоит верить торговцам, — поджал губы Хелдон, — но Грифф все равно захочет послушать — ты же знаешь, какой он.

Стало быть, на запад она так и не двинулась… Тому есть много причин. Между Миэрином и Волантисом пятьсот лиг: горы, пустыни, болота, руины и недоброй славы Мантарис, город чудовищ. Где ей еще пополнить запасы воды и провизии, если она пойдет сушей? Морем, конечно, быстрее, но при отсутствии кораблей…

Когда на палубу вышел Грифф, щука, на которую Изилла выжимала лимон, уже шипела над углями. Наемник был, как всегда, в кольчуге, волчьем плаще, кожаных перчатках и темных панталонах. При виде пришедшего в себя Тириона он не изменил своей обычной хмурой гримасы. Они с Яндри ушли на корму и повели разговор так тихо, что карлик не слышал.

Потом Грифф поманил к себе Хелдона.

— Надо разобраться, насколько эти слухи правдивы. Ступай на берег и разузнай все, что сможешь. Постарайся найти Каво, он должен знать. В «Речной», в «Расписной черепахе»… ну, ты помнишь.

— Карлика тоже возьму: четыре уха лучше, чем два. Опять же Каво на кайвассе помешан.

— Бери, если хочешь. Вернуться вы должны до восхода; идите к Золотым Мечам, если почему-то задержитесь.

«Приказывает, как лорд», — подумал Тирион, но смолчал.

Хелдон надел плащ с капюшоном, Тирион сменил шутовской наряд на серый и незаметный. Грифф вручил каждому кошель с серебром из сундуков Иллирио, чтобы развязывать языки.

Сумерки переходили в ночь. На одних судах подняли сходни и затаились, с других вооруженные люди подозрительно провожали взглядами идущих по набережной мужчин. В торговых палатках зажигали разноцветные пергаментные фонарики, при свете которых Хелдон то зеленел, то лиловел, то краснел. Над какофонией множества языков слышалась непривычная уху музыка, флейта и барабаны. Где-то позади лаял пес.

Шлюхи уже вышли на промысел. Порт остается портом, морской он или речной, а где корабельщики, там и шлюхи. Может, они все отправляются к морю?

Продажные девки Ланниспорта и Королевской Гавани — свободные женщины, но их

селхорисские сестры были рабынями: на это указывала татуировка в виде слезы под правым глазом у каждой. Все до единой страшны как грех и такие же старые; так вот и отучишься по девкам ходить. Они хихикали и перешептывались, глядя на Тириона, — карликов не видали, дуры?

У речных ворот несли караул волантинцы с копьями, в когтистых перчатках. Вся эта сталь сверкала при свете факелов. Их шлемы изображали тигриные морды, татуированные щеки были расписаны зелеными полосами. Тирион знал, что рабы-солдаты Волантиса своими тигриными полосками очень гордятся. Мечтают ли они о свободе? Что станут делать, получив ее из рук молодой королевы? Они тигры, и больше никто — ну, а он лев.

Один из них сказал что-то про Тириона, насмешив остальных. Потом снял с руки перчатку с когтем и потрепал Тириона по голове. Карлик так опешил, что даже сопротивляться не стал.

— Это еще зачем? — спросил он у Хелдона.

— Говорит, это к счастью — потрогать голову карлика, — объяснил тот, поговорив со стражником на его родном языке.

Тирион заставил себя улыбнуться.

— Скажи ему, что отсосать у карлика будет еще надежнее.

— Лучше не надо: у тигров острые зубы.

Другой стражник, махнув факелом, дал им знак проходить. Тирион с опаской ковылял по пятам за Хелдоном.

Перед ними открылась большая площадь, шумная и ярко освещенная даже в столь поздний час. Фонари здесь — уже не из пергамента, а из цветного стекла — висели на железных цепях у гостиниц и веселых домов. Справа, у краснокаменного храма, пылал костер, и жрец в алых одеждах проповедовал с балкона немногочисленным прихожанам.

Перед гостиницей играли в кайвассу, пьяные солдаты гурьбой входили в бордель, женщина у конюшни дубасила мула. Мимо прошел карликовый белый слон, запряженный в тележку на двух колесах. Новый мир, не слишком отличающийся от старого, знакомого Тириону.

Над площадью высилась белая мраморная статуя человека без головы в затейливо изукрашенных латах, верхом на боевом коне в таких же доспехах.

— Кто такой? — спросил Тирион.

— Триарх Хоронно, волантинский герой Кровавого Века. Его выбирали ежегодно на протяжении сорока лет; потом ему надоели выборы, и он провозгласил себя триархом пожизненно. Волантинцы остались недовольны и в скором времени разорвали триарха двумя слонами.

— Я думал, что обезглавили.

— Он был тигр. Слоны, придя к власти, начали сшибать головы статуям тех, кого винили в войнах и гибели своих соотечественников. Но это было давно — послушаем лучше, что говорит жрец. Могу поклясться, что он сказал «Дейенерис».

Народу у храма прибавилось, а маленькому человеку в толпе видны разве что задницы.

— Ты понимаешь его? — спросил Тирион на общем.

— Пойму, если карлик не будет тявкать мне в ухо.

— Я не тявкаю. — Тирион оглянулся на задних: сплошь татуировки, четверо рабов на одного свободного.

— Жрец призывает волантинцев выступить на войну, — стал переводить Полумейстер, — но не просто так, а на стороне Рглора, Владыки Света, создателя солнца и звезд, вечного борца с тьмой. Ниэссос и Малакуо отвернулись от света, дав тени желтых гарпий Востока упасть на них…

— Он сказал «драконы». Я понял.

— Да. Драконы вознесут ее к славе.

— Кого, Дейенерис?

Хелдон кивнул.

— Бенерро шлет из Волантиса весть, что с ее приходом исполнилось древнее пророчество. Она родилась из дыма и соли, чтобы создать заново этот мир. Она — возрожденный Азор Ахай… после ее победы над тьмой настанет лето, которому не будет конца… сама смерть склонит колено… и все, кто сражался на ее стороне, возродятся.

— В тех же телах? — полюбопытствовал Тирион. Толпа сжималась вокруг него все теснее. — А этот Бенерро, он кто?

— Верховный жрец волантинского красного храма. Пламя Истины, Светоч Мудрости, смиренный раб Рглора.

Единственным знакомым Тириону красным жрецом был Торос из Мира, тучный выпивоха, душа нараспашку. Он ошивался при дворе Роберта, пил королевские вина и зажигал огненный меч на турнирах.

— Предпочитаю испорченных толстых жрецов, — сказал карлик. — Пусть себе сидят на мягких подушках, вкушают сласти и пялят мальчиков. От истинно верующих одни неприятности.

— Эти неприятности нам, может, и на руку. Я знаю, где надо искать ответ. — Хелдон направился мимо обезглавленного героя к большой гостинице. Над ее дверью висел громадный черепаший панцирь, расписанный яркими красками, внутри пылали, как далекие звезды, около сотни красных свечей. Пахло жареным мясом с приправами; девушка-рабыня с татуировкой черепахи на щеке разливала бледно-зеленый напиток.

— Вон они, — показал Хелдон с порога.

Двое мужчин, сидя в нише за каменным столиком для кайвассы, щурились на фигуры при красной свечке. Один тощий, желтый, с редкими черными волосами и острым носом, другой плечистый, пузатый и кудри штопором. Ни один не поднимал глаз, пока Хелдон не придвинул к ним стул со словами:

— Мой карлик играет в кайвассу лучше вас двоих вместе взятых.

Толстяк, пренебрежительно взглянув на пришельцев, ответил что-то по-волантински, слишком быстро для Тириона, а тощий спросил на общем:

— Ты что, продаешь его? Триарху пригодился бы такой карлик.

— Йолло не раб.

— Жаль, — сказал тощий, делая ход ониксовым слоном.

Толстяк выдвинул из гипсовых рядов тяжелого коня.

— Напрасно, — заметил Тирион, принимая предложенную Полумейстером роль.

— Вот именно. — Тощий ответил собственным тяжелым конем и очень скоро, после череды быстрых ходов, молвил с улыбкой: — Смерть, друг мой.

Толстяк сердито встал и проворчал что-то.

— Полно, — засмеялся его противник. — Не так уж он и воняет, наш карлик. Ну-ка, человечек, — добавил он, указывая Тириону на пустой стул, — серебро на стол, и мы посмотрим, каков ты игрок.

Во что же ему предстоит играть? Тирион забрался на стул.

— На полный желудок и с чашей вина под рукой я играю не в пример лучше.

Тощий, согласно кивнув, приказал рабыне принести еды и питья.

— Благородный Каво Ногарис служит в Селхорисе таможенным офицером, — пояснил Хелдон. — В кайвассе я его ни разу не побеждал.

— Быть может, я буду счастливее. — Тирион, поняв Полумейстера с ходу, принялся складывать монеты из кошелька в столбик, пока улыбка Каво не остановила его.

Игроки принялись расставлять фигуры по обе стороны ширмы, а Хелдон спросил:

— Какие новости снизу? Говорят, война будет?

— Юнкай хочет этого, — пожал плечами Каво. — Они там величают себя мудрыми господами… Не знаю, как мудрости, а хитрости им точно не занимать. Их посол привез сюда сундуки золота, драгоценных камней и двести рабов — мальчиков и юных девушек, обученных пути семи вздохов. Он устраивает роскошные пиры и раздает щедрые взятки.

— Выходит, юнкайцы купили ваших триархов?

— Только Ниэссоса. — Каво, убрав ширму, обозрел позицию Тириона. — Малакуо, старый и беззубый, не перестал быть тигром, а Донифоса в другой раз не выберут. Город рвется воевать.

— Чего ради? — спросил Тирион. — Миэрин далеко за морями — чем это милое дитя так обидело Старый Волантис?

— Милое? — засмеялся Каво. — Если верить хотя бы половине того, что слышно из залива Работорговцев, это дитя — прямо-таки чудовище. Тех, кто высказывается против нее, она сажает на колья, и они умирают медленно и мучительно. Говорят еще, что она колдунья и кормит своих драконов новорожденными младенцами; что она насмехается над богами, нарушает договоры, грозит послам и немилостива к тем, кто верно ей служит. Похоть ее ненасытна: она совокупляется с мужчинами, женщинами, евнухами, собаками и детьми — и горе тому, кто не сумеет удовлетворить ее страсть. Отдаваясь мужчинам, она забирает взамен их души.

«Если бы она захотела отдаться мне, я бы с радостью вручил ей мою карликову душонку», — мысленно сказал Тирион.

— Эти слухи распускают рабовладельцы, изгнанные ею из Астапора и Миэрина, — сказал Хелдон. — Гнусная клевета, и ничего более.

— Умная клевета всегда приправлена правдой, — заметил Каво, — и в одном эта девочка повинна наверняка. Она возомнила, что может в одиночку уничтожить торговлю рабами, которая никогда не ограничивалась заливом Работорговцев. Драконья королева всего лишь мутит воды океана, опоясывающего весь мир. Господа древней крови за Черной Стеной спят вполглаза, слушая, не точат ли рабы у них на кухнях ножи. Рабы выращивают для нас урожай, чистят наши улицы, учат наших детей. Стерегут наши стены, гребут на наших галеях, бьются за нас. Теперь они смотрят на восток и видят зарю молодой королевы, разбивательницы оков. За это ее ненавидит не только Старая Кровь, но даже и бедняки. Самый последний нищий выше, чем раб, а драконья королева хочет отнять у него эту утеху.

Тирион начал с копейщиков, Каво ответил легким конем. Подвинув арбалетчиков на одну клетку, карлик сказал:

— Красный жрец там снаружи полагает, что Волантису следует драться за серебряную королеву, а не против нее.

— Красным жрецам лучше придержать языки. Уже случались стычки между их паствой и теми, кто верит в других богов. Бредни Бенерро падут на его же голову.

— О чем же он бредит? — спросил Тирион, перебирая пешки.

— Тысячи рабов и вольноотпущенников Волантиса каждую ночь собираются на храмовой площади и слушают, как Бенерро вещает о кровавых звездах и огненном мече, который очистит мир. Говорит, что Волантис будет сожжен, если триархи подымут оружие против серебряной королевы.

— Такое пророчество и я мог бы изречь. А вот и ужин!

Девушка подала козлятину с луком, снаружи поджаристую, внутри нежную и сочную. Мясо обожгло Тириону пальцы, но он тут же потянулся за следующим куском и запил еду бледно-зеленой волантинской настойкой — не вино, но близко к тому.

— Вкусно, даже очень. — Он съел своим драконом слона Каво Ногариса. — Самая сильная фигура в игре — а у Дейенерис Таргариен их, говорят, целых три.

— Три против трижды трех тысяч врагов. Граждан мо Эраз — не единственный посланник Желтого Города. В поход на Миэрин вместе с мудрыми господами выступят легионы Нового Гиса, толосийцы, элирийцы и даже дотракийские кхалы.

— Дотракийцы замечены у самых ваших ворот, — сказал Хелдон.

— Кхал Поно, — небрежно махнул рукой Каво. — Они приходят, получают от нас дары и уходят. — Его катапульта съела белого Тирионова дракона, и началась бойня, хотя карлик продержался еще с дюжину ходов. — Плач и рыдание, — бросил Каво, сгребая монеты. — Еще раз?

— Не стоит, — сказал Хелдон. — Карлик получил хороший урок — можно

возвращаться на лодку.

Костер на площади еще горел, но жрец удалился, и толпа разошлась. В окнах борделя мерцали свечи, изнутри слышался женский смех.

— Ночь еще молода, — сказал Тирион. — Каво, возможно, кое о чем умолчал, а шлюхи от клиентов чего только не слышат.

— Так не терпится побыть с женщиной, Йолло?

— Собственные пальцы быстро надоедают. — Почему бы шлюхам не отправляться в Селхорис? Тиша может быть здесь, в этом доме, с татуировкой-слезой на щеке. — Я чуть было не утонул — после такого мужчину особенно тянет к женщине. И надо же мне проверить, окаменел мой член или нет.

— Подожду тебя в таверне у ворот в гавань, — засмеялся Хелдон. — Не застревай там надолго.

— Насчет этого можешь не волноваться. Женщины стараются отделаться от меня как можно скорее.

Бордель был скромен по сравнению с теми, которые Тирион посещал в Ланниспорте и Королевской Гавани. Хозяин говорил, похоже, только на волантинском, но звон серебра понимал хорошо. Он провел Тириона в длинную, пахнущую благовониями комнату, где скучали четыре рабыни в разных стадиях обнаженности. Две прожили никак не менее сорока лет, младшей было пятнадцать-шестнадцать. Красотой они сильно превосходили гаваньских шлюх, хотя и оставляли желать много лучшего. Одна была явно беременна, другая просто толстуха, с железными колечками в обоих сосках. Слезы под глазом украшали всех четырех.

— Нет ли у вас девушки, говорящей на языке Вестероса? — Хозяин не понял, и Тирион повторил свой вопрос на классическом валирийском. На этот раз тот уловил что-то и ответил по-волантински. Тирион ухватил только «закатная девушка» — из западных королевств, очевидно.

В заведении нашлась лишь одна такая — не Тиша. Веснушчатые щеки и рыжие тугие кудряшки сулили столь же веснушчатую грудь и рыжий лобок.

— Сойдет, — сказал Тирион, — и подай нам штоф красного, чтобы в масть.

Девка взирала на его ополовиненный нос с омерзением.

— Я оскорбляю твой взор, дорогая? Не только твой; мой лорд-отец подтвердил бы это, кабы не помер.

Несмотря на свою вестеросскую внешность, на общем она не знала ни слова: ее, видимо, увезли в рабство еще ребенком. На полу в ее каморке лежал мирийский ковер, и тюфяк был набит не соломой, а перьями. Тириону случалось предаваться разврату и в худших условиях.

— Скажешь, как тебя звать? Нет? — Кислое крепкое вино перевода, к счастью, не требовало. — Тогда к делу. Спала раньше с чудовищем? Теперь твой час пробил. Раздевайся и ложись, если тебе угодно. Если не угодно, тоже ложись.

Она смотрела, не понимая. Тирион взял у нее штоф и задрал ей юбки на голову. Тогда она исполнила требуемое, хотя и без особого пыла. У Тириона так долго не было женщины, что он кончил почти мгновенно и скатился с нее больше пристыженный, чем довольный. До чего же он дошел…

— Ты Тишу, случайно, не знаешь? — спросил он, глядя, как стекает на постель его семя. — А куда шлюхи отправляются? Тоже нет? — Спина у нее вся в рубцах, глаза неживые — с тем же успехом он мог поиметь и труп. Даже на ненависть у нее сил не хватало.

Он схватил штоф обеими руками и начал пить. Красная жидкость струилась в горло, стекала по подбородку, капала с бороды на тюфяк. При свече она казалась темной, как вино, сгубившее Джоффри. Допив, карлик отбросил штоф и принялся шарить по полу. Ночного горшка не нашлось, и вырвало его на восхитительный, мягкий как ложь мирийский ковер.

Женщина подняла крик. Ясное дело, спросится-то с нее.

— Отрежь мне голову и отошли в Королевскую Гавань, — покаянно предложил Тирион. — Моя сестра сделает тебя леди, и никто больше не будет бить тебя плетью. — Э,

что слова тратить попусту. Тирион раздвинул ей ноги и взял ее еще раз — это она, во всяком случае, понимала.

Вина больше не было, он тоже иссяк. Тирион собрал шлюхины одежки и бросил к порогу. Намек был весьма прозрачный, и она улетучилась, оставив его одного в темноте. Он лежал на ее постели, но спать боялся — по ту сторону яви его поджидали Горести. Каменные ступени винтом уходили ввысь, наверху стоял Лорд-Покойник. Тириону ничуть не хотелось встречаться с ним, поэтому он оделся и ощупью добрался до лестницы. Грифф с него шкуру спустит, и поделом. Если какой-то карлик заслуживает, чтобы с него сняли кожу заживо, то это Тирион Ланнистер.

На середине лестницы он оступился, скатился вниз кубарем, встал и поклонился удивленным донельзя шлюхам.

— Когда я выпью, еще и не то могу. Я твой ковер испортил, — сказал он хозяину. — Не ругай девушку, я тебе заплачу. — Отсыпал пригоршню серебра и услышал сзади:

— Бес.

В темном углу комнаты сидел мужчина, держа на коленях девку. Тирион ее раньше не видел — если б видел, пошел бы наверх с ней, а не с той конопатой. Моложе остальных, тоненькая, с длинными серебристыми волосами. Лиссенийка скорее всего, но тот, у кого она сидит на коленях, точно из Семи Королевств. Здоровенный, плечистый, лет сорока, если не больше. На голове плешь, на морде щетина, костяшки пальцев и те волосатые.

Тириону он не понравился сразу, а черный медведь у него на камзоле понравился еще меньше. Надо быть рыцарем, чтобы носить шерсть в такую жару.

— Приятно слышать родной язык так далеко от дома, — вымолвил карлик, — но вы меня, боюсь, с кем-то спутали. Меня зовут Хутор Хилл. Могу я угостить вас чашей вина, друг мой?

— С меня уже хватит. — Рыцарь спихнул с колен девку и встал. Сняв свой пояс с колышка на стене, он достал меч. Женщины смотрели во все глаза, и огоньки свечей плавали в их зрачках. Хозяин исчез куда-то. — Ну, Хутор, теперь ты мой.

Не драться же с таким. Убежать от него тоже не убежишь… перехитрить — и то спьяну не выйдет.

— Что же ты со мной будешь делать? — спросил Тирион.

— Отвезу тебя к королеве.

ДЕЙЕНЕРИС

Галацца Галар прибыла в Великую Пирамиду со свитой из двенадцати Белых Благодатей. Эти дочери знатных семейств были еще слишком малы, чтобы отслужить положенный год в храмовых садах удовольствий. Они прямо-таки просились на полотно: гордая пожилая жрица в зеленом и девочки в белых платьях и покрывалах, в незримой броне невинности.

Королева, поручив Миссандее накормить и занять их, ужинала с Зеленой Благодатью одна.

Повара приготовили им восхитительного барашка в меду, с толченой мятой и мелкими зелеными фигами, которые так нравились Дени. За столом прислуживали двое ее любимых маленьких заложников, брат и сестра: худышка Гразхар и кроткая Квецца. Зеленая Благодать, которой они приходились родней, расцеловала их и спросила, хорошо ли они себя ведут.

— Очень хорошо, — заверила Дени. — У Квеццы чудный голос, она иногда поет для меня, а Гразхар вместе с другими мальчиками учится в рыцарской школе сира Барристана.

— Рада слышать, что мои родичи угодили вашей блистательности, — сказала Зеленая Благодать, пока Квецца наполняла ее чашу темно-красным вином. — Надеюсь, и я сумею. — Время выбелило ее волосы и сделало кожу пергаментной — только глаза, мудрые и печальные, горели яркой зеленью в тон ее облачению. — Простите великодушно, но вид у

вашей блистательности усталый. Хорошо ли вы спите?

Дени с трудом удержалась от смеха.

— Не слишком. Прошлой ночью три квартийские галеи под покровом тьмы поднялись по Скахазадхану. Дети Неопалимой пускали огненные стрелы в их паруса и метали на палубу горшки с горящей смолой, но галеи быстро прошли мимо и заметного ущерба не потерпели. Квартийцы хотят и реку для нас закрыть, как закрыли залив, притом они более не одиноки. К ним подошли три галеи из Нового Гиса и каррака из Толоса. — В ответ на предложение заключить с ней союз толосийцы обозвали королеву шлюхой и потребовали, чтобы она вернула великим господам Миэрин. Это было предпочтительнее ответа Мантариса: оттуда ей с караваном прислали кедровый сундук, где обнаружились замаринованные головы трех ее посланников. — Разве что ваши боги помогут. Попросите их наслать шторм и разметать вражеские галеи.

— Я помолюсь, принесу жертву. Быть может, боги Гиса услышат меня. — Галацца пригубила вино, не сводя глаз с Дени. — Но штормы бушуют не только в море. Мне сказали, что еще несколько вольноотпущенников погибли минувшей ночью.

— Трое. — Это слово отозвалось горечью во рту Дени. — Трусливые убийцы вторглись к ткачихам, никому не делавшим зла. У меня над кроватью висит гобелен, подаренный ими. Сыны Гарпии разломали на куски их станок, а женщин изнасиловали и перерезали им глотки.

— Да, так нам и передали. Но ваша блистательность имели милосердие не отвечать кровью на кровь. Не тронули никого из детей, живущих у вас в заложниках.

— Пока нет. — Дени привязалась к своим маленьким подопечным. Среди них есть застенчивые и дерзкие, ласковые и угрюмые, но все они дети и ни в чем не повинны. — Кто же будет наливать мне вино и прислуживать мне за ужином? — Она пыталась обратить всё в шутку, но жрица не улыбнулась.

— Говорят, будто Лысый хочет скормить их вашим драконам. Жизнь за жизнь — по ребенку за каждого погибшего из Бронзовых Бестий.

Дени гоняла еду по тарелке. На Гразхара и Квеццу она не смотрела, боясь расплакаться. У Лысого сердце жестче, чем у нее: они уже раз десять спорили из-за этих детей. «Сыны Гарпии смеются в своих пирамидах, — не далее как утром заявил он. — Какой толк в заложниках, если не убивать их?» В его глазах она слабая женщина, но с нее довольно одной Хазеи. Мир, купленный кровью детей, ей не нужен.

— Ночные убийства — не их рук дело, — сказала Дени, — а я хоть и королева, не мясничиха.

— Миэрин воздает за это хвалу богам. Я слышала, астапорский король-мясник мертв?

— Убит собственными солдатами, которым приказал выйти на бой с юнкайцами. — Эти слова тоже оставляли горечь на языке. — Не успел он остыть, как его место занял другой, нарекший себя Клеоном Вторым. Этот продержался восемь дней до того, как ему перерезали глотку. Убийца и наложница первого Клеона потребовали корону себе — астапорцы их кличут королем-душегубом и королевой-шлюхой. Их сторонники ведут уличные бои, а под стенами стоят юнкайцы со своими наемниками.

— Мы живем в скорбные времена. Угодно ли вашей блистательности выслушать мой совет?

— Вы знаете, как я ценю ваши мудрые речи.

— Он прост: выходите замуж.

— Вот как. — Дени с самого начала ждала чего-то подобного.

— Вы часто изволите говорить, что совсем еще молоды, а с виду ваше великолепие и вовсе дитя. Вам нужен король, который возьмет на себя ваше непосильное бремя.

Дени подцепила кусочек баранины, откусила, медленно прожевала.

— Этот король сможет надуть щеки и загнать галеи Ксаро обратно в Кварт? Или снять осаду Астапора, хлопнув в ладоши? Сможет он накормить моих подданных и вернуть на мои улицы мир?

— А вы сами все это можете? Король не бог, однако сильный мужчина способен на многое. Народ смотрит на вас и видит заморскую пришелицу, которая хочет убить нас и взять в рабство наших детей. Гискарец из благородного дома примирил бы город с вашим правлением — иначе оно, боюсь, может закончиться так же, как началось: в крови и огне.

— Кого же боги Гиса прочат мне в короли и мужья?

— Гиздара зо Лорака, — не замедлила с ответом Галацца.

— Почему его? — не скрыла удивления Дени. — Скахаз тоже благородных кровей.

— Скахаз — Кандак, Гиздар — Лорак. Разница, да простит меня ваше великолепие, доступна только гискарцам. Я часто слышу, что вы происходите от Эйегона Завоевателя, Джейехериса Мудрого и Дейерона Дракона, в Гиздаре же течет кровь Маздана Великолепного, Хазрака Красивого и Зхарака Освободителя.

— Его предки столь же мертвы, как мои. Не их ли тени помогут Гиздару защитить Миэрин от врагов? Мне нужны корабли и мечи, а вы предлагаете мне усопших.

— Мы древний народ, и предки значат для нас очень много. Если вы вступите в брак с Гиздаром, отец вашего сына будет гарпией, мать — драконом. Он исполнит пророчество, и ваши враги растают, как снег по весне.

«Жеребец, который покроет весь мир…» Дени знала цену пророчествам. Все они только слова, а слова — ветер. Не подарит она Лораку наследника, сочетающего в себе дракона и гарпию. Она зачнет дитя вновь, когда солнце встанет на западе и зайдет на востоке, и моря высохнут, и ветер унесет горы, как листья. Но у нее десятки тысяч других детей, назвавших ее матерью, когда она разбила их цепи. Никакой муж не вернет к жизни Крепкого Щита, брата Миссандеи, и Рилону Ри, что так чудесно играла на арфе, но если он способен покончить с убийствами, долг перед мертвыми обязывает ее вступить в этот брак.

Не обернется ли Скахаз против нее, если она станет женой Гиздара? Скахазу она доверяла больше, но сделать Лысого королем было бы катастрофой. Слишком он скор на гнев, слишком мало склонен прощать. Что толку брать в мужья человека, ненавидимого не меньше ее самой? А Гиздара, насколько она видит, в городе уважают.

— Что думает об этом мой вероятный муж? — спросила Дени.

— Ваше величество может спросить его самого. Благородный Гиздар ждет внизу — пошлите за ним, если будет на то ваша воля.

«Слишком много, жрица, ты берешь на себя», — подумала Дени, но проглотила гнев и заставила себя улыбнуться.

— Почему бы и нет? — Вызвав сира Барристана, Дени велела привести к ней Гиздара. — Подниматься долго и утомительно — пусть Безупречные помогут ему.

Пока он поднимался, Зеленая Благодать закончила ужин.

— Позвольте откланяться, ваше великолепие, — вам и благородному Гиздару нужно многое обсудить. — Старая жрица утерла медовые губы, поцеловала Гразхара и Квеццу в лоб, прикрыла лицо шелковым покрывалом. — Я возвращаюсь в Храм Благодати и буду молить богов даровать моей королеве мудрость.

Дени велела Квецце налить ей еще вина, отпустила обоих и объявила, что готова принять Гиздара зо Лорака. Но если он скажет еще хоть слово о своих ненаглядных бойцовых ямах, она прикажет сбросить его с террасы.

Гиздар пришел в простом сером хитоне и стеганой накидке.

— Неужто я так страшна, что вы и улыбнуться мне не хотите? — спросила Дени, когда он выпрямился, отвесив ей низкий поклон.

— Я всегда становлюсь серьезным в присутствии такой красоты.

«Для начала неплохо».

— Выпейте со мной. — Дени сама наполнила его чашу. — Оба мы знаем, зачем вы здесь. Зеленая Благодать полагает, что, если я возьму вас в мужья, все мои заботы рассеются словно дым.

— Не приму на себя смелость утверждать это. Люди созданы для борьбы и страданий — заботы покидают нас лишь вместе с жизнью. Кое в чем, однако, я могу быть полезен. У

меня есть золото, есть друзья, есть влияние, и в жилах моих течет кровь Старого Гиса. Женат я никогда не был, но имею двух побочных детей, сына и дочь, — стало быть, могу дать вам наследников. Я способен примирить с вами город и положить конец ночным убийствам на улицах.

— В самом деле? Что же может заставить Сынов Гарпии спрятать ножи? Вы состоите в их шайке?

— Нет.

— А если бы состояли, сказали бы?

— Нет, — со смехом признал Гиздар.

— Скахаз умеет развязывать языки.

— Не сомневаюсь. Один день в его обществе, и я сделаюсь сыном гарпии, два — самой гарпией, через три сознаюсь, что убил вашего отца в западных королевствах, будучи еще мальчиком. После этого он посадит меня на кол, и я умру у вас на глазах, но резня на улицах не прекратится. — Гиздар подвинулся ближе. — Я предлагаю другое: станьте моей женой и позвольте мне попытаться.

— Зачем вам это? Ради короны?

— Корона мне пойдет, не спорю. Но дело не только в ней. Так ли уж странно, что я хочу защитить свой народ, как вы защищаете ваших вольноотпущенников? Еще одной войны Миэрин не переживет, ваше великолепие.

Хороший, честный ответ.

— Войны я никогда не желала. Я пощадила Юнкай и отказалась поддержать короля Клеона, когда он выступил против них. Даже теперь, когда Астапор осажден, я не спешу на помощь. Квартийцам я и вовсе вреда не делала…

— Намеренно — нет, но торговцы Кварта любят звон серебра и блеск золота. Удар, нанесенный вами работорговле, ощутили все от Асшая до Вестероса. Кварт зависит от своих рабов целиком и полностью. Как и Толос, и Новый Гис, Лисс, Тирош, Волантис… список длинен, моя королева.

— Что ж, пусть приходят. Во мне они обретут врага пострашнее Клеона. Я скорее паду в бою, чем верну моих детей в рабство.

— Есть другой выход. Думаю, что юнкайцы оставят вольноотпущенникам свободу, если ваше величество позволит Желтому Городу беспрепятственно торговать рабами, начиная с этого дня. К чему лить кровь, когда можно договориться?

— А как же кровь рабов, которые будут продаваться и покупаться в Юнкае? — Дени держалась стойко, но признавала, что Гиздар, в общем, прав. Это лучший выход, на который она может надеяться. — О любви вы, между прочим, не сказали ни слова.

— Скажу, если ваша блистательность того хочет.

— Влюбленный не ответил бы так.

— Что есть любовь? Желание? Ни один мужчина, наделенный всеми мужскими признаками, не может смотреть на вас и не желать, Дейенерис, но я ищу брака с вами не по этой причине. До вас Миэрин умирал. Нами правили старики с увядшими членами и старухи с иссохшим лоном. Они попивали абрикосовое вино на вершинах своих пирамид и толковали о величии Старой Империи, а время между тем шло, и кирпич у них под ногами выветривался. Осторожность и обычай держали нас в железных тисках, пока вы не пробудили город огнем и кровью. Пришли новые времена, а с ними и новые возможности. Будьте моей женой.

«Он недурен собой, — подумала Дени, — и язык у него королевский».

— Поцелуйте меня, — приказала она.

Он взял ее руку и поцеловал пальцы.

— Не так. Поцелуйте, как будто мы уже поженились.

Гиздар взял ее за плечи нежно, как птичку, и прижался губами к ее губам. Поцелуй был краток, легок и сух — Дени ничего не почувствовала.

— Хотите еще?

— Нет. — Рыбки в бассейне и те целуют ее горячее, чем Гиздар зо Лорак. — Я не люблю вас.

— Со временем это придет… так бывает нередко.

Только не между ними. Дени хотела Даарио, а не его.

— Когда-нибудь я захочу отвоевать Вестерос, где царствовал мой отец.

— Когда-нибудь все мы умрем, но стоит ли задумываться о смерти? Предпочитаю жить сегодняшним днем.

— Слова, даже такие, как мир и любовь, — это ветер, — сказала Дени. — Я больше доверяю делам. В моих Семи Королевствах рыцари, чтобы покорить своих возлюбленных дев, отправляются на поиски волшебных мечей и охраняемых драконами кладов.

Гиздар поднял бровь.

— Драконы, кроме ваших, мне неизвестны, а волшебные мечи встречаются и того реже — но я готов сложить к вашим ногам короны и сундуки с золотом.

— Мир, вот чего я желаю. Вы говорите, что можете покончить с ночными убийствами — так сделайте это, милорд. Я зачту вам это как подвиг. Когда девяносто дней и девяносто ночей пройдут без единого происшествия, я признаю, что вы достойны стать королем. Что скажете?

Гиздар поразмыслил.

— Девяносто суток без трупов, и на девяносто первый день мы поженимся?

— Возможно, — лукаво потупилась Дени. — Женщины переменчивы — вдруг я еще и волшебный меч попрошу.

— Тогда я и его вам добуду, — рассмеялся Гиздар. — Ваше желание — закон для меня. А тем временем скажите-ка вашему сенешалю, чтобы готовился к свадьбе.

— Ничто не доставит благородному Резнаку большего удовольствия. — Одна только весть о предстоящей свадьбе может подарить ей несколько спокойных ночей, даже если усилия Гиздара окажутся тщетными. Лысый будет недоволен, конечно, зато Резнак мо Резнак запляшет от радости. Кто из них важнее? Как знать. Дени нуждалась в Скахазе и его Бронзовых Бестиях, но к советам Резнака относилась с большим подозрением. *Остерегайся душистого сенешаля…* Уж не подстроил ли ей Резнак эту ловушку заодно с Зеленой Благодатью и Гиздаром зо Лораком?

Едва Гиздар удалился, перед Дени явился сир Барристан в длинном белом плаще. Годы службы в Королевской Гвардии научили старого рыцаря держаться в тени, когда королева принимала кого-то наедине, но он никогда не уходил далеко. По углубившимся у его рта складкам Дени сразу поняла, что он не одобряет ее затеи.

— Итак, я, по всей видимости, выйду замуж повторно. Вы счастливы за меня?

— Если вашему величеству так угодно.

— Гиздар не тот, кого вы бы выбрали мне в мужья.

— Не мое дело обсуждать это, ваше величество.

— Верно, не ваше, но постарайтесь меня понять. Мой народ страждет; королева принадлежит ему, не себе. Выбор один: замужество или бойня, свадьба или война.

— Могу я говорить откровенно, ваше величество?

— Это ваш долг.

— Есть еще один выбор.

— Вестерос?

Рыцарь кивнул.

— Я поклялся служить вашему величеству и охранять вас, куда бы вы ни направились. Мое место рядом с вами, в Королевской Гавани или здесь… но место вашего величества там, в Вестеросе, на отцовском Железном Троне. Гиздара зо Лорака Вестерос никогда не признает своим королем.

— А Миэрин не признаёт королевой Дейенерис Таргариен. В этом Зеленая Благодать права: мне нужен король-гискарец. Иначе во мне всегда будут видеть неотесанную варварку, проломившую их ворота, посадившую на колья их родичей и очистившую их сундуки.

— В Вестеросе вы станете вновь обретенной дочерью, чье возвращение радует отцовское сердце. Все добрые люди будут приветствовать вас на улицах и любить.

— Вестерос далеко.

— Промедление его не приблизит. Чем скорее мы уйдем из этого города…

— Знаю. Знаю. — Как заставить его понять? Вестерос влечет Дени не меньше, чем сира Барристана, но сначала она должна уладить дела здесь, в Миэрине. — Девяносто дней — долгий срок. Может быть, у Гиздара ничего и не выйдет, но его старания дадут мне время заключить с кем-то союз, укрепить оборону…

— А если выйдет? Как поступит ваше величество в таком случае?

— Исполню свой долг. — Это слово оледенило ей рот. — Вы были на свадьбе моего брата. Как женился Рейегар — по любви или по расчету?

— Принцесса Элия была хорошая женщина, — сказал, помедлив, сир Барристан. — Добрая, умная, не чуждая шутке. Принц был очень к ней привязан, я знаю.

«Привязан». Это стоит многих томов. Быть может, и Дени привяжется к Гиздару зо Лораку… спустя какое-то время.

— Я присутствовал также на свадьбе ваших родителей, — продолжал сир Барристан. — Между ними, уж простите, нежных чувств не было — и страна дорого поплатилась за это.

— Зачем же они в таком случае поженились?

— Так приказал ваш дед. Лесная ведьма предрекла ему, что от этого брака родится обещанный принц.

— Лесная ведьма? — повторила изумленная Дени.

— Ее привезла ко двору Дженни из Старых Камней. Маленькая, скрюченная карлица, глядеть не на что, но леди Дженни любила ее и уверяла, что та — Дитя Леса.

— Что с ней стало потом?

— Летний Замок.

Дени вздохнула, услышав эти роковые слова.

— Я устала. Пожалуйста, оставьте меня.

— Слушаюсь. — Сир Барристан откланялся, но остановился у двери. — Простите, совсем забыл… к вашему величеству посетитель. Сказать, чтобы он пришел завтра?

— Кто это?

— Нахарис. Вороны-Буревестники сегодня вернулись в город.

«Даарио!» Сердце Дени затрепетало в груди.

— Давно ли он… когда… — Больше она ни слова не могла вымолвить.

— Ваше величество ужинали со жрицей, когда он прибыл. Беспокоить вас я не счел нужным: его новости могут подождать и до завтра.

— Нет! — Как ей уснуть, когда ее капитан где-то рядом? — Пусть сейчас же поднимется. Вечером вы больше мне не понадобитесь, с Даарио я в безопасности. Пришлите сюда, пожалуйста, Ирри, Чхику и Миссандею. — «Надо переодеться, надо быть красивой как никогда». Так она и сказала служанкам.

— Что ваше величество желает надеть? — спросила Миссандея.

«Звездный свет и морскую пену… легкий шелк, обнажающий левую грудь… цветы в волосах». В пути от Юнкая до Миэрина капитан каждый день приносил ей цветы.

— Серое полотняное платье с жемчугом. И мою львиную шкуру. — Она всегда чувствовала себя увереннее, закутавшись в подаренный Дрого мех.

Она приняла Даарио на террасе, сидя на резной скамье под грушевым деревом. Над городом светила половинка луны, окруженная тысячезвездной свитой. Нахарис вошел вразвалку — он расставлял ноги, даже когда стоял. Полосатые панталоны заправлены в высокие пурпурные сапоги, белая шелковая рубашка, безрукавка из золотых колец. Половина длинных локонов фиолетовая, как бородка-трезубец, половина золотая под стать усам. На одном бедре стилет, на другом дотракийский аракх.

— Как возможно, что пресветлая королева стала еще прекраснее без меня?

Королева привыкла к лести, но лесть из уст Даарио была почему-то приятнее, чем комплименты Резнака, Ксаро или Гиздара.

— Я получила ваше известие из Лхазарина. Вы хорошо послужили нам, капитан. — «Я так по тебе скучала…»

— Ваш капитан живет лишь ради того, чтобы служить своей жестокой властительнице.

— Жестокой?

В его глазах мерцала луна.

— Он поскакал вперед, чтобы скорее узреть ее лик, но его заставили ждать, пока она вкушала барашка и фиги с какой-то старухой.

Ей не доложили о нем, иначе бы она прикинулась дурочкой и послала за ним немедленно.

— С Зеленой Благодатью. — О Гиздаре Дени решила не поминать. — Мне настоятельно требовался ее мудрый совет.

— Мне настоятельно требуется только одно: Дейенерис.

— Не приказать ли, чтобы вам принесли поесть? Вы, должно быть, проголодались.

— Два дня не ел, но вашей красоты мне довольно, чтобы насытиться.

— Красотой сыт не будешь. — Дени бросила ему сорванную с дерева грушу. — Держите.

— Слушаю и повинуюсь. — Он надкусил плод, блеснув золотым зубом. Сок потек по фиолетовой бороде.

Живущей в Дени девочке до боли хотелось поцеловать его — поцелуи Даарио должны быть глубокими, и он не остановится, даже если она попросит, — но королева сдерживалась.

— Расскажите о своем путешествии.

Он небрежно повел плечами.

— Юнкайцы послали на Хизайский перевал каких-то наемников, именующих себя Длинными Копьями. Мы атаковали их ночью и некоторое число отправили в ад. В Лхазарине я убил двух своих — сержантов, которые замышляли украсть золотую посуду и драгоценности, предназначенные моей королевой в дар народу ягнят. В остальном все шло так, как я и предвидел.

— Сколько человек вы потеряли в бою?

— Девятерых… но двенадцать длиннокопейных решили стать Воронами-Буревестниками, так что у нас теперь на трех бойцов больше. Я сказал им, что на стороне драконов они проживут дольше, чем в другом лагере, и они прониклись мудростью моих слов.

— А что, если это шпионы Юнкая? — насторожилась Дени.

— В шпионы они за недостатком ума не годятся.

— Вы же совсем их не знаете. Они чем-то заслужили ваше доверие?

— Я всем своим доверяю… на длину моего плевка. — Даарио выплюнул семечко и улыбнулся подозрениям Дени. — Прикажете принести вам их головы? Я готов. Один из них лыс, у двух косы, еще у одного четырехцветная борода. Станет шпион носить такую, скажите на милость? Один может попасть из пращи в глаз комару с сорока шагов, урод понимает в лошадях, но если моя королева прикажет их умертвить…

— Этого я не приказывала. Присматривайте за ними, и все тут. — При Даарио она всегда чувствовала себя глупой неуклюжей девчонкой. Что он о ней подумает? Дени поспешила сменить разговор. — Ягнячьи люди пришлют нам провизию?

— Зерно отправят на барже по Скахазадхану, моя королева, а прочие товары — караваном через Хизай.

— Только не по реке. Она перекрыта, и море тоже. Вы ведь видели галеи в заливе? Квартийцы разогнали треть нашей рыболовной флотилии, еще треть захватили, а остальные просто боятся выходить в море. Даже той торговле, которую мы еще умудрялись вести, положен конец.

Даарио выбросил грушевый черенок.

— У квартийцев в жилах молоко, а не кровь. Покажите им ваших драконов, и они сразу улепетнут.

Дени не хотелось говорить о драконах. Крестьяне продолжали приносить ей горелые кости и жаловаться на пропажу овец, а Дрогон до сих пор не вернулся в город. Иногда его видели к северу от реки, над травами Дотракийского моря. Визерион перегрыз одну их своих цепей, и оба они с каждым днем становились злее. Безупречные докладывали, что однажды железные двери в подземелье так раскалились, что к ним сутки не смели притронуться.

— Астапор осажден, как и мы.

— Это я знаю. Один длиннокопейный перед смертью успел сообщить, что в Красном Городе началось людоедство и что скоро придет черед Миэрина. Я вырезал ему язык и дал желтому псу. Всем известно, что язык лжеца ни одна собака не тронет, но желтый съел, и я заключил, что наемник говорил правду.

— В самом городе тоже идет война. — Дени рассказала о Сынах Гарпии, Бронзовых Бестиях и крови на кирпичах. — Враги повсюду — как за стенами, так и внутри них.

— Надо атаковать, — тут же сказал Даарио. — Оборона в окружении врагов попросту невозможна. Пока ты отбиваешься от меча, тебя ударят топором в спину. Тут выход один: сразить слабейшего и бежать.

— Но куда?

— Ко мне в постель. В мои объятия. В мое сердце. — Даарио с завлекательной улыбкой провел большими пальцами по золотым нагим женщинам на рукоятках своих клинков.

Кровь бросилась в лицо Дени, как будто он ласкал не их, а ее. Он, верно, думает, что она распутна, если так говорит? Ну и пусть думает, что за важность. Ах, не надо было с ним видеться наедине — он слишком опасен.

— Зеленая Благодать полагает, что мне нужен супруг-гискарец. Хочет, чтобы я вышла за благородного Гиздара зо Лорака.

— За этого? — усмехнулся Даарио. — Почему бы не за Серого Червя, он тоже евнух. Вам так нужен король?

«Мне нужен ты, и никто больше».

— Мне нужен мир. Я дала Гиздару девяносто дней, чтобы покончить с резней. Если он это сделает, мы поженимся.

— Возьмите лучше меня. Я с ней покончу за девять.

«Ты же знаешь, что я не могу», — чуть не сказала Дени.

— Вы боретесь с тенями, а не с людьми, которые их отбрасывают, — продолжал капитан. — Перебейте их всех и заберите себе их имущество. Шепните только, и ваш Даарио сложит из их голов пирамиду повыше этой.

— Если б я знала, кто они…

— Цхаки, Пали, Мерреки и прочие великие господа. Кто ж еще.

«Какой он смелый… и какой кровожадный».

— У нас нет доказательств, что они замешаны в этом. Хотите, чтобы я убивала собственных подданных?

— Ваши подданные охотно убили бы вас.

Его так долго не было, она успела забыть, каков он. «Наемники — предатели по природе своей», — напомнила себе Дени. Неверное, зверски жестокое племя. Даарио уже не переделать; королей лепят совсем из другого теста.

— Пирамиды хорошо укреплены, — объяснила она. — Их можно взять лишь ценой огромных потерь. Как только мы начнем штурмовать одну, против нас восстанут все остальные.

— Так выманите их из пирамид под любым предлогом. Свадьба, к примеру — почему бы и нет? Обещайте свою руку Гиздару. Все великие господа придут в Храм Благодати ради такого события — тут-то мы их и накроем.

«Да он просто чудовище, — поразилась Дени. — Галантное, очаровательное чудовище».

— Вы принимаете меня за короля-мясника?

— Мясником быть лучше, чем мясом. Короли всегда мясники — разве королевы другие?

— Эта королева, во всяком случае, да.

— У большинства королев цель в жизни одна, — пожал плечами Даарио, — греть постель своему королю и рожать ему сыновей. Хотите быть такой, выходите за Гиздара.

— Вы забываете, кто я! — в гневе вскричала Дени.

— Я нет. А вы?

Визерис отрубил бы ему голову за подобную наглость.

— Я от крови дракона. Не дерзайте меня учить. — Дени поднялась так резко, что львиная шкура соскользнула у нее с плеч. — Оставьте меня.

— Повинуюсь, — склонился Даарио.

Когда он ушел, Дени вновь призвала сира Барристана к себе.

— Отправьте Ворон-Буревестников назад в поле.

— Но они только что вернулись, ваше величество…

— Ничего. Пусть несут дозор на юнкайской границе и обеспечивают защиту караванам, проходящим через Хизай. Отныне Даарио будет докладывать лично вам. Воздайте ему должные почести и проследите, чтобы его людям хорошо заплатили, но ни в коем случае не допускайте его ко мне.

— Слушаюсь, ваше величество.

Всю ночь она проворочалась, не в силах уснуть. Даже Ирри к себе позвала, надеясь обрести покой в ее ласках, но вскоре велела ей уходить. Ирри, при всей ее нежности и умении, все-таки не Даарио.

Что же она натворила? Так долго ждала его, а теперь отсылает прочь. «Он сделал бы из меня чудовище, — шептала Дени, — королеву-мясничиху». Но как же улетевший Дрогон и те двое в яме? На ее руках тоже кровь. Между ней и Даарио разница не столь велика — оба они чудовища.

ЛОРД-ИЗГНАННИК

«Что ж он так долго?» — спрашивал себя Грифф, расхаживая по палубе. Неужели они и Хелдона потеряют, как Тириона Ланнистера? Может, волантинцы его схватили? Надо было послать с ним Утку. На одного Хелдона надежда плоха: он доказал это, упустив в Селхорисе карлика.

«Робкая дева» стояла на одном из самых убогих участков длинной гавани — между накренившейся плоскодонкой, торчащей здесь много лет, и ярко разукрашенным кораблем скоморохов. Шумные соседи читали вслух свои роли и чаще бывали пьяными, нежели трезвыми.

В Валан-Терисе, как и везде после выхода из Горестей, стояла удушающая жара, но это беспокоило Гриффа меньше всего. Золотые Мечи встали лагерем к югу от города и далеко к северу от того места, где он ожидал; триарх Малакуо выступил на север с пятью тысячами пехоты и тысячей конницы, чтобы отрезать их от дороги на дельту. Дейенерис Таргариен все еще на другом конце света, а Тирион Ланнистер может быть где угодно. По милости богов его голову уже везут в Королевскую Гавань, но скорее всего он живехонек, пьян в доску и замышляет новую пакость.

— Где Хелдон? В какую из семи преисподних он провалился? — воскликнул Грифф, обращаясь к леди Леморе. — Сколько нужно времени на покупку трех лошадей?

Она пожала плечами:

— Не безопаснее ли будет оставить мальчика здесь на лодке, милорд?

— Безопаснее ли? Да. Разумно ли это? Нет. Он уже взрослый, и перед ним лежит путь, для которого он рожден. — Гриффу опротивели эти разговоры, опротивело прятаться, опротивело ждать.

— Мы так старались скрывать принца Эйегона все эти годы, — напомнила женщина. — Я знаю, скоро он должен будет смыть краску с волос и объявить о себе, но время еще не приспело. Нельзя делать это в лагере, полном наемников.

— Если Гарри Стрикленд замышляет недоброе, принц не спасется и на борту «Робкой девы». У Стрикленда десять тысяч мечей, а у нас один Утка. Эйегон — принц, о котором можно только мечтать, и воинство Стрикленда должно видеть это собственными глазами. Они, в конце концов, его люди.

— Его, потому что им заплатили. Десять тысяч совершенно чужих людей, не считая маркитантов и лагерных шлюх, а чтобы погубить весь наш замысел, достаточно одного. Если голова Хутора стоит лордства, сколько Серсея Ланнистер даст за полноправного наследника Железного Трона? Вы не знаете этих солдат, милорд. Прошло двенадцать лет с тех пор, как вы с ними расстались, и ваш старый друг уже мертв.

Милс Тойн, Черное Сердце… Он был так полон жизни — трудно поверить, что его больше нет. Золотой череп на шесте и Бездомный Гарри Стрикленд вместо него. Права Лемора: Золотые Мечи, кем бы их предки ни были, всего лишь наемники, а наемникам доверять нельзя. И все же…

Прошлой ночью ему опять снилась Каменная Септа. Один, с мечом в руке, он бегал от дома к дому, вышибал двери, носился по лестницам, прыгал с крыши на крышу, и в ушах его гудел колокольный звон. Голова разламывалась от низких тонов бронзы и серебряных переливов — еще немного, и лопнет.

Семнадцать лет прошло с Колокольной битвы, а у него все еще сводит нутро от звона колоколов. Многие полагают, что государство погибло, когда Роберт убил принца Рейегара молотом на Трезубце, так вот: до этого не дошло бы, убей грифон оленя в Каменной Септе. Колокола в тот день звонили по ним: по Эйерису с его королевой, по Элии Дорнийской и ее маленькой дочке, по всем честным людям Семи Королевств. И по серебряному принцу, по Эйегону.

— Согласно нашему плану, принца следовало раскрыть лишь перед королевой Дейенерис.

— Это когда мы думали, что девчушка пойдет на запад. Наша драконья королева обратила этот план в пепел, а мы, по милости толстого пентошийского дурня, ухватили драконихуза хвост и сожгли себе пальцы.

— Не мог же Иллирио знать, что девочка останется в заливе Работорговцев.

— Как и того, что Король-Попрошайка умрет молодым, а кхал Дрого сойдет в могилу вскоре после него. Очень немногие из замыслов толстяка осуществились на деле. — Грифф хлопнул рукой в перчатке по рукояти меча. — Я годами плясал под его дудку, Лемора, и к чему это нас привело? Принц вырос. Его время…

— Грифф, — позвал Яндри, перекрикивая колокол лицедеев, — Хелдон идет.

Полумейстер в самом деле шагал по набережной в пропотевшем насквозь хитоне — не менее несчастный, чем в Селхорисе, когда пришел заявить о пропаже карлика. Лошадей он, однако, купил и вел за собой.

— Посмотрите, готов ли мальчик, — сказал Грифф Леморе.

— Хорошо, — вздохнула она.

Вот и отлично. Он полюбил Лемору, но это еще не значит, что ему требуется ее одобрение. Ее задачей было религиозное воспитание принца, с коим она успешно и справилась. Но молитвы его на Железный Трон не посадят — это уж дело Гриффа. В прошлом он подвел принца Рейегара, но его сына не подведет. Жизнь за него положит.

Купленные Хелдоном кони его не удовлетворили.

— Получше ничего не нашел?

— Нет, — сварливо ответил тот, — и лучше не спрашивай, сколько они нам стоили. Дотракийцы за рекой, половина Валан-Териса желает убраться как можно дальше, лошади с каждым днем дорожают.

Надо было пойти самому. После Селхориса Грифф уже не полагался на Хелдона так,

как бывало раньше. Дал карлику себя уболтать, отпустил его в бардак одного, а сам торчал как дурак на площади. Хозяин заведения уверял, что карлика увели насильно, но Грифф не до конца в это верил. У Беса вполне бы хватило ума нанять того пьяницу, который якобы похитил его. С себя Грифф тоже вины не снимал. Он ослабил бдительность, когда карлик заслонил Эйегона от каменного, и не перерезал Бесу глотку при первой же встрече.

— Ладно, сойдут, — сказал он Хелдону. — Лагерь всего в трех милях от нас. — «Робкая дева» доставила бы их туда гораздо быстрее, но Грифф не хотел, чтобы Гарри Стрикленд знал о постоянном местопребывании принца. Кроме того, идти вброд по отмелям и лезть на илистый берег прилично наемнику и его сыну, но никак не принцу со знатным лордом.

Парня, вышедшего из каюты с Леморой, Грифф оглядел с головы до ног. Меч, кинжал, черные сапоги, начищенные до блеска, черный плащ на шелковой кроваво-красной подкладке. Вымытые, подстриженные волосы заново окрашены в густой темно-синий цвет, чтобы глаза тоже казались синими. На шее три больших квадратных рубина на черной чугунной цепи, дар магистра Иллирио. Красное и черное, драконьи цвета.

— Настоящий принц, — сказал Грифф. — Твой отец гордился бы, увидев тебя сейчас.

— Обрыдла уже эта краска. — Молодой Грифф запустил пальцы в волосы. — Смыть бы ее.

— Скоро смоешь. — Грифф сам охотно бы это сделал, хотя его когда-то рыжая голова теперь поседела. Он хлопнул юношу по плечу. — Ну что, поехали? Твое войско ждет своего вождя.

— Мое войско… здорово все-таки. — Улыбка прошла по лицу парня и тут же пропала. — Но ведь это наемники. Йолло учил меня не доверять никому.

— Умно, — признал Грифф. Будь во главе, как прежде, Черное Сердце, дело иное, но Милса Тойна четыре года как нет, а Гарри Стрикленд — совсем другой человек. Парню он об этом не скажет: карлик и без того заронил немало сомнений в юную голову. — Не всякий человек таков, каким кажется, и у принца особенно много причин соблюдать осторожность, но излишняя подозрительность отравляет душу и делает тебя боязливым. — С королем Эйерисом именно так и случилось — даже Рейегар под конец это понял. — Лучше всего придерживаться золотой середины. Доверие приобретается верной службой, но будь открыт и щедр со своими людьми, пока они приобретают его.

Мальчик кивнул.

— Я запомню.

Принцу дали лучшего из трех скакунов, большого сивого мерина. Грифф и Хелдон ехали рядом с ним. Южная дорога, первые полмили бегущая под белой стеной Валан-Териса, далее следовала извивам Ройна и вела сквозь ивовые заросли и маковые поля мимо старого деревянного ветряка, чьи лопасти скрипели, как старые кости.

К Золотым Мечам они прибыли, когда солнце уже понемногу клонилось к западу. Лагерь наемников, аккуратный и хорошо укрепленный, одобрил бы сам Эртур Дейн. Вокруг глубокий ров, во рву острые колья. Палатки стоят рядами, между ними широкие проходы. Отхожие места расположены у реки, и нечистоты уносит течением. Над конскими загонами в северной стороне пасутся дюжины две слонов, дергая хоботами тростник. Грифф смотрел на них уважительно: ни один боевой конь в Вестеросе не выстоит против таких.

По всей окружности лагеря, под парчовыми боевыми штандартами на длинных шестах, совершали обход часовые в доспехах, с копьями и арбалетами. Грифф опасался, как бы отряд не распустился при Гарри Стрикленде, больше занятом полезными связями, нежели дисциплиной, — но беспокойство его, похоже, было напрасным.

Сержант, с которым Хелдон поговорил у ворот, послал гонца к капитану. Тот ничуть не похорошел с тех пор, как Грифф в последний раз его видел: то же громадное брюхо и многократно зашитое лицо со старыми шрамами. Правое ухо не иначе как собака жевала, левого вовсе нет.

— Стало быть, ты теперь капитан, Флауэрс? — сказал Грифф. — Как низко пали

Золотые Мечи.

— Все еще хуже, чем ты думаешь, старый хрен: меня и в рыцари посвятили. — Воин заключил Гриффа в медвежьи объятия. — Вид у тебя жуткий даже для того, кто дюжину лет как помер. И патлы синие! Когда Гарри сказал, что ты к нам скоро пожалуешь, я чуть не обосрался. Здорово, Хелдон, сосулька этакая! Так и ходишь с аршином в заднице? А это кто ж будет?

— Мой оруженосец, — ответил Грифф. — А это Франклин Флауэрс, парень.

— Флауэрс — имя бастардов с Простора… — заметил принц.

— Точно. Мать была прачкой в Яблочном, вот кто-то из сыновей милорда и обрюхатил ее — стало быть, я из Фоссовеев бурого яблочка. Ладно, пошли со мной. Стрикленд всех офицеров созвал к себе: проклятые волантинцы потрясают копьями и хотят знать, каковы наши намерения.

Солдаты у палаток пили, играли в кости и отмахивались от мух. Многие ли из них знают, кто такой Грифф? Вряд ли: двенадцать лет — долгий срок. Даже те, кто воевал вместе с ним, могут не узнать рыжебородого лорда Коннингтона в бритом, морщинистом и крашеном Гриффе. В отряде пустили слух, что Коннингтон, с позором отчисленный из Мечей за покражу казенных денег, упился до смерти в Лиссе. Он до сих пор морщился при мысли об этом гнусном поклепе, на котором настоял Варис. «Никаких историй о благородном изгнаннике, — просюсюкал евнух. — Тех, кто погиб геройской смертью, помнят чересчур долго, а воров, трусов и пьяниц вымарывают из памяти».

Что знает евнух о чести воина? Грифф скрепя сердце согласился на его выдумку ради мальчика. Ничего, дайте срок: когда принц взойдет на Железный Трон, Варис поплатится и за эту пощечину, и за другие свои дела. Посмотрим тогда, кого вымарают из памяти.

Парчовый шатер верховного капитана был окружен частоколом с золочеными черепами. Один больше других, уродливой формы, под ним совсем маленький, с кулачок: Мейелис-Чудище и его безымянный брат. Остальные почти все одинаковые, многие с трещинами и вмятинами от смертельных ударов, да у кого-то подпиленные острые зубы.

— Который тут Милс? — неожиданно для себя спросил Грифф.

— Вон, на том краю, — показал Флауэрс. — Пойду доложу о тебе. — Он ушел в шатер, оставив Гриффа созерцать позолоченный череп старого друга. При жизни сир Милс Тойн был страшен как смертный грех, не в пример своему легендарному предку. Красота Терренса даже королевскую наложницу покорила, а Милс был лопоухий, с кривой челюстью, и такого здорового носа, как у него, Коннингтон никогда не встречал — но обо всем этом забывалось, стоило ему улыбнуться. Черным Сердцем его прозвали из-за эмблемы на щите, и Милс очень любил это прозвище. «Командира должны бояться как чужие, так и свои, — однажды признался он. — Это только к лучшему, когда твои люди считают тебя бессердечным злодеем». На деле он был совсем другой: солдат до мозга костей, но при этом кристально честный, отец своим подчиненным и великодушный покровитель опального лорда.

Смерть лишила его и носа, и ушей, и тепла, а улыбка преобразилась в оскал, сверкающий золотом. Черепа ухмылялись все до единого, даже Жгучий Клинок на высоком колу в середине. Чему, спрашивается? Он умер на чужбине, побежденный и одинокий. На смертном одре сир Эйегор Риверс, как известно, приказал выварить свой череп, покрыть его золотом и возить перед отрядом, пока Золотые Мечи не завоюют Вестерос вновь. Все его преемники следовали примеру первого командира.

Джон Коннингтон мог быть среди них, не обернись его судьба по-другому. Он пять лет воевал в отряде, выслужился из рядовых, занял почетное место по правую руку Тойна. После гибели Милса командиром вполне могли выбрать его, а не Гарри, но Грифф ни о чем не жалел. На родину он вернется не в виде черепа на шесте.

— Заходите, — позвал их вышедший из шатра Флауэрс.

Офицеры поднялись с походных стульев и табуретов. Старые друзья улыбались Гриффу и обнимали его, новенькие вели себя сдержаннее. За некоторыми улыбками он чуял ножи и понимал, что не все ему так рады, как стараются показать. До недавних пор почти все

они полагали, что лорд Джон Коннингтон пребывает в могиле, — так и надо, не воруй у своих. Грифф на их месте, наверное, думал бы то же самое.

Сир Франклин занялся представлениями. Некоторые из капитанов звались как бастарды — Риверс, Хилл, Стоун; другие называли имена, прославленные в истории Семи Королевств. Грифф насчитал двух Стронгов, трех Пеков, Мадда, Мандрака, Лотстона, пару Колей. Имена они могли и придумать — в вольных отрядах человек может называться как пожелает, — но роскошью блистали все как один. Наемники, как водится в их ремесле, носили все свое достояние на себе: мечи с драгоценными камнями в эфесе, доспехи с инкрустациями, нашейные обручи, дорогие шелка, а уж на золотые браслеты каждого можно было лорда из плена выкупить. Каждый такой браслет знаменовал год службы в рядах Золотых Мечей. У рябого Марка Мандрака с дырой на щеке (где раньше было клеймо раба) имелась, кроме того, цепь из золотых черепов.

Не все капитаны происходили из Вестероса. Летниец Балак, черный как сажа, но с белыми волосами — он, как и при Милсе, командовал лучниками, — щеголял в великолепном плаще из зеленых и оранжевых перьев. Похожий на труп волантинец Горис Эдориен заменил Стрикленда на посту казначея; этот носил на одном плече леопардовую шкуру, и его намасленные длинные кудри были кроваво-красными, а остроконечная борода — черной. Мастером над шпионами стал лиссениец Лиссоно Маар, которого Грифф прежде не знал: глаза сиреневые, волосы белые с золотом, а пухлости его губ позавидовали бы многие шлюхи — с первого взгляда Грифф едва не принял его за женщину. Ногти он красил в пурпурный цвет, в уши вдевал аметисты и жемчуга.

«Лживые призраки, — думал Грифф, обводя их взглядом. — Призраки забытых войн, проигранных замыслов, подавленных мятежей, братство падших, опозоренных, лишенных наследства. Вот оно, мое войско, вот все, на что мы можем надеяться».

Бездомный Гарри был похож на воина меньше всех. Дородный, с мягкими серыми глазами, редеющие волосы на большой голове зачесаны набок, чтобы скрыть лысину. Сидя на походном стуле, он мочил ноги в соленой воде.

— Прости, что не встаю, — сказал он вместо приветствия. — Мозоли натер в походе, просто мучение.

«Что ж ты как старуха…» Стрикленды состояли в отряде со дня его основания: прадед Гарри лишился своих земель, примкнув к Черному Дракону во время первого Восстания Черного Пламени. «Золотые в четырех поколениях», — хвастался Гарри, словно четыре поколения изгнания и поражений могли быть предметом гордости.

— Могу предложить бальзам, — сказал Хелдон, — и минеральные соли, чтобы кожа не была такой нежной.

— Благодарю, буду рад. Налей вина нашим друзьям, Уоткин, — приказал Стрикленд оруженосцу.

— Спасибо, не надо, — сказал Грифф. — Мы будем пить воду.

— Хорошо, как хотите. А это, должно быть, твой сын, — улыбнулся принцу Стрикленд.

«Неужели он знает? Что рассказывал ему Милс?» Варис настаивал на полнейшей секретности — о планах, которые строили евнух, Иллирио и Черное Сердце, не знал больше ни один человек, и вряд ли эти трое могли проболтаться.

Теперь это, впрочем, уже не имело значения.

— Ни один отец не мог бы пожелать более достойного сына, но этот мальчик родился не от меня, и его имя не Грифф. Представляю вам, милорды, Эйегона Таргариена, перворожденного сына Рейегара, принца Драконьего Камня, и жены его Элии Дорнийской. С вашей помощью этот юноша скоро станет Эйегоном Шестым, королем андалов, ройнаров и Первых Людей, правителем Семи Королевств.

В шатре настала полная тишина. Кто-то кашлянул, один из Колей подлил себе вина в чашу, Горис Эдориен играл локоном, бормоча что-то на своем языке, Ласвелл Пек переглянулся с Мандраком и Лотстоном. «Они знают, — понял Грифф. — Давно уже

знают».

— Когда ты сказал им? — спросил он Стрикленда.

— Когда мы вышли к реке, — сказал тот, шевеля в лохани стертыми пальцами. — Люди волновались, не понимая, чего ради мы отказались от легкой кампании в Спорных Землях и маемся на этой треклятой жаре, глядя, как тают наши деньги, ржавеют клинки и отвергаются выгодные контракты.

Грифф покрылся гусиной кожей, услышав это.

— С кем?

— С Юнкаем. Посол, прибывший охмурять Волантис, уже отправил в залив Работорговцев три вольных отряда. Он хочет, чтобы мы стали четвертыми, и предлагает вдвое против того, что нам платил Мир, а в придачу одну рабыню каждому из солдат, десять каждому офицеру и сто юных девственниц мне.

«Седьмое пекло!»

— Им понадобятся тысячи рабынь — где они возьмут столько?

— В Миэрине. Давай полотенце, Уоткин. Вода стынет, и мои пальцы сморщились, как изюм. Нет, не это, помягче.

— И ты отказал ему, — произнес Грифф.

— Сказал, что подумаю. — Гарри поморщился. — Осторожно с пальцами, парень. Представь, что это виноградины — их надо просушить, не раздавив при этом, вот так. Отказывать сразу было бы неразумно: люди могли подумать, что я не в своем уме, и справедливо.

— Вашим клинкам скоро найдется работа.

— В самом деле? — отозвался Лиссоно Маар. — Вы ведь, наверное, уже знаете, что молодая Таргариен не пошла на запад?

— Слыхали такую басню в Селхорисе.

— Не басню, а чистую правду. Труднее понять — почему. Миэрин она ободрала как липку, это понятно — я на ее месте сделал бы то же самое. Рабовладельческие города пухнут от золота, а войны требуют денег. Но какова причина ее промедления? Страх, безумие, лень?

— Почему — не столь важно. — Гарри развернул пару шерстяных полосатых чулок. — Главное, что она в Миэрине, а мы здесь, и волантинцам наше присутствие крепко не нравится. Мы пришли поддержать короля с королевой, которые вернут нас домой, но этой Таргариен, похоже, больше по вкусу сажать оливы, чем отвоевывать трон отца. А враги ее между тем смыкают ряды: Юнкай, Новый Гис, Толос. Красная Борода и Принц-Оборванец выступают против нее совместно, а скоро и волантинский флот двинется в ту же сторону. Что она может противопоставить им всем — постельных рабов с палками?

— Безупречных, — сказал Грифф. — И драконов.

— Драконы у нее совсем молодые, недавно вылупились. — Стикленд осторожно натянул чулок на свои волдыри. — Много от них будет проку, когда все эти армии зажмут ее город в кулак.

— Тем больше у нас причин поскорей до нее добраться, — заметил Тристан Риверс, барабаня пальцами по колену. — Если Дейенерис не идет к нам, мы должны идти к Дейенерис.

— Не по водам ли, сир? — осведомился Лиссоно Маар. — Повторяю еще раз: морем нам туда не попасть. Я сам пробрался в Волантис, переодевшись торговцем, и разузнал насчет кораблей. В гавани полным-полно галей, коггов и каррак, но я весьма скоро понял, что имею дело с контрабандистами и пиратами. У нас в отряде, как лорд Коннингтон наверняка помнит, десять тысяч солдат. Пятьсот рыцарей, каждый с тремя конями. Пятьсот конных оруженосцев. Не забудем и о слонах! Одного пиратского корабля для всех маловато, нужна флотилия… кроме того, из залива Работорговцев доносят, что Миэрин взят в блокаду.

— А если притвориться, будто мы согласны наняться к юнкайцам? — предложил Горис Эдориен. — Пусть отвезут нас в Миэрин, а под его стенами мы им вернем золотишко.

— Даже один расторгнутый договор — пятно на чести отряда, — возразил Гарри

Стрикленд, держа в руках больную ступню. — Позвольте напомнить, что к тому секретному соглашению приложил печать Милс Тойн, а не я. Я бы и рад его исполнить, но каким образом? Мне представляется ясным, что Таргариен никогда не пойдет на запад. Вестерос был королевством ее отца, а ее королевство — Миэрин. Если она победит Юнкай, то станет королевой всего залива, если же нет, то погибнет задолго до того, как мы подоспеем.

Гриффа это не удивило. Гарри Стрикленд всегда составлял пергаменты лучше, чем расправлялся с врагами. В нюхе на золото ему не откажешь; хватит ли в нем духу для битвы — другой вопрос.

— Можно идти и по суше, — заметил Франклин Флауэрс.

— Дорога демонов — это смерть. Половина людей дезертирует сразу, половина оставшихся ляжет костьми вдоль дороги. Магистр Иллирио с друзьями, как ни грустно это звучит, возлагал слишком много надежд на юную королеву.

«Скорее уж на тебя», — поправил мысленно Грифф… И тут слово взял принц.

— Положитесь в таком случае на меня. Дейенерис — сестра Рейегара, я его сын. Одного дракона довольно.

Рука Гриффа в черной перчатке легла ему на плечо.

— Храбро сказано, но думай, о чем говоришь.

— Я думаю, — заявил мальчик. — Зачем мне идти к тетке с протянутой рукой? Я опережаю ее как наследник престола. Пусть сама приходит ко мне — в Вестерос.

— А что, — засмеялся Франклин, — мне нравится. Поплывем не на восток, а на запад. Маленькая королева сажает оливки, а мы посадим на Железный Трон принца. Яйца у него есть, ничего не скажешь.

Верховный капитан вскинулся, как от пощечины.

— У тебя, что, Флауэрс, мозги на солнце протухли? Нам нужна эта девочка. Нужен брак. Если Дейенерис примет нашего принца как своего консорта, Семь Королевств сделают то же самое. Без нее лорды только посмеются над ним и выставят его самозванцем. И как ты располагаешь попасть в Вестерос? Ты же слышал, что Лиссоно сказал: кораблей нет.

«Он просто боится лезть в драку, — сказал себе Грифф. — Как их угораздило выбрать такого вместо Черного Сердца?»

— Корабли не хотят идти на восток, а Вестерос — другая статья. Триархи только рады будут от нас избавиться — даже, глядишь, и помогут. Кому нужна чужая армия у себя на пороге?

— В чем-то он прав, — заметил Лиссоно.

— Лев уже наверняка учуял дракона, — подхватил один Коль, — но Серсея смотрит в сторону Миэрина и другой королевы. О принце она знать ничего не знает. Как только мы высадимся и поднимем знамена, народ к нам побежит со всех ног.

— Побегут лишь немногие, — сказал Гарри. — У сестры Рейегара драконы, у сына их нет. Завоевать страну без Дейенерис и ее Безупречных нам не под силу.

— Первый Эйегон взял Вестерос без помощи евнухов, — вставил Лиссоно. — Почему бы шестому того же не повторить?

— По плану…

— По плану толстяка? — перебил Тристан Риверс. — Тому, что меняется с каждой луной? Сначала Визерис Таргариен должен был привести к нам пятидесятитысячную орду дотракийцев. После смерти его заменила сестрица, послушное дитя, долженствующее приплыть в Пентос с тремя своими дракончиками. Потом дитя поворачивает в залив Работорговцев, сжигая города на пути, и толстяк решает, что мы должны ее ждать в Волантисе. А теперь, выходит, и этот план рухнул. Не знаю, как вы, а с меня довольно. Роберт Баратеон занял Железный Трон без всяких драконов — мы тоже займем. А если я ошибаюсь и народ не поддержит нас, мы всегда можем отступить обратно за Узкое море, как Жгучий Клинок и другие после него.

— Риск… — упирался Стрикленд.

— …не так уж велик теперь, когда не стало Тайвина Ланнистера. Самое время идти

войной на Семь Королевств. За короля у них другой мальчуган, еще младше прежнего, а мятежников кругом — что листьев по осени.

— Все равно одни мы не можем…

Грифф уже вдоволь наслушался трусливых доводов командира.

— Мы не будем одни. Дорн поддержит нас непременно: матерью Эйегона была Элия, их принцесса.

— Верно, — сказал мальчик, — и единственный противник, который у нас останется, — это женщина.

— По имени Ланнистер, — уточнил Стрикленд. — Рядом с этой сукой всегда маячит Цареубийца, и все богатство Бобрового Утеса подпирает их сзади. А маленький король, по словам Иллирио, помолвлен с девицей Тирелл — стало быть, и Хайгарден за них.

— Даже век спустя у некоторых из нас остаются друзья в Просторе, — стукнул по столу Ласвелл Пек. — Власть Хайгардена не столь велика, как воображает себе Мейс Тирелл.

— Мы ваши солдаты, принц Эйегон, — сказал Тристан Риверс. — Точно ли вы желаете, чтобы мы отплыли на запад вместо востока?

— Да, — без запинки ответил принц. — Пусть тетка сидит в своем Миэрине, без нее обойдемся. На Железный Трон меня возведут ваши верные сердца и ваши мечи. Быстрота и натиск, вот главное. Мы начнем побеждать еще до того, как Ланнистеры узнают о нашей высадке, и это привлечет к нам других.

Риверс одобрительно улыбался, другие раздумывали.

— Лучше уж я умру в Вестеросе, чем на дороге демонов, — сказал наконец Пек.

— Предпочитаю жить долго и в собственном замке, — ухмыльнулся Марк Мандрак.

— Пару Фоссовеев убью, и то ладно, — хлопнул по рукояти меча Франклин Флауэрс.

Когда заговорили все разом, Грифф понял, что одержал верх. С этой стороны Эйегона он видел впервые. Неблагоразумно, конечно, но ему уже надоело благоразумие, надоели тайны и ожидание. Как бы все ни обернулось, он еще увидит Гриффин-Руст перед смертью и ляжет в семейной гробнице рядом с отцом.

Офицеры Золотых Мечей один за другим преклоняли колени и слагали мечи к ногам молодого принца. Последним это сделал Бездомный Гарри с мозолями на ногах.

Закатное солнце окрасило золотые черепа красными бликами. Франклин Флауэрс предложил показать принцу лагерь и представить ему кое-кого из «ребят». Грифф разрешил, но с условием:

— Помни, что для солдат он должен оставаться молодым Гриффом вплоть до переправы через Узкое море. Только в Вестеросе мы смоем краску с его волос и облачим принца в подобающие доспехи.

— Ясное дело. — Флауэрс хлопнул мальчика по спине. — Пошли, начнем с поваров — это знакомство полезное.

— Отправляйся на «Деву», — сказал Грифф Полумейстеру. — Привези сюда леди Лемору, сира Ройли и сундуки Иллирио с доспехами и монетой. Поблагодари Изиллу и Яндри: они свое дело сделали, и принц не забудет их, когда взойдет на престол.

— Слушаюсь, милорд. — Хелдон зашагал к воротам, а Грифф ушел в палатку, которую выделил ему Гарри.

Он знал, что впереди их ждет много опасностей, но что из того? Все люди смертны. Время, больше он ничего не просит. Он так долго ждал — уж верно, боги дадут ему еще пару лет, чтобы увидеть на троне мальчика, которого он звал сыном. Чтобы вернуть себе земли, родовое имя и честь. Может быть, тогда колокола, трезвонящие в его голове по ночам, наконец-то уймутся.

Сквозь открытый вход падали красные и золотые лучи. Грифф скинул с себя волчий плащ, стянул кольчужную рубаху, снял перчатку с правой руки. Ноготь на среднем пальце совсем почернел, плоть до первого сустава сделалась серой. Кончик безымянного тоже понемногу темнел — Грифф, кольнув его кинжалом, ничего не почувствовал.

Смерть верная, но не так чтобы скорая. Еще год… еще два… еще пять. Каменные люди, бывает, и по десять живут. Хватит, чтобы переплыть море и увидеть еще раз Гриффин-Руст. Чтобы пресечь в корне род узурпатора и возвести сына Рейегара на трон.

После этого лорд Джон Коннингтон умрет со спокойной совестью.

СЫНЫ ВЕТРА

Слух пронесся по лагерю словно горячий ветер. «Она идет! Ее войско уже выступило в Юнкай, чтобы предать город огню, а людей мечу, а мы идем на север, наперерез ей».

Лягуха узнал это от Дика-Соломинки, тот от старого Костяного Билла, а тот от пентошийца Мирио Миракеса, чей двоюродный брат прислуживал Принцу-Оборванцу.

— Чашник слышал это в командном шатре из уст самого Кагго, — уверял Дик. — Мы выступим еще до конца дня, вот посмотришь.

Так оно и вышло. Принц-Оборванец через капитанов и сержантов дал приказ снимать палатки, грузить мулов, седлать коней и отправляться в поход.

— В город нас юнкайские ублюдки не пустят — больно им надо, чтоб мы ихних дочек щупали, — предсказывал Бакк, косоглазый мирийский арбалетчик, чье имя значило «боб». — Там нас снабдят провизией, может, и лошадей поменяют, и двинем мы в Миэрин плясать с королевой-драконихой. Шевелись, Лягуха, и наточи хорошенько хозяйский меч — он ему скоро понадобится.

В Дорне Квентин Мартелл был принцем, в Волантисе купецким приказчиком — на берегах залива Работорговцев он стал Лягухой, оруженосцем лысого дорнийского рыцаря по прозвищу Зеленорыл. Собственную кличку Квентин получил за резвость, с которой выполнял приказы своего рыцаря, — так, мол, и скачет.

Даже командир их отряда пользовался прозвищем вместо имени. Некоторые из Вольных Отрядов родились в век крови и хаоса, последовавший за Роковым Днем, другие появились вчера, и никто не знал, доживут ли они до завтра. У Сынов Ветра за всю тридцатилетнюю историю был один-единственный командир, Принц-Оборванец — пентошиец знатного рода с грустными глазами, никогда не повышающий голоса. Поверх серебристо-серой, в тон волосам, кольчуги он носил плащ, сшитый из ярких лоскутьев: голубых, пурпурных, красных, золотистых, зеленых, бордовых, алых — все они сильно выгорели на солнце. Дик рассказывал, что Оборванца в возрасте двадцати трех лет выбрали новым принцем Пентоса — через несколько часов после казни старого. Услышав об этом, он опоясался мечом, сел на любимого скакуна и бежал на Спорные Земли. Послужив в Младших Сыновьях, Железных Щитах и Воинах Девы, он вместе с пятью собратьями по оружию основал Сынов Ветра. Из этих шести основателей только он один и оставался в живых.

Как знать, что в этой истории правда, а что вымысел. Лягуха, записавшись в отряд, видел командира лишь издали. Трое дорнийских рекрутов затерялись среди двух тысяч других новобранцев.

«Какой я оруженосец? — вознегодовал Квентин, когда Геррис предложил прибегнуть к этой уловке. В отряде Герриса звали Герольд-Дорниец, чтобы не путать с двумя другими Герольдами — Красноспинным и Черным, — а иногда и Дринк из-за случайной обмолвки здоровяка. — Шпоры мне достались не просто так — я такой же рыцарь, как ты».

Геррис, однако, был прав. Они с Арчем обязались охранять Квентина, а это значило, что Квентин должен держаться поближе к здоровяку.

«Арч из нас троих лучший боец, — указал Дринквотер, — но жениться на драконьей королеве можешь лишь ты один».

Жениться ли, сразиться — встречи в любом случае ждать недолго. Чем больше Квентин слышал о Дейенерис Таргариен, тем сильнее страшила его эта встреча. Юнкайцы уверяли, что она кормит своих драконов человеческим мясом и купается в крови девственниц, чтобы сохранить молодость. Бакк над этим смеялся, но сам только и делал, что

рассказывал о любовных похождениях серебряной королевы. «Один ее капитан происходит из рода, где у мужчин члены длиной в целый фут, но ей и такого мало. У дотракийцев она привыкла с жеребцами сношаться, поэтому ни один человек не может ей угодить». А Книжник, волантинец, вечно читавший какие-то ветхие свитки, стоял на том, что Дейенерис безумна и убивает всех без разбору. «Кхал убил ее брата, чтобы сделать ее королевой, а она убила самого кхала, чтоб стать кхалиси. Они приносит кровавые жертвы, лжет как дышит и со своими обращается как с врагами. Нарушает перемирия, пытает послов… У нее это в крови, отец тоже был сумасшедший».

Весь Вестерос знал, что Эйерис Второй был безумец. Он изгнал двух своих десниц и сжег третьего. Неужели ему, Квентину, придется взять в жены убийцу? Принц Доран ничего об этом не говорил.

Лягуха был рад убраться из Астапора — Красный Город, по его мнению, мало чем отличался от ада. Юнкайцы закупорили взломанные ворота, чтобы мертвые и умирающие оставались внутри, но то, что Квентин Мартелл видел на красных кирпичных улицах, обещало остаться с ним до конца его дней. Река, забитая трупами. Жрица в изорванном облачении на колу, окруженная роем зеленых мух. Окровавленные грязные люди на грани смерти. Дети, дерущиеся из-за поджаренных наспех щенков. Нагой король Астапора, терзаемый в яме стаей голодных собак. И пожары, сплошные пожары. Он закрывал глаза и видел, как клубится дым над кирпичными пирамидами, что выше всех замков Вестероса, известных ему.

При южном ветре гарью пахло и здесь, в трех милях от города. Астапор продолжал дымиться за своими красными стенами, хотя почти все большие пожары догорели сами собой, и пепел порхал в воздухе подобно жирному снегу. Скорей бы уйти.

— Давно пора, — соглашался и здоровяк — он играл в кости с Бобом, Книжником и Костяным Биллом и проигрывал, как всегда. — Как, Лягуха, отскреб мою кольчугу от крови? — Наемники полюбили Зеленорыла, который делал ставки столь же азартно, как дрался, вот только в игре ему везло куда меньше.

— Отскреб, сир. — Кольчуга у рыцаря была старая, тяжелая, много раз латанная. То же относилось к шлему, латному вороту, наручам, перчаткам и прочим частям его разрозненных доспехов. У Лягухи с этим обстояло немногим лучше, у сира Герриса много хуже. Оружейник называл все эти латы в целом «отрядным железом». Сколько человек до Квентина погибли в этой броне, ведали только боги. Собственные доспехи Квентина и его спутников остались в Волантисе вместе с золотом и настоящими именами. Состоятельные рыцари из благородных домов не поступают в наемники за Узким морем — если, конечно, они не изгнанники, запятнавшие свою честь. «Представимся лучше бедняками, чем злодеями», — решил Квентин, когда Геррис все это ему объяснил.

На то, чтобы сняться с лагеря, у Сынов Ветра ушло меньше часа.

— Мы выступаем, — провозгласил Принц-Оборванец с высокого серого коня на классическом валирийском, который, хоть с пятого на десятое, понимали почти все. Попона на жеребце, как и плащ всадника, была сшита из верхних камзолов тех, кого убил командир. Оборванцу уже перевалило за шестьдесят, но в седле он держался прямо, и голос его был слышен во всех концах поля. — Астапор мы лишь надкусили, пировать будем в Миэрине.

Наемники откликнулись громким «ура». На копьях развевались вымпелы голубого шелка, впереди несли раздвоенные штандарты, синие с белым.

Трое дорнийцев орали вместе со всеми — молчание могли счесть подозрительным. Лишь когда Сыны Ветра двинулись на север вслед за Красной Бородой и Дикими Котами, Лягуха поравнялся с Герольдом-Дорнийцем и сказал на общем языке Вестероса:

— Надо что-то делать, и быстро.

В отряде имелось еще несколько вестероссцев, но они были далеко и не могли его слышать.

— Не сейчас, — с достойной лицедея улыбкой ответил Геррис. — Поговорим ночью, когда разобьем бивак.

От Астапора до Юнкая по старой гискарской прибрежной дороге сто лиг, от Юнкая до Миэрина — еще пятьдесят. У вольных отрядов на хороших конях дорога в Юнкай займет шесть дней быстрой езды или восемь более медленной. Пехота из Старого Гиса будет идти в полтора раза дольше, юнкайцы же со своим рабским войском…

«Чудо еще, что генералы их морем не повели», — сказал Боб.

Чего-чего, а воевод у юнкайцев хватало. Верховным командующим был старый герой Юрхаз зо Юнзак — его Сыны Ветра почти и не видели; старика таскали в громадных носилках, рассчитанных на сорок рабов, зато подчиненные ему командиры сновали повсюду что твои тараканы. Половину их них, похоже, звали Гхаздан, Граздан, Маздан или Гхазнак. Отличить одно гискарское имя от другого мало кто мог, а в отряде их называли по-своему.

Самым приметным был Желтый Кит, невероятно толстый и всегда носивший желтые токары с золотыми кистями. Он даже стоять не мог без подмоги и страдал недержанием — мочой от него несло так, что не спасали крепкие духи. Говорили, что это первый во всем Юнкае богач, собирающий разные диковины: среди его рабов числились мальчик на козлиных копытах, бородатая женщина, двухголовый урод из Мантариса и гермафродит, хозяйский наложник. «И хрен, и дырка, — рассказывал Дик-Соломинка. — Великан у них тоже был — Кит любил глядеть, как он рабынь пялит, — только помер. За нового Кит, слыхать, сулит мешок золота».

Была еще Девка, разъезжавшая на белой лошади с красной гривой. Она командовала сотней рабов, которых сама обучила. Все молодцы как на подбор, стройные, мускулистые, в набедренных повязках и желтых плащах, на длинных бронзовых щитах непристойные инкрустации. Лет ей было не больше шестнадцати, и она воображала себя юнкайской Дейенерис Таргариен.

Голубок, не совсем карлик, в сумерках мог за такового сойти, но держался как великан, широко расставляя пухлые ножки и выпячивая пухлую грудку. Выше его солдат Сыны Ветра никого не встречали: самый маленький семи футов, самый большой ближе к восьми. Длиннолицые, длинноногие, да еще и на ходулях, вделанных в нарядные поножи. Торсы их защищала чешуйчатая розовая эмаль, покрытые розовыми перьями шлемы венчались стальными клювами. Все они носили длинные кривые мечи и копья с себя ростом, с листовидными остриями на обоих концах.

«Он их разводит сам, Голубок, — говорил Дик-Соломинка. — Скупает везде высоких рабов, скрещивает баб с мужиками и берет в Цапли отпрысков, кто ростом побольше. Когда-нибудь ему, глядишь, и ходули не нужны станут».

«Может, их на дыбе растягивать?» — предлагал здоровяк, а Геррис смеялся: «Вот страх-то. Воины на ходулях, в розовой броне и таких же перьях… случись мне сразиться с таким, я бы ржал до уссачки».

«Говорят, что цапли — птицы величественные», — заметил Костяной Билл.

«Может, твой король ест лягушек, стоя на одной ножке?»

«Трусы они, — сказал здоровяк. — Раз охотились мы с Дринком и Клотусом, глядим — цапли бродят по отмели, клюют мелкую рыбешку и головастиков. Красиво, да, но стоило пролететь ястребу, как они все поднялись на крыло, будто дракона увидели. Такой ветер подняли, что меня с коня сдуло, но Клотус успел достать стрелу и одну цаплю сбил. На утку похожа, только не такая жирная».

Но даже Голубок со своими Цаплями бледнел рядом с братьями, получившими у наемников имя Звонкие Лорды. При столкновении с Безупречными молодой королевы юнкайские солдаты-рабы обратились в бегство, поэтому братья придумали сковывать их по десять человек, рука к руке, лодыжка к лодыжке. «Теперь эти бедолаги смогут убежать только все вместе, — разъяснял со смехом Дик-Соломинка, — а скованным далеко не уйдешь».

«На марше они тоже плетутся не сильно быстро, — добавил Боб, — а перезвон слышен за десять лиг».

Были и другие, безумные в той же степени, если не хуже: Вислощекий, Хмель-Воевода,

Хозяин Зверей, Кисель, Кролик, Возничий, Духовитый. Одни командовали двумя десятками солдат, другие двумя сотнями и двумя тысячами, но все солдаты были рабы, обученные и снаряженные командирами, а командиры все как один задирали нос, отчитывались только перед Юрхазом зо Юнзаком, смотрели на простых наемников свысока и вели нескончаемые, непонятные посторонним споры о первенстве.

На первых же трех милях юнкайцы отстали от Сынов Ветра на две с половиной.

— Вот дурачье желтозадое, — сетовал Боб. — До сих пор не дотумкали, почему Вороны-Буревестники и Младшие Сыновья перешли к королеве драконов.

— Перекупила она их, что ж еще, — сказал Книжник. — Потому нам столько и платят.

— Золото — вещь хорошая, но жизнь слаще, — не соглашался Боб. — В Астапоре мы имели дело с калеками — каковы тебе покажутся настоящие Безупречные с таким-то воинством за спиной?

— В Астапоре тоже Безупречные были, — сказал здоровяк.

— Я сказал: настоящие. Можно отрубить парню яйца мясным тесаком и нахлобучить на него острую шапку, но Безупречным от этого он не станет. У драконьей королевы они самые что ни на есть подлинные — такие не побегут, если кто-то пернет в их сторону.

— У нее еще и драконы есть. — Дик-Соломинка покосился на небо, будто опасаясь привлечь чудовищ неосторожным словом. — Держите мечи наготове, ребята, драка впереди ждет будь здоров.

«Будь здоров…» Сражение под стенами Астапора тоже показалось Лягухе достаточно страшным, хотя его соратники так не думали. «Не битва, а бойня», — заявил потом воин-бард Дензо Дхан — капитан, побывавший в сотне сражений. Лягуха, чей опыт ограничивался учебным двором и турнирным полем, не мог и помыслить о споре с таким ветераном.

Но на первых порах ему было ох как страшно. Здоровяк разбудил его пинком на рассвете и прогремел: «Влазь в доспехи, лежебока. Мясник хочет дать нам бой — вставай, пока на мясо не порубили».

«Король-мясник убит», — возразил сонный Лягуха. Об этом их известили, как только они сошли с кораблей, доставивших их из Волантиса. Его преемника, Клеона Второго, тоже прикончили; теперь астапорцами правили шлюха и сумасшедший цирюльник, успевшие передраться между собой.

«Может, нам наврали, — отвечал здоровяк, — или это какой-то другой мясник. Может, первый вылез из гроба, чтобы резать юнкайцев. Какая на хрен разница — влазь в доспехи». Все девять солдат, спавших с Лягухой в палатке, уже натягивали бриджи и сапоги, надевали кольчуги, застегивали панцири, наручи и поножи, хватали шлемы, щиты, пояса с мечами. Геррис, как всегда, управился раньше всех, Арч за ним — Квентину они помогали вдвоем.

В трехстах ярдах от них выходили из ворот и строились под красной стеной новые астапорские Безупречные. Утреннее солнце блестело на их остроконечных бронзовых шлемах и наконечниках длинных копий.

Трое дорнийцев вместе с другими припустили к лошадиным загонам. Битва! Квентин учился владеть мечом, копьем и щитом с тех пор как научился ходить, но сейчас это мало что значило. «Воин, дай мне отваги!» — молился Лягуха под бой барабанов: БУМ-бум-БУМ-бум-БУМ. Здоровяк показал ему короля-мясника в медной, ослепительно сверкающей чешуе, верхом на одетом в доспехи коне. «Смотри же, от Арча ни на шаг, — сказал Геррис на ухо. — Жених у нас один — ты». Астапорцы между тем приближались.

Король-мясник, живой или мертвый, захватил мудрых господ врасплох. Юнкайцы еще носились в своих токарах, пытаясь хоть как-то построить рабов, а копья Безупречных уже вонзились в их передовые ряды. Без презренных наемников дело могло бы кончиться плохо, но конница в лице Сынов Ветра и Диких Котов обрушилась на астапорские фланги, а новогисский легион, прорвавшись сквозь лагерь юнкайцев с другой стороны, схватился с Безупречными щит к щиту и копье к копью. После этого битва обернулась той самой бойней, причем мясник оказался не на том конце топора. Кагго, сокрушив королевскую охрану на своем чудовищном скакуне, развалил Клеона Великого аракхом от плеча до бедра. Лягуха не

видел этого, но очевидцы говорили, что медная броня Клеона лопнула будто шелк, а изнутри в облаке жуткой вони повалили серые черви. Астапорцы выкопали первого короля из могилы, затолкали в доспехи и привязали к коню, надеясь вселить этим боевой дух в своих Безупречных.

Увидев вместо живого Клеона труп, те побросали копья, щиты и побежали обратно в город, но наткнулись на запертые ворота. Лягуха с другими Сынами Ветра принял участие в последовавшей за этим резне. Рубил несчастных евнухов бок о бок со здоровяком. Когда их клин прорвал ряды Безупречных насквозь, Принц-Оборванец развернул их и снова повел в атаку. Лишь тогда Лягуха стал замечать лица под остроконечными шлемами и понял, что почти все они не старше его. Мальчишки кричали и звали своих матерей, но он продолжал убивать их. Поле он покидал с обагренным мечом, не в силах поднять натруженную правую руку.

Стало быть, это сражение было не настоящее. Настоящее впереди, и надо срочно бежать, чтобы не остаться к его началу во вражеском лагере.

Лагерь к ночи разбили на берегу залива. Лягуху, которому досталась первая стража, поставили охранять лошадей. Туда и пришел к нему Геррис сразу после заката, когда над морем взошла половинка луны.

— Здоровяк тоже должен подойти, — сказал Квентин.

— Он ушел проигрывать старому Биллу остаток своего серебра. Пусть его. Он сделает так, как мы скажем, нравится это ему или нет.

Квентину тоже многое не нравилось. Плавание на набитом битком судне, червивые сухари, черный как деготь ром — его пьешь поневоле, чтобы забыться, — заплесневелая солома… все, чего он мог ожидать, подписав в Волантисе тот пергамент и обязавшись отслужить в Сынах Ветра год. Приключения никогда не обходятся без лишений, но то, что они собираются сделать дальше, — уже измена.

Юнкайцы наняли их для защиты Желтого Города, а они замышляют перебежать к врагу, бросив своих боевых товарищей. По доброй воле Квентин их бы не выбрал в соратники, но он плыл с ними по морю, делил хлеб и соль, дрался в их рядах, болтал с теми немногими, чью речь понимал. Все, что он рассказывал о себе, было ложью, но иначе он бы не попал в Миэрин.

«Чести мы себе этим не наживем», — предупреждал Геррис в «Купеческом доме».

— Дейенерис, возможно, уже на полдороге к Юнкаю, — сказал Квентин, прохаживаясь между лошадиными крупами.

— Где там, одни разговоры. Астапорцы ждали, что она придет с драконами и прорвет их осаду, но она не пришла — и на Юнкай ей идти тоже незачем.

— Мы не можем этого знать. Надо удирать, пока нас не послали в бой с женщиной, на которой я намерен жениться.

— Это юнкайские земли, дезертиров здесь укрывать и кормить не станут. Давай подождем до города, там дальше земля ничейная.

Геррис рассуждал здраво, и все же…

— Здоровяк завел себе слишком много друзей, — сказал Квентин. — Он хоть и знает, что мы всегда собирались перебежать к Дейенерис, не хочет бросать людей, вместе с которыми воевал. Если будем долго ждать, нам придется бросить их накануне боя, а на это он не пойдет — ты его знаешь.

— Жди не жди, все равно это дезертирство, которого Принц-Оборванец сильно не одобряет. Он пошлет за нами погоню, и да помогут нам Семеро, если нас схватят. В лучшем случае всем отрубят по ступне, чтоб не бегали больше, в худшем отдадут Крошке Мерис.

Это заставило Квентина призадуматься. Крошка Мерис была уроженкой Вестероса, выше его ростом, всего на палец не достававшей до шести футов. Хороша крошка, двадцать лет прослужила в вольных отрядах.

— Подождем еще несколько дней, — уговаривал Геррис. — Мы проехали полмира, потерпи еще сотню лиг. К северу от Юнкая удача нам улыбнется.

— Ну, не знаю… — протянул Квентин.

Но боги на этот раз были милостивы, и удача им улыбнулась гораздо раньше, всего два дня спустя. Хью Хангерфорд подъехал к их костру и сказал:

— Дорнийцев зовут в шатер командира.

— Кого именно? — спросил Геррис. — Мы все дорнийцы.

— Значит, идите все. — Угрюмый, с покалеченной рукой Хангерфорд раньше был казначеем, но Принц-Оборванец поймал его на краже, разжаловал в сержанты и отрезал ему три пальца.

К чему бы это? Лягуха мог бы поклясться, что командир понятия о нем не имеет, но Хангерфорд уже отъехал, и спросить было некого. Оставалось найти здоровяка и явиться куда приказано.

— Не сознавайтесь ни в чем и приготовьтесь дать бой, — наставлял друзей Квентин.

— Кто-кто, а я всегда готов, — заявил здоровяк.

В сером павильоне, который Принц-Оборванец именовал своим полотняным замком, народу было полным-полно. Квентин сразу смекнул, что собрались здесь большей частью вестероссцы или выдающие себя за таковых, изгнанники и дети изгнанников. Дик-Соломинка говорил, что таких в отряде наберется человек шестьдесят, и в шатре присутствовала добрая треть, включая самого Дика, Хангерфорда, Крошку Мерис и златокудрого Льюиса Ланстера, первого отрядного лучника.

Дензо Дхан и Кагго тоже здесь были. Кагго называли теперь Трупорубом, но не в глаза: он был скор на гнев, и его черного кривого клинка все боялись не меньше, чем самого Кагго. Валирийских длинных мечей в мире сотни, а вот валирийских аракхов раз-два и обчелся. Оба они, не будучи вестероссцами, носили звание капитана и считались правой и левой рукой командира отряда. Затевалось, по всему видно, что-то нешуточное.

Речь держал сам Принц-Оборванец.

— Юрхаз шлет нам весть, что уцелевшие астапорцы бегут из города и расползаются по округе. Их сотни, если не тысячи — юнкайцы не хотят подпускать этих дохляков к своему Желтому Городу. Нам приказано перехватывать их и гнать либо назад в Астапор, либо на север от Миэрина. Захочет драконья королева взять их себе — пусть берет. У половины из них кровавый понос, да и от здоровых никакой пользы: зачем лишние рты кормить.

— Юнкай ближе Миэрина, — заметил Хангерфорд. — Что, если они не пойдут, милорд?

— На то у вас мечи с копьями, Хью. А также луки — это первым делом: от больных лучше держаться подальше. Я посылаю в холмы половину отряда — пятьдесят караулов по десять всадников в каждом. Красная Борода получил такой же приказ, и Коты тоже выходят в поле.

Среди собравшихся прошел ропот. Сейчас и Сыны Ветра, и Дикие Коты выступали на стороне Юнкая, но в прошлом году на Спорных Землях они сражались друг против друга. Красная Борода, свирепый кровожадный гигант, не скрывал своего презрения к «старикашкам в лохмотьях».

— Прошу прощения, — откашлялся Дик-Соломинка, — но мы тут все из Семи Королевств. Милорд никогда не делил своих солдат по языку или крови, за что ж теперь нам такая честь?

— Хороший вопрос. Вы поедете в холмы, на восток, потом обогнете Юнкай и двинетесь к Миэрину. Если увидите астапорцев, гоните их на север или приканчивайте, но на самом деле задача у вас другая. За Желтым Городом вам вполне могут встретиться дозоры королевы драконов — Вороны-Буревестники или Младшие Сыновья, все равно. Вы должны перейти на их сторону.

— На их сторону? — повторил рыцарь из бастардов, сир Орсон Стоун. — То есть предать вас?

— Именно так, — сказал командир.

Квентин Мартелл едва удержался от смеха. Боги, не иначе, сошли с ума.

Вестероссцы переминались с ноги на ногу и заглядывали в винные чаши, словно надеялись найти ответ там.

— Думаете, королева Дейенерис нас примет? — нахмурился Хью Хангерфорд.

— Думаю, да.

— Но что мы должны делать, если это произойдет? Кто мы — шпионы, убийцы или послы? Вы хотите перейти к ней вместе со всем отрядом?

— Это решать принцу, Хангерфорд! — рявкнул Кагго. — А твое дело приказ выполнять.

— Так точно. — Хангерфорд вскинул вверх двухпалую руку.

— Будем откровенны, — сказал воин-бард Дензо Дхан. — Юнкай доверия не внушает. Сыны Ветра должны получить свою долю при любом исходе войны, и принц мудро прокладывает для нас разные тропы.

— Командовать будет Мерис, — добавил Принц-Оборванец. — Мое мнение ей известно, и к женщине Дейенерис Таргариен может отнестись благосклоннее, чем к мужчине.

Квентин вздрогнул, встретившись с мертвым взглядом Мерис, — подчиняться ей ему ничуть не хотелось.

Дик-Соломинка тоже не избавился от сомнений.

— Дура будет девчонка, если поверит нам. Даже и с Мерис. С ней особенно: я Мерис не верю, хоть и спал с ней сколько-то раз. — Он ухмыльнулся, но никто не засмеялся ему в ответ. Крошка Мерис, разумеется, тоже.

— Я думаю по-другому, Дик, — сказал Принц-Оборванец. — Все вы вестероссцы, ее земляки. Говорите на одном языке и поклоняетесь тем же богам. Что до ваших мотивов, то вы все на меня обижены. Покажешь ей спину, Дик, благо тебя в этом отряде секли чаще всех. Хью лишился трех пальцев, Мерис насиловали годами — не наши ребята, правда, но об этом можно и умолчать. Ты, Уилл Лесной, просто мерзавец, на все готовый. Сир Орсон не простил мне посланного в Горести брата, сир Люсифер до сих пор зол за рабыню, которую отнял у него Кагго.

— Мог бы и вернуть, как попользовался, — пожаловался Люсифер Лонг. — Зачем было ее убивать?

— Уродина была, потому и убил, — сказал Кагго.

— Ты, Вебер, хочешь вернуть себе вестеросские земли, — продолжал командир, как будто его и не прерывали. — У тебя, Ланстер, я убил любимого мальчика. Три дорнийца после Астапора получили гораздо меньше, чем им обещали в Волантисе, поскольку я львиную долю забрал себе.

— Последнее — чистая правда, — сказал сир Орсон.

— В хорошей лжи всегда есть зернышко правды. Короче, у каждого из вас имеется причина сбежать, а Дейенерис Таргариен знает, что такое наемники. Младшие Сыновья и Вороны-Буревестники взяли юнкайское золото, но не задумались перейти к ней, когда удача склонилась на ее сторону.

— Когда отправляемся? — спросил Льюис Ланстер.

— Тотчас же, без промедления. Остерегайтесь Котов и Длинных Копий, которые могут вам встретиться. О том, что ваше бегство всего лишь хитрость, известно только в этом шатре. Если слишком поторопитесь, вас изувечат как дезертиров или выпустят вам кишки как предателям.

Дорнийцы вышли из шатра молча. Среди двадцати человек, говорящих на общем, шептаться стало опасно.

— Что, Лягуха, — гаркнул здоровяк, огрев Квентина по спине, — поохотимся на драконов?

СБЕЖАВШАЯ НЕВЕСТА

Аша Грейджой сидела в чертоге Галбарта Гловера и пила вино Галбарта Гловера, когда мейстер Галбарта Гловера принес ей письмо.

— Миледи, — произнес он с тревогой, как всегда при обращении к ней, — из Барроутона прислали птицу. — Туго скатанный, запечатанный твердым розовым воском пергамент мейстер сунул ей так, словно не чаял сделать это скорее.

Барроутон. Аша попыталась вспомнить, кто тамошний лорд. Какой-то северянин, не друг ей. И эта печать… Болтоны из Дредфорта выезжают на бой с розовыми знаменами, испещренными каплями крови, — стало быть, и розовым воском вполне могут пользоваться. Сжечь бы письмо сразу, внутри все равно ничего хорошего нет. Подумав так, Аша все же вскрыла печать, и ее мрачное настроение стало еще мрачнее. Черные крылья, черные вести. Добрых известий вороны никогда не приносят. Последнее письмо в Темнолесье присылал Станнис Баратеон, требуя присяги на верность, а это еще хуже прежнего.

— Северяне взяли Ров Кейлин.

— Бастард Болтонский? — спросил сидящий с ней рядом Кварл.

— Рамси Болтон, лорд Винтерфелла — так он подписывается. Тут и другие подписи есть. — Ниже Болтона проставили свои имена леди Дастин, леди Сервин и четверо Рисвеллов. Рядом был кое-как изображен великан, эмблема кого-то из Амберов.

Подписи были сделаны мейстерскими чернилами из сажи и каменноугольной смолы, но огромные остроконечные буквы самого письма накарябали чем-то бурым. В нем извещалось о падении Рва, о триумфальном возвращении на Север его Хранителя, о скорой женитьбе. «Я пишу это кровью Железных Людей, — говорилось в конце, — и каждому из вас посылаю частицу принца. С вами будет то же самое, если не уберетесь с моих земель».

Аше хотелось верить, что ее младший брат давно уже мертв. Лучше уж умереть, чем такое. Упавший ей на колени кусочек кожи она поднесла к свече и держала, пока пламя не лизнуло ей пальцы.

— Ответа не будет, — сказала она топтавшемуся около нее мейстеру.

— Могу я поделиться этой вестью с леди Сибеллой?

— Как хочешь. — Какая радость Сибелле Гловер от падения Рва? Она только что не живет в богороще, молясь за детей и благополучное возвращение мужа. Последнее вряд ли случится — ее сердце-дерево, похоже, столь же глухо к молитвам, как и Утонувший Бог островов. Роберт Гловер и его брат Галбарт уехали с Молодым Волком на юг, и если рассказы о Красной Свадьбе хотя бы наполовину правдивы, домой они уже не вернутся. Зато дети живы — благодаря Аше. Это она решила не подвергать грудную девочку еще одному переходу по бурному морю. — На, держи. — Аша отдала письмо мейстеру. — Пусть утешится, если тут есть утешение. Можешь идти.

Когда мейстер вышел, Трис Ботли сказал:

— Если Ров пал, Торрхенов Удел тоже скоро падет, а за ним придет наша очередь.

— Не так скоро. Щербатый заставит их попотеть. — Торрхенов Удел не такая развалина, как Ров Кейлин, а в Дагмере железа больше, чем мяса. Он скорее умрет, чем сдастся.

Ров тоже нипочем бы не сдали, будь отец жив. Бейлон Грейджой понимал, что Ров — это ключ ко всему Северу. Эурон тоже знает, но на Ров ему наплевать — и на Темнолесье тоже, и на Удел.

— Эурону до завоеваний Бейлона дела нет — дядюшка гоняется за драконами. — Вороний Глаз, собрав на Старом Вике весь островной флот, отплыл в Закатное море, а братец Виктарион, как побитая собака, потащился за ним. На Пайке больше не к кому обращаться за помощью, разве только к ее лорду-мужу. — Мы остались одни.

— Дагмер их расколотит, — возразил Кромм, для которого битва слаще всех женщин на свете. — Эка невидаль, волки.

— Волки все убиты. — Аша ковырнула ногтем розовый воск. — И освежеваны.

— Надо идти в Торрхенов Удел подмогнуть им, — заявил дальний родич Квентон Грейджой, капитан «Соленой женки».

— Верно, — поддержал его Дагон Грейджой, еще более дальний родич по прозванию Дагон-Забулдыга; подраться он любил и пьяным, и трезвым. — Незачем всю славу Щербатому отдавать.

Двое слуг лорда Гловера подали жаркое на стол, но тот клочок кожи отбил у Аши всякую охоту к еде. Она понимала, что ее люди больше не надеются на победу: умереть достойно — их единственное желание. Рано или поздно волки им в этом услужат, придя отбирать замок назад.

Солнце уже садилось за высокие сосны Волчьего леса, когда Аша поднялась по деревянной лестнице в бывшую спальню Галбарта Гловера. Она выпила слишком много вина, и в голове стучало. Она любила своих людей — и капитанов и простых воинов, — но признавала, что половина из них дураки. Храбрые, да, но все-таки дураки. Идти на помощь Щербатому — как будто это возможно!

Между Темнолесьем и Дагмером пролегли немереные лиги крутых холмов, густых лесов, бурных речек, и северянам там счету нет. У Аши всего четыре ладьи и неполных две сотни бойцов, включая Тристифера Ботли, на которого полагаться нельзя. Трудно представить, что Трис, вопреки всем его любовным речам, ринется в Торрхенов Удел и умрет вместе с Дагмером.

— Уйди, — сказала она последовавшему за ней Кварлу. — Я хочу остаться одна.

— Ты меня хочешь, вот чего. — Он полез целоваться, но Аша его оттолкнула.

— Попробуй тронь еще!

— И что будет? — Он вынул кинжал. — Раздевайся.

— Иди любись сам с собой, щенок.

— С тобой слаще. — Одним взмахом он рассек шнуровку ее камзола. Аша схватилась за топор, но Кварл вывернул ей руку и заставил бросить оружие. Потом швырнул ее на кровать Гловера, впился в нее поцелуем, сорвал камзол, обнажив грудь. Она попыталась садануть его в пах коленом, но он ловко увернулся и раздвинул ей ноги.

— Попробуй только, — прошипела она, — убью. Заснешь, тут тебе и конец. — Благодаря обильной влаге Кварл вошел в нее без труда. — Будь ты проклят! — выкрикнула она. — Проклят, проклят, проклят! — Он лизал ей соски, пока крик не стал бессловесным. Весь мир сузился до величины ее лона. Забылось все: Ров Кейлин, Рамси Болтон, кусочек кожи, неудачное для нее вече, изгнание, враги, муж. Остались только руки Кварла, его рот, его объятия, его стержень внутри. Он довел ее сперва до воплей, потом до рыданий и лишь тогда излил в нее свое семя. — Я мужняя жена, — напомнила ему Аша, — а ты меня обесчестил. Мой лорд-муж тебе яйца отрежет и наденет на тебя платье.

— Если из кресла своего вылезет, — сказал Кварл, скатившись с нее.

В комнате было холодно. Аша сняла с себя порванную одежду. Камзолу нужны новые шнурки, сорочка и вовсе никуда не годится — Аша швырнула ее в огонь. Груди болели, семя Кварла стекало по ляжкам. Надо бы заварить лунный чай, чтобы не зачать нового кракена. Хотя кому до этого дело? Отец умер, мать умирает, с брата понемногу сдирают кожу, а она бессильна всему этому помешать. И еще она замужем, хотя и делит ложе с другим мужчиной.

Когда она забралась под меховое одеяло, Кварл уже спал.

— Ну, теперь берегись. Куда я кинжал подевала? — Аша прижалась к его спине, обхватила его руками. На островах он известен как Кварл-Девица; есть еще Кварл Шеперд, Чудной Кварл Кеннинг, Кварл Быстрый Топор, Кварл-Невольник, а этого прозвали так за гладкие щеки. Когда они встретились, он пытался отпустить бороду. «Персиковый пушок», — со смехом сказала она. Он признался, что персика сроду не видел, и она позвала его вместе с собой на юг.

Лето в ту пору еще не кончилось. Роберт сидел на Железном Троне, Бейлон думал свою думу на Морском, и ничто не нарушало мира в Семи Королевствах. Аша шла на «Черном ветре» вдоль побережья, занимаясь торговлей. Зайдя на Светлый остров, в Ланниспорт и еще какие-то мелкие гавани, они добрались до Бора, где растут огромные сладкие персики. «Вот,

смотри», — сказала она, приложив плод к щеке Кварла, а потом сцеловала сок, текущий по его подбородку.

Всю ночь они наслаждались персиками и друг другом; к рассвету насытившаяся, липкая Аша была счастлива, как никогда прежде. Когда это было — шесть, семь лет назад? Память о лете тускнеет, и вот уж три года Аша не ела персиков, но Кварл все еще с ней. Капитаны и короли не захотели ее, а вот он всегда хочет.

У нее были другие любовники, кто на полгода, кто на одну ночь, но ни с кем ей не было так хорошо, как с Кварлом. Пусть он бреется раз в две недели — не борода делает мужчину мужчиной. Ей нравилась его гладкая кожа, нравились длинные прямые волосы до плеч. Нравилось, как он целуется, нравилось, как усмехается, когда она ласкает его соски. Волосы между ног у него темнее песочных на голове и мягки как пух по сравнению с ее собственной черной порослью. У него тело пловца — длинное, худощавое, без единого шрама.

Застенчивая улыбка, сильные руки, умные пальцы и два верных меча — чего еще желать женщине? Аша охотно вышла бы замуж за Кварла, но она дочь лорда Бейлона, а он простолюдин, внук невольника. В мужья не годится, но сосать ему ей ничто не препятствует. Этим Аша и занялась. Кварл пошевелился во сне, начал твердеть и скоро проснулся. Аша, накинув мех на голые плечи, оседлала его и погрузила в себя так глубоко, что не понять стало, где он, где она. На этот раз они оба достигли вершины вместе.

— Сладкая моя леди, — забормотал сонный Кварл. — Сладкая королева.

Нет, королевой ей не бывать.

— Спи, спи. — Поцеловав его в щеку, Аша прошлепала к окну, распахнула ставни. Луна, почти полная, хорошо освещала горы со снежными шапками — холодные, негостеприимные и все же прекрасные. Белые пики сверкали, как острые зубы, холмы и предгорья лежали в тени.

Море ближе, всего в пяти лигах к северу, но его отсюда не видно. Слишком много холмов на пути, слишком много деревьев. Волчий лес, так называют северяне эту чащобу. Почти каждую ночь слышно, как волки перекликаются друг с другом во мраке. Целый океан — жаль, что вместо воды в нем листья.

Темнолесье не так далеко от моря, как Винтерфелл, но на вкус Аши все же далековато. Здесь пахнет соснами, а не солью. На северо-востоке, за этими мрачными горами, стоит Стена, где поднял свои знамена Станнис Баратеон. Враг моего врага — мой друг, как гласит пословица, но враг моего друга, с другой стороны — мой враг. Железные Люди — враги северных лордов, в которых так отчаянно нуждается этот Баратеон. «Я могла бы предложить ему свое молодое тело», — подумала Аша, откинув волосы с глаз, но Станнис женат, она замужем, и между ним и островами старые счеты. Когда ее отец поднял свой первый мятеж, Станнис разбил Железный Флот у Светлого острова и подчинил себе Старый Вик именем своего брата.

В стенах Темнолесья заключен круглый холм с плоской верхушкой. На нем стоит большой чертог, в одном конце которого высится на пятьдесят футов сторожевая башня. Под холмом помещается двор с конюшнями, паддоком, кузницей, колодцем и овечьим загоном. Все это огорожено глубокой канавой, земляным валом и бревенчатым палисадом. Внешние укрепления образуют овал, согласно ландшафту. Есть там двое ворот, каждые с двумя деревянными четырехугольными башнями, и по стенам можно свободно расхаживать. Палисад и башни с южной стороны замка густо покрыты мхом. К востоку и западу лежат пустые поля. Когда Аша подошла к замку, там росли овес и ячмень, но ее люди затоптали колосья, а злаки, посеянные позже, убил мороз. Теперь там только грязь, пепел и гнилые побеги.

Замок стар, но не сказать, чтобы крепок. Она отбила его у Гловеров, а Бастард Болтонский отобьет у нее. Но кожу он с нее не сдерет: Аша Грейджой живой не дастся. Умрет, как и жила, с боевым топором в руке и смехом на устах.

Лорд-отец дал ей тридцать ладей для взятия Темнолесья. Из них осталось четыре: ее

собственный «Черный ветер» и три, принадлежащие Трису Ботли. Он примкнул к ней, когда все прочие разбежались… вернее, отплыли домой, чтобы воздать почести своему королю. Если кто и сбежал, так это она, и ей до сих пор стыдно.

«Беги», — посоветовал Чтец, когда капитаны несли дядю Эурона вниз с холма Нагги, чтобы увенчать его короной из плавника.

«Кто бы говорил! Бежим вместе. Ты нужен мне, чтобы поднять Харло». — Тогда Аша еще намеревалась бороться.

«Все жители Харло, идущие в счет, находятся здесь, и кое-кто выкрикивал Эурона. Я не стану поднимать Харло на Харло».

«Эурон безумен и очень опасен. Этот его рог…»

«Я слышал его. Беги, Аша. Как только Эурона коронуют, его знаменитый глаз станет искать тебя».

«Если я выйду против него с другими своими дядьями…»

«…ты умрешь отверженной, и никто не заступится за тебя. Назвав свое имя капитанам, ты подвергла себя их суду, и негоже теперь оспаривать их решение. Приговор веча опровергался только однажды — почитай Хейрега».

Только Родрик-Чтец способен ссылаться на какой-то заплесневелый том, когда дело идет о жизни и смерти. «Раз ты остаешься, я тоже останусь», — упрямо сказала Аша.

«Не будь дурой. Сегодня Эурон смотрит на мир улыбчивым глазом, но завтра… Ты дочь Бейлона, Аша, и твои права на трон сильней, чем у дяди. Так всегда будет, пока ты жива. Тебя убьют или выдадут за Рыжего Гребца — уж не знаю, что хуже. Беги сейчас: кто знает, сможешь ли ты потом это сделать».

«Черный ветер» стоял у дальнего берега как раз на такой случай. Старый Вик — небольшой остров: она могла подняться на борт до восхода солнца и уйти на Харло до того, как Эурон ее хватится. Но Аша медлила, пока Родрик не сказал ей: «Уходи ради меня, дитя. Я не хочу видеть, как тебя убивают».

И Аша ушла. Сначала в Десять Башен, чтобы проститься с матерью. «Меня теперь, наверное, долго не будет», — сказала Аша, но леди Аланнис не поняла. «Где Теон? — спрашивала она. — Где мой малютка?» А леди Гвинессу занимало одно — когда вернется лорд Родрик. «Я на семь лет его старше, — твердила она. — Десять Башен должны быть моими».

Аша была еще там и запасалась съестными припасами, когда до нее дошли вести о собственной свадьбе. «Моя строптивая племянница нуждается в укрощении, — заявил, по слухам, Вороний Глаз, — и я знаю мужчину, который на это способен». Дядя дал ей в мужья Эрика Айронмакера, назначив его же править Железными островами, пока сам гоняется за драконами. В свое время Эрик был славным бойцом и ходил в море еще с прапрадедом Аши — тем самым Дагоном Грейджоем, в честь которого назвали Дагона-Забулдыгу. Старухи на Светлом острове до сих пор пугают внуков лордом Дагоном и его воинами. Аша на вече ранила гордость Эрика и знала, что он ей этого не забудет.

Зато дядюшка, надо отдать ему должное, одним махом превратил соперника в верного родича, обеспечил острова надежным правителем и сделал так, чтобы Аша перестала быть для него угрозой. И посмеялся в придачу. Невесту, по словам Триса Ботли, заменял на свадьбе тюлень. «Надеюсь, на брачное ложе Эрик с ним не возлег», — сказала Аша.

Домой ей нельзя, здесь тоже оставаться опасно. Ашу, вся жизнь которой прошла на островах и ладьях, пугала лесная тишь. На море тихо никогда не бывает. Волны, набегающие на каменный берег, рокочут в ее крови, но в Темнолесье волн нет, только деревья, деревья, конца-краю им нет… гвардейские сосны, стражи, буки, ясени, старые дубы, каштаны и ели. Слышно их, лишь когда ветер дует, — тогда вокруг раздаются вздохи, будто они шепчутся на непонятном ей языке.

Этой ночью шепот был громче обычного — ветер, видно, палую листву носит да скрипит голыми ветками. Аша отвернулась от окна и от леса. Оказаться бы снова на палубе… или поесть хотя бы. Выпила она чересчур много, а к мясу даже и не притронулась,

только хлеба немного съела.

При луне Аша отыскала плотные черные бриджи, стеганый камзол, зеленую кожаную куртку со стальными накладками. Не будя Кварла, оделась и сошла босиком по наружной лестнице замка. Часовой на стене отсалютовал ей копьем, она в ответ свистнула. Во дворе по дороге на кухню ее облаяли собаки Галбарта Гловера. Вот и ладно, не так слышно, как лес шумит.

Не успела она отрезать ломоть желтого сыра от круга величиной с тележное колесо, вошел Трис Ботли, закутанный в теплый меховой плащ.

— Моя королева.

— Насмехаешься?

— Ты всегда будешь королевой моего сердца — никакое вече с вопящими дуралеями этого не изменит.

Что ей делать с этим мальчишкой? В его преданности Аша не сомневалась. Он не только был ее заступником на холме Нагги и выкрикивал ее имя — он пришел к ней в час ее поражения, оставив своего короля, своих родных и свой дом. Бросить открытый вызов Эурону он не посмел, конечно. Когда Вороний Глаз вывел флот в море, Трис просто отстал и сменил курс, как только другие корабли скрылись из виду. Это тоже требовало немалой отваги — ведь на острова ему теперь путь закрыт.

— Хочешь сыру? — спросила она. — Еще ветчина есть, с горчицей.

— Я желаю совсем другого, миледи, и ты это знаешь. Увидел тебя с башни, вот и пришел.

— Зачем, раз караул несешь ты?

— Там наверху Кромм с Хагоном Хорном. Хватит, чтобы смотреть, как деревья качаются, а нам надо поговорить.

— Опять? — вздохнула Аша. — Дочка Хагона — та, рыженькая — правит кораблем не хуже мужчины. К тому же она красавица, ей семнадцать, и я вижу, как она на тебя посматривает.

— Не нужна мне дочь Хагона. — Трис протянул к Аше руку, но вовремя остановился. — Я о другом, Аша: нам пора уходить. После падения Рва прилив больше нечему сдерживать. Если останемся здесь, северяне нас всех перебьют, сама знаешь.

— Бежать предлагаешь?

— Я хочу, чтобы ты жила, Аша. Потому что люблю тебя.

Он любит не ее, а невинную девушку, плод своего воображения — испуганное дитя, которое нужно оберегать.

— А я тебя нет, — напрямик заявила Аша, — и бежать я не стану.

— Чего ты тут не видела, кроме сосен и грязи? Сядем на корабли, уплывем… начнем все заново!

— Пиратами? — «Что ж, весьма соблазнительно. Пусть себе волки забирают свой лес назад, а мы уйдем в море».

— Зачем же? Торговать будем. Пойдем на восток, как Вороний Глаз, но назад придем не с драконьим рогом, а с шелком и пряностями. Одно путешествие в Яшмовое море, и мы богаты, как боги. Купим себе дом в Староместе или каком-нибудь вольном городе…

— Втроем с Кварлом? — Трис, услышав это, поморщился. — Дочь Хагона, может, и пойдет с тобой на восток, но я-то — дочь кракена. Мое место…

— И где же оно? Вернешься на острова и будешь повиноваться своему лорду-мужу?

Аша попыталась представить себя в постели с Эриком Айронмакером, под его тушей. Лучше, конечно, он, чем Рыжий Гребец или Лукас-Левша. Громадный Молотобоец был когда-то бесстрашен и невероятно силен. Может, он и теперь не так плох… глядишь, еще и помрет, исполняя свой супружеский долг. Тогда из жены Эрика она станет его вдовой — к добру это или к худу, зависит от его внуков. А тут еще дядюшка… похоже, все ветры несут ее к Эурону.

— У меня на Харло заложники, — напомнила Аша. — И есть еще мыс Морского

Дракона. Раз я не могу получить отцовское королевство, почему бы не создать свое собственное? — В старину этот мыс был не столь малолюден, как ныне. Среди его холмов и болот встречаются древние руины, остатки твердынь Первых Людей, а на высотах насажены Детьми Леса круги из чардрев.

— Ты хватаешься за Морского Дракона, как утопающий за соломинку. Что там такого? Ни золота, ни серебра, железа с оловом — и того нет, а для злаков там слишком сыро.

Аша и не собиралась что-либо сеять.

— Я скажу тебе, что там такого. Сто потаенных бухт, выдры в озерах, лосось в реках, моллюски на берегу, тюленьи лежбища чуть поодаль и боры корабельных сосен.

— Но кто будет строить тебе корабли, моя королева? Откуда ваше величество возьмет подданных для своего королевства, помимо выдр и тюленей?

— Выдрами править легче, чем людьми, — невесело засмеялась Аша, — а тюлени умнее. Однако ты прав, пожалуй: лучше всего будет вернуться на Пайк. Есть еще люди и там, и на Харло, которые мне обрадуются. На Блэкриде Эурон друзей себе тоже не нажил, убив лорда Бейелора. Найду дядю Эйерона и подниму острова. — Мокроголового никто не видел с самого веча, но его утопленники говорили, что он прячется на Большом Вике и скоро призовет гнев Утонувшего Бога на Вороньего Глаза с его приспешниками.

— Молотобоец тоже ищет его. И за утопленниками охотится. Он уже подверг допросу слепого Берона Блэкрида и даже на Серого Буревестника оковы надел. Как ты найдешь жреца, если люди Эурона не смогли его выследить?

— Родная кровь даст знать о себе, — не слишком уверенно ответила Аша.

— Знаешь, что я думаю?

— Нет, но сейчас узнаю — так мне сдается.

— Думаю, что Мокроголового уже нет в живых. Вороний Глаз ему перерезал глотку, а Молотобоец его ищет для виду, чтоб мы поверили, будто он где-то скрывается. Эурон не хочет быть ославленным как братоубийца.

— Хоть бы до дядюшки не дошло. Вороний Глаз родного сына убьет, лишь бы доказать, что ты ошибаешься. — Аша почти протрезвела — Тристифер Ботли всегда на нее так влиял.

— И даже если ты вдруг найдешь своего дядю-жреца, у вас ничего не выйдет. Вы оба были на вече и не можете в отличие от Торгона сказать, что короля выбрали незаконно. Все законы богов и людей обязывают вас соблюдать решение веча…

— Погоди, — нахмурилась Аша. — О каком Торгоне речь?

— О Торгоне Запоздалом.

— Король Века Героев? — Больше Аша ничего не могла припомнить. — Так что же он?

— Торгон Грейарон был старший сын короля. Король был стар, а Торгону не сиделось на месте — когда его отец умер, он ушел в набег вверх по Мандеру из своей крепости на Сером Щите. Братья, не став за ним посылать, наскоро созвали вече в надежде, что королем выберут кого-то из них, но капитаны и короли выбрали Уррагона Гудбразера. Новый король первым делом распорядился предать смерти всех сыновей старого, и они были казнены. Люди не одобрили этого, хотя казненные не приходились Уррагону родней. Он правил почти два года…

— И тут Торгон вернулся домой, — вспомнила Аша.

— Он объявил вече незаконным, поскольку его там не было и он не мог предложить себя в короли. Уррагон успел на деле доказать, как он подл, и сторонников у него почти не осталось. Жрецы обличили его, лорды восстали, и собственные капитаны изрубили его на куски. Торгон Запоздалый стал королем и оставался им сорок лет.

Аша взяла Триса за уши и поцеловала в губы.

— Ты чего? — вопросил он, красный и полузадохшийся, когда она его отпустила.

— Это называется «поцелуй». Топить таких дур надо, Трис, как же я позабыла… Постой-ка. Это рог трубит. Хагон. — Уж не Эрик ли Айронмакер явился за блудной

женой? — Утонувший Бог все же любит меня. Как только я задумалась, что мне делать, он шлет мне врагов и посылает на битву. — Аша убрала кинжал в ножны.

Двор они с Трисом перебежали трусцой, но все-таки опоздали — битва уже закончилась. Под восточной стеной недалеко от калитки лежали два окровавленных северянина, над которыми стояли Лоррен-Секира, Шестипалый Харли Угрюмый.

— Через стену лезли, а Кромм с Хагоном их заметили, — объяснил Угрюмый.

— Только двое? — спросила Аша.

— Пятеро. Двоих мы сняли, пока они еще лезли, третьего Харл убил на стене, ну а эти успели спрыгнуть во двор.

Одному их этих двоих Лоррен раскроил череп, но второй, пригвожденный к земле копьем Угрюмого, еще дышал. На обоих была вареная кожа и пестрые плащи, буро-черно-зеленые. К головам и плечам они прикрепили ветки с хвоей и листьями.

— Ты кто? — спросила Аша у раненого.

— Я Флинт, а ты?

— Аша из дома Грейджоев. Это мой замок.

— Темнолесье — усадьба Галбарта Гловера. Спрутам тут делать нечего.

— Сколько вас? — Не дождавшись ответа, Аша повернула в ране копье. Кровь брызнула, северянин не сдержал крика. — Зачем вы пришли?

— За леди, — прохрипел раненый. — Боги, не надо больше. Хотели ее спасти. Только мы пятеро.

Аша, посмотрев ему в глаза, снова налегла на копье.

— Сколько еще? Говори, не то будешь подыхать до рассвета.

— Много, — прорыдал Флинт. — Три тысячи, может четыре… аййй…

Аша вырвала копье и обеими руками проткнула лживую глотку. Мейстер Галбарта Гловера говорил, что горные кланы не дружат между собой и без Старка во главе нипочем не объединятся. Может, он и не лгал, просто ошибся — как она сама на дядином вече.

— Этих пятерых послали открыть ворота перед атакой, — сказала она. — Лоррен, Харл, приведите сюда леди Гловер и ее мейстера.

— Живыми, что ли? — спросил Секира.

— Целыми и невредимыми. Ты, Угрюмый, лезь на эту треклятую башню и вели Кромму с Хагоном глядеть в оба. Пусть известят меня сразу, если хоть зайца заметят.

Двор быстро наполнялся народом. Люди Аши надевали доспехи и поднимались на стены, дворня Гловера испуганно перешептывалась. Стюарда вынесли на руках — он потерял ногу при взятии Ашей замка. Мейстер возмущался, пока Лоррен не двинул его кольчужным кулаком по лицу. Леди Гловер вышла из богорощи рука об руку с горничной.

— Говорила я вам, миледи — придет такой день, — сказала та, увидев тела под стеной.

Мейстер протолкался вперед. Из сломанного носа у него текла кровь.

— Молю вас, леди Аша, спустите знамена и позвольте мне поторговаться за вашу жизнь. Я скажу им, что вы нам зла не делали.

— Мы обменяем вас на детей. — Глаза Сибеллы Гловер покраснели от слез и бессонных ночей. — Гавену уже четыре, я пропустила его именины, а моя доченька… Верните мне детей, и ни с вами, ни с вашими людьми ничего не случится.

«Ну, тут ты врешь», — подумала Аша. Ее-то, может, и обменяют… отправят на Железные острова в объятия мужа. Ее родичей, Триса Ботли и других, у кого родня богатая, тоже выкупят. Остальных ждут топор, петля и Стена, но и они имеют право на выбор.

Аша взобралась на бочку, чтобы все ее видели.

— Волки придут к нашим воротам еще до восхода солнца. Что делать будем? Сложим копья с топорами и попросим пощады?

— Нет. — Кварл-Девица обнажил меч.

— Нет, — отозвался эхом Лоррен-Секира.

— Нет, — пробасил Маленький Рольф, медведище на голову выше всех прочих.

— Ни в жизнь.

«Ахоооооооооооооо», — снова раскатился рог Хагона, леденя кровь в жилах. Аша с недавних пор возненавидела этот звук: адов рог дядюшки на Старом Вике положил конец ее мечтам, рог Хагона может положить конец самой жизни. Что ж, быть по сему. Она умрет с топором в руке и проклятием на устах.

— Все на стены, — скомандовала Аша Грейджой и двинулась с Трисом Ботли к сторожевой вышке.

Деревянная башня, выше всего по эту сторону гор, поднималась на двадцать футов над самыми большими страж-деревьями и гвардейскими соснами.

— Вон они, капитан, — показал Кромм, когда она взошла на помост. Поначалу Аша видела только деревья, тени, холмы и вершины гор, потом убедилась, что деревья подползают все ближе.

— Горные козлы вырядились в лапник, — засмеялась она. Весь лес шевелился и подкатывал к замку, как медленный зеленый прибой. В детстве Аша слышала сказку о битвах Детей Леса с Первыми Людьми, когда древовидцы превращали деревья в воинов.

— Нам стольких не одолеть, — сказал Трис Ботли.

— Будем бить тех, кто полезет наверх, сосунок, — ответил на это Кромм. — Больше врагов — больше славы. Про нас еще песню сложат.

«О чем она будет, та песня — о доблести Железных Людей или о глупости их капитана?» До моря пять долгих лиг. Что умнее — пробиваться к воде или оборонять рвы и палисады этого замка? Люди Гловера продержались недолго.

— Скоро попируем под волнами. — Кромм оглаживал свой топор, будто ему не терпелось.

— Как же мы найдем дорогу в водные чертоги Утонувшего Бога, коли погибнем с сухими ногами? — усомнился Хагон, опустив рог.

— Ручьев в этом лесу полно, — успокоил Кромм. — Они впадают в реки, а реки — в море.

Аше умирать пока не хотелось.

— Живой найдет дорогу к морю легче, чем мертвый. Пусть волки забирают леса себе — мы идем к своим кораблям.

Хотела бы она знать, кто возглавляет ее врагов. На его месте она, прежде чем штурмовать замок, сожгла бы ладьи — правда, без собственных кораблей это не так просто сделать. Аша никогда не вытаскивала на берег больше половины ладей; другая половина стоит на якорях в море, имея приказ идти на мыс Морского Дракона в случае появления на берегу северян.

— Труби, Хагон, так, чтобы лес зашатался. Трис, надевай кольчугу — пора тебе опробовать свой красивый меч в деле. — Заметив, как он бледен, она ущипнула его за щеку. — Забрызгаем луну кровушкой: за каждого убитого получишь от меня поцелуй.

— Моя королева… здесь хоть стены есть. Что, если волки захватили или угнали наши ладьи?

— Тогда мы умрем, — весело ответила Аша, — но прежде промочим ноги. Железные Люди дерутся лучше с солью, когда за спиной шумит прибой.

Хагон выдул три короткие ноты — сигнал отступать к кораблям. Внизу послышались крики, заклацала сталь, заржали лошади. Коней у них мало, как и тех, кто умеет ездить верхом. Кварл-Девица держал наготове гнедую кобылу Аши, ее шлем, ее метательные топорики. Железные Люди выводили лошадей из конюшни Галбарта Гловера.

— Таран! У них таран! — крикнули со стены.

— Где? — спросила Аша, садясь в седло.

— Северные ворота!

За палисадами Темнолесья раздались звуки труб.

«Волки с трубами?» Удивляться было некогда.

— Открывайте южные, — распорядилась она в тот самый миг, когда северные ворота содрогнулись от удара тарана, и сняла с перевязи топорик. — Час совы миновал, братья, —

пришло время копья, топора и меча. Стройтесь! Мы едем домой!

— Домой! — грянула сотня глоток. — Аша!

Трис Ботли подскакал к ней на высоком чалом коне. Люди смыкались, поднимая щиты и копья. Кварл-Девица, пеший, занял место между Угрюмым и Лорреном-Секирой. Хагону на середине лестницы попала в живот волчья стрела, и он кувыркнулся наземь. Дочь бросилась к нему с воем.

— Уберите ее, — приказала Аша: для скорби еще будет время. Маленький Рольф поднял девушку на коня, только рыжие косы взметнулись. Северные ворота затрещали под новым ударом, южные распахнулись. Дорога была чиста, но надолго ли? — Пошли! — Аша сжала каблуками бока своей лошади.

Железные Люди — кто верхом, кто пешком — рысью устремились к лесу за голым полем. Луна освещала замерзшую озимь. Конные замыкали, чтобы не оставлять позади никого из пеших. Скоро вокруг сомкнулись узловатые дубы и высокие гвардейские сосны — Темнолесьем этот замок назвали не зря. Деревья поскрипывали при каждом порыве ветра, сплетенные ветви царапали лик луны. «Скорей бы он кончился, этот лес», — молила про себя Аша. Ей казалось, что деревья таят ненависть в своих покрытых корой сердцах.

Маленькое войско двигалось на юго-запад. Постепенно деревянные башни Темнолесья скрылись из виду, трубы затихли. Авось, волки, получив свой замок обратно, не станут гнаться за беглецами.

— Мы не в ту сторону едем, — сказал Трис Ботли, показав на проглянувшую среди веток луну. — Надо на север, море и ладьи там.

— Пока солнце не взойдет, будем держать на запад, а потом уж свернем на север. Ступайте вперед, — велела Аша своим лучшим наездникам, Рольфу и Роггону Ржавая Борода. — Разведайте, нет ли на берегу чего неожиданного. Наткнетесь на волков — сразу скачите назад.

— Как придется, — проворчал Роггон в рыжую бороду.

Отряд продвигался медленно. Деревья закрывали луну и звезды, лесная почва изобиловала колдобинами. На первой же полумиле лошадь Квентона Грейджоя оступилась и сломала переднюю ногу. Квентону пришлось перерезать ей горло, чтобы не кричала.

— Надо бы факелы зажечь, — сказал Трис.

— Нельзя. Северяне сразу найдут нас. — Аша вполголоса выругалась. Не совершила ли она ошибки, оставив замок? Нет, все правильно. К этому мгновению их бы всех уже перебили, но и во мраке блуждать не годится, иначе их убьет лес. Аша сняла шлем, откинула назад мокрые от пота волосы. — Остановимся тут, дождемся рассвета. До него не так далеко.

Остановиться было нетрудно, а вот дожидаться… Никто не спал, даже Дрыхучий Дейл, дремавший будто бы от одного взмаха весла до другого. Кто-то пустил по рукам мех с сидром Галбарта Гловера; те, у кого нашлась при себе еда, делились ею с остальными, всадники поили и кормили коней. Троим Квентон велел лезть на деревья и высматривать в лесу факелы, Кромм точил топор, Кварл-Девица — меч. Лошади щипали бурую траву под ногами. Рыжая дочка Хагона хотела увести Триса в лес, но он заартачился, и она ушла с Шестипалым Харлом.

Жаль, что Аша не могла сделать того же. Побыть напоследок с Кварлом, избавиться от гнетущей тревоги. Ступит ли она вновь на палубу «Черного ветра»? И если ступит, то куда поплывет? Острова ей заказаны… не станет же она склонять колени, раздвигать ноги и терпеть ласки Эрика Айронмакера. В вестеросских портах дочь кракена вряд ли примут. Можно заняться торговлей, как предлагал Трис, или пойти на Ступени и поступить там в пираты. Или…

— «Каждому из вас посылаю частицу принца», — прошептала она.

— Мне бы лучше частицу тебя, — хмыкнул Кварл. — Совсем маленькую.

Что-то вылетело из кустов и покатилось, подскакивая — круглое, мокрое, с длинными волосами. Когда оно застряло в корнях дуба, Угрюмый сказал:

— Маленький Рольф стал короче на голову.

Люди вскакивали, хватаясь за оружие и щиты. «Они тоже не зажигали факелов, — успела подумать Аша, — но им этот лес знаком куда лучше». Миг спустя из-за деревьев хлынули северяне. Волки проклятые… еще и воют, как звери. Железные Люди взревели в ответ, и закипел бой.

Песен о нем не сложат, и ни один мейстер не запишет эту историю Чтецу в назидание. Здесь нет знамен, и боевые рога не трубят, и лорд-военачальник не созывает к себе людей, чтобы изречь последнее слово. Одни тени бьются с другими, спотыкаясь о корни, скользя по мокрой гнилой листве. Одни в кольчугах и побелевшей от соли коже, другие в шкурах и лапнике, и лишь луна со звездами смотрит на них сквозь голые ветки.

Первый, кто наскочил на Ашу, упал мертвый с ее топориком между глаз и дал ей передышку, чтобы продеть руку в лямку щита.

— Ко мне! — крикнула она непонятно кому — своим ли, врагам ли. Перед ней тут же вырос воющий северянин, держа обеими руками топор. Аша отразила удар щитом и вспорола врагу брюхо кинжалом. Он захлебнулся воем, и она, круто обернувшись назад, полоснула по лбу другого волка. Его клинок скрежетнул по кольчуге у нее под грудью, а кинжал Аши вошел ему в горло, и он захлебнулся собственной кровью. Кто-то схватил ее за волосы, но Аша стриглась коротко, и запрокинуть ей голову волк не сумел: она саданула его каблуком по ноге и вырвалась. Когда она повернулась, воин умирал с прядью ее волос в кулаке, а над ним стоял Кварл с обагренным мечом, и луна отражалась в его глазах.

Угрюмый, ведя счет убитым врагам, выкрикнул «четыре» и тут же «пять». Лошади, взбудораженные битвой и кровью, визжали, лягались, закатывали глаза — все, кроме чалого жеребца Триса Ботли. Трис вскочил на него верхом и успешно рубил врагов — придется, как видно, подарить ему не меньше трех поцелуев.

— Семь, — выкрикнул Угрюмый, но Лоррен рядом с ним рухнул, а тени все прибывали, крича и шурша палой листвой. «Прямо кусты ходячие», — подумала Аша, убив еще одного: листьев на нем было больше, чем на любом дереве в лесу. И засмеялась, а смех привлек к ней новых волков. Их она тоже убила. Может, ей свой счет открыть? Она мужняя жена, а кинжал — ее дитятко. Как славно он входит в грудь сквозь мех, и шерсть, и вареную кожу. Враг был так близко, что она чуяла его кислый дух, и тянулся рукой к ее горлу. Кинжал прошелся по ребру, северянин вздрогнул и умер, и Аша вдруг ощутила такую слабость, что чуть не упала на него сверху.

Они с Кварлом стали спина к спине. Вокруг стонали, ругались, и отважные воины с плачем звали своих матерей. Куст сунулся к ней с копьем, таким длинным, что мог проткнуть насквозь ее вместе с Кварлом. «Лучше так, чем в одиночку», — успела подумать она, но ее родич Квентон сразил копейщика, а другой куст миг спустя раскроил топором череп Квентона.

— Девять, будьте вы прокляты! — крикнул Угрюмый. Из леса выскочила голая дочка Хагона, за которой гнались двое волков. Аша метнула одному в спину топорик. Когда тот упал, дочка Хагона нашарила его меч и заколола второго. Потом поднялась, вся вымазанная кровью и грязью, и ринулась в драку, полыхая своей рыжиной.

Аша не могла уже разобрать, где Кварл, где Трис, где все прочие. Кинжал и все ее топорики тоже куда-то делись — вместо них у нее в руке оказался короткий меч наподобие тесака. Где она его взяла, пес знает. Рука болела, во рту стоял вкус крови, ноги тряслись, между стволами падали косые лучи рассвета. Сколько ж времени идет этот бой?

Последним ее противником был волк с топором, здоровенный, лысый и бородатый, в ржавой чиненой кольчуге — значит, либо вождь, либо первый боец. Ему не нравилось биться с женщиной, и при каждом ударе он, брызжа слюной, орал:

— Сука! Сука!

Аша тоже бы его обругала, но во рту так пересохло, что она слова не могла вымолвить. Его топор грозил изрубить ее щит в лучину. Аша, пятясь, скинула с руки бесполезную деревяшку и принялась финтить вправо-влево.

Скоро она уперлась спиной в дерево. Волк занес топор, чтобы расколоть ее голову.

Аша вильнула вправо, но запнулась о корни, и топор обрушился на прикрытый шлемом висок. В глазах покраснело, почернело, покраснело опять. Ногу прошило болью.

— Сука поганая, — сказал северянин, собираясь добить ее. Где-то далеко запела труба.

«Неправильно это, — подумала Аша. — В водных чертогах Утонувшего Бога труб нет. Водяные с русалками чествуют своего повелителя, дуя в раковины».

Ей виделись пылающие сердца и черный олень с огненными рогами посреди золотого леса.

ТИРИОН

Когда они добрались до Волантиса, небо почернело на востоке и побагровело на западе. Проглянули звезды — те же самые, что и в Вестеросе.

Это утешило бы Тириона, не будь он приторочен к седлу что твой гусь. Надежно связанный, он уже перестал дергаться и берег силы, сам не зная зачем.

Волантис закрывал ворота с приходом ночи, и стражники у северного входа нетерпеливо покрикивали на опоздавших. Плененный Тириона рыцарь занял очередь за повозкой с апельсинами и лимонами. Повозку стражники пропустили, махнув факелами, но большой андал на боевом коне, в кольчуге и с длинным мечом показался им подозрительным. Вызвали капитана; пока они с рыцарем говорили на волантинском, один из стражников снял когтистую перчатку и потрепал карлика по голове.

— Удачи во мне через край, — сказал ему Тирион. — Освободи меня, друг, и получишь награду.

Капитан дал разрешение, и рыцарь, проехав в город, съязвил:

— Прибереги вранье для тех, кто понимает твой язык, Бес.

— Ты его понимаешь. Поверишь ты моим обещаниям или предпочтешь купить себе лордство ценой моей головы?

— Лордом я был по праву рождения. Дутые титулы не для меня.

— Других ты от моей дражайшей сестры не получишь.

— Я слышал, что Ланнистеры всегда платят свои долги.

— До последнего гроша, милорд, и ни грошиком больше. Ты получишь обещанный кусок, но благодарностью его не приправят, и вскоре ты найдешь его не слишком питательным.

— Может, я всего лишь хочу, чтобы ты поплатился за свои преступления. Тот, кто пролил родную кровь, проклят в глазах богов и людей.

— Боги слепы, а люди видят лишь то, что хотят видеть.

— Тебя я вижу хорошо, карлик. Мне и самому нечем гордиться — я навлек позор на свой дом и обесчестил отцовское имя, но убить родного отца? Как такое возможно?

— Дай мне арбалет, спусти штаны, и я покажу тебе как.

— По-твоему, я шучу?

— Вся наша жизнь — шутка. Твоя, моя, чья угодно.

Они ехали мимо торговых гильдий, рынков и бань. На площадях, где плескались фонтаны, люди за каменными столами играли в кайвассу и пили вино из высоких стеклянных бокалов. Рабы зажигали цветные фонарики. Вдоль мощеной дороги росли пальмы и кедры, на всех перекрестках стояли памятники. У многих статуй недоставало голов, но они все равно казались внушительными в пурпурных сумерках.

Их путь лежал на юг вдоль реки. Лавки здесь стали заметно беднее, вместо деревьев торчали пеньки. Булыжник под ногами коня уступил место дьяволовой траве, трава сменилась грязью цвета детского поноса. Мостики, перекинутые через впадающие в Ройн ручьи, тревожно поскрипывали. Выломанные ворота бывшего форта чернели, как беззубый рот старика, по стенам бродили козы.

Старый Волантис, сын и наследник Валирии. Король Ройна, хозяин Летнего моря, родина благородных господ и прекрасных дам. Не будем обращать внимания на стайки

голых детей в переулках, на брави с мечами на боку в дверях винных лавок, на согбенных татуированных рабов, шмыгающих повсюду. Могучий Волантис, самый большой и многолюдный из всех Девяти Городов. Былые войны, правда, лишили его значительной части населения, и многие кварталы уходят обратно в ил, на котором стоит весь город. Прекрасный Волантис, город цветов и фонтанов… половина фонтанов высохла, половина прудов загнила, цветущий плющ заплел все щели и трещины, на храмах с разрушенной кровлей проросли молодые деревья.

И этот запах, висящий в жарком и влажном воздухе. В нем переплелись цветы, рыба и вроде бы слоновий навоз. Ароматы сладости, земли, мертвечины и гнили.

— Этот город пахнет, как старая шлюха, — сказал Тирион. — Как карга, поливающая сокровенные части духами, чтобы заглушить естественный запах. Заметь, я не жалуюсь. Молодые шлюхи, конечно, пахнут приятней, зато старые лучше знают свое ремесло.

— Ты в этом понимаешь больше, чем я.

— Ну еще бы. Бордель, где мы встретились, ты, никак, принял за септу? А на коленках у тебя ерзала твоя девственница-сестра?

— Придержи язык, не то я его узлом завяжу.

Тирион, у которого губа раздулась после недавнего разговора, смолчал. По дороге из Селхориса он усвоил, что тяжелая рука плохо сочетается с отсутствием чувства юмора. Мысли его перешли к ядовитым грибам в носке сапога — рыцарь не слишком тщательно его обыскал. Этот выход у него по крайней мере остался: живым Серсея его не получит.

Ближе к югу признаки благосостояния появились вновь. Голые ребятишки пропали, брави в дверях были одеты куда приличнее, в гостиницах можно было заночевать, не боясь, что тебе перережут глотку, фонари качались на чугунных столбах. Улицы стали шире, дома богаче. Стеклянные купола, венчавшие некоторые строения — синие, красные, зеленые и пурпурные — красиво светились, когда в них зажигали огни.

Но нечто в здешнем воздухе все-таки тревожило Тириона. К западу от Ройна, где расположена гавань, морякам и купцам стараются услужить всеми средствами, а вот на восточном берегу чужеземцев не привечают.

На первого слона, который им встретился, карлик уставился во все глаза. В ланниспортском зверинце тоже жила слониха, но она умерла, когда ему было семь лет, а это страшилище было раза в два больше.

Чуть дальше по улице катилась нарядная тележка, запряженная белым слоном меньшей величины.

— Коляска, которую везет не лошадь, а слон, называется так же — коляской? — Не получив ответа, Тирион снова умолк и стал созерцать белый круп слона-карлика.

Их, как оказалось, в Волантисе было полным-полно. Ближе к Черной Стене и людным кварталам у Длинного моста Тирион насчитал целую дюжину. Большие серые с башенками на спине тоже попадались нередко. Полуголые рабы грузили лопатами на телеги дымящиеся кучи навоза. Татуировки у них на щеках изображали мух, тучами сопровождавших повозки. «Самое занятие для моей дражайшей сестрицы, — решил Тирион. — Ей бы очень пошли лопатка и мухи на розовых щечках».

Конь теперь еле плелся — почти все, кто ехал и шел по речной дороге, направлялись на юг, и рыцарь напоминал бревно, подхваченное течением. У девяти из каждых десяти человек имелись на щеках рабские метки.

— Сколько рабов… Куда они все идут?

— Красные жрецы на закате зажигают свои костры. Верховный произнесет проповедь. Я бы свернул куда-нибудь, но к Длинному мосту не попадешь, не проехав мимо красного храма.

Еще через три квартала улица влилась в огромную освещенную площадь. Смилуйтесь, Семеро, — этот храм в три раза больше Великой Септы! Колонны, ступени, купола, башни точно вытесаны из одной колоссальной скалы не меньше чем холм Эйегона. Стены выкрашены в разные оттенки красного, оранжевого, желтого и золотого, переходящие один в

другой, как облака на закате. Стройные башни, устремленные в небо, похожи на языки пламени.

На храмовой лестнице горели два громадных костра. Между ними на столбе из красного камня стоял Бенерро, верховный жрец. Каменный мостик соединял его постамент с террасой, где расположились священнослужители более низкого ранга — жрецы и жрицы в красном, послушники в бледно-желтых и оранжевых одеяниях.

Площадь была битком набита народом. Многие прикололи к рукавам или повязали на лоб красные лоскуты, и все взоры были прикованы к верховному жрецу Рглора.

— Дорогу, — ворчал рыцарь, пробираясь на коне сквозь толпу. — Посторонитесь.

Его пропускали неохотно, провожая руганью и возмущенными взглядами.

Бенерро, чей звонкий голос разносился по всей площади, был высоким, худым, с аскетическим молочно-белым лицом. Ярко-красная татуировка в виде языков пламени покрывала всю его бритую голову, огибая глаза и безгубый рот.

— Он татуирован, как раб? — спросил Тирион.

Рыцарь кивнул.

— Храм покупает детей и делает их жрецами, храмовыми проститутками или воинами. Вон, видишь? — Рыцарь показал на ступени, где шеренгой стояли люди в фигурных доспехах и оранжевых плащах. Наконечники их копий были выкованы как те же языки пламени. — Огненная Рука. Священные воины Владыки Света, защитники храма.

— И сколько пальцев у этой руки?

— Ровно тысяча. Вместо угасшего огня зажигают новый.

Бенерро указал перстом на луну, сжал кулак, развел руки в стороны. Голос его сделался еще громче, и пальцы внезапно вспыхнули, исторгнув у паствы дружное «ах». Жрец принялся чертить в воздухе знаки, валирийские иероглифы. Тирион узнал только два: Рок и Тьма.

Женщины в толпе рыдали, мужчины потрясали кулаками. Тириону невольно вспомнились отплытие Мирцеллы в Дорн и бунт, вспыхнувший при возвращении провожающих в Красный Замок.

Хелдон Полумейстер говорил, что красный жрец может быть полезен молодому Гриффу, но сейчас это представлялось Тириону крайне неудачной идеей. Он надеялся, что у Гриффа хватит ума не обращаться к Бенерро за помощью — союзники бывают порой опасней врагов. Лорду Коннингтону придется теперь думать обо всем самому: голова Тириона скоро займет место на пике.

Жрец простер руку назад, туда, где на Черной Стене стояли стражи в доспехах.

— О чем это он?

— Говорит, что Дейенерис в опасности. Черный глаз отыскал ее, и приспешники ночи, замышляя ее погубить, молятся своим ложным богам и сговариваются с безбожными иноземцами.

У Тириона волосы встали дыбом от страха. Принцу Эйегону здесь друзей не найти. Жрец говорил теперь о древнем пророчестве, о герое, который освободит мир от тьмы. Двух героев пророчества не предусматривают. У Дейенерис драконы, у Эйегона их нет. Не надо самому быть ясновидцем, чтобы предсказать, как встретят Бенерро и его прихожане второго Таргариена. Хоть бы Грифф вовремя это понял. Тирион дивился собственному волнению: ему-то что за дело до них?

Рыцарь, не обращая внимания на проклятия огнепоклонников, упорно продвигался вперед. Кто-то загородил ему дорогу, но всадник выдвинул из ножен фут своего меча, и перед конем образовался широкий проход. Рыцарь, пустив скакуна рысью, оставил толпу позади. Голос Бенерро и сопутствующий ему рев затихали вдали.

Вскоре рыцарь спешился и постучал в дверь конюшни. Оттуда выскочил раб с вытатуированной на щеке конской головой. Карлика без церемоний сняли и привязали к столбу, рыцарь тем временем торговался с разбуженным хозяином за коня с седлом вместе. Продать выгоднее, чем везти за море. В ближайшем будущем Тирион предвидел корабль —

может, он пророк все-таки.

Сторговавшись, рыцарь навьючил оружие, седельную сумку и щит на себя, а после спросил дорогу в ближнюю кузницу. Там тоже было закрыто, но на зов рыцаря дверь отворилась. Кузнец с прищуром оглядел Тириона и взял у рыцаря горсть монет, а рыцарь разрезал кинжалом путы своего пленника.

— Спасибо, — сказал Тирион, растирая запястья.

В ответ послышался смех.

— Погоди благодарить, Бес, — то, что будет дальше, тебе не понравится.

И верно. Каждый браслет чугунных кандалов весил добрых два фунта, не считая цепей.

— Неужто я кажусь таким страшным? — спрашивал Тирион, пока кузнец заклепывал на нем оковы. Каждый удар отзывался в руке до плеча. — Боишься, что я убегу от тебя на своих коротеньких ножках?

Кузнец не поднимал глаз от работы, а рыцарь с усмешкой ответил:

— Меня беспокоят не твои ноги, а твой язык. В оковах ты раб, и никто, даже понимая общий, тебя слушать не станет.

— Зачем это? Я буду образцовым пленником — обещаю!

— Так докажи это и заткнись прямо сейчас.

Тирион повиновался. Его сковали по рукам и ногам, цепью соединив ручные оковы с ножными. Все это железо весило больше него, но дышать он еще дышал — спасибо, что голову не отрезали. Серсее в конце концов только она и требовалась. Рыцарь, не отделив ее от туловища сразу, совершил первый промах. От Волантиса до Королевской Гавани путь долгий — мало ли что может случиться за это время.

Дальше они шли пешком. Тирион звенел и бряцал, приспосабливаясь к широкому шагу рыцаря. Когда он начинал отставать, тот дергал его за кандалы. Это еще не так страшно, мог бы и кнутом погонять.

Длинный мост соединял обе половины Волантиса, оседлавшего Ройн при впадении в море, отделяя заодно старую и богатую восточную часть от наемников, мореходов и прочих варваров.

Входом на него служила черная каменная арка с изображениями сфинксов, мантикоров, драконов и еще более странных созданий. Далее массивные опоры несли на себе настил из расплавленного камня, сооруженный волантинцами в дни расцвета. На мосту едва могли разъехаться две повозки, и двигаться приходилось до крайности медленно.

Сейчас телега с дынями как раз зацепилась колесом за другую, груженную шелковыми коврами. Движение застопорилось, возницы ругались, рыцарь, ухватив Тириона за цепь, пёр напролом. Какой-то мальчишка хотел залезть ему в кошелек, но воинский локоть мигом разбил вору нос.

С обеих сторон мост был плотно застроен лавками, храмами, тавернами, гостиницами, борделями и залами для игры в кайвассу. Почти все дома насчитывали три-четыре этажа; верхние нависали над нижними и чуть ли не смыкались с другой стороной. Мост из-за этого напоминал освещенный факелами туннель. Здесь продавалось все, что угодно: ткачи и кружевницы соседствовали со стеклодувами, свечниками и рыбниками. Золотых дел мастера ставили у двери одного стражника, торговцы пряностями, чей товар был вдвое дороже, — двоих. Между строениями изредка сквозила река. К северу от моста черный, с отраженными звездами Ройн казался впятеро шире, чем Черноводная у Королевской Гавани, на юге он впадал в море.

На середине, будто связки лука, висели отрубленные руки воров. Были выставлены и головы — две мужские и женская; о преступлениях, совершенных казненными, оповещали таблички внизу. Их охраняли двое копейщиков в начищенных до блеска шлемах и серебристых кольчугах, с нефритово-зелеными тигровыми полосками на щеках. Они то и дело махали копьями, отгоняя мелких ястребов, чаек, ворон и прочих любителей падали.

— В чем провинились эти несчастные? — спросил Тирион.

— Женщина была рабыней и подняла руку на свою госпожу, — стал читать рыцарь. —

Старший из мужчин сеял смуту и шпионил на королеву драконов.

— А молодой?

— Отца своего убил.

На этого Тирион посмотрел внимательнее и разглядел улыбку на полусгнивших губах.

Чуть дальше рыцарь, постояв перед драгоценной тиарой на подушке из пурпурного бархата, купил пару перчаток. Запыхавшийся, со стертыми запястьями Тирион радовался любой передышке.

Мост наконец остался позади. На улицах западного берега толпились моряки, рабы и гуляки. Мимо прошагал слон; полуголые молодые рабыни у него на спине показывали прохожим груди и кричали: «Малакуо!» Тирион, засмотревшись, чуть не вступил в навозную кучу, оставленную слоном — рыцарь отдернул его прочь в самый последний миг.

— Далеко еще? — спросил измученный карлик.

— Уже пришли. Это Рыбная площадь.

Их целью оказался «Купеческий дом», четырехэтажная громадина, сидевшая среди прибрежных складов, таверн и борделей, как толстяк в стайке детей. Общая зала гостиницы с сотней укромных альковов была больше великих чертогов многих замков Вестероса. Под закопченными стропилами стоял гул: моряки, менялы, купцы, работорговцы ругались и надували друг дружку на полусотне разных наречий.

Тирион одобрил выбор, сделанный рыцарем. Рано или поздно «Робкая дева» придет в Волантис, а эта гостиница, как он слышал, больше всех в городе, и в ней заключают множество сделок. Если Грифф явится сюда с Уткой и Хелдоном, карлик вновь обретет свободу.

Терпение. Случай непременно представится.

Жилые комнаты оказались менее грандиозными, особенно дешевые, на самом верху. В той, что снял рыцарь, потолок был низкий, от продавленной перины шел дурной запах, а наклонный дощатый пол неприятно напоминал о Гнезде. Стены тут по крайней мере имелись, и окна тоже: в них, вместе с железным стенным кольцом для приковывания рабов, заключалось главное достоинство комнаты. Рыцарь зажег сальную свечку и тут же прикрепил цепь Тириона к упомянутому кольцу.

— Это обязательно? — брякнув цепями, спросил карлик. — Куда мне бежать, в окно?

— С тебя станется.

— Тут четыре этажа — я летать не умею.

— Возьмешь и прыгнешь… а ты мне нужен живой.

«Зачем, спрашивается? Серсее ведь все равно».

— Я знаю, кто ты, сир. — Догадаться было нетрудно: медведь на камзоле, герб на щите, лордство, помянутое в прошедшем времени. — Кто ты и что ты. А ты, в свою очередь, должен знать, что я был королевским десницей и заседал с Пауком в совете. Позволь тебя также уведомить, что за море меня отправил именно евнух. — «Он — и Джейме…» Но о брате Тирион говорить не стал. — Мы с тобой два сапога пара: я пособничаю ему, как и ты.

Рыцарю это не понравилось.

— Я брал у Паука деньги, скрывать не стану, но никогда не был его пособником. А теперь и вовсе служу не ему.

— Кому же тогда, Серсее? Ну и дурак. Сестре нужна только моя голова, а ты носишь при себе острый меч. Почему бы не покончить с этим фарсом прямо сейчас, чтобы мы оба не мучились?

— Это что, карлик, фокус такой? — засмеялся рыцарь. — Молить о смерти в надежде, что я оставлю тебя в живых? Пойду принесу тебе чего-нибудь с кухни.

— Как мило. Я подожду тебя здесь.

— Куда ж ты денешься. — Дверь рыцарь тем не менее запер тяжелым железным ключом. «Купеческий дом» славился своими замками. Совсем как в темнице, хотя и с окнами.

Надежда избавиться от цепей была ничтожна, но попытаться все-таки не мешало.

Попробовав вытащить из оков руку, Тирион только еще сильнее ободрал ее, а железное кольцо, хоть убей, не желало вылезать из стены. А, провались оно все! Он постарался устроиться поудобнее. Ноги уже начали затекать; впереди ждала дьявольски беспокойная ночь — первая из многих, можно не сомневаться.

Рыцарь перед уходом отворил ставни, чтобы впустить в душную комнату бриз. Одно из окон приткнувшейся под самой крышей каморки выходило на Длинный мост и тот берег, где билось за черной стеной сердце Волантиса, другое — на площадь. В это второе окно Тирион мог кое-как выглянуть, натянув до отказа цепь. Падать не так далеко, как из небесной камеры Лизы Аррен, но все равно убьешься наверняка. Пожалуй, напившись пьяным…

Народу внизу даже в этот час было полно: моряки искали развлечений, шлюхи эти развлечения предлагали, купцы заключали сделки. Мимо, шурша мантией, проследовала красная жрица в сопровождении дюжины послушников, двое игроков у таверны сражались в кайвассу, раб им светил фонарем. Женский голос пел что-то красивое и печальное — если б Тирион понимал слова, то мог бы заплакать. Публика собиралась вокруг пары жонглеров, перекидывавшихся горящими факелами.

Рыцарь вернулся с двумя кружками и жареной уткой. Закрыл пинком дверь, разорвал утку надвое и половину швырнул Тириону. Поймать ее на лету не вышло из-за цепей; горячая жирная птица врезалась прямо в висок, и пришлось нашаривать ее где-то внизу, звякая кандалами. С третьей попытки Тирион сделал это и с наслаждением вонзил зубы в нежное мясо.

— Как насчет эля, чтобы запить?

Мормонт протянул ему кружку.

— Весь Волантис сейчас напивается, валяй и ты.

Эль почему-то благоухал фруктами. Тирион выпил и рыгнул от души. Допить и запустить тяжелой оловянной кружкой в голову рыцаря. Если повезет, она ему череп проломит. Если повезет еще больше, она пролетит мимо, и рыцарь забьет карлика до смерти.

— Что нынче, праздник?

— Третий день выборов. Всего они у них продолжаются десять дней, и все с ума сходят. Факельные шествия, речи, скоморохи, менестрели, танцоры. Брави насмерть дерутся на поединках за своих кандидатов, на боках у слонов пишут имена возможных триархов. Вон те жонглеры выступают в пользу Метисо.

— Напомни мне проголосовать за кого-то другого. — Тирион облизал жирные пальцы. Жонглерам внизу бросали монеты. — Хотя, должно быть, шутов нанимают все кандидаты.

— Они делают все, чтобы выиграть. Угощение, выпивка, зрелища. Алиос послал на улицу сто молодых красивых рабынь — обслуживать задаром тех, кто за него голосует.

— Я тоже за него, — решил Тирион. — Приведи мне одну.

— Они предназначены для свободнорожденных волантинцев, имеющих право голоса. К западу от реки таких мало найдется.

— И все это десять дней кряду? — засмеялся Тирион. — Мне бы понравилось, хотя три короля — это все-таки многовато. Не могу представить, как бы я правил Семью Королевствами вместе с дражайшей сестрицей и братцем-героем. Не прошло бы и года, как кто-то из нас убил бы двух остальных. Странно, что триархи не делают того же.

— Некоторые пытались. Волантинцы, должно быть, просто умнее западных дураков. Они тоже начудили немало, однако мальчика-триарха у них пока не было. Сумасшедших, случается, выбирают, но безумца до истечения срока сдерживают двое других. Подумай, сколько умерших могли бы жить и поныне, будь рядом с Безумным Эйерисом еще два короля.

«У него был мой отец», — заметил мысленно Тирион.

— Одни жители Вольных Городов думают, что по ту сторону Узкого моря живут только дикари, — продолжал рыцарь, — а другие на нас смотрят как на детей, которым нужен строгий отец.

— Или мать. — Серсея будет довольна, особенно когда рыцарь поднесет ей голову

брата. — Этот город ты, похоже, хорошо знаешь.

— Долго здесь прожил. — Рыцарь поболтал остатками в кружке. — Когда Старк изгнал меня, я бежал со второй женой в Лисс. Браавос подошел бы мне больше, но Линессе хотелось туда, где тепло. Я воевал с браавосцами на Ройне, а жена тратила десять серебреников на каждый заработанный мной. Когда я вернулся в Лисс, у нее уже был любовник. Он весело поведал мне, что за долги я буду продан в рабство, если не уберусь из города. Так я и очутился в Волантисе — только что не раб, без гроша за душой, с одним мечом и тем, что было на мне.

— А теперь тебе захотелось домой.

Мормонт допил кружку до дна.

— Завтра найду нам корабль. На кровати лягу я, а ты располагайся на полу, как цепи позволят. Можешь спать — спи, не можешь — считай свои преступления. Как раз до утра хватит.

«У тебя и своих предостаточно, Джорах Мормонт», — подумал карлик, но вслух этого не сказал.

Сир Джорах повесил пояс с мечом на спинку кровати, стянул сапоги и кольчугу. Под шерстью, кожей и пропотевшей нижней рубахой обнаружился волосатый, покрытый шрамами торс. «Такую шкуру можно на меховой плащ продать», — подумал Тирион, глядя, как рыцарь укладывается на пахучей перине.

Вскоре Мормонт уже храпел, оставив пленника наедине с оковами. В оба открытых окна лился лунный свет. С площади доносились пьяное пение, кошачьи вопли, звон стали о сталь. Кто-то умрет этой ночью.

Ободранное запястье саднило. Кандалы даже сесть не позволяли, не то что вытянуться. Когда Тирион прислонялся к стене, руки начинали неметь, когда менял положение — обретали чувствительность, и он скрипел зубами, чтобы не закричать. Сильно ли страдали они? Отец — от вошедшего в пах арбалетного болта, Шая — от впившейся в горло цепи, истерзанная насильниками Тиша? Его страдания ничто по сравнению с их муками, но как же все-таки больно.

Сир Джорах повернулся на бок, показав широкую волосатую спину. Сумей даже Тирион избавиться от цепей, к мечу пришлось бы лезть через рыцаря. Может, кинжал бы удалось вытащить потихоньку… или ключ. Отпереть дверь, спуститься, пройти через залу… а потом что? Ни друзей, ни денег. Он даже местного языка не знает.

Изнеможение наконец пересилило боль, и Тирион задремал, вскрикивая и содрогаясь в цепях при каждой судороге, сводившей икру. Когда он проснулся окончательно, в окна лился утренний свет, золотой, как лев Ланнистеров. Внизу выкликали свой товар рыбники и катились по булыжнику колеса в железных ободьях.

Над карликом стоял Джорах Мормонт.

— Будешь слушаться, если сниму с кольца?

— Сплясать трудновато будет, ноги совсем отнялись, а в остальном я твой. Клянусь честью Ланнистера.

— Какая у Ланнистеров честь. — Сир Джорах исполнил обещанное.

Тирион сделал два шажка и упал. Кровь прилила к конечностям, слезы к глазам.

— Если ты куда-то собрался, меня придется катить, — проговорил карлик.

Рыцарь вместо этого взял его за ручную цепь и понес.

Лабиринт альковов и гротов внизу располагался, как оказалось, вокруг дворика с цветущими лозами. Между плитами на полу рос мох, зеленый и фиолетовый. Молодые рабыни разносили вино, эль и пахнущий мятой напиток со льдом. В этот ранний час был занят едва ли один столик из двадцати.

За одним их них сидел карлик — бритый, с шапкой каштановых волос, тяжелым лбом и приплюснутым носом. Умостившись на высоком табурете с деревянной ложкой в руке, он созерцал покрасневшими глазами миску с розовой кашицей. «Экий уродец», — подумал Тирион.

Другой карлик, почувствовав его взгляд, поднял глаза и выронил ложку.

— Он меня заметил, — предупредил Тирион.

— Ну и что же?

— Он знает, кто я.

— Может, в мешок тебя запихать, чтоб никто не видал? — Рыцарь взялся за меч. — Хочет тебя украсть — пусть попробует.

Да, вряд ли карлик решится выйти на поединок с таким противником.

Сир Джорах, выбрав столик в тихом углу, заказал еду и питье. Им подали теплую лепешку, розовую рыбью икру, колбасу с медом, жареную саранчу и черный эль, горьковато-сладкий.

— Аппетит у тебя недурен, как я погляжу, — сказал рыцарь, видя, как уминает все это Тирион.

— В аду, я слыхал, кормят плохо. — В залу вошел человек. Высокий, сутулый, с остроконечной, неровно окрашенной в пурпур бородой. Купец из Тироша, не иначе. В открытую дверь хлынули крики чаек, женский смех, голоса торговцев рыбой. Карликового слона, прошедшего мимо, Тирион на миг принял за Иллирио Мопатиса.

— Ждешь кого-то? — осведомился рыцарь, намазывая лепешку икрой.

— Мало ли кого может принести ветер, — пожал плечами Тирион. — Мою единственную любовь, призрак отца, перелетную утку. Неплохо для насекомого, — одобрил он, хрустя саранчой.

— Прошлым вечером здесь толковали о Вестеросе. Какой-то лорд-изгнанник нанял Золотых Мечей отвоевывать свои земли. Половина капитанов помчались вверх по Ройну до Валан-Териса предлагать ему свои корабли.

Тирион чуть не подавился. Смеется, что ли, Джорах над ним? Что ему известно о Гриффе и Эйегоне?

— Вот не повезло-то. Я сам думал их принанять, чтобы взять Бобровый Утес. — Может, Грифф нарочно распространяет ложные слухи? Или юный принц все-таки проглотил наживку и повел своих верных не на восток, а на запад, отказавшись от сватовства к Дейенерис? Как же это Грифф позволил ему пренебречь драконами? — Тебя, сир, тоже охотно найму. Отцовский замок принадлежит мне по праву. Вручи мне свой меч, и после победы я утоплю тебя в золоте.

— Я видел, как тонут в золоте — зрелище не из приятных. А мечом я тебе разве что брюхо проткну.

— От запора хорошо помогает — спроси у моего батюшки. — Тирион взял кружку и стал пить, пряча лицо. Может, это стратегический ход, призванный усыпить подозрения волантинцев? Сесть на корабли и захватить их, когда флотилия выйдет в море, — не это ли Грифф задумал? План вполне осуществимый. В Золотых Мечах десять тысяч закаленных, дисциплинированных солдат — вот только по морю они ходить не умеют. Слишком много моряков придется оставить в живых, а путь до залива Работорговцев неблизкий…

— Следующим вдова примет вас, благородный сир, — известила служанка. — Вы принесли ей подарок?

— Да. Спасибо тебе. — Мормонт сунул девушке монету.

— Что за вдова такая? — нахмурился Тирион.

— Портовая. На восточном берегу ее до сих пор кличут шлюхой Вогарро — за глаза, правда.

— А Вогарро — это…

— Слон, семикратный триарх. Богатей, имевший большую власть в гавани. Другие строят корабли и ходят на них, а он строил причалы и склады, договаривался о грузах, менял деньги и страховал суда. Работорговлей тоже не брезговал. Когда он влюбился в юнкайскую рабыню, обученную пути семи вздохов, вышел большой скандал, но Вогарро пошел еще дальше: дал девушке вольную и женился на ней. После его смерти все дела унаследовала она. Дом Вогарро ее заставили продать — вольноотпущенникам за Черной Стеной жить

нельзя, — вот она и поселилась в «Купеческом доме». Тому уж тридцать два года, но она и по сей день тут живет. Сейчас она принимает за своим обычным столом, только ты не оглядывайся. Как закончит с этим клиентом, придет наша очередь.

— И чего же ты от этой старушенции хочешь?

Сир Джорах встал.

— Скоро увидишь сам, Он уходит.

Тирион спрыгнул со стула, гремя железом. Все это обещало стать любопытным.

Женщина сидела в своем углу, как затаившийся зверь, а глаза у нее были змеиные. Сквозь жидкие седые волосы просвечивал череп, под глазом еще сохранились шрамы от сведенной слезной татуировки. На столе после завтрака остались куски лепешки, сардиньи головы, маслиновые косточки. Тирион невольно отметил, как удачно расположена эта «приемная»: за спиной каменная стена, альков заплетен листьями, входная дверь как на ладони, а сама старуха в густой тени почти что невидима.

— Карлик, — промурлыкала вдова, увидев его. На общем она говорила почти без акцента. — Последнее время их в Волантисе пруд пруди. Что он умеет?

Будь у него арбалет, он показал бы ей пару фокусов.

— Да ничего, — сказал рыцарь.

— Жаль. Была у меня обезьянка, каких только штук не выделывала, а он на нее похож. Ты мне его даришь, что ли?

— Нет… вот. — Перчатки, купленные вчера сиром Джорахом, легли на стол рядом с другими дарами: серебряным кубком, веером из прозрачных нефритовых листьев и бронзовым кинжалом с древними рунами. По сравнению с такими сокровищами подношение Мормонта казалось весьма убогим.

— Перчатки для старых сморщенных рук… как мило. — Вдова к ним даже не прикоснулась.

— Я купил их на Длинном мосту.

— Чего только там не купишь. Перчатки, рабы, обезьянки. — Годы сгорбили ее спину, но черные глаза оставались яркими. — Так чем же старая вдова может быть полезна тебе?

— Нам нужно поскорее попасть в Миэрин.

Одно-единственное слово все перевернуло с ног на голову.

Миэрин! Не ослышался ли он, часом?

Нет, Мормонт точно сказал «Миэрин»… что означает жизнь или по крайней мере надежду.

— Зачем же ко мне обращаться? У меня кораблей нет.

— Зато многие корабельные капитаны вам задолжали.

Он сказал, что отвезет Тириона к королеве, но имел в виду не Серсею, а Дейенерис Таргариен. Вот почему он не отрубил карлику голову. Они поедут на восток, а Грифф с принцем, дураки этакие, на запад.

Это уж слишком! Заговор на заговоре, и все пути ведут в пасть дракона. Тирион расхохотался и остановиться уже не смог.

— Да никак у него припадок, — сказала женщина.

— Ничего, сейчас успокоится. А нет, так недолго и кляп ему вставить.

Тирион зажал рот руками. Миэрин!

— Не выпить ли нам? — предложила портовая вдова. Служанка налила ей и рыцарю вина в зеленые стеклянные чаши; Тирион тоже охотно бы выпил, но он в счет не шел. Вдова подержала вино во рту и лишь потом проглотила. — Все другие изгнанники, насколько эти старые уши слышали, отплывают на запад. А все задолжавшие мне капитаны только и мечтают отвезти их туда и добыть побольше монеты из сундуков Золотых Мечей. А наши благородные триархи отрядили дюжину военных судов, чтобы проводить их до самых Ступеней. Даже старый Донифос и тот согласен… но ты, сир, почему-то едешь в другую сторону.

— У меня на востоке дела.

— Какие, любопытно узнать? Работорговле серебряная королева положила конец и бойцовые ямы тоже закрыла. Что еще может предложить Миэрин вестеросскому рыцарю — кирпич, оливки, драконов? Ага… — Улыбка старухи сделалась хищной. — Говорят, королева кормит их новорожденными младенцами, а сама купается в крови девственниц и берет себе нового любовника каждую ночь.

Сир Джорах стиснул челюсти.

— Эти ядовитые слухи сеют юнкайцы. Не надо им верить, миледи.

— Я не леди, но даже шлюха Вогарро способна отличить ложь от правды. А правда в том, что у драконьей королевы много врагов. Юнкай, Новый Гис, Толос, Кварт… а там, глядишь, и Волантис. Подожди немного, сир: наймешься в солдаты, и повезут тебя на восток. Тиграм всякая война в радость, и даже слоны могут убивать, если им угрожают. Малакуо жаждет славы, Ниэссос почти все свое состояние нажил на торговле рабами. Если в триархи пройдет Алиос, Паркелло или Велико, наши корабли пойдут в Миэрин.

— Донифоса могут выбрать повторно, — нахмурился Мормонт.

— Скорей уж Вогарро вернется, а мой муж тридцать лет как умер.

— И это они называют элем? — взревел кто-то поблизости. — Обезьянья моча и то лучше.

— А ты ее пробовал? — осведомился другой.

Тирион оглянулся в слабой надежде увидеть Утку и Хелдона. Этих двоих он не знал, но рядом с ними стоял давешний карлик.

— Среди первых слонов были и женщины, — продолжала вдова, попивая вино. — Именно они свергли тигров и покончили с войнами. Триста лет назад Трианну выбирали четырежды, но с тех пор в Волантисе, увы, не стало триархов женского пола, а ведь у женщин, пусть немногих, право голоса есть. Им обладают благородные дамы, живущие за Черной Стеной — не такое отребье, как я. Старая Кровь скорее позволит голосовать собакам и малым детям, нежели вольноотпущенникам. Выберут либо Велико, либо Алиоса, и в любом случае будет война… так они думают.

— А что думаете на этот счет вы? — спросил рыцарь.

«Молодец, — подумал Тирион. — Правильный вопрос задал».

— Я тоже думаю, что война будет, но не такая, какую хотят они. — Вдова подалась вперед, сверкая глазами. — Думаю, что у красного Рглора в этом городе больше приверженцев, чем у всех других богов вместе взятых. Слышал, как Бенерро проповедует?

— Да, вчера вечером.

— Бенерро видит в пламени будущее. Известно тебе, что триарх Малакуо хотел нанять Золотых Мечей для того, чтобы перебить всех жрецов в красном храме? Тигровых плащей он не решается туда посылать — половина из них тоже верит в красного бога. Волантис ждут суровые времена, даже старым вдовам есть чего опасаться, но Миэрину придется намного хуже. Скажи мне, сир, зачем тебе королева драконов?

— Это уж мое дело. За проезд я уплачу серебром.

«Дурак ты, — подумал Тирион. — Для нее главное не деньги, а уважение — не слышишь, что ли?» Оглянувшись снова, он заметил, что другой карлик подошел еще ближе, и в руке у него вроде бы нож. Тириона пробрало холодом.

— На что мне твое серебро, коли золота девать некуда. И не смотри так — я стара, злыми взглядами меня не проймешь. Я вижу, что ты человек опасный и мечом хорошо владеешь, но стоит мне пальчиком шевельнуть, и в Миэрин ты поедешь к веслу прикованный. — Вдова раскрыла нефритовый веер, и из прикрытой листьями арки слева выглянул человек, весь в шрамах. На боку у него висел тяжелый короткий меч. — Не говорили тебе, что у портовой вдовы сыновья есть? Но утро нынче хорошее, и я спрошу еще раз: на что тебе Дейенерис Таргариен, которой полмира смерти желает?

Мормонт потемнел от гнева, но все же ответил:

— Служить ей. Защищать ее. Умереть за нее, если будет такая надобность.

— Спасти ее хочешь, стало быть? — засмеялась вдова. — Спасти от бесчисленных

врагов и несметных мечей — вот во что ты предлагаешь поверить бедной вдове? Выходит, ты у нас истинный рыцарь, готовый пройти полсвета, чтобы помочь… не деве уже, хотя и прекрасной. А карлика зачем ей везешь? Чтобы она в его крови искупалась или просто отсекла ему голову?

— Он… — замялся сир Джорах.

— Я знаю, кто он такой. — Черные глаза уставились на Тириона, как каменные. — Цареубийца, отцеубийца, предатель — одним словом, Ланнистер. — Последнее слово прозвучало в ее устах как ругательство. — Что имеешь ты, коротышка, предложить королеве драконов?

«Свою ненависть». Не сказав этого вслух, Тирион развел руками, насколько позволяли оковы.

— Все, чего она пожелает. Мудрый совет, острую шутку, мастерство акробата. Мой член или мой язык, как ей будет угодно. Могу стать во главе ее армии или массировать ей ноги. Взамен я попрошу одного: позволения изнасиловать и убить родную сестру.

На сморщенное лицо вдовы вернулась улыбка.

— Это по крайней мере честно, а вот ты, сир… Я знавала дюжину западных рыцарей и тысячу искателей приключений того же толка, но ни один из них не был так чист, как представляешься ты. Все мужчины — скоты, себялюбивые и жестокие. За их красивыми словами всегда прячутся темные побуждения. Не верю я тебе, сир. — Она махнула на них веером, как на мух. — Добирайся до Миэрина вплавь, коли тебе охота. От меня ты помощи не получишь.

Она захлопнула веер, сир Джорах привстал, и тут все семь преисподних разверзлись одновременно. Тирион, обернувшись на девичий визг, увидел другого карлика — тот несся прямо к нему. Девушка, переодетая мужчиной, — и ее нож его сейчас выпотрошит.

Сир Джорах, вдова и человек в шрамах застыли как вкопанные. Люди за ближними столами глядели во все глаза. Тирион с огромным усилием схватил винный штоф, выплеснул содержимое в лицо карлицы и бросился на пол, сильно ударившись головой. Карлица налетела, едва он успел откатиться. Вонзила нож в доску, выдернула, занесла снова… и сир Джорах поднял ее, дрыгающую ногами, на воздух.

— Пусти! — визжала она на общем языке Вестероса. Ее рубашка лопнула, так бешено она вырывалась.

Сир Джорах, держа ее за шиворот, отнял свободной рукой кинжал.

— Ну, хватит.

Откуда ни возьмись появился хозяин с дубинкой в руке. Выругавшись при виде разбитого штофа, он пожелал знать, что здесь происходит.

— Карлики подрались, — объяснил тирошиец, ухмыляясь в пурпурную бороду.

— За что? — вскричал Тирион, глядя на мокрую воительницу снизу вверх. — Что я тебе сделал?

— Моего брата убили. — Девушка перестала дергаться и повисла неподвижно с полными слез глазами.

— Кто? — спросил Мормонт.

— Моряки. Из Семи Королевств. Пятеро их было, все пьяные. Мы представляли на площади, а они за нами пошли. Меня отпустили, потому что я женщина, а брата убили и отрезали ему голову.

Тириона осенило, и он спросил:

— Ты на ком сидела, на свинье или на собаке?

— На собаке, — прорыдала она. — На свинье всегда Оппо ездил.

Карлики со свадьбы Джоффри. После их шутовского турнира как раз и начало твориться неладное. Не странно ли снова встретиться с ними на другом краю света? Хотя что тут странного. Даже их свинья сообразила бы после этого пира, что из Королевской Гавани надо скорее уносить ноги — иначе Серсея и их бы обвинила в смерти своего сына.

— Поставь ее на пол, сир, — сказал Тирион. — Она для нас не опасна.

Сир Джорах послушался, сказав девушке:

— Мне жаль твоего брата, только мы здесь при чем?

— Это он виноват. — Она прикрыла маленькие груди мокрой рваной рубашкой. — Брата они приняли за него. Он должен умереть так же, как бедный Оппо! — Девушка озиралась вокруг, взывая о помощи. — Пожалуйста, убейте его кто-нибудь!

Хозяин грубо рванул ее за руку, спрашивая по-волантински, кто будет платить за урон.

— Говорят, что рыцари защищают слабых и вступаются за невинных, — холодно произнесла вдова. — Говорят также, что я самая прекрасная дева во всем Волантисе. — Ее смех был полон презрения. — Как тебя звать, дитя?

— Пенни.

Старуха обратилась к хозяину на местном наречии. Велит отвести карлицу в ее комнаты, кое-как разобрал Тирион. Дать ей вина и найти какую-нибудь одежду.

Когда они удалились, вдова сказала:

— Чудовища, сдается мне, должны быть побольше. В Вестеросе за тебя дают лордство, здесь, боюсь, оценят несколько ниже. Надо как-то тебе пособить — Волантис стал небезопасен для карликов.

— Вы так добры, — улыбнулся ей Тирион. — Может, и кандалы с меня снимете? Из-за них чудовище не может нос почесать, а он страсть как свербит. Я охотно преподнесу их вам в дар.

— Благодарствую. Я тоже в свое время такие носила, поэтому теперь решительно предпочитаю серебро с золотом. Железо в Волантисе, как ни грустно, дешевле черствого хлеба, да и беглым рабам запрещено помогать.

— Я не раб.

— Каждый, кого хватают работорговцы, поет ту же песню. Здесь я тебе не смею помочь, — старуха снова наклонилась вперед, — но через два дня из этой гавани отплывет когг «Селасори Кхорун». Он идет в Кварт через Новый Гис с грузом железа, олова, шерсти и кружев. Еще везет пятьдесят мирийских ковров, красного жреца, двадцать банок драконова перца и засоленный в бочке труп. Будьте на борту в день отплытия.

— Непременно будем. Спасибо.

— Кварт нам не по пути, — нахмурился рыцарь.

— До Кварта когг не дойдет — Бенерро это открылось в пламени.

— Вот и хорошо. Будь я волантинским аристократом, отдал бы свой голос за вас, миледи.

— Я не леди, я шлюха Вогарро. Шли бы вы отсюда, пока тигры не набежали. А как увидите свою королеву, передайте ей послание от волантинских рабов. — Старуха потрогала щеку на месте сведенных слез. — Скажите ей, что мы ждем. Пусть приходит, да поскорее.

ДЖОН

Услышав приказ, сир Аллисер скривил губы в подобии улыбки, но глаза его остались холодными и твердыми, как кремень.

— Итак, бастард посылает меня на смерть.

— Смерть, — завопил ворон Мормонта. — Смерть, смерть, смерть.

Джон отмахнулся от непрошеного подсказчика.

— Бастард посылает вас на разведку. Искать наших врагов и в случае нужды убивать их. Клинком вы владеете отменно: и здесь, и в Восточном Дозоре вы были мастером над оружием.

Рука Торне легла на эфес меча.

— Верно. Треть жизни отдал, обучая тупоголовых баранов и жуликов основам военного ремесла. Много мне пользы от этого будет в диком лесу.

— С вами пойдут двое разведчиков-ветеранов.

— Мы вас обучим всему, что следует знать разведчику, сир, — проскрипел Дайвин. —

К примеру, подтирать высокородную задницу листьями.

Кедж Белоглазый заржал, Черный Джек Бульвер плюнул, а сир Аллисер молвил так:

— Тебе, конечно, хочется, чтобы я отказался. Тогда мне можно будет, как Слинту, голову отрубить. Но такого удовольствия я тебе, бастард, не доставлю. Молись, чтобы меня убил одичалый: убитые Иными недолго остаются мертвыми и все помнят. Я еще вернусь к вам, лорд Сноу.

— Очень на это надеюсь. — Сир Аллисер Торне, не будучи другом Джона, был ему братом — а где написано, что братьев непременно надо любить?

Нелегко посылать людей в лес, понимая, что они, быть может, оттуда не вернутся. Они, конечно, опытные бойцы, но дядю Бенджена и его разведчиков, тоже не новичков, Призрачный лес поглотил бесследно, и только двое из них пришли к Стене — упырями. Джон Сноу не в первый и не в последний раз задумывался о том, что стало с Бенджеком Старком. Может, этот отряд найдет хоть какие-нибудь его следы.

Одну партию поведет Дайвин, две другие — Черный Джек Бульвер и Кедж Белоглазый. Эти по крайней мере идут охотно.

— Хорошо снова сесть на коня, — сказал Дайвин у ворот, втягивая воздух сквозь деревянные зубы. — На лавке сидя, только зад занозишь, уж не взыщите, милорд. — Никто в Черном Замке не знает лес лучше Дайвина. Ему ведомо все: деревья, ручьи, съедобные растения, тропы дичи и хищников. Торне повезло больше, чем он заслуживает.

Джон смотрел со Стены, как удаляются разведчики — три партии, в каждой три человека и пара воронов. Их пони сверху были как муравьи, а людей он и вовсе не различал, но их имена остались у него в сердце. Восемь хороших братьев, один… видно будет.

Когда последний скрылся в лесу, Джон со Скорбным Эддом съехали вниз в клети. Одна из порхающих в воздухе снежинок сопровождала их, то обгоняя, то возвращаясь — если просунуть руку за прутья, можно ее поймать.

— Ох и страсть мне приснилась ночью, милорд, — сказал Эдд. — Будто вы мой стюард, носите мне еду и выносите ночную посуду, а я лорд-командующий и ни на миг покоя не знаю.

— Тебе страшный сон, а мне явь, — без улыбки ответил Джон.

Галеи Коттера Пайка заметили, что одичалых на лесистом северо-восточном берегу все прибавляется. Они там строят плоты и даже выброшенный на берег когг пытаются починить. При виде кораблей они сразу уходят в лес, но потом, конечно, вылезают обратно. А сир Деннис Маллистер доносит о кострах к северу от Теснины. Оба командира просят людей, а где Джон их возьмет?

Он уже послал каждому по десять одичалых из Кротового городка: мальчишек, стариков, раненых и болящих, однако способных на ту или иную работу. А они, Пайк и Маллистер, только жалуются. «Я имел в виду братьев Ночного Дозора, обученных и дисциплинированных, в преданности которых можно не сомневаться», — пишет сир Деннис, а Коттер Пайк заявляет без церемоний: «Развесить бы их на Стене, чтоб другим одичалым наука была, вот и весь от них прок. — Он сам неграмотный, мейстер Хармун за него пишет. — Я и ночное судно им не доверю, да и мало нам десяти».

Железная клеть со скрипом завершила свой путь и повисла в футе над землей у подножия Стены. Скорбный Эдд открыл дверь и спрыгнул на снег, Джон за ним.

Железный Эммет уже гонял своих подопечных на оружейном дворе. Звон стали напомнил Джону о былых временах, когда он в Винтерфелле бился на мечах с Роббом под бдительным надзором сира Родрика Касселя. Сир Родрик тоже погиб — убит Железными Людьми Теона Переметчивого при попытке отобрать у них замок. Великая твердыня Старков сожжена, и самая память о ней отравлена.

Железный Эммет, увидев его, остановил бой.

— Чем можем служить, лорд-командующий?

— Отбери мне трех лучших.

— Эррон, Эмрик, Джейс, — перечислил с усмешкой Эммет.

Конь и Хоп-Робин принесли командующему стеганую подстежку, кольчугу, наручи, нагрудный панцирь и полушлем. Черный окованный железом щит для левой руки, тупой длинный меч для правой. Меч, почти новый, при свете утра отливал серебром — один из последних, скованных Доналом. Жаль, не успел кузнец его навострить, не дожил. Клинок короче, чем Длинный Коготь, но тяжелее. Он из обычной стали, значит и рубить будет медленнее.

— Сойдет. — Джон повернулся лицом к противникам и сказал: — Нападайте.

— Кому первым выходить? — спросил Эррон.

— Нападайте все разом.

— Втроем? — усомнился Джейс из последнего набора Конви, сын сапожника со Светлого острова. — Нечестно как-то.

— Ладно, выходи ты.

Парень вышел. Джон тут же рубанул его по голове, повалил, придавил ногой и приставил острие меча к горлу.

— Война честной не бывает. Теперь ты убит, а их осталось двое на одного.

Хруст гравия за спиной возвестил о приближении близнецов. Из этих, пожалуй, еще выйдут разведчики. Резко повернувшись, Джон принял на щит удар Эррона и отразил выпад Эмрика.

— У вас не копья в руках, — крикнул он. — Ближе надо. — И перешел в атаку, показывая, как это делается.

Для начала он взялся за Эмрика, целя ему в голову и плечи справа и слева. Парень, заслоняясь щитом, пытался сопротивляться. Джон двинул щитом в его щит, рубанул по ноге и свалил… не сразу, поскольку сзади подоспел Эррон и врезал врагу по ляжке. Теперь там будет синяк. Припавший на колено Джон вскинул щит, вскочил и погнал Эррона по двору. В быстроте парню не откажешь — их мечи соприкоснулись целых три раза, — вот только силенок мало. Поняв по облегчению в глазах Эррона, что Эмрик сзади, Джон отскочил, ударил Эмрика по спине и бросил на брата. Джейс к этому времени поднялся, и Джон повалил его снова.

— Не люблю, когда мертвецы встают. Вот встретишься с упырем и поймешь. — Джон опустил меч.

— Большая ворона клюет воронят, — сказал кто-то. — Может, с человеком сразишься?

К стене прислонился Гремучая Рубашка. Он сильно зарос, жидкие волосы падали на желтые глазки.

— Ты себе льстишь, — сказал Джон.

— Что, струсил, ворона?

— Станнис, сдается мне, не того сжег.

— Отчего же. — Одичалый осклабил свои поломанные бурые зубы. — Он сжег того, кого должен был, — для примера. Все мы делаем то, что должны, Сноу. Даже и короли.

— Найди ему какую-нибудь броню, Эммет. Сталь, не мертвые кости.

Костяной Лорд в кольчуге и панцире даже как будто выпрямился немного, подрос, и плечи у него развернулись. «Все дело в латах», — сказал себе Джон. Даже Сэм мог показаться грозным, облаченный с головы до ног в доспехи работы Донала Нойе. Предложенный Конем щит одичалый отверг, а меч попросил двуручный.

— Приятный звук, — сказал он, сделав пробный взмах. — Подлетай, Сноу, я пущу твои перышки по ветру.

Джон напал, а он отступил вбок и рубанул что есть мочи. Не подставь Джон вовремя щит, громадный меч смял бы ему нагрудник и сломал половину ребер, а так лишь руку прошил до плеча. Кто бы мог подумать, что этот мозгляк бьет так сильно и движется так проворно. Противники начали кружить, обмениваясь ударами, — Костяной Лорд не оставался в долгу, орудуя тяжелым двуручным мечом с поразительной ловкостью.

Питомцы Железного Эммета, поначалу подбадривавшие своего лорда криками, вскоре умолкли. «Он так долго не выдержит», — сказал себе Джон, отражая новый удар, и крякнул.

Большой меч, хоть и тупой, надколол дерево и погнул железный обод его щита. Ничего, скоро он выдохнется. Джон нанес лобовой удар, но одичалый отвел голову. Рубанул по голени, но тот перескочил через меч. Ответный удар пришелся по оплечью, и рука под ним отнялась. Джон начал пятиться, хотя щита у противника не было и на каждый его удар Джону полагалось бы делать два.

Так почему-то не получалось, и ни один из ударов не попадал в цель. Одичалый всякий раз увертывался, и меч Джона скользил по плечу или по руке. Джон продолжал отступать и старался делать такие же финты, только это плохо ему удавалось. Изрубленный щит он в конце концов бросил, от пота щипало в глазах. Гремучий Лорд был сильнее, а большой меч давал ему преимущество в весе и расстоянии. Будь у Джона Длинный Коготь, все обернулось бы по-другому, но теперь…

Случай предоставился при следующем замахе противника. Джон с разбегу врезался в Гремучую Рубашку, повалил его и упал сам. Одичалый саданул Джона коленом, Джон его кулаком. Костяной Лорд каким-то образом оказался сверху, стукнул Джона головой оземь и поднял ему забрало.

— Будь у меня кинжал, ты бы лишился одного глаза. Пустите, вороны проклятые! — заорал он, когда Конь и Железный Эммет стали его оттаскивать.

В голове у Джона звенело. Он приподнялся, выплюнул кровь и сказал:

— Хороший был бой.

— Ты себе льстишь, ворона. Я даже и не вспотел.

— Ничего, в другой раз вспотеешь. — Скорбный Эдд помог Джону встать и снял с него шлем — раньше вмятин на нем не было, теперь появились. — Отпустите его. — Джон кинул шлем Хоп-Робину, но тот не поймал.

— Он угрожал вам, милорд, мы все слышали, — сказал Эммет. — Будь у меня, дескать, кинжал…

— Ну, кинжала у него нет, во всяком разе — сейчас. — «Всегда найдется кто-нибудь сильнее и проворнее вас, — сказал сир Родрик им с Роббом, — и хорошо, если вы впервые встретите такого на учебном дворе, а не на поле брани».

— Лорд Сноу, — тихо позвал кто-то. Это был Клидас. Стюард стоял под обвалившейся аркой, держа пергамент в руке.

— От Станниса? — Джон надеялся получить какие-нибудь вести от короля. Ночной Дозор, конечно, ни на чью сторону не становится, и ему должно быть безразлично, кто из королей победит, однако… — Из Темнолесья?

— Нет, милорд. — Туго свернутый пергамент был запечатан твердым розовым воском — таким пользуются только в Дредфорте. Джон снял перчатку, взял письмо, вскрыл печать. Увидев подпись, он сразу забыл о трепке, которую ему задал Костяной Лорд.

«Рамси Болтон», — гласили огромные остроконечные буквы. Бурые чернила хлопьями летели с листа. Под Болтоном поставили свои подписи и печати леди Дастин, леди Сервин и четверо Рисвеллов. Был еще грубый рисунок, великан дома Амберов.

— Можно узнать, о чем он пишет, милорд? — спросил Эммет.

Джон не видел причин отмалчиваться.

— Ров Кейлин взят. С Железных Людей сняли кожу и прибили их тела к столбам вдоль дороги. Русе Болтон созывает всех верных лордов в Барроутон — подтвердить свою верность Железному Трону и отпраздновать свадьбу его сына с… — Сердце Джона остановилось на миг. «Нет. Быть не может. Она погибла в Королевской Гавани вместе с отцом».

— Лорд Сноу, вам нехорошо? — Клидас вглядывался в него подслеповатыми розовыми глазами.

— Он женится на Арье Старк. Моей младшей сестре. — Джон так и видел ее перед собой — вечно испачканная мордашка, растрепанные волосы, сплошные коленки и локти. Ее умоют и причешут, можно не сомневаться, но представить Арью в свадебном платье или с Рамси на брачном ложе… Она не подаст виду, что боится, как бы страшно ей ни было, и

будет драться, если он тронет ее хоть пальцем.

— Сестра? Сколько ж ей лет? — удивился Эммет.

«Теперь должно быть одиннадцать. Совсем еще маленькая».

— У меня нет сестры, только братья. — Леди Кейтилин такой ответ порадовал бы, но Джону он дался нелегко. Пальцы смяли пергамент — вот бы глотку Рамси Болтона так же стиснуть.

— Будет ли ответ? — кашлянув, спросил Клидас.

Джон мотнул головой и ушел.

К вечеру синяки, которыми украсил его одичалый, стали багровыми.

— Потом они пожелтеют, — сказал Джон ворону Мормонта. — Стану похож на костяные доспехи нашего гремучего лорда.

— Костяные, — подтвердил ворон.

Снаружи слышался гул голосов, слишком слабый, чтобы различать слова. Леди Мелисандра и ее последователи у своего ночного костра — будто за тысячу лиг отсюда. Каждый вечер, как начинает смеркаться, красная женщина выводит своих прихожан на молитву и просит красного бога помочь им дожить до утра. Ибо ночь темна и полна ужасов. С отъездом Станниса и почти всех людей королевы паства заметно уменьшилась: полсотни одичалых из Кротового городка, горстка охраны, оставленной королем Мелисандре, да около дюжины черных братьев, принявших красного бога.

Джон чувствовал себя как шестидесятилетний старик. Это всё сны… сны и совесть. Арья не выходила у него из головы, но разве он мог помочь ей? Произнеся слова клятвы, он отказался от своих близких. Скажи ему кто-то из братьев Дозора о своей попавшей в беду сестре, Джон ответил бы, что это не должно его волновать. Когда человек произносит клятву, его кровь становится черной, как сердце бастарда. Когда-то Джон попросил Миккена сковать меч для Арьи. Меч брави, маленький, ей по руке. Сохранился ли он у нее? «Коли острым концом», — учил Джон сестренку… Но если она попробует заколоть Бастарда Болтонского, это может стоить ей жизни.

— Сноу, — сказал ворон, — снег, снег.

И Джон вдруг почувствовал, что больше не вынесет.

Призрак за дверью глодал мозговую говяжью кость.

— Когда это ты вернулся?

Лютоволк бросил кость и подбежал к Джону.

Малли и Кегс караулили снаружи, опираясь на копья.

— Холод нынче собачий, милорд, — предупредил Малли сквозь спутанную рыжую бороду. — Вы надолго?

— Нет, только воздухом подышу. — Небо усеивали звезды, вдоль Стены гулял ветер. Даже луна — и та казалась озябшей, покрытой мурашками. Скоро ветер добрался и до Джона, пронизав шерсть и вареную кожу насквозь. Джон шел через двор наперерез ветру, и за плечами у него хлопал, развеваясь, плащ. Призрак бежал следом. Куда его несет, что он делает? Черный Замок темен и тих. Где его вотчина, его чертог, его люди? Никого и ничего больше нет.

Под самой Стеной Призрак задел его руку, и ночь наполнилась запахами. За Джоном, хрустя снегом, шел кто-то, пахнущий летним днем.

Игритт!

Она стояла под сожженной башней лорда-командующего, окутанная мраком и памятью, и лунный свет играл в ее волосах, которых коснулся поцелуем огонь.

— Игритт, — позвал Джон с подступившим к горлу сердцем.

— Лорд Сноу? — Это была Мелисандра.

— Миледи… — отступил изумленный Джон. — Я принял вас за другую. — Ночью все кошки серы, но теперь он ясно видел, что мантия на этой женщине красная. Как он мог ошибиться? Мелисандра тоньше, выше и старше, хотя луна ее молодит. Из ноздрей идет пар, на белых руках нет перчаток. — Вы так пальцы себе отморозите, — сказал Джон.

— На все воля Рглора. Ночь не тронет ту, чье сердце одето священным огнем.

— Я не про сердце говорю, а про руки.

— Только сердце что-нибудь значит. Не отчаивайтесь, лорд Сноу: отчаянием пользуется враг, чье имя нельзя произносить вслух. Ваша сестра еще не потеряна.

— У меня нет сестры. — Слова как ножи. «Что знаешь ты о моем сердце, жрица? И о моей сестре?»

— Как зовут эту девочку… ту, кого у вас нет?

— Арья, — хрипло выговорил Джон. — Она мне сестра только наполовину.

— Я помню. Вашу сестру я видела в пламени. Она бежит от навязанного ей брака — бежит сюда, к вам. Девочка в сером на умирающей лошади. Этого не случилось пока, но случится. Можно погладить вашего волка?

— Лучше не надо.

— Он меня не тронет. Его Призраком зовут, да?.. Призрак, — проворковала жрица.

Зверь настороженно обошел ее по кругу, обнюхал протянутую ему руку, ткнулся в нее.

Джон дохнул паром.

— Он не всегда такой…

— Ласковый? Тепло влечет к теплу, Джон. — Ее глаза сияли во мраке, как красные звезды, а рубин на шее, третий глаз, был еще ярче. Глаза Призрака, поймав его свет, вспыхнули таким же огнем.

— Призрак, ко мне. — Волк смотрел на Джона, как на чужого. Что за притча…

Жрица, став на колени, почесала Призрака за ухом.

— Ваша Стена — странное место, но в ней есть сила. И в тебе тоже, и в твоем волке. Ты сопротивляешься ей, и в этом твоя ошибка. Прими ее. Пользуйся ею.

«Ну, я-то не волк», — подумал Джон и спросил:

— Как это сделать?

— Могу тебе показать. — Мелисандра обняла Призрака, и он лизнул ее в щеку. — Мудрый Владыка Света сотворил нас мужчинами и женщинами, двумя половинками великого целого. При их соединении возникает сила, порождающая жизнь, свет… и тени.

— Тени. — Когда Джон произнес это слово сам, оно показалось ему особенно темным.

— Тень падает от каждого человека, ходящего по земле, — иногда куцая, иногда большая и черная. Оглянитесь, лорд Сноу. Луна поцеловала вас и отпечатала на льду вашу тень двадцатифутовой вышины.

Джон посмотрел через плечо — тень была точно такой, как сказала жрица. Девочка в сером на умирающей лошади… едет сюда. Арья. Он чувствовал идущее от красной жрицы тепло, чувствовал ее силу. Мысль о том, что она способна на многое, посетила его внезапно и больше не отпускала, будто зубами вцепилась… Но ему совсем не хотелось становиться должником этой женщины, даже и ради Арьи.

— Далла, сестра Вель… жена Манса-Разбойника… сказала как-то, что колдовство похоже на меч без рукояти: просто так в руки его не возьмешь.

— Мудрая женщина. — Мелисандра встала, колыхнув красной тканью. — Но меч даже без рукояти остается мечом — его полезно иметь при себе, когда враги тебя окружают. Слушай меня, Джон Сноу: из девяти ворон, что ищут твоих врагов в белом лесу, трое уже мертвы. Они пока не умерли, но едут навстречу смерти. Ты хотел сделать их своими глазами, но они вернутся к тебе без глаз. Я видела в пламени их кровоточащие пустые глазницы. — Она откинула назад красные волосы, ее собственные глаза сверкнули красным огнем. — Ты не веришь мне, но скоро поверишь. Три жизни — не такая уж большая цена за веру, сказали бы многие… но ты заплатишь дороже. Вспомни об этом, увидев слепые лица своих мертвецов. И прими мою руку. — Ее окружал туман, и Джону на миг померещилось бледное колдовское пламя, пляшущее вокруг ее пальцев. — Дай мне спасти твою сестру.

ДАВОС

Даже в сумраке Волчьего Логова чувствовалось, что этим утром здесь что-то не так.

Разбуженный голосами Давос Сиворт подполз к двери камеры, но ничего не разобрал сквозь толстое дерево. Уже рассвело, а Гарт ему овсянку не нес. К чему бы это? В Волчьем Логове каждый день похож на другой, и перемены добра не сулят. Не сегодня ли Давосу предстоит умереть? Может, Гарт уже точит свою Леди Лу?

Луковый Рыцарь не забыл, что напоследок приказал Виман Мандерли. Отвести этого мерзавца в Волчье Логово и отрубить ему руки и голову, вот что. «Я, — дескать, — не съем ни куска, не увидев головы этого контрабандиста на пике — с луковицей, засунутой в лживый рот». Давос засыпал с этими словами каждую ночь и просыпался каждое утро — а если б память подвела, Гарт бы охотно ему напомнил. «Овсянка для мертвеца, — говорил тюремщик утром, а вечером распоряжался: — Задувай свечку, мертвец».

Однажды Гарт показал мертвецу своих девочек. «Сейчас Шлюшка не в лучшем виде, — объяснял он, лаская железный прут, — но ежели раскалить ее докрасна да приложить к твоему члену, ты мамку звать будешь. А это вот моя Леди Лу. Она заберет твою голову и руки, когда лорд Виман скажет».

Давос никогда еще не видел столь большого и острого топора. Гарт, по словам других тюремщиков, точил его сутками. Узник решил, что не будет просить о помиловании и умрет как рыцарь — попросит только, чтобы голову прежде рук отрубили. Авось, даже у Гарта достанет милосердия исполнить такую просьбу.

Встав, он начал мерить шагами камеру — на удивление просторную и удобную, надо сказать. Раньше тут какой-нибудь лордик почивал, не иначе. Она втрое больше его каюты на «Черной Бессе», больше даже помещения Салладора Саана на «Валирийке». Единственное окно, правда, давно кирпичом заложили, но в стене есть очаг, где котелок помещается, а в углу — настоящее отхожее место. Половицы нестроганые, тюфяк плесенью пахнет, но это мелочи по сравнению с тем, чего можно ожидать от тюрьмы.

Взять хоть еду. Вместо жидкой кашицы, черствого хлеба и тухлого мяса Давос ест свежую рыбу, хлеб только что из печи, пряную баранину, репу, морковку и даже крабов. Недовольный этим Гарт не раз заявлял, что мертвец не должен есть лучше живых. Давос получил меховые одеяла, чтобы не мерзнуть ночью, и толстую сальную свечку. Ему меняют одежду и снабжают его дровами. Когда он попросил бумагу, перо и чернила, Терри их тут же принес. Попросил книгу, чтобы упражняться в чтении, и Терри доставил ему «Семиконечную Звезду».

Но тюрьма, несмотря на все поблажки, все же остается тюрьмой. Через толстые стены ничего не слыхать, дубовая, обитая железом дверь всегда заперта. С потолка свисают цепи, дожидаясь, когда лорд Мандерли соизволит поближе познакомить контрабандиста со Шлюшкой. Может, как раз сегодня. Гарт скоро войдет сюда, но не с овсянкой.

Живот уже подвело с голодухи. Хуже всего не смерть, а незнание, как и когда ты умрешь. Давос не впервые оказывался в тюрьме, но раньше с ним всегда сидели другие узники. Было с кем поговорить, поделиться страхами и надеждами — а тут он, не считая тюремщиков, вовсе один.

В подземельях замка, он знал, есть настоящие темницы — каменные мешки, застенки и сырые ямы, где водятся огромные черные крысы, — но и там, если верить тюремщикам, никого не держат. «Мы тут одни, Луковка», — говорит главный надзиратель сир Бартимус, кривой одноногий рыцарь. В подпитии (что случается чуть ли не ежедневно) он любит рассказывать, как спас лорда Вимана при Трезубце. Волчье Логово он получил в награду.

Понятие «мы» охватывает повара, которого Давос ни разу не видел, шестерых стражников, двух прачек и собственно ключарей. Их двое: четырнадцатилетний Терри, сын одной из прачек, и старый, громадный, лысый, вечно хмурый Гарт, не вылезающий из засаленного колета.

Контрабандистские годы научили Давоса разбираться в людях: Гарта он опасался и при нем больше помалкивал, но с Терри и сиром Бартимусом был разговорчивее. Благодарил их за еду, охотно слушал разные их истории, вежливо отвечал на их вопросы и не приставал со

своими. Просьбы его всегда были мелкими: тазик с водой, мыло, книга для чтения, еще пара свечей. Они, как правило, выполнялись, и он говорил спасибо.

О лорде Мандерли, короле Станнисе и Фреях никто разговоров не заводил — и без них было, о чем покалякать. Терри хотел пойти на войну, когда подрастет, и стать рыцарем. Еще он жаловался на мать, которая спала сразу с двумя стражниками: они караулили в разное время и друг о друге не знали, но когда-нибудь один из них догадается, и тогда без крови не обойтись. Иногда парень приносил даже мех с вином и просил Давоса рассказать о жизни контрабандистов.

Сира Бартимуса не занимали ни внешний мир, ни события, происходившие там с тех пор, как лошадь без всадника и пила мейстера лишили его ноги. Излюбленным предметом его разговоров была долгая и кровавая история Волчьего Логова. Оно намного старше, чем Белая Гавань, рассказывал старый рыцарь. Построил его король Джон Старк для защиты устья Белого Ножа от морских разбойников. Здесь селились младшие сыновья Королей Севера, их братья, дядья и кузены. Многие передавали замок собственным детям и внукам, отчего у дома Старков появлялись новые ветви. Дольше всех продержались Грейстарки; они владели Волчьим Логовом пять веков, пока им не вздумалось встать на сторону Дредфорта, восставшего против Старков из Винтерфелла.

После их падения замок переходил из рук в руки. Сто лет он принадлежал дому Флинтов, еще двести — дому Локе. Позднее реку по поручению Винтерфелла охраняли Слейты, Лонги, Хольты и Эшвуды. Как-то раз Логово захватили сестринцы. Во время войны между Винтерфеллом и Долиной замок осадил Осгуд Аррен, Старый Сокол, и сжег его сын по прозвищу Коготь. Когда король Эдрик Старк ослабел с годами, Логово взяли работорговцы со Ступеней. В этих самых стенах пленников клеймили каленым железом, укрощали бичом, а затем отправляли за море.

«Потом пришла долгая жестокая зима, — рассказывал сир Бартимус. — Белый Нож замерз, покрылся льдом и залив. Пока работорговцы, спасаясь от северного ветра, грелись у очагов, нагрянул новый король, Брандон Старк — правнук Эдрика Снегобородого по прозванию Ледяной Глаз. Вернув себе замок, он раздел работорговцев донага и отдал рабам, которых держали прикованными в темницах. Говорят, будто их внутренности развесили на ветвях сердце-дерева в жертву богам. Старым богам, не тем, кого привезли после с юга. Ваши Семеро не знают, что такое зима, а зима не признаёт их богами».

С этим не поспоришь. После Восточного Дозора Давосу тоже не очень-то хотелось узнать, что такое зима. «А вы в каких богов веруете?» — спросил он одноногого рыцаря.

«В старых. — Улыбаясь, сир Бартимус начинал походить на череп. — Наш род жил тут еще до Мандерли. Может, как раз мои предки и развесили те потроха на дереве».

«Не знал, что северяне приносят своим сердце-деревьям кровавые жертвы».

«Мало ли чего вы, южане, о нас не знаете».

Он был прав. Давос сидел при свече и смотрел на письма, которые выводил буква за буквой все эти дни. «Я был лучшим контрабандистом, чем рыцарем, — писал он жене, — и лучшим рыцарем, чем десницей. Я любил тебя, Мария. Пожалуйста, прости меня за все, что выстрадала из-за меня. Если Станнис проиграет войну и ты лишишься наших земель, увези мальчиков за Узкое море в Браавос. Постарайся, чтобы они не думали обо мне плохо, если сумеешь. В том случае, если Станнис займет-таки Железный Трон, дом Сивортов будет жить, и Деван останется при дворе. Он поможет тебе пристроить младших к знатным лордам пажами или оруженосцами — глядишь, и рыцарями со временем станут». Вот все, что Давос мог посоветовать: ничего мудрее ему в голову не пришло.

Трем оставшимся сыновьям он тоже написал письма — пусть помнят отца, купившего им благородное имя ценой своих пальцев. Послания к Стеффону и юному Станнису вышли короткими и неуклюжими. Сказать по правде, он плохо знал их в отличие от старших, сгоревших или утонувших на Черноводной. Девану он написал немного пространнее: «Горжусь, что мой сын служит оруженосцем у самого короля. Помни, что ты теперь старший, позаботься о своей леди-матери и младших братьях. Скажи его величеству, что я

сделал все от меня зависящее — сожалею, что не сумел больше. Я потерял свою удачу вместе с костями от пальцев в тот день, когда под Королевской Гаванью загорелась река».

Давос перечел все письма несколько раз, думая, не надо ли изменить что-то или добавить. Хорошо бы сказать еще что-нибудь перед смертью, да слова не идут. Ну что ж, жизнь его сложилась довольно удачно. Мальчишка, рожденный на Блошином Конце, стал королевским десницей и выучился читать и писать.

Сидя над письмами, он услыхал звон ключей. Еще миг, и дверь его камеры отворилась.

Вошел высокий человек с изможденным лицом под шапкой поседевших волос. На бедре у него висел длинный меч, алый плащ на плече скрепляла серебряная пряжка в виде кольчужного кулака.

— Лорд Сиворт, — сказал он, — у нас мало времени. Благоволите пройти со мной.

Это «благоволите» смутило Давоса. На плаху его вряд ли стали бы приглашать столь учтиво.

— Вы кто же будете? — спросил он.

— Роберт Гловер, с позволения вашей милости.

— Гловер из Темнолесья?

— Это усадьба моего брата Галбарта… была и есть, благодаря вашему королю Станнису. Он отбил Темнолесье у железной суки, взявшей его, и желает вернуть замок законным владельцам. За время вашего заключения много всего случилось, лорд Давос. Ров Кейлин пал, Русе Болтон вернулся на Север с младшей дочерью Неда Старка и целой армией Фреев. Теперь он рассылает воронов, созывая всех северных лордов в Барроутон — воздать ему должные почести и отпраздновать свадьбу его бастарда Рамси Сноу с Арьей Старк. Заключив этот брак, Болтоны станут владельцами Винтерфелла. Идете вы или нет?

— Придется — не выбирать же мне Гарта и Леди Лу.

— Что за леди Лу? Прачка? — Гловер терял терпение. — Идемте, вам скоро все объяснят.

Давос встал.

— В случае моей смерти позаботьтесь, прошу вас, чтобы эти письма были отправлены.

— Даю слово, но если вы и умрете, то не от моей руки и не от руки лорда Вимана. Идемте скорее.

Они прошли через темный зал, спустились по истертым ступеням. Пересекли богорощу, где разросшееся сердце-дерево, заглушив все дубы, березы и вязы, пронзало бледными ветвями окна и стены. Корни его были толщиной с человека, лик на широченном стволе казался плоским и злобным. Отворив заржавленную дверь сразу за ним, Гловер зажег факел и повел Давоса вниз, в подвал, где сырые стены обросли солью и под ногами плескалась морская вода. Миновав ряд больших помещений и тесных темниц, ничуть не похожих на камеру Давоса, они уперлись в глухую стену. Гловер нажал на нее, она повернулась. За ней открылся узкий подземный ход и лестница, ведущая вверх.

— Где это мы? — спросил Давос. Его голос вызвал во тьме слабое эхо.

— На подлестничной лестнице — поднимаемся под Замковой улицей к Новому Замку. Вас не должны видеть, милорд. Почти для всех вы мертвы.

«Овсянка для мертвеца». Понятно.

Наверху они прошли сквозь другую стену, оштукатуренную снаружи. В комнате по ту сторону горели восковые свечи, на полу лежал мирийский ковер. Где-то поблизости играли волынки и скрипки, на стене висел пергамент с большой картой Севера, под картой сидел Виман Мандерли, громадный лорд Белой Гавани.

— Садитесь, прошу вас. — На лорде был бархатный дублет цвета морской волны, вышитый золотом по рукавам, вороту и подолу. Горностаевую мантию на плече скалывал золотой трезубец. — Вы голодны?

— Нет, милорд. В вашей тюрьме меня хорошо кормили.

— Вот вино, если хотите пить.

— Мой король послал меня к вам для переговоров, милорд. Пить с вами я не обязан.

— Я обошелся с вами самым постыдным образом, — вздохнул лорд Виман. — На то были свои причины, но… присядьте и выпейте за моего старшего сына и наследника Вилиса, который благополучно вернулся домой. Там, за стеной, идет пир в его честь. В Водном Чертоге едят пирог с угрем и оленину с жареными каштанами. Винафрид танцует со своим женихом, а прочие Фреи поднимают чаши за нашу дружбу.

Кроме музыки, Давос слышал гул множества голосов и стук посуды.

— Я только что от высокого стола, — продолжал лорд Виман. — Объелся, как всегда, а с животом у меня неладно, это вся Белая Гавань знает. Мои друзья Фреи, надеюсь, простят мне мою отлучку. — Он перевернул свою чашу. — Видите, я не пью с вами. Садитесь же, время дорого. Будь так добр, Роберт, налей деснице вина. Должен известить вас, лорд Давос, что вы мертвы.

Давос взял предложенную Гловером чашу, понюхал, выпил.

— Можно спросить, как я умер?

— На плахе. Ваши руки и голова выставлены над Тюленьими воротами, лицо обращено к морю. Вы уже порядком прогнили, хотя голову, прежде чем водрузить на пику, обмакнули в смолу. Говорят, что воронье и морские птицы дрались из-за ваших глаз.

Давос поерзал на стуле. Странное это чувство — быть мертвым.

— Кого же казнили вместо меня?

— Что за важность. Лицо у вас простое, лорд Давос, вы уж не обижайтесь. У того человека был похожий нос, похожие уши. Его длинную бороду подстригли на манер вашей и голову просмолили на совесть, а луковица во рту сильно искажает черты. Сир Бартимус позаботился укоротить пальцы на его левой руке. Был он злодеем, если вас это утешит, и смерть его принесла больше добра, чем он сделал за всю свою жизнь. Гнев, который я выказал вам в Водном Чертоге, был всего лишь комедией, разыгранной для моих друзей Фреев.

— Вам бы всем семейством в лицедеи пойти, милорд. Ваша невестка очень убедительно желала мне смерти, а младшенькая…

— Вийла, — улыбнулся лорд Виман. — Она у меня храбрая, правда? Я угрожаю вырезать ей язык, а она твердит, что Белая Гавань перед Старками из Винтерфелла в неоплатном долгу. Вийла не играла, она говорила искренне… и леди Леона тоже. Вы простите ее, милорд: женщина она недалекая, и в Вилисе вся ее жизнь. Не все мужчины похожи на Эйемона Драконьего Рыцаря или Симеона Звездный Глаз, и не всем женщинам дано быть такой смелой, как моя Вийла и ее сестра Винафрид… вот она-то хорошо разыграла роль.

Даже честному человеку приходится лгать, если он имеет дело с лжецами. Не мог я выступить против Королевской Гавани, пока мой единственный выживший сын оставался в плену. Лорд Тайвин Ланнистер самолично мне написал, что держит Вилиса у себя. Если, мол, хотите получить его назад целым и невредимым, покайтесь в своей измене, сдайте свой город, присягните маленькому королю на Железном Троне… а также и Русе Болтону, новому Хранителю Севера. Откажетесь — Вилис умрет как предатель, Белая Гавань будет взята и разграблена, а ваши люди разделят участь Рейнов из Кастамере.

Из-за моей толщины многие думают, что я слаб и глуп. Тайвин Ланнистер был, как видно, того же мнения. Я послал ему ворона с ответом, что склоню колено и открою ворота, когда мой сын будет дома — не раньше. Вскорости Тайвин умер, а ко мне заявились Фреи с костями Вендела, чтобы заключить мир и скрепить его брачными узами. Я им опять: согласен, мол, как только получу Вилиса живым и здоровым, а они мне — мы вернем его вам, когда докажете свою преданность. Тут очень кстати приехали вы, и я им предъявил доказательства. Сперва обрушился на вас в Водном Чертоге, потом выставил ваши руки и голову у Тюленьих ворот.

— Вы сильно рисковали, милорд. Стоило Фреям раскусить ваш обман…

— Риска не было. Если б кому-то из Фреев вздумалось залезть на ворота и рассмотреть поближе голову с луковицей во рту, я обвинил бы в ошибке моих тюремщиков и казнил

настоящего Сиворта.

По хребту Давоса прошел холодок.

— Понимаю.

— Надеюсь, что так. У вас ведь тоже есть сыновья.

«Да, трое… а было семеро».

— Скоро мне пора будет вернуться на пир, к моим дорогим гостям. Они следят за мной, сир, следят днем и ночью. Вынюхивают измену. Надутого сира Джареда и его племянничка Рейегара — червяка, носящего имя дракона, — вы сами видели, а за ними обоими позвякивает монетами Саймонд. Он уже купил нескольких моих слуг и двух рыцарей, а горничная его жены пролезла в постель к моему дураку. Станнис, должно быть, удивляется скупости моих писем, но я и мейстеру своему доверяю мало. Теомор — голова без сердца. Мейстеры, надевая свою цепь, отрекаются от старых привязанностей, но я не забываю, что Теомор был рожден Ланнистером из Ланниспорта и Бобровому Утесу приходится дальним родичем. Враги и ложные друзья обступили меня со всех сторон, лорд Давос. Они заразили мой город подобно вшам, и ночью мне кажется, что они по мне ползают. — Толстые пальцы лорда сжались в кулак, подбородки затряслись. — Мой сын Вендел пришел в Близнецы как гость. Он повесил свой меч на стену и ел хлеб-соль лорда Уолдера, а они убили его! Да, убили, какие бы басни ни плели Фреи. Я пью с Джаредом, шучу с Саймондом, обещаю Рейегару руку любимой внучки, но не думайте, будто я что-то забыл. У Севера долгая память, лорд Давос, и комедия скоро будет доиграна. Мой сын вернулся домой.

Давос от этой речи почему-то покрылся мурашками.

— Если вы хотите правосудия, милорд, подумайте о короле Станнисе. Нет человека справедливей его.

— Такая преданность делает вам честь, милорд, — вставил Роберт Гловер, — но Станнис Баратеон — ваш король, а не наш.

— Вашего короля убили на Красной Свадьбе вместе с сыном лорда Вимана, — напомнил Давос.

— Молодой Волк убит, — признал Мандерли, — но у лорда Эддарда он был не единственным сыном. Давай сюда парня, Роберт.

Парня? Неужто кто-то из братьев Робба Старка пережил взятие Винтерфелла, и Мандерли прячет наследника — настоящего ли, подставного — у себя в замке? Север и ради подставного поднимется, но Станнис Баратеон к самозванцу ни за что не примкнет.

Парень, вошедший с Гловером в комнату, не был Старком и не мог бы за такового сойти. На вид ему лет четырнадцать — пятнадцать, больше, чем братьям Робба, а по глазам — и того старше. Темные волосы всклокочены, рот большой, нос с подбородком острые — одно слово, звереныш.

— Ты кто? — спросил Давос.

Парень взглянул на Гловера.

— Он немой, но мы учим его писать. Он быстро схватывает. — Гловер отцепил с пояса кинжал и дал мальчику. — Напиши лорду Сиворту свое имя.

Пергамента в комнате не было, и парень чертил буквы на стенной балке. «В-Е-К-С», — вырезал он, ловко подкинул кинжал и восхищенно посмотрел на свое произведение.

— Векс из Железных Людей. Был оруженосцем Теона Грейджоя, присутствовал при взятии Винтерфелла, — пояснил Гловер. — Что известно лорду Станнису о событиях, которые там случились?

Давос стал вспоминать все слышанные ими истории.

— Сначала замок взял Теон Грейджой, бывший воспитанник лорда Старка. Он предал смерти двух младших сыновей Эддарда и поместил их головы на стене замка. Когда к Винтерфеллу подошли северяне, он перебил там всех до последнего, женщин и детей в том числе, а его самого в конце концов убил бастард лорда Болтона.

— Не убил, — поправил Гловер. — Взял в плен, увел в Дредфорт и снимает с него

кожу маленькими кусочками.

— Басню, рассказанную вами, мы тоже слышали, — кивнул лорд Виман. — Она напичкана ложью, как пудинг изюмом. Это Бастард Болтонский учинил побоище в Винтерфелле — тогда он звался Рамси Сноу, а потом уж маленький король его сделал Болтоном. И убил он не всех. Женщин связали вместе и угнали в Дредфорт, чтобы он мог позабавиться.

— Позабавиться?

— Бастард очень любит охотиться, — сказал лорд Виман, — и любимая его дичь — это женщины. Их раздевают донага и выпускают в лес. Дав им полдня форы, бастард выезжает следом с охотниками и гончими. Кто-то из женщин изредка выживает, потому об этом и стало известно. Менее счастливых Рамси насилует и скармливает собакам, а снятые кожи везет как трофеи обратно в Дредфорт. Дичи, продержавшейся долго, он оказывает милость — режет горло перед тем, как содрать с нее кожу, — а оставшись недоволен, поступает наоборот.

— Боги правые, — побледнел Давос. — Как может человек…

— Зло у него в крови, — сказал Гловер. — Он бастард и рожден от насилия, что бы там ни постановил мальчишка-король.

— Если снег бывал когда-нибудь черен, так это он, — подхватил лорд Виман. — Он захватил земли лорда Хорнвуда, насильно взяв в жены его вдову, и запер свою жену в башне. Говорят, она съела свои пальцы, так ее мучил голод, — а Ланнистеры за это отдали убийце дочь Неда Старка. Хорошо королевское правосудие!

— Жестокость и хитрость всегда отличали Болтонов, но этот — просто чудовище в человеческом облике, — заметил Гловер.

— Да и Фреи не лучше, — сказал лорд Мандерли. — Они толкуют о варгах, оборотнях и уверяют, что моего Вендела убил не кто иной как Робб Старк. Экая наглость! Они даже и не думают, что северяне поверят в столь явную ложь: нам предлагается сделать вид, будто мы верим, либо погибнуть. Русе Болтон лжет относительно своего участия в Красной Свадьбе, а его бастард — о взятии Винтерфелла. Пока Вилис был у них, мне приходилось есть все это дерьмо да похваливать…

— А теперь, милорд? — спросил Давос.

«А теперь, — надеялся он услышать, — я приму сторону короля Станниса». Но тучный лорд, уклончиво улыбнувшись, ответил так:

— Теперь и я поеду на свадьбу. Я слишком толст, чтобы сесть на коня, это всякому видно. Мальчонкой я любил ездить, а юношей даже на турнирах иногда побеждал, но те дни миновали. Собственное тело стало для меня тюрьмой похуже Волчьего Логова, но в Барроутон все равно ехать надо. Русе Болтон, прячущий под бархатной учтивостью сталь, хочет, чтобы я склонил перед ним колени. Я поеду туда на барже, а после в носилках, с сотней моих рыцарей и своими друзьями из Близнецов. Фреи прибыли к нам морем, и лошадей у них нет, поэтому я каждому подарю доброго скакуна. На юге гостям тоже делают такие подарки?

— Случается, милорд… когда гость уезжает.

— Тогда вы меня поймете. — Виман Мандерли величественно поднялся на ноги. — Я уже год как строю военные корабли. Некоторые вы видели, еще столько же укрыто на Белом Ноже. Тяжелой конницы даже после недавних потерь у меня больше, чем у любого лорда к северу от Перешейка. Стены мои крепки, подвалы полны серебра. За мной пойдут Старый Замок и Вдовий Дозор. В знаменосцах у меня числится дюжина мелких лордов и сотня рыцарей-землевладельцев. Я могу привести к королю Станнису всех, кто обитает восточнее Белого Ножа, от Вдовьего Дозора и Бараньих Ворот до Овечьих холмов и истоков Сломанной Ветви. Могу — и сделаю это, если вы взамен сделаете кое-что для меня.

— Я извещу короля о ваших условиях, но…

— Я сказал «вы сделаете». Вы, а не он. Я не в короле нуждаюсь, а в контрабандисте.

— Мы, возможно, никогда не узнаем, что произошло в Винтерфелле, — продолжил

Гловер, — когда сир Родрик Кассель попытался отбить его у Теона Грейджоя. Бастард Болтонский утверждает, что сира Родрика убил Теон, выйдя с ним на переговоры. Векс говорит, что это не так, — остается ждать, когда он выучит все прочие буквы. К нам он пришел, зная лишь «да» и «нет», так что расспросить его как следует пока затруднительно.

— Сира Родрика и всех жителей Винтерфелла убил бастард, — добавил лорд Виман. — Он же перебил и людей Грейджоя. Векс видел, как падали те, кто был готов сдаться. Мы спросили, как же он сам ушел, а он взял мел и нарисовал дерево с ликом.

— Значит, его спасли старые боги?

— Можно и так сказать. Он залез на сердце-дерево и спрятался в листьях. Люди Болтона обшарили богорощу дважды и убили всех, кого там нашли, но на деревья они не лазили — так ведь, Векс?

Парень подкинул кинжал, поймал его и кивнул.

— Он долго просидел наверху, — рассказывал Гловер, — даже спал там, боясь спуститься. Потом внизу послышались голоса.

— Голоса мертвых, — добавил лорд Виман.

Векс показал пять пальцев, коснулся кинжалом каждого, загнул четыре и тронул оставшийся.

— Их было шестеро, — понял Давос.

— И двое из них были убитые сыновья Неда Старка.

— Как же немой мог вам о них рассказать?

— С помощью мела. Он нарисовал двух мальчиков и двух волков.

— Парень, будучи Железным, счел за лучшее не высовываться, — продолжал Гловер, — но слушал внимательно. Эти шестеро недолго задержались в разрушенном замке: четверо ушли в одну сторону, двое в другую. За этими двумя, за женщиной с мальчиком, и пошел Векс. Должно быть, он держался с подветренной стороны, поскольку волк его не учуял.

— Он знает, где их искать, — добавил лорд Виман.

— Вам нужен этот мальчик, — сообразил Давос.

— Раз у Русе Болтона есть дочь лорда Эддарда, Белая Гавань должна заполучить его сына… и лютоволка. Волк докажет, что мальчик на самом деле сын Неда, если Дредфорт будет это оспаривать. Такова моя цена, лорд Давос. Привезите мне моего сюзерена, и я признаю Станниса Баратеона своим королем.

Давос по старой привычке взялся за грудь, где некогда прятал ладанку с костями от своих пальцев. Сейчас пропавшие талисманы очень бы пригодились ему.

— У вас на службе состоят рыцари, лорды и мейстеры, — сказал он. — Зачем вам контрабандист? И корабли у вас тоже есть.

— Корабли-то есть, да люди на них — либо речники, либо рыбаки, дальше Укуса никогда не ходившие. Для такого дела мне нужен опытный моряк, побывавший в опасных водах и переделках.

— Где же он, ваш мальчик? — Давос предчувствовал, что ответ ему не понравится. — Куда милорд хочет меня послать?

— Покажи ему, Векс, — сказал Гловер.

Немой, еще раз подкинув и поймав кинжал, метнул его в висящую на стене карту и усмехнулся.

Давосу вдруг очень захотелось назад в Волчье Логово, к сиру Бартимусу с его рассказами и Гарту с его славными девочками. Лучше бы его день-деньской кормили овсянкой, чем к людоедам на съедение посылать.

ДЕЙЕНЕРИС

Каждое утро королева, поднявшись на западный парапет, пересчитывала паруса в заливе. Сегодня вместе с теми, что мелькали на горизонте, их было двадцать пять. Она,

конечно, могла ошибиться, пропустить один из них, а другой сосчитать дважды, но что за важность. Душителю и десяти пальцев довольно. Всякая торговля прекратилась, рыбаки боятся выходить в море. Самые смелые еще закидывают удочки в реку, хотя и это рискованно, но большинство лодок так и стоит на приколе под пестрыми стенами Миэрина.

Там, в заливе, есть и миэринские корабли, как торговые, так и военные. Капитаны увели их, когда войско Дени подошло к городу, а теперь привели назад, на подмогу флотам Кварта, Толоса и Нового Гиса.

Адмиральский совет не предложил ничего мало-мальски путного.

— Покажите им ваших драконов, — сказал Гролео. — Если юнкайцев поджарить, торговля мигом возобновится.

— Нас душит неприятельский флот, а вы толкуете о драконах, — ответила Дени. — Вы адмирал или нет?

— Адмирал без кораблей.

— Так постройте их.

— Корабли из кирпича не построишь, а весь лес в окружности двадцати лиг рабовладельцы сожгли.

— Значит, поезжайте за двадцать две лиги. Я дам вам рабочих, повозки, мулов — все, что потребуется.

— Я моряк, а не кораблестроитель. Меня послали доставить ваше величество в Пентос, а вы привели нас сюда и разобрали мой «Садулеон» на доски и гвозди. Больше уж такого корабля у меня не будет, и ни дома, ни старухи своей мне не видать. Не я отказался от кораблей, предложенных Даксосом, а на рыбачьих лодках с Квартом сражаться нельзя.

Дени начинала задумываться, не следует ли внести седого пентошийца в число ее трех изменников — но нет, он просто старик, утративший надежду когда-либо вернуться на родину.

— Должен же быть какой-нибудь выход.

— Я уже назвал вам его. Из чего сделаны корабли? Из канатов, смолы, парусины. Из квохорской сосны, сотороссского тика, норвосского дуба, тиса, ясеня, ели. Все это хорошо горит, и драконы…

— Вы опять за свое. Оставьте меня и просите своих пентошийских богов о буре.

— Ни один моряк не станет молить о шторме, ваше величество.

— Я устала слушать о том, чего вы не желаете делать. Ступайте.

— Запасов у нас вдоволь, — напомнил ей сир Барристан. — Ваше величество изволили посеять пшеницу, посадить бобы, возродить виноградники. Ваши дотракийцы очистили холмы от рабовладельцев и освободили рабов. Когда поспеет тамошний урожай, его привезут в Миэрин. И с Лхазарином вы теперь в дружбе.

Ее завязал Даарио, чего бы эта дружба ни стоила.

— Жаль, что у ягнят нет зубов.

— Да… это заставило бы волков призадуматься.

Дени посмеялась и спросила:

— Как там ваши сиротки, сир?

— Благодарю за вопрос, ваше величество, — улыбнулся старый рыцарь — он гордился своими мальчиками. — Из четверых-пятерых рыцари определенно получатся. Может, и дюжина наберется.

— Довольно и одного, лишь бы на вас был похож. — Скоро настанет время, когда каждый рыцарь будет у нее на счету. — Не хотите ли устроить турнир? Я бы с удовольствием посмотрела. — Визерис рассказывал ей о турнирах в Семи Королевствах, но сама Дени такого зрелища ни разу не видела.

— Они еще не готовы, ваше величество, но вскорости мы будем рады себя показать.

— Скорее бы. — Дени хотела поцеловать старого рыцаря, но тут вошла Миссандея.

— Скахаз просит принять его, ваше величество.

— Хорошо, пусть поднимется.

Лысого сопровождали двое Бронзовых Бестий в масках ястреба и шакала — одни только глаза и видны.

— Ваша блистательность, Гиздар прошлым вечером вошел в пирамиду Цхаков и вышел оттуда лишь ночью.

— Сколько всего он посетил пирамид?

— Эта одиннадцатая.

— А сколько дней прошло с тех пор, как прекратились убийства?

— Двадцать шесть, — со злобой ответил Лысый. Именно он предложил следить за всеми действиями нареченного королевы.

— Гиздар пока держит слово.

— Вопрос, как он добился этого. Попросил Сынов Гарпии спрятать ножи? Он один из них, говорю вам, потому они и послушались. Может, он и есть Гарпия.

— Если Гарпия существует, — ответила она. Скахаз был уверен, что где-то в городе скрывается генерал, командующий теневой армией, но Дени не разделяла его уверенности. Бронзовые Бестии хватали Сынов Гарпии десятками, и те порой называли на допросах какие-то имена, но имен было слишком уж много. Хорошо бы, конечно, приписать все преступления одному-единственному врагу, который в конце концов попадется и будет казнен, но Дени подозревала, что врагов у нее на самом деле не счесть.

— Гиздар зо Лорак — человек влиятельный и богатый, — продолжала Дени. — Быть может, он купил мир за свое золото или убедил других знатных господ, что наш брак им только на пользу.

— Если он и не Гарпия, то знает, кто такой Гарпия. Выяснить это просто. Позвольте мне допросить Гиздара, и он сразу сознается.

— Не верю я подобным признаниям. Ты добываешь их с большой легкостью, а толку нет.

— Ваша блистательность…

— Я сказала «нет».

Набычившись, Лысый сделался еще безобразнее.

— Вы совершаете ошибку. Великий господин Гиздар морочит вашему великолепию голову. Хотите впустить на свое ложе змею?

Она хотела, чтобы на ложе с ней был Даарио, но прогнала его прочь ради Скахаза и его земляков.

— Продолжай следить за Гиздаром, но не причиняй ему зла. Ты понял?

— Я не глухой, ваше великолепие. Слышу и повинуюсь. — Лысый достал из рукава пергаментный свиток. — Взгляните вот на это, ваше великолепие. Список всех миэринских кораблей, участвующих в блокаде, с их капитанами. Все они великие господа.

В списке числились все знатные фамилии Миэрина: Хазкары, Мерреки, Кваццары, Цхаки, Раздары, Газины, Пали. И Резнаки тоже, и Лораки.

— И что же?

— У каждого из списка в городе есть родные. Сыновья, братья, родители, жены и дочери. Позвольте Бронзовым Бестиям взять их под стражу, и корабли будут вашими.

— Если я пошлю в пирамиды Бестий, в городе вспыхнет война. Доверимся Гиздару в надежде, что он добьется мира. — Дени поднесла пергамент к свече и сожгла под злобным взглядом Скахаза.

Ее брат Рейегар гордился бы ею, сказал сир Барристан, и Дени вспомнилось, что говорил в Астапоре сир Джорах. Рейегар сражался отважно, благородно, по-рыцарски — и погиб.

Спустившись в чертог из пурпурного мрамора, она увидела, что там почти пусто.

— Разве сегодня просителей нет? — спросила она. — Никто не хочет получить серебро за овцу?

— Нет, ваше великолепие, — ответил Резнак. — Город охвачен страхом.

— Чего они боятся? Не понимаю.

Но бояться, как она убедилась в тот же вечер, было чего. Пока маленькие заложники Миклаз и Кезмия накрывали ей скромный ужин из осенней зелени и имбирного супа, Ирри доложила, что к королеве пришла Галацца Галар с тремя Лазурными Благодатями.

— И Серый Червь тоже ожидает, кхалиси. Говорят, по неотложным делам.

— Проводи их в мой чертог, вызови Резнака и Скахаза. Зеленая Благодать не сказала, зачем пришла?

— Астапор, — ответила Ирри.

Первым говорил Серый Червь.

— Всадник на бледном коне выехал из утреннего тумана. Кобыла, розовая от крови и пены, с выкаченными от ужаса глазами, едва добрела до ворот. «Горит», — крикнул всадник и свалился с седла. Ваш слуга, за которым послали, велел отнести его к Лазурным Благодатям. Когда умирающего вносили в ворота, он еще раз сказал «горит». Под его токаром скрывался скелет, охваченный лихорадкой.

— Безупречные принесли этого человека в храм, — продолжила одна из Лазурных. — Мы раздели его, обмыли холодной водой. В бедре у него сидела стрела. Древко он отломил, но острие застряло внутри, и рана из-за этого воспалилась. Он умер час спустя, повторяя «горит, горит».

— Что горит?

— Астапор, ваша блистательность, — пояснила другая Лазурная Благодать. — Однажды он так и сказал: «Астапор горит».

— Быть может, он бредил.

— Мудрая мысль, ваша блистательность, — сказала Галацца Галар, — но Эзарра заметила еще кое-что.

— Королева, — зашептала Лазурная Благодать по имени Эзарра, — горячку вызвала не стрела. Одежда раненого сильно замарана, и в нечистотах видна засохшая кровь.

— Серый Червь говорил, что его лошадь тоже была в крови.

— Верно, ваше величество, — подтвердил евнух. — От шпор.

— Пусть так, но кровь и на подштанниках есть.

— Кровь шла из кишок, — подытожила Галацца Галар.

— Уверенности пока нет, — добавила Эзарра, — но Миэрину, возможно, стоит опасаться не только юнкайских копий.

— Мы будем молиться, — сказала Зеленая Благодать. — Этого человека послали нам боги. Он и вестник, и знак.

— Знак чего? — не поняла Дени.

— Гнева и гибели.

В это Дени совсем не хотелось верить.

— Один-единственный человек со стрелой в ноге? Его принесла сюда лошадь, боги тут ни при чем. — Бледный конь… сивая кобыла! Дени поднялась. — Благодарю за известие и за все, что вы сделали для несчастного.

Зеленая Благодать, прежде чем уйти, поцеловала королеве пальцы и пообещала молиться за Астапор.

«И за меня тоже, — мысленно добавила Дени. — Пожалуйста». Если Астапор пал, ничто не помешает Юнкаю пойти на север.

— Пошлите в холмы гонцов за моими кровными всадниками, — сказала она сиру Барристану. — И за Бурым Беном с Младшими Сыновьями.

— За Воронами-Буревестниками тоже, ваше величество?

«Даарио…»

— Да. Да. — Три ночи назад ей приснилось, что Даарио лежит мертвый у дороги, глядя в небо безжизненными глазами, и вороны дерутся над его трупом. В другие, бессонные ночи ей представлялось, что он предал ее, как когда-то своих соратников-капитанов. Он принес Дени их головы — что, если теперь он уведет свой отряд в Юнкай и продаст за горшок золота саму Дени? Нет, он неспособен на такое… или способен? — За ними тоже. Немедля.

Младшие Сыновья вернулись первыми, всего через восемь дней после отправки гонцов. Когда сир Барристан доложил, что королеву желает видеть ее капитан, у Дени дрогнуло сердце, но это был не Даарио, а Бурый Бен Пламм.

Волосы у него были белые, а обветренное, испещренное шрамами лицо походило цветом на тиковое дерево. Дени на радостях обняла его.

— Я слыхал, что ваше величество собирается замуж, но никто не упредил меня, что жених — это я, — удивился Бен. Они с Дени посмеялись, забавляясь возмущением Резнака, а потом капитан сказал: — Мы поймали трех астапорцев. Вашему величеству надо бы послушать, что они говорят.

— Хорошо, приведи их.

Дени приняла их в большом чертоге, где горели между колоннами высокие свечи. Увидев, как они отощали, королева тотчас же велела принести им еды. Из Красного Города их бежало двенадцать, но выжили только трое: каменщик, ткачиха и сапожник.

— Что же стало с другими? — спросила Дени.

— Убили их, — ответил сапожник. — Юнкайские наемники рыщут в холмах севернее города и вылавливают всех беглецов.

— Значит, город пал? Несмотря на прочные стены?

— Так ветшают они, стены-то, — сказал согбенный, со слезящимися глазами каменщик. — Крошатся.

— Каждый день мы ждали, что драконья королева вернется к нам, — прошелестела иссохшими губами ткачиха. — «Клеон послал за ней, — говорили мы. — Скоро она придет».

Да, он и впрямь за ней посылал… это по крайней мере не выдумка.

— Юнкайцы забрали наш урожай и вырезали наш скот, — подхватил сапожник. — В городе начался голод. Мы ели кошек, крыс, дубленую кожу. Лошадиная шкура почиталась за пир. Король-головорез и королева-шлюха обвиняли один другого в людоедстве. Люди собирались украдкой, бросали жребий и съедали того, кто вытягивал черный камень. Пирамиду Наклозов разграбили и сожгли — прошел слух, будто во всех наших бедах виноват Кразнис мо Наклоз.

— Некоторые винили во всем Дейенерис, — продолжала ткачиха, — но мы их не слушали. Мы любили тебя. «Она уже идет, — говорили мы. — Ведет сюда свое войско, везет нам съестное».

Хорошо бы ей своих прокормить. Выступив на Астапор, она потеряла бы Миэрин.

Сапожник рассказал, как выкопали и облачили в доспехи труп короля-мясника: местной Зеленой Благодати было видение, что он избавит их от юнкайцев. Мертвец, привязанный к истощенной лошади, выехал на бой во главе новых Безупречных, но железные зубы Нового Гиса искрошили всех до единого.

— Зеленую Благодать посадили на кол на площади Кары. В пирамиде Ульхоров всю ночь пировали, а под утро выпили отравленного вина. Начался кровавый понос, от которого из каждых четверых умирали трое. Больные, вконец обезумев, перебили стражу у главных ворот.

— Это как раз здоровые сделали, — поправил каменщик. — Чтобы уйти из города.

— Да какая разница, — пробормотал сапожник. — Главное, что ворота открыли. Сначала в Астапор вошли легионы Нового Гиса, следом юнкайцы и наемная конница. Королева-шлюха погибла, сражаясь с ними и проклиная их. Король-головорез сдался. Его бросили в бойцовую яму на растерзание голодным собакам.

— Даже и тогда мы не перестали верить, что ты придешь, — тянула свое ткачиха. — Клялись, будто видели тебя над юнкайским лагерем верхом на драконе. Каждый день мы высматривали тебя.

Она не могла прийти. Не посмела.

— Что произошло после падения города? — спросил Скахаз.

— Бойня. Легионеры запечатали Храм Благодати, где больные молили богов об исцелении, и подожгли его. Вскоре пожары запылали во всем Астапоре. Люди метались по

улицам, пытаясь спастись, но выхода не было: юнкайцы никого не выпускали из города.

— Вы-то, однако, ушли, — заметил Скахаз.

— Я по ремеслу каменщик, как и отец мой, и дед. Дом наш, еще дедом поставленный, лепится к городской стене — разобрал ее по кирпичикам, и готово. Друзья, которым я рассказал об этом, помогли мне проделать ход.

«Я оставила совет для управления этим городом, — думала Дени. — Лекаря, ученого и жреца». Красный Город помнился ей сухим и пыльным — ему снились жестокие сны, но жизнь в нем кипела. На островках посреди реки Червь встречались влюбленные, на площади Кары с людей спускали кожу полосками и вывешивали их на поживу мухам.

— Вы хорошо сделали, что пришли, — сказала она астапорцам. — В Миэрине вы сможете жить спокойно.

Сапожник поблагодарил ее, старый каменщик поцеловал ей ноги, но ткачиха ничуть не смягчилась. «Она знает, что я лгу, — поняла Дени. — Знает, что покоя им здесь не видать. Астапор горит, а за ним придет черед Миэрина».

— За ними придут другие, — сказал Бурый Бен, когда беглецы вышли. — У этих лошади были, а большинство идет пешим ходом.

— Сколько же их? — спросил Резнак.

— Сотни, — пожал плечами Бен. — Тысячи. Больные, обожженные, раненые. Коты и Сыны Ветра гонят их на север бичами и копьями, убивая отставших.

— Ходячие рты… да еще и больные? — заломил руки Резнак. — Не надо бы пускать их в город, ваше величество.

— Точно, — согласился с ним Бен. — Я, конечно, не мейстер, но гнилые яблоки с хорошими лучше не смешивать.

— Это не яблоки, Бен, — сказала Дени. — Это люди, мужчины и женщины. Больные, голодные и напуганные. — Ее дети. — Напрасно я не помогла Астапору.

— Их все равно было не спасти, ваше величество, — заметил сир Барристан. — Вы предупреждали короля Клеона, что война с Юнкаем его погубит. Он был глупец и обагрил свои руки кровью.

Разве ее руки чище? Даарио говорил, что все короли — либо мясники, либо мясо.

— Он был врагом наших врагов. Встретившись у Рогов Хаззат, мы бы раздавили Юнкай совместно.

— Как только вы увели бы Безупречных на юг, Сыны Гарпии… — возразил ей Скахаз.

— Знаю, знаю. История Ероих повторилась снова.

— Что за Ероих такая? — спросил Бен Пламм.

— Девушка-лхазарянка, которую я, как мне думалось, спасла от насильников… но в конечном счете ей пришлось еще хуже. В Астапоре я оставила десять тысяч таких Ероих.

— Ваше величество не могли знать…

— Я королева. Я обязана была знать.

— Прошлого не воротишь, — заявил Резнак. — Молю вас, ваше великолепие, не медлите: сделайте благородного Гиздара своим королем. Пусть он договорится с мудрыми господами о мире.

— Мир? На каких условиях? — «Остерегайся душистого сенешаля», — сказала Куэйта. Сивую кобылу она предсказала верно — может, и относительно благородного Резнака не ошиблась? — При всей своей молодости и малой осведомленности в военных делах я все-таки не ягненок, покорно идущий в логово гарпии. У меня есть мои Безупречные, и Вороны-Буревестники, и Младшие Сыновья, а также три отряда вольноотпущенников.

— Еще и драконы, — ухмыльнулся Бен Пламм.

— В яме! — воздел руки Резнак. — В цепях! Что пользы в драконах, которыми нельзя управлять? Даже Безупречные боятся открывать двери, чтобы их покормить.

— Как? Любимчики королевы? — опешил Бен. Этот наемник, в котором смешалось полдюжины разных кровей, всегда любил драконов, а они любили его.

— Хороши любимчики. Чудовища, пожирающие детей. Мы не можем…

— Довольно, — прервала его Дени. — Об этом мы говорить не будем.

Резнак съежился, напуганный яростью в ее голосе.

— Простите, ваше великолепие, я не…

Его утихомирить было легко, а вот Бена…

— Ваше величество, у юнкайцев три вольных отряда против двух ваших. Говорят еще, будто они послали в Волантис за Золотыми Мечами, а их десять тысяч, ублюдков этих. Кроме наемников, у Юнкая четыре гискарских легиона — а то и больше, — и в Дотракийское море тоже будто бы послано, чтоб натравить на нас большой кхаласар. Без драконов нам зарез, вот что я вам скажу.

— Прости, Бен, я не осмелюсь их выпустить, — вздохнула Дени.

Бена такой ответ не устроил. Он поскреб свои пестрые бачки и сказал:

— Если без драконов, надо уносить ноги, покуда западня не захлопнулась… только пусть рабовладельцы нам за это заплатят. От кхалов они откупаются, чем мы хуже? Получим выкуп за ихний город и двинем на запад с полными телегами золота, самоцветов и прочего.

— Хочешь, чтобы я ограбила Миэрин и сбежала? Нет, Бен, этому не бывать. Готовы ли мои вольноотпущенники к войне, Серый Червь?

— Они не Безупречные, однако не посрамят вас. — Евнух торжественно скрестил руки. — Ваш слуга клянется вам в этом копьем и мечом.

— Хорошо. — Дени обвела взглядом присутствующих. Набычившийся Скахаз. Морщинистый, с грустными голубыми глазами сир Барристан. Бледный и потный Резнак. Бурый Бен, крепкий, как старая кожа. Гладкое бесстрастное лицо Серого Червя. Недостает только Даарио и трех кровных всадников — кровь ее крови должна идти в бой вместе с ней. И сира Джораха Мормонта. Он лгал Дени, доносил на нее, но любил ее и советы давал хорошие. — Я уже одерживала над Юнкаем победу и одержу снова. Вопрос в том, где и как.

— В поле хотите выйти? — недоверчиво произнес Лысый. — Но это безумие. Наши стены прочнее и выше, чем в Астапоре, да и защитники куда лучше. Этот город Юнкаю будет не по зубам.

— Не думаю, что нам следует ждать осады, — возразил ему сир Барристан. — Войско у рабовладельцев сборное, солдаты они никудышные. Если захватить их врасплох…

— Вряд ли это получится, — не уступал Лысый. — У Юнкая в городе много друзей.

— Какой численности армию мы можем выставить? — спросила Дени.

— Не слишком большую, ваше величество, — сказал Бурый Бен. — Что Нахарис на этот счет говорит? Без Ворон-Буревестников в бой не стоит идти.

— Даарио еще в поле. — Боги, неужели она послала его на смерть собственными устами? — Посылай своих Младших Сыновей на разведку, Бен. Нам нужно знать, где находится враг, как быстро он движется, сколько у него войска, и как оно расположено.

— Нам понадобится провиант и сменные кони.

— Конечно. Этим займется сир Барристан.

Бен поскреб подбородок.

— Неплохо бы еще пару мешков золота и каменьев… глядишь, и перекупим кого из капитанов, кто знает.

— Почему бы и нет. — На Спорных Землях это делалось постоянно. — Позаботься об этом, Резнак. Как только Младшие Сыновья отправятся, запрем ворота и удвоим стражу на стенах.

— Будет сделано, ваше великолепие, — сказал сенешаль, — но как нам быть с астапорцами?

С ее детьми…

— Они идут сюда за помощью и защитой. Прогонять их нельзя.

— Я видел, как кровавый понос косил целые армии, ваше величество, — нахмурился сир Барристан. — Сенешаль прав, в Миэрин их пускать не надо.

— Ну что ж. — Хорошо, что драконы не плачут… — Будем держать их за стенами, пока хворь не пройдет. Устроим для них лагерь к западу от города, у реки, дадим им

провизии сколько сможем. Больных хорошо бы отделить от здоровых. Что смотрите? Я дважды должна повторить? Ступайте и выполняйте, что вам приказано. — Дени встала, прошла мимо Бурого Бена, поднялась к себе на террасу.

Двести лиг отделяло Миэрин от Астапора, но ей казалось, что небо на западе заволокло дымами погибшего города. Из кирпича и крови выстроен Астапор, и люди в нем из кирпича и крови… Впору сложить новую поговорку: Астапор и его люди стали костями и пеплом. Дени пыталась вспомнить лицо Ероих, но черты девушки расплывались, как дым.

Когда она наконец отвела взгляд от горизонта, рядом стоял сир Барристан, закутанный в белый плащ по случаю вечерней прохлады.

— Ну что, идти нам в бой или нет? — спросила Дени.

— Война в природе человеческой, ваше величество, — спросите лучше, можем ли мы победить. Умирать легко, но победа дается трудно. Ваши вольноотпущенники плохо обучены и в боях не бывали. Ваши наемники прежде служили врагу, а кто сменил плащ однажды, вполне способен изменить снова. Двое ваших драконов не повинуются вам, третий пропал. В друзьях у вас за этими стенами одни лхазаряне, и воевать они не умеют.

— Зато сами стены крепкие.

— Не крепче, чем когда мы с вами стояли по ту их сторону. И в них вместе с нами живут Сыны Гарпии и великие господа. Неубитые и дети убитых.

— Знаю, — вздохнула Дени. — Что посоветуете, сир?

— Биться. Долгой осады в Миэрине, переполненном голодными ртами и недоброжелателями, боюсь, нам не выдержать. Позвольте мне встретить врага по пути на север, в месте, которое я выберу сам.

— Встретить врага? С необученными, не бывавшими в битвах вольноотпущенниками?

— Все мы когда-то побывали в битве впервые, ваше величество. Безупречные помогут им выстоять. Будь у меня пятьсот рыцарей…

— Или пять. Если я отдам вам Безупречных, Миэрин, кроме Бронзовых Бестий, защищать будет некому. — Сир Барристан ничего не возразил на это, и Дени стала молиться, закрыв глаза. «Боги, вы взяли у меня кхала Дрого, мое солнце и звезды. Взяли нашего сына еще до того, как он сделал свой первый вздох. Вы получили свою кровавую пеню, так помогите же мне. Откройте мне путь и дайте силу уберечь моих детей от беды».

Боги молчали.

— Я не могу сражаться сразу с двумя врагами, внешним и внутренним, — сказала Дейенерис, открыв глаза. — Для того, чтобы удержать Миэрин, надо объединить его. Мне нужен… — Она запнулась.

— Да, ваше величество? — мягко поторопил сир Барристан.

Королева принадлежит не себе. Своим подданным.

— Мне нужен Гиздар зо Лорак.

МЕЛИСАНДРА

В ее комнате никогда не бывало совсем темно. Три сальные свечи горели на подоконнике, отгоняя ужасы ночи, еще четыре по обеим сторонам от кровати. В очаге днем и ночью поддерживался огонь. Все ее слуги первым делом усваивали, что пламя никогда и ни в коем случае не должно гаснуть.

Красная жрица, помолившись, в который раз повернулась к огню. Она должна быть уверена. Ложные видения обманывали многих жрецов и жриц — они видели то, что хотели увидеть, не то, что посылал им Владыка Света. Станнис, возрожденный Азор Ахай, несущий на своих плечах судьбы мира, идет на юг, навстречу опасности. Рглор непременно должен показать, что его ожидает. «Покажи мне Станниса, Владыка, — молилась она. — Покажи мне своего короля, свое орудие».

Фигуры, золотые и алые, плясали, сменялись, переходили одна в другую — диковинные, страшные, соблазнительные. Безглазые лица вновь обращали к ней

окровавленные глазницы, башни у моря рушились под темным приливом. Черепа появлялись и таяли, тела смыкались в порыве страсти, извивались, терзали друг друга. По темному небу за языками огня проносились большие крылатые тени.

Девочка. Нужно еще раз найти ту девочку на умирающей лошади. Этого ждет от нее Джон Сноу. Ему мало знать, что девочка убежала: он спросит, где и когда, а Мелисандре нечего будет ответить. Он видела девочку только однажды, и та сразу же рассыпалась пеплом.

Вот показалось чье-то лицо — не Станнис ли? Нет, не он. Деревянный, мертвенно-белый лик. Враг? Пламя взметнулось, уставив на жрицу тысячу красных глаз: он видит ее. Мальчик рядом с ним задрал свою волчью голову и завыл.

Мелисандра содрогнулась. По бедру с внутренней стороны потекла дымящаяся черная кровь. Огонь наполнял ее сладкой мукой, жег и преображал. Жар ласкал кожу, как пальцы любовника, из прошлого слышались голоса. «Мелони», — позвала женщина, «Номер семь!» — крикнул мужчина.

Жрица плакала и глотала огненные жгучие слезы.

Снежинки слетали с неба, навстречу им поднимался пепел. Огненные стрелы летели поверх деревянной стены, мертвецы брели под серым утесом, где в сотне пещер горели костры. Задул ветер, поднялся белый, нестерпимо холодный туман, и костры один за другим стали гаснуть. Из всех картин в очаге остались лишь черепа, символы смерти.

Пламя потрескивало, шепча: «Джон Сноу». Его продолговатое лицо в оранжево-красной раме то возникало, то исчезало — тень, едва различимая за струящимся занавесом. То он человек, то волк, то опять человек. Черепа, не желавшие уходить, тесно обступали его. Мелисандра и раньше видела, что он в опасности, пыталась предостеречь его от врагов, от кинжалов во мраке. Но он не слушал.

Неверующие никогда не слушают, пока поздно не станет.

— Что вы видите, миледи? — тихо спросил мальчик.

«Черепа. Тысячу черепов и бастарда, в который уж раз». Мелисандра на такой вопрос всегда отвечала «многое», но на деле все было не так просто. Видеть — это искусство, а всякое искусство требует прилежания, дисциплины и мастерства. И боли. Рглор говорит с избранными через священный огонь на языке пепла, углей и мерцающей стихии, которую лишь богу дано понять до конца. Мелисандра занималась этим несчетное число лет и сполна заплатила цену. Никто во всем ордене не умеет разгадывать сокровенные тайны пламени лучше нее.

Сейчас, однако, она даже своего короля не может найти. Она молит об Азоре Ахай, а Рглор показывает ей одного только Сноу.

— Деван, — произнесла она пересохшим ртом, — дай мне попить.

— Да, миледи. — Мальчик подал ей чашу с водой из каменного кувшина.

— Спасибо. — Мелисандра, отпив глоток, улыбнулась ему.

Он вспыхнул. Мальчик наполовину влюблен: хочет ее, боится ее, поклоняется ей. И обижается, что вынужден ей прислуживать. Он так гордился своим званием королевского оруженосца, а Станнис оставил его в Черном Замке. Деван, как все мальчишки его возраста, грезит о славе — ему, конечно же, представлялись подвиги, которые он свершит в Темнолесье. Его сверстники-оруженосцы уехали на юг со своими рыцарями, он же сидит здесь будто наказанный, не зная, кто в этом виноват — он сам или его отец.

На самом деле это Мелисандра попросила, чтобы его не брали в поход. Четверо старших сыновей Давоса Сиворта погибли на Черноводной, когда зеленый огонь пожрал весь королевский флот. Девану, пятому, здесь безопаснее, чем с королем. Ни лорд Давос, ни он сам спасибо ей за это не скажут, но что за важность. Давос и без того уже перенес много горя. Он так и не обратился, но его верность Станнису сомнений не вызывает — она видела это в пламени.

Деван способен и понятлив, не в пример своим сотоварищам. Станнис оставил Мелисандре еще дюжину человек, но толку с них мало — все больше старики и калеки.

Один ослеп после удара по голове в битве у Стены, другой, придавленный конем, сильно хромает. Сержанту перебила руку великанская дубина, трое насиловали одичалых женщин, и Станнис их оскопил. Есть еще пара пьяниц и трус. Последнего, как признавал сам Станнис, повесить бы следовало, но он из благородной семьи, и его отец с братьями — преданные сторонники короля.

Личная охрана прибавляет ей уважения в глазах черных братьев, но в случае настоящей опасности ничем не поможет. Ничего. Мелисандре Асшайской неведом страх: ее охраняет Рглор.

Она попила воды, моргнула и поднялась, разминая затекшие мышцы. Когда так долго смотришь в огонь, к полумраку привыкаешь не сразу. И глаза сохнут, но тереть их нельзя — не сделать бы хуже.

Огонь догорал.

— Подбавь дров, Деван. Который час?

— Скоро рассвет, миледи.

Рассвет. Рглор, да славится имя его, дарует им еще один день. Ужасы ночи уходят. Мелисандра, как с ней бывало нередко, просидела всю ночь у огня — в постель она после отъезда Станниса почти не ложилась. Когда несешь на плечах всё бремя этого мира, спать непозволительно, да и страшно. Сон — это малая смерть, сновидения — шепот Иного, который всех норовит утащить в свою вечную ночь. Лучше уж сидеть в благословенном зареве своего бога, подставляя щеки жарким поцелуям огня. Иногда она задремывала, но больше часа это не длилось. Она молилась о том, чтобы совсем не спать, не видеть никаких снов. «Мелони, — мысленно проговорила она, — номер семь».

Огонь, подкормленный Деваном, воспрял и разогнал по углам тени, развеял нежеланные сны. Тьма вновь отступила, но там, за Стеной, крепнет враг. Если он победит, рассвет больше никогда не настанет. Не его ли она только что видела в пламени? Нет. Нет. Он должен быть намного страшнее — ни один человек, узревший его, не может остаться в живых. Но тот деревянный и мальчик с волчьей головой — его слуги, сомнений нет. Станнис за нее, они за врага.

Мелисандра подошла к окну, распахнула ставни. На востоке едва брезжило, утренние звезды еще не погасли, но замок пробуждался, и люди в черных плащах шли через двор. Поедят овсянки на завтрак и сменят на Стене своих братьев.

Ветер занес в окно горстку снежинок.

— Принести миледи завтрак? — спросил Деван.

Да, поесть не мешает — хотя бы для видимости. Рглор дает ей все, что необходимо для жизни, однако смертные об этом знать не должны.

Джон Сноу был нужен ей куда больше, чем хлеб с салом, но посылать за ним Девана бесполезно: лорд-командующий на ее зов не придет. Он так и живет за оружейной, в двух комнатках, которые занимал прежде погибший кузнец. То ли не считает себя достойным Королевской башни, то ли ему все равно. Такая скромность сродни гордыне, но Сноу по молодости этого не понять. Неразумно правителю отказываться от символов своей власти — власть в немалой степени зависит и от них тоже.

Впрочем, этот юноша не так уж наивен. К Мелисандре он ни за что не придет: когда он ей нужен, она приходит к нему сама, а он то ждать ее заставляет, то вовсе отказывается принять.

— Да, — сказала она. — Крапивный чай, вареное яйцо и хлеб с маслом — не поджаренный, если можно. И одичалого ко мне позови.

— Гремучую Рубашку, миледи?

— Да поскорее.

Мелисандра умылась, переоделась. Зарядила, как всегда по утрам, рукава порошками: в каждый потайной кармашек свою щепотку. Порошки делают огонь зеленым, синим или серебряным, заставляют его реветь, шипеть, взвиваться выше головы человека — а еще вызывают дым. Дым правды, дым плотской любви, дым страха и густой черный дым,

который убивает на месте.

Резной сундучок, привезенный Мелисандрой из-за Узкого моря, на три четверти уже пуст. Она могла бы смешать новые порошки, но ей недостает составляющих. Придется обойтись чарами, которые у Стены даже сильней, чем в Асшае. Здесь у нее получается то, что никогда прежде не получалось. Тени, порожденные ею, будут ужасны, и ни одно порождение тьмы не выстоит против них. При такой мощи у нее скоро отпадет надобность в измышлениях алхимиков и пиромантов.

Сундучок она заперла на ключ, который спрятала в еще один кармашек под юбками. Как только она это сделала, в дверь постучали. Ее однорукий сержант, скорее всего — он всегда стучит тихо.

— К вам Костяной Лорд, миледи.

— Пусть войдет, — разрешила жрица, вновь садясь на свой стул у огня.

Одичалый явился без своих костяных доспехов, в поношенном зелено-буром плаще и безрукавке из вареной кожи с бронзовыми заклепками. Кроме плаща, его окутывали серые туманные струйки, столь же мерзостные, как прежние кости. Мысок волос на лбу, близко посаженные глаза, впалые щеки, похожие на червяка усики, зубы испорченные.

Рубин на шее жрицы шевельнулся, чуя, что пришел его раб.

— Что ж ты доспехи снял? — спросила она.

— Уж больно гремят, с ума сойти можно.

— Не страшно без них? Черные братья тебя не любят. Деван говорит, ты вчера с кем-то повздорил за ужином.

— Было дело. Ем я, значит, бобовый суп, а Боуэн Мурш объявляет меня шпионом: я, мол, слушаю, как они совещаются. «Так не совещайтесь у очага, — говорю я, — никто вас и не услышит». Краснорожий побагровел еще пуще — я уж думал, он задохнется, но на этом и все. — Одичалый, присев на край подоконника, вынул кинжал из ножен. — Если кому из ворон неймется зарезать меня за едой, пусть попробуют. Хоббовой каше кровь только вкуса придаст.

Мелисандру не смутил обнаженный клинок. Если бы одичалый хотел причинить ей вред, она бы увидела это в пламени. Видеть злые умыслы против себя самой она научилась еще девочкой, рабыней при красном храме. Их она искала первым делом, садясь у огня.

— Тебя должны беспокоить их глаза, а не их ножи.

— Из-за него-то? — Он постучал ножом по рубину, вделанному в железный браслет на запястье — камень будто пульсировал. — Я чувствую его, когда сплю. Он греет даже сквозь железо, как поцелуй женщины. Ваш поцелуй. Но иногда мне снится, что он меня жжет, а вы запускаете в меня зубы. Днем мне хочется его выковырнуть, но я почему-то не делаю этого. Неужто я и треклятые кости должен носить?

— Чары слагаются из теней и внушения: люди видят то, что ожидают увидеть. Эти твои кости — часть волшебства. — Не ошиблась ли она, пощадив этого человека? — Если чары спадут, ты будешь убит.

— Песня моя пропета, — сказал одичалый, чистя кинжалом ногти. — Я сражался, пил летнее вино, спал с дорнийкой. Придет мой час — умру, как и жил, со сталью в руке.

Неужели он хочет умереть? Не враг ли, царствующий над смертью и мертвыми, наущает его?

— Скоро твоей стали найдется работа. Истинный враг грядет. Еще до конца дня разведчики лорда Сноу вернутся сюда с окровавленными глазницами.

Одичалый сощурил собственные глаза — серые или карие? Их цвет менялся при каждой вспышке рубина.

— Стало быть, Плакальщик поработал. «Хорошая ворона — слепая ворона», — говорит он. Ему, поди, и свои гляделки выдрать охота, так он их трет. Сноу думает, что вождем вольного народа теперь станет Тормунд: бастард наш Тормунда полюбил и сам старому мошеннику приглянулся. А что, если это будет не Тормунд, а Плакальщик? Худо тогда придется и Сноу, и нам.

Мелисандра кивнула, хотя Плакальщик, как и весь вольный народ, ничего для нее не значил. Пропащее племя, обреченное исчезнуть с лица земли, как исчезли некогда Дети Леса, — но Костяному Лорду, который ей пока еще нужен, незачем об этом сообщать.

— Хорошо ли ты знаешь Север?

Он спрятал нож.

— Не хуже других разбойничков. Одни места лучше, другие хуже — Север большой. А что?

— Девочка в сером на умирающей лошади. Сестра Джона Сноу. — «Кто же еще? Она бежит к нему под крыло», — это Мелисандра поняла ясно. — Я видела ее в пламени лишь однажды. Мы должны спасти ее, чтобы завоевать доверие лорда-командующего.

— Кто, я? Костяной Лорд? — Одичалый расхохотался. — Гремучей Рубашке разве дураки доверяют, а Сноу у нас не дурак. Почему он своих ворон не посылает сестру спасать?

— Он не такой, как ты. Он дал клятву и соблюдает ее, но ты не брат Ночного Дозора и можешь сделать то, чего он не может.

— Если благородный лорд-командующий дозволит. Огонь не открыл вам, где девчонку искать?

— Я видела воду. Тихую, глубокую, подернутую тонким ледком. Конца этому водоему не было видно.

— Длинное озеро. Что еще вокруг видели?

— Холмы. Поля. Деревья. Камни. Однажды показался олень. Деревень она избегает и при каждом удобном случае переправляется через ручьи, чтобы сбить погоню со следа.

— Плохо дело, — нахмурился Костяной Лорд. — Едет она, вы говорите, на север… Озеро к востоку от нее или к западу?

Мелисандра зажмурилась, вспоминая.

— К западу.

— Значит, не по Королевскому тракту путешествует. Умница. С той стороны меньше глаз и больше укрытий. Есть норы, которыми я сам… — Услышав рог, он запнулся. Сейчас во всем Черном Замке тихо: все как один прислушиваются, обернувшись к Стене. Один сигнал рога означает, что разведчики возвращаются, но если рог протрубит дважды…

«День настал, — подумала жрица. — Придется лорду Сноу меня выслушать, хочет он того или нет».

После долгой скорбной ноты воцарилась долгая тишина.

— Один раз, — сказал наконец одичалый. — Разведчики.

— Мертвые разведчики. — Мелисандра поднялась с места. — Надень свои кости и жди меня здесь.

— Я с вами.

— Не дури. Когда они увидят то, что им предстоит, любой одичалый их приведет в бешенство. Сиди здесь, пока они не остынут.

Спускаясь по лестнице Королевской башни в сопровождении двух солдат Станниса, Мелисандра встретила Девана с завтраком на подносе.

— Я ждал, когда Хобб достанет свежий хлеб из печи, миледи. Вот, горячий еще.

— Оставь в комнате. — Одичалый все приберет, и прекрасно. — Я нужна лорду Сноу там, за Стеной. — Он пока еще не знает этого, но скоро узнает.

Шел легкий снег. Вороны, столпившиеся у ворот, дали Мелисандре дорогу. Лорд-командующий уже прошел на ту сторону с Боуэном Муршем и двадцатью копейщиками, послав на Стену дюжину лучников на случай, если в лесу затаился враг. Часовые, не будучи людьми королевы, жрицу тем не менее пропустили.

В извилистом ледяном туннеле было темно и холодно. Морган шел впереди с факелом, Меррел позади с топором. Оба были безнадежные пьяницы, но в столь ранний час еще не успели напиться. Они назывались людьми королевы и питали спасительный страх перед красной женщиной, а Меррел в трезвом виде мог сойти за грозного воина. Сегодня они ей не понадобятся, но Мелисандра взяла за правило не выходить никуда без пары охранников.

Символы власти, без них никто не обходится.

На той стороне снег уже валил хлопьями, покрывая изрытую землю от Стены до опушки леса. Джон Сноу и его черные братья собрались ярдах в двадцати вокруг трех копий.

Одно восьмифутовое ясеневое древко слегка погнулось, остальные стояли ровно. На всех трех были насажены головы в белых снежных колпаках. Бороды обмерзли, пустые окровавленные глазницы с немым укором смотрели вниз.

— Как их звали? — спросила Мелисандра.

— Черный Джек Бульвер, Волосатый Хел, Гарт Серое Перо, — торжественно перечислил Боуэн Мурш. — Земля сильно застыла — одичалые должны были половину ночи вкапывать эти копья. Возможно, они еще где-то здесь и следят за нами. — Лорд-стюард, щурясь, посмотрел на Зачарованный лес.

— Может, их там целая сотня, — сказал черный брат с кислым лицом, — а может, и тысяча.

— Нет, — возразил Джон Сноу. — Они подбросили свои дары среди ночи и сразу удрали. — Его белый лютоволк, бегавший вокруг копий, задрал ногу и помочился на древко с головой Джека Бульвера. — Призрак учуял бы, будь они здесь.

— Надеюсь, тела Плакальщик сжег, — сказал тот же нытик по прозвищу Скорбный Эдд. — Не то они явятся требовать свои головы.

Сноу рывком извлек из земли копье с головой Гарта.

— Возьмите остальных, — приказал он, и четверо ворон сразу занялись этим.

— Не надо было нам посылать их, — сказал раскрасневшийся на холоде Боуэн Мурш.

— Плохое время и место, чтобы сыпать соль на рану, милорд. Головы сожгите, чтобы одни черепа остались. — Сказав это тем, кто возился с копьями, Сноу соизволил обратить внимание на красную жрицу: — Не хотите ли пройтись со мной немного, миледи?

Вот оно, наконец.

— Как будет угодно лорду-командующему.

Она взяла его под руку. Морган и Меррел шли сзади, за ними следовал Призрак. Жрица намеренно замедлила шаг. Там, где она проходила, Стена начинала таять, и Сноу не мог не замечать этого.

Под зарешеченной бойницей он первым нарушил молчание, чего Мелисандра и добивалась.

— Остались еще шестеро… они живы?

— Их я не видела.

— Не посмотрите ли?

— Непременно, милорд.

— Сир Деннис Маллистер из Сумеречной Башни прислал нам ворона. Они все время наблюдают костры в горах по ту сторону Теснины. Сир Деннис полагает, что одичалые скапливаются и скоро опять пойдут на приступ Моста Черепов.

Быть может, черепа в ее видении обозначали мост? Нет, вряд ли.

— Если они и предпримут такую атаку, то лишь с целью отвлечь вас. Я видела башни у моря, захлестнутые кровавым приливом, — там они и нанесут свой главный удар.

— Восточный Дозор?

В этой крепости Мелисандра побывала с королем Станнисом. Там его величество оставил королеву Селису и принцессу Ширен, прежде чем повести своих рыцарей в Черный Замок. Башни в огне были другие, но видения не всегда соблюдают точность.

— Да, милорд. Восточный Дозор.

— Когда это случится?

— Завтра, на следующую луну, через год, — развела руками она. — Ваши действия могут вовсе отменить то, что я видела. — «А иначе какая польза от этих видений?» — мысленно добавила она.

— Это хорошо.

Когда они опять прошли в замок, народу у ворот стало больше. Кое-кого Мелисандра

знала: повар Трехпалый Хобб, Малли с сальными рыжими волосами, дурачок Оуэн Олух, всегда пьяный септон Селладар.

— Так это правда, милорд? — спрашивал Хобб.

— Не Дайвина ли, часом, убили? — беспокоился Оуэн.

— Не, не его, — заявлял человек королевы Альф из Грязей, одним из первых отринувший ложных богов ради Рглора. — И не Гарта. Гарт для них больно умен.

— Сколько их? — сунулся вперед Малли.

— Трое, — ответил всем сразу Джон. — Черный Джек, Волосатый Хел и Гарт.

Альф из Грязей завыл так, что в Сумеречной Башне, не иначе, проснулись все спящие.

— Уложи его в постель и горячего вина в него влей, — велел Джон Трехпалому Хоббу.

— Не зайдете ли со мной в Королевскую башню, милорд? — тихо промолвила Мелисандра. — Мне еще много нужно сказать вам.

Пристально посмотрев на нее холодными серыми глазами, он сжал в кулак правую руку и снова разжал.

— Хорошо. Отведи Призрака домой, Эдд.

Мелисандра в ответ отпустила свою охрану. Идя под густо падающим снегом, она держалась к Джону как можно ближе. Недоверие сочилось из него, как черный туман. Он не любит ее и никогда не полюбит, но хочет ее использовать. Тем лучше — тот же танец поначалу плясал с ней Станнис Баратеон. У молодого лорда-командующего с ее королем больше общего, чем оба готовы признать. Станнис всегда жил в тени своего старшего брата, бастард Джон Сноу — в тени законного отпрыска, павшего героя по прозванию Молодой Волк. Оба они, недоверчивые и подозрительные от природы, поклоняются лишь двум богам: чести и долгу.

— О сестре вы ничего не спросили, — заметила Мелисандра, поднимаясь с Джоном по винтовой лестнице башни.

— Я же сказал: нет у меня сестры. Мы отказываемся от родных, когда приносим присягу. Арье я помочь не могу, как бы ни…

Они вошли в ее комнату. Одичалый сидел у стола и намазывал кинжалом масло на оторванную от каравая горбушку. Он снова облачился в свои костяные доспехи; великанский череп, служивший шлемом, стоял рядом на подоконнике.

— Ты, — напрягся командующий.

— Лорд Сноу, — ухмыльнулся Гремучая Рубашка. Рубин на его запястье светился наподобие тусклой красной звезды.

— Ты что здесь делаешь?

— Завтракаю. Подсаживайся!

— Я с тобой хлеба не преломлю.

— Тебе же хуже, он еще теплый. Что-что, а печь Хобб умеет. Я бы и к тебе мог зайти, милорд, — эти часовые у твоих дверей курам на смех. Кто лазил полсотни раз через Стену, как-нибудь и в окошко залезет. Только зачем тебя убивать? Вороны другого выберут, еще хуже. Слыхал про твоих разведчиков, — добавил Костяной Лорд, жуя хлеб. — Меня надо было с ними послать.

— Чтобы ты выдал их Плакальщику?

— Чья бы корова мычала. Как, бишь, женку твою звали — не Игритт ли? Мне кони понадобятся, — сказал одичалый Мелисандре. — Полдюжины хороших коней. Один я ничего не смогу — возьму копьеносиц из Кротового городка. Бабы в таком деле лучше, чем мужики. Девчонка им легче доверится, да и придумка у меня есть насчет них.

— О чем это он? — спросил Сноу.

— О вашей сестре. — Мелисандра взяла его за руку. — Вы не можете ее спасти, а он может.

— Ну уж нет. — Сноу отдернул руку. — Вы не знаете, что это за мерзавец. Сто раз на дню будет руки мыть, и все равно кровь под ногтями останется. Спасти, говорите? Он сперва изнасилует Арью, а после убьет. Вы и его видели в своем пламени? Коли так, вам, должно,

глаза пеплом запорошило. Попробует уехать из замка без моего позволения — сам ему голову отрублю.

Он не дал ей выбора — что ж, будь что будет.

— Оставь нас, Деван. — Когда мальчик вышел и закрыл дверь, Мелисандра, взявшись за рубин у себя на шее, произнесла слово.

Оно прокатилось эхом по комнате, заползло червем в уши. Одичалый слышал одно, ворона другое — совсем не то, что сказала она. Рубин на запястье одичалого потемнел, подернувшись тенью.

Кости остались нетронутыми: ребра, когти и зубы от плеч до запястий, желтая ключица через всю грудь, череп, навеки застывший в свирепом оскале.

Все остальное — усики, скошенный подбородок, желтые щеки и темные глазки — растаяло без следа. Волосы отросли, в уголках губ появились смешливые складки. Одичалый и сам стал выше, плечи и грудь раздались, ноги удлинились, щетина сошла с лица.

— Манс?! — вытаращил глаза Джон.

— Лорд Сноу, — без улыбки ответил тот.

— Она же сожгла тебя!

— Она сожгла Костяного Лорда.

— Что ж это такое? — обернулся к Мелисандре Джон Сноу.

— Называйте как хотите. Чары, иллюзия. Рглор — Владыка Света, Джон Сноу, и слуги его ткут из света, как другие из пряжи.

— Я и сам сомневался, — хмыкнул Манс, — но что было делать? Либо так, либо меня поджарил бы Станнис.

— Кости помогли, — пояснила жрица. — Они помнят. Самые сильные чары строятся на сапогах мертвеца, на пряди волос, на ладанке с костями от пальцев. Немного слов, молитва, и из них поднимается тень человека, окутывая другого как плащ. Суть носителя остается прежней, лишь облик меняется.

В ее устах все было легко и просто. Им не понять, как трудно ей приходилось и чего это стоило. Этот урок Мелисандра усвоила еще до Асшая: чем меньше усилий чародей якобы тратит на свое колдовство, тем больше его боятся. Когда Гремучая Рубашка горел в огне, рубин на ее шее так раскалился, что собственная плоть грозила обуглиться — спасибо стрелам лорда-командующего. Станнис тогда пришел в ярость, а она облегченно вздохнула.

— Наш лжекороль весьма обидчив, но тебя не предаст, — сказала она Джону. — Его сын в наших руках, к тому же он жизнью тебе обязан.

— Мне? — удивился Сноу.

— Кому же еще, милорд. По вашим законам он мог заплатить за свои преступления только жизнью, а король Станнис свято блюдет закон… Но у Стены, как ты мудро заметил, человеческие законы кончаются. Не говорила ли я, что Владыка Света услышит твои молитвы? Ты жаждал спасти сестру, но держался за честь, которая так много для тебя значит, и за клятву, принесенную твоему деревянному богу. Вот он, перед тобой, Джон Сноу. — Жрица показала белым пальцем на Манса. — Спаситель Арьи, дар Владыки Света… и мой.

ВОНЮЧКА

Сначала послышался лай «девочек», бегущих домой, потом по камню застучали копыта. Он поднялся, гремя цепями. Ножная была не длиннее фута, и ходить он мог, лишь шаркая и подскакивая, но медлить нельзя. Вонючка должен угождать своему хозяину.

Охотники въезжали в ворота: впереди Бен Бонс с девочками, за ним Свежевальщик, Алин-Кисляй, Дамон-Плясун с длинным насаленным кнутом и Уолдеры на серых лошадках, подаренных леди Дастин. Сам лорд сидел на Кровавом, рыжем жеребце, таком же норовистом, как всадник. Его милость смеялся, что могло быть либо великим благом, либо великим злом.

Девочки насели на Вонючку, не дав опомниться. Собаки любили его: он часто спал вместе с ними, и Бен Бонс порой уделял ему остатки их ужина. Они скакали вокруг, лизали его грязные щеки, шутливо кусали за ноги. Гелисента трепала его левую руку — того и гляди еще двух пальцев лишишься. Рыжая Джейна и вовсе повалила, прыгнув на грудь. Она-то сильная, а Вонючка — ходячий скелет.

Кое-как отпихнув ее, он встал на колени. Всадники уже спешивались. Выехали со двора две дюжины человек, столько же и вернулось — стало быть, розыски оказались бесплодными. Это плохо. Рамси не любит неудач, он захочет кого-то помучить.

Последнее время ему приходилось сдерживаться: Барроутон полон нужных ему людей, и он соблюдал осторожность с Дастинами, Рисвеллами и прочими лордами. Учтивость и улыбки он сбрасывал только за дверью своих покоев.

Рамси Болтон одет богато, как подобает лорду Хорнвуда и наследнику Дредфорта. Плащ из волчьих шкур застегнут волчьими зубами на правом плече. На одном бедре фальшион, тяжелый, как тесак мясника, на другом — длинный кинжал и свежевальный ножик с крючком на конце, острый как бритва. Рукоятки всех трех клинков выточены из желтой кости.

— Вонючка, — крикнул он с седла, — я тебя через весь двор чую.

— Знаю, милорд, — ответил Вонючка, как ему полагалось. — Виноват.

— Я тебе подарок принес. — Рамси перегнулся назад, снял что-то с седла и швырнул. — Лови!

Прежде, еще не зная своего имени, Вонючка был гораздо ловчее — а тут еще кандалы и нехватка пальцев. Голова, кишащая червями, выскользнула из рук и шлепнулась под ноги. Корка запекшейся крови делала лицо совершенно неузнаваемым.

— Я сказал «лови». Подними-ка.

Вонючка взялся за ухо, но оно оторвалось — сгнило уже. Уолдер Малый засмеялся, остальные тоже заржали.

— Ладно, брось, — сказал Рамси. — Займись лучше Кровавым, я его загонял.

— Да, милорд. — Вонючка заторопился к коню, оставив голову на поживу собакам.

— Ты нынче смердишь, как свиное дерьмо, — заметил Болтон.

— Для него это перемена к лучшему, — усмехнулся Дамон, сматывая свой кнут.

— Нашими с кузеном конями тоже займись, Вонючка, — распорядился Уолдер Малый.

— Я сам, — сказал Уолдер Большой.

Малый становится все больше похож на Рамси, но его кузен из другого теста и старается не участвовать в их жестоких забавах.

Вонючка тем временем повел Кровавого на конюшню, отскакивая вбок, когда жеребец норовил его лягнуть. Охотники шли к дому, Бен Бонс пытался отнять у собак протухшую голову.

Уолдер Большой вел следом собственного коня.

— Чья голова-то? — спросил его Вонючка, снимая с Кровавого узду, — тихо, чтобы не слышали прочие конюхи.

— Да ничья. — Уолдер расседлал серого. — Одного старого хрыча, который нам встретился. С козой и козлятами.

— Милорд его из-за коз убил?

— Старикан назвал его милость лордом Сноу. Скотина тоже пригодилась: козу мы подоили, козлят зажарили.

«Лордом Сноу». Вонючка кивнул, расстегивая седельные ремни. Когда Рамси в гневе, ему лучше не попадаться, — когда не в гневе, тоже не надо.

— Родичей ваших не нашли, милорд?

— Нет, да я и не надеялся. Они мертвы, и убил их лорд Виман. Я бы то же самое сделал на его месте.

Вонючка промолчал. Кое о чем лучше вовсе не говорить, даже если ты на конюшне, а его милость в замке. Одно неосторожное слово может стоить тебе пальца ноги и даже руки.

За язык можно не опасаться: лорду Рамси нравится, когда Вонючка молит его о пощаде.

Охотники шестнадцать дней питались одними сухарями да солониной, поэтому лорд Рамси объявил, что вечером в честь его возвращения будет дан пир. Хозяин замка, седой однорукий лорд по имени Харвуд Стаут, пикнуть ничего не посмел, хотя кладовые порядком уже опустели. Слуги ворчали украдкой, что бастард со своими ребятами подъедает то, что запасено на зиму. «Говорят, дочка лорда Эддарда скоро в постель с ним ляжет, — жаловалась кухарка, не зная, что Вонючка все слышит, — но хуже всего будет нам, как зима придет».

Пир — значит пир. В чертоге поставили столы на козлах, бычка зарезали. На закате неудачливые охотники уже лакомились ребрышками, ячменным хлебом и горошком с морковью, запивая еду большим количеством эля.

Уолдер Малый служил чашником лорду Рамси, Большой наливал всем другим за высоким столом. Вонючку приковали у самой двери, чтобы его смрад никому не мешал пировать. Он поужинает позже, объедками, которые соизволит ему послать лорд Рамси. Собаки бегали по чертогу свободно и всех веселили: Мод и Серая Джейна подрались с гончей лорда Стаута из-за мясной кости, которую бросил им Уилл-Коротышка. Драка не занимала только Вонючку, не спускавшего глаз с лорда Болтона.

Старого хозяйского пса так и заели насмерть: где ему было тягаться с молодыми свирепыми сучками. Бен Бонс, любивший собак больше, чем их хозяина, рассказывал Вонючке, что все они названы в честь крестьянских девушек, затравленных и убитых Рамси, — тот тогда еще был бастардом и охотился вместе с первым Вонючкой. «Такой чести он удостоил тех, которые хорошо его позабавили, — которые молили, плакали и не желали бежать, сгинули с именами вместе». Можно не сомневаться, что одного щенка из нового дредфортского помета назовут Кирой. «Он и на волков их натаскивает», — признался старик. Вонючка промолчал. Зная, каких волков должны убивать девочки Рамси, он совсем не желал, чтобы они передрались из-за пальца с его ноги.

Когда мертвого пса уже вынесли и старуха смывала кровь с пола, двери в чертог распахнулись. Двенадцать человек в кольчугах и полушлемах оттеснили в стороны молодых часовых лорда Стаута, одетых в кожаные бригандины[4] и красно-золотые плащи. Пирующие примолкли — все, кроме Рамси. Лорд бросил кость, которую грыз, вытер рот рукавом, улыбнулся сальными губами и промолвил:

— Отец.

Лорд Дредфорта окинул взглядом столы, кровь на полу, прикованного Вонючку и скомандовал кратко:

— Все вон.

Люди Рамси кинулись прочь, бросив чаши и миски. Бен Бонс созвал своих девочек — эти прихватили кости с собой. Харвуд Стаут поклонился и тоже вышел.

— Уведи Вонючку, — велел Рамси Алину, но лорд-отец сказал:

— Пусть останется.

Люди лорда Русе, удалившись последними, закрыли за собой двери. Вонючка остался наедине с двумя Болтонами, отцом и сыном.

— Пропавших Фреев ты не нашел. — Это было утверждение, не вопрос.

— Мы проехали до места, где они, как говорит лорд-угорь, будто бы разделились, но девочки след не взяли.

— Но в деревнях и острогах ты о них спрашивал.

— Да что толку, все точно ослепли разом. К чему так волноваться? Мир не рухнет, если в нем поубавится Фреев, — в Близнецах еще целая куча осталась.

Лорд Русе отломил кусочек хлеба, положил в рот.

— Хостин и Эйенис в большом горе.

---

[4] Доспехи из кожи или ткани, укрепленные изнутри стальными пластинами. — *Примеч. пер.*

— Ну, пусть сами поищут.

— Лорд Виман тоже сокрушается. Говорит, что полюбил Рейегара как родного.

Лорд Рамси гневался. Вонючка видел это по складке его толстых губ, по вздувшимся жилам на шее.

— Вот и оставались бы при Мандерли, дураки.

— Носилки лорда Вимана ползут как улитка, — пожал плечами лорд Русе. — Его милость при своем нездоровье и своей тучности способен путешествовать лишь по нескольку часов в день и постоянно останавливается перекусить. Фреям не терпелось встретиться со своими родичами в Барроутоне, вот они и выехали вперед.

— Если так было на самом деле. Вы верите лорду Мандерли?

— С чего ты взял? — Белесые глаза лорда Русе блеснули, как лед на солнце. — Однако он очень расстроен, очень.

— Не настолько, чтобы перестать жрать. Лорд-кабан, никак, половину запасов Белой Гавани с собой прихватил.

— Сорок повозок. Бочки с вином, наливками, свежими угрями, стадо коз, сто свиней, крабы, устрицы, громаднейшая треска. Лорд Виман, как ты заметил, любит покушать.

— Я заметил также, что заложников он не взял.

— Я тоже.

— И что вы намерены делать?

— Трудный вопрос. — Лорд Русе отыскал пустую чашу, вытер скатертью, наполнил вином. — Мандерли, похоже, не единственный, кто задает пиры.

— Это вам бы следовало дать пир, когда я вернулся, — притом в Барроухолле, а не в этой хибаре.

— Я не распоряжаюсь Барроухоллом и его кухнями — я там всего лишь гость. Замок и город принадлежат леди Дастин, а она больше не желает тебя терпеть.

— А если я ей сиськи отрежу и скормлю своим девочкам? — потемнел Рамси. — Или шкуру с нее спущу и сошью себе башмаки?

— Такие башмаки дорого бы нам обошлись — мы потеряли бы и Барроутон, и Дастинов с Рисвеллами. — Лорд Русе уселся напротив сына. — Барбри Дастин — младшая сестра моей второй жены, дочь Родрика Рисвелла. Роджер и Рикард — ее братья, мой тезка Русе — кузен. Она любила моего покойного сына и подозревает, что к его кончине приложил руку ты. Леди Барбри злопамятна, и нам это на руку: Болтонов она держится в основном потому, что все еще винит Неда Старка в смерти своего мужа.

— Держится? — вскипел Рамси. — Да она плюет на меня. Вот подожгу ее городишко, пусть тогда и плюется — авось потушит.

Русе скривился так, точно его эль внезапно прокис.

— Порой я спрашиваю себя, от моего ли семени ты родился. Мои предки были кем угодно, только не дураками. Нет уж, помолчи — довольно я тебя слушал. На первый взгляд может показаться, что мы сильны. Мы имеем могущественных друзей в лице Ланнистеров и Фреев. Большинство домов Севера нас пусть неохотно, но поддерживает… но что будет, если вдруг объявится кто-то из сыновей Неда Старка?

«Все сыновья Неда Старка мертвы, — подумал Вонючка. — Робб убит в Близнецах, а Бран с Риконом… головы мы обмакнули в смолу…» В собственной его голове стучало как молотом. Он не любил вспоминать, что было до того, как он узнал свое имя. Воспоминания могут причинять такую же боль, как свежевальный нож Рамси.

— Волчата Старка передохли и останутся дохлыми, — заявил Рамси. — Пусть только покажутся, мои девочки мигом порвут их в клочья. Охотно убью их еще разок.

— Ну что ты такое говоришь? — вздохнул лорд-отец. — Ты и не думал убивать этих милых, столь дорогих нам мальчиков. Это сделал Теон Переметчивый — помнишь? Сколько наших неверных друзей, по-твоему, остались бы с нами, будь им известна правда? Разве что леди Барбри… а ты хочешь сшить из нее башмаки, хотя бычья кожа для этого подошла бы куда лучше, чем человечья. Королевский указ тебя сделал Болтоном, так будь достоин этого

имени. О тебе ходит много рассказов, Рамси. Люди боятся тебя.

— И хорошо, что боятся.

— Ошибаешься, ничего хорошего в этом нет. Обо мне вот ничего не рассказывают — будь по-другому, я бы здесь не сидел. Развлекайся себе на здоровье, но будь осторожен. Я всегда соблюдал на своих землях мир и спокойствие, возьми это за правило и себе.

— Вы расстались с леди Дастин и своей толстухой-женой, чтобы посоветовать мне пришипиться?

— Нет. Мне нужно сообщить тебе кое-какие новости. Лорд Станнис наконец ушел от Стены.

Рамси привстал, на толстых губах заиграла улыбка.

— На Дредфорт идет?

— Увы, нет — хотя Арнольф клянется, что устроил западню по всем правилам.

— Не знаю, не знаю. Поскреби Карстарка, получишь Старка.

— Эта поговорка стала менее правдивой с тех пор, как Молодой Волк поскреб лорда Рикарда. Как бы там ни было, лорд Станнис отбил у Железных Людей Темнолесье и вернул его дому Гловеров. Еще хуже то, что к нему примкнули горные кланы: Вуллы, Норри, Лидали и прочие. Его сила растет.

— Мы сильнее.

— Пока что — да.

— Значит, теперь самое время его раздавить. Позвольте мне выступить на Темнолесье.

— Выступишь, когда женишься.

Рамси со стуком поставил чашу, плеснув элем на скатерть.

— Сколько мне еще ждать? Невеста есть, дерево есть, лордов-свидетелей — пруд пруди. Я женюсь на ней завтра, сделаю ей сына и отправлюсь в поход, не успеет простыня просохнуть от ее девственной крови.

«Вот уж кто не станет молиться о твоем возвращении, так это она», — подумал Вонючка.

— Сына ты ей сделаешь, но не здесь. Вы поженитесь в Винтерфелле.

Рамси от этого в восторг не пришел.

— Я сжег Винтерфелл, не забыли?

— Это ты, похоже, забыл. Винтерфелл сожгли и все его население перебили Железные Люди во главе с Теоном Грейджоем.

Рамси подозрительно глянул на Вонючку.

— Да, верно, но справлять свадьбу в этих развалинах?

— Винтерфелл, даже разрушенный — родной дом леди Арьи. Нет лучше места, чтобы жениться на ней и заявить о своих правах, но это только полдела. Сами мы на Станниса не пойдем — пусть начнет первый. Он слишком осторожен, чтобы идти на Барроутон, но в Винтерфелл он придет. Вожди его кланов не отдадут дочь своего ненаглядного Неда на поругание такому, как ты. Отказавшись брать замок Старков, Станнис может их потерять. Кроме того, он со своей хваленой предусмотрительностью постарается перед таким походом собрать побольше сторонников и возьмет с собой Арнольфа.

— Тут-то мы его и побьем, — облизнул губы Рамси.

— Если будет на то воля богов. — Русе встал. — Итак, ты женишься в Винтерфелле. Я извещу лордов, что мы выезжаем через три дня, и приглашу их сопровождать нас.

— Вы Хранитель Севера. Прикажите, и все тут.

— Приглашением можно добиться того же. Подсластить власть учтивостью никогда не мешает — усвой это, если надеешься стать правителем. И раскуй своего пленника, я его забираю.

— Как так? Он мой.

Русе это позабавило.

— Запомни хорошенько, бастард: своего у тебя ничего нет. Все мое. Что до этого… Вонючки, то он, если ты не сломал его окончательно, нам еще пригодится. Сними с него

цепи, пока я не пожалел о том дне, когда осеменил твою мать.

Рот Рамси искривился, на зубах блеснула слюна. «Сейчас за кинжал схватится», — испугался Вонючка, но Рамси только побагровел, отвел свои белесые глаза от еще более бледных глаз Русе и пошел за ключами.

— Не говори ему ничего и запоминай каждое его слово, — шептал он, отмыкая оковы. — Я заберу тебя назад, что бы там эта подлюга Дастин ни наплела. Ну-ка, кто ты такой?

— Вонючка, милорд, ваш человек. Вонючка, рифма случка.

— То-то же. Когда отец тебя отдаст, я заберу еще один палец — выберешь сам, какой.

Из глаз Вонючки хлынули слезы.

— За что? Я не просил его меня увозить. Я сделаю все, что скажете, только не…

Рамси ударил его по лицу и сказал Русе:

— Берите его. Он и не человек вовсе, от его вони меня тошнит.

Над деревянными стенами Барроутона вставала луна. От скромного замка Харвуда Стаута до усадьбы Дастинов меньше мили.

— Верхом ездишь? — спросил лорд Болтон.

— Д-думаю, да, милорд.

— Подсади его на лошадь, Уолтон.

Вонючка даже и без оков ковылял, как старик. Бен Бонс и Алин говорят, что он дергается, кожа у него обвисла, а уж запах… даже кобыла, которую ему подвели, шарахнулась. Но лошадка она была смирная и хорошо знала дорогу в Барроухолл.

— И как же мне тебя называть? — спросил лорд, следуя рядом с Вонючкой по широким прямым улицам Барроутона. Охрана держалась на почтительном расстоянии.

— Я Вонючка, с позволения вашей милости.

— «Вашмилсти», — проронил Русе. И улыбнулся, кажется?

— Милорд? — не понял Вонючка.

— «Млорд». Язык тебя выдает. Хочешь сойти за простого крестьянина — говори так, будто у тебя каша во рту.

— Млорд, — поправился Вонючка.

— Так-то лучше. Ну и разит от тебя.

— Да, млорд. Виноват, млорд.

— Виноват не ты, а мой сын. Я знаю. — Они проехали мимо конюшни, мимо гостиницы с пшеничным караваем на вывеске. Из-за окон, закрытых ставнями, слышалась музыка. — Первый Вонючка вонял не оттого, что был грязен. Большего чистюли я, признаться, никогда не встречал. Он мылся три раза на дню и цветы в волосах носил, будто девка. Как-то его поймали на краже духов из спальни моей второй жены — она тогда еще здравствовала. Я велел дать ему дюжину плетей, и оказалось, что даже кровь у него вонючая. На будущий год он эти духи выхлебал и чуть не помер, но против вони это не помогло. Она была врожденным его свойством, проклятием, как говорили простолюдины. Боги, мол, таким его сделали, потому что душа у него гнилая. Мой старый мейстер уверял, что это болезнь такая, хотя парень был крепок что твой бычок. Никто к нему близко не подходил, и спал он со свиньями. Потом пришла мать Рамси и попросила дать моему бастарду слугу — мальчик, мол, совсем отбился от рук. Я и дал ей Вонючку — больше для смеху, однако они с Рамси сделались неразлучны. До сих пор не пойму, кто кого испортил — Рамси Вонючку или наоборот. — Лорд обратил к Вонючке белые луны своих глаз. — Что он шептал тебе, когда снимал цепи?

— Он… он… — Слова застряли в горле, и Вонючка закашлялся.

— Ладно, дыши. Я и так знаю. Чтобы ты шпионил за мной, а о его секретах помалкивал. Как будто у него есть секреты! Откуда, по-твоему, взялись Алин-Кисляй, Лютон, Свежевальщик и прочие? Он в самом деле думает, что они его люди?

— Его, — эхом отозвался Вонючка. Лорд явно ждал от него каких-то ответов, но что отвечать?

— Мой бастард не рассказывал тебе о своем рождении?

Это уже легче.

— Рассказывал, млорд. Вы встретили его мать случайно и были очарованы ее красотой.

— Очарован? Так и сказал? — засмеялся лорд. — Жаль, что он не певец… но ты еще тупее, чем первый Вонючка, если этой песне поверил. Охотился я на лису у Рыдальницы, гляжу — около мельницы молодка стирает. Старый мельник женился снова на девице вдвое моложе себя. Высокая, гибкая как ива, здоровьем пышет. Ноги длинные, а грудки маленькие и твердые, будто сливы — для крестьянки просто красавица. Мейстеры скажут тебе, что король Джейехерис отменил право первой ночи в угоду своей сварливой жене, но там, где веруют в старых богов, придерживаются старых обычаев. Амберы это право соблюдают, как бы ни отпирались, горные кланы тоже, а на Скагосе… только сердце-деревьям ведомо, что творится на Скагосе.

Мельник вступил в новый брак без моего ведома и согласия — стало быть, обманул лорда. За это я повесил его и осуществил свое право прямо под деревом, где он болтался. Молодка, по правде сказать, и веревки не стоила, лиса убежала, мой любимый конь на обратном пути охромел — неудачный, одним словом, день вышел.

Год спустя бабенка имела наглость явиться в Дредфорт с младенцем и заявила, будто он от меня. Мне бы высечь ее, а пащенка бросить в колодец, но глаза у него в самом деле были мои. Брат ее покойного мужа, тоже заметив это, избил ее и прогнал с мельницы. Меня это рассердило. Я отдал мельницу ей, а деверю язык вырезал, чтобы не таскался со своими баснями в Винтерфелл лорда Рикарда беспокоить. Каждый год я посылал ей кур, поросят и мешок медных звезд, а она взамен обязалась не рассказывать мальчишке, кто его настоящий отец. Мир и спокойствие всегда были моим девизом.

— Прекрасный девиз, млорд.

— Но женщина нарушила свое слово. Ты видишь, что за человек Рамси, так вот: это она его сделала таким, она и первый Вонючка. Эти двое вечно нашептывали ему о его правах. Молол бы себе зерно, так ведь нет… Он всерьез думает, что будет когда-нибудь править Севером?

— Он ваш верный боец, — выпалил Вонючка. — Он сильный.

— Быки тоже сильные. И медведи. Я видел моего бастарда в бою. Винить его не приходится — он учился у первого Вонючки, который сам ничего не умел. Свиреп, это верно, но мечом орудует, как мясник тесаком.

— Он никого не боится, млорд.

— А надо бы. Страх сохраняет человеку жизнь в этом мире, сотканном из предательства и обмана. Даже здесь, над Барроутоном, кружит воронье, дожидаясь своего часа. На Сервинов и Толхартов полагаться нельзя, мой жирный друг лорд Виман замышляет измену, Смерть Шлюхам… Амберы с виду просты, но не вовсе лишены хитрости. Рамси следует бояться их всех, как и мне. Скажи ему об этом, как снова его увидишь.

— Сказать… чтобы он боялся? — Вонючке стало плохо при одной мысли. — Если я так скажу, млорд, он…

— Знаю, — вздохнул лорд Болтон. — Кровь в нем дурная. Ему бы пиявки поставить. Они хорошо высасывают все дурное, всю злобу и боль. Нельзя мыслить здраво, если все время злишься. Но кровь Рамси, боюсь, отравит даже пиявок.

— Он ваш единственный сын.

— Пока — да. Раньше у меня был другой, Домерик. Тихоня, но одаренный. Отслужил четыре года пажом леди Дастин, три — в Долине, оруженосцем у лорда Редфорта. Играл на большой арфе, книги читал, верхом скакал словно ветер. Помешан был на конях, вот леди Дастин тебе расскажет. Даже она, сама полулошадь, не могла его обогнать. Многое обещал на турнирном поле, по словам Редфорта, а для этого надо быть поистине хорошим наездником.

— Да, млорд. Я слышал о нем.

— Его Рамси убил. Мейстер Утор сказал, что он умер от живота, а по мне — так от яда.

Домерик подружился с сыновьями Редфорта и хотел, чтобы у него тоже был брат, вот и поехал на Рыдальницу за бастардом. Я запретил, но мальчик уже вырос и думал, что он умнее отца. Теперь его кости лежат в крипте Дредфорта вместе с костями умерших еще в младенчестве братьев, а Рамси остался мне. Скажи, милорд: если тот, кто проливает родную кровь, проклят, что сказать об отце, у которого один сын убивает другого?

Вонючка перепугался. Свежевальщик как-то обмолвился, что бастард убил своего законного брата, но можно ли в это верить? Умереть можно и не будучи убитым. Братья Вонючки тоже погибли, но убил их не он.

— У милорда молодая жена — она подарит вам сыновей.

— Думаешь, моему бастарду это понравится? Леди Уолда из Фреев, у них женщины плодовитые. Я к ней даже привязался, к этой толстушке. Две первые в постели молчали как рыбы, а эта вопит и подскакивает — мило, правда? Если она будет рожать сыновей столь же легко, как поглощает сласти, в Дредфорте продыху не станет от Болтонов. Рамси, само собой, их всех перебьет, да это и к лучшему. Я не доживу до их зрелых лет, а малолетний лорд — проклятие любого дома. Уолда вот только горевать будет, жаль.

У Вонючки пересохло в горле. Слышно было, как голые вязы вдоль улицы качаются на ветру.

— Милорд…

— Млорд. Не забывай: во рту каша.

— Можно спросить, млорд: зачем я вам нужен? Я ведь не человек даже, и вонь от меня…

— Ванна и чистая одежда помогут делу.

— Ванна? — У Вонючки скрутило нутро. — Лучше не надо, млорд. Я весь… в ранах, а эту одежду дал мне лорд Рамси и не велел снимать, пока он не прикажет.

— Так это ж лохмотья, — терпеливо молвил лорд Болтон. — Грязные, рваные, мочой и кровью пропахшие, да и холодно, поди, тебе в них. Мы тебя оденем в теплую шерсть, дадим плащ на меху — хорошо ведь?

— Нет. — Не даст он себя раздеть. Не позволит, чтобы его видели голым.

— Предпочитаешь бархат и шелк? Раньше, помню, ты любил наряжаться.

— Нет. Оставьте мне эту одежду, мою. Я Вонючка, рифма кучка. — Сердце стучало как барабан, голос перешел в тонкий визг. — Не надо ванны. Пожалуйста. Не забирайте одежду.

— Ну хоть постирать ее дай.

— Нет. Прошу вас. — Вонючка скукожился на седле, боясь, как бы лорд Болтон не велел своим гвардейцам раздеть его прямо на улице.

— Ладно, как хочешь. — Глаза Болтона при луне казались совершенно пустыми. — Я тебе зла не желаю — ты много для меня сделал.

— Я? — «Это ловушка, — кричало что-то внутри. — Он играет с тобой. Сын — всего лишь тень своего отца, а Рамси постоянно играл на его надеждах». — Что же это, млорд?

— Ты отдал мне Север. Судьба Старков решилась в ту самую ночь, когда ты взял Винтерфелл. — Болтон небрежно махнул бледной рукой. — Все остальное — только свара из-за добычи.

Вот и бревенчатая стена Барроухолла. На четырехугольных башнях видны знамена: дредфортский человек с содранной кожей, боевой топор Сервинов, сосны Толхартов, водяной Мандерли, скрещенные ключи старого лорда Локе, великан Амберов, каменная рука Флинтов, лось Хорнвудов. У Стаутов в гербе шеврон, красный с золотом, у Слейтов — двойная белая лента с серым полем внутри. Четырех Рисвеллов из Родников представляют четыре конские головы: серая, черная, золотая, каштановая. О них шутят, что они даже на цветах своего герба не могут сойтись. Выше всех реют олень и лев мальчика, сидящего на Железном Троне за тысячу лиг отсюда.

Слышно было, как вращаются крылья старой ветряной мельницы. Всадники проехали под воротами на травянистый двор, конюхи выбежали принять лошадей.

— Прошу сюда, — сказал лорд Болтон и пошел к замку, где висели знамена покойного

лорда Дастина и его вдовы. В дастиновском гербе леди Барбри — корона над скрещенными секирами — одну четверть занимала золотая конская голова лорда Родрика Рисвелла.

На середине деревянной лестницы, ведущей в чертог, у Вонючки затряслись ноги. Он остановился передохнуть, глядя на зеленые склоны Большого Кургана. Одни говорят, что это могила Первого Короля, правителя Первых Людей, другие — что под этим громадным холмом должен лежать король великанов. Некоторые говорят даже, что холм этот не насыпной, а естественный; если так, то он один такой на плоской, усеянной курганами равнине.

В чертоге, грея руки над углями очага, стояла женщина. Вся в черном, ни золота на ней, ни драгоценностей, но сразу видно — благородная дама. Несмотря на морщинки у глаз и рта, она сохранила свою красоту и держалась прямо. В каштановых волосах, стянутых вдовьим узлом, сквозила сильная проседь.

— А где же мальчик? — спросила она. — Ваш бастард отказался выдать его? Кто этот старик… боги правые, какое зловоние. Он что, обделался?

— Нет, просто побыл у Рамси. Позвольте представить вам, леди Барбри, законного лорда Железных островов, Теона из дома Грейджоев.

«Нет-нет, не произносите этого имени! Рамси услышит и будет мучить меня!»

— Я не того ожидала, — поджала губы хозяйка замка.

— Придется обойтись тем, что есть.

— Что ваш бастард с ним делал?

— Снимал кожу, я полагаю. Пару клочков там и сям, ничего существенного.

— Он в здравом уме?

— Не уверен. Разве это столь важно?

— Млорд, млади, — не выдержал Вонючка, — вы ошибаетесь. — Он упал на колени, дрожа как лист, по щекам покатились слезы. — Я не он. Переметчивый погиб в Винтерфелле, а я Вонючка, рифма Жучка.

ТИРИОН

На седьмой день пути Пенни, словно пугливый зверек после зимней спячки, выползла наконец из каюты.

Смеркалось. Красный жрец зажег свой костер в большой железной корзине, и команда собралась на молитву.

— Благодарим тебя за солнце, которое нас согревает, — возгласил Мокорро басом, идущим из глубины его массивного торса. — Благодарим за звезды, указывающие нам путь через холодное черное море. — Красный жрец выше лорда Джораха и вдвое толще; алое одеяние по рукавам, подолу и вороту вышито огненным шелком. Кожа черна как смола, волосы белее снега, на лбу и щеках желто-оранжевые наколки. Железный посох ростом с него самого увенчан драконьей головой; когда жрец бьет им о палубу, дракон изрыгает зеленое пламя.

Его охрана, пятеро Огненноруких, подхватывали за ним. Пели они на языке Старого Волантиса, но Тирион уже знал эту молитву и суть улавливал. «Храни наш огонь и защити нас от тьмы, ла-ла-ла, освети наш путь и не дай остыть, ночь темна и полна ужасов», — ну и так далее.

Вслух он, само собой, этого не высказывал. Тирион Ланнистер не признает никаких богов, но красному Рглору на этом корабле разумнее выказывать уважение. Сир Джорах снял с Тириона оковы, и карлик совсем не желал снова в них оказаться.

«Селасори Кхорун» — настоящее корыто водоизмещением пятьсот тонн. Глубокая осадка, высокие надстройки на носу и корме, одинокая мачта посередине. Нос украшает деревянный, источенный червями муж; судя по лицу, он страдает запором, под мышкой у него свиток. Столь безобразного судна Тирион еще не встречал, да и команда не лучше. Капитан, пузатый сквернослов с жадными глазками, в кайвассу играет плохо, а проигрывать

совсем не умеет. Под началом у него четверо помощников-вольноотпущенников и пятьдесят рабов с носовой фигурой корабля на щеках. Тириона они все кличут Безносым, сколько ни повторяй им, что зовут его Хутор Хилл.

Трое помощников и три четверти команды — рьяные приверженцы Владыки Света, с капитаном все не столь ясно. Он выходит вечером на молитву, но сам не молится. Мокорро, вот кто властвует на борту, — по крайней мере во время этого перехода.

— Владыка Света, благослови раба твоего Мокорро и освети ему путь в темных местах этого мира, — гудел жрец. — Сохрани верного раба твоего Бенерро. Даруй ему мужество, даруй ему мудрость, наполни пламенем его сердце.

Тут-то Тирион и заметил Пенни. Она смотрела на представление с нижней ступеньки крутой деревянной лесенки, ведущей на ют, и видна была только ее голова в капюшоне. Белки глаз блестели при свете костра. Ее сопровождала большая серая собака, служившая ей конем на потешных турнирах.

— Миледи, — тихо позвал Тирион. Леди она, конечно, не была, но ее дурацкое имя ему произносить не хотелось, а как ее еще называть? Девушкой, карлицей?

— Я вас не видела, — вздрогнула она.

— Неудивительно, я ведь так мал.

— Мне… нездоровилось.

«Горе, как видно, замучило».

— Могу я чем-то помочь?

— Нет, — отрезала она и тут же ушла обратно в каюту, которую делила со свиньей и собакой.

Тирион ее не винил. Его присутствие на борту мореходов вполне устраивало, ведь карлики приносят удачу. По голове его трепали так, что того гляди лысина будет, а вот с Пенни все было сложнее. С одной стороны, она карлица, с другой — женщина, а женщина на корабле — дурная примета. На каждого, кто пытался и ее погладить по голове, приходились трое, бормотавших проклятия при каждом ее появлении.

Тирион ей, конечно, как соль на рану. Ее брату отрубили голову вместо него, а он сидит себе и бормочет глупые утешения. На ее месте Тирион ничего бы так не хотел, как скинуть зловредного карлика в море.

Сам он очень ее жалел. Ни она, ни тем более ее брат не заслужили того, что случилось с ними в Волантисе. Перед самым отплытием у нее глаза так распухли от слез, что смотреть было страшно. Как только подняли парус, она заперлась со своими животными у себя, но по ночам все слышали, как она плачет. Вчера один помощник предложил другому выбросить ее за борт, пока она не залила весь корабль, и Тирион не был уверен, что это шутка.

После молитвы все разошлись — кто на вахту, кто поужинать, выпить рому и завалиться в гамак. У костра, как всегда, остался один Мокорро. Спал он днем, а в темные часы бдил и поддерживал священный огонь, чтобы солнце утром снова вернулось в мир.

Тирион, присев напротив, протянул к огню руки. Жрец, неотрывно смотревший в пламя, некоторое время не замечал его. Неужели он и вправду видит там будущее? Страшный у него дар, если так.

— Хутор Хилл, — промолвил он наконец, подняв глаза, — ты пришел помолиться со мной?

— Ночь, как-никак, темна и полна ужасов. Что ты видишь в этом огне?

— Драконов. — На общем языке Мокорро говорил бегло, почти без акцента — поэтому верховный жрец Бенерро, несомненно, и отправил его просвещать Дейенерис Таргариен. — Старых и молодых, ложных и подлинных, темных и светлых. И тебя, в самой гуще всего — маленького человечка с предлинной тенью. Ты скалишь зубы.

— Я? Такой безобидный крошка? — Тириону сделалось лестно — жрец, конечно, того и хотел. Всякому дураку приятно услышать, что он что-нибудь значит. — Может, ты Пенни видел? Мы с ней одного роста.

— Нет, друг. Не ее.

Давно ли он стал жрецу другом?

— А не видел ты, часом, когда мы в Миэрин попадем?

— Не терпится увидеть спасительницу?

Как сказать. Спасительница может снять с него голову или драконам его скормить.

— Нет, тут все дело в маслинах — боюсь, что так и умру, не отведав их. Я плаваю быстрее, чем этот корабль идет. Кстати, кто такой Селасори Кхорун — триарх или черепаха?

— Ни то, ни другое, — хмыкнул Мокорро. — Кхорун не правитель, но служит правителям, дает им советы, помогает вести дела. В Вестеросе его назвали бы стюардом или магистром.

Возможно, королевским десницей? Забавно.

— А «селасори» что такое?

— Приятно пахнущий. — Мокорро потрогал нос. — Ароматный?

— Стало быть, «селасори кхорун» означает «вонючий стюард»?

— Скорей уж душистый.

— Я, пожалуй, останусь при вонючем, — ухмыльнулся Тирион, — но спасибо за перевод.

— Рад, что оказался полезен. Когда-нибудь, возможно, я помогу тебе принять Рглора.

«Разве что когда мою голову вздену на кол», — решил про себя Тирион.

Помещение, которое они с сиром Джорахом занимали, называлось каютой только из вежливости. В темном, сыром, зловонном чулане едва умещались два гамака, один над другим. Мормонт, растянувшись в нижнем, покачивался в лад с кораблем.

— Девушка наконец показала нос, — сказал ему Тирион. — Увидела меня и сразу обратно.

— Я ее понимаю.

— Не все ж такие красавцы, как ты. Бедняжка ужасно расстроена — как бы за борт не бросилась.

— У бедняжки имя есть. Пенни.

— Знаю. — А брат ее назывался Грошик, хотя настоящее его имя — Оппо. Грошик и Пенни, две самые мелкие монетки, а хуже всего, что эти клички они себе сами придумали. Мерзость какая. — Ей нужен друг, как бы ее там ни звали.

— Вот и подружись с ней. По мне, хоть женись.

Еще того мерзостнее.

— По-твоему, мы подходим друг другу? Тебе, сир, подошла бы медведица — что ж ты ее не взял в жены?

— Это ты настаивал, чтобы мы увезли ее с собой.

— Ей нельзя было оставаться в Волантисе — это еще не значит, что я готов лечь с ней в постель. Она убить меня хочет, а не дружить со мной.

— Вы оба карлики.

— Брат ее тоже был карликом, а пьяные болваны приняли его за меня и убили.

— Виноватым себя чувствуешь, значит.

— Э, нет, — ощетинился Тирион. — Мне хватает своих грехов, к этому я непричастен. Я этим двоим зла никогда не желал, хотя на свадьбе Джоффри они доставили мне много неприятных мгновений.

— Еще бы, ты ж у нас кроток что твой ягненок. — Сир Джорах вылез из гамака. — Эта девчонка — твоя забота. Целуй ее, убивай, обходи за милю, только ко мне с ней не лезь.

Неудивительно, что он дважды изгнан. Тирион сам бы его изгнал, если б мог. То, что рыцарь вечно угрюм и шуток не понимает, еще не самое страшное. Когда он не спит, то расхаживает по баку, а не то облокотится на борт и смотрит в море, думает о своей серебряной королеве и мысленно подгоняет корабль. Тирион, наверное, вел бы себя точно так же, если бы в Миэрине его ждала Тиша.

Может, как раз туда и отправляются шлюхи? Вряд ли. Насколько он слышал, в рабовладельческих городах успешно взращивают своих. Зря Мормонт себе одну не купил,

сразу повеселел бы. Он мог бы выбрать девушку с серебристыми волосами, как у той, что ерзала у него на коленях в Селхорисе.

На реке Тириону приходилось терпеть Гриффа, но тот хотя бы представлял собой загадку, а все прочее маленькое общество относилось к карлику вполне дружелюбно. Здесь загадочных фигур нет, и дружелюбия никто не выказывает, разве что красный жрец любопытен и еще Пенни… но девушка Тириона заслуженно ненавидит.

Тоска, одним словом, смертная. Только и развлечений, что раз в день колоть ножом пальцы на руках и ногах. На реке ему встречались разные чудеса: гигантские черепахи, заброшенные города, каменные люди, голые септы. Там никогда не знаешь, что тебя ждет за следующим изгибом, а в море все дни одинаковы. Пока когг шел вдоль берега, Тирион наблюдал за тучами морских птиц, считал скалистые островки и видел много других судов: рыбачьи лодки, неуклюжие торговые корабли, гордо пенящие воду галеи. Здесь его окружают море да небо. Вода как вода, воздух как воздух. Чересчур много голубизны, разве облачко когда проплывет.

Ночью и того хуже. Тирион спал плохо даже в хорошие времена, чего не скажешь о нынешних. Спать — значит видеть сны, в которых его караулят Горести и каменный король с лицом лорда-отца. Вот и выбирай: либо лезь в гамак и слушай, как храпит внизу Мормонт, либо оставайся на палубе и смотри в то же море. В безлунные ночи оно черно, как мейстеровы чернила, до самого горизонта. По-своему это прекрасно, но если смотреть слишком долго, начинаешь задумываться, как легко было бы перелезть через борт и ухнуть туда, во тьму. Один всплеск, и жалкая историйка его жизни закончится. Но что, если ад все же есть, и там его ждет отец?

Лучшее время суток — вечер и ужин. Еда не особенно вкусная, зато ее много. Тирион ел на камбузе, где потолок был такой низкий, что все высокие ростом, особенно Огненнорукие, рисковали голову себе расшибить. Сидеть за общим столом с людьми, языка которых не понимаешь, ему быстро наскучило; как знать, над чем они смеются, не над твоей ли персоной.

Там же, на камбузе, хранились корабельные книги. Благодаря капитану их было целых три: собрание весьма посредственных морских виршей, замусоленная история похождений молодой рабыни в лиссенийском перинном доме и четвертый, он же последний том «Жизнеописания триарха Велико». Триумфальная карьера сего волантинского патриота оборвалась, когда великаны убили его и съели. Тирион прочел их все на третий день путешествия и за неимением лучшего стал перечитывать заново. История рабыни, хотя и написанная чудовищным слогом, была всего завлекательнее — ее Тирион и выбрал в этот вечер для чтения за ужином, состоящим из вареной свеклы, холодной рыбной похлебки и сухарей, которыми впору было забивать гвозди.

Когда он читал о том, как девушку с ее сестрой схватили работорговцы, в камбуз неожиданно вошла Пенни.

— Я не знала… не хотела беспокоить милорда…

— Ты меня нисколько не беспокоишь. Надеюсь, ты больше не станешь пытаться меня убить?

— Нет. — Она покраснела и отвернулась.

— В таком случае я буду только рад побыть в чьем-то обществе — здесь это редкое удовольствие. — Тирион закрыл книгу. — Садись и поешь. — Еду, которую приносили к двери ее каюты, девушка оставляла почти нетронутой — изголодалась, должно быть. — Похлебка даже съедобна; рыба, во всяком случае, свежая.

— Нет, я рыбу не ем… костью подавилась однажды.

— Выпей тогда вина. — Тирион налил чашу и подвинул ей через стол. — Капитан угощает. Ближе к моче, чем к борскому золотому, но даже моча лучше черного рома, который глушат моряки. Легче будет уснуть.

Девушка к вину не притронулась.

— Благодарствую, милорд, я лучше пойду. Не стану вам докучать.

— Так и будешь всю жизнь убегать?

Эти слова остановили Пенни у самой двери. Она вспыхнула, и Тирион испугался, как бы она опять не расплакалась. Вместо этого девушка выпятила губу и сказала дерзко:

— Вы тоже бежите.

— Верно, но у меня хоть цель есть в отличие от тебя. В этом вся разница.

— Нам вовсе не пришлось бы бежать, кабы не вы.

Что ж, в смелости ей не откажешь.

— Ты подразумеваешь Королевскую Гавань или Волантис?

— И то, и другое. Отчего вы просто не вышли сразиться с нами, как пожелал король? Мы бы ничего вам не сделали. Проехались бы на собаке, потешили мальчика, все посмеялись бы…

— Вот именно. Надо мной. — Вместо этого он заставил их смеяться над Джоффом — ловко, не так ли?

— Брат говорил, что смешить людей не позорно. Что это честное ремесло, — сказала Пенни и залилась слезами.

— Мне жаль твоего брата. — Он уже говорил ей это в Волантисе, но тогда она была так поглощена своим горем, что вряд ли услышала. Теперь до нее дошло.

— Жаль, вот как? — Губа у нее дрожала, глаза казались двумя красными дырами. — Мы уехали из Королевской Гавани в ту же ночь. Так брат решил — боялся, что нас тоже обвинят в смерти короля Джоффри и будут пытать. Сначала мы поехали в Тирош, где у нас был знакомый жонглер, много лет представлявший у фонтана Пьяного Бога. Он уже состарился, часто ронял мячи и гонялся за ними по площади, но тирошийцы все равно бросали ему монетки, хоть и смеялись. Как-то утром его нашли около храма Триоса. Там стоит большая статуя этого трехглавого бога; старика расчленили и засунули куски во рты всех трех голов. Тело сшили заново и увидели, что у него самого головы нет.

— Голова отправилась к моей дражайшей сестрице. Он тоже был карликом.

— Да, как вы и Оппо… Грошик. Жонглера вам тоже жаль?

— Я только сейчас узнал о его существовании, но мне и его жаль, да.

— Он умер из-за вас. Его кровь на ваших руках.

Это обвинение, особенно после слов Джораха Мормонта, сильно уязвило его.

— Его кровь на руках моей сестры и убивших его скотов. Что до моих, — Тирион сжал кулаки, — на них тоже немало крови. Кого я только не убивал: отцов, матерей, племянников, любовниц, мужчин, женщин, королей, шлюх. Однажды меня разозлил певец, и я велел суп из него сварить. Но ни жонглеров, ни карликов у меня на совести нет. Я неповинен в том, что стряслось с твоим братцем.

На это Пенни выплеснула вино из чаши ему в лицо — совсем как дражайшая сестрица. В глазах защипало, дверь камбуза хлопнула. Вот тебе и подружились.

Тирион почти не имел дела с другими карликами. Его лорд-отец не любил напоминаний о сыновнем уродстве, и скоморохи, державшие у себя коротышек, быстро научились держаться подальше от Бобрового Утеса и Ланниспорта. Став взрослым, Тирион узнал, что у дорнийского лорда Фаулера есть шут-карлик, на Перстах служит карлик-мейстер и среди Молчаливых Сестер тоже есть карлица, но у него не было ни малейшего желания знакомиться с ними. Доходили до него и менее достоверные слухи: о карлице-ведьме, будто бы живущей на холме в речных землях, и маленькой шлюхе из Королевской Гавани, блудящей будто бы с кобелями. Сестрица, сообщив ему о последней, посоветовала заодно найти себе течную суку и попробовать самому. На вежливый вопрос, не себя ли сестра имеет в виду, она и плеснула в него вином — да не белым, как это, а красным. Тирион протер глаза рукавом.

Пенни он больше не видел до самого шторма.

Воздух в тот день был тяжел, а тучи на западе пламенели, как знамя Ланнистеров. Матросы задраивали люки, очищали палубу, сновали по вантам и закрепляли все, что еще не было закреплено.

— Злой ветер идет, — бросил кто-то. — Шел бы ты вниз, Безносый.

Тириону вспомнился шторм, который он перенес в Узком море. Палуба из-под ног уходит, корабль трещит, во рту вкус вина и рвоты.

— Безносый останется наверху. — Если богам угодно прибрать его, он уж лучше утонет, чем захлебнется собственной рвотой.

Парус, колыхавшийся, как мех большого спящего зверя, внезапно надулся, и все взоры на корабле обратились к нему.

Ветер подхватил судно, сбил с курса. Тучи зловеще громоздились на красном небе. В середине утра на западе сверкнула молния и прокатился гром. Сильно подросшие волны били и швыряли «Вонючего стюарда». Тирион, чтобы не мешать убиравшим парус матросам, засел на баке, подставил лицо дождю. Когг, вставая на дыбы яростнее всякой верховой лошади, взбирался на валы и скатывался во впадины между ними. Удары сотрясали карлика до костей, но здесь все равно было лучше, чем в душной каюте.

Шторм унялся только к вечеру. Тирион промок насквозь, но чуть ли не ликовал. Его восторг достиг апогея, когда он нашел вдрызг пьяного Мормонта в луже блевотины на полу их каюты.

После ужина он задержался на камбузе и опрокинул несколько чарок рома с коком, здоровенным неотесанным волантинцем. На общем тот знал лишь одно слово, да и то непристойное, но в кайвассу играл отменно, особенно выпивши. Из трех партий, сыгранных ими в ту ночь, Тирион выиграл первую и проиграл две других. После этого он решил, что с него хватит, и снова вылез на палубу проветрить голову от слонов и от рома.

Пенни, стоя на месте сира Джораха у носовой фигуры, смотрела в темное море. Сзади она казалась совсем маленькой и хрупкой, будто дитя.

Тирион хотел уйти, чтобы не мешать ей, но она уже обернулась, услышав его шаги.

— Хутор Хилл.

— Можно и так. — Оба они знали, что это имя не настоящее. — Если хочешь, я уйду.

— Не надо. — Несмотря на бледность и грусть, плакать она, кажется, перестала. — Извини, что вином тебя облила. Моего брата и бедного старика из Тироша в самом деле убил не ты.

— Я тоже был причастен, хотя и не ведал о том.

— Я так скучаю по брату…

— Вполне понятно. — «Считай, что тебе повезло, — подумал Тирион, вспомнив Джейме. — Он не успел предать тебя перед смертью».

— Я думала, что хочу умереть, но сегодня, когда корабль чуть не пошел ко дну…

— Ты поняла, что все-таки хочешь жить. — Он тоже через это прошел — вот у них и нашлось нечто общее.

Улыбалась она неохотно из-за неровных зубов, но теперь улыбнулась.

— Ты правда сварил суп из певца?

— Я? Нет. Повар из меня никудышный.

Пенни хихикнула и вновь стала юной — ей было никак не больше девятнадцати лет.

— Что он такого сделал, этот певец?

— Сложил про меня песню. — «Там ждала она, его тайный клад, наслажденье его и позор. И он отдал бы замок и цепь свою за улыбку и нежный взор». Почему эти слова не оставляют его в покое? «Золотые руки всегда холодны, а женские горячи…»

— Такая плохая песня была?

— Не то чтобы. Не «Рейны из Кастамере», однако…

— Послушать бы.

— Ну нет, — засмеялся он. — Петь я не стану.

— Мать когда-то пела нам с братом. Говорила, что голос тут не нужен, лишь бы песня была хорошая.

— Она тоже была…

— Маленькой? Нет, маленьким был отец. Дед его в три года продал работорговцу, но

он вырос, стал знаменитым скоморохом и выкупился. Объехал все Вольные Города и Вестерос тоже. В Староместе его прозвали Фасолькой.

Еще бы. Тириону стоило труда не скорчить гримасу.

— Они с матерью уже умерли, — продолжала, глядя вдаль, Пенни, — а теперь и Оппо ушел… ни единой родной души не осталось. Что мне теперь делать, куда мне ехать? Я только и умею, что выступать на турнире, а для этого нужны двое.

«Даже и не думай, девочка».

— Найди себе другого сиротку, — предложил Тирион, но она будто не слышала.

— Это отец придумал. Он и первую свинью натаскал, да занедужил, и вместо него на нее сел Оппо. Я всегда ездила на собаке. Морской Начальник в Браавосе хохотал до упаду и щедро нас одарил.

— Там и нашла вас моя сестра? В Браавосе?

— Сестра? — не поняла Пенни.

— Королева Серсея.

— Не она, это был мужчина. Осмунд, не то Освальд. Я его не видела, договаривался обо всем Оппо. Брат всегда знал, что делать и куда ехать.

— Мы сейчас едем в Миэрин.

— Да нет же, в Кварт. Через Новый Гис.

— Нет. В Миэрин. Вот прокатишься на собаке перед королевой драконов, и она отсыплет тебе золота, сколько ты сама весишь. Ешь побольше, чтобы к тому времени округлиться.

— Одна я только и могу, что ездить по кругу, — не приняла шутки Пенни. — Может, я и насмешу королеву, а что потом? Мы подолгу нигде не задерживались. Публика сначала хохочет, но на четвертый или пятый раз она уже все знает заранее, и приходится ехать дальше. Зарабатывать лучше в больших городах, но мне больше нравятся маленькие. Люди там бедные, зато нас сажают за стол, и детишки к нам так и липнут.

«Потому что в таких городишках карликов сроду не видывали. Там липли бы и к двухголовой козе, прежде чем зарезать ее на ужин». Тирион, однако, не хотел снова доводить Пенни до слез.

— У Дейенерис доброе сердце и щедрые руки, — сказал он. — Она непременно оставит тебя при дворе — моей сестры там можно не опасаться.

— Ты тоже там будешь? — спросила Пенни.

«Если только королева не пожелает заплатить кровью Ланнистера за кровь Таргариена, пролитую Джейме».

— Ну да.

После этого Пенни стала чаще показываться на палубе. Назавтра Тирион встретил ее там вместе с пятнистой хрюшкой. Море успокоилось, день был теплый.

— Ее зовут Милка, — застенчиво поведала девушка.

Одна Милка, другая Пенни — что ж тут поделаешь. Пенни дала Тириону желудей, чтобы он покормил хрюшку с руки. «Вижу я, куда ты метишь», — думал он под довольное похрюкивание Милки.

Вскоре они и ужинать стали вместе — иногда вдвоем, иногда с охраной Мокорро. Пять перстов Огненной Руки Тирион нарек пальчиками, и Пенни посмеялась, что с ней бывало нечасто: рана еще не затянулась, горе не прошло.

Корабль она вслед за ним стала называть «Вонючим стюардом», но сердилась, когда он звал Милку Сальцем. В искупление он стал обучать ее кайвассе, однако это оказалось безнадежной затеей.

— Нет, — твердил он в десятый раз, — дракон летает, а не слоны.

В ту же ночь она напрямик спросила, не хочет ли он с ней сразиться.

— Нет, — отрезал он. Позже ему пришло в голову, что она, возможно, имела в виду не потешный турнир, а нечто другое. Он в любом случае ответил бы «нет», но, может быть, не столь резко.

Несколько часов он проворочался в своем гамаке, то засыпая, то просыпаясь. Во сне ему виделись серые руки, тянувшиеся из тумана, и ведущая к отцу лестница.

В конце концов он встал и вышел подышать воздухом. «Селасори кхорун» спустил на ночь свой полосатый парус, палуба опустела. На юте нес вахту один из помощников, у жаровни, где еще тлели угли, сидел Мокорро.

На западе виднелась горсточка звезд, самых ярких. Все остальное небо занимало кровавое зарево, и такой огромной луны Тирион никогда еще не видал. Она раздулась так, точно проглотила солнце и ее снедала горячка. В море рядом с кораблем покачивалась другая такая же.

— Который час? — спросил Тирион жреца. — Солнцу еще рано всходить, да и не в той стороне оно всходит. Почему небо красное?

— Небо над Валирией всегда красное, Хутор Хилл.

По спине Тириона пробежал холодок.

— Неужто мы подошли так близко?

— Ближе, чем хотелось бы морякам. У вас в Закатных Королевствах тоже ходят такие байки?

— Я слышал, что всякого, кто видел этот берег, постигнет несчастье. — Сам он в это не верил, его дядя тоже. Герион Ланнистер отплыл в Валирию, когда Тириону исполнилось восемнадцать. Его целью было отыскать фамильный меч дома Ланнистеров и другие сокровища, пережившие Роковой День. Тирион очень хотел отправиться туда вместе с ним, но лорд-отец объявил путешествие дурацкой фантазией и не позволил ему.

Правильно сделал, что не позволил. Герион, отплыв из Ланниспорта на «Смеющемся льве» лет десять назад, домой так и не вернулся. Люди, отправленные лордом Тайвином на его поиски, проследили корабль до Волантиса. Там половина команды разбежалась, и Гериону пришлось покупать рабов — ни один свободный человек не взойдет на корабль, капитан которого открыто заявляет о своем намерении идти в Дымное море.

— Значит, это Четырнадцать Огней отражаются там, на небе?

— Четырнадцать или четырнадцать тысяч — кто бы посмел считать их? Не следует смертным заглядываться на эти огни, мой друг. Они зажжены божьим гневом, человеку таких не зажечь.

Валирия. В Роковой День, как написано в книгах, каждый холм на протяжении пятисот миль изверг из себя дым, пепел и пламя, спалившее даже драконов в воздухе. В земле открылись трещины, поглощавшие храмы, дворцы, целые города. Озера закипали и превращались в кислоту, горы лопались, огненная лава била на тысячу футов ввысь, из красных туч сыпалось драконово стекло и лилась черная кровь демонов, сушу на севере затопило гневное море. Горделивого города не стало в одно мгновение, империя рухнула день спустя, Край Долгого Лета горел и погружался в пучину.

Валирийцы, воздвигшие свою империю на огне и крови, пожали то, что посеяли.

— Наш капитан не боится проклятия?

— Капитан предпочел бы пройти на пятьдесят лиг мористее, но я настоял на кратчайшем курсе. Не мы одни плывем к Дейенерис.

Грифф со своим молодым принцем… Быть может, слух об отплытии Золотых Мечей на запад распущен нарочно? Тирион не стал говорить об этом. В пророчестве, которым руководствуются красные жрецы, герой лишь один: второй Таргариен их только запутает.

— Ты видел наших соперников в пламени?

— Только их тени. Одну чаще других: чудище с одним черным глазом и десятью щупальцами, плывущее по кровавому морю.

БРАН

Месяц был тонким и острым, как нож. Бледное солнце всходило, заходило, вставало снова. Шелестели на ветру красные листья. Тучи заполняли небо, сверкала молния, гремел

гром. Синеглазые мертвецы с черными руками бродили вокруг трещины в скале, но не могли войти. Под холмом, на троне из чардрева, сидел изувеченный мальчик и слушал шепот, а вороны прохаживались по его рукам и плечам.

«Ходить ты больше не будешь, — сказала трехглазая ворона, — но будешь летать». Иногда откуда-то снизу слышалось пение. Старая Нэн называла этих певцов Детьми Леса, но сами они на истинном языке, которым ни один человек овладеть не может, именуют себя поющими песнь земли. Вороны, хранители многих тайн, знают этот язык и клюются, когда слышат песни.

Луна стала круглой. Дождь превращался в лед, и ветви деревьев ломались под его тяжестью. Бран и Мира придумали имена тем, кто пел песнь земли: Ясень, Листок, Чешуйка, Черный Нож, Снеговласка, Уголек. Их настоящие имена слишком длинны, сказала Листок, — человеку не выговорить. На общем языке говорила только она; Бран так и не узнал, что думают о своих новых именах остальные.

После страшного мороза, стоявшего за Стеной, пещеры казались особенно теплыми. Когда холод все-таки проникал к ним, певцы зажигали костры и прогоняли его. Здесь, внизу, нет ни ветра, ни льда, ни снега, ни шарящих мертвых рук — только сны, светильники и легкие клевки воронов. И тот, кто шепчет во мраке.

Певцы зовут его последним из древовидцев, но в снах Брана он остается трехглазой вороной. Когда Мира Рид спросила, как его имя, он издал звук, отдаленно напоминающий смех. «При жизни я их много переменил. Но у меня, как у всех, была мать, и она нарекла меня Бринденом».

«У меня есть дядя, тоже Бринден, — сказал тогда Бран. — Вернее, двоюродный дед. Бринден Черная Рыба».

«Его могли назвать в мою честь. Так иногда еще делают — не столь часто, как раньше. Люди забывчивы, только деревья помнят». Он говорил так тихо, что Брану приходилось напрягать слух.

«Он почти весь ушел в дерево, — объяснила Листок. — Смертные не живут столько, но он держится — ради нас, ради вас, ради всего рода людского. Силы его иссякли, и даже тысяча и одному глазу трудно за всем уследить. Когда-нибудь ты узнаешь».

«Что узнаю? — спросил Бран у Ридов, когда его при свете факелов отнесли в маленькую пещерку рядом с большой — там Дети Леса устроили им постели. — И что помнят деревья?»

«Тайны старых богов, — сказал Жойен Рид. Тепло, еда и отдых немного оживили его, но не развеселили, и усталые глаза смотрели куда-то внутрь. — Истины, известные Первым Людям. В Винтерфелле их позабыли, а у нас на болотах нет, ведь мы там ближе к природе. Земля, вода, камни, дубы, вязы, ивы существовали до нас и будут жить, когда нас не станет».

«Как и ты», — добавила Мира.

Бран опечалился: ему не хотелось жить, когда Миры не станет, но вслух он этого не сказал. Он почти взрослый, незачем выглядеть в глазах Миры плаксивым младенцем.

«Вы тоже могли бы стать древовидцами», — заметил он вместо этого.

«Нет, Бран», — грустно ответила Мира.

«Мало кому дано испить из зеленого фонтана, будучи смертным, и слышать шепот листвы, и видеть так, как видят деревья и боги, — сказал Жойен. — Мне боги послали одни только зеленые сны. Моей задачей было доставить тебя сюда — теперь она выполнена».

Луны не стало вовсе. Волки в лесу выли и обнюхивали сугробы, ища мертвецов. С белого холма, издавая оглушительный крик, сорвалась несметная стая воронов. Красное солнце всходило, закатывалось и снова всходило, делая снега розовыми. Под холмом думал свою думу Жойен, беспокоилась Мира, Ходор блуждал по темным ходам с мечом в правой руке и факелом в левой. А может, не Ходор, а Бран?

Об этом никто знать не должен.

Большая, обрывающаяся в бездну пещера черней смолы, черней перьев ворона. Свет в ней нежеланный гость: костры, свечи, тростник горят недолго и скоро гаснут.

Певцы сделали Брану такой же трон, как у лорда Бриндена: из мертвых, переплетенных с живыми корнями ветвей чардрева. Стоит он у бездны, на дне которой журчит поток, сиденье у него из мягкого мха, сверху Бран укутан теплыми шкурами.

Он сидит там и слушает, как шепчет его учитель.

«Не бойся темноты, Бран. — Голос перемежается шорохом листьев. — Корни деревьев растут под землей, где темно. Тьма будет тебе как плащ, как щит, как молоко матери. Она сделает тебя сильным».

Прорезался новый месяц, тонкий и острый как нож. Шел тихий снег, укрывая страждеревья и гвардейские сосны. Сугробы завалили устье пещеры, и Лето раскапывал их, чтобы пойти поохотиться со своей стаей. Бран не часто уходил вместе с ним, но иногда, ночью, следил за ним сверху.

Летать было еще лучше, чем лазить.

В шкуру Лета он теперь входил с той же легкостью, как когда-то бриджи натягивал. Влезать в оперение воронов было труднее, но не столь сложно, как Бран опасался — во всяком случае, этих воронов. «Дикий конь лягается, когда человек на него садится, — говорил лорд Бринден, — и кусает руку, взнуздывающую его, но конь, знавший одного всадника, не сбрасывает другого. Все эти птицы, старые и молодые, уже объезжены — выбирай одного и лети».

Бран выбрал одного, потом другого и не добился успеха, но третий наклонил голову, каркнул, и вот уже не мальчик смотрел на ворона, а ворон на мальчика. Журчание подземной реки стало громче, у факелов прибавилось яркости, воздух наполнился незнакомыми запахами. Бран хотел сказать что-то — и закричал, хотел полететь, врезался в стену и вернулся в собственное увечное тело. Ворон, целехонький, сел ему на руку, и Бран, взъерошив ему перья, снова вошел в него. Скоро он уже летал по пещере, лавируя между каменными зубьями, растущими из потолка; побывал даже над бездной и заглянул в ее темную холодную глубину.

Тогда ему стало ясно, что он не один.

«В вороне был кто-то еще, — сказал он лорду Бриндену, вернув себе человеческий облик. — Какая-то девочка. Я почувствовал».

«Это женщина, певшая песнь земли. Она давно умерла, но часть ее сохранилась, как сохранится часть тебя в Лете, если мальчик умрет. Тень души. Она не причинит тебе зла».

«Поющие есть во всех птицах?»

«Во всех. Это поющие научили Первых Людей посылать вести с воронами; в те дни птицы не носили письма, а говорили все сами. Деревья памятливы, люди забывчивы: теперь они пишут слова на пергаменте и привязывают к ногам птиц, в которых никогда не вселялись».

Ту же историю рассказывала когда-то Брану старая Нэн. Он спросил Робба, правда ли это, но брат со смехом осведомился, не верит ли Бран заодно и в грамкинов. Бран жалел, что Робба нет сейчас с ними. Он сказал бы, что умеет летать, Робб не поверил бы, и Бран бы ему показал. Робб бы тоже мог научиться, и Арья, и Санса, и Джон Сноу, и маленький Рикон. Он все стали бы воронами и жили бы на вышке у мейстера Лювина.

Нет, это только сон, глупый сон. Может, и все остальное происходит во сне? Он спит, упав в снег, и ему снится, что он в тепле, в безопасности. Надо проснуться, не то так и умрешь во сне. Он щипал себя за руку — было больно. Сначала он считал дни, но здесь, внизу, сон и явь сливались в одно. Сны переходили в уроки, уроки в сны, все случалось сразу или вообще не случалось. Летал он, или это ему только снилось?

«Лишь один человек на тысячу рождается перевертышем, — сказал лорд Бринден, когда Бран научился летать, — и лишь один перевертыш на тысячу может стать древовидцем».

«Я думал, что древовидцы — это волшебники из числа Детей Леса. То есть поющих».

«В каком-то смысле да. У тех, кого ты называешь Детьми, глаза золотые как солнце, но изредка рождается кто-то с кроваво-красными или зелеными, как мох на дереве в сердце

леса. Так боги метят тех, кого наделяют даром. Избранники слабы здоровьем и живут на земле недолго, ибо у каждой песни своя цена… но внутри деревьев их век может быть очень долог. Тысяча глаз, сотня шкур, мудрость, уходящая глубоко, как корни. Древовидцы».

Бран не понял и обратился к Ридам.

«Ты любишь читать книги?» — спросил Жойен.

«Если там про войну. Сансе вот нравится про любовь и прочие глупости».

«Читатель может прожить тысячу жизней, а не любящий читать — только одну. У Детей Леса нет ни чернил, ни пергамента, ни письменных знаков; все это им заменяют деревья, прежде всего чардрева. Умирая, они сами становятся стволом, листком, веткой и корнем. Деревья помнят все: их песни, заклинания, их истории и молитвы — все, что познали поющие за свою жизнь. Мейстеры говорят, что чардрева посвящены старым богам, поющие же верят, что они и есть боги. Каждый из Детей приобщается к божественному началу, когда умирает».

«Так они хотят убить меня?» — округлил глаза Бран.

«Нет, — сказала Мира. — Ты пугаешь его, Жойен».

«Пугаться следует не ему».

Луна сделалась полной. Лето рыскал по тихому лесу, худея с каждой охотой: вся дичь куда-то пропала. Чары над входом в пещеру держались, и мертвецы не могли войти. Снег их почти всех похоронил под собой, но они оставались там, в сугробах, и ждали. К ним приходили другие — те, что были раньше мужчинами, женщинами, даже детьми. Мертвые вороны с обледеневшими крыльями сидели на голых ветках. Полуистлевший белый медведь продирался через подлесок. Лето и его стая растерзали его и съели, хотя в нем уже завелись черви.

Под холмом пока еще было что есть. Здесь росли грибы ста разных видов, в черной реке водилась слепая рыба, на вкус не хуже глазастой. От коз, живущих вместе с поющими, получали молоко и сыр. За долгое лето были сделаны запасы овса, ячменя и сушеных фруктов. Жаркое с ячменем и луком они ели чуть ли не каждый день. Жойен думал, что это беличье мясо, Мира подозревала крысятину. Брану было все равно — мясо как мясо, вкусное.

В огромных пещерах, где времени будто не существовало, жили около семидесяти поющих и покоились кости тысячи умерших. «Не уходите далеко, — предупреждала Листок. — Река, которую вы слышите, впадает в темное море, а еще глубже есть провалы, колодцы и забытые тропы, ведущие в самую середину земли. Даже мой народ не все ходы знает, а мы живем здесь тысячу тысяч лет по людскому счету».

Листок и ее сородичи, хотя и звались Детьми Леса, были далеко не дети — их правильнее было бы называть Мудрецами Леса. Они, конечно, меньше, чем люди, но волк по сравнению с лютоволком тоже кажется маленьким, и это еще не значит, что он щенок. Кожа у них коричневая со светлыми пятнами, как у оленей, большие уши ловят то, чего не слышит ни один человек. Золотые кошачьи глаза, тоже большие, хорошо видят там, где Бран совершенно слеп. На руках у них всего по четыре пальца, считая большой, с острыми черными коготками.

И они поют — на истинном языке, так что слов не понять, но голоса их чисты, словно зимний воздух.

«А где остальной ваш народ?» — спросил как-то Бран у Листка.

«Они ушли в землю, — сказала она. — В камни, в деревья. До Первых Людей вся страна, которую вы называете Вестеросом, была нашим домом, хотя нас и в те дни было немного. Боги подарили нам долгую жизнь, но сделали нас малочисленными, чтобы мы не заполонили весь мир, как это бывает с оленями в лесу без волков. Это было на заре времен, и наше солнце только всходило. Теперь оно закатывается, и мы угасаем. Великаны, наши братья и наше несчастье, тоже почти уже вымерли. Больших львов на западных холмах истребили, единорогов осталась горстка, число мамонтов убавилось до нескольких сотен. Лютоволки переживут нас всех, но их срок тоже настанет. В мире, населенном человеком,

нет места ни для них, ни для нас».

Это были грустные слова, и Брану от них тоже сделалось грустно. «А вот люди грустить бы не стали, — подумал он вдруг. — Они злились бы, ругались, клялись отомстить. Они не пели бы грустных песен, а сражались и убивали».

Однажды Мира и Жойен вопреки предостережениям Листка, решили пойти к реке.

«Я тоже хочу», — сказал Бран.

До реки шестьсот футов вниз, объяснила Мира. Там крутые склоны, извилистые ходы, а под конец придется по веревке спускаться. «Ходор с тобой на спине нипочем не сможет… Мне жаль, Бран».

Когда-то Бран лазил лучше всех, даже Робб и Джон не умели так. Ему хотелось накричать на Ридов или заплакать, но он сдержался, потому что был почти взрослый. Как только они ушли, он залез в Ходора и отправился следом.

Большой конюх после того первого раза на озере во время грозы больше ему не противился — он просто сворачивался клубком, как побитая собака, и прятался глубоко, куда даже Брану доступа не было. «Я ничего плохого тебе не сделаю, Ходор, — мысленно сказал ему Бран. — Мне надо стать здоровым на время, а потом я верну тебе твое тело, как всегда возвращал».

Никто не знал, что он иногда входит в Ходора. Всего-то и надо, что улыбаться, делать что велят да бормотать время от времени «ходор». Он часто увязывался за Мирой с Жойеном, хотели они того или нет. На этот раз они даже порадовались, что Ходор с ними пошел. Вниз Жойен слез без труда, но обратно, когда Мира уже убила своей острогой белую рыбу, взобраться не смог. Сестра обвязала его веревкой, а Ходор вытащил, бубня «ходор, ходор».

Луна превратилась в месяц, тонкий и острый как нож. Лето отрыл из-под снега черную заиндевелую руку. Она ползла по насту, сжимая и разжимая пальцы. Лето слопал ее и кости разгрыз — лишь тогда рука вспомнила, что она мертвая.

Когда Бран был волком, он ел с Летом и его стаей. Вороном он летал с другой стаей, кружил над холмом на закате, высматривал врагов, чувствовал ледяные объятия воздуха. Ходором он обследовал пещеры, натыкаясь на полные костей склепы и шурфы, уходящие в глубину. В одном гроте с потолка свисали вниз головой скелеты гигантских летучих мышей. Однажды он перешел по хрупкому мосту через бездну. На том берегу, в путанице новых коридоров и камер, он нашел певцов, сидящих в чардревных гнездах, как Бринден. Корни оплели их и пронзили тела насквозь. Бран счел их мертвыми, но когда он проходил мимо, они открывали глаза и следили за его факелом, а кто-то даже открыл сморщенный рот, будто хотел что-то вымолвить. «Ходор», — сказал ему Бран, и настоящий Ходор шевельнулся где-то внутри.

Лорд Бринден на своем троне, полутруп-полудерево, походил не на человека, а на безобразную куклу из кривых корней, костей и трухлявой шерсти. Живым оставался лишь его единственный красный глаз; в обрамлении белой древесины и белых лоскутьев кожи на черепе он пылал, как последний уголь в погасшем костре.

Пронизанный корнями, поросший грибами, с белым червем в пустой глазнице, он пугал Брана по-прежнему. Мальчику было легче, когда факелы не горели: в темноте можно представить, что с тобой говорит трехглазая ворона, а не этот живой мертвец.

Однажды Бран подумал с ужасом, что и сам когда-нибудь станет таким. Как будто мало, что он безногий, — неужели он лишится всего остального, и корни прорастут сквозь него? Лорд Бринден черпает жизнь из дерева, так сказала Листок. Он не ест, не пьет, но спит, грезит и наблюдает. Когда-то, тысячу лет назад, Бран собирался стать рыцарем и бегал, и сражался на мечах, и лазил по стенам.

Кто он теперь? Бран-калека, принц утраченного королевства, лорд сожженного замка, наследник руин. Он думал, что трехглазая ворона окажется волшебницей и сможет починить ему ноги, но это оказалось лишь глупой ребячьей мечтой. Он уже слишком взрослый для таких сказок. Обладать тысячью глаз, сотней шкур и глубоко уходящей мудростью — все

равно что быть рыцарем… ну, почти.

Настали безлунные ночи. Солнце снаружи всходило и заходило, выли холодные ветры. Под холмом Жойен Рид стал совсем тихим и нелюдимым, огорчая свою сестру. Она часто сидела с Браном у их маленького костра, говорила о пустяках, гладила Лето, когда тот был на месте, а Жойен в это время бродил по пещерам один. В ясные дни он завел привычку подниматься к самому устью, стоял там часами, смотрел на лес и трясся, несмотря на меха, которыми был укутан.

«Домой хочет, — сказала Мира, — но при этом даже не пытается бороться с судьбой. Говорит, что зеленые сны не лгут».

«Потому что он отважный», — рассудил Бран. «Человек может быть отважным, лишь когда он боится», — так сказал отец в тот давний день, когда они нашли щенков лютоволка в летнем снегу. Бран это запомнил.

«Просто глупый. Вот найдем твою трехглазую ворону, думала я, и тогда… Теперь я перестала понимать, зачем мы сюда пришли».

«Из-за меня», — подумал Бран и сказал: «Нас вели зеленые сны».

«Да… зеленые сны», — с горечью повторила Мира.

«Ходор», — сказал Ходор.

Мира заплакала, и Бран как никогда пожалел, что он калека.

«Не плачь». Обнять бы ее крепко-крепко, как мать обнимала его в Винтерфелле после падения. Она так близко, Мира, и в то же время будто за сотню лиг от него. Чтобы дотронуться до нее, ему пришлось бы ползти, упираясь в землю руками и волоча ноги, а пол в пещере неровный, весь в буграх и выбоинах. Разве что в Ходора влезть… тогда он мог бы обнять Миру и похлопать ее по спине. Бран все еще обдумывал эту странную мысль, когда Мира сорвалась и убежала в темный проход. Скоро шаги ее затихли, и слышались лишь голоса поющих.

На небо вышел месяц, тонкий и острый как нож. Дни, один короче другого, пролетали быстро, ночи становились длиннее. В пещеры под холмом не проникали ни солнце, ни луна, даже звезды туда не заглядывали. Все это принадлежало верхнему миру, где время двигалось по железному кругу — от дня к ночи, от ночи к дню.

— Время пришло, — сказал лорд Бринден, и по спине Брана пробежались ледяные пальцы.

— Для чего?

— Для следующего шага. Перевертышем ты уже стал, пора учиться быть древовидцем.

— Этой науке учатся у деревьев. — Листок знаком подозвала к себе другую поющую, которую Мира назвала Снеговлаской. На чаше из чардрева в ее руках было вырезано около дюжины ликов, таких же, как на сердце-деревьях. Густую белую кашу внутри пронизывали красные жилки. — Ешь, — велела Листок, подав Брану деревянную ложку.

— А что это?

— Кашица из семян чардрева.

Брану почему-то стало нехорошо. Красные прожилки — должно быть, сок — при свете факелов очень походили на кровь. Он зачерпнул кашу ложкой, но в рот отправлять не стал.

— Она сделает меня древовидцем?

— Древовидцем тебя делает твоя кровь, — ответил лорд Бринден, — а это зелье пробудит твой дар и поженит тебя с деревьями.

Брану не хотелось жениться на дереве, но кто еще за такого пойдет? Тысяча глаз, сотня шкур, глубоко идущая мудрость… Древовидец.

Он начал есть.

Каша хоть и горьковатая, была все же не такой горькой, как желудевая. После первой ложки его чуть не вырвало, вторая пошла легче, третья показалась почти что сладкой. С чего он взял, будто каша горькая? У нее вкус меда, свежевыпавшего снега, перца, корицы, последнего поцелуя матери. Пустая чашка выпала и стукнулась о каменный пол.

— Я не чувствую никакой перемены. Что дальше?

— Деревья скажут тебе. Они помнят. — По знаку Листка другие поющие стали гасить факелы один за другим. Тьма густела и подползала все ближе.

— Закрой глаза, — сказала трехглазая ворона, — сбрось кожу. Ты делаешь это каждый раз, входя в Лето, но на этот раз войди не в него, а в корни. Следуй по ним сквозь землю к лесным деревьям и говори, что ты видишь.

Бран закрыл глаза, сбросил кожу. Войти в корни… стать деревом. Какой-то миг он еще видел окутанную мраком пещеру и слышал реку внизу — миг спустя он перенесся домой.

Лорд Эддард сидел на камне у глубокого черного пруда в богороще. Бледные корни сердце-дерева обнимали его, как заботливые старческие руки. На коленях у него лежал Лед, и отец протирал меч масляной тряпицей.

— Винтерфелл, — прошептал Бран.

— Кто здесь? — Лорд Эддард оглянулся, испуганный Бран отпрянул.

Отец, пруд и богороща поблекли; он снова оказался в пещере, и бледные корни чардревного трона обнимали его, словно мать младенца. Перед ним загорелся факел.

— Скажи, что ты видел. — Издали Листок казалась девочкой не старше Брана или его сестер, вблизи было видно, что она давно уже не ребенок. Сама она говорила, будто ей двести лет.

Бран, у которого пересохло в горле, сглотнул.

— Винтерфелл. Я был дома и видел отца. Он не умер! Он там, в Винтерфелле!

— Нет, мальчик, он умер, — сказала Листок. — Не пытайся вернуть его к жизни.

— Но я его видел. — Бран чувствовал щекой прикосновение шершавого корня. — Он чистил Лед.

— Ты видел то, что хотел увидеть. Тебя тянет к отцу и к родному дому, и они предстали тебе.

— Прежде чем что-то увидеть, надо научиться смотреть, — сказал лорд Бринден. — Ты видел прошлое, Бран, глядя глазами сердце-дерева в своей богороще. Дерево понимает время иначе, чем человек. Оно знает, что такое солнце, вода и почва, но понятия дней, лет и веков ему чужды. Для людей время — словно река. Подхваченные его течением, мы несемся от прошлого к настоящему, всегда в одну сторону. Деревья живут по-другому. Они пускают корни, растут и умирают на одном месте — река времени не трогает их. Дуб есть желудь, желудь есть дуб. Для чардрева тысяча человеческих лет словно мгновение — вот дверь, через которую мы с тобой можем заглянуть в прошлое.

— Но он слышал меня, — не уступал Бран.

— Он слышал шорох ветра в листве. Ты не можешь поговорить с ним, как бы тебе того ни хотелось. Я это знаю, Бран. У меня свои призраки: любимый брат, ненавистный брат, желанная женщина. С помощью деревьев я вижу их до сих пор, но не могу сказать им ни слова. Прошлое остается прошлым. Оно поучительно, но изменить его мы не в силах.

— Увижу ли я отца вновь?

— Овладев мастерством, ты сможешь видеть глазами деревьев все, что захочешь, будь то вчера, в прошлом году или тысячу лет назад. Люди заключены в вечном настоящем, между туманами памяти и тем морем теней, каким нам видится будущее. Есть бабочки, живущие всего один день, но им этот коротенький промежуток времени представляется не менее долгим, чем годы и десятилетия нам. Дуб может прожить триста лет, красное дерево — три тысячи, а чардрево, если не трогать его, живет вечно. Зима и лето для них не дольше мгновения, а разницы между прошлым, настоящим и будущим нет вовсе. Твое зрение не будет ограничено родной богорощей. Поющие вырезали на своих сердце-деревьях глаза, чтобы те пробудились, через них и учится смотреть древовидец на первых порах… но потом ты начнешь видеть гораздо дальше.

— Когда? — спросил Бран.

— Через год, через три, через десять… не знаю когда. В свое время это придет к тебе, обещаю… Но теперь я устал, и деревья зовут меня. Вернемся к этому завтра.

Ходор отнес Брана обратно в его пещерку, бормоча «ходор». Листок шла впереди с

факелом. Бран надеялся, что Мира и Жойен будут на месте и он обо всем им расскажет, но в их уютной скальной комнатке было пусто и холодно. Ходор уложил Брана в постель, укрыл меховыми шкурами, развел для него костер. Тысяча глаз, сотня шкур, мудрость, уходящая глубоко, как корни старых деревьев.

Бран, глядя в огонь, решил не спать до прихода Миры. Уныние Жойена ничем не пронять, но Мира порадуется новым достижениям друга. Он сам не заметил, как закрыл глаза и опять перелетел в винтерфеллскую богорощу. Лорд Эддард на этот раз был намного моложе, без следа седины в каштановых волосах.

«…пусть они растут как братья и любят друг друга, — молился он, склонив голову, — а моя леди-жена найдет в душе силу простить…»

— Отец, — прошелестел Бран, как ветер в листве. — Это я, Бран. Брандон.

Эддард Старк поднял голову и хмуро посмотрел на чардрево. «Он не видит меня», — в отчаянии понял Бран. Ему хотелось прикоснуться к отцу, но он мог лишь смотреть и слушать. Он был в дереве и смотрел на мир его красными глазами — деревья говорить не умеют. На глазах выступили слезы — его, Брана, или чардрева? Будет ли плакать дерево, если заплачет он?

Отец возобновил молитву, но его слова заглушил деревянный стук. Лорд Эддард растаял, как туман поутру: теперь по богороще, фехтуя ветками, носились двое ребят. Девочка была старше и выше мальчика… Арья? Нет, быть того не может. Если она Арья, то мальчик — сам Бран, а он никогда не носил таких длинных волос, и сестра не побивала его в игре, как эта девчонка. Вот она огрела мальчика по бедру, да так сильно, что нога у него подломилась, и он плюхнулся в пруд. «Тихо ты, дурачок, — сказала она, бросив ветку. — Это всего лишь вода. Хочешь, чтоб старая Нэн услыхала и нажаловалась отцу?» Став на колени, она вытащила брата, и оба тут же растаяли.

Картинки стали сменяться так быстро, что у Брана зарябило в глазах. Ни отца, ни похожей на Арью девочки он больше не видел. Из пруда вышла нагая женщина с большим животом; она преклонила колени и стала молить старых богов о сыне, который за нее отомстит. Стройная девушка привстала на цыпочки, чтобы поцеловать рыцаря ростом с Ходора. Юноша с темными глазами, бледный и злой, отломил у чардрева три ветки и выстругал из них стрелы. Само дерево с каждым видением становилось все ниже, а деревья вокруг, превратившись в саженцы, исчезли совсем, и на их месте появились другие деревья, которым тоже предстояло исчезнуть. Лорды, которых Бран видел теперь, были суровыми мужами в мехах и кольчугах. Некоторые лица он видел в крипте, но не успел разобраться, кто из них кто.

Некий бородач поставил на колени перед сердце-деревом своего пленника. К ним, раздвинув красные листья, вышла женщина с белыми волосами; в руке она держала бронзовый серп.

— Нет, — сказал Бран, — не надо! — Но они не слышали его, как и отец. Женщина взяла пленника за волосы и полоснула серпом по горлу.

Брандон Старк сквозь туман минувших веков мог лишь смотреть, как дергаются ноги принесенного в жертву… и чувствовать вкус его крови.

ДЖОН

После семи дней ненастья и вьюг наконец проглянуло солнце. Сугробы намело в человеческий рост, но стюарды уже прокопали дорожки. Стена до мельчайшей трещинки сияла бледной голубизной.

Джон Сноу, стоя на высоте семисот футов, смотрел на Зачарованный лес. Там гулял северный ветер, и снег с ветвей реял в воздухе подобно знаменам. Больше никакого движения, ни признака жизни. Джон боялся не живых, и это не слишком его успокаивало, однако…

Солнце светит, снег перестал. Вряд ли им представится лучший случай на протяжении

всей луны, а может, и за всю зиму.

— Пусть Эммет соберет своих новобранцев, — сказал Джон Скорбному Эдду. — Сопровождать их будут десять разведчиков с оружием из драконова стекла. Выступать через час.

— Так точно, милорд. Кто будет ими командовать?

— я.

Углы губ Эдда опустились еще более скорбно.

— Не лучше ли лорду-командующему остаться южнее Стены? Я всего лишь выражаю общее мнение, заметьте себе.

— Обществу лучше не высказывать его вслух, — улыбнулся Джон.

Налетевший ветер заполоскал плащ Эдда.

— Давайте спускаться, милорд. Нас того и гляди снесет, а летать я так и не выучился.

Они поехали вниз. Ветер был как дыхание ледяного дракона из сказки, которую Джону рассказывала в детстве старая Нэн. Клеть раскачивалась и задевала о Стену, сбивая с нее льдинки, похожие на осколки стекла.

Стекло бы им пригодилось. Можно завести теплицы наподобие винтерфеллских и выращивать овощи даже зимой. Хорошее прозрачное стекло из Мира стоит, как пряности того же веса, а желтое или зеленое пропускает солнце гораздо хуже. Золото, вот что им требуется. Закупить в Мире стекольщиков-подмастерьев, привезти сюда и дать им волю с тем, чтобы обучили своему ремеслу новобранцев. Вот наилучший способ, будь у Ночного Дозора золото, — но его нет.

Призрак, с наслаждением валявшийся в снегу, отряхнулся.

— Он тоже с вами пойдет? — спросил Эдд.

— Ну да.

— Хорошо, он умный зверюга. А я?

— Ты останешься.

— И лорд у нас умный. Призрак вам нужнее: у меня зубов не осталось, чтоб с одичалыми грызться.

— Одичалые, по милости богов, нам не встретятся. Приготовь мне серого мерина.

В Черном Замке новости разносятся быстро. Эдд еще седлал серого, а Боуэн Мурш уже спешил через двор к конюшне.

— Подумайте хорошенько, милорд. Новички с тем же успехом могут присягнуть в септе.

— Септа — дом новых богов. Старые обитают в лесу, и те, кто чтит их, приносят клятву среди чардрев. Вам это не хуже меня известно.

— Атлас из Староместа, Эррон и Эмрик с западных земель. Они старым богам не молятся.

— Я не навязывал им богов. Они могли выбрать Семерых или красного бога, но предпочли деревья, ясно понимая, с какой опасностью это сопряжено.

— Плакальщик все еще где-то там, в лесу.

— До рощи, даже по снегу, ехать не более двух часов. Вернемся к полуночи.

— Одичалым хватит. Неразумно это, милорд.

— Однако необходимо. Эти люди собираются посвятить свою жизнь Ночному Дозору, вступить в братство, существующее несколько тысяч лет. Слова имеют значение, традиции тоже. Они связывают вместе простых и знатных, старых и молодых, благородных и подлецов. Всех нас делают братьями. — Джон хлопнул Мурша по плечу. — Мы вернемся, даю вам слово.

— Живыми, милорд? Или как головы с выколотыми глазами на копьях? Обратно вы поедете ночью, по колено в снегу. Это хорошо, что с вами будут опытные разведчики, но Черный Джек Бульвер и ваш дядя Бенджен Старк тоже не раз бывали в лесу…

— У меня есть то, чего у них не было. — Джон свистнул и позвал: — Призрак, ко мне. — Разведчики раздались, пропуская лютоволка; Рори едва удержал испуганную

кобылу. — Оставляю Стену на вас, лорд Боуэн. — Джон взял серого под уздцы и повел к ледяному туннелю, ведущему на ту сторону.

За Стеной их встретил тихий, закутанный в белые плащи лес. Разведчики с рекрутами садились по коням и строились, Призрак принюхивался.

— Ну что, есть там кто-нибудь? — спросил его Джон. Лес, сколько хватал глаз, был пуст, а дальше — кто знает.

Призрак пробежал между двумя соснами и скрылся в облаке снежной пыли. Почуял что-то, но что? Джон боялся не столько за лютоволка, сколько за одичалых, которые могли ему встретиться. Белый волк в белом лесу, тихий, как тень, — они и ахнуть не успеют. Но гнаться за Призраком бесполезно: он придет, когда сам захочет, не раньше. Джон толкнул коня каблуками, и весь отряд, проламывая наст, потянулся в лес. Они двигались ровным шагом, все дальше уходя от Стены.

Гвардейские сосны и страж-деревья укрылись снегом, голые ветки широколистов обледенели. Тома-Ячменя Джон послал вперед по знакомой дороге в белую рощу, Большой Лиддль и Люк из Долгуна ехали по флангам с востока и запада. У всех разведчиков, помимо стальных клинков, имелись обсидиановые, на седлах висели боевые рога.

Все они хорошие бойцы и верны своим братьям. Неизвестно, какими они были до Стены, — можно не сомневаться, что прошлое у многих столь же черно, как плащи Ночного Дозора, — но здесь на них положиться можно. Капюшоны и шарфы скрывают их лица, но их имена, все до одного, отпечатаны в сердце Джона.

С ними едут еще шестеро, готовых произнести слова присяги. Конь родился и вырос в Кротовом городке, Эррон и Эмрик приехали со Светлого острова, Атлас торговал собой в Староместе на том конце Вестероса. Все они мальчишки, а вот Кожаному и Джексу уже за сорок. Сыны Зачарованного леса, имеющие собственных сыновей и внуков. Пока лишь они двое из шестидесяти трех человек, пошедших за Джоном Сноу, решились надеть черный плащ. Железный Эммет сказал, что учить их без толку — какие есть, такими и будут. Джон, Эммет и Боуэн Мурш после долгих раздумий назначили Кожаного, Джекса и Эмрика в разведчики, Коня в строители, Эррона и Атласа в стюарды. Им осталось лишь принести присягу.

Сейчас Эммет ехал рядом с командующим на очень косматой лошади — одна шерсть да копыта.

— Говорят, ночью в бабьей башне заваруха случилась? — спросил он.

Из этих шестидесяти трех девятнадцать — женщины. Джон разместил их в заброшенной башне Хардина, где сам спал, когда только приехал на Стену. Двенадцать из них копьеносицы, вполне способные защитить и себя, и младших от нежеланного внимания черных братьев. Отвергнутые-то и наделили башню новым именем, с которым Джон не хотел мириться.

— Три пьяных дурня приняли башню Хардина за бордель. Теперь они сидят в ледовых камерах и размышляют о своих прегрешениях.

Эммет поморщился.

— Мужчины есть мужчины, клятвы — только слова, а слова — ветер. Не лучше ли приставить к женщинам стражу?

— А стражу кто сторожить будет? — «Ничего ты не знаешь, Джон Сноу…» Но кое-что благодаря Игритт он все же узнал. Он сам нарушил свои обеты и не вправе ждать от братьев чего-то большего, однако с одичалыми лучше не связываться. «Либо женщина, либо нож — и то, и другое мужчина иметь не может», — говорила когда-то Игритт. Боуэн Мурш в целом прав: башня Хардина — это растопка, только и ждущая искры. — Я хочу еще три замка открыть, — сказал Джон. — Глубокое Озеро, Соболий, Бочонок. Их населит вольный народ, только начальники будут наши. В Бочонке, помимо командира и главного стюарда, будут жить одни женщины. — Без шашней все равно, конечно, не обойдется, но расстояние сильно их затруднит.

— И какой же бедолага будет командовать таким гарнизоном?

— Тот, который со мной рядом едет.

Смесь восторга и ужаса, отразившаяся на лице Железного Эммета, стоила доброго кошеля золота.

— За что вы так меня невзлюбили, милорд?

— Одного не брошу, не бойся, — фыркнул Джон. — Дам тебе Скорбного Эдда в стюарды.

— То-то обрадуются копейные женки. Могли бы и магнару замок пожаловать с тем же успехом.

— Пожаловал бы, кабы мог ему доверять. — Джон больше не улыбался. — Боюсь, что Сигорн винит меня в смерти отца. Притом он воспитан, чтобы приказывать, — подчинение не его стезя. Не путай теннов с вольным народом. Магнар на старом языке значит «лорд», но Стиру они поклонялись скорее как богу, и сын его из того же теста. Я не требую, чтобы люди становились передо мной на колени, но подчиняться они должны.

— Так-то оно так, милорд, но что-то с ним делать надо — как бы хлопот не вышло.

«Хлопоты — удел лорда-командующего», — мог бы ответить Джон. Поездка в Кротовый городок их только прибавила, и женщины из них самая меньшая. Халлек оправдал его наихудшие ожидания, а среди черных братьев есть лютые ненавистники одичалых. Кто-то из людей Халлека уже отсек ухо одному из строителей, и это, можно не сомневаться, еще цветочки. Надо поскорее наладить братца Хармы в Глубокое Озеро или Соболий, но оба эти замка совершенно непригодны для проживания, а Отелл Ярвик со своими строителями до сих пор занят в Твердыне Ночи. Джон порой думал, что напрасно не дал Станнису увести с собой одичалых — пусть бы их там перебили всех до последнего. «Ничего я не знаю, Игритт, — мысленно каялся он. — Возможно, и не научусь никогда».

До рощи осталось полмили. Сугробы розовели под косыми солнечными лучами. Всадники пересекли замерзший ручей между двумя обледенелыми скалами и двинулись на северо-восток по звериной тропе. Порывистый ветер кидал снег в глаза. Джон поднял капюшон, закрыл рот и нос шарфом.

— Теперь уж недалеко, — сказал он, но отклика не было.

Тома-Ячменя он почуял до того, как увидел. Может, не он почуял, а Призрак? Последнее время он даже наяву чувствовал свою неразрывную связь с лютоволком. Сначала из леса, отряхиваясь, выскочил именно он, потом показался Том.

— Одичалые в роще, — тихо доложил он.

Джон жестом остановил отряд.

— Сколько их?

— Я насчитал девять. Караулов нет. Некоторые не то мертвые, не то спят, большинство вроде бы женщины, один ребенок, великан тоже есть. Костер развели, дым так и валит. Дурачье.

Девять. Их в отряде семнадцать, но четверо совсем зеленые, и великана ни одного.

Поворачивать обратно к Стене Джон, однако, не собирался. Живых можно будет забрать с собой… да и мертвые пригодятся.

— Дальше пойдем пешком, — сказал Джон, спрыгнув с коня. Снег был ему по щиколотку. — Рори и Пейт останутся с лошадьми. — Он мог бы поручить это рекрутам, но надо же мальчишкам когда-нибудь себя испытать. — Построимся полумесяцем, чтобы накрыть их с трех сторон сразу. Правого и левого не теряйте из виду, чтобы промежутки не расширять. Снег нам на руку: если застанем их врасплох, можем обойтись малой кровью.

Лес на западе поглотил последний краешек солнца. Розовые сугробы опять побелели и начинали синеть. На сером, как много раз стиранный черный плащ, небе проглянули первые звезды.

Маячившее впереди белое дерево с темно-красными листьями могло быть только чардревом. Джон, вынув Длинный Коготь из ножен, кивнул Атласу справа и Коню слева. Они передали этот знак по цепи, и все бесшумно ринулись в рощу, взрывая ногами снег. Призрак белой тенью бежал рядом с Джоном.

Вокруг поляны росло девять чардрев, примерно того же возраста и той же величины. Ни один из вырезанных на их стволах ликов не походил на другой. Одни улыбались, другие кричали, разверзнув рты. Глаза казались в сумерках черными, но Джон знал, что днем они красные, как у Призрака.

Костер посреди поляны едва тлел и сильно дымил, но даже в нем было больше жизни, чем в столпившихся у огня одичалых. Ребенок при виде Джона — больше никто вторжения не заметил — поднял крик и стал дергать за рваный плащ своей матери. Поздно: черные воины уже вышли из-за белых деревьев, и в их черных перчатках сверкала сталь.

Спавший у огня великан спохватился последним. Разбуженный детским криком, хрустом снега под черными сапогами или чьим-то испуганным «ах», он заворочался, будто оживший валун, сел, протер глаза — и увидел перед собой Железного Эммета с мечом. Тогда он взревел, вскочил и поднял свою дубину.

Призрак оскалился, а Джон, схватив его за шкирку, сказал:

— Мы не хотим проливать кровь. — Великана свалить можно, но это повлечет за собой многие жертвы. Одичалые непременно ввяжутся в бой и погибнут, прихватив с собой кого-то из его братьев. — Это священное место. Сдавайтесь, и мы…

От нового рева содрогнулась уцелевшая на деревьях листва. Великан грохнул по земле дубовой шестифутовой палицей с увесистым камнем в набалдашнике. Несколько одичалых тоже взялись за оружие, и тут с другого конца рощи подал голос Кожаный. По гортанным звукам и напевности Джон узнал старый язык.

Кожаный говорил долго. Великан в ответ пробурчал нечто совершенно неразборчивое, на слух Джона, но Кожаный показал на деревья и что-то добавил. Великан скрипнул зубами и бросил дубину.

— Всё, — сказал Кожаный, — драки не будет.

— Молодец! — восхитился Джон. — Что ты ему сказал?

— Что это и наши боги. Что мы пришли помолиться.

— Этим самым мы и займемся сейчас. Спрячьте клинки, сегодня ночью кровь не прольется.

Джон пересчитал одичалых. Девять, это верно, но двое из них мертвы, а третья и до утра не протянет. Шестеро остальных состояли из матери с ребенком, двух стариков, раненого тенна в помятых бронзовых латах и Рогоногого с обмороженными ногами, который никогда уже не будет ходить. Впоследствии Джон узнал, что прежде они не были знакомы друг с другом. Когда Станнис разбил войско Манса, они долго скитались по лесу, теряли родных и друзей и наконец пришли сюда, в священную рощу.

— Здесь живут боги, — сказал один старик. — В таком месте хорошо умирать.

— До Стены всего несколько часов ходу, — напомнил Джон. — Почему вы не обратились туда за помощью? Все остальные сдались — даже Манс.

Одичалые переглянулись, и кто-то сказал:

— А вы, вороны, их всех пожгли. Мы слышали.

— Манса первого, — добавила женщина.

«Тебе с твоим красным богом за многое придется держать ответ, Мелисандра».

— Все, кто захочет, могут пойти с нами в Черный Замок. Там есть еда, есть где спать, а Стена защитит вас от нечисти, обитающей в этих лесах. Даю вам слово, что никого из вас не сожгут.

— Слово вороны, — бросила женщина, прижимая к себе дитя. — Кто ты такой, чтоб мы тебе верили?

— Лорд-командующий Ночного Дозора, сын Эддарда Старка из Винтерфелла. Скажи Рори и Пейту, чтобы привели лошадей, — велел Джон Ячменю. — Не хочу задерживаться здесь дольше, чем требуется.

— Слушаюсь, милорд.

Оставалось исполнить то, ради чего они сюда ехали. Новички преклонили колени перед чардревами, остальные стояли на почтительном расстоянии. День угас окончательно — свет

давали лишь звезды и угли догорающего костра.

Шестеро присягающих в своих черных плащах казались выкроенными из тени, голоса звучали слабо среди необъятной ночи.

— Ночь собирается, и начинается мой дозор, — произносили они, как тысячи их предшественников. Атлас выпевал слова, Конь сипел и запинался, Эррон пищал. — Он не окончится до самой моей смерти.

«Только бы не слишком скоро она пришла, эта смерть. — Джон опустился в снег на одно колено. — Боги моих отцов, храните этих людей. И Арью, мою сестренку, где бы она ни была. Молю вас, пусть Манс найдет ее и благополучно доставит ко мне».

— Я не возьму себе ни жены, ни земель, не буду отцом детям, — звучали обеты, освященные годами и столетиями. — Я не надену корону и не буду добиваться славы. Я буду жить и умру на своем посту.

«Боги леса, ниспошлите мне сил, чтобы сдержать эту клятву, — молился Джон. — Ниспошлите мудрость, чтобы я знал, что мне делать, и мужество, чтобы выполнить это».

— Я меч во тьме, — говорили шестеро, и Джону казалось, что их голоса крепнут, обретая уверенность. — Я дозорный на Стене; я огонь, отгоняющий холод; я свет, приносящий зарю; я рог, пробуждающий спящих; я щит, охраняющий царство людей.

«Щит, охраняющий царство людей». Джон обнял ткнувшегося в плечо Призрака. Пахло грязными штанами Коня, благовониями Атласа, страхом и, поверх всего — великаном. Сердце стучало в груди, как молот. Женщина с ребенком, два старика, обмороженный Рогоногий — все они люди.

— Я вручаю свою жизнь и честь Ночному Дозору среди этой ночи и всех, которые грядут после нее.

Джон поднялся первым.

— Встаньте же мужами Ночного Дозора, — сказал он и подал руку Коню.

Ветер поднимается… Пора ехать.

Обратно они двигались куда медленней, чем сюда. Великан при всем своем росте шагал неспешно и все время сбивал дубиной снег с веток. Женщина ехала на одном коне с Рори, ее сын — с Томом-Ячменем, тенн боялся лошадей и ковылял, несмотря на раны, пешком, Рогоногого и худющую умирающую старуху пришлось приторочить к коням, как мешки.

Так же, к удивлению Железного Эммета, поступили и с двумя мертвыми.

— Они нас только задержат, милорд. Давайте порубим их на куски и сожжем прямо здесь.

— Ничего, возьмем, — сказал Джон. — Пригодятся.

Луны не было — дорогу указывали лишь звезды. Черно-белый мир молчал, снег налипал на бриджи и сапоги, ветер шумел в соснах и хлопал плащами. Вон Красный Скиталец смотрит сквозь голые ветви — вольный народ зовет его Вором. «Женщин лучше всего красть, когда Вор в Лунной Деве», — всегда говорила Игритт. А великанов когда или там мертвецов?

Близился рассвет, когда они снова увидели Стену.

Рог часового, словно огромная птица, пропел единожды: разведчики возвращаются. Большой Лиддль протрубил в собственный рог. Они подождали у ворот, пока Скорбный Эдд отодвигал засовы и поднимал решетку. Увидев кучку одичалых в лохмотьях, Эдд поджал губы, а великана долго рассматривал.

— Этого маслом придется смазать, чтобы пролез, милорд. Послать в кладовую?

— Попробуем обойтись без масла.

Сказано — сделано. Великан опустился на четвереньки и пополз. В нем было не меньше четырнадцати футов — больше даже, чем в Меге Могучем. Мег погиб в этом самом туннеле, ведя смертный бой с Доналом Нойе… Слишком много хороших людей потерял Дозор.

— Ты говоришь на его языке — позаботься о нем, — попросил Джон Кожаного. —

Вели его накормить, найди ему место где-нибудь у огня и будь при нем неотлучно, чтобы его не вздумали задирать.

— Ладно, — сказал Кожаный, помедлил и добавил: — Милорд.

Живых одичалых отправили врачевать раны. Джон надеялся, что горячая еда и теплая одежда помогут им оправиться, хотя Рогоногий скорее всего лишится обеих ступней. Мертвых отнесли в ледовые камеры.

Джон, вешая плащ, краем глаза заметил Клидаса, оставившего письмо на столе. Из Восточного Дозора или Сумеречной Башни, больше неоткуда… Хотя воск не черный, а золотой. Печать — голова оленя в пылающем сердце. Станнис! Джон вскрыл письмо, развернул, прочел. Рука мейстера, слова короля.

Станнис вместе с горными кланами взял Темнолесье. Флинты, Норри, Вуллы, Лиддли — все были с ним.

Другую помощь, нежданную и оттого еще более ценную, король получил от дочери Медвежьего острова. Алисанна Мормонт, прозванная Медведицей, спрятала своих людей в рыбачьих лодках под неводами и захватила врасплох отчаливших от берега Железных Людей.

Ладьи Аши Грейджой захватили или сожгли, уцелевшие бойцы сдались в плен. За капитанов, рыцарей, видных воинов король возьмет выкуп, остальных намерен повесить…

Ночной Дозор обязуется не принимать ничьей стороны в раздорах внутри государства, но Джон был доволен.

Прослышав о победе, под знамя Станниса пошли северяне, продолжал читать он. Рыбаки, вольные всадники, дровосеки из Волчьего леса, крестьяне, бежавшие с Каменного Берега от Железных Людей, солдаты, выжившие в битве у Винтерфелла, присяжные люди Хорнвудов, Сервинов, Толхартов. «Нас уже пять тысяч, — писал король, — и численность растет с каждым днем. Меня известили, — говорилось далее, — что Русе Болтон со всем своим войском идет в Винтерфелл, дабы женить там своего бастарда на твоей младшей сестре. Нельзя допустить, чтобы он снова укрепил замок, поэтому мы выступаем туда же. Арнольф Карстарк и Морс Амбер присоединятся к нам по пути. Я спасу твою сестру, если сумею, и найду ей жениха лучше, чем Рамси Сноу. До моего возвращения за Стену отвечаешь ты со своими братьями».

«Писано при Свете Владыки», — гласила сделанная другой рукой подпись. Скреплено печатью Станниса из дома Баратеонов, первого этого имени, короля андалов, ройнаров и Первых Людей, владетеля Семи Королевств, Хранителя Государства.

Отложенное письмо тут же свернулось опять, оберегая свои секреты. Последняя его часть Джону не слишком понравилась. При Винтерфелле и раньше происходили сражения, но без Старка на той или иной стороне не обходилось ни разу.

— Там остались одни развалины. Это не Винтерфелл, а его призрак. — Джону почему-то стало легче, когда он сказал это вслух.

Любопытно, сколько мечей приведет Воронье Мясо, сколько соберет Арнольф Карстарк. Второй Амбер будет драться под знаменем Дредфорта, и больше половины латников обоих домов так и не вернулись, уйдя на юг с Роббом. Винтерфелл, даже разрушенный, будет хорошей подмогой тем, кто его займет. Роберт Баратеон сразу смекнул бы это и двинулся на замок ускоренным маршем, совершая прославившие его ночные набеги. Сравнится ли с ним в доблести его брат?

Вряд ли. Станнис — осторожный военачальник, и войско его представляет собой недоваренную кашу из горцев, южных рыцарей, людей королевы и людей короля, посоленную крупицами северных лордов. Но если поход на Винтерфелл не будет молниеносным, его лучше отменить вовсе. Не дело Джона советовать королю, и все же…

Он еще раз пробежал глазами письмо. «Спасу твою сестру, если сумею». Несвойственная Станнису доброта, немного подпорченная этим «если сумею», не говоря уж о завершении: «найду ей жениха лучше, чем Рамси Сноу». Но что, если Арьи там не окажется? Если пламя леди Мелисандры сказало правду, и сестра бежала из плена? Хотел бы

Джон знать, как это ей удалось. Арья всегда была умницей, но ведь она еще ребенок, а Русе Болтон не из тех, кто упустит столь ценный трофей.

Может также статься, что Арьи у него вовсе не было, а свадьба — всего лишь уловка, чтобы подстроить Станнису западню. Эддард Старк, у которого, насколько Джон знал, не было причин жаловаться на Болтона, тихоголосому белоглазому лорду не доверял никогда.

Девочка в сером на умирающей лошади, бегущая от своего жениха. Под влиянием этих слов Джон отпустил Манса-Разбойника и дал ему шестерых копьеносиц, молодых и пригожих, как тот просил. Мнимо сожженный король назвал имена, а Скорбный Эдд ловко вывел названных из Кротового городка. Сейчас это казалось Джону чистым безумием. Надо было зарубить Манса, как только тот открыл свое подлинное лицо. Бывший Король за Стеной — хоть и вызывает невольное восхищение — клятвопреступник и перебежчик. Веры ему еще меньше, чем Мелисандре, однако Джон все же надеется на него. Лишь бы сестру спасти… Хотя в Ночном Дозоре ни у кого нет сестер.

В Винтерфелле героем Джона был Молодой Дракон, завоевавший Дорн в четырнадцать лет. Джон Сноу вопреки своему незаконному происхождению — а может быть, именно из-за него, — мечтал прославиться, как король Дейерон, и стать таким же завоевателем. Теперь он вырос и отвечает за Стену, но не в силах побороть даже сомнения, которые одолевают его.

ДЕЙЕНЕРИС

— Не следовало бы вашему величеству дышать этими миазмами, — морща нос, заметил сир Барристан.

Смрад здесь в самом деле стоял удушающий.

— Я от крови дракона, — напомнила Дени. — Видели вы когда-нибудь дракона с поносом?

Визерис часто повторял, что Таргариенов никакая зараза не трогает, и это, судя по всему, было правдой. Дени случалось мерзнуть, голодать и бояться, но она никогда ничем не болела.

— И все-таки вашему величеству лучше вернуться в город. — Разноцветные кирпичные стены Миэрина виднелись в полумиле от лагеря. — От кровавого поноса страдали все армии, начиная с Рассветных Веков. Позвольте нам самим раздать пищу.

— Раздадите завтра. Я все равно уже здесь. — Дени пустила Серебрянку рысью. Чхого ехал впереди, Агго и Ракхаро с длинными дотракийскими кнутами — сразу за ней. Справа на сером в яблоках коне следовал сир Барристан, слева Саймон Исполосованный из Вольных Братьев и Марслин из Детей Неопалимой. Полсотни конных — дотракийцы, Бронзовые Бестии, вольноотпущенники — охраняли повозки с провизией; отвращение к порученному делу связывало их воедино.

Следом тянулась жуткая процессия астапорцев, удлинявшаяся с каждым пройденным ярдом. Некоторые говорили на языках, незнакомых Дени, другие совсем не могли говорить. Многие тянули к ней руки и становились на колени, когда она проезжала.

— Матерь, — взывали они на диалектах Астапора, Лисса, Волантиса, на гортанном дотракийском, певучем квартийском, даже на общем языке Вестероса. — Матерь, помоги… спаси больную сестру… накорми малышей… мой старый отец… помоги, помоги, помоги…

Дени с отчаянием сознавала, что помочь им не в силах. В лагере за стенами Миэрина их несколько тысяч: мужчин, женщин, детей, стариков, новорожденных младенцев. Больных много, голодных еще больше, и все они обречены на скорую смерть. Дени не осмелится открыть им ворота. Она сделала что могла: послала им лекарей, Лазурных Благодатей, заклинателей и цирюльников. Многие целители заразились сами, и никто не приостановил занесенного сивой кобылой мора. Крепкие Щиты стойко пытались отделить больных от здоровых, разлучая мужей с женами и детей с матерями. Беженцы рыдали, отбивались и швырялись камнями; через несколько дней больные перемерли, а здоровые заболели.

Кормить их тоже затруднительно. Еду в лагерь возят каждый день, но людей там все

больше, запасов все меньше, и не так просто найти возниц, согласных ехать туда: зараза слишком прилипчива, а нападения на обратном пути учащаются. Вчера, когда убили двух солдат и перевернули повозку, Дени решила отправиться в лагерь сама. Все советники — Резнак, Лысый и сир Барристан — протестовали с пеной у рта, но успеха не добились.

— Я не стану отворачиваться, — твердила она. — Королева должна видеть, как страдает ее народ.

Чего-чего, а страданий у них в избытке.

— Многие из них приехали на лошадях или мулах, а теперь животных не осталось ни одного — всех съели, — докладывал Марслин. — Крыс и бродячих собак они тоже извели; кое-кто за мертвецов принимается.

— Человек не должен есть человека, — заявил Агго.

— Это все знают, — подтвердил Ракхаро. — Их постигнет проклятие.

— По-твоему, оно еще не постигло их? — спросил Саймон.

Дети с раздутыми животиками были слишком слабы или напуганы, чтобы просить подаяния. Изможденные люди испражнялись кровью среди песка и камней — у них недоставало сил доползти до канав, которые велела выкопать Дени. Две женщины дрались из-за голой кости, мальчик поедал крысу, сжимая другой рукой заостренную палку, чтобы никто не отнял. Черный плащ, покрывавший распростертого на земле человека, оказался несметным полчищем мух. Похожие на скелеты женщины прижимали к груди умирающих детей.

— Матерь… — лепетали те, кто еще мог. — Помоги… да благословят тебя боги…

Благословят они, как же. Астапор сгорел дотла, умирают его жители сотнями, а у нее нет для них ни пристанища, ни лекарств, ни надежды. Черствый хлеб, червивое мясо, засохший сыр, немного молока — вот и все. Да благословят ее боги.

Что это за мать, которой нечем кормить детей?

— Мертвых надо бы сжечь, — сказал Агго.

— И кто же будет это делать? — осведомился сир Барристан. — Каждую ночь их умирает не менее ста.

— Нехорошо это — трогать мертвых, — сказал Чхого.

— Это все знают, — хором отозвались Ракхаро и Агго.

— Но что-то делать все-таки нужно, — подытожила Дени. — Я поговорю с Серым Червем: Безупречные покойников не боятся.

— Безупречные — лучшие ваши воины, — возразил сир Барристан. — Нельзя подвергать их такому риску. Пусть астапорцы избавляются от своих мертвецов сами.

— Они слишком слабы для этого, — сказал Саймон.

— Им бы побольше еды… — заикнулась Дени.

— Нельзя тратить запасы на умирающих, — строго ответил Саймон. — Живым уже не хватает.

Он, в общем, прав, но тяжело в очередной раз слышать это.

— Мы уже далеко отъехали, покормим их здесь. — Дени вскинула руку, повозки остановились, всадники выстроились вокруг.

— Дождитесь очереди, — кричали они напирающим астапорцам. — Не толкайтесь, всем хлеба дадим. Потерпите!

— Сир, — не выдержала Дени, — неужели мы ничего больше не можем им уделить?

— Нам нужно кормить солдат, ваше величество. Город скорее всего ждет осада: Воронам-Буревестникам и Младшим Сыновьям не под силу обратить врага вспять. Если бы ваше величество разрешили мне набрать армию…

— Если нам предстоит битва, лучше вести ее за стенами Миэрина. Пусть-ка попробуют взять их приступом. Может быть, мы поделим запасы поровну?

— Астапорцы съедят свою часть за несколько дней, а доля города сильно убавится.

Воздух гудел от криков и мух.

— Боги наслали этот мор в назидание мне… Но я не допущу, чтобы здесь ели трупы.

Скачи к воротам, Агго, и приведи сюда Серого Червя с полусотней его Безупречных.

— Кровь твоей крови повинуется, кхалиси. — Агго умчался, а сир Барристан снова завел свое:

— Не стоит здесь оставаться, ваше величество. Еду уже раздают, а больше мы ничего для этих несчастных сделать не можем. Прошу вас, поедемте.

— Ступайте, если желаете, сир. Я никого не задерживаю, — сказала Дени и спешилась. — Я не могу их вылечить, но пусть они видят, что их матери есть дело до них.

— Кхалиси, нет! — Чхого тоже спрыгнул с коня, звякнув вплетенным в волосы колокольчиком. — Не подходи! Не позволяй им прикоснуться к тебе!

Дени шла прямиком к лежащему на земле старику — он стонал, глядя в небо.

— Он весь горит, — сказала она, потрогав его лоб под грязными волосами. — Его надо выкупать, можно в морской воде — не привезешь ли, Марслин? И масло для погребального костра тоже. Кто поможет мне хоронить мертвых?

Когда Агго вернулся с бегущими за его конем Безупречными, Дени помогали все, кто с ней был. Саймон Исполосованный со своими людьми отделял живых от мертвых и складывал тела в груду, дотракийцы сопровождали ходячих к морскому берегу для мытья и стирки одежды. Агго вытаращил глаза, дивясь такому безумию, но Серый Червь опустился на колени и сказал, что готов служить.

К полудню в лагере загорелось десять костров. Жирный черный дым поднимался к равнодушному небу.

— Ваше великолепие, — сказал Серый Червь перепачканной копотью Дени, — ваши слуги просят позволения омыться в соленой воде, завершив эту работу, и очиститься по закону нашей великой богини.

Дени не знала, что у евнухов есть свое божество.

— Что это за богиня? Гискарская?

— У нее много имен, — смутился Серый Червь. — Владычица Копий, Жена-Воительница, Матерь Многих, но истинное ее имя ведомо только тем, кто сжег свое мужское естество на ее алтаре. Ваш слуга нижайше просит прощения: с посторонними о ней нельзя говорить.

— Купайтесь, я разрешаю. Спасибо за помощь.

— Мы покорные ваши слуги.

К себе в пирамиду Дени вернулась разбитая телом и духом. Миссандея читала старый свиток, Ирри и Чхику спорили из-за Ракхаро.

— Ты тощая, как мальчишка, — говорила Чхику, — а Ракхаро с мальчиками не спит, это все знают.

— Все знают, что ты корова, — огрызалась Ирри, — а с коровами Ракхаро тоже не любится.

— Ракхаро — кровь моей крови. Его жизнь принадлежит мне, а не вам, — прекратила спор Дени. Ракхаро за время своего отсутствия вырос почти на полфута, набрал мускулов, вплел четыре колокольчика в косу и возвышался над Чхого и Агго, что не укрылось от внимания обеих служанок. — Мне нужно выкупаться. — Никогда еще она не чувствовала себя такой грязной. — Сожги всю одежду, что была на мне, Чхику. Пусть Квецца даст мне взамен что-нибудь легкое — очень уж жарко.

Дени с блаженным вздохом погрузилась в бассейн на террасе; туда же по ее приказу залезла и Миссандея.

— Вашей слуге ночью снилось, что астапорцы скребут городскую стену, — сказала девочка, принимаясь тереть Дени спину.

— Глупости, — воскликнула Чхику. — Что значит «скребут»?

— Руками. Кирпич старый и крошится. Прорoют ход и войдут в город.

— На это у них уйдет много лет, — рассудила Ирри. — Стены очень толстые, это все знают.

— Это все знают, — согласилась с ней Чхику.

— Мне они тоже снятся. — Дени взяла девочку за руку. — Но их лагерь в полумиле от города, милая, — в стену они никак не могут скрестись.

— Вашему величеству лучше знать. Голову тоже помыть? Пора, мне кажется. Резнак мо Резнак и Зеленая Благодать придут говорить…

— О свадьбе. — Дени села, произведя громкий плеск. — Чуть не забыла. — Видимо, ей очень хотелось забыть. — А после них я буду обедать с Гиздаром. Принеси зеленый токар, Ирри, — шелковый, с мирийскими кружевами.

— Зеленый в починке, кхалиси — кружево оторвалось. Зато голубой в исправности.

— Хорошо, неси голубой — им, думаю, все равно.

Права она оказалась только наполовину. Жрица и сенешаль умилились, что она, как подобает миэринской аристократке, надела токар, но истинной их целью было раздеть ее донага.

— Не хочу никого обижать, — сказала Дени, выслушав их, — но матери и сестрам Гиздара я голой показываться не стану.

— Но это необходимо, ваше величество, — заморгал Резнак. — Перед свадьбой родственницы жениха всегда осматривают чрево и… женские части невесты. Дабы удостовериться, что она хорошо сложена и…

— …способна к продолжению рода, — завершила Галацца Галар. — Это древний ритуал, ваша блистательность. Три Благодати, присутствующие при церемонии, произнесут подобающие молитвы.

— А затем, — подхватил Резнак, — все едят особый женский пирог. Его пекут только к свадьбе, и мужчинам не позволяется его пробовать. Вкус, мне говорили, просто волшебный…

Существует ли пирог для бесплодного чрева и женских частей, на которых лежит проклятие?

— Гиздар зо Лорак сможет обозреть это все после свадьбы. — Кхал Дрого никакого изъяна в ней не нашел, чем Гиздар лучше? — Пусть его матушка и сестрицы осмотрят одна другую и съедят свой пирог без меня. И ноги благородному Гиздару тоже не буду мыть.

— Ваше великолепие не совсем понимает, — ужаснулся Резнак. — Омовение ног освящено традицией. Тем самым вы показываете, что готовы быть служанкой вашего мужа. А свадебный наряд, также традиционный, состоит из темно-красного покрывала и белого шелкового токара с каймой из мелкого жемчуга…

Кроличья королева не должна венчаться без длинных ушей.

— Я же дребезжать буду.

— Жемчуг символизирует плодородие. Чем больше жемчужин, тем больше здоровых детей.

— Зачем мне столько детей? Если бы мы женились по вестеросским обычаям…

— Боги Гиса не сочли бы законным такой союз. — Из-под шелкового покрывала Галаццы Галар виднелись только глаза — такие же зеленые, мудрые и печальные. — Для жителей этого города вы были бы благородному Гиздару наложницей, а не законной женой, а ваши дети — бастардами. Брак должен быть заключен в Храме Благодати в присутствии всех миэринских вельмож.

Хороший предлог выманить их из пирамид, по словам Даарио. Отбросив эту мысль как недостойную, Дени вздохнула.

— Хорошо. Я принесу свой брачный обет в Храме Благодати, завернутая в белый токар с мелким жемчугом. Еще что-нибудь?

— Всего одна мелочь, ваше великолепие, — сказал Резнак. — Ко дню свадьбы было бы хорошо открыть бойцовые ямы. Сделав такой подарок Гиздару и своим верноподданным, вы бы дали понять, что готовы следовать древним обычаям Миэрина.

— И богам это угодно, — мягко добавила Зеленая Благодать.

Оплаченное кровью приданое. Дени устала вести этот бой, и даже сир Барристан не верил больше в ее победу. «Ни один правитель не способен изменить людей к лучшему, —

говорил он. — Бейелор Благословенный молился, постился и выстроил Семерым великолепнейший храм, но войны и нужда от этого не перестали существовать». Королева должна прислушиваться к мнению своего народа.

— Гиздар после свадьбы станет королем, вот сам пусть и открывает. Я не хочу быть причастной к этому. — Кровь будет не на ее руках — на его. Дени встала. — И если мой муж хочет, чтобы я омыла ему ноги, пусть сперва омоет мои — я так и скажу ему вечером. — Любопытно, как воспримет такие слова ее нареченный.

Ее беспокойство было напрасным. Гиздар зо Лорак прибыл через час после заката в токаре винного цвета, окаймленном золотой полосой с золотыми же бусинами. Дени, наливая ему вино, пересказала свою беседу со жрицей и Резнаком.

— Давно пора отказаться от всего этого, — сказал в ответ Гиздар. — Миэрин слишком долго варился в соку нелепых старых поверий. Дейенерис, королева моя, — добавил он, поцеловав ее руку, — если для того, чтобы стать вашим королем и супругом, вас нужно омыть с головы до пят, я охотно сделаю это.

— Чтобы стать моим королем и супругом, надо всего лишь добиться прочного мира. Скахаз говорит, что вы получили кое-какие послания?

— Да, получил. — Гиздар, весьма довольный собой, скрестил длинные ноги. — Юнкай готов заключить мир — на определенных условиях. Прекращение работорговли причинило великий вред всему миру; Юнкай требует, чтобы мы выплатили ему и его союзникам контрибуцию в золоте и драгоценных камнях.

Ну, это пустяки.

— Что еще?

— Юнкай восстановит рабство как у себя, так и в Астапоре. Вы не должны препятствовать этому.

— Юнкай восстановил рабство, не успела я удалиться от его стен на две лиги, и что же? Разве я вернулась назад? Король Клеон умолял меня пойти на Юнкай совместно, но я осталась глуха к его мольбам. Сколько раз мне повторять, что я не желаю воевать с ними? Каких им еще заверений?

— В том-то и подвох, моя королева. Никаким вашим обещаниям Юнкай, увы, не поверит. Они без конца поминают о неком после, которого воспламенили ваши драконы.

— Сгорел только его токар, — бросила Дени.

— Тем не менее Юнкай и Новый Гис к вам не питают доверия. Слова — это ветер, как вы сами изволите говорить. Словами вы себе мира не обеспечите: ваши недруги требуют дел. Они ждут нашей свадьбы и моей коронации.

Дени, страстно желая вылить вино прямо ему на голову и смыть с его лица сострадательную улыбку, вновь наполнила его чашу.

— Брак или бойня, свадьба или война. Таков, значит, мой выбор?

— Мне думается, он очевиден, ваша блистательность. Произнесем свои обеты перед богами Гиса и будем создавать новый Миэрин вместе.

Обдумывая ответ, Дени услышала шаги за спиной. Повара обещали приготовить любимое блюдо Гиздара — собаку в меду, начиненную перцем и сливами, — но это был не подающий на стол слуга, а сир Барристан. Отмытый дочиста, весь в белом, с длинным мечом на боку.

— Извините, что беспокою, ваше величество, — сказал он с поклоном. — Я решил незамедлительно сообщить вам, что в город вернулись Вороны-Буревестники со свежими новостями. Юнкайцы, как мы и опасались, выступили в поход.

— Королева изволит ужинать, — с легким раздражением заметил Гиздар. — Наемники могли бы и подождать.

— Я попросил лорда Даарио вручить письменный доклад мне, как приказывали ваше величество, — не обращая на него внимания, продолжал рыцарь, — но он засмеялся и сказал, что напишет его собственной кровью, если ваш маленький писец покажет ему, как это делается.

— Кровью? — вскричала Дени. — Что это, шутка? Я, конечно же, приму его лично. — Она совсем еще молода, а молоденькие женщины славятся своей переменчивостью. — Созовите моих капитанов… Вы, Гиздар, простите меня, я уверена.

— Миэрин прежде всего, — улыбнулся ее жених. — У нас впереди еще много ночей… тысяча.

— Сир Барристан вас проводит. — Дени выбежала прочь, скликая служанок: капитана в токаре принимать не годится. Дени перемерила дюжину платьев и отвергла предложенную Чхику корону.

При виде преклонившего колено Даарио Нахариса у нее сжалось сердце. В его волосах запеклась кровь, на виске багровела свежая рана, правый рукав был красен по локоть.

— Вы ранены, — прошептала Дени.

— Вы об этом? — Даарио потрогал висок. — Арбалетчик целил мне в глаз, но я обогнал стрелу. Торопился домой, погреться в лучах улыбки моей королевы. А это, — он тряхнул рукавом, — не моя кровь. Один мой сержант подговаривал меня перейти к юнкайцам. Сердце, вырванное у него из груди, я вез в дар моей серебряной королеве, но меня окружили четверо шипящих Котов. Отбиваясь, я швырнул кому-то из них в лицо сердце изменника.

— Доблестное деяние, — произнес сир Барристан тоном, противоречащим сказанному, — но вы, как я понял, имеете сказать ее величеству нечто важное?

— Вести у меня плохие, сир дедушка. Астапор пал, и рабовладельцы идут на север всем своим войском.

— Эта новость уже протухла, — буркнул Лысый.

— Как говорила твоя матушка о поцелуях отца, — не замедлил с ответом Даарио. — Я приехал бы намного быстрее, сладчайшая королева, но в холмах от юнкайских наемников продыху нет — целых четыре отряда! Вашим Воронам-Буревестникам пришлось прорубать себе путь мечами, и это еще не самое худшее. Юнкайцы идут по прибрежной дороге с четырьмя легионами из Нового Гиса, сотней одетых в броню слонов, толосскими метателями камней и квартийцами на верблюдах. Еще два гискарских легиона сели на корабль в Астапоре. Если верить взятым нами пленникам, они намерены высадиться за Скахазадханом и отрезать нас от Дотракийского моря.

Дени морщилась всякий раз, когда капля крови падала с его рукава на мраморный пол.

— Велики ли потери? — спросила она.

— Наши-то? Не считал; мы приобрели больше, чем потеряли.

— Вы о перебежчиках?

— Да, к нам пришли храбрецы, желающие сразиться за правое дело. Они вам понравятся, моя королева: один, топорщик с островов Василиска, побольше Бельваса будет. Есть и вестероссцы, десятка два — эти из Сынов Ветра, Юнкай им чем-то не угодил. Из всех выйдут славные Буревестники.

— Что ж, хорошо. — Дени не привередничала: у Миэрина каждый меч на счету.

— Вы упомянули о четырех вольных отрядах, — хмуро напомнил сир Барристан, — нам же известны только три: Сыны Ветра, Длинные Копья и Дикие Коты.

— Вы мастер считать, сир дедушка. К Юнкаю переметнулись Младшие Сыновья. Тьфу на Бурого Бена Пламма! Дайте только встретить его в бою — я вскрою ему грудь и вырву его черное сердце.

Дени не находила слов. Она так доверяла Бену! Перед ней стояло его смуглое лицо с перебитым носом, белые волосы, морщинки в уголках глаз. Даже драконы любили старого Бена, а он похвалялся, что в нем есть капля драконьей крови. *Три измены должна ты испытать… одну из-за золота, одну из-за крови, одну из-за любви* . Которую из них приписать Бену Пламму — третью или вторую? И куда в таком случае отнести медведя-изменника сира Джораха? Неужели никому из ее друзей нельзя доверять? Что толку в пророчествах, если они не поддаются разгадке. Не выйти ли ей за Гиздара еще до восхода солнца, чтобы все эти армии испарились, как утренняя роса?

Слова Даарио вызвали большой шум. Резнак скулил, Лысый бранился, кровные всадники клялись отомстить, Силач Бельвас бил себя по животу кулаком и обещал съесть сердце Бена с луком и сливами.

— Тише, прошу вас, — воззвала Дени, но расслышала ее одна Миссандея. Королева поднялась на ноги. — Тихо! С меня довольно.

— Приказывайте, ваше величество, — опустился на одно колено сир Барристан. — Мы почтительно внемлем вам.

— Будем продолжать то, что задумали. Запасем как можно больше провизии. — Если она оглянется назад, ей конец. — Запрем ворота, поставим на стены всех боеспособных мужчин. Никто не должен входить в город и выходить из него.

— А как нам быть с астапорцами? — после недолгого молчания спросил Резнак.

Дени хотелось вопить, скрежетать зубами, рвать на себе одежду и биться об пол.

— Кажется, мой приказ ясен: закрыть ворота. — Они ее дети, но она больше ничего не может сделать для них. — Оставьте меня все, кроме Даарио. Я еще не обо всем его расспросила, да и рану нужно промыть.

Когда все другие откланялись, Дени поднялась с Даарио в свою спальню. Ирри обмыла рану на виске уксусом, Чхику перевязала.

— Твоя одежда в крови, — сказала королева, отпустив их. — Сними ее.

— Если и ты свою снимешь, — молвил Даарио, скрепив слова поцелуем.

Его волосы пахли кровью, дымом, конем, губы были твердые и горячие.

— Я думала, что меня предашь ты, — проговорила, трепеща, Дени. — «Одна измена из-за золота, одна из-за крови, одна из-за любви» — так сказали мне колдуны. О Буром Бене я и не помышляла… даже мои драконы доверяли ему. Обещай, что никогда меня не предашь, — потребовала она, держа капитана за плечи. — Этого я не вынесу. Обещай.

— Никогда, любимая. Обещаю.

— Я поклялась выйти за Гиздара зо Лорака, если он подарит мне девяносто дней мира, но теперь… Я возжелала тебя с первого взгляда, но как мне было отдаться наемнику, неверному, переменчивому? Ты хвастался, что спал с сотней женщин.

— С сотней? — Даарио ухмыльнулся в пурпурную бороду. — Я лгал, моя королева. Женщин у меня была тысяча, а вот дракона ни одного.

— Чего же ты ждешь? — спросила она, подставив губы для поцелуя.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДОМ БАРАТЕОНОВ

Самый младший из великих домов; возник во время Завоевательных войн. Основатель

его, Орис Баратеон, по слухам, был незаконнорожденным братом Эйегона Дракона. Орис возвысился, став одним из наиболее свирепых полководцев Эйегона. Когда Орис победил и убил Аргилака Надменного, последнего короля Шторма, Эйегон наградил его замком Аргилак, землями и дочерью. Орис взял девушку в жены, принял знамя, почести и девиз ее рода. На 283 году от Завоевания Эйегона Роберт из дома Баратеонов, лорд Штормового Предела, сместил Безумного Короля Эйениса Второго Таргариена и занял Железный Трон. Его бабка была дочерью Эйегона Пятого, но Роберт всегда говорил, что право на престол добыл единственно боевым молотом. Знак Баратеонов — коронованный олень, черный на золотом поле; девиз их — «Нам ярость».

ДОМ СТАРКОВ

Происхождение Старков восходит к Брандону-Строителю и древним Королям Зимы. Тысячи лет они правили в Винтерфелле, называя себя Королями Севера, пока наконец Торрхен Старк, Король, Преклонивший Колено, решил присягнуть на верность Эйегону Драконовластному, а не сражаться с ним. Когда король Джоффри казнил лорда Эддарда Старка из Винтерфелла, северные лорды отреклись от присяги Железному Трону и провозгласили Роба, сына Эддарда, новым королем Севера. Во время Войны Пяти Королей Робб не проиграл ни одного сражения, но был предан и убит Фреями и Болтонами в Близнецах, на свадьбе своего дяди. На гербе Старков серый лютоволк мчится на снежно-белом фоне. Девиз Старков — «Зима близко».

ДОМ ЛАННИСТЕРОВ

Светловолосые, высокие и красивые Ланнистеры являются потомками андалов-завоевателей, создавших могучее королевство в Западных холмах и долинах. По женской линии они претендуют на происхождение от Ланна Умного, легендарного шута Века Героев. Золото Бобрового Утеса и Золотого Зуба сделало их самыми богатыми среди великих домов. Ланнистеры из Бобрового Утеса остаются главной опорой короля Томмена в борьбе за Железный Трон. Их герб — золотой лев на алом фоне. Их девиз — «Услышь мой рев!».

ДОМ АРРЕНОВ

Аррены происходят от Королей Горы и Долины, это одна из стариннейших и самых чистых линий андальской знати. Их знак — месяц и сокол, белые на небесно-синем фоне. Девиз Арренов — «Высокий как честь». Аррены не принимали участия в Войне Пяти Королей.

ДОМ ТАЛЛИ

Талли никогда не были королями, хотя они владеют богатыми землями и великим замком Риверрана уже тысячу лет. Во время Завоевательных войн Речной край принадлежал Харрену Черному, Королю Островов. Дед Харрена, король Харвин Жестокая Рука отобрал Трезубец у Аррека, короля Шторма, чьи предки захватили весь край вплоть до Перешейка три столетия назад, убив наследника прежних королей Реки. Подданные не любили тщеславного и кровожадного тирана Харрена Черного, и многие из речных лордов, оставив его, присоединились к войску Эйегона. Первым среди них был Эдмин Талли из Риверрана. Когда Харрен и его род погибли при пожаре Харренхолла, Эйегон возвысил дом Талли, наградив его главу Эдмина Талли властью над землями Трезубца. Лордам Реки пришлось присягнуть на верность новому властелину. Герб Талли — прыгающая форель, серебряная среди синих и красных волн. Девиз Талли — «Семья, долг, честь».

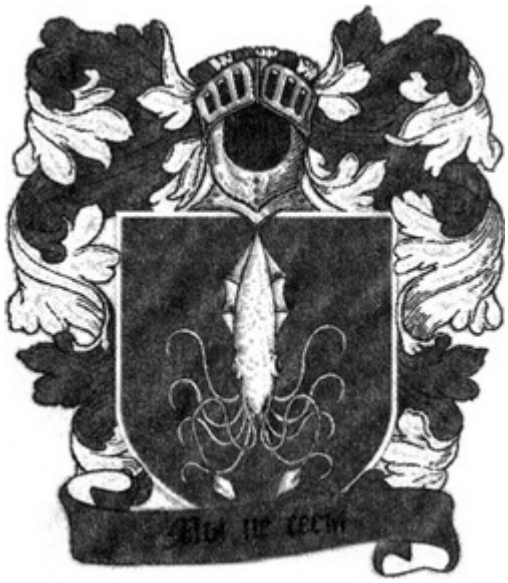
ДОМ ФРЕЕВ

Фреи — знаменосцы дома Талли, но не всегда исполняли свой долг с подобающим тщанием. В начале Войны Пяти Королей Роб Старк заручился поддержкой лорда Уолдера, пообещав взять в жены одну из его дочерей или внучек. Когда он, нарушив слово, женился на Жиенне Вестерлинг, Фреи вступили в сговор с Руссе Болтоном и убили Молодого Волка на свадьбе, получившей позднее название Красной. Герб Фреев — две башни, голубые на сером поле.

ДОМ ТИРЕЛЛОВ

Тиреллы возвысились как стюарды Королей Раздолья, власть которых распространялась на плодородные равнины, лежащие на северо-запад от Дорнской Марни и на юго-запад от Черноводной. По женской линии они претендуют на происхождение от венчанного лозами и цветами Гарта Зеленая Длань, короля и садовника, правителя Первых Людей, при котором край процветал. Когда король Мерн, последний представитель древней династии, пал на Пламенном поле, стюард его Харлен Тирелл сдал Хайгарден Эйегону-Завоевателю Таргариену и присягнул ему. Эйегон даровал ему замок и власть над Раздольем. В начале Войны Пяти Королей Мейс Тирелл принял сторону Ренли Баратеона и отдал ему руку своей дочери Маргери. По смерти Ренли Хайгарден заключил союз с домом Ланнистеров, и Маргери стала женой короля Джоффри. Знак Тиреллов — золотая роза на зеленом, как трава, поле. Их девиз: «Вырастая — крепнем».

РОД ГРЕЙДЖОЕВ



Грейджой из Пайка претендует на происхождение от Серого Короля из Века Героев. Легенды утверждают, что Серый Король правил не только Западными островами, но и самим морем, и даже был женат на русалке.

Тысячи лет пираты с Железных островов — Железными Людьми называли их те, кого они грабили, — сеяли на морях ужас, доплывая даже до Порт-Иббена и Летних островов. Они гордились своей свирепостью в битве и священной свободой. На каждом островке был свой король «камня и соли». Верховного правителя островов долго выбирали из их числа,

пока наконец король Уррон не учредил наследственное правление, перебив собравшихся на выборы королей. Род самого Уррона пресекся через тысячу лет, когда андалы захватили острова. Грейджой, как и прочие островные владыки, смешал свою кровь с кровью завоевателей.

Железные короли простерли свою власть за пределы самих островов, добывая себе владения на материке огнем и мечом. Король Кхоред справедливо хвастал тем, что власть его простирается повсюду, «где люди чуют запах соленой воды и слышат плеск волн». В последующие столетия наследники Кхореда утратили Бор, Старомест, Медвежий остров и большую часть западного побережья. Все же перед Завоевательными войнами король Харрен Черный правил всеми землями, что между гор — от Перешейка до Черноводной. Когда Харрен вместе с сыновьями пал, обороняя Харренхолл, Эйегон Таргариен отдал Речные земли дому Талли и позволил уцелевшим людям Железных островов возобновить свой древний обычай и избрать среди себя того, кто будет править ими. Они назвали лорда Викона Грейджоя, из Пайка. Знак Грейджоев — золотой кракен на черном поле. Их девиз — «Мы не сеем».

ДОМ МАРТЕЛЛОВ

Нимерия, воинствующая королева ройнаров, с десятью тысячами кораблей высадилась в Дорне, самом южном из Семи Королевств, и взяла в мужья лорда Морса Мартелла. С ее помощью он устранил всех, кто мешал ему добиться единоличной власти над Дорном. Ройнаров не забыли в стране. По обычаю правители Дорна называют себя принцами, а не королями. По местным законам земли и титулы наследуются старшим сыном. Лишь Дорн из всех Семи Королевств не был покорен Эйегоном Драконом. Постоянное присоединение состоялось лишь два века спустя — по браку и договору, а не мечом. Миролюбивый король Дейерон II преуспел там, где потерпели неудачи воины. Он женился на дорнийской принцессе Мириах и отдал свою сестру правящему принцу Дорнскому. Дорн был последним из семи королевств, присягнувших Железному Трону. В Войне Пяти Королей Дорн поначалу не принимал участия, но после помолвки принцессы Мирцеллы Баратеон с принцем Тристаном Мартеллом принял сторону короля Джоффри. На знамени Мартеллов красное солнце пронзено золотым копьем. Девиз их — «Непреклонные, несгибаемые, несдающиеся».

СТАРАЯ ДИНАСТИЯ ДОМ ТАРГАРИЕНОВ

Таргариены от крови дракона, потомки знатных лордов древнего Фригольда Валирии; о происхождении их свидетельствует потрясающая (некоторые утверждают — нечеловеческая) красота: сиреневые, индиговые или фиолетовые глаза, серебряные с золотым отливом или платиново-белые волосы.

Предки Эйегона уцелели при гибели Валирии и в последующем кровавом хаосе и поселились на Драконьем Камне, скалистом острове в Узком море. Именно отсюда Эйегон Драконовластный и его сестры Висенья и Рейенис отправились покорять Семь Королевств. Чтобы сохранить в чистоте королевскую кровь, в доме Таргариенов нередко предпочитали, придерживаясь валирийского обычая, выдавать сестру за брата. Сам Эйегон взял в жены обеих сестер и имел сыновей от каждой. На знамени Таргариенов изображен трехголовый дракон, красный на черном, три головы его символизируют Эйегона и его сестер. Девиз Таргариенов — «Пламя и кровь».

ДИНАСТИЯ ТАРГАРИЕНОВ
в годах от высадки Эйегона

1—37, Эйегон I, Эйегон Завоеватель, Эйегон Драконовластный.

37—42, Эейгон I, Сын Эйегона и Рейенис.

42—48, Мейегор I, Мейегор Жестокий, сын Эйегона и Висеньи.

48—103, Джейехерис I, Старый король, Умиротворитель, сын Эйениса.

103—129, Визерис I, Внук Джейехериса.

129—131, Эйегон II, Старший сын Визериса (Восшествию на престол Эейгона воспротивилась его сестра Рейенира, старшая на год. Оба погибли в междоусобной войне, названной сказителями Пляской Драконов).

131—157, Эйегон III, Губитель Драконов, сын Рейениры (Во время правления Эйегона III умер последний дракон Таргариенов).

157—161, Дейерон I, Юный Дракон, Король-мальчик, старший сын Эйегона III (Дейерон покорил Дорн, но не сумел его удержать и умер молодым).

161—171, Бейелор I, Возлюбленный, Благословенный, септон и король, второй сын Эйегона III.

171—172, Визерис II, Четвертый сын Эйегона III.

172—184, Эйегон IV, Недостойный, старший сын Визериса (Его младший брат, принц Эйемон Рыцарь-Дракон, назвал своей дамой королеву Нейерис и, по слухам, был ее любовником).

184—209, Дейерон II, Сын королевы Нейерис от Эйегона или Эйемона (Дейерон присоединил к государству Дорн своим браком на дорнийской принцессе Мириах).

209—221, Эйерис I, Второй сын Дейерона II (не оставил потомства).

221—233, Мейенар I, Четвертый сын Дейерона II.
233—259, Эйегон V, Невероятный, четвертый сын Мейенара.
259—262, Джейехерис II, Второй сын Эйегона Невероятного.
262—283, Эйерис II, Безумный король, единственный сын Джейехериса.

Династия королей-драконов пресеклась, когда Эйерис II был низвергнут и убит; наследник его кронпринц Рейегар Таргариен погиб от руки Роберта Баратеона у Трезубца.